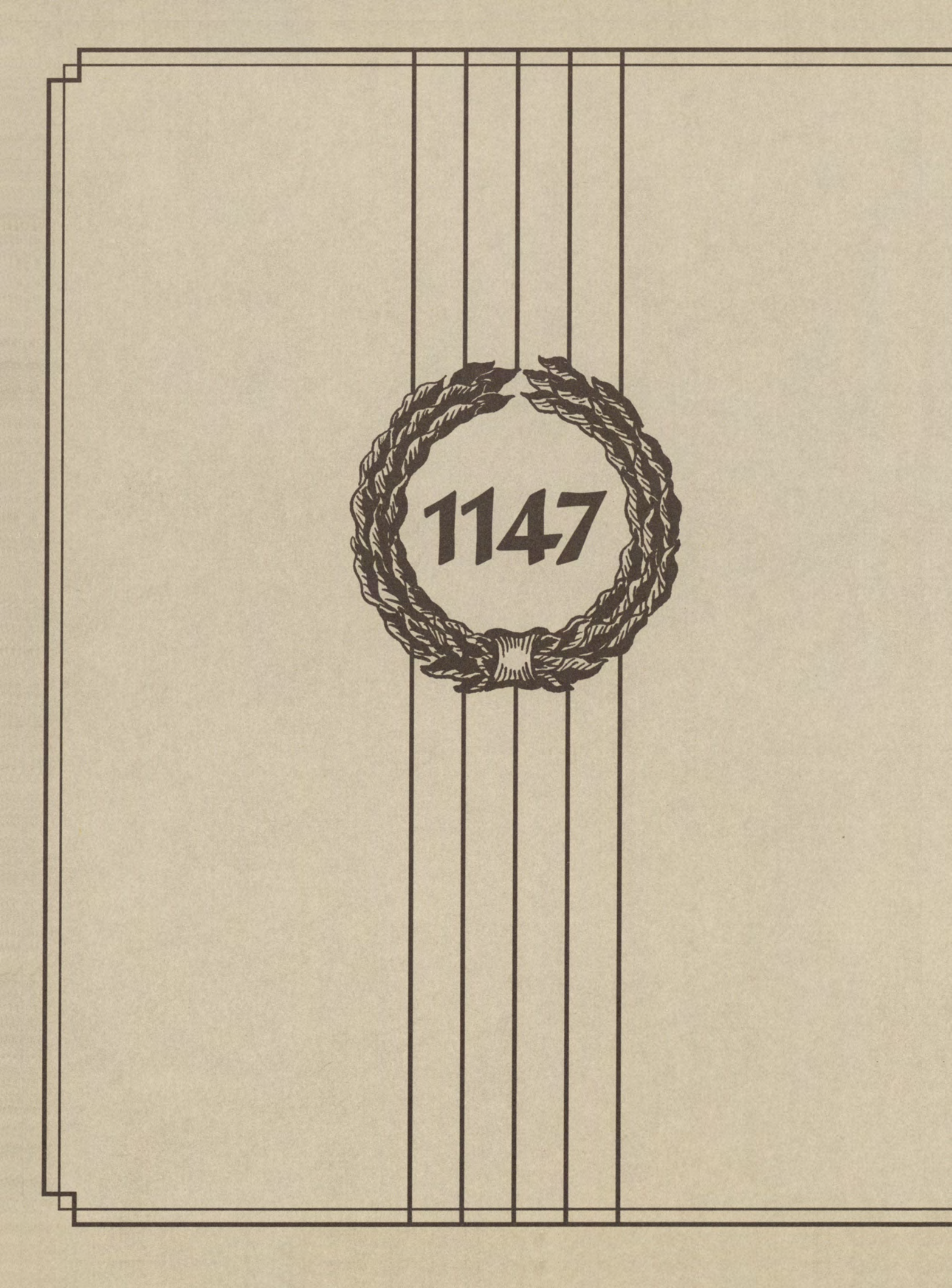
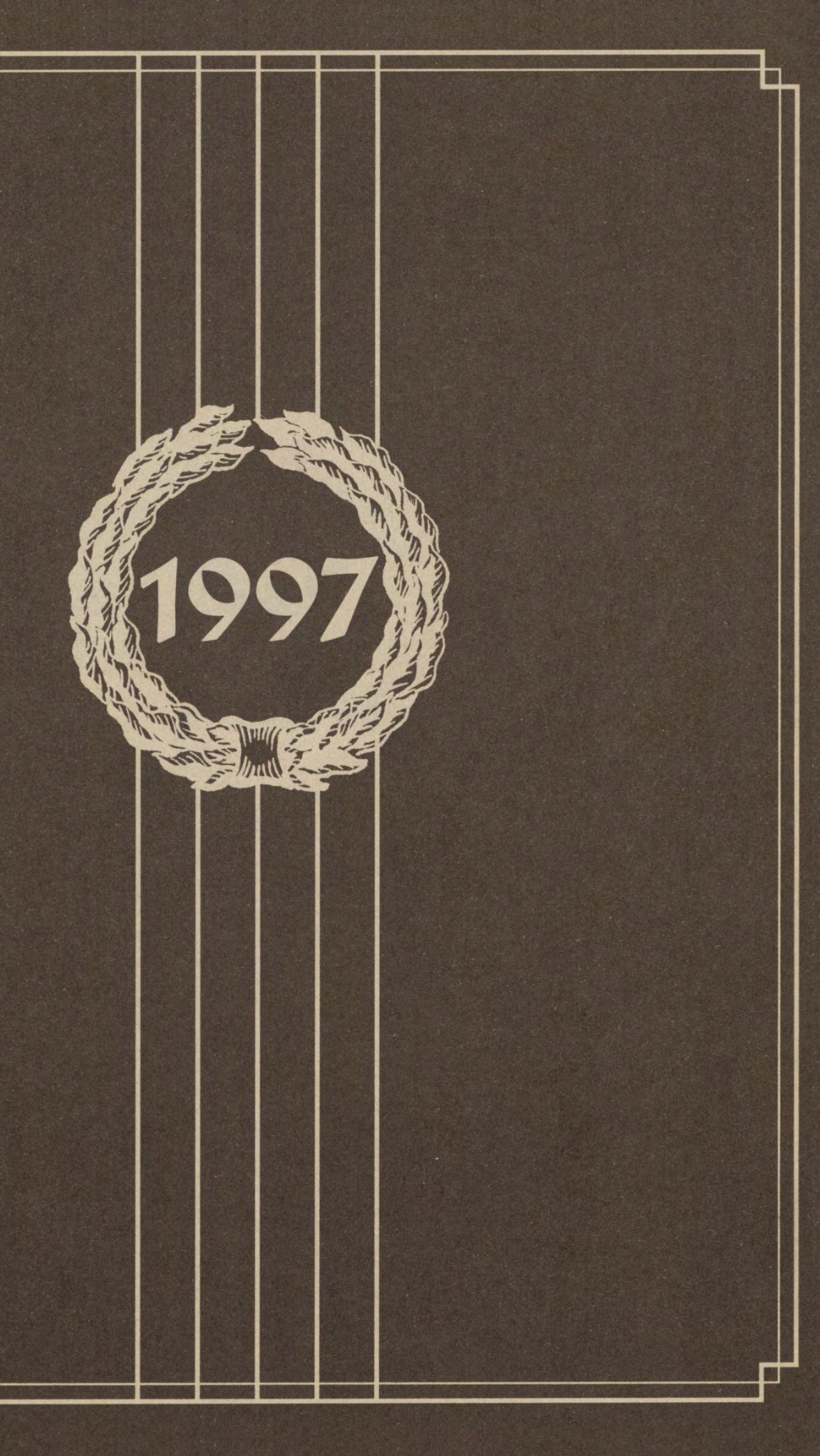
ИСТОРИЯ МОСКВЫ 3

ИСТОРИЯ МОСКВЫ


1147


1997

ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

МОСКОВСКОЕ ГОРОДСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ АРХИВОВ

850-летию
со дня основания Москвы
ПОСВЯЩАЕТСЯ

ИСТОРИЯ МОСКВЫ

с древнейших времен
до наших дней

В ТРЕХ
ТОМАХ

Издательство объединения
«МОСГОРАРХИВ»
Москва
2000

ИСТОРИЯ МОСКВЫ

XX век

ТОМ
ТРЕТИЙ

Издательство объединения
«МОСГОРАРХИВ»
Москва
2000

ББК 63:3 (2-2м)
И90

Под общей редакцией члена-корреспондента Российской Академии наук,
директора Института истории РАН А. Н. Сахарова

Редакционная коллегия тома:

Ю. С. Борисов (ответственный редактор),
М. М. Горинов, Л. В. Иванова, А. Н. Пономарев, А. К. Соколов, Ю. А. Поляков

Подбор иллюстраций Г. Я. Данилина

Оформление и макет В. А. Иванов

И90 История Москвы с древнейших времен до наших дней: В 3 т. – Т. 3: XX век.– М.: Издательство объединения «Мосгорархив», АО «Московские учебники и картолитография», 2000.– 424 с., ил.

Заключительный, третий том трехтомного издания «История Москвы с древнейших времен до наших дней» охватывает жизнь города на протяжении бурного XX столетия.

В основу тома положены новые, в значительной степени недоступные ранее архивные материалы. Они позволили авторам по-иному взглянуть на историю общественной жизни столицы – деятельность политических партий и движений, революционные события, глубже и полнее, чем в предшествующих публикациях, показать историю развития городского управления и хозяйства. В книге раскрывается жизнь огромного города во всех его проявлениях: рост и регулирование территорий; роль крупного политического, экономического, культурного и научного центра в жизни всей страны; всесторонние связи с регионами и другими государствами; новые явления в экономике столицы, в быту москвичей.

В книге воспроизведены рисунки, живописные полотна, карты и фотографии.

ISBN 5–7228–0079–1

МОСКВА В ИСТОРИИ XX ВЕКА

ПРЕДИСЛОВИЕ

В отличие от предыдущих томов, где счет велся на столетия, третий том «Истории Москвы» охватывает только один век, насыщенный, однако, важнейшими событиями. С этим связана особенность данной книги. Ее авторам пришлось преодолевать инерцию искаженных представлений об истории XX в. Результатом работы явилось существенное обновление концепции истории Москвы данного периода, разработанной на основе документов, впервые ставших доступными.

В XX в. темп московской жизни необычайно ускорился, ее ритмы все более усложнялись и тем не менее сохраняли определенные устойчивые черты. Москва оставалась традиционным общероссийским центром и генератором крупнейших преобразований. В этом – главная специфика Москвы. Наиболее отчетливо она проявлялась тогда, когда рушилось государственное единство и, казалось бы, терялось само понятие общего центра. Однако всегда Москва была центром объединения распавшихся, но тяготевших друг к другу земель. И ныне она пытается остановить центробежные силы как в самой России, так и в образовавшемся после распада СССР Содружестве постсоветских независимых государств.

Вторая характерная черта российской и московской истории, ставшая также чрезвычайно рельефной именно в XX в., выразилась в соединении и столкновении двух противоположных, но в равной мере положительных начал – сохранении исконных традиций прошлого и столь же естественном стремлении к новому.

Отсюда вытекает третья особенность московской истории как квинтэссенции российской: противоречивое сочетание одновременно созидательных и разрушительных устремлений, вызванных противоборством старого и нового, в результате чего возникли радикальные настроения в обществе, особенно проявившиеся в Москве.

Вместе со всей страной Москва пережила в XX в. четыре революционных потрясения (1905 г., февраль и октябрь 1917 г., август 1991 г.), два коренных изменения общественного строя, связанных с построением и крахом «государственного социализма».

От позиции Москвы по-прежнему зависит очень многое. Прежде всего потому, что она – столица. Это понятие рождает у каждого россиянина чувство сопричастности к далеко еще непознанной и не всегда счастливой истории страны, запечатленной не только в исторических памятниках, но и в облике этого уникального города.

Москва всегда была целостным и очень естественным, почти природным миром, уникальным сочетанием широты, всенародного размаха, бурного темпа публичной жизни и раздумчивой, неторопливой созерцательности, инерционности, патриархальности. Это создавало при всей неустроенности материального бытия большинства жителей города особую матерински врачующую гармонию московской жизни, что отразилось и в фольклорных образах: сакрально-поэтическом «Москва-матушка» и добродушно-насмешливом «Москва – большая деревня».

Впрочем, московский образ жизни учил и стойкости, предприимчивости, воплощенных в прагматическом тезисе: «Москва слезам не верит».

Только с учетом этих соображений становится ясно, почему Москва в сознании народа сохранила статус «второй столицы», когда официальная резиденция империи была в Петербурге, и почему она вновь стала столицей государства. Петербург был геополитическим вектором империи, направленным через Балтику на Запад. Москва же осталась сердцем страны.

Будучи в течение более двух столетий неформальной столицей России, Москва тем самым создала и продолжала в XX в. поддерживать уникальную ситуацию «удвоения столицы» («ось Москва – Петербург»). Когда в 1918 г. из-за близости фронта правительство «временно» эвакуировалось из Петрограда, Москва не просто подтвердила статус «второй столицы», но сыграла в гражданской войне и после нее огромную объединительную роль.

Советское правительство быстро оценило все преимущества Москвы: народ по традиции воспринимал власть, которая «сидела» в Московском Кремле, «коренной», а потому и легитимной. Тем самым она получала больший запас прочности, чем военные противники Советского правительства, действовавшие на окраинах страны. Характерно, что позже, в 1941 г., при эвакуации из Москвы части правительственных учреждений (в основном, в Куйбышев, ныне Самару) уже и мысли не возникало об изменении столичного статуса Москвы.

Наглядным выражением притягательности Москвы был и неуклонный рост числа ее жителей. Количество москвичей (не считая приезжих) выросло с начала века более чем в десять раз, превысив ныне 9 млн. человек. Такой рост, разумеется, был не только следствием «притяжения», но результатом более очевидных причин: возможностями трудоустройства, учебы и приобретения профессии, соображениями карьеры, надеждами сделать свой быт более комфортабельным, нежели в провинции и деревне.

После превращения Москвы в столицу ее притягательная сила приобрела и другой, административный характер. Центральная власть активно превращала Москву в уникальный по своей мощи экономический, политический и культурный центр максимальной концентрации власти и управления, крупнейших промышленных предприятий и научных структур (перевод в 1934 г. Академии наук из Ленинграда), ведущих вузов и культурных учреждений: театров, библиотек, музеев, архивов и т.п. Для работы в них из других районов переводились ведущие ученые, инженеры, наиболее талантливые и популярные деятели культуры. Москва превращалась, таким образом, в «витрину» социализма.

Все это объясняется не только размерами города и его материальными возможностями, но и укорененностью в народном сознании представления о Москве как о столице. Соединение неформального авторитета (символ Родины) и политических полномочий делало Москву очень мощным центром управления огромной страной, инициатором общественных движений. Крупнейшие перемены и процессы, где бы они ни начинались, независимо от их характера и последующих оценок, приобретали общенациональное значение лишь с момента включения в них Москвы и москвичей. Именно так было в ходе всех российских революций начала и конца XX в., всех реконструкций и перестроек.

Начало века ознаменовалось Декабрьским вооруженным восстанием 1905 г. в Москве. Революция вспыхнула в Петербурге еще в январе. Но именно Москва подняла противостояние на уровень уличных боев, ставших репетицией будущей гражданской войны. Кровавое подавление Московского восстания правительством вызвало осуждение большей части населения города и вместе с тем в его либеральной среде – критику левого

радикализма, спровоцировавшего власть на открытое применение насилия. Спустя двенадцать лет состоявшееся в Петрограде бескровное свержение монархии, опозорившейся в годы первой мировой войны, было одобрено большинством москвичей, надеявшихся, что новая власть сможет мирно решить назревшие проблемы.

Таким образом, сочетание революционных, либеральных и консервативных настроений в Москве было очень сложным, что и предопределило специфику событий во «второй столице» в отличие от Петербурга и других крупных центров и регионов страны. При этом Москва приобрела умение извлекать уроки из своей истории. Ее реакция на сходные, казалось бы, события не была всегда однотипной.

Октябрьская революция 1917 г. выявила это различие наглядно и трагически. Если в Петрограде большевики пришли к власти по существу бескровно, то в Москве революция (в противоположность 1905 г.) не только не была безоговорочно поддержана, но вызвала вооруженное сопротивление, ставшее одним из запалов гражданской войны, охватившей всю страну. Большевики смогли захватить власть в Москве лишь в результате кровавой борьбы, продолжавшейся неделю.

Следует отметить, что большинство москвичей активно в ней не участвовали, не видя мощной третьей силы, которая могла бы стать реальной альтернативой обеим вступившим в смертельную схватку группировкам. Но сам по себе факт сопротивления большевикам в Москве очень важен на фоне «триумфального шествия советской власти». Москва не стала участником такого триумфа.

Констатируя этот факт, не нужно вместе с тем преувеличивать его значение. Москвичи в целом приняли новую власть. Хотя очаги контрреволюции в городе и были, большевикам даже в годы гражданской войны удалось не допустить открытой вооруженной борьбы в Москве. Мелкие и разрозненные группы их противников довольно быстро и часто без особой огласки были ликвидированы ВЧК.

Большевики прекрасно разбирались в тонком механизме взаимоотношений центральной и городской властей, государственных органов и населения. Отсюда их главный «кадровый принцип»: продвижение на руководящие посты в центральной и муниципальной администрации членов своей партии.

Второй столь же важный организационный принцип большевизма – недопущение самостоятельных («самочинных») организаций населения и создание только таких «организаций трудящихся», которые были «приводными ремнями от партии к массам». Экспериментальным полем такой организации общества стала Москва.

Москвичи, хотя и по разным мотивам, поддерживали советскую власть в годы гражданской войны, пока политика «военного коммунизма» не вступила в острое противоречие с интересами людей. Но руководство страны ощутило опасность и резко сменило курс, перейдя к нэпу.

В условиях нэпа резко сузилась база оппозиции властям. Население либо равнодушно, либо даже одобрительно реагировало на превентивные меры большевиков против их идеологических оппонентов (процесс эсеров, преследования меньшевиков, высылка части интеллигенции из страны в 1922 г. и т.п.).

В Москве и России большевиками, таким образом, была в течение нескольких лет обезглавлена не только реальная, но и возможная «буржуазная» оппозиция. Это лишило москвичей (и страну в целом) подлинной альтернативы, надолго замкнув политическую борьбу в рамках правящей партии и ограничив ее проблемой выбора вариантов «построения социализма».

В отличие от Ленинграда, где среди коммунистов были сильны «левацкие» позиции, Московская парторганизация обнаружила

приверженность москвичей более умеренным взглядам. Это проявилось в конце 20-х гг., когда началась борьба между Сталиным и Бухариным, имевшим достаточно широкую поддержку в Москве. Преодолеть либерально-нэповскую позицию москвичей означало разгромить «правый уклон» по всей стране. Это далось сторонникам Сталина нелегко. Рецидивы «правых» взглядов и борьбы с авторитаризмом центрального руководства имели место в Москве и позже.

Разумеется, оппозиционные настроения были распространены гораздо шире, особенно среди беспартийной интеллигенции, в частности московской. Но это была уже не политическая, а нравственно-личностная оппозиция режиму.

Главным результатом политического развития Москвы (и страны в целом) в советский период явилось полное устранение плюрализма и гласности из легальной жизни. Это превратило публичную политическую деятельность Советов, общественных организаций и т.п. в продуманный до тонкостей формальный ритуал. Так, система выборов в Советы исключала альтернативность. В списках кандидатов в депутаты оставались только люди, рекомендованные партийным руководством.

30-е годы стали временем сбора того реального «урожая», который дал стране социалистический эксперимент. Москва превращается в один из крупнейших индустриальных центров страны. Создание индустрии было достигнуто ценою огромных жертв, полуголодного существования населения, массовых репрессий. Естественно, это вызывало постоянный ропот, в том числе и в Москве, хотя продовольственное положение было здесь несколько лучше, чем в других городах. Об этом свидетельствуют источники, ставшие доступными в последнее время.

Война привела к невиданной консолидации населения Москвы (как и всего СССР). Московская битва 1941 г. явилась событием стратегического значения не только на советско-германском фронте, но и во всей второй мировой войне. Впервые в результате победы под Москвой было начато широкомасштабное наступление советских войск, в результате которого противник утратил способность вести активные действия одновременно на нескольких стратегических направлениях.

Победа в Великой Отечественной войне переживалась счастливой Москвой как заслуженная награда за коллективный подвиг ее жителей. Она породила и надежды на то, что мрачные события довоенного прошлого не повторятся. Люди поверили в свои силы. Выросло их гражданское самосознание. Они накопили большой жизненный опыт и обоснованно считали, что заслуживают уважения властей, надеясь на иные, демократические отношения в обществе.

Однако власти усмотрели в этом опасность. Это предопределило острый конфликт, который сталинское руководство попыталось разрешить прежними методами диктата и массовых репрессий. Кризис общественного строя, симптомы которого были характерны для предвоенных лет, углублялся.

Смерть Сталина в марте 1953 г. стала рубежом, за которым начались медленные, противоречивые перемены. Их наиболее крупным выражением стала так называемая «оттепель» второй половины 50-х – первой половины 60-х гг. Москва шла в авангарде перемен. Москвичи – ученые, литераторы, молодежь (дети войны) – подняли знамя борьбы против догматов недавнего прошлого. И произошло невиданное: когда во второй половине 60-х гг. власти попытались реставрировать сталинизм, в городе началось открытое диссидентское, правозащитное движение.

Так, к середине 80-х гг. была создана атмосфера для выработки реформаторских взглядов в среде интеллектуалов и в кругах молодой партийной номенклатуры.

И снова сказалась решающая роль Москвы как политического центра страны. В сложившейся структуре власти курс радикальных реформ не

мог бескровно победить «снизу». Только после прихода на пост генерального секретаря ЦК КПСС представителя «новой волны» М. С. Горбачева постепенная демократизация общества стала фактом. Правда, политика инициатора «перестройки» оказалась крайне противоречивой, что породило ряд новых конфликтов.

Критику консерваторов в команде Горбачева (а косвенно и его самого) развернули новые руководители московских властей – секретарь горкома партии Б. Н. Ельцин, председатель Моссовета (затем мэр) Г. Х. Попов, уступивший позже пост Ю. М. Лужкову. Борьба велась с переменным успехом, но процесс стал необратимым. В 1991 г. москвичи отстояли курс реформ, не поддержав выступление части государственного и политического руководства, объединившегося в Государственный комитет СССР по чрезвычайному положению (ГКЧП) и намеревавшегося силой вернуть Москву и страну в прошлое. Иным, более противоречивым было отношение москвичей к расстрелу парламента в 1993 г. Общее настроение сводится к тому, что в дальнейшем нельзя допускать такого развития событий.

Позиция москвичей предопределила не только сохранение муниципальной власти в руках сторонников реформ от выборов к выборам, но и поддержку таких реформаторов, которые обладают способностями практически, повседневно руководить хозяйством огромного города в принципиально новых условиях.

Именно московская «прагматическая модель» муниципальных образований и хозяйственного руководства стала вкладом Москвы в реформирование российского общества.

Опыт Москвы имеет принципиальное значение и для выработки новых конструктивных отношений между центральной и местными властями, представляющими субъекты новой Российской Федерации. Москва, решительно заявив себя противником сепаратизма, в то же время вырабатывает механизм широкой автономии как в решении сугубо городских проблем, так и в конструировании делового экономического сотрудничества с другими субъектами Федерации и государствами ближнего зарубежья.

Таким образом, опыт Москвы имеет огромное значение для создания нового типа российской государственности, в котором на основе перераспределения полномочий создается принципиально новая, исключающая как диктат, так и анархию, гармоничная структура межрегиональных связей и отношений между общегосударственным Центром и субъектами Федерации.

* * *

Третий том «Истории Москвы» создан совместными усилиями ученых Института российской истории РАН и сотрудников Московского городского объединения архивов.

В написании глав настоящего издания участвовали: Ю. Н. Александров, В. Н. Березовский, А. А. Болотин, Ю. С. Борисов, А. Г. Бочаров, М. М. Горинов, В. Д. Есаков, В. Б. Жиромская, Е. Ю. Зубкова, Л. В. Иванова, З. П. Иноземцева, Ю. И. Кирьянов, А. Д. Кузьмичев, Л. В. Максакова, Ю. А. Петров, Л. Ф. Писарькова, Ю. А. Поляков, А. Н. Пономарев, Е. С. Сенявская, Е. В. Таранов, Г. Н. Ульянова, А. С. Федотов, А. А. Федулов.

Авторский коллектив и редакционная коллегия тома благодарят за научную консультацию и содействие: З. П. Иноземцеву, А. Н. Казакевича, В. В. Костыгова, Л. Л. Пушкову, Л. И. Смирнову, В. С. Соловьева, А. Н. Солопова, А. Л. Хорошкевич.

Значительную помощь оказали структурные подразделения объединения «Мосгорархив»: Центральный московский архив документов на специальных носителях, Отдел организационно-распорядительной работы, Научно-справочная библиотека, Центральный архив общественных движений Москвы, Центр научного использования и публикации архивного фонда.

Карты, помещенные в тексте и в приложении к тому, составлены ИРИ РАН (картограф – Г. П. Золотарева).

Подбор иллюстраций осуществлен Г. Я. Данилиной.

Указатель имен составлен И. Н. Мухиным.

Репродуцирование и фотопечать провели А. А. Зайцев, М. И. Кан, В. П. Никитин, ретушь – А. И. Васько. Компьютерный набор произведен Л. Б. Борисовой, С. А. Ворониной, Р. А. Григорьевым, Н. Н. Грунь, Ж. А. Завиралиной, И. С. Месяц.

Осуществление настоящего издания стало возможным благодаря вниманию, помощи и финансовой поддержке Московской мэрии, Правительства Москвы и Департамента финансов Правительства Москвы.

Искренняя признательность выражается коллективу АО «Московские учебники и картолитография» (Генеральный директор С. М. Линович) за оперативную и качественную работу по выпуску издания.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВСТУПАЯ В ДВАДЦАТЫЙ ВЕК

I

ПЕРВОПРЕСТОЛЬНАЯ ОТ НАЧАЛА ВЕКА ДО МИРОВОЙ ВОЙНЫ

1. ГОРОД И ГОРОЖАНЕ

В начале нынешнего столетия Москва, будучи второй после Петербурга столицей Российской империи, в сознании россиян оставалась сердцем страны. Утратив статус резиденции императорского двора, первопрестольная, в отличие от множества других «бывших» столиц, не пришла в упадок. Срединное положение города, являющегося естественным торгово-транспортным центром громадного экономического района Европейской России, позволило Москве во второй половине XIX в. превратиться в динамичный урбанистический организм. К началу XX в. ее с полным основанием включали в список крупнейших городов мира. Исторически сложившаяся концентрическая организация городского пространства определяла стабильное положение центра Москвы, как и повсюду в Европе, выросшего вокруг крепостных укреплений.

В 1901 г. по новому городскому плану территория Москвы составляла 80,5 кв. верст. Прежняя официальная городская черта проходила по так называемому Камер-Коллежскому валу длиною 35 верст и охватывала площадь в 62,8 кв. верст[1]. Город по-прежнему состоял из пяти топографических частей: центрального ядра – Кремля и Китай-города, обнесенных крепостными стенами, полукольца между центром и бульварами, сегмента Замоскворечья, кольца между бульварами и Садовыми улицами и второго кольца между последними и границей[2].

Быстрый рост промышленности в пореформенной Москве, формирование в ней разветвленного железнодорожного узла обусловливало строительство подъездных путей, помещений для различных служб, складов, промышленных корпусов, общественных и жилых зданий. Этот процесс захватил и ближайшие пригороды, вошедшие в пределы новой муниципальной черты. За ней располагались дальние пригороды: необустроенная территория с сельскохозяйственными угодьями, лесами, болотами и неосвоенными участками. Эта зона стала застраиваться дачами, а окрестные крестьяне сдавали помещения горожанам на летние дачные сезоны.

Большая часть московской территории находилась в частной собственности домовладельцев, банков, торговых фирм, акционерных обществ; землей владели железные дороги, различные ведомства, а также Городская дума. В ее ведении находились улицы, проезды, площади, бульвары, скверы, набережные и некоторые сады. Земли общего пользования составляли 27,2% городской территории.

Каждой из пяти топографических частей Москвы был присущ свой характерный облик.

Московское дворцовое управление, отделение Министерства императорского двора, ведомство Святейшего Синода располагались в Кремле. Государственные и городские учреждения, банки, нотариальные конторы, крупнейшие страховые компании, торговые фирмы, учреждения культуры (театры, музеи, библиотеки) сосредоточивались в основном в пределах городского центра, ограниченного Бульварным кольцом. Исторически промышленные предприятия обосновывались в центре города и на берегах рек, позднее – недалеко от шоссейных дорог и железнодорожных путей, уже за пределами Садового кольца. Так сложились промышленные районы на севере (Пресня и Сущево), северо-востоке (Преображенское), в южной части Москвы (Кожевники, Симоново, Сукино болото, Тюфелева роща, Котлы). За Садовым кольцом располагались и железнодорожные станции, на которые доставлялись товары из различных районов России, а также из-за границы, прибывало топливо и сырье для московских фабрик[3].

Большое экономическое значение имело и пригородное кольцо Москвы.

[1] Статистический ежегодник г. Москвы. Вып.1. М., 1908; Статистический атлас города Москвы. М., 1911.

[2] История Москвы. Т.V. М., 1955. С.13.

[3] Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1901 г.; История Москвы. Т.V. С.14.

Москва. Общий вид. Открытка начала XX в.

Однако оно управлялось Московским уездным земством и находилось вне ведения Городской думы, депутаты которой противились расширению границ Москвы, так как доходы от обложения земель и имущества пригородной полосы не компенсировали бы затрат, необходимых для их благоустройства.

В 1900 г. Москва принадлежала к числу крупнейших городов Европы. Она превосходила по размерам занимаемой площади Берлин (55,7 кв. верст), была почти равна Парижу (68,56 кв. верст), но в полтора раза уступала Петербургу, в два с половиною – Вене и более чем в четыре раза – Лондону[4].

В 1905 г., после учреждения градоначальства, в полицейскую черту Москвы все же были включены пригороды, находившиеся на земле Московского уезда и подведомственные не Городской думе, а земству. Официальная площадь Москвы составила 91,5 кв. верст[5].

23 мая 1917 г. решением Городской думы новой границей Москвы стала внешняя сторона кольцевой окружной железной дороги протяженностью 54 км, которая была построена в 1903–1908 гг. Она соединяла подходившие к городу радиальные железнодорожные магистрали. Площадь Москвы увеличилась почти втрое и достигала 228 кв. км[6].

По числу жителей Москва занимала второе место в стране после Петербурга, а среди городов Европы – шестое. Перепись 1902 г. зафиксировала в городе без пригорода 1 091 739 человек, а с пригородом – 1 173 427 человек[7]. Численность населения Москвы по сравнению с переписью 1897 г. существенно увеличилась. Прирост населения составил (вместе с пригородом) свыше 30 тыс. человек[8]. Перепись Москвы в 1902 г. была проведена с большой точностью, ее методы разработал известный крупный российский статистик В. Г. Михайловский. По его свидетельству, тщательным образом было зарегистрировано все население города, вплоть до обитателей ночлежек и прочих пристанищ бездомных. Так, например, в Нижнекотловской слободе были переписаны 123 мусорщика и босяка, находившие ночлег в стогах сена. В Новой деревне учли всех живущих в землянках, а на путях Брестской и Курско-Нижегородской дорог зарегистрировали рабочих-бедняков, обитавших в товарных вагонах. Перепись Москвы была проведена так скрупулезно, что, хотя она и называлась «Главнейшие предварительные данные...», ее сведения и после проверки остались без изменения. В целом население города по сравнению с 1871 г. (за 30 лет) удвоилось.

[4] Путеводитель по Москве и ея окрестностям. М., 1905. С.72.

[5] Статистический ежегодник г. Москвы и Московской губернии. Вып.2. М., 1927. С.1.

[6] *Саушкин Ю.Г.* Москва. География, характеристика. М., 1964. С.76.

[7] Главнейшие предварительные данные переписи г. Москвы на январь 1902 г. Вып.1. М., 1902. С.23.

[8] Там же.

Москворецкий мост. Художник К. Коровин. 1914 г.

Улица Тверская. Открытка начала XX в.

Заселенность Москвы отличалась большой неравномерностью. В черте бульваров, т.е. в самом центре, где размещались административные учреждения, торговые и складские помещения, жителей насчитывалось немного – 11,3% населения города; между бульварами и Садовым кольцом – 15,8%. Основная часть жителей приходилась на территорию между Садовым кольцом и Камер-Коллежским валом – 45,4% (в абсолютном выражении – более полумиллиона человек). Там, где застройка вышла за пределы Камер-Коллежского вала, население составило 12,7%, и, наконец, 14,8% горожан проживало в Замоскворечье.

Наиболее плотно оказались населены старые улицы Москвы – Сретенка, Тверская, Мясницкая, Пресненская, слабее – Арбатская, Яузская части города. Самыми малолюдными считались Лефортово и Серпуховская застава.

Среди пригородов густо заселенными были Марьина роща и Черкизово, тогда как районы Воробьевых гор и Владимирского шоссе – довольно безлюдными. В районе Воробьевых гор едва насчитывалось 1,5 тыс. человек, а на землях, прилегающих к Владимирскому шоссе, и того меньше – 1,3 тысячи.

Рост Москвы обусловливался в первую очередь колоссальным наплывом сюда жителей окрестных губерний.

В 1902–1912 гг. естественный прирост населения в Москве составил 106 тыс. человек, тогда как механический прирост за счет пришлого населения – 332 тысячи. Таким образом, новые москвичи по динамике численности втрое опережали коренных. В этом отношении вторая столица империи скорее была ближе к американским городам, разраставшимся благодаря наплыву иммигрантов из Европы, нежели к европейским столицам, где преобладал естественный прирост населения.

В 1890-х – начале 1900-х гг. прирост населения в центральной части Москвы почти прекратился, тогда как за Садовым кольцом – усилился. Активно увеличивалось число жителей окраин, здесь в только что отстроенных и часто даже недостроенных домах селился пришлый люд. Росло и население пригорода: за пять лет в основном за счет мигрантов оно увеличилось на 70%, в том числе население Марьиной рощи – на 178%, а Благуши – на 312%.

Преобладание механического прироста над естественным определяло структуру московского населения по полу.

Активный приток в Москву рабочей силы, в основном мужской, резко нарушил соотношение полов в пользу мужчин. Этот дисбаланс сохранялся в столице вплоть до начала XX в. В 1871 г. на 1000 мужчин приходилось всего 700 женщин, в 1882 г.– 742, в 1897 г.– 762, а в 1902 г.– 783 женщины. Данный дисбаланс обеспечивала главным образом окраина, где селились пришлые работники. В центре Москвы с коренным и стабильным населением сложилось устойчивое равновесие полов, причем в некоторых районах, хотя и незначительно, преобладали женщины. Здесь соотношение полов определялось естественным приростом населения.

В пригородах Москвы, еще более чем на ее окраинах, численно преобладали мужчины. В 1902 г. на 1000 мужчин здесь приходилось 586 женщин, т.е. меньше, чем в 1897 г., когда при том же количество мужчин насчитывалось 619 женщин[9].

Интенсивная миграционная волна определяла в значительной степени и возрастную структуру населения Москвы.

[9] Главнейшие предварительные данные переписи г. Москвы на январь 1902 г. Вып.1. С.24.

Это наглядно демонстрирует следующая таблица.

Таблица 1

Возрастная структура населения Москвы (без пригородов) в 1902 г.[10]	
Возрастные группы, лет	В % от всего населения
0–9	13,5
10–19	19,1
20–29	26,4
30–39	18,5
40–59	17,8
60–79, 80 и более	4,7
Неизвестно	0,2
Итого	**100**

Как видно из приведенных данных, подавляющая часть жителей города – это лица трудоспособного возраста; возрастные группы 20–29 и 30–39 лет составляли 45% населения. Кроме того, и в группе лиц 10–19 лет юноши и девушки 14–15 лет также устраивались на заработки в Москве. Немало имелось в городе и малолетних рабочих, достигших 10–14 лет, на которых приходилось 38,8% мужчин-рабочих и 17,3% женщин-работниц. Сохраняла способность работать и часть лиц в возрасте 40–59 лет. Резкое преобладание трудоспособного населения, безусловно, складывалось за счет пришлых работников.

На этом фоне в столице было относительно мало детей – всего 13,5% (так же, впрочем, как и людей, достигших 60 лет и старше). Что касается детского населения, то В. И. Массальский, обобщавший материалы переписи 1902 г. по возрастному составу населения Москвы, отмечал высокую рождаемость за последние 30 лет, когда ежегодно число детей до года возрастало на 6%. Важно отметить, что подсчеты Массальского производились среди коренного населения города. Уменьшение доли детей в составе населения объяснялось не только активной миграцией сюда людей работоспособных возрастов, которые, как правило, оставляли семьи с детьми в деревне, но и высокой детской, особенно младенческой, смертностью среди коренного населения Москвы.

Невысокий удельный вес лиц старших возрастов связан с тем, что старики часто уезжали на родину, в деревню. Кроме того, всего 2,7% мужского населения доживало до 60 лет и более, у женщин старшая возрастная группа (после 60 лет) была представлена весомее – 7,3%.

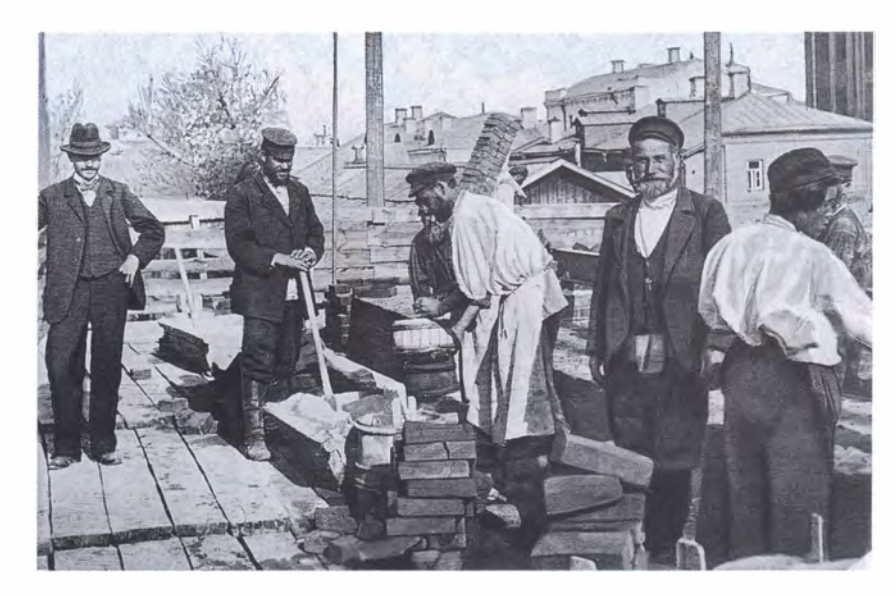
Судя по материалам переписи, трудоспособные возрастные группы особенно многочисленны у мужчин. Возрастной состав женщин более сглажен, среди них больший удельный вес, чем у мужчин, принадлежит малолетним и людям пожилого возраста. Так, мужчины от 20 до 50 лет составляли почти 60% мужского населения, тогда как женщины того же возраста – примерно 50%. В то же время мальчиков до 10 лет насчитывалось 12%, а девóчек – почти 16%. Кроме вышеуказанных причин, определявших возрастной состав населения Москвы, играли роль большая продолжительность жизни у женщин по сравнению с мужчинами и высокая детская смертность среди мальчиков. В работоспособных возрастах, начиная с 10 и до 50 лет, преобладание мужского населения над женским было весьма ощутимо.

В Москве как среди мужчин, так и среди женщин отмечается высокий процент браков. В 1897 г. женатые мужчины (от 15 лет и старше) составляли 56,5%, в 1902 г. – 56,8%, а замужние женщины – соответственно 43,2 и 44,2%. Однако среди женщин имелось довольно много вдов: 21–22%. У мужчин нередко отмечались

Дворик на Басманной. Художник М. Смирнова. Начало XX в.

Юные жители Москвы на одной из улиц города (Гагаринский переулок)

[10] Составлена по: Главнейшие предварительные данные переписи г. Москвы на январь 1902 г. Вып. 3. Возрастной состав населения Москвы и пригородов ее. М., 1904. С.2.



Рабочие на строительстве бани в Харитоньевском переулке. 1904 г.

Окраина старой Москвы. Начало XX в.

Доходный дом И. П. Исакова на Пречистенке

повторные браки, и на вдовцов приходилось всего 3%. Разведенных мужчин и женщин насчитывалось всего доли процента – 0,1–0,2, причем число их с 1897 и по 1902 г. уменьшилось. Относительно большую группу лиц образовывали холостые и незамужние. Холостяки и в 1897 г. и в 1902 г. составляли около 40% мужчин, а незамужние женщины – около 30%. Это связано с большим числом молодежи, а также с притоком холостого и незамужнего пришлого населения. Среди мужчин, проживавших в Москве менее одного года, на долю холостых приходилось почти 50%, а разведенных больше, чем в среднем по населению Москвы.

Брачный возраст в столице нельзя отнести к раннему: мужчины вступали в брак в основном после 25 лет, женщины – между 20 и 24 годами. Напротив, скорее более распространенным было раннее вдовство: у мужчин – после 40 лет, у женщин – после 35. Этим и объясняется большое количество повторных браков у мужчин, которые часто оставались с детьми. Для женщин повторные браки были редки.

Возрастная структура населения Москвы помогает понять специфику состава жителей города по занятиям[11]. В Москве заметен прежде всего высокий процент самодеятельного населения: в 1897 г.– 63,3%, в 1902 г.– 69,1% всего числа жителей. Мужчин, занятых какой-либо деятельностью, насчитывалось 82,6%. У женщин процент занятости оказался несколько ниже – примерно 52%. Это связано с тем, что замужние женщины, как правило, не работали, поэтому число несамодеятельных женщин увеличивалось в возрасте от 20 до 49 лет и особенно от 30 до 39 лет. Только вдовство вынуждало их идти на работу.

Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. наиболее распространенным типом москвича являлся крестьянин, прибывший в город на заработки, но не порвавший связи с землей. Семью он чаще всего оставлял в деревне, куда и сам возвращался на период летней страды. Правда, в начале XX в. ряд факторов (земельное оскудение, рост заработной платы в городе, влияние городской жизни) приводил к тому, что пришлое рабочее население все более отрывалось от села и оседало в городе вместе с семьями. В сословном отношении именно крестьяне составляли большинство москвичей (67%). За ними следовали низшие городские сословия – мещане и цеховые (20%), и всего 13% москвичей принадлежало к привилегированным сословиям (дворянство, купечество, духовенство и др.).

Наплыв массы вчерашних селян, обитавших в рабочих слободках на окраинах, поддерживал облик «большой деревни», который сложился у барско-дворянской Москвы в предшествующую эпоху. По мере удаления от центра, в связи со сменой трех основных поясов

[11] Главнейшие предварительные данные переписи г. Москвы на январь 1902 г. Вып.2. М., 1902. С.3–7.

расселения, город становился неузнаваемым. В благополучном историческом центре, в черте Бульварного кольца, количество жителей за 1902–1912 гг. выросло всего на 8%, в поясе между бульварами и кольцом Садовых улиц – на 29%, за Садовыми, на городских окраинах – на 37%. Именно здесь в начале века проживало до 90% рабочего люда столицы.

Если в центре поднимались многоэтажные дома, действовали канализация и водопровод, преобладало электрическое освещение, по улицам бегали трамваи, то рабочие слободки с деревянными одноэтажными домиками, пыльными немощеными улицами сохраняли патриархальный облик. В 1912 г. из 71,8 тыс. московских строений более половины (34,6 тыс.) были деревянными, треть (27,7 тыс.) – каменными, а остальные – смешанными (каменный первый этаж и деревянная надстройка). Большая часть деревянных построек приходилась на окраинный пояс: Сущевскую и Мещанскую части (12 459), Лефортовскую, Басманную и Рогожскую части (11 125). В центре было всего 34 деревянных дома. Крупные благоустроенные каменные строения преобладали преимущественно в Тверской и Мясницкой частях. 794 тыс. москвичей, т.е. более половины населения города, обитали в жилищах без водопровода и канализации.

Всего в Москве насчитывалось 112 949 квартир. Из них 4634 (4%) пустовало. В 1899 г. в городе имелось 16 376 коечно-каморочных и 187 ночлежных квартир, 101 – при извозчичьих и 459 – при постоялых дворах, с общим населением свыше 206 тыс. человек, то есть $^{1}/_{5}$ всего населения города[12].

Подавляющая часть жилых домов Москвы принадлежала частным владельцам. Жилищно-строительная кооперация стала развиваться только после обнародования в 1905 г. Закона об обществах и союзах, и первые кооперативные дома появились на Долгоруковской улице накануне первой мировой войны. Городская дума не практиковала строительства собственных доходных домов. Лишь в январе 1914 г. было принято решение о сооружении жилого дома с дешевыми квартирами, рассчитанного на 1700 жильцов[13].

Городской центр в XX в. переживал настоящий строительный бум. Росли здания доходных домов, банков, страховых компаний, вокзалов, но в целом Москва сумела сберечь свой облик, несмотря на активную застройку. Двадцатое столетие она встретила, еще во многом сохранив быстро исчезавший сказочно-живописный облик «жилища жар-птицы», по образному сравнению Аполлинария Васнецова,– ту экзотику, которой восхищались многие иностранцы.

Однако старая, патриархальная Москва с ее скромным уличным движением начала уходить в прошлое. На роль основного городского транспорта выдвинулся пущенный в начале 1900-х гг. электрический трамвай, постепенно вытеснивший конку. Более состоятельные москвичи трамвайной толчее предпочитали извозчика. Их на улицах города курсировало до 13 тысяч. Появились и автомобили – транспорт нового века, которых к 1913 г. в Москве было зарегистрировано около 1300.

В 1910 г. вступила в строй телефонная станция, обслуживавшая 60 тыс. абонентов, в 1914 г. начала работать первая радиостанция.

[12] История Москвы. Т.V. С.698.

[13] Там же.

Особняк Н. В. Игумнова на Большой Якиманке

Группа представителей русской финансовой олигархии во время празднования 50-летия Государственного банка России. 1910 г.

На фабрике Э. Циндeля. 1914 г.

Центральные улицы города освещались электричеством, любимым развлечением москвичей становилось новое искусство – синематограф (первые кинотеатры – «Художественный» на Арбате, Ханжонкова на Триумфальной площади).

Котелок и европейский пиджак доминировали в одежде на центральных улицах, тогда как на окраинах по-прежнему преобладали русские рубашки навыпуск и фуражки мастеровых.

Москва, как говорили современники, город русский, крестьянский и православный. Действительно, на 1912 г. из 1617 тыс. москвичей 1504 тыс. придерживались православного вероисповедания, другие конфессиональные группы представляли: лютеране (27,8 тыс.), старообрядцы (26,6 тыс.), иудеи (15,3 тыс.), мусульмане (10,4 тыс.). Русский язык в качестве родного (понятие «национальность» в дореволюционной России не употреблялось) назвали 1540 тыс. москвичей, немецкий – 21,3 тыс., польский – 17,2 тыс., татарский – 9,7 тыс., еврейский – 6,8 тыс., армянский – 3,2 тыс., французский – 2,8 тысячи. Немцы и французы составляли две самые многочисленные колонии переселенцев из европейских стран[14].

Социальная структура населения Москвы представляла следующую картину: крупнокапиталистические элементы олицетворяли промышленники, имевшие наемных рабочих (44,2 тыс.), и рантье – лица, живущие доходом с земли и капитала (19,2 тыс.). Промежуточное положение в социальной иерархии занимала многочисленная группа «служащих торгово-промышленных предприятий», прежде всего приказчиков, которых насчитывалось 67,5 тыс. человек. К относительно обеспеченным городским слоям принадлежали также духовенство и лица свободных профессий (врачи, педагоги, юристы, инженеры, музыканты и др.). Таких живущих главным образом интеллектуальным трудом людей в Москве было 57,7 тыс. человек. Чинов армии и полиции в городе служило 32,3 тыс. человек.

Этим сравнительно обеспеченным слоям противостояла огромная армия наемного труда. По переписи в Москве насчитывалось: фабрично-заводских рабочих – 165,2 тыс., непромышленных рабочих (кузнецы, маляры и т.п.) – 126,8 тыс., людей, занятых на транспорте, в обслуживании домовладений и торговле (кондуктора, дворники, сторожа и т.д.),– 134,4 тыс., ремесленников (одиноких или работающих с помощью членов семей и учеников) – 123,2 тыс., домашней прислуги – 99,1 тысячи. На пенсии и пособия жили 43,8 тыс. москвичей, на содержании различных благотворительных учреждений находилось 55,4 тысячи. Твердо определить свой род занятий не смогли 57,6 тыс. жителей города, причем в этой группе насчитывалось 29,4 тыс. безработных[15].

Социальная стратификация достаточно точно отражалась и на городской карте. Окраинный пояс за Садовым кольцом, прибежище пришлых крестьян, являл собой царство фабрично-заводской индустрии. Здесь располагались до 80% крупных производств с 90% рабочих, занятых на крупных предприятиях. К 1914 г. в черте города действовало 970 промышленных заведений с суммой годового производства 557 млн. руб. и общим числом рабочих 165 тысяч. В Москве сосредоточилось до трети предприятий Центрально-промышленного района, в который входили десять окрестных губерний во главе с Московской. Если эти губернии имели выраженную «текстильную» специализацию, то структура промышленного производства в самой Москве носила более разносто-

[14] Статистический ежегодник г. Москвы. Вып.4. 1911–1913 гг. М., 1916. Приложение. С.19–27.

[15] Статистический ежегодник г. Москвы и Московской губернии. Вып. 2. С.68–74.

ронний характер. По сумме годового производства на первом месте в 1913 г. шла пищевкусовая промышленность – 187,6 млн. руб., за ней текстильная – ведущая отрасль района – 143,2 млн., затем химическая – 93,6 млн., металлообрабатывающая – 58 млн., полиграфическая – 23,6 млн., производство одежды и обуви – 18,3 млн., кожевенная – 12,9 млн. руб. и т.д.[16]

По оценке современников, Москва приближалась к типу универсально-промышленного центра, такого, как Берлин, Лондон или Париж, резко отличаясь от монопрофильных городов наподобие Манчестера или Бирмингема.

Типичным примером московской индустрии являлась знаменитая Трехгорная мануфактура, основанная еще в XVIII в. предприимчивыми крестьянами Прохоровыми. Вокруг предприятия, расположенного в западной части города, на Пресне, со временем появился целый фабричный городок с производственными корпусами, рабочими казармами, больницей, яслями, детским садом, богадельней и т.д. В начале XX в. на «Трехгорке» работало около 8 тыс. рабочих, перерабатывавших отечественный и заграничный хлопок в готовые ткани, находившие сбыт по всей стране и за ее пределами.

Среди московских рабочих более трети составляли женщины (в 1913 г.– 55,8 тыс.). Средний годовой заработок фабричного рабочего в 1913 г. равнялся 304 руб. (в 1916 г.– 264 руб.), причем женщинам платили в целом на 40% меньше, чем мужчинам. К тому же рост цен обгонял прибавку к зарплате: в 1913 г. пуд ржаной муки стоил в Москве 1 руб. 25 коп. (в 1901 г.– 93 коп.), фунт парной говядины – 23 коп. (в 1901 г.– 14 коп.) и т.д. Не менее остро стоял жилищный вопрос – более 270 тыс. рабочих и ремесленников проживали в коечно-каморочных квартирах в обстановке крайней тесноты и антисанитарии. Неблагополучные окраины, образовывавшие внешнее кольцо города, в начале XX в. постоянно таили угрозу по отношению к богатому центру, здесь накапливалась социально-негативная энергия, находившая выход в революционном движении.

Во втором поясе, между бульварами и Садовыми улицами, заселенном ремесленным людом, служащими всякого рода и чиновниками, людьми свободных профессий, торгово-промышленный пульс громадного города был менее заметен. Кварталы доходных домов сменялись тихими улочками с барскими особняками. Здесь размещались по преимуществу школы, больницы, приюты и прочие учреждения. Бурная торговая жизнь проявлялась лишь на площадях, где кормились и одевались городские низы. На знаменитой Сухаревке в бойкие торговые дни тысячи людей толпились вокруг продавцов съестных припасов, подержанной мебели, старого платья и обуви, букинистов с их книжными развалами и т.д.

Сухаревский рынок. Начало XX в.

Прохоровская Трехгорная мануфактура. Вывоз товара с фабричного склада. Начало XX в.

Средоточием деловой жизни города являлся исторический центр в пределах Бульварного кольца. В 1900-х гг. к шести железнодорожным магистралям, соединявшим Москву с российской периферией, добавилось еще четыре. В 1908 г. вступила в строй окружная железная дорога, связавшая радиальные линии в единый транспортный узел. Через 44 железнодорожные станции московской железнодорожной сети ежедневно проходили тысячи вагонов. Общий грузооборот узла в 1910 г. составил 730 млн. пудов, что равнялось примерно 12% всех перевозок по железным дорогам страны.

Москва торговая по размаху операций даже превосходила промышленную,

[16] Статистический ежегодник г. Москвы и Московской губернии. Вып. 2. С.172; Статистический ежегодник г. Москвы. Вып.4. С.158.

Рекламные плакаты начала XX в.

«ситцевую». В начале XX в. в городе действовало более 13 тыс. торговых предприятий с годовым оборотом почти один млн. рублей. В области внешней торговли приоритет оставался за Петербургом, зато Москва являлась лидером на распределительном внутреннем рынке. Товары московских фабрикантов (мануфактура, чай, кондитерские изделия, напитки и др.) расходились не только по Европейской России, но достигали самых дальних окраин страны: Сибири, Средней Азии, Кавказа и др. В свою очередь, для собственных потребностей город в значительных масштабах ввозил продовольствие, топливо, строительные материалы. Доминирующее положение московская торговля занимала на мануфактурно-галантерейном рынке, включая готовое платье и обувь, а также на рынке продуктов питания. О масштабе деятельности московских торговцев свидетельствуют следующие цифры: в 1913 г. по Москве было выдано 22,3 тыс. свидетельств на торговые предприятия, в том числе 9,9 тыс.– на средние и крупные.

Наряду с Нижним Новгородом Москва являлась крупнейшим центром транзитной торговли. Здесь можно было приобрести изделия европейских фабрик и разнообразные товары, поступавшие со всей страны. Современники так оценивали роль Москвы в качестве перевалочного пункта всероссийской торговли: «Зерновой хлеб из Заволжья, направляемый в балтийские порты, сахар и сахарный песок, идущие с юга России в северные районы, заграничная сельдь из прибалтийских портов, бакинская нефть и донецкий уголь, южнорусский чугун, иностранный и русский (среднеазиатский) хлопок, сибирское масло, вывозимое даже за границу,– все это и многое другое не может миновать Москвы»[17].

Исключительное место в торговом мире столицы занимал Китай-город, район, прозванный «московским Сити». На мизерном пространстве – всего один процент территории города – циркулировало до 35 млн. пудов товаров в год и совершались две из каждых трех московских сделок по мануфактуре. Недаром московские коммерческие банки, возникшие во второй половине XIX в. как учреждения, способствующие промышленности и торговле, облюбовали для своих резиденций Ильинку – главную артерию этого всероссийского торжища. Здесь, поблизости от Московской биржи, выстроили собственные дома Купеческий и Торговый банки, Московский банк Рябушинских, а также ряд петербургских банков (Международный, Азовско-Донской). «Тут все посвящено культу бога торговли,– живописали современники облик Китай-города,– и роскошные магазины, и огромные оптовые склады, и банки, и биржа, и даже трактиры, например Славянский базар, в котором за закусочными столами в биржевые часы совершаются миллионные сделки»[18].

Гордостью торговой Москвы являлся комплекс Верхних торговых рядов, самый крупный по тому времени в Европе торговый пассаж, строительство которого обошлось в шесть млн. рублей. Неподалеку, в Средних торговых рядах, расположенных между Ильинкой и Варваркой, а также в Старом Гостином дворе сосредоточивалась оптовая торговля. Визитной карточкой новой, по-европейски организованной торговли стал знаменитый магазин «Мюр и Мерилиз» на Петровке, где можно было приобрести

[17] Москва. Путеводитель. Под ред. Е.А. Звягинцева и др. М., 1915. С.214.

[18] Там же. С.217, 218.

все, что имело отношение к домашнему обиходу и обстановке квартир.

Вся местность за стенами Китай-города в кольце бульваров была буквально пропитана торговым духом. «Здесь вы встретите,– подсказывал старый путеводитель по Москве,– и улицы, плещущие золотом и драгоценными камнями, ласкающие взор шелковыми и бархатными тканями или дорогими сибирскими мехами (таков, например, Кузнецкий мост), и огромные рыночные площади, питающие состоятельную Москву дичью, рыбой, икрой и фруктами (Охотный ряд, Болотная площадь), и, наконец, целый ряд улиц и пассажей (Тверская, Петровка), торгующих решительно всем, где с пестрых вывесок преследует крикливая торговая реклама»[19].

Древняя столица с поистине юношеским задором двигала вперед экономическую жизнь страны. Согласно прогнозам, сделанным в начале века, ей предстояло вскоре обойти Петербург по основным показателям торгово-промышленной деятельности. Еще задолго до революции заговорили о приближающемся конце «петербургского» периода русской истории, на смену которому должен был прийти «новомосковский». Разумеется, не только темпы хозяйственного роста давали основания для подобных пророчеств. Неизмеримо велика роль первопрестольной в духовной жизни страны как средоточия лучших и художественных сил России.

2. САМОУПРАВЛЕНИЕ И ГОРОДСКАЯ ЖИЗНЬ

XX век открыл новый, хотя и очень непродолжительный период в истории московского городского общественного управления, в равной степени отмеченный как политическими потрясениями и распрями, так и конструктивной работой: мощным подъемом городского хозяйства.

Разветвленная водопроводная и канализационная сети, самая развитая в России телефонная сеть, лучший в стране электрический трамвай, способный соперничать с европейскими,– все это создавалось и развивалось за счет городского бюджета и было результатом деятельности Думы и Управы.

Жители столицы не всегда отдавали должное этой деятельности, больше обращая внимание на недостатки, считая достижения не отвечающими растущим потребностям города. «В нервный век электричества,– писал историк Москвы Д. И. Никифоров,– москвич всем недоволен! Недоволен он судом, думой, увеселениями, мостовой, водой, театрами, извозчиками, освещением и прочим, и прочим»[20].

Лубянская площадь. Открытка начала XX в.

Конечно, условия жизни в Москве не были такими, как в Берлине или Париже, но и величина городских налогов, уплачиваемых населением этих столиц, была различной. Так, если в 1914 г. в Москве в расчете на одного жителя приходилось 8,5 руб. городских сборов, то в Берлине они составляли 21 руб., а в Париже около 25 руб. в год[21].

Налоги были важной статьей городских доходов, но в XX в. не они определяли быстро растущий бюджет Москвы. С 1900 по 1914 г. их удельный вес сократился почти вдвое: с 45 до 24% всех поступлений в городскую кассу. За эти же годы бюджет Москвы возрос с 13,3 до 52,6 млн. руб., т.е. практически в четыре раза, и был сопоставим с бюджетом небольшого государства. В предвоенные годы основным источником его пополнения были доходы городских предприятий, составлявшие в 1914 г. 56% всех поступлений.

Курс на создание собственных предприятий был взят Московской городской думой еще в середине 1880-х гг. К началу века в собственности города находились: типография, водопровод, ассенизационный обоз, скотобойни, канализация, ломбард, прачечная, хлебопекарня и склад медикаментов. В дальнейшем этот список пополнили электростанция (1900), газовый завод (1905) и самое большое предприятие – трамвай[22].

В 1901 г. в Москве действовали конно-железные дороги, принадлежавшие двум акционерным обществам. В 1901 г. Дума выкупила конку у 1-го Бельгийского общества и перевела ее на электрическую тягу. В 1903 г. по Москве прошел первый электрический трамвай. Конно-железная дорога 2-го акционерного общества перешла в собственность города только в 1911 г., и сразу же начались работы по переустройству ее под трамвай. К 1917 г. длина трамвайных путей

[19] Москва. Путеводитель. Под ред. Е.А. Звягинцева и др. С.222.

[20] *Никифоров Д.* Из прошлого Москвы. М., 1901. С.45.

[21] По Москве. Прогулки по Москве и ее художественным учреждениям. М., 1917. С.123, 124.

[22] Там же. С.131–141; Отчет о деятельности Московской городской управы за 1900 год. М., 1901.

Городская прачечная и дезинфекционная камера у Краснохолмского моста. Начало XX в.

Одна из первых трамвайных линий. 1900-е гг.

превысила 320 верст, а количество вагонов в трамвайном парке приблизилось к 1400[23].

Увеличивавшийся из года в год поток пассажиров (в 1916 г. трамвай перевез свыше 405 млн. человек) и интенсивное уличное движение поставили перед Городской думой вопрос о создании подземной железной дороги. К 1914 г. был разработан проект метрополитена, строительство которого должно было начаться к 1916 г. Предусматривалось, что первая подземная линия будет открыта в 1920 г.[24]

Одновременно с созданием новых предприятий велись работы по расширению и модернизации скотобоен, водопровода и канализации, что было вызвано быстрым ростом числа жителей столицы.

В 1916 г. Мытищинский и пущенный в 1903 г. Москворецкий водопроводы поставляли в Москву около 12 млн. ведер воды в сутки; но оба водопровода работали уже на пределе, и возможности их к тому времени были практически исчерпаны. Поэтому в Думе разрабатывался обширный план водоснабжения столицы, согласно которому вода должна была поступать из Волги или Оки. Каждый из этих вариантов рассчитывал на получение до 100 млн. ведер воды в сутки. Предусматривалось, что по пути следования часть воды будет питать ряд соседних городов, решая таким образом проблему их водоснабжения.

С 1911 г. в Москве велись работы по устройству второй очереди канализации, которая должна была охватить весь город. Руководствуясь законом о принудительном присоединении к канализации, Дума в 1914 г. обязала всех домовладельцев Городской, Тверской и Мясницкой городских частей воспользоваться этим дорогостоящим, но необходимым приобретением цивилизации. К концу 1914 г. более трети всех владений Москвы (7200) были подключены к канализационной сети[25].

В следующее десятилетие эти службы практически не развивались.

Создание городских предприятий требовало больших средств, которые город получал путем займов. За 25 лет (с 1890 по 1915 г.) Московская городская дума заключила займы в России и за рубежом на сумму более чем 154 млн. руб., из которых около 50 млн. было направлено только на пуск трамвая. К революции из этих займов осталась неуплаченной сумма в 143,6 млн. рублей[26].

Следует заметить, что займы не были обременительны для муниципального бюджета, так как платежи по ним производились из доходов городских предприятий. Несмотря на различные отчисления из этой статьи на их содержание, погашение займов и уплату процентов по ним, создание восстановительного фонда и др., городские предприятия приносили доход, который из года в год увеличивался. Если в 1900 г. город получил от эксплуатации своих предприятий только 66 тыс. руб. чистого дохода, то в 1916 г., несмотря на спад производства,– 5,5 млн. руб., т.е. доход возрос более чем в 80 раз.

Однако в вопросе о перспективах развития городских предприятий московские гласные не были единодушны. В заседаниях Думы и особенно в ходе избирательных кампаний неоднократно возникали споры о будущем городского хозяйства: или дальнейшее расширение сети предприятий, или отказ от политики муниципализации и передача в частные руки отдельных предприятий, находившихся в собственности Москвы. С делением гласных на партии эти разногласия приобрели политическую окраску: «прогрессисты» (кадеты) были сторонниками дальнейшей муниципализации, а «умеренные» (октябристы) доказывали целесообразность концессий.

В предвоенные годы важным источником городских доходов стала статья «Поступления в возврат расходов города», включавшая в себя пособия от казны, различных ведомств и губернского земства. С 1912 г. город получал пособия от казны на содержание полиции и призрение душевнобольных. В 1916 г. поступления «в возврат расходов» составили 8,3 млн. руб., что с лихвой компенсировало затра-

[23] *Сытин П.В.* Коммунальное хозяйство (благоустройство) Москвы в сравнении с благоустройством других больших городов. М., 1926. С.196.

[24] *Астров Н.И.* Десять лет советского коммунального хозяйства в Москве // Русский экономический сборник. Т.XII. 1928 год. М., 1928. С.21.

[25] *Михайловский А.* Деятельность Московского городского управления в 1913–1916 гг. // Известия Московской городской думы. 1916. № 9. С.19.

[26] *Сытин П.В.* Указ. соч. С.36, 196.

ты на содержание государственных учреждений, полиции, тюрем, воинских и пожарных частей, предусмотренные статьей «Обязательные расходы»[27].

Продолжая традиции, заложенные в городском общественном управлении Москвы еще князем А. А. Щербатовым, Дума расходовала значительные средства на развитие медицины, народного образования и общественного призрения, что показывает следующая таблица.

Таблица 2

Отдельные статьи расходов в 1900 и 1914 гг.[28]

Годы	Медицина, санитария		Народное образование		Общественное призрение		Благоустройство		Бюджет города	
	млн. руб.	%	млн. руб.	%	млн. руб.	%	млн. руб.	%	млн. руб.	%
1900	2,4	18,0	1,2	8,8	0,6	4,4	1,5	11,5	13,2	100
1914	7,3	14,0	5,9	11,3	1,4	2,7	2,4	4,6	52,6	100

Очевидно, что за 14 лет ассигнования на социальные отрасли городского хозяйства заметно увеличились. Больше всего выросли расходы на народное образование (в 5 раз), медицину (в 3 раза). Вместе с тем к 1914 г. удельный вес этих социально значимых статей городского бюджета, за исключением расходов на народное образование, сократился. Данное обстоятельство не могло не сказаться на состоянии важных для населения сфер городской жизни.

Перед войной в Москве имелось 18 городских больниц с более чем 7000 койко-мест, а лечением в них пользовалось около 77 тыс. человек в год. Однако количество больничных мест явно не соответствовало численности населения столицы. Красноречивым тому свидетельством было возраставшее из года в год число отказов в госпитализации из-за недостатка мест; больше всего отказов (42 916) падает на 1913 г. Для удовлетворения потребностей горожан Москве не хватало 2200 больничных мест[29].

Переполненность московских городских больниц в значительной степени была также вызвана распространенностью в столице заразных болезней, с которыми уже давно справилась Западная Европа. Нередкие в Москве эпидемии сыпного тифа объяснялись не только скученностью и плохими санитарными условиями, особенно на окраинах, но и притоком по 10 железным дорогам населения из всех уголков России.

В 1913 г. в честь 300-летия Дома Романовых Дума решила построить больницу на 500 коек, затем их число было увеличено до 1500 больничных мест, но в связи с первой мировой войной проект оказался неосуществленным. Очевидно, что реализация намеченных планов позволила бы поднять городскую медицину на качественно новый уровень.

С заботой о здоровье населения было связано и развитие различных видов спорта. С конца XIX в. он становится заметным явлением в Москве. Здесь действовало примерно два десятка спортивных обществ: гимнастическое (год основания – 1868-й), охотничье (1867), лыжников (1895), велосипедистов (1883), велосипедистов-туристов (1897), рыболовства (1897), верховой езды (1898), автомобилистов (1900), теннисистов (1901), фехтования (1905), мотористов (1906), конькобежцев (1913), любителей горнолыжного спорта, плавания, шахматистов, яхтсменов и др. Широкой известностью в спортивном мире пользовались Шахматный кружок, Лига лыжебежцев, Собрание любителей гимнастики, Клуб автомобилистов, Яхт-клуб, Футбольная лига. Последняя накануне первой мировой войны объединяла 25 спортивных обществ. Активно действовал Московский олимпийский комитет, цель которого состояла в «объединении всех организаций, культивирующих любительский спорт в Москве». В состав комитета входили по три представителя от каждой спортивной лиги.

Кроме того, в городе насчитывалось несколько спортивных обществ «оздоровительного» характера – четыре гимнастических общества: «Сокол», Замоскворецкий клуб спорта, Измайловский клуб спорта, Новогиреевское спортивное общество, а также кружок любителей спорта и др. Целью первого Русского гимнастического общества являлось: «содействовать физическому и нравственному совершенствованию своих членов, развивая в них путем систематических упражнений физическую силу и ловкость, мужество и сознание единства, содействовать теоретически и практически физическому развитию; устраивать систематические курсы гимнастики с выдачею дипломов на звание преподавателя гимнастики»[30]. Российское общество туристов направляло свои усилия на «содействие развитию в России всякого рода туризма без различия способов передвижения».

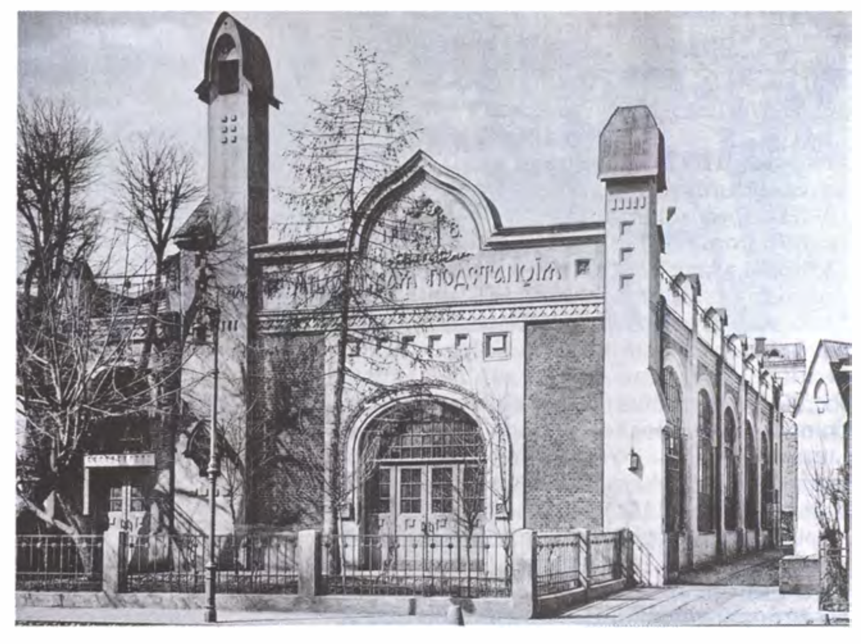
Во многих обществах можно было заниматься на выбор несколькими видами спорта. Так, в Замоскворецком клубе

[27] *Михайловский А.* Указ. соч. С.3, 4, 8, 9.

[28] Там же. С.11; *Писарькова Л.Ф.* Деятельность Московской городской думы в области медицины, народного образования и общественного призрения после 1892 г. // Проблемы истории СССР. Вып.VII. М., 1978. С.130.

[29] По Москве. С.142, 143; Московская городская дума. 1913–1916. С.139, 141.

[30] Вся Москва. Адресно-справочная книга на 1913 г. М., 1914. С.999.



Проект московского метро. Акварель Н. Каразина. 1902 г.

Мещанская электрическая подстанция городских железных дорог. 1910-е гг.

спорта (на Калужской площади) культивировались футбол, лаун-теннис, легкая и тяжелая атлетика, лыжи, хоккей, катание на коньках, игра в мяч. Плата устанавливалась умеренная: для действительных членов – 12 руб., для посетителей – 10 руб. в год[31]. Женщины и дети платили меньше.

Многие спортивные общества располагали своими стационарными местами тренировок и занятий. К их числу относились катки на Патриарших прудах и на Петровке, горнолыжная станция на Воробьевых горах (имение С. Грачева), купальни близ Бородинского моста, гавань и баржа у Дорогомиловского моста.

В городе имелся ряд первоклассных спортивных сооружений: ипподром, например, признавался не только лучшим в России, но и одним из совершенных в мире. Все это давало возможность проводить в Москве как всероссийские, так и международные соревнования по футболу, верховой езде, автомобильным гонкам, шахматам и другим видам спорта. В Москве в 1912 г. было создано акционерное общество с капиталом 2 млн. руб. «для сооружения и эксплуатации грандиозного Дворца спорта с ареной из искусственного льда».

В городе издавалось около десятка спортивных газет и журналов: «Спортивный листок», «Русский спорт», «Велосипедный спорт», «Бега и скачки» и др. Здесь жил и работал один из первых и наиболее известных спортивных репортеров России В. А. Гиляровский.

Ритм времени накладывал свой отпечаток и на спортивную жизнь города. Некоторые «традиционные» виды спорта утрачивали свою былую значимость. Уничтожение лесов вокруг города печально отразилось на охотничеських обществах. Интерес к бегам и скачкам ограничивался в значительной мере кругом привилегированной публики и поддерживался преимущественно тотализатором[32]. Если ранее ведущее место занимали такие виды спорта, как охота, рыболовство, скачки, борьба, поднятие тяжестей, то в начале XX в. на первый план выдвинулись футбол, легкая атлетика, гимнастика, велосипедный, автомобильный, воздухоплавательный спорт, а зимой – лыжи, коньки, хоккей. На катках Петровки, Патриаршего пруда всегда было многолюдно, а на катке Яхт-клуба постоянно велись жаркие хоккейные баталии.

Поветрием юного поколения москвичей на рубеже двух веков стал велосипедный спорт. Вскоре все большее внимание любителей спорта начали приковывать мотоцикл, автомобиль и даже самолет. Москва являлась местом ряда крупных автопробегов. В 1910–1911 гг. москвичи могли наблюдать «публичные полеты» на аэропланах первых русских авиаторов – С. И. Уточкина и Б. И. Россинского[33].

Спорт приобретал все более массовый и демократичный характер. Так, в конных состязаниях, проводившихся в городском манеже, среди наездников появились и женщины.

В Москве проходили не только городские чемпионаты, она становилась местом всероссийских состязаний (например, конькобежцев), всероссийских спортивных праздников (гимнастического), международных соревнований – футбольных матчей, автопробегов, шахматных турниров.

Чемпионкой одного из Всероссийских открытых состязаний по теннису (1907) стала москвичка Надежда Мартынова[34].

Среди выдающихся спортсменов других городов и стран, принимавших участие в этих состязаниях, в первую очередь следует назвать шахматистов

[31] Вся Москва. С.1001.

[32] Москва на рубеже двух веков. М., 1910. С.141–143.

[33] История Москвы. Т.V. С.451

[34] Великолепный теннис. 1878–1991. М.; Нью-Йорк, 1992. С.17.

Пожарный автомобиль. 1914 г.

Лыжники на станции Царицыно. 1910 г.

Полет С. И. Уточкина в Москве. 1910 г.

Алехина, Чигорина, Капабланку (Куба), Ласкера (Германия), Пильсбери (США). В свою очередь, московские спортсмены активно участвовали в международных соревнованиях, проводившихся за рубежом, хотя их достижения оставались еще весьма скромными.

Возросшая популярность спорта способствовала появлению особой отрасли промышленного производства: некоторые предприятия, например мастерские братьев Цыгановых, стали специализироваться на изготовлении спортивных принадлежностей и достигли в этом отношении значительных успехов и признания.

В годы первой мировой войны развитие спорта и проведение спортивных состязаний, естественно, затормозились, но не прекратились совсем. Вот что сообщала одна из газет в 1915 г.: «Вопреки ходившим слухам и даже газетным сообщениям Московское общество любителей лаун-тенниса (Петровка) будет функционировать в этом сезоне. Удалось достать до 60 дюжин мячей, хотя и по 120 руб. за дюжину вместо прежних 10–15...»[35]

Городская общественность и Дума проявляли большую заботу и о развитии народного образования[36], об организации помощи вдовам, сиротам, бездомным и другим социально слабым и деклассированным слоям населения. Правда, расходы города на общественное призрение никогда не были большими: в последней четверти XIX в. они составляли от 2,5 до 4,7% бюджета. В XX в. их удельный вес стал сокращаться и к 1914 г. составлял 2,7% расходов города. Общественное призрение в Москве в значительной степени было делом общества. В 1914 г. в ведении городского общественного управления находилось: 5 домов призрения, 11 богаделен (не считая открытого в 1912 г. приюта для вдов и сирот русских художников им. П. М. Третьякова), 4 детских приюта, 3 дома бесплатных и 2 дома дешевых квартир, 6 ночлежных домов, 2 дома трудолюбия, посредническая контора и Биржа труда[37]. Эти учреждения в большинстве своем были созданы на частные капиталы и носили имена известных благотворителей: Бахрушиных, Ляминых, Морозовых, Третьяковых, Тарасовых и др. Но и Дума не была сторонним наблюдателем. Она выделяла землю под строительство этих учреждений и содержала их за счет городского бюджета. На средства города открывались ночлежные и работные дома.

Однако несмотря на определенные успехи в этой сфере, Дума не могла оказать помощь всем, кто в ней нуждался. Особенно остро в Москве стояла проблема жилья для бедных и малоимущих слоев населения. Не случайно поэтому Дума в последний перед войной заем включила сумму на постройку новых домов дешевых квартир.

[35] Великолепный теннис. С.41.

[36] Подробнее см. гл. 2, § 1.

[37] По Москве. С.146–151.

Тверской бульвар. Открытка начала XX в.

Проведенное Московской городской думой в 1898 г. обследование жилищного фонда города установило, что из 1,1 млн. москвичей более 20% проживало в неблагоприятных условиях, ночуя в коечно-каморочных квартирах, постоялых дворах и ночлежных домах. Более 180 тыс. человек обитало в коечно-каморочных жилищах, где комнаты делились на клетушки-каморки с перегородками, не доходящими до потолка. Однокомнатная квартира стоила съемщику 17 руб. в месяц и при месячном заработке рабочего в 12–19 руб. оказывалась ему явно не по карману. Семейные обычно селились в каморках с дощатыми перегородками, за которые платили съемщику 6 руб. в месяц, холостые занимали «одиночные койки» за 2 руб. с человека или «половинчатые» за рубль, на которых по очереди спали рабочие разных смен. Сдавались также и «места без определенного угла для спанья», где люди лежали вповалку на полу.

Надо ли говорить, что в подобных жилищах царила страшная теснота и сырость, так как около $^2/_3$ обитателей коечно-каморочных «апартаментов» проживали в подвальных и полуподвальных помещениях. Соответствующей была и атмосфера, в которой, как отмечали служащие городского самоуправления, «непривычный человек не может оставаться и несколько минут». И в таких условиях годами жили не представители городского «дна», не люмпены, а достаточно квалифицированные рабочие с семьями, которые снимали квартиру, однако вынуждены были пускать жильцов в каморки и сдавать койки. Основная масса таких квартир располагалась за пределами Садового кольца, на окраинах тогдашней Москвы. Относительно благополучный центр города был как бы опоясан беспокойными рабочими слободками[38].

И все же благодаря деятельности московского городского общественного самоуправления медленно, но верно менялся облик первопрестольной столицы. Этому в немалой степени способствовали большие работы по благоустройству города, проведенные перед самым началом войны: были устроены скверы на Театральной и Воскресенской площадях, ставшие украшением Москвы; разбиты парки на Воробьевых горах и многочисленные цветники и газоны на бульварах; построен новый Бородинский мост; открыты первые в Москве общественные туалеты; велись работы по замене керосинового освещения газовым или электрическим; был разработан и начал осуществляться план замощения города новыми мостовыми. Последняя проблема оказалась особенно актуальной для Москвы, где покрытие, причем самое несовершенное, булыжное, имели только 67% дорог и тротуаров (1993 из 2977 тыс. кв. сажень)[39].

Воплощение многих проектов приостановила начавшаяся война, которая тяжело отразилась на хозяйстве столицы и прежде всего на основном источнике ее доходов – городских предприяти-

[38] Центральный исторический архив Москвы (далее ЦИАМ). Ф.179. Оп.57. Д.604. Л.15–24.

[39] *Сытин П.В.* Указ. соч. С.182.

ях. Поток раненых, направляемых главным образом в Москву, потребовал от Думы большого напряжения сил и средств. Москва покрылась сетью госпиталей. К августу 1916 г. их насчитывалось свыше 1000; число коек в них приближалось к 100 тысячам. На организацию лазаретов до середины 1916 г. город получил из казны 60,4 млн. рублей.

Одновременно с устройством раненых Думе приходилось решать множество больших и малых проблем, возникавших в условиях военного времени. Это и снабжение Москвы продуктами, и беженцы, и организация в лазаретах бесплатных библиотечек, и бесплатный проезд в трамвае увечных воинов, и многое другое[40].

Высокий профессионализм и масштабность в организации хозяйственной деятельности, широкое проведение принципа муниципализации предприятий, опыт ведения городского хозяйства – все это сделало Московскую городскую думу признанным авторитетом в городских делах. Здание Думы на Воскресенской площади, куда за советом и помощью приезжали из самых отдаленных уголков России, было хорошо известно за пределами Москвы. Дума стала настоящей «Всероссийской консультацией по городским делам»[41].

Успешное ведение сложного и многоотраслевого хозяйства Москвы подразумевало участие в общественной работе большого числа высококвалифицированных специалистов. И московское городское общественное управление располагало такими специалистами, причем не только среди «отцов города» – членов Управы и служащих многочисленных городских заведений, но и среди гласных Думы.

Действительно, с введением Городского положения 1892 г. образовательный уровень московских гласных заметно вырос и, несмотря на отсутствие образовательного ценза, играл не последнюю роль при их избрании. В результате число гласных с высшим образованием постоянно увеличивалось. Если в Думе 1901–1904 гг. они составляли 43% гласных (57 из 133 человек), то в 1913–1916 гг. их число приблизилось к 50%.

В Московской городской думе, наряду с гласными торгово-промышленных кругов, заседали профессора, юристы, врачи, учителя, инженеры и техники. Они входили в многочисленные комиссии (в 1914 г. работало 36 постоянных и временных комиссий), где со знанием дела обсуждались как проблемы народного образования, медицины, санитарии, так и технические вопросы, связанные с расширением водопроводного хозяйства, реконструкцией газового завода и пр.

Большим влиянием в Думе пользовались старейшие гласные В. И. Герье, С. А. Муромцев, Н. Н. Щепкин, В. М. Пржевальский (брат знаменитого путешественника), которые регулярно посещали заседания, внимательно изучали доклады Управы, вели большую работу в комиссиях.

Но не все гласные были так добросовестны. Характеризуя состав Думы 1901–1904 гг., один из старейших городских деятелей Москвы Н. П. Вишняков со свойственной ему категоричностью писал о «бесполезных» для города гласных. Главная причина их бесполезности заключалось в том, что «у всех людей способных было платное дело, а потому они к бесплатному относились спустя рукава». Так, известный адвокат Ф. Н. Плевако за четыре года посетил 15 из 100 заседаний; мировой судья Н. Н. Шемшурин, «прекрасный юрист, он так утомлялся днем в камере, что являлся для Думы бесполезным. Особенно

[40] Московская городская дума. 1913–1916. С.44, 45, 153; ЦИАМ. Ф.179. Оп.21. Д.4636, 4659, 4688, 4711.

[41] *Астров Н.И.* Указ. соч. С.5

Брестский (ныне – Белорусский) вокзал. 1910 г.

Профессор С.А. Чаплыгин, Л.Л. Катуар, князь Г.Е. Львов. 1910-е гг.

блистали ненужностью гг. профессора. Зачем они шли в гласные, остается навек загадкой». Гласный 1901–1904 гг. профессор В. Ф. Снегирев, по ядовитому замечанию Н. П. Вишнякова, «примечателен тем, что за 4 года заехал в Думу, очевидно по ошибке, 3 раза (при 100 заседаниях)»[42].

В предвоенные годы в Московской думе, как и во второй половине XIX в., были представлены все городские сословия. В результате выборов 1912 г. число гласных из мещан, крестьян и цеховых заметно возросло и составило 15% (в 1901 г.– 3,8%).

Традиционно преобладали в Думе гласные из торгово-промышленных слоев населения. Но лидеры купечества в XX в. стали другими. Многие представители известных купеческих фамилий (Рукавишниковы, Гучковы, Вишняковы), получив образование, отошли от торгово-промышленной деятельности и по роду занятий стали относиться к интеллигенции. «Лидерство было в руках интеллигентских» – так охарактеризовал Московскую думу XX в. один из активнейших ее гласных П. А. Бурышкин. По его воспоминаниям, выходцы из купечества Н. И. и А. И. Гучковы, А. С. и А. П. Вишняковы, представители интеллигенции С. А. Муромцев, Н. Н. Щепкин и братья Астровы «тесно переплелись друг с другом и составляли единую цельную группу»[43].

Необходимо заметить, что именно из этой группы московских гласных вышли лидеры двух враждующих партий: октябристов и кадетов, которые возглавили политическую жизнь не только Москвы, но и России в целом.

В XX в. зданию Городской думы на Воскресенской площади суждено было стать центром как хозяйственной, так и политической жизни Москвы. Под влиянием Думы формировались политические настроения и других городов России. «Каждое выступление Московской думы,– писал впоследствии С. В. Бахрушин,– как раскат грома, проносилось по стране, встречая отзвук в самых захолустных углах ее... ее словами говорили, ее мыслями думали все прочие города России, жадно прислушиваясь к ее голосу, глядя на ее указующий перст. Слово Московской думы поэтому вызывало внимательное отношение и высших петербургских сфер»[44].

Начало новому направлению деятельности Думы, не предусмотренному законом, положило заседание 30 ноября 1904 г. Именно тогда, по саркастическому выражению старейшего гласного профессора В. И. Герье, Московская городская дума «бессознательно бухнулась в радикализм»[45].

На этом заседании почти единогласно было принято заявление, содержащее требование демократических свобод и союза администрации с общественностью. Думские гласные настаивали на «твердом установлении начала законности», «создании законов при постоянном участии выборных от населения».

Выступление Думы стало следствием общих настроений, которые охватили Москву и в конечном итоге привели к событиям 1905 г.

[42] ЦИАМ. Ф.1334. Оп.1. Д.16. Л.24 об., 20.

[43] *Астров Н.И.* Указ. соч. С.5.

[44] ЦИАМ. Ф.2263 (С.В. Бахрушин). Оп.1. Д.2. Л.1.

[45] Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее ОР РГБ). Ф.70 (В.И. Герье). К.32. Д.4. Л.3.

Н. И. Гучков

В. В. Руднев

В XX в. отношения Московской думы с городской администрацией стали более напряженными. В немалой степени этому способствовали и широкомасштабная хозяйственная деятельность Думы, не встречавшая особой поддержки в Петербурге, и выборы в 1904 г. на третий срок городским головой князя В. М. Голицына, нелюбимого в высших кругах, и политическая активность либеральной части гласных, выходившая за рамки компетенции муниципалитета.

Отставка князя В. М. Голицына и избрание в 1905 г. на должность городского головы Н. И. Гучкова, одного из лидеров «Союза 17 октября», привели к некоторому примирению сторон. По крайней мере за семь лет полномочий Гучкова Дума не имела серьезных конфликтов с администрацией[46]. Так, с начала 1910 г. и до середины 1913 г., т.е. за 3,5 года, московским градоначальником было опротестовано только 62 постановления Думы (из 3287)[47]. Умение Гучкова ладить с администрацией объяснялось не только его политическими взглядами, но и личными качествами нового головы. По мнению С. В. Бахрушина, «он с излишней готовностью принял на себя роль услужливого и доверчивого исполнителя предначертаний начальства... его низкопоклонство особенно бывало неприятно по сравнению со спокойным самообладанием князя Голицына, державшего представительство города чрезвычайно высоко». Вместе с тем, по признанию Бахрушина, время Гучкова было периодом большой деловой работы и расцвета города[48].

В январе 1913 г., с уходом Н. И. Гучкова, отношения Думы с администрацией вступили в новую стадию, отмеченную противодействием властей избранию нового головы. В 1913 г. Дума трижды проводила выборы головы, представляя в качестве кандидатов членов кадетской партии князя Г. Е. Львова, профессора С. А. Чаплыгина и Л. Л. Катуара, и трижды правительство отклоняло эти кандидатуры.

В 1914 г. в Петербурге на самом высоком уровне даже обсуждался вопрос о правительственном назначении на должность московского городского головы чиновника Министерства внутренних дел и члена Государственного совета Б. В. Штюрмера. Но из-за опасения эксцессов в Москве правительство отказалось от этой идеи[49].

Только после начала войны Думе разрешили провести новые выборы, и представленная на этот раз кандидатура правого кадета М. В. Челнокова была утверждена в должности. Показательно, что за 1,5 года, когда Москва оставалась без городского головы, было опротестовано около 70 постановлений Думы, т.е. больше чем за 3,5 года правления Н. И. Гучкова[50].

С началом первой мировой войны наступил очень непродолжительный период слаженной работы общества и власти. Четкая организация Московской думой помощи раненым и населению примирила правительство с оппозиционной Москвой. Однако итоги городских выборов 1916 г., последних по Городскому положению 1892 г., в ходе которых полную

[46] История Москвы. Т.V. С.683.

[47] ЦИАМ. Ф.179. Оп.3. Д.2117. Л.2.

[48] ЦИАМ. Ф.2263. Оп.1. Д.6. Л.6, 4 об.

[49] *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. Т.2. М., 1992. С.195–204.

[50] Московская городская дума. 1913–1916. С.3–7.

победу одержали кадеты, не устроили официальный Петроград. Губернское по городским делам присутствие, придравшись к незначительным нарушениям процедуры выборов, отменило их результаты.

Временное правительство признало незаконной отмену московских выборов 1916 г., и 7 марта 1917 г. состоялось первое заседание Думы в новом составе. Городским головой стал Н. И. Астров, товарищами головы – П. П. Юренев и П. А. Бурышкин. Но срок полномочий этого состава оказался очень кратким и закончился летом 1917 г., а с ним прекратила свое существование и цензовая Дума в Москве.

26 июня 1917 г. состоялись московские городские выборы по новому избирательному закону, предоставившему избирательные права каждому гражданину, достигшему 20 лет, независимо от пола, состояния и времени пребывания в городе. Отсутствие ценза позволило участвовать в выборах даже гарнизонным войскам.

Из 1200 тыс. избирателей на выборы явилось 646 568 человек, из них 374 885 человек (58%) отдали свои голоса партии эсеров. Такое необычное для городского населения пристрастие к эсерской партии можно объяснить крестьянским происхождением большей части жителей Москвы.

Новая Дума состояла из 200 гласных, которые по партийному составу распределялись следующим образом: 115 эсеров, 34 кадета, 24 меньшевика, 23 большевика и 3 гласных из народно-социалистической партии. Было введено еще одно новшество, которого не знала предыдущая Дума: установлена оплата труда гласных – 5 руб. за участие в каждом заседании Думы и 5–10 руб. за работу в комиссиях (ее дневные заседания стоили в два раза дороже). 7 июля на своем первом заседании новая Дума избрала городским головой земского врача В. В. Руднева, входившего в партию эсеров[51].

Трудно судить, насколько работоспособной оказалась бы Дума, избранная на таких непривычных для России началах, слишком небольшим был отпущенный ей срок, как, впрочем, и создавшему ее Временному правительству.

3. ЭКОНОМИКА И ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ: МОСКВА КУПЕЧЕСКАЯ

«Москва купеческая» – так назвал свою широко известную книгу П. А. Бурышкин, один из характернейших представителей делового мира столицы, имея в виду то доминирующее положение, которое занимали предприниматели в городской жизни. «Москва,– писал он,– считалась купеческим городом, где представители промышленности и торговли занимали руководящие места, в частности в московском городском общественном управлении»[52]. Однако в «образованном» российском обществе предреволюционных лет сложился негативный стереотип в отношении «мира капитала», который мешал по достоинству оценить деяния и замыслы этой социальной группы.

«И в дворянстве,– продолжал мемуарист,– и в чиновничестве, и в кругах интеллигенции, как правой, так и левой, отношение к «толстосумам» было, в общем, малодружелюбным, насмешливым и немного «свысока». Во всяком случае, «торгово-промышленники» отнюдь не пользовались тем значением и не имели того удельного веса, которые они должны были иметь благодаря своему руководящему участию в русской хозяйственной жизни и которыми пользовались их западные, европейские и особливо заокеанские коллеги в своих странах»[53]. Москва купеческая – это целый мир со своим историческим опытом, деловыми традициями, жизненным укладом и менталитетом.

Буржуазии не суждено было закрепиться на верхних ступенях социальной иерархии, к которым она стремилась в предреволюционный период. И дело здесь не в пресловутой «слабости» и «ограниченности» отечественного предпринимательского класса – тезис, ставший общим местом историографии и публицистики советского периода. По своим объективным характеристикам российские, и прежде всего московские, капиталисты мало в чем уступали своим европейским собратьям. По ряду же позиций (политическая активность, вклад в развитие национальной культуры) они даже превосходили западных предпринимателей того времени.

Слишком острым, однако, оказался кризис, который русское общество пережило в начале XX в., когда в течение 17 лет над страной пронеслись две войны (русско-японская и первая мировая) и три революции. Революционный вихрь разрушил частнопредпринимательский уклад и рассеял по миру отечественных капиталистов, вынужденных коротать свой век в эмиграции или в советских лагерях. Отечественная буржуазия, прежде всего московская как наиболее колоритный ее отряд, долгое время оставалась «забытым классом», и лишь переоценка ценностей, которую пережило наше общество в начале 90-х гг., позволила посмотреть на ушедшую купеческую Москву с объективных позиций.

«Купец первой гильдии», «именитое купечество» – эти выражения часто встречались в лексиконе дореволюцион-

[51] *Михайловский А.* Деятельность Московского городского управления // Известия Московской городской думы. 1917. № 7, 8. С.9, 13.

[52] *Бурышкин П.А.* Москва купеческая. М., 1991. С.40 (1-е изд., Нью-Йорк, 1954).

[53] Там же. С.40, 41.

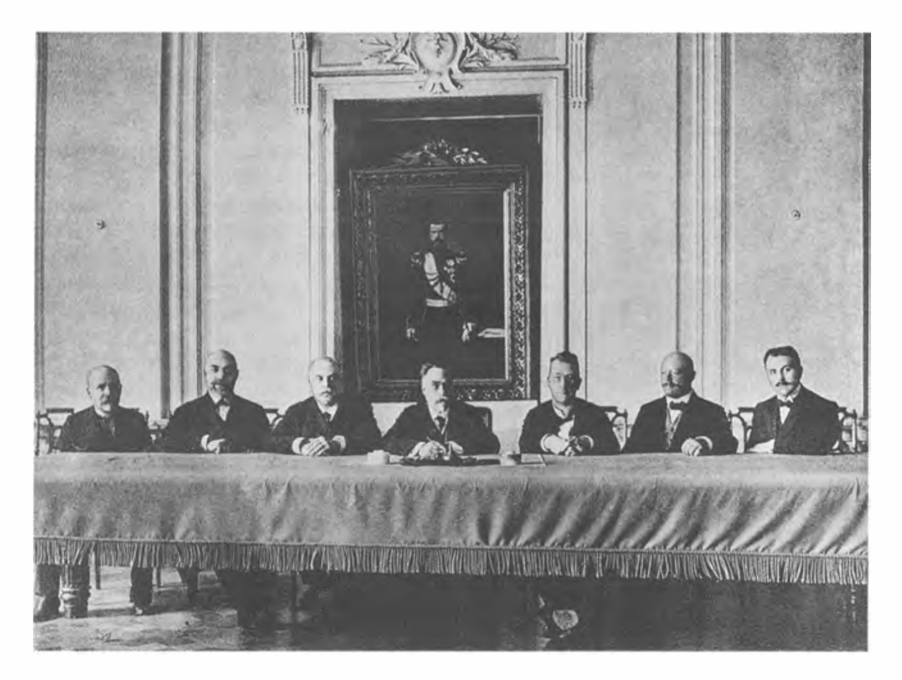
ной России как символ мира капитала. Однако уже современникам было ясно, что подобная фразеология является скорее риторическим приемом, данью традиции, чем обозначением действительного социального статуса. В начале XX в. архаическая сословная организация общества, искусственно поддерживаемая правительством, в реальной жизни все более уступала место естественному классовому признаку.

В Европе купеческие гильдии появились в период раннего средневековья как корпоративные организации торговцев. Однако по мере развития капитализма и свободной конкуренции прежняя феодальная монополия на право заниматься предпринимательством отмирала, так что в конце XVIII – начале XIX в. гильдейские организации повсеместно прекратили существование. В России же купеческие гильдии, введенные Петром I как объединения городских жителей и окончательно оформленные при Екатерине II, служили исключительно фискальным интересам государства и потому искусственно сохранялись на всем протяжении дореволюционного периода.

Тем не менее представители купеческого сословия в начале XX в. отнюдь не превалировали в составе предпринимательского слоя населения. С принятием в 1898 г. закона о промысловом налоге, уничтожившего обязательную связь между предпринимательской деятельностью и записью в купеческую гильдию, купеческая сословная группа потеряла свое значение. Если прежде необходимо было выкупать у государства право на занятие промыслами, уплачивая специальный налог – гильдейский сбор, то теперь достаточно было получить промысловое свидетельство, уплатив единый промысловый налог. При численном росте лиц, занимавшихся предпринимательством, все меньше приобреталось ими купеческих свидетельств, происходил прорыв сословной оболочки под влиянием процесса складывания буржуазного класса, вбиравшего в себя выходцев из различных социальных групп.

Если в 1899 г. в целом по России было получено 1043,5 тыс. промысловых свидетельств и 42,5 тыс. купеческих, что составляло 4%, то в 1902 г. промысловых свидетельств значилось 1080,6, а купеческих – 38 тыс., т.е. 3,5% российских предпринимателей входили в купеческое сословие. Старинное московское купечество по традиции сохраняло связь с гильдией, но среди вновь включавшихся в деловую сферу предпринимателей оставалось все меньше купцов. Согласно новейшим исследованиям, до 40% совладельцев торговых домов и до 30% директоров акционерных компаний в канун мировой войны не были официально связаны с купеческим сословием, будучи записаны в «мещане», «крестьяне» и т.п.[54] Нередко случалось, что «крестьянин», числившийся в составе сельского общества, оказывался крупным землевладельцем или фабрикантом, что само по себе свидетельствовало о нежизнеспособности сохранявшихся делений на сословия. В равной мере в директорате крупной компании или банка мог оказаться сиятельный князь, в чем и выражалось набиравшее силу «обуржуазивание» дворянства.

Принадлежность к купеческому сословию объяснялась в значительной мере соображениями традиции и престижа. «Старые торговые дома, купеческие семьи,– отмечали современники,– дорожат своей торговой репутацией, передают



Присутствие Московской купеческой управы. 1 июля 1913 г.

Здание Московской купеческой управы в Юшковом переулке

[54] *Боханов А.Н.* Крупная буржуазия России. Конец XIX в.– 1914 г. М., 1992. С.108, 121, 146.

торговое и промышленное дело из рода в род, высоко ставят свою принадлежность к купеческому сословию, гордятся им»[55].

Сколько же крупных предпринимателей действовало в Москве в начале XX в. вне зависимости от их сословной принадлежности? Вообще, слой крупной буржуазии в стране был очень тонок. В 1900-х гг. всего около 30 тыс. человек в России получали годовой доход свыше 10 тыс. руб., являвшийся в тех условиях признаком зажиточности и отчасти богатства. Вместе с членами семей эта группа, которую можно идентифицировать как крупную буржуазию, насчитывала около 300 тыс. человек, или всего 0,1% 150-миллионного населения империи[56]. В то же время этому слою принадлежало 40% доходов (совместно с группой, годовой доход которой составлял свыше 1 тыс. руб. и включавшей в себя около 500 тыс. человек).

И в Москве процент людей, занимавшихся сколько-нибудь крупным предпринимательством, был невелик. По данным городской переписи 1902 г., среди жителей Москвы фабрикантов и заводчиков насчитывалось 1394 человека, хозяев торговых и кредитных учреждений – 7869, рантье, живущих доходом с денежных капиталов,– 7290. Всего, таким образом, из учтенного переписью населения города (1 092 360 человек) 16 553, или около 1,5%, можно отнести к крупным предпринимателям[57].

Оптимальным критерием для классификации буржуазии являются данные о доходах, однако в России система подоходного обложения, готовившаяся еще с конца XIX в., так и не была введена в действие вплоть до революции 1917 г. Предварительные расчеты, сделанные в связи с подготовкой реформы, показали, что по количеству владельцев торгово-промышленных фирм, подлежащих обложению (с годовым доходом более 1 тыс. руб.), Московская губерния (подсчеты велись по губерниям, без выделения городов) шла на первом месте в России. В начале 1900-х гг. таких предпринимателей насчитывалось здесь 9067 человек по сравнению с идущей на втором месте Петербургской губернией (7709 человек). Доходами от городского недвижимого имущества по Московской губернии жило 7246 человек (в Петербургской – 6668).

Надо заметить, что доход в 1 тыс. руб. в год для дореволюционной России нельзя считать символом богатства, он скорее являлся «прожиточным минимумом», как называли его составители материалов, касающихся подоходного обложения. В этих материалах приводятся и интересные сведения о владельцах торгово-промышленных предприятий с доходом свыше 50 тыс. руб., что являлось действительно высоким уровнем зажиточности. Для сравнения укажем, что годовое жалованье царского министра не превышало 25–30 тыс. руб. в год. Правда, для чиновничьей элиты это были «свободные» деньги, тогда как львиная доля предпринимательских доходов должна была снова вкладываться в дело, без чего оно не могло возобновить производственный цикл. Поэтому действительно крупных богачей в Москве было немного: 313 человек с общим доходом 74,6 млн. руб., т.е. в среднем около 240 тыс. руб. на персону. В Петербурге их было чуть меньше, но они были несколько богаче: 236 человек с общей суммой 71,6 млн. руб., т.е. в среднем более 300 тыс. руб. на каждого[58].

Эти примерно 300 богатейших предпринимателей в начале XX в. представляли деловую верхушку Москвы, причем круг капиталистов, активно участвовавших в предпринимательских организациях и в жизни города, в целом был еще меньшим. Известный интерес вызывает вопрос о размерах личного богатства хозяев купеческой Москвы. В литературе уже высказывалось предположение, что «московские магнаты в целом обладали гораздо большими личными состояниями, чем заправилы ряда высокомонополизированных отраслей тяжелой промышленности». Однако исследователи признавали невозможным оценить личные капиталы в цифрах[59].

Тем не менее у историков есть возможность по крайней мере приблизительно определить размеры состояний московских предпринимателей. Речь идет о сохранившихся в архивах документах по наследственному переходу имущества, в котором зафиксированы величина и структура капитала. В Москве была обычной процедура ввода в наследование в соответствии с духовным завещанием – составленным при жизни наследователя документом, выражавшим его последнюю волю. Нотариально оформленное завещание после его смерти представлялось наследниками для утверждения в судебные инстанции.

Так образовывался целый комплекс документов, позволявших приоткрыть завесу над тщательно скрываемым в деловых кругах размером наследства.

Всего были обнаружены сведения о наследстве 65 крупных предпринимателей Москвы, имевших на рубеже XIX–XX вв. состояние не менее чем 100 тыс. рублей[60]. Оказалось, что в Москве весьма высокой была доля сверхкрупных капиталов: почти у половины выявленных персоналий наследство превышало миллион рублей – гигантская сумма по меркам дореволюционной России. Среди московских миллионеров преобладали представители второго и третьего поко-

[55] Вестник финансов, промышленности и торговли. 1905. № 45/46. С.184.

[56] *Боханов А.Н.* Указ. соч. С.255, 256.

[57] Перепись Москвы 1902 г. Ч.1. Население. Вып.2. М., 1906. Табл.VI.

[58] Опыт приблизительного исчисления народного дохода по различным его источникам и размерам. Материалы к Проекту положения о государственном подоходном налоге. СПб., 1906. С.34, 35, 54–57.

[59] *Гиндин И.Ф.* Русская буржуазия в период капитализма. Ее развитие и особенности // История СССР. 1963. № 2. С.47, 63.

[60] *Петров Ю.А.* Документы о личных состояниях крупных московских капиталистов конца XIX – начала XX в. // Вопросы историографии и источниковедения дооктябрьского периода. М., 1992.

М. Ф. Морозова с сыном С. Т. Морозовым и внуками. 1900-е гг.

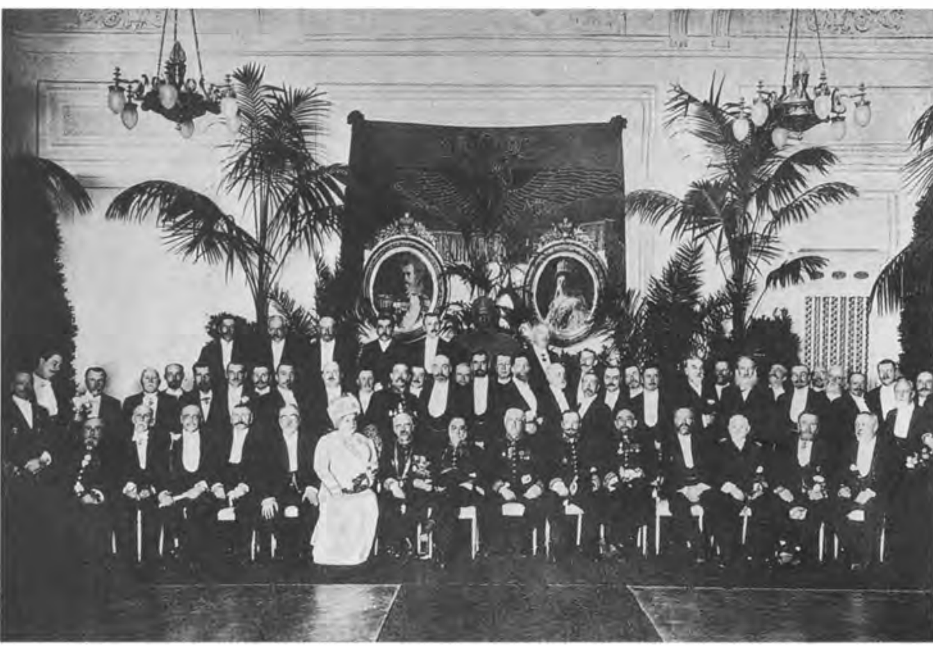
лений предпринимателей, обязанных своему успеху текстильному производству и крупной торговле. Отпрыски династий Морозовых, Боткиных, Перловых, Третьяковых, Рябушинских и др., унаследовав капиталы родоначальников, заметно их приумножили. Среди богатейших людей Москвы имелись и выходцы из российской глубинки, сумевшие утвердиться в столичном деловом мире (Второвы), и железнодорожные строители, сколотившие состояние на выгодных подрядах (фон Мекки), и выходцы из Европы, «московские немцы», как их называли русские предприниматели, приезжавшие в Россию бедными молодыми людьми и здесь становившиеся видными фигурами в предпринимательстве, основанном на внешнеторговых, промышленных и финансовых операциях (Кнопы – хлопчатобумажные короли Москвы, Вогау – владельцы огромного финансово-промышленного концерна с капиталом 50 млн. руб. и др.).

Самой богатой женщиной Москвы являлась М. Ф. Морозова, мать известного мецената С. Т. Морозова и хозяйка крупнейшей Никольской мануфактуры. К моменту кончины ее капиталы, в которых воплотилась предпринимательская деятельность трех поколений знаменитой династии текстильных фабрикантов, составляли в общей сумме более 29 млн. рублей. Под стать Морозовым были и другие московские кланы: после смерти в 1899 г. основателя семейного дела промышленников и банкиров П. М. Рябушинского наследство восьмерых его сыновей равнялось около 15 млн. рублей. У сибирского купца А. Ф. Второва, переселившегося на жительство в столицу, капитал составил 13 млн. рублей. Состояние владельца пассажа на Кузнецком мосту Г. Г. Солодовникова, скончавшегося в 1901 г., оценивалось в 21 млн. руб., причем 20 млн. руб. торговец завещал на нужды благоустройства родного города. Около 9 млн. руб. отписал наследникам основатель знаменитой водочной фирмы П. А. Смирнов, умерший в 1898 г.

За этими цифрами – история московского предпринимательства, из поколения в поколение передававшего семейное дело в надежные руки. Моты и транжиры были не в чести у московской деловой элиты. Напротив, хорошим тоном считалось не проживать весь годовой доход, а оставить часть на приращение капитала. Так, глава известной деловой династии Павел Павлович Рябушинский имел в 1915 г. годового дохода 326 913 руб. 35 коп. (именно так, до копеек умел он считать и свои, и чужие деньги). В течение года он израсходовал 183 633 руб. 61 коп., а остаток – 142 279 руб. 74 коп. перевел на увеличение состояния, и без того уже немаленького: оно превышало 4,3 млн. рублей[61].

Однако личное богатство отнюдь не было единственным мерилом человека в предпринимательской среде. Многое зависело и от того, какими путями накоплен капитал. Нувориши, наживавшиеся на сомнительных финансовых операциях, авторитетом, как правило, не пользовались. «Москва ни откупщиков, ни ростовщиков не любит»,– говорилось по этому поводу. Подлинные хозяева

[61] *Петров Ю.А.* П.П. Рябушинский // Россия на рубеже веков: Исторические портреты. М., 1991. С.121.



Товарищ старшины Московского купеческого сословия С. М. Третьяков

Группа выборных Московского купеческого сословия в зале собрания выборных. 26 мая 1913 г.

Москвы купеческой активно участвовали в жизни своей среды, и прежде всего – в деятельности Московского биржевого комитета, главной представительной организации «третьего сословия».

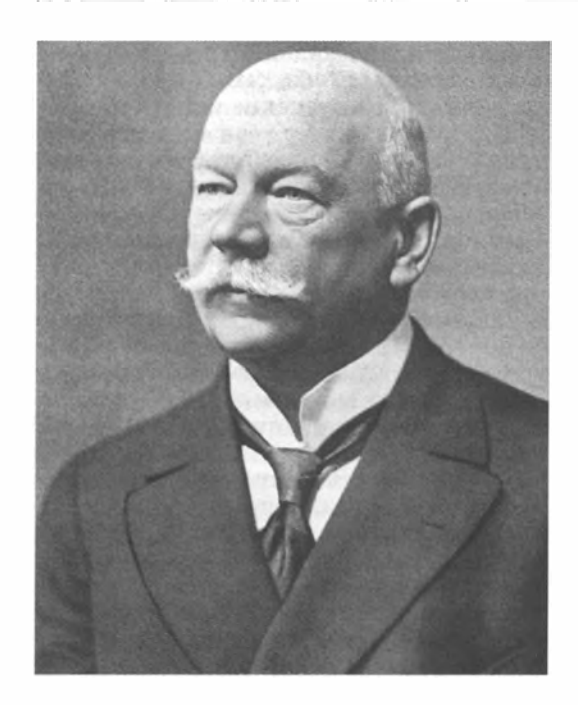
Количество членов существовавшего с 1839 г. Московского биржевого общества колебалось в пределах 300–400, число выборных, избиравшихся на 4 года, составляло 150–170 человек, в Биржевом же комитете заседало 5–7 старшин под председательством наиболее авторитетного предпринимателя, фактического распорядителя московской торгово-промышленной жизнью.

Среди выборных в начале XX в. выделялось 30–35 самых влиятельных лиц, зачастую представителей разросшихся старинных купеческих родов, которые и делали погоду на бирже. Хлопчатобумажные династии Барановых, Востряковых, Крестовниковых, Коноваловых, Лосевых, Морозовых, Найденовых, Прохоровых, Рябушинских, суконные «короли» Баклановы, Четвериковы, шелковые фабриканты Шенковы, льнопромышленники Третьяковы, отпрыски родов «московских немцев» Кнопы и Вогау, банкиры Вишняковы и торговцы пушниной Сорокоумовские, кожевенные фабриканты Бахрушины и другие являлись той деловой элитой, которая определяла лицо Москвы купеческой.

Большинство из них были потомственными почетными гражданами и отмечены званиями коммерции и мануфактур-советников, а некоторые за заслуги на предпринимательском поприще были пожалованы в потомственные дворяне – это Г. А. Крестовников, Н. И. Прохоров. Помимо главной представительной организации члены Биржевого общества участвовали в работе множества других, в том числе казенных экспертных советов, таких, как Московское отделение Совета торговли и мануфактуры, и в деятельности общественных организаций, прежде всего Московской городской думы, где предприниматели по традиции образовывали самый влиятельный слой гласных.

По «цеховому» составу большинство московских биржевиков являлись представителями основной отрасли московской промышленности – хлопчатобумажной: 90 из 150 выборных на 1914 г. были связаны с промышленными и торговыми предприятиями данной отрасли.

Тяжелая промышленность не была в Москве, в отличие от Петербурга, главной отраслью экономики. Но и она неуклонно развивалась, особенно накануне и в ходе первой мировой войны. У истоков ряда предприятий тяжелой индустрии стояли предприниматели-иностранцы. Однако с течением времени значительное число их обрусело, сохранив лишь прежние фамилии, у других же заводы выкупали русские промышленники. Среди старейших, доныне работающих московских заводов были Станкостроительный завод, основанный в 1857 г. «Обществом механических заводов братьев Бромлей», Электромеханический завод, созданный в 1847 г. В. Я. Гоппером и купленный в 1916 г. Л. А. Михельсоном. До 1914 г. последний изготовлял паровые машины, трансмиссии, детали текстильных машин, фасонное литье. С началом первой мировой войны он перешел на выпуск военной продукции. С 1883 г. работает Металлургический завод, основанный французским предпринимателем Ю. Гужоном и производивший ме-



Н. И. Прохоров

таллические конструкции для мостов и зданий, цепи и другие металлоизделия. В 1897 г. бельгийское «Центральное электрическое общество» основало Электромашиностроительный завод, поставлявший на рынок генераторы мощностью 20–260 л.с. и электрооборудование для подъемных кранов. В 1913 г. завод был куплен Русским электрическим обществом «Динамо» и с тех пор носит его имя. В 1916 г. Акционерное машиностроительное общество (АМО), в котором решающую роль играли Рябушинские, основало «Товарищество на паях автомобильного Московского завода АМО», превратившееся впоследствии в автогигант. Эта же семья становится инициатором создания Военно-промышленного общества для производства снарядов во время первой мировой войны.

И все же основные интересы московской буржуазии находились в иной сфере. Все активнее московский деловой мир внедрялся в финансовую сферу, в коммерческие банки и страховые общества. Здесь сказывался некий корпоративный дух, присущий Москве. Преимущественная часть коммерческих банков в городе (к началу мировой войны здесь находилось семь банков, не считая московских филиалов петербургских кредитных учреждений) была создана самими промышленниками, использовавшими их для льготного финансирования собственных компаний. В начале 1900-х гг. москвичи создали особую страховую корпорацию – Российский взаимный страховой союз, объединявший сотни фабрикантов Центрального района, недовольных монопольным положением на рынке акционерных страховых обществ.

Непререкаемым авторитетом пользовался бессменный в течение 30 с лишним лет председатель Биржевого комитета Николай Александрович Найденов (1834–1905), представитель третьего поколения московской промышленной династии, предки которого были крестьянами Владимирской губернии. Деловую карьеру он начал еще в 1860-х гг., основав торговый дом «А. Найденова сыновья», который занимался торговлей шерстяной пряжей и ее обработкой на собственной фабрике. За последнюю треть XIX в. Н. Найденов превратился в одного из крупнейших текстильных фабрикантов и банкиров. В начале XX в. он контролировал созданный им в 1870 г. Московский торговый банк, Московское торгово-промышленное товарищество (1874), занимавшееся операциями со среднеазиатским хлопком, хлопчатобумажное предприятие Разоренова и Кормилицына в Кинешме Костромской губернии, Товарищество Купавинской суконной фабрики близ Москвы, а также учрежденное по его инициативе Московско-Кавказское нефтепромышленное товарищество (1902), владевшее нефтеносными участками в бакинском районе. Высокое деловое реноме способствовало выдвижению Найденова в передовую шеренгу московского предпринимательского мира: с начала 1870-х гг. он являлся полновластным хозяином Биржевого комитета и пользовался немалым авторитетом в правящих верхах как специалист в области экономической политики. «Молодость его,– вспоминал один из хорошо знающих Найденова современников,– проходила во времена, когда купец был еще для многих «купчишка» и «аршинник», а под конец своей жизни председатель Московского Биржевого комитета был персона и для Петербурга»[62].

Н. А. Найденов являл собою живое олицетворение пореформенного московского купечества. В конце жизни он даже отказался от высокой чести быть занесенным с потомством в российское дворянское достоинство. «Я в купечестве родился, купцом и умру»,– ответил он на запрос из Петербурга, несказанно удивив своим «купеческим патриотизмом» столичных чиновников. Известный консерватизм – следствие относительно стабильного пореформенного развития – был присущ ему и в иных сферах. С недоверием относился глава Биржевого комитета к проектам изменения в отношениях с рабочими. По свидетельству современников, излюбленной его темой был вопрос «о патриархальном-де быте рабочих на русских фабриках и необходимости поосторожнее относиться к каким-либо введениям новшеств во взаимные отношения хозяев и рабочих»[63]. Этот консерватизм, особенно ярко проявлявшийся в сфере политики, где председатель

[62] *Рябушинский Вл.* Купечество московское // Былое. 1991. № 1.

[63] *Янжул И.И.* Из воспоминаний и переписки фабричного инспектора первого призыва. СПб., 1907. С.69.

А. А. Бахрушин

А. С. Капцов

организации московских дельцов предпочитал не выходить из усвоенной им роли верноподданного эксперта по экономическим вопросам, вызывал трения с более радикальными представителями российских предпринимателей начала XX в.

Едва ли не главным делом жизни этого выдающегося сына купеческой Москвы стало увлечение историей своего класса, которому – он был уверен – принадлежит будущее, а также изучение памятников горячо им любимого родного города.

С целью «сохранения на память будущему вида существующих в Москве храмов» Найденов организовал фотофиксацию всех церковных зданий города и в 1882–1883 гг. выпустил уникальное издание «Москва. Соборы, монастыри и церкви», включавшее 257 фототипических изображений. Затем появились альбомы с видами Москвы – всего 14 изданий с 680 снимками. Эта изобразительная энциклопедия была восторженно встречена современниками, которые отдали дань подвижническому труду ее создателя. «Не думаю,– писал по этому поводу П. А. Бурышкин,– чтобы в каком-либо другом городе мира были собрания такой же ценности исторических документов трудами одного человека»[64]. В 1880–1890-х гг. Найденов издал шесть фундаментальных публикаций по истории Москвы. Свыше 80 книг выпустил он за четверть века, выполнив, по сути дела, работу, равную труду целого коллектива специалистов. Немало сил отдал он своему сословию, опубликовав широко известную теперь серию документов под названием «Материалы по истории московского купечества».

Недаром после кончины предпринимателя-историка в целях увековечения его памяти Московская городская дума постановила учредить 25 стипендий имени Н. А. Найденова в Алексеевской торговой школе, созданной по его инициативе, и установить премию его имени «за сочинения в области церковно-исторической древности Москвы и торгово-промышленной истории города»[65]. Скончался Николай Александрович в декабре 1905 г., в разгар революционных событий в Москве, которые означали конец эволюционного пути развития и начало эпохи социальных потрясений, ускоривших кончину патриарха московского купечества.

4. БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ

Исстари Москву называли как «благотворительницей», так и «всероссийской богадельней». Действительно, с незапамятных времен столица притягивала к себе толпы бедняков, стремящихся сюда в расчете, что «Москва не сеет, не жнет, а богато живет». Только в последней трети XVIII в. милостыня перестала быть почти единственным видом помощи просящему. Началось непрерыв-

[64] *Бурышкин П.А.* Указ. соч. С.140, 141.

[65] ЦИАМ. Ф.179. Оп.21. Д.2361. Л.11–15.

ное развитие благотворительного движения[66]. На рубеже XIX–XX вв. столица по размеру и многообразию филантропии превосходила все другие города Российской империи.

Дело московской благотворительности всецело зависело от гражданской инициативы, от устремлений и чаяний самих москвичей. На рубеже веков частные пожертвования стали основным источником финансирования социальной сферы в городе. Не случайно в одном из изданий, посвященных веяниям XX в., отмечалось: «Ни в каком другом городе, даже в Петербурге, нельзя найти столько благотворительных учреждений, созданных на частные средства, как в Москве. Сотни тысяч ежегодно жертвуются московским купечеством на дела благотворительности. Клиники, больницы, богадельни, приюты с каждым годом приумножаются в Москве»[67].

Пиком явился период 1896–1905 гг., когда была пожертвована половина (более 19 млн. руб.) всех сумм, внесенных через муниципальные органы за 1866–1914 гг.[68]

В 1900-х гг. подавляющая часть даров, за небольшим исключением, исходила в Москве от предпринимателей и членов их семей. Доля дворянских вкладов была незначительной. Одновременно расширялся спектр благотворителей по социальному происхождению – среди них появились крестьяне, мещане и цеховые, чаще всего по своему статусу также относившиеся к предпринимателям.

Благодаря проведенным нами разысканиям удалось выявить, что в конце XIX – начале XX в. 11 человек пожертвовали Москве более 1 млн. руб. каждый, а еще 10 человек – не менее 400 тыс. рублей.

Крупнейшие московские филантропы-предприниматели:

Алексеева А. В.	2 008 377 руб., без учета стоимости недвижимости (нет сведений)
Бахрушин А. А.	2 659 723 руб., в том числе 699 300 руб. единолично, 1 960 423 руб. вместе с родственниками (результирующий личный взнос – 1 352 774 руб.)
Бахрушин В. А.	3 163 189 руб., в том числе 1 312 189 руб. единолично, 1 851 000 руб. вместе с братьями (результирующий личный взнос – 1 929 189 руб.)
Боев Н. И.	1 163 285 руб.
Ермаков Ф. Я.	2 363 500 руб.
Коншина А. И.	2 300 000 руб., без учета стоимости недвижимости (нет сведений)
Медведникова А. К.	2 040 000 руб.
Солдатёнков К. Т.	2 431 119 руб.
Солодовников Г. Г.	6 500 000 руб.
Третьяков К. В.	1 020 000 руб.
Третьяков П. М.	2 793 513 руб. вместе с женой и братом, в том числе без доли брата – 2 673 562 руб.

[66] Среди современной литературы о московской благотворительности следует отметить книги: *Боханов А.Н.* Коллекционеры и меценаты в России. М., 1989; *Власов П.* Обитель милосердия. М., 1991; и др.

[67] Век. Русский альбом. XIX–XX вв. Одесса. 1901. С.49.

[68] Подсчеты производились по изданиям: Городские учреждения, основанные на пожертвования и капиталы, пожертвованные Московскому городскому общественному управлению в течение 1863–1904 гг. М., 1906. Стенографические отчеты о собраниях Московской городской думы (за 1905–1914 гг.). М., 1905–1914.

Церковь Козельшанской иконы Богоматери при больнице им. И. Л. и А. К. Медведниковых. 1902–1904 гг.

Дом бесплатных квартир им. братьев Бахрушиных

Более 400 тыс. руб. пожертвовали А. Н. Алексеева, В. А. Алексеева, Д. М. Великолепова, Л. К. Зубалов, А. С. Капцов, В. Я. Лепешкина, В. Е. Морозов, К. Г. Попова, К. В. Рукавишников, С. М. Третьяков.

Что же заставляло предпринимателей жертвовать (при жизни или по духовному завещанию) нажитые деньги на общественные нужды – на поддержку здравоохранения и народного образования, культуры и спорта, призрения бедных?

Несомненно, на первое место следует поставить влияние религии на образ жизни и ментальность благотворителей. Обязательность пожертвований провозглашалась христианством, и многие верующие следовали назиданию весьма почитаемого в России византийского мыслителя Иоанна Златоуста, который призывал воспользоваться богатством для милостыни и человеколюбия и проповедовал: «...даешь серебро, а получаешь отпущение грехов... избавляешь бедного от голода, а он избавляет тебя от гнева Божия»[69].

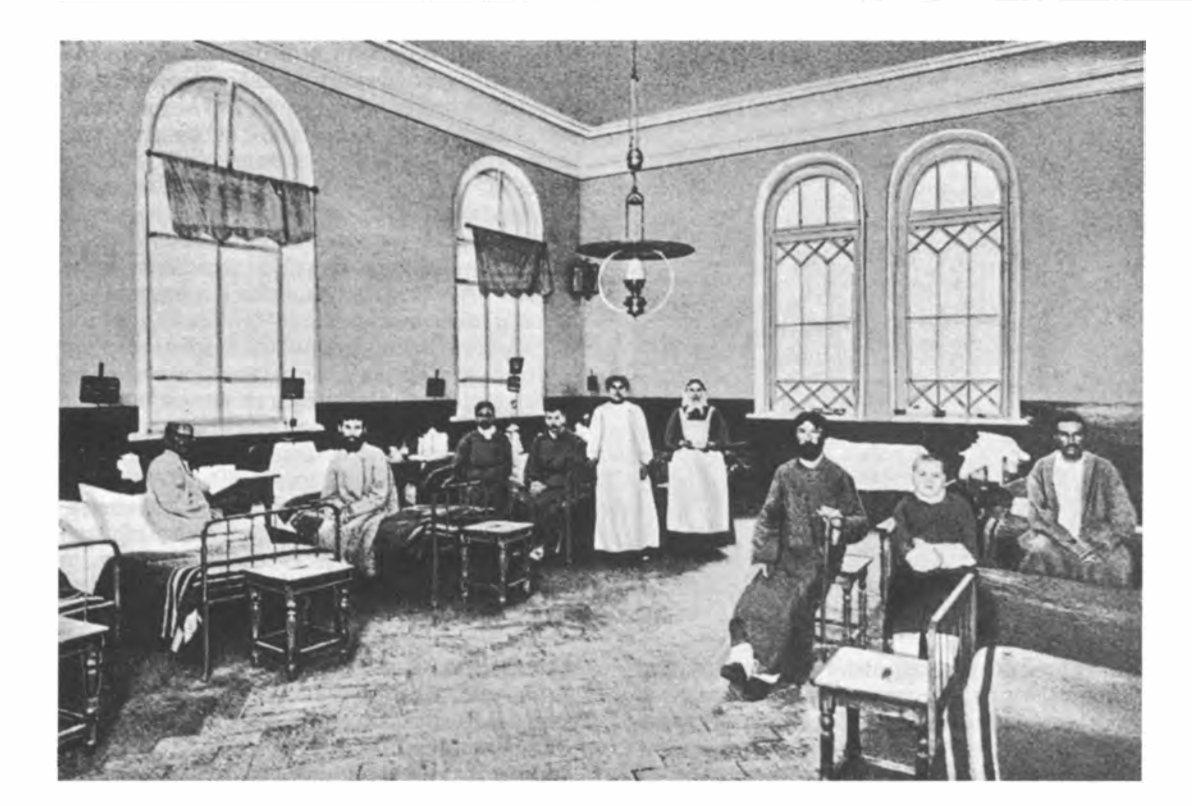
Немало примеров показывает, что усвоение европейского образа жизни, повышение образовательного уровня и в конечном счете выработка новой системы групповых социокультурных ценностей не уменьшали роли религиозного фактора. Приверженность Богу в этот период действительно стала меньше декларироваться, но выражаться более в добрых делах, чем в простом следовании обрядам. Спектр заведений, на которые направлялись пожертвования, расширялся – среди них стало много светских, особенно учебных и медицинских, но «секуляризации» благотворительности в духовном смысле, на наш взгляд, не происходило.

В связи с этим интересно, что вплоть до 1914 г. практиковалось пожертвование капиталов «на пособия бедным». Оно перестает быть беспорядочным и хаотическим, а совершается под общественным контролем и при общественном посредничестве, например, Московской купеческой или Московской городской управ.

Отражением происходящего в этот период процесса групповой и личной самоидентификации в среде предпринимателей стало именование заведений, капиталов и стипендий личными именами жертвователей или их родственников.

В списке выдающихся московских благотворителей – имена шести представителей семьи Алексеевых (два поколения), пятнадцати представителей семьи Морозовых (три поколения), шести представителей семьи Бахрушиных (два поколения), четырех представителей семьи Рахмановых (одно поколение), восьми представителей семьи Хлудовых (два поколения). Несколькими благотворителями представлены семьи Куманиных, Карзинкиных, Баевых, Третьяковых, Королевых. Размеры и регулярность пожертвований отражали финансово-экономическую устойчивость семейного дела. Одновременно филантропическая деятельность демонстрировала бесспорно положительные качества, работающие в общественном мнении на привле-

[69] Творения Св. отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т.3. Кн.1. СПб., 1897. С.284, 285.



Больница им. братьев Бахрушиных. Палата на 13 человек

кательный образ выдающихся предпринимательских семей, а именно: заботу о неимущих, высокую общественную активность, верность гражданскому долгу.

В начале XX в. благоустроенные муниципальные богадельни и дома призрения возникают почти ежегодно. В 1900 г. в Городскую думу поступило пожертвование в 400 тыс. руб. от обувных торговцев Кузьмы и Ивана Денисовичей Баевых. Уже в 1902 г. Дом призрения им. И. Д. Баева-старшего был построен. Богадельни им. И. Л. и А. К. Медведниковых, им. А. К. Рахмановой и им. Колесовых открылись соответственно в 1903, 1910 и 1913 гг. Всего же за период 1890–1914 гг. поступили пожертвования на устройство 22 новых богаделен и приютов.

Громадный дом на Болотной площади (ныне – Софийская набережная) кожевенные и суконные фабриканты братья Василий, Петр и Александр Алексеевичи Бахрушины пожертвовали в 1895 г. с целью устройства в нем более 200 бесплатных квартир для вдов, с начальным училищем для детей. В 1899 г. учреждение было расширено вдвое за счет присоединения соседнего здания. В нем нашли приют около 1600 человек, главным образом вдовы с детьми – наиболее нуждающаяся в помощи часть городского населения[70]. Бахрушины были также устроителями новой городской больницы, которая добавилась к шести уже имевшимся в 1887 г. Она стоила семье «профессиональных благотворителей» (так Бахрушиных называли в Москве) около миллиона рублей и специально предназначалась для беднейших жителей Москвы, страдающих хроническими заболеваниями. Здание было выстроено на Сокольничьем поле в начале Стромынки (сейчас – больница № 33 им. А. А. Остроумова). Вскоре при больнице открылись родильный приют и дом призрения неизлечимо больных. На протяжении последующих тридцати лет семья Бахрушиных заботливо покровительствовала больнице. В 1911 г. на деньги Александра Алексеевича, одного из основателей, и его племянника, Николая Васильевича, была устроена светолечебница, а годом позже – рентгеновский кабинет. Вдова Василия Алексеевича, В. Ф. Бахрушина, тогда же пожертвовала крупную сумму на устройство амбулатории для приходящих больных[71].

Бахрушинская больница в описываемый период была первой, созданной на пожертвование, адресованное городу. Второй стала детская больница им. М. А. Хлудова на Девичьем поле (пожертвование 1885 г., открыта в 1891 г.). Эти инициативы имели продолжение. О желании москвичей послужить родному городу деньгами и личным участием свидетельствует история психиатрической больницы на Канатчиковой даче. Открытая в 1894 г., она носила имя Н. А. Алексеева. Один из выдающихся московских городских голов, Алексеев вызывал к себе большое доверие горожан, особенно купечества и мещанства, тем, что «был не из тех, кто гоняется за дешевою, но громкою и рекламною филантропией. Он и в благотворительности был, прежде всего, делец и практик.

[70] Вестник благотворительности. 1897. № 10. С.61.

[71] Стенографические отчеты о собраниях Московской городской думы за 1911 г. М., 1911. С.25, 916; То же за 1912 г. М., 1912. С.8.

Детская больница им. В. Е. Морозова. 1903 г.

Бестолкового швырянья деньгами, как своими, так и общественными, на дела, скрывающиеся под маскою благотворительности, он терпеть не мог»[72].

Сбор благотворительных сумм Н. А. Алексеев, как было подмечено современниками, начинал с себя. На психиатрическую больницу Алексеев с женой внесли около 350 тыс. рублей. Позже, в 1903 г., когда вдова Н. А. Алексеева, Александра Владимировна, скончалась, она оставила около 1,5 млн. руб., как было сказано в завещании, «на благотворительные и другие нужды города». В 1914 г., сразу же по получении средств (после десятилетнего срока, предусмотренного законом для оспаривания завещания наследниками), были выстроены два корпуса для психиатрических больных: один – в Преображенской больнице, а другой, загородный – для патронажа Алексеевской больницы.

Начало XX в. стало периодом интенсивного больничного строительства. Родильный дом им. А. А. Абрикосовой открылся в 1906 г., корпуса, отстроенные на пожертвования А. Н. Алексеевой и Н. М. Андреевой,– в Преображенской больнице соответственно в 1910 и 1913 гг., корпус им. А. С. Капцова – в Алексеевской больнице в 1900 г., а хирургический корпус и амбулатория им. А. Б. Неокладнова – в Яузской больнице в 1910–1913 гг. На пожертвования С. Н. Карзинкиной и А. А. Четвериковой (у обеих чахотка унесла в могилу молодых дочерей) были построены туберкулезное отделение в Бахрушинской больнице (1908) и туберкулезный санаторий (Сокольники, 1913). Благодаря колоссальным пожертвованиям А. К. Медведниковой, В. Е. Морозова, К. Т. Солдатёнкова, Л.-Ж.-Ф. Тимистера и В. А. Алексеевой в течение десяти лет (1901–1910) город обогатился пятью великолепно оборудованными больничными городками.

Всего в результате благотворительных пожертвований за исторически краткий период (1890–1914) Москва получила семь больниц и два санатория. Еще три крупных проекта (туберкулезный санаторий им. Рахмановых, больницы им. А. И. Коншиной и им. К. В. Третьякова) не удалось осуществить из-за начавшейся первой мировой войны, хотя соответствующие решения Городской думой были приняты.

Пожертвованиями на учебные заведения предусматривалось строительство собственных зданий для школ вместо дорого обходившегося городскому бюджету размещения школ в арендуемых помещениях. В период 1892–1902 гг. на эти цели поступило восемь пожертвований. Семь были реализованы, и в течение одного-двух лет несколько училищ были устроены в собственных зданиях. Два более поздних пожертвования – Ф. Я. Ермакова (1906) и Н. М. Андреевой (1911) – также направили на развитие профессионального образования. На более чем миллионный капитал Ермакова было учреждено ремесленно-техническое училище имени жертвователя. Решение о создании педагогических курсов им. Королевых (родителей Н. М. Андреевой) приняли в 1911 г. Всего же за 25-летие перед первой мировой войной Московская городская дума получила около 2,5 млн. руб. от частных лиц на развитие народного образования.

В начале XX в. остро встала жилищная проблема[73]. На основание новых ночлежных домов, домов дешевых и бесплатных квартир в 1897–1913 гг. поступило более 8,5 млн. руб., в том числе гигантские суммы от братьев Бахрушиных, Ермакова и Г. Г. Солодовникова (от двух последних вклады поступили по духовным завещаниям). Реализация всех этих денежных пожертвований относится уже к XX в., что в немалой степени связано с развитием индустрии массового жилищного строительства в 1890-е гг.

Треть из общей суммы личного завещания (6,5 из 20 млн. руб.) оставил на жилищное строительство умерший в 1901 г. Гавриил Гавриилович Солодовников[74]. Душеприказчики не торопились передавать суммы по назначению, поскольку сам Солодовников обозначил 20-летний срок для реализации условий завещания. После неизбежных судебных тяжб часть денег была все-таки передана городу, и уже в 1908–1909 гг. состоялось открытие двух огромных жилых корпусов по 2-й Мещанской улице (ныне улица Гиляровского). Оба здания вместили более двух тысяч жильцов – семейных и одиноких. Они проживали в небольших уютных квартирках бесплатно или за умеренную плату. Примечательно, что новый жилой комплекс органично включил в себя амбулаторию, ясли и детский сад.

[72] *Амфитеатров А.В.* Недавние люди (Характеристики и воспоминания) // Исторический вестник. Т.XX. 1897. Октябрь. С.129.

[73] Довольно полная информация о благотворительности в связи с жилищной нуждой содержится в кн.: *Власов П.* Обитель милосердия. С.153–168 (раздел «Кров – бездомным»).

[74] Ситуация с солодовниковским наследством вызвала многолетнюю (1901–1916) дискуссию в печати. Подробности изложены в статье: *Петров Ю.* История солодовниковских миллионов // Социальная защита. 1990. № 4.

И наконец, важное значение приобрел в начале XX в. еще один тип пожертвований со стороны предпринимателей – в виде недвижимости. Это были или собственные имения в черте города (И. В. Щапова, К. В. Морозова, М. Е. Лапина, сестер Поповых), или вновь возводимые помещения. Как правило, такие новостройки сооружались очень быстро. Качество и темпы строительства лично контролировались жертвователем, который, естественно, не намеревался пускать деньги на ветер. Да и общественное мнение не дремало, зорко наблюдая за такими стройками, в результате которых появлялись новые благотворительные заведения в память умерших или в честь здравствующих членов семей жертвователей (например, гинекологический корпус им. А. П. и Е. В. Кавериных, Детский приют им. Николая и Александры Алексеевых, Лечебница для грудных детей им. С. А. Карзинкиной, родильный корпус им. Саввы Морозова, Биржа труда им. Т. С. Морозова и т.д.

Немаловажным был фактор личного участия жертвователей в деятельности филантропических заведений. Некоторые лица попечительствовали одновременно над двумя – пятью учреждениями. Например, Козьма Терентьевич Солдатёнков лично участвовал в работе пяти заведений. Пожертвовавший городу почти 2,5 млн. руб., он был москвичом в третьем поколении. Род его происходил из крестьян Московской губернии. Вначале К. Т. Солдатёнков продолжал семейное дело торговли хлопком и шерстью. Впоследствии выдающиеся деловые качества сделали предпринимателя значительной фигурой среди руководителей банков и страховых компаний. Немалую роль сыграли его связи в старообрядческом мире. Обладавший природным умом, Козьма Терентьевич дружил со многими представителями московской интеллигенции, к тому же он постоянно жертвовал на науку и образование. Существовало мнение, что участие Солдатёнкова в общественных или финансовых мероприятиях гарантирует успех делу. Неудивительна поэтому его активная попечительская деятельность, к тому же гарантией социальной ответственности Солдатёнкова было многолетнее депутатство в Городской думе и Биржевом комитете.

Мотивы социальной ответственности не вытесняли религиозного подтекста побуждений филантропов-предпринимателей. Развитые этические принципы прямо повлияли на появление в конце XIX – начале XX в. группы «молодых» жертвователей из деловой среды в возрасте 20–40 лет. По уровню образования, воспитания, богатства (имущественный статус был очень высок, но приумножение богатства переставало быть самоцелью) и одновременно осознания общественных интересов они представляли собой совершенно новую, европейски цивилизованную генерацию российских предпринимателей.

Убежище для беспризорных детей и престарелых им. И. А. Лямина

На рубеже веков филантропическая деятельность стала необходимым стереотипом поведения городской элиты. Тому способствовали многие факторы – религиозное мировоззрение и стремление повысить свой социальный престиж, осознание семейных традиций и желание принять участие в судьбах города. Синтез этих устремлений создал феномен московской купеческой благотворительности.

Однако особенность эпохи состояла в соединении частной, общественной, государственной и муниципальной благотворительности. По данным 1889 г. в Москве было 495 различного рода благотворительных интернатов и заведений для приходящих вместе с городскими начальными училищами (без них – 411)[75]. К ним относились такие крупные, как императорский Екатерининский богаделенный дом, известный также как Матросская богадельня (там размещалось около 1000 человек), Андреевская богадельня (свыше 950 человек), Покровская мещанская богадельня (свыше 1030 человек), Ремесленная богадельня (645 человек), Николаевская Измайловская военная богадельня (521 человек), Странноприимный дом графа Шереметева (156 пациентов в богадельне и 840 в больнице). Нельзя не упомянуть и о старообрядческих заведениях: в богаделенном доме при Рогожском кладбище нашли приют 890 лиц, а в богадельне при Преображенском кладбище – 317 человек.

«Сборник справочных сведений о благотворительности в Москве», вышедший в 1901 г., включил сведения уже о 628 благотворительных заведениях, существовавших в 1900 г.[76] За десятилетие

[75] Сборник статистических сведений о благотворительности Москвы за 1889 год. М., 1891. С.VI.

[76] Сборник справочных сведений о благотворительности в Москве. М., 1901. С.7.

Корпус с церковью св. князя Владимира и преп. Марии Египетской в Спиридоновском доме Братолюбивого общества. 1909 г.

Городская народная столовая на Хитровом рынке. Начало XX в.

их количество выросло на 217 (с 411 до 628), т.е. на 52,8%.

Что же представляли собой эти заведения и как они распределялись по ведомственной принадлежности? Насчитывавшая более чем столетнюю историю благотворительная деятельность Ведомства учреждений Императрицы Марии (ВУИМ) проявлялась в разных направлениях[77]. Кроме Воспитательного дома действовало пять больниц, три богадельни, пять женских средних учебных заведений (так называемые «институты благородных девиц») и шесть благотворительных обществ, каждое из которых содержало свои заведения.

Дамское попечительство о бедных при ВУИМ, действовавшее с 1844 г., оказывало медицинскую, педагогическую, материальную помощь через 23 отделения в разных частях города[78]. 33 заведения, созданные при этих отделениях, включали в себя 9 школ, 12 богаделен, 5 семейных приютов, 3 приюта для инвалидов, 3 лечебницы для приходящих больных, 1 убежище св. Марии Магдалины (для бывших проституток, решивших «вернуться к честной трудовой жизни»).

Елизаветинское общество ВУИМ, названное по имени патронессы великой княгини Елизаветы Федоровны и учрежденное в 1892 г.[79], ставило задачу призрения грудных детей неимущих родителей, а также получения образования такими детьми и подготовки их к самостоятельному труду. Приходские Елизаветинские комитеты (их насчитывалось 226) были устроены при всех московских церквах и оказывали помощь бедным матерям своего прихода. В ведении общества находилось три приюта, где грудные дети, принятые в возрасте от шести недель до четырех месяцев, воспитывались до полутора-двух лет и потом либо возвращались матерям, либо переводились в приюты для малолетних (их имелось четыре). Два школьных приюта принимали мальчиков от 10 до 14 лет, а в дневных яслях при четырех церквах с 7 часов утра до 7 часов вечера содержались дети работающих матерей. Приютам покровительствовали и фактически их содержали представительницы титулованной знати, такие, как, например, княгиня З. Н. Юсупова.

Московский совет детских приютов ВУИМ, существовавший с 1842 г., в начале XX в. ведал 17 детскими приютами для детей разных возрастов, детской лечебницей на Остоженке для воспитанников приютов и центральной библиотекой с большим разделом детской литературы. Совет владел загородным имением близ станции Подсолнечная Николаевской железной дороги, где дети из приютов проводили лето.

В 16 школах «Благотворительного общества 1837 года» при ВУИМ давалось общее и ремесленное образование (рукоделие, кройка и шитье) бедным девочкам, в основном сиротам, всех сословий и вероисповеданий[80].

При Московском отделении «Попечительства Императрицы Марии Александровны о слепых» ВУИМа имелось специальное училище на Донской улице. При училище действовала библиотека, 280 томов которой были переведены на шрифт Брайля участницами Московского дамского кружка переписи книг для слепых. Кроме того, отделение оплачивало кровати для своих подопечных в больницах и богадельнях.

Медико-фармацевтическое попечительство ВУИМ, существовавшее в столице с 1833 г., оказывало помощь денежными пособиями и наймом дешевых квартир врачам и фармацевтам, «обедневшим по случаю болезни, несчастий или по преклонности лет», и их семьям.

Столь же значительной организацией, как ВУИМ, было Императорское человеколюбивое общество, учрежденное в 1802 г.[81] В Москве начала XX в. его деятельность осуществлялась через три крупных учреждения: Московский по-

[77] Памятная книжка Ведомства учреждений Императрицы Марии, состоящих под непосредственным их Императорских Величеств покровительством. СПб., 1871–1916; Благотворительные учреждения Российской Империи. Составлено... по учреждениям Императрицы Марии. СПб., 1900. Т.1–3.

[78] *Костарев С.В.* Историческая записка об организации и деятельности состоящего под непосредственным их Императорских Величеств покровительством Попечительства о бедных в Москве (1844–1877). М., 1878.

[79] Елисаветинское благотворительное общество в Москве и Московской губернии за 20 лет с 1892 по 1912 г. М., 1914.

[80] Пятидесятилетие Высочайше утвержденного Московского благотворительного общества 1837 года (1837–1887). Историческая записка. М., 1887.

[81] Благотворительные учреждения Императорского человеколюбивого общества в Москве. Общественная и частная благотворительность в России. 1912. № 7.

печительный о бедных комитет[82] (пять богаделен, семь детских учебных заведений разных типов, приют для выздоровевших детей, народная библиотека, дешевая столовая, три лечебницы); Общество поощрения трудолюбия (три ремесленные школы, ремесленный исправительный приют, женская гимназия, два попечительства о «недостаточных» ученицах, семь заведений для призрения бедных и престарелых, четыре народные столовые, один ночлежный приют); Братолюбивое общество снабжения в Москве неимущих квартирами (23 дома с бесплатными и дешевыми квартирами, четыре богадельни и приют для детей).

Если большинство заведений Ведомства учреждений Императрицы Марии существовали на деньги московского дворянства, то Императорское человеколюбивое общество содержало приюты, школы и богадельни, созданные на пожертвования представителей разных сословий, главным образом купцов. Продолжали действовать возникшие еще в 1820–1830-х гг. училище и богадельни им. Усачевых и им. Набилковых, приют для вдов и сирот, народная столовая им. П. М. Рябушинского в Голутвинском переулке (1895), Торлецкая (1864) и Голофтеевская (1874) ремесленные школы.

Четыре народные столовые, созданные в 1872–1896 гг., отпускали пятикопеечные или бесплатные обеды, состоявшие из двух блюд и фунта черного хлеба. Дома Братолюбивого общества снабжения в Москве неимущих квартирами предоставляли кров нуждающимся женщинам, в основном вдовам с маленькими детьми и одиноким старухам. Квартиры, где имелись вода и отопление, состояли из нескольких комнат, в каждой из которых жила семья или пожилая женщина. Кухня была общей. В 1900 г. в домах Братолюбивого общества обитали 1302 человека, из них 363 бесплатно, а остальные – за мизерную плату.

Рассмотрим благотворительные заведения, принадлежавшие различным сословиям. В ведении Московского дворянского сословия имелось шесть заведений. Значительные средства и здания для них были пожертвованы полковником В. Б. Казаковым, М. Ф. Оболонской, Н. П. Филатьевой. Все учреждения предназначались для обедневших или одиноких в старости дворян[83].

Учреждения Московского купеческого общества[84] призревали лиц всех сословий, но предпочтение отдавалось нуждающимся из купцов и мещан. Купеческое общество вело значительную благотворительную деятельность – оно тратило на эти цели 75% своего бюджета, причем не только на содержание собственных заведений, но и на пособия различным московским благотворительным организациям. Кроме того, ежегодно к Рождеству и Пасхе выдавались пособия бедным жителям и бедным невестам Москвы. В начале XX в. каждый из этих капиталов исчислялся в сумме не менее 1 млн. руб., ежегодно на пособия (с начисленных за год процентов) выделялось более 100 тыс. рублей.

К 1914 г. Купеческое общество ведало 15 богадельнями и домами призрения, созданными на протяжении столетия. Старейшей была Андреевская богадельня, устроенная в 1806 г. в здании Андреевского монастыря. Богадельня им. Блохиных, более поздняя по времени открытия (1915), была основана на пожертвование (недвижимость и капитал общей стоимостью свыше 420 тыс. руб.) последней представительницы купеческой династии Екатерины Николаевны Блохиной[85].

Наиболее богатыми и комфортабельными из купеческих богаделен считались: Дом призрения им. Г. И. Хлудова (открыт в 1888 г., кроме богадельни имелось два корпуса бесплатных квартир, начальное училище им. Востряковых – семьи третьей дочери Г. И. Хлудова)[86], Солодовниковская богадельня (1865), Богадельня им. Д. А. Морозова (1891), Дом призрения им. Мазуриных (1888).

Наряду с богадельнями действовали два дома бесплатных квартир. Один из них был основан в 1896 г. по завещанию шелкоторговца Ф. Н. Самойлова как странноприимный дом для монахинь, прибывавших в Москву для сбора подаяния на церковные нужды. Заведение размещалось в просторном трехэтажном доме Самойлова в Дурасовском переулке и было переоборудовано на оставленный им капитал в 100 тыс. рублей.

Купеческое общество содержало Александровскую больницу для хроников (открыта в 1891 г.) на Щипке. Туда бесплатно принимались бедняки всех сословий христианского вероисповедания для прохождения длительного лечения. При выходе из больницы им вручалось денежное пособие из специальной благотворительной кассы.

Кроме двух школ при домах бесплатных квартир купечество финансировало четыре училища: Александро-Мариинское Замоскворецкое (открыто в 1867 г.), Солодовниковское (1869), Мещанские – мужское и женское (1834). Программы этих училищ, где обучались беднейшие дети из среды купцов, мещан и даже крестьян, наряду с общими предметами включали бухгалтерию, коммерческую арифметику, каллиграфию, техническое рисование. Таким образом, купечество стремилось подготовить квалифицированные кадры для своих торговых и промышленных фирм.

[82] Отчеты о деятельности Московского попечительного о бедных комитета. М., 1879–1913.

[83] *Казаков В.Б.* Дом призрения московского дворянства. М., 1893; Дом призрения московского дворянства имени гвардии полковника Владимира Борисовича Казакова. М., 1893; Справочник по учреждениям московского дворянства. М., 1914.

[84] История Московского купеческого общества. Т 5. Вып.1–3. М., 1913–1914.

[85] Материалы для истории московского купечества. (Сказки 7-й ревизии). Т. VI. М., 1887. С.108.

[86] Двадцатипятилетие Дома призрения бедных в Москве мануфактур-советника Герасима Ивановича Хлудова. М., 1916.

Некоторые наиболее талантливые выпускники со временем основывали и собственное дело. Мещанское училище окончил, например, Афанасий Васильевич Бурышкин – представитель упоминавшейся выше династии предпринимателей. Отец его происходил из крепостных крестьян Смоленской губернии. Сам А. В. Бурышкин, в юном возрасте пешком пришедший в Москву, после учебы в Мещанском училище вначале служил приказчиком в крупных фирмах Красильщиковых и Ушковых, а в возрасте 29 лет открыл «Товарищество мануфактурных товаров А. В. Бурышкина», находясь в статусе купца первой гильдии. В зрелые годы он участвовал в деятельности предпринимательских и благотворительных организаций, а также был одним из наиболее активных гласных Московской городской думы 1904–1912 гг.[87]

Свои заведения имели московские Мещанское и Ремесленное общества (соответственно два и три учреждения).

Благотворительная деятельность Духовного ведомства развивалась в трех направлениях. Во-первых, действовали приходские попечительства и братства (к началу XX в. их насчитывалось 69)[88], во-вторых, существовали самостоятельные попечительства при церквах, а в-третьих, были созданы учреждения для лиц духовного звания.

Как правило, приходские попечительства содержали приюты на 8–15 (в редком случае до 100) впавших в нужду прихожан, а также церковно-приходские школы для детей прихода. При возможности малоимущим прихожанам выдавались бесплатно одежда, еда, лекарства, учебники для детей. Все это жертвовалось более зажиточными членами прихода или покупалось на средства кружечного сбора, а потом распределялось под контролем настоятеля и церковного старосты. В 1900 г. в городе имелась 101 богадельня и более 20 школ при приходах. При церкви св. Николая в Толмачах работала еще и библиотека-читальня, содержавшая 1500 томов книг, в основном научно-богословского и духовно-нравственного содержания. Основу этой библиотеки составила приобретенная прихожанами братьями Лосевыми весьма ценная библиотека преосвященного Феофана Затворника. Читальный зал был открыт по воскресеньям и в дни церковных праздников[89].

В рамках Духовного ведомства продолжала действовать открытая в 1872 г. Владычне-Покровская община сестер милосердия. Целью ее деятельности являлся уход за больными и ранеными в военное и мирное время.

Для уволенных за штат по старости и болезни священно- и церковнослужителей содержалось 13 заведений. Призреваемые принимались туда по личным прошениям после утверждения их архиереем.

Москва, как любой мегаполис, была многонациональным городом. Благотворительные общества и заведения создавались как национальными, так и конфессиональными общинами. Общество германских подданных, Французское общество взаимного вспомоществования и Французское благотворительное общество не только выдавали пособия нуждавшимся немцам, французам и бельгийцам, но и имели свои благотворительные заведения. Отдельные общества взаимопомощи организовывались московскими швейцарцами, итальянцами, сербами, армянами, латышами, евреями и австро-венгерскими подданными. Работали заведения для католиков при церкви св. Людовика на Лубянке и церкви свв. Петра и Павла в Милютинском переулке и лютеран при церкви свв. Петра и Павла в Космодамианском (ныне Старосадский) переулке близ Маросейки.

Кроме вышеперечисленных в Москве действовало множество других благотворительных организаций, чьи масштабы были скромнее. Среди них были общины сестер милосердия, другие общества (например, «Московский муравейник» и «Охрана материнства») и комитеты (например, «Христианская помощь» и благотворительно-тюремный). Благотворительные общества создавались при большинстве больниц и учебных заведений (от училищ и гимназий до императорского Московского университета), а также внутри профессиональных корпораций (среди врачей, фармацевтов, учителей, ученых, литераторов, купеческих приказчиков и т.д.).

Однако наибольшего развития к началу XX в. достигла система филантропических заведений под муниципальной юрисдикцией.

Подъем благотворительной деятельности московского городского общественного управления пришелся на конец XIX – начало XX в.

В 1900 г. в ведении Городской думы находилось несколько десятков крупных заведений, причем некоторые из них представляли собой целые комплексы для социальной реабилитации трудоспособных или призрения нетрудоспособных, включая, например, богадельню для стариков, ясли для детей и дешевую столовую.

Для оказания трудовой помощи действовали Работный дом и женский Дом трудолюбия им. Горбовых.

Работный дом в Большом Харитоньевском переулке[90] и его отделение в Сокольниках были устроены как помещения с мастерскими и комнатами для ночлега, где лица, попавшие в безвыходную нужду, или арестованные полицией профессиональные нищие получали пищу,

[87] *Бурышкин П.А.* Москва купеческая. С.206–215.

[88] *Смирнов-Платонов Г.П.* Статистика приходской благотворительности в Москве. М., 1885.

[89] Сборник справочных сведений о благотворительности в Москве. С.172.

[90] Альбом московского городского Работного дома. М., 1902; *Гайдамович А.* Московский городской Работный дом. Очерк истории и современной деятельности. М., 1902; Московский городской дом трудолюбия и Работный дом в его прошлом и настоящем. М., 1913.

одежду и кров, но не даром, а в качестве оплаты за работу. Жизнь попавших в Работный дом была нелегка. Часть его обитателей, называемых в народе «арестантами», направляли работать на свалки нечистот, других по частным заказам и просьбам городских учреждений отсылали под контролем надзирателей на ремонт и уборку зданий и мостовых. При Работном доме находились кузнечно-слесарная, столярная, сапожная, переплетная, обойная и другие мастерские. Там трудились те, кто имел соответствующую квалификацию.

Работный дом являл собой устарелую форму благотворительного заведения. Там практиковался репрессивный принцип работы с опустившимися на дно бедняками, и поэтому царили жестокие нравы. На рубеже веков это учреждение постепенно трансформировалось из полутюремного каземата в заведение трудовой помощи.

В 1896 г. рядом со старым Работным домом возник женский Дом трудолюбия. Он был устроен на пожертвование вдовы крупнейшего железнодорожного подрядчика и директора правления Московско-Курской железной дороги Софьи Николаевны Горбовой. Благотворительница затратила на его устройство и содержание более 100 тыс. рублей. Горбовский Дом трудолюбия, где имелось 100 швейных машин, предоставлял бедным женщинам работу по заказам. Оплата труда была небольшая (от 8 коп. до 1 руб. 50 коп. в день), но давала возможность как-то скрасить нужду. При Доме трудолюбия существовали ясли для детей работающих здесь женщин и народная столовая.

В городских учреждениях для стариков и инвалидов находили бесплатный кров и пищу по нескольку тысяч человек одновременно. Крупнейший Екатерининский богаделенный дом фактически представлял собой комплекс из более чем десятка отдельных заведений. Принимали сюда тех, кто прожил в Москве не менее двух лет.

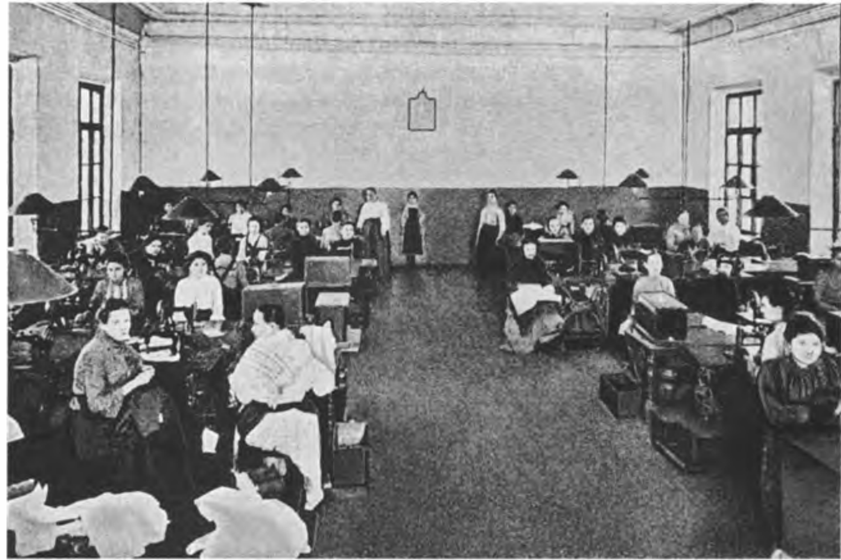
Среди московских городских богаделен следует назвать Тихвинскую (загородную), Ахлебаевский странноприимный дом в Теплом переулке, Дом бесплатных квартир братьев Бахрушиных на Болотной площади, Дома призрения им. Геер на Красносельской улице и им. братьев Боевых на Сокольничьем шоссе.

Важной вехой в координации местным самоуправлением процесса городской благотворительности стал 1912 г. Пожертвованные капиталы заняли уже столь существенное место в финансовом хозяйстве московского городского общественного управления, что 19 марта 1911 г. был опубликован доклад Московской городской управы «О порядке управления городскими капиталами и фондами», а с 1 октября 1912 г. при содействии городского головы Н. И. Гучкова в Управе был образован специальный отдел по управлению городскими капиталами и фондами, где сосредоточивались все дела по капиталам, пожертвованным городу на благотворительные цели и нужды.

Еще в начале 1880-х гг. в Городской думе был поставлен вопрос об использовании церковно-приходских попечительств для создания гибкой и эффективной системы социальной помощи, повсеместно охватывающей город. Но эта попытка не удалась, и тогда было решено встать на путь организации сети самостоятельных городских попечительств.

Подготовленное думской комиссией, возглавлявшейся профессором-историком Московского университета Владимиром Ивановичем Герье, «Временное положение о городских участковых

Женский Дом трудолюбия им. Горбовых



Мастерская женского Дома трудолюбия им. Горбовых. Начало XX в.

попечительствах о бедных в Москве» 15 марта 1894 г. было одобрено в Городской думе, а затем утверждено министром внутренних дел. Пункт № 1 положения гласил: «Городское управление учреждает по мере возможности и средств городские участковые попечительства о бедных из лиц обоего пола, принявших на себя обязанность определенными ими самими ежегодными денежными взносами, или личным трудом, содействовать делу призрения бедных»[91].

Постепенно было создано 29 попечительств, которые помогали беднейшим жителям своих участков. Они охватывали всю территорию Москвы. Участковые попечительства оказались настолько дееспособными, что Министерство внутренних дел рекомендовало распространить опыт Москвы и на другие города.

В основу устройства участковых попечительств были положены принципы децентрализации и индивидуализации помощи, впервые успешно примененные в г. Эльберфельде, в Германии, поэтому такая система призрения получила название «эльберфельдской». Каждый отдельный случай подвергался тщательному рассмотрению поручаемому особому лицу – попечителю. В. И. Герье так объяснял идею попечительств: «Благотворители не должны быть незримы для нуждающихся, а стоять среди них и лично знать их... Они должны оказывать помощь не резолюцией, написанной на пачке прошений, подсунутых им секретарем, а личным опытом взвешивать степень действительной нужды и руководиться соображениями, взятыми из жизни»[92].

Сфера действия каждого попечительства распространялась на один или несколько полицейских участков. Исключение представляло попечительство, которое помогало обитателям ночлежных домов Хитрова рынка,– оно действовало на меньшей, нежели полицейский участок, территории. Клиентами здесь в большинстве своем были люди, оказавшиеся на дне общества и часто связанные с криминальным миром, картину жизни которых блестяще описал Вл. Гиляровский в очерках «Москва и москвичи».

Крупнейшим попечительством считалось Лефортовское с населением 101 тыс. жителей, а наименьшим – Тверское 3-го участка, где проживало всего 19 тыс. человек.

Все призреваемые распределялись между сотрудниками-попечителями, посещавшими клиентов не менее одного раза в две недели. Каждый сотрудник-попечитель помогал двум – четырем беднякам. Пособия деньгами или натурой выдавались лично попечителем на двухнедельный срок и ограничивались лишь самым необходимым. Для этого в общегородском масштабе были установлены нормы расходов на неделю для разных категорий нуждающихся. Если доходы просителя (а помощь предоставлялась по личным устным или письменным заявлениям) оказывались выше этих норм, то заявление о помощи не удовлетворялось. В случае действительной нужды проситель получал сумму, недостающую ему и его иждивенцам до определенного прожиточного минимума.

Круг бедняков, которым помогали попечительства, был очень широк, и число их постоянно возрастало – от 10 892 человек в 1900 г. до 16 981 человека в 1909 г.[93] Если учесть еще 2,5–3 тыс. тех, кому оказывалась помощь в благотворительных заведениях попечительств, то общее число призреваемых в городе составляло в 1910 г. около 20 тыс. человек при численности населения 1,6 млн. человек. Все нуждавшиеся могли рассчитывать на помощь. Единственное условие предполагало, чтобы проситель проживал в Москве не менее двух лет, т.е. принадлежал к постоянным городским жителям.

Среди тех, кому попечительства оказывали благотворительную помощь, четко выделялись две большие группы: одинокие (в основном престарелые и сироты) и семейные (малозарабатывающие и безработные, многосемейные, потерявшие кормильца, имеющие престарелых иждивенцев и т.д.). Для лиц первой группы преобладающей была стационарная помощь, т.е. помещение бездомных стариков и старух в богадельню. Но богаделен, содержавшихся городом, явно не хватало. Естественно, что попечительства подумали о создании собственных богаделен, и к началу 1900 г. у них имелось уже 37 заведений для 1287 престарелых. Не меньшей по важности являлась задача помощи другой беспомощной группе бедных – детям, «жившим в обстановке углов и подвалов в холоде и голоде, без всякого призора и руководства»[94]. В приютах и яслях содержались главным образом дети из рабочих семей, остававшиеся почти весь день без присмотра. Дети находились здесь с 6–7 часов утра до 7–8 часов вечера. В яслях или приюте их мыли и переодевали в чистую, удобную «попечительскую» одежду. Бесплатно кормили завтраком, обедом и ужином. Более взрослых дошкольников обучали грамоте. Некоторые дети оставались в приютах круглосуточно. Часть попечительств организовала помощь детям-школьникам в приготовлении уроков под руководством взрослых, главным образом детям, «домашняя обстановка которых являлась неблагоприятной для учебных работ (вследствие тесноты помещения, нетрезвого образа жизни родителей)»[95]. Они также получали бесплатное горячее питание.

[91] Временное положение о городских участковых попечительствах о бедных. М., 1894. С.1.

[92] *Герье В.И.* Русская благотворительность на Всемирной выставке // Вестник Европы. 1900. Кн.8. Август. С.518.

[93] Общественное призрение Московского городского управления. М., 1914. С.76.

[94] Альбом московских попечительств о бедных. М., 1902. С.3.

[95] Общественное призрение Московского городского управления. С.83, 84.

На 1 января 1912 г. попечительства содержали: 49 приютов и яслей на 1709 детей; 33 богадельни на 1480 человек; 16 учреждений с 49 дешевыми и бесплатными квартирами, в которых проживало 285 взрослых и 227 детей; 9 учебных швейных мастерских для девочек и 2 (сапожная и столярная) мастерские для мальчиков; 6 мастерских для раздачи работы женщинам на дом; 8 столовых для выдачи бесплатных обедов (300 тыс. порций в год); 2 библиотеки[96].

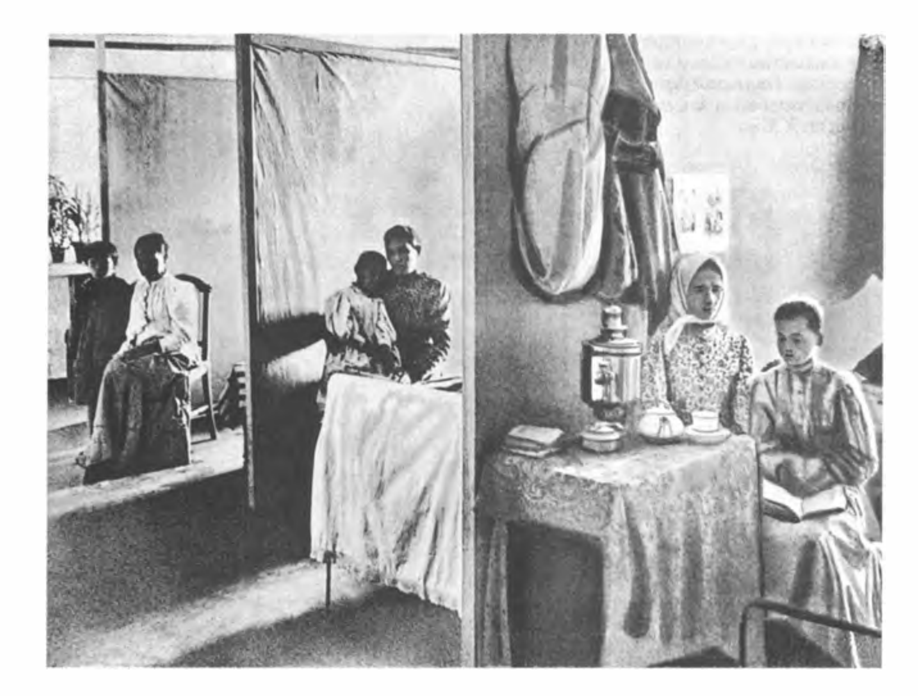
Средства попечительств складывались, во-первых, из ежегодной субсидии Городской думы, во-вторых, от процентов со специальных благотворительных капиталов Купеческого общества и, в-третьих, из сумм, собираемых самими попечительствами в виде членских взносов, путем обхода жителей участка, устройства благотворительных концертов, спектаклей и т.д. По отчету за 1910 г. суммы, отпускаемые городом, составляли 38% доходов попечительств, 60% средств добывались самими попечительствами, а проценты с капиталов Купеческого общества составляли чуть больше 2%[97].

За 16 лет, с 1894 по 1910 г., взносы и пожертвования дали попечительствам более 2,5 млн. рублей. Эти средства постоянно прирастали, будучи переведены в ценные бумаги или помещены под проценты в виде банковских вкладов.

За 15 лет, с 1895 по 1910 г., сумма всех расходов попечительств выросла в три раза (со 179 тыс. до 525 тыс. руб. ежегодно). За исключением расходов на делопроизводство (3–5%), все остальные деньги шли на помощь нуждавшимся.

К активной помощи бедным был привлечен широкий слой москвичей. В состав каждого попечительства входили члены-жертвователи, вносившие определенные ими самими ежегодные взносы, и сотрудники, участвовавшие в деятельности попечительств. Но таких в начале XX в. было, по мнению современников, явно недостаточно. Наибольшее количество сотрудников насчитывалось в первый, 1895 г. работы – 1706 человек[98]. В 1910 г. их имелось 1102, в том числе 269 специалистов (врачей, юристов, учителей, оказывавших бесплатную профессиональную помощь) и 833 обычных сотрудника, обходивших жилища бедняков. Работа была тяжелой и бесплатной, и поэтому неудивительно, что оказывалось все меньше людей, желавших ею заниматься. В 1910–1914 гг. число сотрудников колебалось от 1100 до 1200 человек в 29 попечительствах, что, в свою очередь, указывает на устойчивое ядро верных благородному делу работников.

Участковые попечительства представляли собой модель «гибкой» благотворительности. С одной стороны, они находились под муниципальной, а не государственной юрисдикцией, что позволяло быстро решать все вопросы. С другой стороны, подавляющую часть расходов на бедных несли местные общины (при небольшой помощи из городских средств), и финансирование попечительств не обременяло городской бюджет. С введением системы попечительств «беспорядочная раздача милостыни, плодившая профессиональных нищих, уступила место разумной, планомерной помощи действительно нуждающимся людям»[99].



Бесплатная каморочная квартира Басманного попечительства. 1900-е гг.

В закройной мастерской Сущевского попечительства. 1902 г.

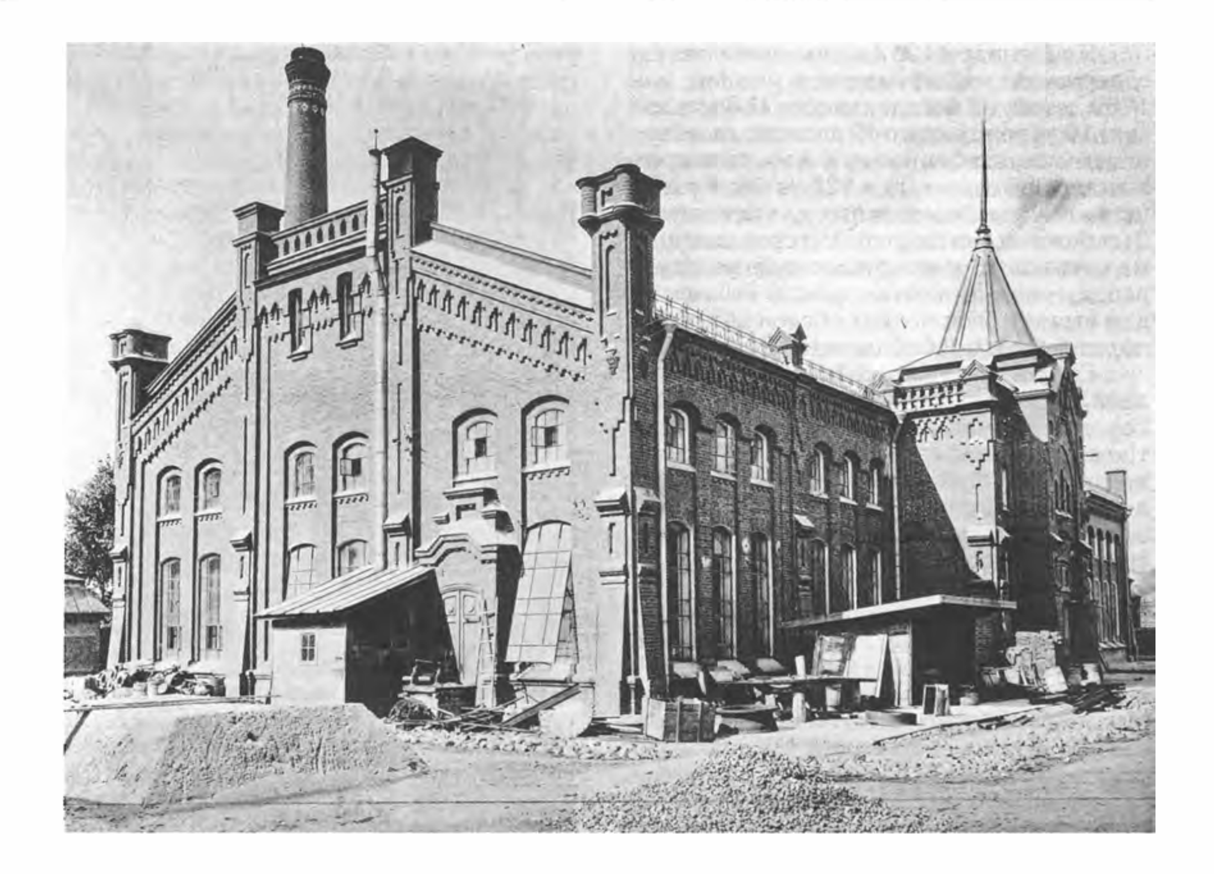
[96] Общественное призрение Московского городского управления. С.81.

[97] Там же. С.90.

[98] Там же. С.75.

[99] Современное хозяйство города Москвы. М., 1913. С.212.

Главная канализационная насосная станция у Новоспасского моста. Начало XX в.



5. «МОСКОВСКАЯ ГОРОДСКАЯ ОБЩИНА»: КОНТРАСТЫ, ДОСТИЖЕНИЯ, МУНИЦИПАЛЬНЫЕ МЕЧТАНИЯ НАЧАЛА ВЕКА

Всесторонний рост Москвы был уникальным явлением даже на фоне быстрого развития городской жизни в России конца XIX – начала XX в.

Тысячами постоянных и временных переселенцев двигали разные мотивы (заработок и бизнес, учеба, карьера и т.д.), но все они связывали с Москвой надежды на новую благоустроенную жизнь.

В этих условиях Москва становилась генератором, на полюсах которого накапливались противоположные заряды энергии: активный созидательный потенциал интеллекта, предпринимательства, материального и духовного творчества и разрушительные тенденции недовольства, протеста людей, потерпевших в жизни крушение, испытывавших нужду, лишения, эксплуатацию, опустившихся «на дно».

Естественно, что для решения столь разнородных проблем необходимо было искусное управление городом, которое стимулировало бы созидательную работу и вместе с тем помогало решать социальные проблемы малообеспеченных слоев населения. Иными словами, в Москве, как и в других крупнейших городах России и Западной Европы, логика самоуправления стала все заметнее определяться задачей формирования социально ориентированной «городской общины», эффективно использующей рыночные механизмы. Это могло стать принципиально новым направлением цивилизованного развития России, ибо она не имела в прошлом традиции «вольных городов», подобных европейским (за исключением единичных фенотипов, как «Господин Великий Новгород» в эпоху раннефеодальной Руси).

На новом витке своего пути Россия как будто подходила к возможности совершить цивилизационный скачок, чтобы преодолеть социально-экономическое и политическое отставание в развитии городской жизни. Почти одновременно с Западной Европой в стране начали теоретически разрабатываться и практически внедряться направления естественного «рыночного социализма»: муниципального и кооперативного (сельскохозяйственная, кредитная, потребительская, жилищная кооперация). Вот что писал по этому поводу известный экономист и публицист начала века, профессор Московского университета, член Государственного совета и предприниматель И. Х. Озеров: «Рост городов – характерное явление нашего времени, что и создало широкий расцвет коммунальной политики и, в частности, муниципального социализма. На городской территории возникают тысячи поводов к столкновению между индивидуальными и обще-

Безработные у биржи труда на Каланчевской площади. 1914 г.

ственными интересами... Вот этим и объясняется широкое развитие деятельности городских самоуправлений, которые должны примирять эти конфликты. Устранить многие язвы городской жизни чрезвычайно трудно... это выдвинуло на первый план в городском хозяйстве много новых, дотоле неизвестных задач»[100]. Эти задачи, обусловленные скученностью растущего городского населения, ранее лишь в малой степени были заботой местных властей: жилищная и санитарная проблемы, водоснабжение и освещение улиц, городские пути сообщения, народное образование, экология и т.д. Таким образом, на первый план выдвинулись, наряду с градообразующими функциями (город-крепость, административный и торговый центр округи и т.п.), проблемы жизнеобеспечения населения, ранее являвшиеся частным делом каждой семьи. Именно вокруг решения этих проблем и формировалась «городская община» (термин, более привычный и употребительный в России, нежели идеологизированное понятие «социализм»).

Естественным в этих условиях стало стремление к независимому от государства объединению усилий городских самоуправлений, т.е. создание аналога городских союзов, издавна существовавших в Европе. Еще в 1901 г. в прессе стало обсуждаться предложение уфимского городского головы о созыве периодических съездов представителей самоуправлений по различным вопросам городской жизни[101]. Эта мысль встретила сочувствие в Москве и некоторых других городах тогдашней России (Вильно и др.). А летом 1914 г. по предложению гласного Московской городской думы (впоследствии городского головы) Н. И. Астрова в Москве состоялся Всероссийский съезд представителей городов, образован их союз, вставший в оппозицию к самодержавию и успевший проделать значительную работу до ликвидации его в 1917 г.[102]

Таким образом, «московская городская община» сыграла огромную роль и в масштабах всей страны. Но главным объектом ее деятельности была сама Москва, ее люди.

Для понимания социальной психологии московского населения, степени и характера включенности различных его групп в «городскую общину» необходимо видеть существенную разницу между коренным и пришлым населением, т.е., с одной стороны, между москвичами, не только проживавшими в городе, но имевшими здесь постоянные занятия, а с другой стороны – обитателями, укорененными в иных местах (преимущественно в деревне) или вообще утратившими прочные территориальные корни.

Для каждого типа жителей характерно свое отношение к городу. Пришлые люди часто относились к жизни в Москве как к временному этапу своего существования и москвичами себя в полной

[100] *Озеров И.Х.* Большие города, их задачи и средства управления: Публичная лекция. Изд.2, доп. М., 1906. С.10.

[101] Петербургские ведомости. 1901. 10 июня.

[102] *Астров Н.И.* Воспоминания. Т.I. Париж, 1941.

мере не ощущали. Они искали здесь либо временный и случайный заработок, либо выполняли некую миссию, будучи функционерами различных политических организаций, направлявших их в город (профессиональные революционеры-нелегалы и т.п.). Принадлежность к подобным организациям была альтернативна московской общности.

Иное дело – коренные москвичи. Они чаще всего и профессионально, и в культурном отношении, и нравственно-психологически настолько ощущали слитность своих интересов с городом, что определяли климат городской жизни в целом, хотя составляли меньшинство населения. Именно оно было той конструктивной средой, где формировалось единство «городской общины» с характерной для нее гордостью, выражавшейся общим именем «москвич».

Специфика Москвы состояла, однако, в том, что текучее пришлое население, лишь часть которого навсегда оставалась в городе, быстро менялось, но численно все возрастало, превышая естественный прирост потомственных москвичей в начале века более чем втрое. Основную массу пришлого населения составляли социальные низы, разные слои которых даже территориально были разобщены с относительно благополучным коренным населением. Беднота (крестьяне-отходники и др.) снимала углы и койки у почти столь же неимущих москвичей, ютилась в ночлежках, землянках, в товарных вагонах на железнодорожных путях. На окраинах полностью обнищавшие и бездомные люди обитали по ночам в стогах сена, а то и на голой земле. В целом жители московского «дна» составляли в 1912 г. около 20% населения города.

Впрочем, контрасты были очевидны не только при сравнении окраин с центром города, но и в пределах территории, на которой традиционно селились самые зажиточные слои населения. Вот два свидетельства из московских газет того времени: «Два шага в сторону от блестящей Тверской – и попадаешь в запутанную сеть переулков Бронной, Козихи и Палашей, где харчевня чередуется с сомнительными меблированными комнатами»[103]. А далее – о сравнительно небольшом пространстве Мещанских улиц, где проживало 120 тыс. человек (примерно 7% населения): «В этом уголке города... население живет ужасно густо, в невозможных гигиенических условиях... Канализации нет. Очистка нечистот производится примитивным способом. День и ночь по большой проезжей многолюдной улице тянутся обозы, распространяя невозможный смрад, особенно ночью... Водопровод есть только по магистральной улице... И какая ирония: рядом, в двух шагах – Крестовские башни с их водопроводом»[104]. Естественно, что большинству живших в таких условиях людей, включая беднейшую часть постоянного населения, почти неведомо было возвышенное чувство сопричастности с Москвой, которая была для них не «матушкой», а «мачехой». Но больше всего испытывала тяготы пришлая беднота. Даже сводившие концы с концами крестьяне-отходники, имевшие в Москве постоянный промысел, но сохранявшие связь с деревней, не становились полностью горожанами. В целом такие «полумосквичи» составляли в 1912 г. более половины населения города. Именно здесь, особенно в маргинальной, пауперизованной сфере, сохранялись «горючие элементы», быстро вспыхивавшие в условиях обострения экономической и политической ситуации.

Они не были прочной социальной основой какого-либо общественного движения в силу своей неорганизованности и несознательности. А эти качества изживались медленно. Вот динамика сокращения числа неграмотных среди населения Москвы: 1897 г.– 35%, 1902 г.– 36, 1912 г.– 30%[105], что резко контрастировало с успехами в развитии массового начального образования в Москве, хотя обычно эти два процесса взаимосвязаны (вовлечение детей и подростков в школы лишает неграмотность демографической базы роста). Причина парадокса в том, что высокий уровень неграмотности воспроизводился усилившимся притоком в город безграмотной крестьянской бедноты, оставлявшей своих детей в деревне на попечении родни. Общеобразовательная же школа Москвы охватывала прежде всего детей постоянного населения. Таким образом, разрыв в уровнях культуры пришлого и коренного населения увеличивался.

Эти данные позволяют понять и социально-политические явления московского «дна». Не имея должных качеств для ведения последовательной политической борьбы, неграмотная пауперизированная масса легко поддавалась влиянию, с одной стороны, политической агитации левых и правых радикалов от анархистов до черносотенцев, с другой – профессиональной и бытовой преступности, которая в самом начале века стала нарастать в условиях экономического кризиса, русско-японской войны и первой русской революции.

Этот сюжет заслуживает особого внимания, ибо речь идет о координированных усилиях городского самоуправления и государственной власти по преодолению одного из наиболее тяжелых пороков жизни больших городов.

После революции 1905–1907 гг. была проделана значительная работа по наведению порядка, особенно в период, когда сыскную полицию города воз-

[103] Голос Москвы. 1910. 16 июля.

[104] Московский листок. 1912. 24 июля.

[105] Главнейшие предварительные данные переписи г. Москвы на январь 1902 г. Вып.1. М., 1902. С.49, 52, 55; Статистический ежегодник г. Москвы. Вып.4. 1911–1913 гг. М., 1916. Приложение. С.18; Москва. Энциклопедия. М., 1980. С.63.

главил талантливый криминалист А. Ф. Кошко (1908–1914). При нем оперативная раскрываемость преступлений составляла 52%. Снизился удельный вес тяжких преступлений. Убийств в Москве совершалось относительно меньше, чем в любом другом городе. В 1913 г. на Международном криминалистическом конгрессе московская сыскная полиция была признана лучшей в мире. За пять лет Москва стала одним из самых спокойных городов планеты.

Однако вскоре положение вновь изменилось коренным образом. Мировая война, обострение материального положения низов общества, переполнение Москвы беженцами из прифронтовых районов и дезертирами, общая дестабилизация положения в стране создали чрезвычайно криминогенную обстановку в городе. К тому же в силу ряда причин снизился и уровень сыскной работы.

Колоссальный вред розыскному делу нанесло после Февральской революции и некомпетентное руководство со стороны Министерства юстиции, возглавлявшегося А. Ф. Керенским. Именно он стал одним из инициаторов беспрецедентной в истории России амнистии. На волю в марте 1917 г. вышло около 130 тыс. заключенных, не только политических (что было естественно), но и уголовников. Только из Московской губернской тюрьмы было освобождено 800 рецидивистов, из Московской пересыльной тюрьмы – 400, из женской – 250, а всего в Москве оказалось более 3 тыс. опасных преступников[106].

С наивным воодушевлением юристы-либералы расценивали это как шаг нравственного очищения общества, открывающий путь к «обновлению и светлой жизни и для тех граждан, которые впали в уголовные преступления»[107]. На деле произошло нечто противоположное. Преступность, ставшая естественным следствием войны, подскочила до невообразимых пределов. За первое полугодие 1917 г. число опасных преступлений в Москве выросло вчетверо, а убийств – в 10 раз при нулевой раскрываемости[108]. О темпах нарастания преступности свидетельствуют и следующие цифры: в 1913 г. от москвичей поступало в день до 20 заявлений о крупных кражах, а с весны 1917 г.– больше 100. Это было обусловлено не только действиями рецидивистов, но и падением нравов, вызванным войной и нуждой. Ситуация порождала как самосуды, так и поистине удивительные явления. В мае 1917 г. в Москве по воровским каналам было распространено следующее воззвание, попавшее затем в ряд газет: «Товарищи воры и грабители! Мы живем сейчас как травленые звери, принужденные насилием добывать себе пропитание... Каждый день все больше и озлобление против нас, и озлобление наше против всех... Товарищи, нам надо сообща обсудить все наши дела и недуги, надо найти выход, создать свою организацию, свою газету, надо порвать с жизнью преступлений и травли»[109]. Его авторы, амнистированные Муров и Брыкин, приглашали коллег на митинг в Хитровский работный дом. Газеты напечатали репортажи. Собрание «почтил» своим присутствием известный юрист, профессор М. Н. Гернет и др. Разумеется, ничего путного митинг не мог дать, но убедительно свидетельствовал, что бандитизм рекрутировал не только рецидивистов, отчаявшихся людей, но и стражей правопорядка из так называемой «народной милиции», заменившей упраздненную дореволюционную полицию. «Настолько все безотрадно, что не хочется и писать даже»,– с горечью заметил по этому поводу автор уникального, случайно сохранившегося дневника, который вел в те дни рядовой москвич Н. П. Окунев[110].

Реальный московский опыт показывал, что лечение городских язв возможно лишь при сочетании твердой государственной власти с трезвой и конструктивной деятельностью городского самоуправления.

В связи с этим заслуживает внимания анализ финансовых возможностей городского самоуправления по решению городских проблем. Вопрос этот активно обсуждался в начале века. Автор специального исследования констатировал: «...в городах необходимы крупные капиталы для устройства водопроводов, мостовых, газового или электрического освещения, публичных библиотек, удобных рынков, канализации, центральных боен и т.д. Откуда наши города могут иметь на осуществление этих многообразных задач капиталы в размерах нескольких сотен миллионов только лишь для начала?»[111]

По смете на 1905 г. доходная часть городского бюджета Москвы составляла 21 123 023 рубля. Этого было крайне недостаточно, но на фоне финансового состояния других городов (кроме Петербурга) случай был уникальный для России. Доходы других 868 русских городов пятью годами раньше составляли в целом 108 970 317 рублей. С другой стороны, доход Парижа в 1904 г. исчислен в переводе на рубли по действовавшему курсу в сумме 122 005 266 руб., т.е. был почти в 6 раз весомее, чем доход Москвы, и больше, чем указанные суммарные доходы почти девяти сотен русских городов[112].

Перечисляя острейшие городские нужды и констатируя скудность средств, упоминавшийся выше специалист по финансам профессор И. Х. Озеров заключает: «Итак, наши города бедны,

[106] Утро России. 1917. 18 марта и 29 апреля.

[107] Право. 1917. № 9. С.488–490; Журнал министерства юстиции. 1917. № 4. С.3; Утро России. 1917. 18 марта.

[108] Утро России. 1917. 23 июля; *Раззаков Ф.* Бандиты времен социализма. М., 1996. С.8.

[109] Труд. 1917. 8 мая; Утро России. 1917. 9 мая; Русское слово. 1917. 11 мая.

[110] *Окунев Н.П.* Дневник москвича (1917–1924). М., Самиздат 1970-х гг. Переизд.: Всероссийская мемуарная библиотека, основанная А.И. Солженицыным. Серия «Наше недавнее». Т. 1. ИМКА-Пресс. Париж, 1990. С.40, 41.

[111] *Трубников К.В.* Денежное обращение в связи с мощным развитием производства богатств в России. СПб., 1900. С.52, 53.

[112] *Озеров И.Х.* Указ. соч. С.52, 53.

Российская ссудная казна

Укладка рельсового треугольника у Триумфальных ворот в начале XX в.

очень бедны. Притом у нас на город возлагается много задач общегосударственного характера: расквартирование войск, содержание государственной полиции». И это не только без адекватного возмещения государством городских потерь, но даже без предоставления городам достаточного денежного кредита.

Проблема кредитования стояла очень остро, но решалась плохо: государственный банк давал городам ничтожные ссуды. На рубеже веков Министерство внутренних дел высказалось за расширение экономических функций городских самоуправлений, за рост муниципальной собственности, за переход к городам (путем выкупа у частников) хозяйственных предприятий городского значения, которые могли бы давать доход. Но механизм решения проблемы не был разработан и практически все осталось по-прежнему. Актуальные задачи жизнеобеспечения откладывались в долгий ящик, что увеличивало социальную напряженность.

Города искали выход в предоставлении концессий частному капиталу. Но это было в ряде случаев невыгодно, ибо, пользуясь трудным положением городских управ, концессионеры выдвигали кабальные условия, добиваясь для себя лишь коммерческой выгоды. Они не обеспечивали амортизацию предприятий, эксплуатируя их на износ, чтобы при возвращении собственности городам по истечении срока концессии из нее без новых крупных вложений уже ничего нельзя было выжать.

Именно так складывалась ситуация с московской конкой (конно-железными дорогами), о выкупе которой у двух обществ концессионеров (отечественного и бельгийского) кратко говорилось выше. Этот опыт также весьма поучителен, ибо Городская управа проявила большое искусство ведения очень тяжелых переговоров.

В 1900 г. Городская дума приняла решение о досрочном выкупе собственности первого общества и постройке трамвая вместо конки. По условиям концессии в отношении 2-го общества такой срок наступал в 1903 г.

Созданная Городской управой комиссия провела тщательный анализ и выяснила, что 1-е, организованное в 1873 г. со сроком эксплуатации конки 40 лет, вложило в свою дорогу 1,5 млн. рублей. Передавая городу изношенное хозяйство, оно требовало за оставшиеся до полного истечения концессии 12 лет ренту в сумме 5,9 млн. руб., т.е. в четыре раза больше затраченного капитала, хотя он уже полностью окупился и дал концессионерам прибыль. Они исчислили ежегодную сумму выкупа в 485 тыс. руб., хотя комиссия Городской управы считала, что справедливая рента должна составлять не более 386 тыс. рублей.

2-е общество, основанное в 1883 г. (концессия на 45 лет), затратило более 2 млн. руб., взятых им в долг. Требовало же оно за оставшиеся до полного истечения срока 27 лет 12,2 млн. руб.– по 378 тыс. руб. ежегодно. Комиссия считала, что ежегодная сумма должна составлять максимум 203 тыс. рублей.

Конфликт налицо. Можно было обратиться с иском в суд. Однако это откладывало решение вопроса на неопределенно долгий срок. Москва учитывала при этом печальный опыт Петербурга, где, как отмечалось в докладе комиссии, «аналогичное дело после четырех лет находится вторично на решении судебной палаты, причем не предвидится даже приблизительно, когда может быть

окончательно решено это поистине бесконечное дело»[113].

Комиссия, Управа, а затем и Дума приняли единственно правильное в этих условиях решение: выкупить в 1901 г. 1-е общество на его условиях. При этом решающим был экономический расчет: срочная замена конки трамваем и проведение некоторых дополнительных линий давало городу в первый же год эксплуатации не менее 200 тыс. руб. чистого дохода сверх ежегодной ренты первому обществу. В отношении 2-го общества была предпринята иная тактика: отказ от покупки, жесткий контроль за его деятельностью, чего не делалось раньше (требование своевременного ремонта и т.п. в соответствии с контрактом), проведение в обход путей конки трамвая – более конкурентоспособного вида транспорта. Все это должно было сделать 2-е общество более уступчивым. Тактика оправдалась: в 1911 г. выкуп состоялся.

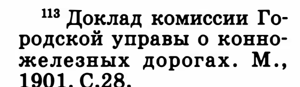
Вся Москва следила за перипетиями этой борьбы. Ее результаты повысили авторитет Думы в глазах населения.

Разумеется, финансирование необходимых городу и населению предприятий осуществлялось не только из муниципальных, но также из личных средств предпринимателей. При этом необходимо подчеркнуть, что они действовали не всегда в коммерческих целях. Выше было подробно рассказано о благотворительности – частной, общественной, муниципальной. По масштабам благотворительной деятельности Москва не имела аналогов в России. Достаточно сказать, что на рубеже веков из 755 городов, по которым имелись сведения, в 46% денег на призрение бедных почти не было (менее 100 руб. в год), в 27% этот расход составлял от 100 до 1000 рублей. Столько же городов могли выделить на эти цели свыше 1 тыс. рублей. В Москве же такие расходы составляли до полумиллиона руб. в год[114].

Это яркое явление российского (и московского) предпринимательства имело огромное нравственное значение. Но поскольку в данном случае речь идет о финансовой стороне дела, следует подчеркнуть, что в России благотворительность не имела массового характера (исключая сбор народных средств на возведение храмов) и в Москве, как один из источников формирования городского бюджета, играла далеко не основную роль. Постоянный приток благотворительных средств возможен из мелких, но массовых пожертвований. Их же отсутствие приводило порой к ликвидации учреждений, возникавших на средства крупных благотворителей, если иссякали созданные ими фонды.

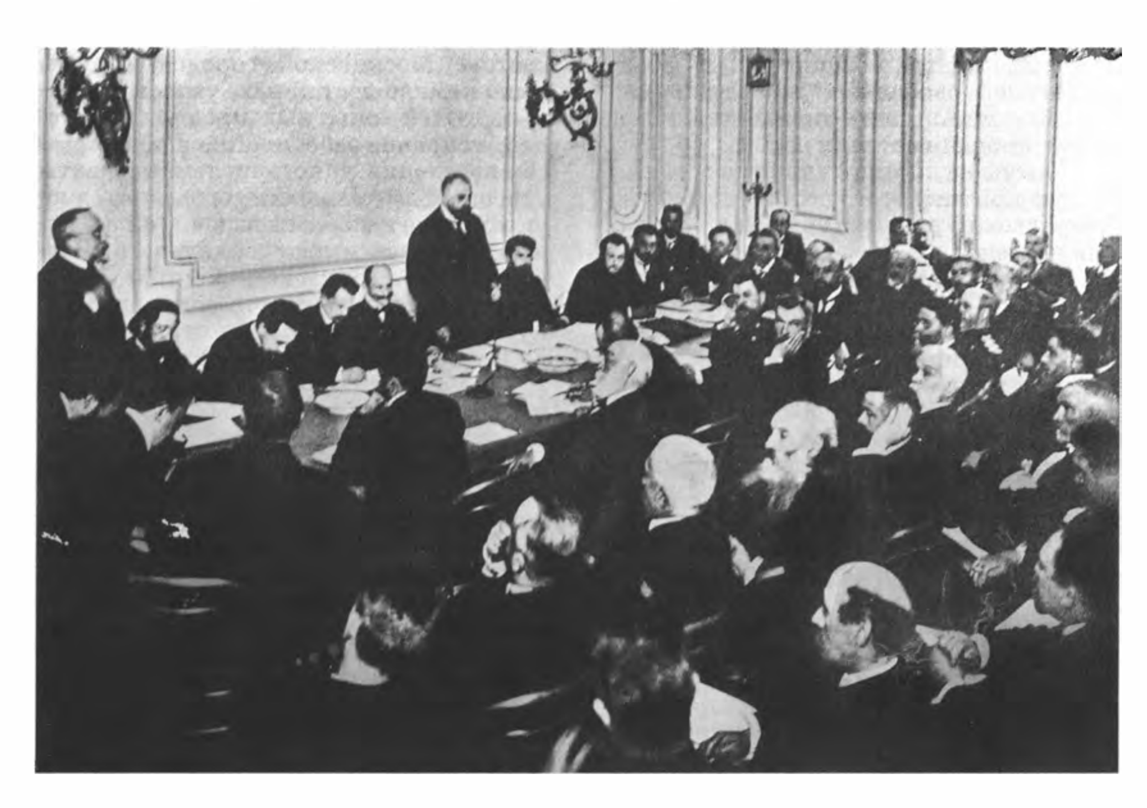
Все это позволяет конкретизировать постановку еще одного кардинального вопроса: связь городской экономики с характером городского самоуправления и соответственно с политическими, избирательными правами горожан.

«Городская община» нуждалась не только в защите от экстремизма социальных низов и в искоренении преступности, но и в блокировании своекорыстия толстосумов, склонных использовать рычаги управления городом в своих интересах.



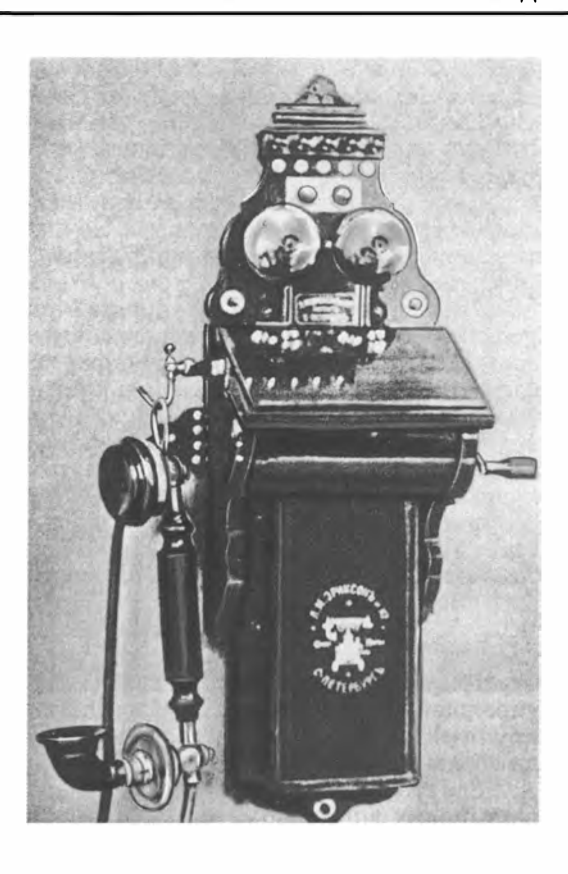
[113] Доклад комиссии Городской управы о конно-железных дорогах. М., 1901. С.28.

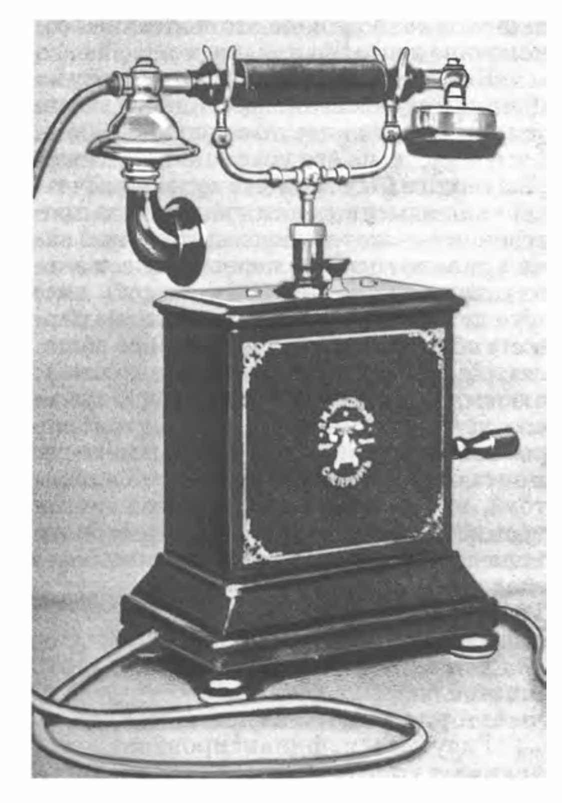
[114] *Озеров И.Х.* Указ. соч. С.86; Общественное призрение Московской городской управы. М., 1914. С.90.



Съезд городских и земских деятелей в Москве. 1905 г.

Телефоны начала века





Эта опасность постоянно имелась в виду и при обсуждении проблем развития Москвы. Существовавшее к началу XX в. избирательное право в городах исключало из состава избирателей подавляющую часть населения. В 1900 г. к выборам было допущено лишь 0,6% жителей Москвы – домовладельцев, в 1904 г.– около 1%. В 1913 г. в составе 146 гласных Московской городской думы было 119 домовладельцев (в основном фабрикантов и купцов) и 27 представителей свободных профессий, из которых лишь часть принадлежала к «квартиронанимателям».

Газеты на протяжении ряда лет вели резкую критику этого положения, но до Февральской революции 1917 г. ситуация не менялась.

Вот пара саркастических суждений, высказанных уже цитировавшимся профессором Озеровым в брошюре о городах в серии публицистических статей в московском журнале «Русская мысль», основанном хлеботорговцем и меценатом В. М. Лавровым: «Причины плохого ведения городского хозяйства, несомненно, лежат в том, что наши городские управления обратились в частные кружки купцов-домовладельцев... потому что другие элементы существующим избирательным правом исключены из состава дум»; «Излишне заботиться об улучшении мостовых, когда экипажи с резиновыми шинами делают вовсе нечувствительным дурное устройство наших мостовых – «для отцов города». Зачем заботиться об устройстве бюро по приисканию труда, когда «отцы города» сами в нем не нуждаются? Зачем устраивать какие-то бюро для подачи юридических советов бедному, неимущему населению, когда «отцы города» обладают достаточными средствами, чтобы обратиться к лучшим адвокатам?»[115]

В этих суждениях подчеркнута одна важная мысль: лицо города и благосостояние его жителей непосредственно связаны с политикой властей. Конечно, в составе Московской городской думы было немало достойных, умных и честных людей, опытных предпринимателей, искренне заботившихся об интересах населения. Многочисленные факты успешной деятельности городского самоуправления изложены выше. Они не случайны: независимо от социального состава думцев, «городская община» существовала объективно и имела свою логику, в определенной мере ограничивавшую проявления своекорыстия.

Но ее собственные интересы вместе с тем требовали легитимных гарантий городской демократии. А это действительно зависело от изменения избирательного права.

Февральская революция 1917 г., казалось бы, решила этот вопрос кардинально: было обеспечено всеобщее избирательное право (с 20 лет). Все цензы, кроме возрастного, упразднялись. Даже случайно оказавшиеся в городе люди (недавно прибывшие солдаты и т.п.) участвовали в выборах, что привело к другой крайности (вспомним и взлет преступности в связи с массовой амнисти-

[115] *Озеров И.Х.* Указ. соч. С.34, 36, 52.

ей). Февральская «демократия без границ» стала одной из причин дестабилизации политического положения, поскольку дала рычаги легальной власти маргинальным элементам пришлого населения, равнодушного к традициям и благосостоянию «городской общины».

В дореволюционной либеральной печати звучали предложения не только о расширении избирательного права в городах, но и продуманном цензе оседлости (помимо возрастного ценза), т.е. определенном минимальном сроке пребывания в данной «общине», обеспечивающем право избирать городское самоуправление и быть в него избранным. Эти советы были, однако, отвергнуты.

Начало века, таким образом, накопило богатейший опыт как больших свершений, так и неудач, ошибок. Главное состояло в том, что общество поняло значение муниципального фактора, городской автономии, самоуправления и искало пути их оптимальной организации. Это обещало цивилизованный прорыв. Но осенью 1917 г. скачок произошел совсем в другом направлении.

Нельзя не обратить внимания и на то, что рубеж веков дал повод задуматься и о характере наступившего века в целом. Здесь было немало прозрений, но и много наивных, фантастических мечтаний о характере жизни в городах будущего. Они не осуществились до сих пор, но и сегодня несут в себе светлый идеал гуманистической надежды. Вот одно из таких суждений: «...в будущем, вероятно, мы будем ездить на городской движущейся платформе с газетой в руках или сидя в городском ресторане и читальне, устроенных на той же платформе... будем... сидя дома, слушать пение или концерты по городскому телефону, который будет передавать нам и последние новости (телефонные газеты)... Муниципалитеты будут доставлять электрическую энергию, воду холодную и горячую, даже, вероятно, воздух будет накачиваться в квартиры с городских полей и сосновых лесов, находящихся за городом»[116].

Мы видим, что кое в чем наша действительность опередила воображение предков, другие их представления вызывают улыбку, но в целом нам понятны эти грезы. Нам близка сама интеллектуальная атмосфера, в которой они возникли: мы тоже подошли к рубежу веков.

[116] *Озеров И.Х.* Указ. соч. С.26.

II

ДУХОВНЫЙ ЦЕНТР РОССИИ

1. ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА

Москву первых двух десятилетий XX в. отличали характерные для быстро развивающегося буржуазного общества черты: рост грамотности городского населения, невиданное ранее развитие коммерческого и женского образования, расширение частной инициативы во всех сферах просвещения.

Правда, исходные позиции здесь, по сравнению с другими регионами страны, оказались более благоприятными, ибо Москва со второй половины XIX в. уверенно шла по пути буржуазных реформ. Так, уровень грамотности в городе был в 2,5 раза выше, чем по России в целом, составив в 1897 г. 56% против 21%, а в 1902 г. достиг 64%[1]. Перепись 1912 г. показала, что 88,2% московского мужского и 82,7% женского населения от 8 до 14 лет было грамотным[2].

Успешно развивалось в Москве народное образование. На решение этой проблемы и на рост школьной сети повлияли революционные события 1905–1907 гг., когда впервые организовавшиеся в профессиональные союзы учителя и деятели народного образования выступили с требованиями последовательной демократизации школы.

Благодаря растущим из года в год ассигнованиям к 1904 г. Думе удалось обеспечить учебными местами в начальных училищах всех желающих, а в 1909 г. отменить годовую трехрублевую плату за обучение[3]. К 1912 г. в Москве было осуществлено всеобщее начальное образование; причем вместо трехлетнего был введен четырехлетний курс обучения. Об успехах, достигнутых Думой в области начального образования в первые 15 лет XX в., свидетельствует также постоянный рост количества учебных заведений. Так, за 1900–1915 гг. начальных училищ стало больше в два раза (333 вместо 158), отделений для классов – в четыре раза (2095 вместо 500), а число учеников увеличилось в 3,5 раза (с 20 до 75 тыс. человек)[4].

В 1913–1916 гг. Дума разработала масштабный план строительства, предусматривавший сооружение в Москве 51 школьного здания. Ассигнование этого проекта составило 14,6 млн. руб., из них 11,7 млн. предполагалось получить в виде ссуды из школьно-строительного фонда Министерства народного просвещения, оставшиеся же 2,9 млн. руб.– путем займов[5]. Огромные государственные расходы на военные нужды заставили Думу отложить осуществление этого проекта.

С конца XIX в. в деле народного образования, и прежде всего профессионального обучения, особую роль играли благотворительные капиталы. Достаточно вспомнить Долгоруковское и Морозовское ремесленные училища, Алексеевскую торговую школу, Долгоруковское училище для повивальных бабок, Арнольдо-Третьяковское училище для глухонемых, Ксенинский учебно-ремесленный приют, Лепешкинское профессиональное училище и многие другие.

В 1900 г. в ведении Московского городского училищного совета находилось 150 начальных городских училищ с 18 852 учащимися и 771 преподавателем. В 1914 г. число училищ выросло вдвое (331), учеников – более чем в четыре раза (68 601), а преподавателей – более чем в три раза[6]. Этот огромный скачок свидетельствовал не только об успехах народного образования, но и о том, что школ явно не хватало. Классы были переполнены, что негативно сказывалось на качестве преподавания. Действительно, только 11% училищ располагались в специально построенных помещениях, 50 школ – в городских зданиях, имевших по 16–24 класса, остальные – в наемных помещениях[7].

Не следует, однако, представлять себе мрачную картину общей запущенности начального звена народного просвещения. Вот как выглядело, например, Петровско-Басманное мужское училище: в новом школьном здании – большие, в полтора этажа высотою,

[1] *Рашин А.Г.* Грамотность и народное образование в России в XIX и начале XX в. // Исторические записки. Т. 37. М., 1951. С.40, 49.

[2] Статистический ежегодник г. Москвы. Вып. 4. 1911–1914. М., 1916. С.102, 103.

[3] *Писарькова Л.Ф.* Деятельность Московской городской думы в области медицины, народного образования и общественного призрения после 1892 г. // Проблемы истории СССР. Вып.VII. М., 1978. С.135, 136.

[4] *Михайловский А.* Деятельность Московского городского управления в 1913–1916 гг. // Известия Московской городской думы. 1916. № 9. С.28.

[5] Московская городская дума. 1913–1916. С.150, 153.

[6] Там же. С.218, 222.

[7] *Костромина В.* Народное образование в Москве // Москва. Путеводитель. Под ред. Е.А. Звягинцева, М.Н. Коваленского, М.С. Сергеева и К.В. Сивкова. М., 1915. С.262.

Дом городского начального училища на Девичьем поле. 1911–1912 гг.

залы отдыха, довольно высокие классы с водяным отоплением, вентиляцией, кухни для приготовления горячих завтраков и просторные столовые. Попечителем училища являлся известный художник и меценат И. С. Остроухов. И надо полагать, что из 289 обучавшихся здесь мальчиков многие смогли в детстве приобщиться к пониманию живописи, к миру прекрасного.

Институт попечителей для небольших, как правило, начальных училищ имел немаловажное значение. Ведь в их числе находились не просто уважаемые и обеспеченные люди, которые считали своим долгом реально помогать школе (в 1914 г. мы видим здесь фамилии Абрикосовых, Гучковых, Найденовых и других представителей деловой Москвы), но и такие видные деятели культуры, как К. С. Алексеев (Станиславский), М. В. Сабашников, В. В. Шервуд, А. А. Пушкин (сын поэта).

Продолжать начальное образование (а оно было рассчитано на рабочих, ремесленников, мещан) можно было в высших начальных училищах с пяти- и четырехлетним курсом: на 1 января 1914 г. за плату 10–20 руб. в год в них обучалось 2054 детей, что составляло не более 10–15% окончивших начальные училища[8].

Для бедных слоев населения предназначались также церковно-приходские школы (в 1913 г.– 144 школы с 6084 учениками), немногочисленные вечерние и воскресные городские школы, а также профессиональные школы (в 11 мужских и женских школах в 1914 г. насчитывалось 1776 учащихся, причем девочек было в два раза больше)[9]. Многие из этих школ отличались хорошим оборудованием и давали основательную подготовку в области различных ремесел, торговли, рукоделия. Среди них выделялись школа и мастерские при доме братьев Бахрушиных на Софийской набережной, Долгоруковское ремесленное училище, женское училище Варвары Лепешкиной. В целом к 1914 г. в среднем звене профессионального обучения (торговые школы, средние технические училища, три ремесленных училища им. Григория Шелапутина) обучалось 3180 человек[10].

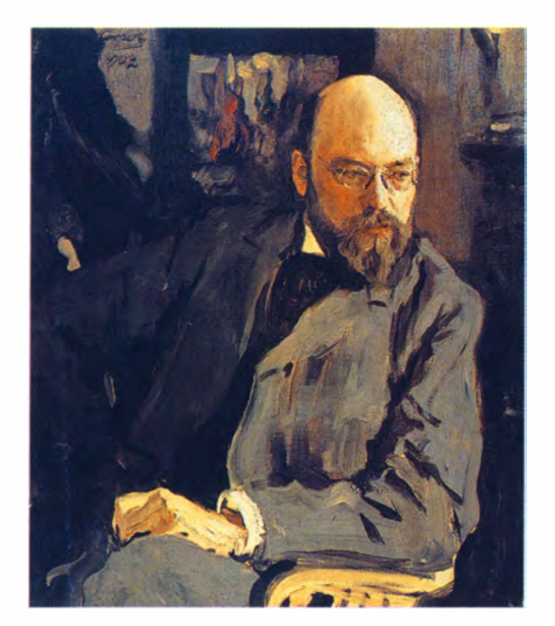
Весьма показательна картина гимназического и реального образования, сложившаяся к 1914 г.: росло общее число учащихся (почти вдвое за 10 лет), вместе с тем все большее место отводилось частному образованию. Если количество мужских казенных гимназий с 1903 по 1914 г. осталось почти неизменным (10–11), то частных стало девять вместо одной, что увеличило контингент учащихся в два раза – с 4496 до 9355[11]. Лучшей казенной считалась основанная на частные средства гимназия им. И. Л. и А. К. Медведниковых, для которой по проекту известного архитектора И. С. Кузнецова в 1903 г. воздвигли прекрасное здание в Староконюшенном переулке. Среди частных неизменным авторитетом пользовались Петропавловская гимназия, гимназии А. В. Адольфа, Л. И. Поливанова, В. Д. Касицына. Некоторые из них были крупными (561 учащийся – в Петропавловской, 389 – в Медведниковской), другие – совсем небольшими, как, например, гимназия Рождественского с 22 учениками.

[8] *Костромина В.* Указ. соч. С.270.

[9] Статистический ежегодник г. Москвы. Вып.4. С.225, 226.

[10] Там же. С.236, 237, 283.

[11] Там же. С.228, 229.



И. С. Остроухов. Художник В. Серов. 1902 г.

Класс начального училища им. Капцовых. Начало XX в.

После 1905 г. бурный рост переживало в Москве женское образование. Количество женских гимназий к 1914 г. выросло с 33 до 61, а учениц в них – с 9192 до 17 002. В то же время в трех епархиальных училищах и семи женских институтах обучались 3306 девушек[12]. Первую в России частную классическую женскую гимназию открыла в Москве Софья Николаевна Фишер (урожд. Давыдова) еще в 1872 г. В 1912 г. в ней училась 161 девушка. Характерная для данного времени деталь: в 1902 г. дочери потомственных дворян составляли в гимназии 38,5% (в XIX в.– 79%), а дочери купцов – 32% (до XX в. они не обучались в гимназиях). Под руководством супругов Фишер, опытных педагогов, гимназию окончило около 400 девушек, половина из которых посвятила себя педагогической деятельности, переводческой и литературной работе. Среди выпускниц были первая русская женщина-этнограф В. Н. Харузина, доктор медицины А. К. Дьяконова, литераторы М. М. Окоемова и Л. Н. Погожева. Притом что, как и во всех гимназиях, обучение здесь являлось платным, более одной пятой учащихся освобождалось от платы за обучение. Гимназию материально поддерживали частные пожертвования, в том числе М. Ф. Морозовой, матери С. Т. Морозова, также активно помогало Общество бывших воспитанниц гимназии, которое в 1911 г. насчитывало 225 членов. В 1912 г. оно смогло выкупить частный дом в Хилковом переулке, где гимназия располагалась уже 37 лет, и передать здание в ее собственность. Это был знак общей признательности основательнице гимназии[13].

Особенно ощущалась частная инициатива в работе реальных училищ, количество которых возросло с 7 до 19, а число учащихся на 1914 г. достигло 5422 человек. К этим будущим кадрам технической высшей школы и промышленности добавлялись воспитанники других средних заведений: трех кадетских корпусов (1434 человека), Земледельческой школы (365), Строгановского художественно-промышленного училища (1086), Духовной семинарии (679)[14].

* * *

XX век – это время научно-технического прогресса и глобальных социальных экспериментов. Он внес принципиальные изменения в теоретические представления естествоиспытателей и обществоведов, в методы исследования, в характер взаимосвязей науки с техникой и производством, в практику социальной организации науки. Великий естествоиспытатель и выдающийся историк науки, один из самых замечательных профессоров Московского университета – В. И. Вернадский еще в 1915 г. писал: «Конец XIX и особенно начало XX века в истории естествознания является поразительной и небывалой эпохой катастрофического изменения, эпохой величайшей научной революции»[15].

Фундаментальные открытия в естествознании, такие, как открытие рентгеновских лучей, явления радиоактивности, создание теории относительности и науки генетики, указали новые пути в развитии научных знаний, потребовали объединения усилий и совместной работы ученых различных специальностей – математиков, физиков, химиков, биологов, обществоведов. Всевозрастающее влияние на развитие науки оказывал марксизм в его легальной и революционной форме. Научная работа приоб-

[12] Статистический ежегодник г. Москвы. Вып.4. С.230, 231.

[13] *Владимирский И.* Историческая записка о 40-летии женской классической гимназии С.Н. Фишер. М., 1912.

[14] Статистический ежегодник г. Москвы. Вып.4. С.233, 235.

[15] *Вернадский В.И.* Очерки и речи. Ч.1. Пг., 1922. С.130.

рела характер коллективной деятельности. Возникла и новая форма организации науки – научно-исследовательский институт.

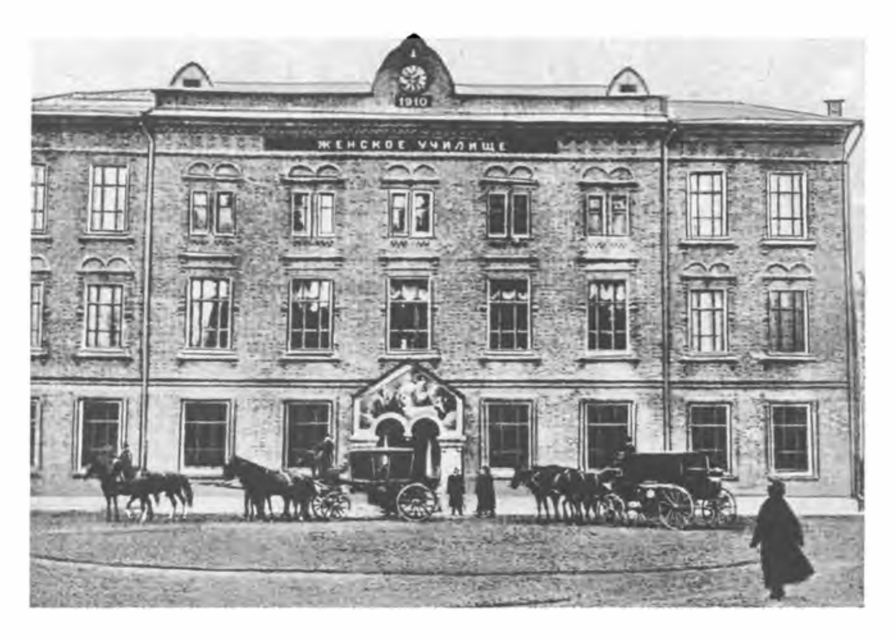
Общие тенденции развития мировой науки оказывали влияние на формирование научных центров, как специализированных, так и комплексных. Одним из таких наиболее значимых и масштабных научных центров стала Москва.

Однако сложившаяся к XX в. система научных учреждений и кафедр университетов и высших учебных заведений не отражала в полной мере потребностей развития науки. Разрозненные исследования, которые велись в различных ведомствах и организациях, осуществлялись без всякой согласованности и не учитывали интересы развивающегося научного знания. Выдающийся биолог, основатель московских школ экспериментальной биологии, цитологии и генетики Н. К. Кольцов писал в 1909 г., что в российских университетах нет кафедр математической физики, физической химии, бактериологии, эмбриологии, палеонтологии, морфологии животных и т.д.[16]

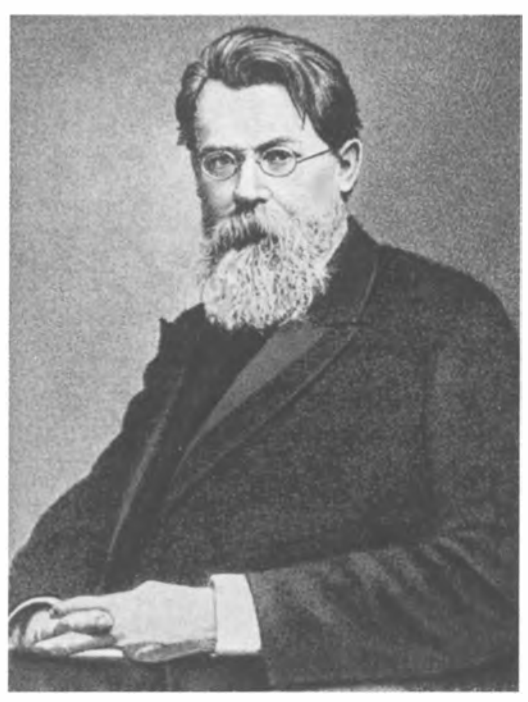
Основным препятствием на пути развития науки являлось отсутствие материальной поддержки со стороны государства. Даже наиболее привилегированные научные заведения – Императорские Академия наук и университеты – оказывались постоянно стесненными в средствах. Бюджеты научных учреждений не пересматривались годами и даже десятилетиями. В записке о деятельности Московского общества испытателей природы отмечалось, что оно вынуждено сокращать свою работу «за недостатком средств, в явный ущерб своим задачам и достоинству»[17].

На исходе первого десятилетия XX в. в России начали появляться научные объединения особого типа. Это были организации научной общественности, которые ставили перед собой широкие задачи – от финансирования отдельных работ до организации научно-исследовательских институтов[18].

Первое подобное объединение возникло в Москве в 1909 г. на средства, завещанные крупным промышленником Х. С. Леденцовым. Целью Общества содействия успехам опытных наук и их практических применений им. Х. С. Леденцова являлась поддержка исследований в области естествознания и технических изобретений. По уставу оно должно было давать заключения на технические проекты и оказывать изобретателям материальную помощь, субсидировать исследования в самых различных областях естествознания и техники, создавать собственные лаборатории, устраивать публичные лекции и выставки.



Женское училище при Скорбященском монастыре. 1910 г.



В. И. Вернадский. 1911 г.

В состав Общества вошли виднейшие ученые своего времени – Д. Н. Анучин, В. И. Вернадский, Н. Д. Зелинский, Н. Е. Жуковский, И. А. Каблуков, Н. М. Кулагин, П. П. Лазарев, П. Н. Лебедев, Д. Н. Прянишников, Н. А. Умов, С. А. Федоров, А. Е. Чичибабин, Л. А. Чугаев и др. Именно они определяли направления и характер деятельности Общества. Оно финансировало исследования Н. Е. Жуковского по аэродинамике, работы Л. А. Чугаева в области исследования свойств платины и других благородных металлов, выделило средства В. И. Вернадскому для организации экспедиции по поиску месторождения радия и его изучению и т.п.

[16] *Кольцов Н.К.* К университетскому вопросу. М., 1909. С.42, 43.

[17] Записка о деятельности и средствах Московского общества испытателей природы. М., 1909. С.1.

[18] *Бастракова М.С.* Становление советской системы организации науки (1917–1922). М., 1973. С.28, 29.

Н. Д. Зелинский со студентами Московского университета в химической лаборатории. 1910 г.

П. Н. Лебедев

Общество им. Х. С. Леденцова содействовало организации исследований не только ученых, работавших в Москве. В 1910 г. к С. А. Федорову, являвшемуся бессменным председателем Общества, обратился первый российский лауреат Нобелевской премии И. П. Павлов с просьбой помочь средствами на обустройство лаборатории для изучения высшей нервной деятельности при Императорском Институте экспериментальной медицины в Санкт-Петербурге. И он получил субсидию на это строительство[19].

Когда в 1911 г. П. Н. Лебедев был вынужден покинуть свою лабораторию в Московском университете, Общество им. Х. С. Леденцова приняло решение оборудовать ему новую. В протоколе заседания по этому вопросу записано: «Решено сохранить в России выдающуюся научную силу... представляемую П. Н. Лебедевым, и обеспечить существование лаборатории как школы научных работников, которыми не так богата Россия»[20].

Общество оставило заметный след в истории отечественной науки, хотя и располагало сравнительно скромными средствами. Оно существовало на проценты от завещанного капитала, на членские взносы и поступления от продажи выпускаемых изданий. Средний годовой доход Общества составлял 62 тыс. рублей. В 1917 г. его бюджет равнялся 94 тыс. рублей[21].

В 1912 г. возникло Общество Московского научного института с целью организации новых центров исследовательской работы. Непосредственным поводом к его созданию послужил разгром Московского университета, когда в знак протеста против политики царского правительства и министра народного просвещения Л. А. Кассо около 400 профессоров и сотрудников университета подали в отставку[22]. Многие из них оказались в тяжелом положении, не имея ни лабораторий для продолжения исследовательской работы, ни даже средств к существованию. В связи с этим в кругах научной общественности Москвы стала обсуждаться идея создания таких научных учреждений, в которых ученые были бы избавлены от полицейского давления и официальной опеки правительственных чиновников. Н. А. Умов выступил со статьей, в которой писал: «Москве должен принадлежать почин в устройстве вольной научной академии»[23].

Общество Московского научного института было организовано на паевых началах. В 1913 г. в нем насчитывалось до 200 членов, большинство которых – ученые, преподаватели, врачи, адвокаты – были мелкими вкладчиками. Имели место и крупные пожертвования, достигавшие нескольких сот тысяч рублей, от московских купцов-меценатов[24]. Общество предполагало создать четыре научно-исследовательских института – физический, биологический, химический и обществоведческий. Строительство первого из них началось весной 1914 г. Физический институт Московского научного общества открылся 1 января 1917 г.

В число учредителей Общества Московского научного института был приглашен И. П. Павлов. Выражая глубочайшую признательность за сделанное предложение, он в письме Н. А. Умову отмечал: «Честь Москве, что в ней находится достаточно примеров общественной инициативы и энергии для осуществления великих задач жизни. Только этими инициативой и энергией создаются сила и достоинство истинно активных и исторически важных наций»[25].

В 1911 г. при Московском университете было основано Общество им.

[19] Переписка И.П. Павлова. Л., 1970. С.17–20.

[20] Временник Общества содействия успехам опытных наук и их практических применений имени Х.С.Леденцова. Вып.II. М., 1911. С.17.

[21] *Бастракова М.С.*Указ. соч. С.30.

[22] Летопись Московского университета. 1755–1979. М., 1979. С.161, 162.

[23] *Гуло Д.Д.*Н.А. Умов. М., 1977. С.35.

[24] *Зернов М.С.*Общество Московского научного института. М., 1914. С.13, 14.

[25] Переписка И.П. Павлова. С.96.

А. И. Чупрова для разработки общественных наук, где имелись секции социальной истории и социальной политики[26].

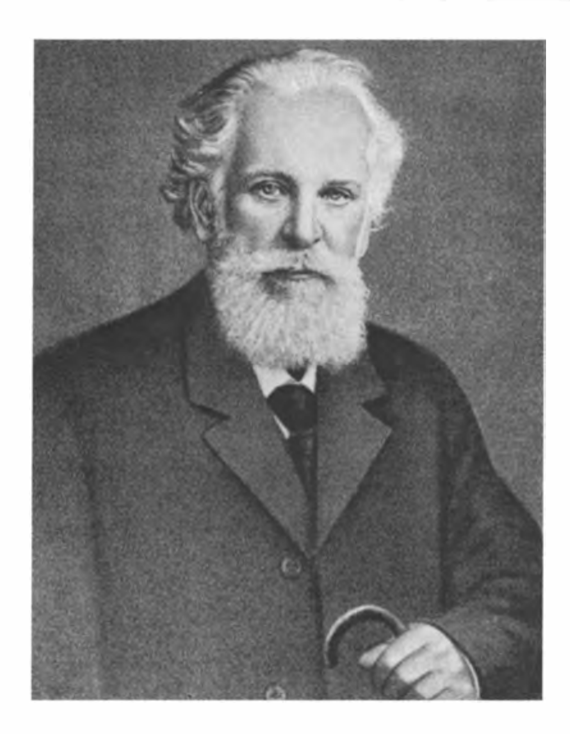
В канун первой мировой войны в стране стали создаваться частные научно-технические учреждения, но это были небольшие организации с весьма ограниченными средствами и они практически не играли заметной роли в научной и экономической жизни.

Первая мировая война наглядно показала технико-экономическую отсталость России, неудовлетворительную организацию научной работы в стране. В годы войны развернулось широкое движение за создание прикладных научно-исследовательских институтов. Их проекты выдвигались научными обществами и высшими учебными заведениями, предлагались отдельными учеными. Но ни одно научно-прикладное учреждение не было создано. Только в декабре 1914 г. начала работать Центральная научно-техническая лаборатория военного ведомства, вопрос о необходимости создания которой был поставлен еще в 1891 г. Д. И. Менделеевым[27].

По инициативе научной общественности с 1915 г. возникают организации, ставившие задачей изучение естественных ресурсов с целью их мобилизации. Особую роль в исследовании проблемы стратегического сырья сыграла созданная в Петрограде при Академии наук Комиссия по изучению естественных производительных сил России (КЕПС). Среди организаций, образованных в Москве, следует отметить объединение минералогов и геологов Москвы во главе с Я. В. Самойловым, Общественный комитет по организации производства лекарственных растений, действовавший под председательством А. Е. Чичибабина при МВТУ, и др.[28]

Политика царского правительства в отношении образования была достаточно противоречивой. Понимая, что общественность требует демократизации народного образования, власти шли в известной мере навстречу времени, особенно в периоды подъема революционного движения. Однако попытки правительства воспрепятствовать быстрому развитию революционных и демократических настроений в обществе, и особенно среди учащейся молодежи, наносили тяжелые удары просвещению и науке. Так было с Московским университетом.

Университет продолжал играть роль общероссийского научного и образовательного центра. Блистательная плеяда ученых – Д. Н. Анучин, В. И. Вернадский, К. А. Тимирязев, Н. Е. Жуковский, П. Н. Лебедев, В. О. Ключевский и многие другие – являлась гордостью не только московской науки. Подготовка кадров велась на четырех факультетах: физико-математическом, медицинском,



Н. А. Умов

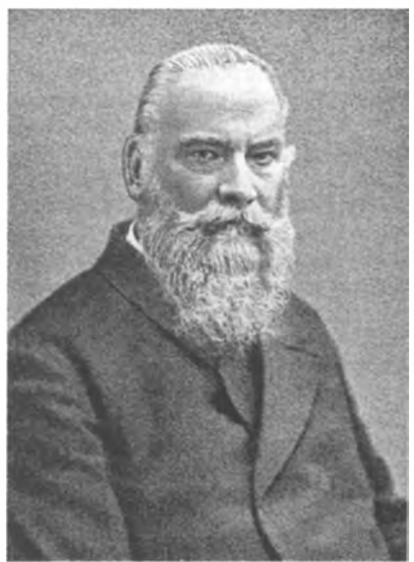
юридическом и историко-филологическом. Рост в два раза числа студентов и вольнослушателей (с 4408 человек в 1900 г. до 10 296 в 1914 г.) не сопровождался, однако, сколько-нибудь значительным расширением профессорско-преподавательского состава и достаточными бюджетными ассигнованиями. Министерство просвещения гораздо больше заботило рост революционных настроений студентов, и оно оказывало в этом плане на профессуру постоянное давление. Это привело к уже упоминавшимся драматическим событиям 1911 г., когда против решения министра просвещения Кассо, принятого 1 февраля, об отстранении от должности ректора Московского университета А. А. Мануйлова и его коллег выступили многие профессора и преподаватели, демонстративно покинув университет. Среди них были ученые с мировой известностью: П. Н. Лебедев, К. А. Тимирязев, В. И. Вернадский, Н. А. Умов, С. А. Чаплыгин, Н. Д. Зелинский, А. П. Павлов, Н. К. Кольцов. Они возвратились к работе в университете только после Февральской революции.

Однако несмотря на трудности, высшая школа в Москве набрала в начале века огромный потенциал. В частности, она была представлена неизвестными ранее типами институтов. В 1906 г. открылся первый в России Московский коммерческий институт, который отличался широкой программой подготовки – давал экономическое и техническое образование – и очень быстрыми темпами роста: за 10 лет число его слушателей выросло с 600 до 5 тысяч. На бывшей окраине, на Зацепе, появился целый учебный городок: институт, мужское и женское коммерческие училища,

[26] Летопись Московского университета. С.162.

[27] *Бастракова М.С.* Указ. соч. С.45.

[28] Там же. С.47.



Реальное училище и Педагогический институт им. П. Г. Шелапутина на Девичьем поле. 1911 г.

Н. Е. Жуковский.

коммерческие и счетоводческие курсы, Ломоносовское физико-химическое общество. Все это было организовано и финансировалось Московским обществом распространения коммерческих знаний, в которое входили крупнейшие предприниматели. Многие аудитории института носили имена пожертвователей. Преподавали здесь лучшие профессора: П. И. Новгородцев (директор), Д. Н. Егоров, А. А. Мануйлов, А. Ф. Фортунатов, Б. И. Угримов, С. А. Чаплыгин, В. Р. Вильямс, А. А. Кизеветтер и др.

В 1907 г. был организован Археологический институт, ставший предтечей подготовки не только археологов, но и специалистов в области охраны памятников старины и по многим вспомогательным историческим дисциплинам. Не случайно при нем в 1912 г. образовалось Общество по исследованию памятников древности им. А. И. Успенского. Основатель института известный историк Успенский был также создателем Комиссии по осмотру и изучению памятников церковной старины Москвы и Московской епархии (1900), которая впервые начала систематически изучать московские храмы, иконопись, церковное пение и выпустила четыре обширных тома своих трудов «Московская церковная старина» (1904–1911). Под эгидой Комиссии была проведена первая расчистка «Троицы» Андрея Рублева[29].

Первый Педагогический институт в Москве открылся в 1911 г. на Девичьем поле (ныне – Трубецкой переулок) на средства П. Г. Шелапутина. Тут же находились мужская гимназия и реальное училище имени его рано умерших сыновей Григория и Анатолия. На пожертвования Шелапутина были созданы также Гинекологический институт при университете и три ремесленных училища. Педагогическое образование давал также и Учительский институт (1906) на Большой Полянке. Недалеко от него для 500 учителей при поддержке И. Д. Сытина построили первый в городе Учительский дом (Малая Ордынка, 31) – большое пятиэтажное здание, прекрасно оборудованное, включавшее меблированные комнаты, библиотеку, сценический зал, педагогический музей, детский сад Н. Н. Мурзаевой, родительский клуб.

Характерной чертой высшей школы того времени стало то, что ее учебно-вспомогательные звенья – лаборатории, кабинеты, музеи, библиотеки – быстро превращались в самостоятельные научные центры. Несколько институтов работало при Московском университете. На территории «университетского городка» располагались фундаментальная библиотека (новое ее здание было открыто в 1904 г.) и около 30 специальных университетских, студенческих и различных научных обществ, библиотек, институты (Физический, Химический, Агрономический, Физиологический, Сравнительной анатомии и др.), музеи (Зоологический, Антропологический, Географический, Сравнительной анатомии), многочисленные лаборатории и кабинеты, аудиторные корпуса, церковь Татьяны. Университету в других частях города принадлежали типография, астрономическая и метеорологическая обсерватории на Пресне, Ботанический сад, Музей изящных искусств и Социальный музей им. А. В. Погожевой[30]. Однако самым обширным был клинический городок, раскинувшийся на 24 десятинах на Девичьем поле.

Развитие высшей технической школы также шло динамично. С 1913 г. набирал темпы роста новый Институт инженеров путей сообщения. Его кафедра аэронавтики и воздухоплавания, так же как и Императорское Техническое училище, под руководством Н. Е. Жуковского готовила специалистов в этой новой

[29] Краеведы Москвы. Вып. 1. М., 1991. С.148–150.

[30] Вся Москва. Адресная справочная книга на 1917 год. М., 1917. 1-й отдел.

области. В 1902 г. в Московском университете при кабинете механики была сооружена аэродинамическая труба, одна из первых в Европе. Многочисленные частные технические бюро и проектные мастерские быстро вбирали в себя выпускников технических школ.

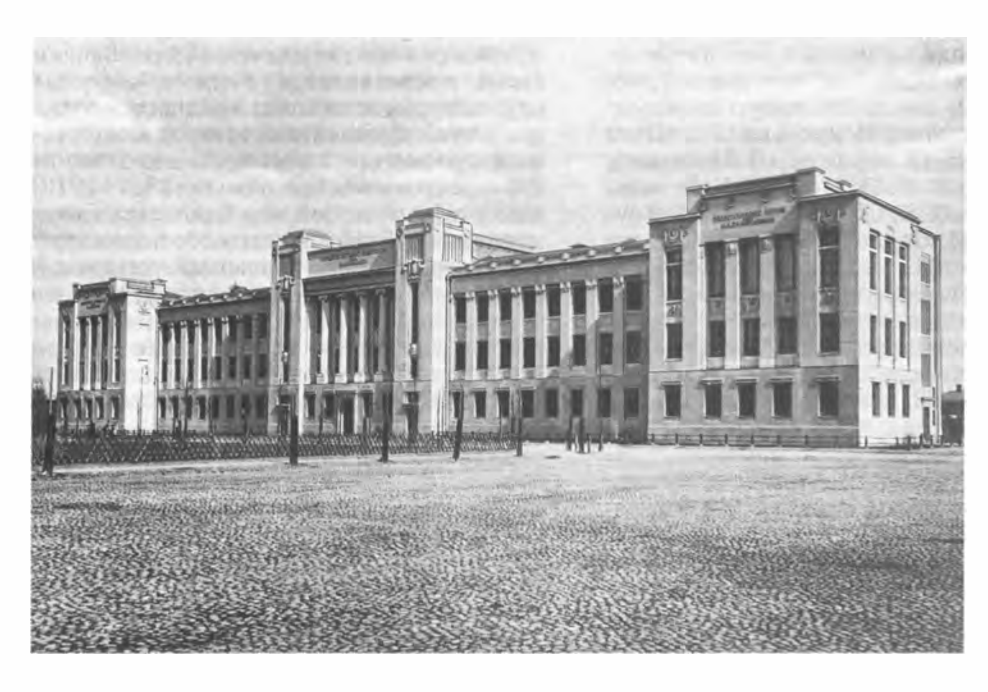
Особенно весомыми оказались успехи в области высшего женского образования. Из-за отказа в приеме в высшие учебные заведения женщины были лишены возможности получить высшее образование (исключение составили 1905–1908 гг., когда под влиянием революции они были допущены как вольнослушательницы в университеты и другие высшие учебные заведения). Чтобы как-то восполнить отсутствие высших женских учебных заведений, в Москве при активном участии прогрессивной общественности стали создаваться различные высшие женские курсы.

В 1900 г. вновь открылись Московские высшие женские курсы с отделениями: историко-философским, физико-математическим и медицинским (с 1906 г.). Курсы возглавил С. А. Чаплыгин. Предполагаемый контингент в 200 слушательниц был превышен очень быстро: в 1903 г. на курсах обучалось 719 человек, а к 1914 г.– уже 7158. По числу профессоров и преподавателей (в 1903 г. их было около 59, в 1914 г.– 169) курсы превосходили Московский университет[31]. В 1907 г. закладка на Девичьем поле фундамента собственного здания курсов (воздвигнуто по проекту архитектора С. У. Соловьева к 1913 г.) стала символом победы демократических сил в борьбе за равноправие женщин.

Система высших курсов получила применение и в других областях женского образования: в 1906 г. открылись общеобразовательные курсы (ставшие потом Педагогическими), где в 1913 г. училось 1030 человек. В 1907 г. В. А. Полторацкая учредила Высшие юридические и историко-филологические курсы (1101 слушательница в 1914 г.). В 1908 г. возникли Голицынские сельскохозяйственные курсы, которыми руководил Д. Н. Прянишников (684 слушательницы в 1914 г.). Общей чертой всех курсов (срок обучения на них продолжался три-четыре года, а программы приближались к Высшим женским курсам) было то, что окончившие не получали юридических прав и вынуждены были сами, подчас с трудом, искать работу. Таким образом, огромная тяга женщин к знаниям и всемерная помощь им научной общественности не находили адекватной поддержки со стороны властей. Проблема высшего женского образования оставалась нерешенной.

Еще один важный шаг в демократизации народного образования – создание благодаря частной инициативе Народного университета им. А. Л. Шанявского, открытого в 1908 г. На средства, завещанные этим известным золотопромышленником и общественным деятелем (умер в 1905 г.), стараниями его вдовы, поборницы женского образования Л. А. Шанявской и группы видных московских деятелей науки и культуры (М. В. Сабашников, В. К. Рот, Н. В. Сперанский, М. М. Ковалевский) в течение трех лет готовилось открытие первого в России «вольного» университета, ставившего целью просвещать и давать высшее образование всем желающим, независимо от происхождения, вероисповедания и предварительной подготовки. В его состав входили два академических отделения (естественное и гуманитарное), научно-популярное (оно давало объем знаний гимназии), а также научные

[31] Статистический ежегодник г. Москвы. Вып.4. С.240в.



Народный университет им. А. Л. Шанявского на Миусской площади. 1908 г.

А. Л. Шанявский

лаборатории, в которых сосредоточивалась исследовательская работа. Тут трудился, в частности, после ухода из университета П. Н. Лебедев. Огромное значение приобрели читаемые «специальные циклы», которыми, по словам А. А. Кизеветтера, университет как щупальцами соприкасался со вновь возникающими процессами в жизни народа и обслуживал их. Таковы были курсы по кооперации, местному самоуправлению, внешкольному образованию и библиотечному делу, истории Москвы (этот курс читал А. В. Чаянов). Большего успеха и наплыва слушателей, чем в Народный университет, не знало ни одно учебное заведение Москвы. Если в 1908 г. университет принял 975 слушателей, то в 1914 г.– 5678 (из них 1756 женщин)[32]. Здесь преподавал и творил цвет московской науки и культуры, тут нашли прибежище изгнанные из Московского университета ученые. Читать курсы в Народном университете считалось делом чести, в 1914 г. в нем насчитывалось 185 преподавателей.

Небывалый успех дела подвигнул Л. А. Шанявскую на сооружение для университета собственного здания, и оно было построено в 1912 г. на Миусской площади по проекту И. А. Иванова-Шица. Над входом в здание были начертаны слова А. Л. Шанявского: «Наука – источник добра и силы».

Кроме университета Шанявского, где воплощалась идея независимой высшей школы, открытой всем слоям общества, демократическая интеллигенция Москвы одновременно осуществила еще один принципиально важный проект – популяризацию научных знаний и культуры среди широких масс населения. Созданное в начале 1906 г. Московское общество народных университетов во главе с В. Д. Шервинским в течение десяти лет организовывало общедоступные лекции для народа по циклам: юридическому, историческому, литературному, естественному, медицинскому, экономическому, истории искусства. Высокий уровень лекций гарантировали имена профессоров В. К. Рота, В. М. Хвостова, М. Н. Гернета, В. Г. Сахновского, Е. Н. Трубецкого, Б. И. Сыромятникова. Эти лекции устраивались в аудиториях Политехнического музея и привлекали большое количество слушателей.

Огромной популярностью пользовались тематические литературно-художественные вечера, посвященные деятелям русской культуры. Музыкальная секция Общества народных университетов организовала в районах много «хоровых классов» с трехгодичным курсом обучения, где преподавала пение М. А. Дейша-Сионицкая; классы фортепьяно и скрипки вели А. Б. Гольденвейзер, Н. К. Метнер, К. С. Сараджев. Знаменательным шагом стала постройка на частные пожертвования Дома им. В. Д. Поленова – культурного центра, при котором был создан общедоступный театр прежде всего для фабричной, школьной и деревенской аудитории. «Пионеры огромного дела насаждения в широких демократических слоях русского населения элементов высшей культуры» (так определялась роль Московского общества народных университетов в адресе его председателю[33]) вписали славную страницу в отечественную историю, показав достойный пример всей стране.

2. КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

До революции 1917 г. в Москве действовало свыше 30 музеев и картинных галерей. При этом такие известные и популярные, как Художественная галерея Павла и Сергея Третьяковых, Музей изящных искусств им. Александра III, Музей городского хозяйства, Торгово-промышленный музей кустарных промыслов, Синодальная ризница в Кремле, были бесплатными. Бесплатно работал и ряд частных и ведомственных музеев, правда, для ознакомления с ними требовалась предварительная договоренность. Открыт был и первый по значимости музей России – Московский Кремль, в том числе Большой Кремлевский дворец, служители которого четыре дня в неделю бесплатно водили посетителей по его залам.

Главным событием музейной жизни Москвы начала века стало торжественное открытие 31 мая 1912 г. под звуки специально написанной М. М. Ипполитовым-Ивановым кантаты Музея изящных искусств при Московском университете. В этом совершенно новом для России типе музея в рамках исторической хронологии были представлены лучшие образцы скульптуры, живописи и зодчества народов мира с древнейших времен. Задуманный профессором университета Иваном Владимировичем Цветаевым (1847–1913) как учебный музей, он благодаря двадцатипятилетним трудам этого подвижника превратился в огромный городской музей, открытый для публики и сразу же ставший московской достопримечательностью. Любимое детище архитектора Р. И. Клейна, воздвигнутое в архитектурных формах афинского Акрополя, сооружалось лучшими инженерными силами (среди них были В. Г. Шухов, И. И. Рерберг, В. Г. Залесский) и фирмами Москвы в основном на средства пожертвователей. В их число входили не только петербургский меценат-миллионер Ю. С. Нечаев-Мальцев или московская купчиха В. А. Алексеева, но и архитектор Ф. О. Шехтель, историк Д. И. Ило-

[32] Статистический ежегодник г. Москвы. Вып.4. С.240с.

[33] Отчет о деятельности Московского общества народных университетов в 1914–1915 году. М., 1916. С.17.

Музей изящных искусств им. императора Александра III. Архитектор Р. Клейн. 1912 г.

И. В. Цветаев. 1913 г.

вайский и многие другие. Уникальной оказалась коллекция подлинников древнеегипетского искусства В. С. Голенищева, приобретенная Московской думой и подаренная музею, что сразу выдвинуло его в ряд крупнейших в Европе[34].

Новые и важные для судеб русского искусства события произошли в 1900-е гг. в жизни Художественной галереи Третьяковых. После смерти П. М. Третьякова (в декабре 1898 г.) управление галереей перешло к Городской думе, специально избиравшей для этого Совет и попечителя. В течение четырнадцати лет определяющую роль в работе галереи играл художник и коллекционер И. С. Остроухов, и все эти годы не затихали острые споры по главному вопросу: пополнять ли собрание (напомним, что Третьяков в своем завещании высказался против этого), а если пополнять, то ограничиваться ли передвижниками или приобретать и картины современных художников. Победила точка зрения сторонников живого, постоянно обновляющегося музея национального искусства. В 1904 г. здесь впервые была представлена интереснейшая экспозиция икон из личного собрания П. М. Третьякова. К этому времени закончилось возведение нового фасада галереи «в русском характере» по проекту В. М. Васнецова, а сама галерея расширилась за счет устройства новых залов в присоединенном и перестроенном жилом доме Третьяковых.

В 1913 г. Дума избрала попечителем галереи И. Э. Грабаря, художника и историка искусства, который решительно приступил к реформам с целью превращения «собрания частновладельческого характера в организованный музей европейского типа»[35]. И снова в ожесточенных спорах, участниками которых стала вся художественная общественность страны,– ведь решалась судьба основного музея русского искусства – в течение 1913–1916 гг. была сформирована новая экспозиция галереи на основе принципов историзма и художественной выразительности. Этого требовала не только современная искусствоведческая наука, но и практика, ибо музей ежегодно посещало свыше 200 тыс. человек. 4 января 1916 г. компетентная комиссия Думы одобрила новую экспозицию, а вся дальнейшая жизнь подтвердила правильность ее принципов. Выпущенный в 1917 г. новый Каталог галереи (27-й по счету) стал наглядным подтверждением и большой научной работы по изучению ее художественной коллекции, и того несомненного факта, что Третьяковская галерея являлась крупнейшим и наиболее представительным по своему собранию музеем русского искусства[36].

Если XIX в. подарил Москве коллекцию братьев Третьяковых, то начавшийся XX в. отмечен щедрыми дарами братьев Щукиных, М. А. Морозова, А. А. Бахрушина, И. Е. Цветкова, Ф. П. Рябушинского. «Москва рождала истинно замечательных людей в мире искусства! Таких страстных, широких и понимающих собирателей произведений искусства, кажется, нигде еще не было!» – восторженно писал в 1936 г. академик живописи С. А. Виноградов в связи с кончиной С. И. Щукина[37].

Сергей Иванович Щукин (1854–1936) в 1908 г. заявил о передаче в дар Третьяковской галерее своего уникального, единственного в России и в Европе собрания полотен К. Моне, Э. Дега, П. Сезанна и П. Гогена. Знаменитые «воскресные показы», когда Щукин демонстрировал свое собрание в особняке в Малом Знаменском переулке, глубоко волновали русских ценителей искусства,

[34] *Демская А.А.* Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. М., 1979. С.15–43.

[35] *Грабарь И.Э.* Моя жизнь. Автомонография. М.; Л., 1936. С.259.

[36] Государственная Третьяковская галерея. Очерки истории. 1856–1917. Л., 1981. С.271.

[37] Цит. по: *Демская А., Семенова Н.* У Щукина, на Знаменке... М., 1993. С.156.

Третьяковская галерея. Фасад сооружен по проекту В. Васнецова. 1902–1904 гг.

Дом И. Е. Цветкова по Пречистенской набережной. Фасад построен по рис. В. Васнецова. 1900–1901 гг.

Здание Торгово-промышленного музея кустарных изделий в Леонтьевском переулке. 1911 г.

Городская библиотека-читальня им. И. С. Тургенева. Начало XX в.

приобщали их к новейшим западным течениям в живописи. Позднее галерея открылась для посещений, которые устраивались по записи три раза в неделю, и интерес к ней оказался огромным. По существу, это собрание, как и коллекция картин старых западноевропейских мастеров Д. И. Щукина (что размещалась в Староконюшенном переулке, 35), и музей древнерусского искусства П. И. Щукина (Малая Грузинская, 15), завещанный им в 1905 г. Историческому музею, занимали значительное место в художественной жизни Москвы 1900-х гг.

Такую же просветительскую роль играли и частные художественные собрания И. Е. Цветкова (в 1909 г. он завещал городу коллекцию русской живописи XVIII–XIX вв., размещенную в специально построенном в 1900 г. здании галереи на Пречистенской набережной), И. С. Остроухова, семьи Боткиных, В. О. Гиршмана, а также единственного в России Театрального музея, переданного А. А. Бахрушиным в дар Российской Академии наук в 1913 г. Прав был А. Н. Бенуа, увидевший в подобных актах свидетельство «исключительных духовных сил», «удивительного патриотизма именитого московского купечества»[38].

Многообразие и богатство музейной московской жизни определялись в эти годы и широкой общественной инициативой. Так, в составе Румянцевского музея появились «комнаты» – небольшие мемориально-документальные экспозиции, посвященные А. П. Чехову, общественным движениям 40-х гг. XIX в. в Москве и др. В день празднования 50-летия музея, 3 апреля 1913 г., открылся зал им. Ф. П. Рябушинского с этнографической коллекцией, собранной на Камчатке экспедицией, организованной на его деньги.

В 1911 г. Толстовское общество устроило выставку, а на ее основе – музей Л. Н. Толстого на Поварской улице в доме № 8. Столетие Отечественной войны 1812 г. вызвало в Москве широкое движение по организации музея, который предполагалось открыть в Арсенале Кремля. Вплоть до 1917 г. шел интенсивный сбор экспонатов, в том числе и от частных лиц. И. Х. Колодеев пожертвовал библиотеку в 12 тыс. томов. На Чистых прудах соорудили здание с высоким куполом для размещения панорамы Бородинского сражения, выполненной художником Ф. А. Рубо. Интересно, что тогда в программу музейного показа включались не только «Кутузовская изба» и Поклонная гора, но и Петровский дворец за Тверской заставой, открытый ежедневно для бесплатного осмотра[39].

В начале 1914 г. получил новое помещение в центре Москвы (Леонтьевский переулок, 15) Музей московского городского хозяйства, который при содействии Думы постоянно пополнялся экспонатами. Его заведующий П. В. Сытин, ставший затем одним из крупных москвоведов, немало потрудился, чтобы представить в документах самые различные отрасли городского быта – от канализации и водопровода до народного образования. Рядом находился Торгово-промышленный музей кустарных изделий Московского губернского земства, в котором экспонировались старинные предметы подмосковных промыслов (Леонтьевский переулок, 7). В 1910 г. здесь же открылся Музей образцов, представленных как русскими изделиями ручной работы XVI–XVIII вв., так и специально созданными экспонатами в самом музее в помощь современным кустарям. Рядом располагалось Торговое отделение, которое занималось продажей пользующейся спросом продукции. Покупатель мог увидеть мебель, изготовленную по рисункам В. М. Васнецова и С. В. Малютина, федоскинские лаковые миниатюры, игрушки из Сергиева Посада и многое другое[40]. Показательно, что

[38] Цит. по: *Демская А., Семенова Н.* У Щукина, на Знаменке... С.160.

[39] *Алябьев Н.* Москва и 1812 год // Москва. Путеводитель. М., 1915. С.673–688.

[40] По Москве. Прогулки по Москве и ее художественным и просветительным учреждениям. М., 1917. С.434–440.

специально для Торгового отделения в 1911 г. было построено здание по проекту А. Э. Эрихсона и В. Н. Башкирова в русском стиле с флюгером в виде богородской игрушки, изображающей кузнецов, а сам дом (№ 7), в котором разместился музей, был подарком городу С. Т. Морозова, перестроившего в 1902–1903 гг. старые палаты с помощью архитектора С. У. Соловьева[41]. Эти два здания, соединенные галерейным переходом и выразительным крыльцом с колоннами, выдержанные в духе русской архитектуры XVII в., как нельзя лучше отвечали своему назначению и свидетельствовали о живом интересе к московской старине.

В 1885 г. на средства В. А. Морозовой открылась первая в Москве бесплатная библиотека-читальня в память И. С. Тургенева. По ее примеру Городское управление стало устраивать подобные, разработало устав и проект развития сети библиотек и читален, рассчитанных на малообеспеченные слои населения. В 1913 г. их насчитывалось в городе уже 16. Среди них – библиотеки-читальни им. Л. Н. Толстого (1908), Н. В. Гоголя (1909), А. С. Грибоедова и М. В. Ломоносова (1910) и др. Непрерывно возрастал и читательский контингент. Так, в Тургеневской библиотеке 1906–1909 гг. были «выдающимися по числу посещений». Одной из причин наплыва читателей являлась отмена 2 декабря 1905 г. правил, которые ограничивали каталог книг в народных библиотеках. Отныне библиотеки имели право получать любые дозволенные цензурой издания. Стоит сравнить состав библиотек 1880-х и 1900-х гг.: в библиотеке И. С. Тургенева количество книг увеличилось с 2181 до 7646 названий, в библиотеке А. Н. Островского – с 732 до 5273. Широко была представлена периодика: библиотека им. А. Н. Островского, например, получала 50 ежемесячных журналов, 12 детских, 50 еженедельников, 23 газеты. Состав читателей в этих (как и в других народных библиотеках) определялся следующим образом: 40% учащихся, 23% служащих частных предприятий, 10% ремесленников и мастеровых. Как серьезно велась работа в библиотеках, видно из основательно подготовленных и опубликованных отчетов[42]. В воскресные дни в библиотеках проводились бесплатные общедоступные чтения. Особой известностью пользовалась аудитория библиотеки им. А. С. Пушкина на Елоховской площади.

Представления о том, что власти и буржуазия стремились держать народ подальше от знаний, в том числе и от книг, нуждаются в корректировке. Адресная книга «Вся Москва» за 1917 г. указывает адреса 17 городских бесплатных библиотек, а также множества общедоступных библиотек, в том числе: 14 – Московского общества бесплатных библиотек, 25 детских, 20 библиотек различных обществ (из них 10 – Попечительства о народной трезвости), 37 – профессиональных клубов и обществ (среди них библиотеки на фабриках Прохоровской Трехгорной мануфактуры, Жиро, Цинделя, Бари и др.), 5 – религиозных и 12 – при больницах и церквах. Это не считая 107 академических библиотек, существовавших при Московском университете, других высших учебных заведениях, ученых обществах, 13 – при правительственных учреждениях, а также ряда библиотек при офицерских собраниях и полках и, наконец, 40 частных библиотек. В общей сложности – более 250 библиотек при тогдашнем двухмиллионном населении Москвы. При этом следует помнить, что московские дворяне, представители буржуазии и интеллигенции владели личными, часто весьма обширными библиотеками. И стремительный рост после революции

[41] *Романюк С.* Из истории московских переулков. М., 1988. С.57.

[42] Очерк деятельности Городской бесплатной библиотеки-читальни, учрежденной в память А.Н. Островского, за 25 лет ее существования (со 2 марта 1888 года по 2 марта 1913 года). М., 1913; Очерк деятельности Городской бесплатной библиотеки-читальни, учрежденной В.А. Морозовой в память И.С.Тургенева, за 25 лет ее существования (с 28 января 1885 года по 28 января 1910 года). М., 1910.

Группа слушателей и преподавателей Пречистенских рабочих курсов. 1908 г.

Введенский народный дом. Начало XX в.

числа библиотек для народа произошел лишь за счет перераспределения всего накопленного в Москве книжного богатства, понесшего ощутимые потери в ходе этого перераспределения.

Одним из активных организаторов народных библиотек являлось Общество содействия внешкольному образованию при Политехническом музее (председатель Г. С. Смирнов). Создание Общества отвечало насущной проблеме обучения взрослого рабочего населения, которая гораздо больше волновала московскую общественность, чем царское правительство. С ее помощью и на частные средства открывались воскресные школы, вечерние воскресные классы, устраивались публичные чтения для народа. Так, вечерние классы, основанные по инициативе Назарьевой при Миусском мужском училище, посещали 900 учащихся. Обучение проходило по программе средней школы, и, сверх того, проводились занятия по бухгалтерии, черчению, немецкому языку. Женская воскресная школа Е. И. Цветковой в Зубове обслуживала фабричный район. «С необыкновенной усидчивостью, не признавая никаких перемен для отдыха, спешат эти взрослые ученицы (их более 300 в возрасте 20–30 лет) использовать свой воскресный досуг, чтобы овладеть грамотой, очень охотно берут книги из школьной библиотеки, слушают общие чтения... Учащиеся делятся на мелкие группы, и преподавательский персонал насчитывает 15–20 человек, из которых 6–8 лиц работают в этой школе 10–15 лет»[43]. С 1913 г. городские власти стали выделять субсидии таким классам и школам, а также учреждать при городских начальных училищах вечерние классы для

[43] *Костромина В.* Указ. соч. С.271, 273, 274.

рабочих. Интересно было поставлено образование на мануфактуре Товарищества «Эмиль Циндель» в Кожевниках, где трудилось более 2200 рабочих. Для них и окрестного населения были организованы утренняя школа (для детей) и вечерняя (для взрослых), обе рассчитанные на четыре класса, а также библиотека. Здесь велись статистические исследования грамотности, условий жизни и досуга, профессии и заработной платы учащихся[44].

Среди многочисленных обществ, занятых образовательной работой со взрослыми, следует выделить императорское Русское техническое общество. Именно оно ведало знаменитыми Пречистенскими рабочими курсами, созданными в 1897 г. Здесь в начале века сложилась стройная и гибкая система преподавания одновременно для трех типов школ: начальной, средней и высшей. Рабочие, начиная с 16 лет, обучались бесплатно, они слушали лекции, занимались в кружках, участвовали в экскурсиях, в спектаклях рабочего театра, организованного актрисой А. А. Бренко в 1912 г. Ежегодно на курсы записывалось около 1000 человек – больше не вмещало даже новое трехэтажное здание, построенное для курсов в 1907 г. в Нижне-Лесном переулке. С большим воодушевлением начинали строительство, не имея «ни копейки денег, ни одной доски для постройки», но преподаватели и слушатели на своих предприятиях собрали все необходимое[45]. Преподавание вели видные ученые и деятели культуры: И. М. Сеченов (ему, однако, в 1904 г. правительство запретило выступать), М. Н. Гернет, А. Н. Реформатский, М. Н. Ковалевский, В. И. Пичета, П. Н. Сакулин, А. И. Сумбатов-Южин, А. С. Голубкина и др. Работали здесь и многие большевики, используя занятия для социал-демократической пропаганды, в результате чего Пречистенские курсы стали одним из оплотов революции. Велико было взаимное влияние преподавателей и рабочих слушателей. Известный педагог и организатор детских клубов в Москве А. У. Зеленко вспоминал: «Слушатели подчас меня учили больше, чем я их».

Яркая страница в жизни предреволюционной Москвы – деятельность народных домов. К 1917 г. их насчитывалось десять: Алексеевский (Васильевская, 13), Бутырский (Бутырская, 45), Введенский (Введенская площадь, ныне Журавлева, 1), Дорогомиловский (Большая Дорогомиловская), Ладожский (Ладожская, 12), Садовнический (Садовническая, 39), Сергиевский (Новослободская, 37), Сухаревский (Большая Сухаревская, 4), Трубный (Трубная площадь, 1), Хитровский (Хитровский рынок, дом Кулакова). Находясь в ведении Московского столичного попечительства о трезвости, они соединяли в себе практически все, что могло удовлетворить культурные и досуговые интересы рабочих, служащих, простых обывателей: библиотеку, читальню, аудиторию для слушания лекций и проведения концертов, воскресную и частную школы, торговую лавку. В наиболее крупных – Введенском и Сергиевском – имелись и свои народные театры.

Духовой оркестр Прохоровской Трехгорной мануфактуры. Начало XX в.

Прекрасное, современно оборудованное здание Введенского дома построил на средства Бахрушиных и Носовых в 1903 г. архитектор И. А. Иванов-Шиц. В 1907 г. Дума поручила заведовать Домом А. А. Бахрушину, меценату и создателю первого в России Театрального музея. При его субсидировании и под руководством И. И. Мозжухина здесь образовался замечательный театр, на сцене которого выступали лучшие оперные и драматические артисты Москвы, а постановки оформляли первоклассные художники.

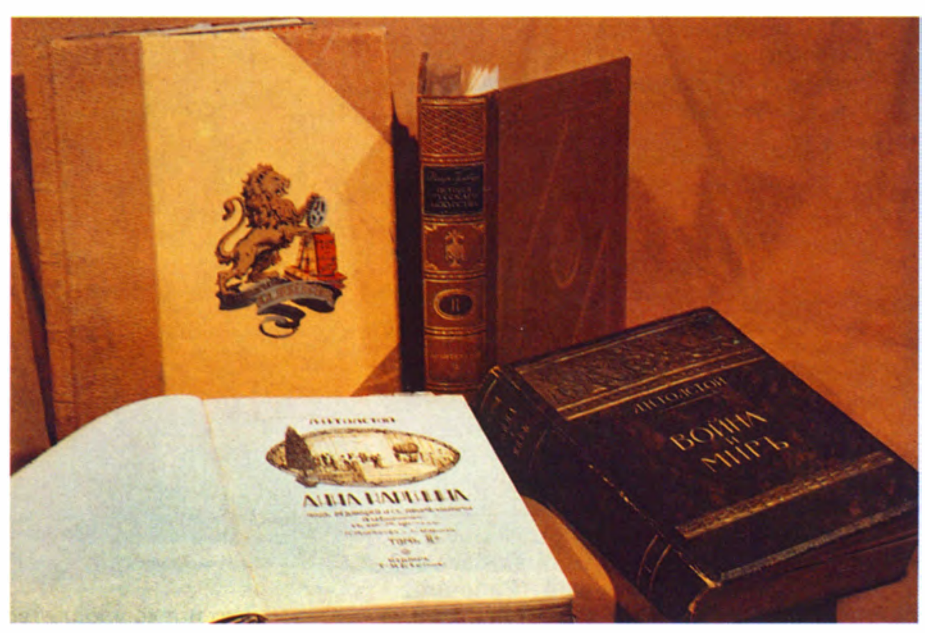
В. И. Вернадский, наблюдая жизнь страны, видел в 1903 г., «как выливаются новые формы жизни». Рождались многочисленные новые формы образования и народного просвещения, в том числе частные, независимые от правительства. Это было итогом активного вмешательства демократической общественности в общий образовательный процесс. Демократизация знаний была главным достижением, проявившимся в системе образования в Москве к 1917 г.

Москва в начале века была и крупнейшим издательским центром. Здесь работали именитые журналисты, талантливые публицисты, литераторы, хорошо знакомые не только москвичам.

В 1917 г. в Москве выходило 27 газет и 141 журнал. Среди газет наибольшей популярностью пользовались «Русские ведомости», «Русское слово», «Московские ведомости», среди журналов – «Известия Московской городской думы», «Вокруг света», «Русский

[44] *Шестаков П.М.* Образовательные учреждения и грамотность рабочих на мануфактуре Т-ва Э. Циндель в Москве. М., 1904.

[45] Пречистенские рабочие курсы. Первый рабочий университет в Москве. Сб. статей и воспоминаний к 50-летию курсов (1897–1947). М., 1948. С.28.



В. А. Гиляровский

Книги, выпущенные московскими издательствами. Начало XX в.

архив», «Русская мысль», «Искра». Кроме того, работали московские отделения популярных петербургских изданий – «Вестника Европы», «Огонька», «Русского богатства», «Биржевых ведомостей», «Торгово-промышленной газеты» и «Копейки».

Самыми талантливыми и известными журналистами были В. А. Гиляровский (1853–1935) и В. М. Дорошевич (1864–1922). Живший, по его собственному признанию, «на грани двух столетий, на переломе двух миров», Гиляровский стал, по словам К. Г. Паустовского, «летописцем быта и комментатором своего времени»[46]. И прежде всего Москвы, ибо широкая и пламенная натура «дяди Гиляя» делала его другом и любимцем не только знаменитостей – А. П. Чехова и Ф. И. Шаляпина, но и московской бедноты, самой Хитровки. Москва и москвичи – любимая тема его фельетонов, очерков, стихов. Гостеприимная квартира Гиляровского в Столешниках объединяла газетный, артистический и художественный мир города.

«Королем фельетонистов» называли Власа Дорошевича. Его воскресных публикаций в сытинском «Русском слове» с нетерпением ждали, собрание сочинений, вышедшее в 1905–1907 гг., читали взахлеб, остроты передавались из уст в уста, а его обличений боялись правительственные верхи и чиновники. Ему принадлежит заслуга превращения фельетона, непременным условием которого он считал «орудие мысли»[47], в подлинную литературу. Остались после него и многочисленные зарисовки жизни Москвы, особенно театральной, портреты московских актеров, литераторов и просто обывателей.

Необычайно талантливыми личностями отличался и московский издательский мир. Колоритна фигура И. Д. Сытина (1851–1934) – русского самородка, ставшего крупнейшим издателем России. Газета «Русское слово», журналы «Вокруг света» и «Искра», издания многотомных Детской и Военной энциклопедий, семитомная «Отечественная война и русское общество», миллионные тиражи учебников и календарей, массовые издания классиков русской литературы – таков далеко не полный перечень дел издательства Сытина, которое к 1914 г. выпускало четверть всей книжной продукции России.

М. В. Сабашников (1871–1943), один из основателей в 1891 г. в Москве «Издательства М. и С. Сабашниковых», был человеком высокой культуры и образованности (закончил естественное отделение физико-математического факультета Московского университета). Близость к передовым научным и художественным кругам определила серьезный просветительский характер его изданий. 30 книг «Памятников мировой литературы» потребовали громадной работы по переводам, их осуществили лучшие научные и поэтические силы Петербурга и Москвы – Ф. Ф. Зелинский, С. А. Жебелев, Вяч. И. Иванов, В. Я. Брюсов и др. Это была смелая инициатива. Сабашников понимал, что «в России, кроме специалистов-филологов, никто классиков в оригинале не читал и не читает»[48], и именно поэтому пошел на все трудности нового дела.

Издательство братьев А. Н. и И. Н. Гранат с 1910 г. предприняло седьмое издание «Энциклопедического словаря» в 58 томах (предыдущие издания включали в себя только 9), в создании которого участвовал цвет московской науки. 1900-е годы ознаменованы также выпуском таких фундаментальных трудов, как

[46] *Гиляровский В.А.* Москва и москвичи. М., 1979. С.7, 9.

[47] *Дорошевич В.М.* Избранные страницы. М., 1986. С.16.

[48] *Сабашников М.В.* Воспоминания. М., 1988. С.326.

«История XIX века» Лависса и Рамбо, «История нашего времени» под редакцией М. М. Ковалевского и К. А. Тимирязева и ряд других. Первое в России издательство по изобразительному искусству И. Н. Кнебеля подготовило под редакцией И. Э. Грабаря уникальную «Историю русского искусства» в шести томах, выпустило прекрасно оформленные монографии о русских художниках (М. А. Врубеле, В. А. Серове, М. В. Нестерове, А. П. Рябушкине), а также замечательные «Картины по русской истории».

Революция 1905 г. вызвала к жизни ряд новых частных и кооперативных издательств, отличающихся разнообразными литературными и общественными пристрастиями. Издательство «Мир» специализировалось на истории литературы и общественной мысли. Именно тут вышли в 1914–1917 гг. «История русской общественной мысли» Г. В. Плеханова и в 1913–1915 гг. «Русская история с древнейших времен» М. Н. Покровского. «Посредник», с 1892 г. обосновавшийся в Москве, стал проводником идей Л. Н. Толстого; издательство «Путь», основанное меценаткой М. К. Морозовой в 1910 г., объединило вокруг себя видных философов – С. Н. Булгакова, Н. А. Бердяева, Е. Н. Трубецкого и выпускало сочинения И. В. Киреевского, В. Ф. Одоевского, П. Я. Чаадаева, труды по современной русской и западной философии. Издатель С. А. Скирмунт, организатор Общества содействия устройству общедоступных народных развлечений, в 1904–1906 гг. активно печатал социал-демократическую литературу, в том числе исторические работы К. Маркса, П. Лафарга.

В литературных кругах широкой известностью пользовались издательства «Гриф» (1903–1914) и «Мусагет» (1910–1917) – центры притяжения символистов, паевое «Книгоиздательство писателей в Москве» (1912–1923), которое придерживалось реалистической направленности и выпускало И. А. Бунина, Б. К. Зайцева, В. В. Вересаева, А. Н. Толстого, С. Н. Сергеева-Ценского и др. Яркий след оставило издательство В. В. Думнова, которому вместе с И. Д. Сытиным Россия обязана учебниками. Всего шесть лет (1912–1918) работало книгоиздательство И. А. Маевского, но именно оно впервые познакомило русского читателя с Джеком Лондоном, выпустив полное собрание его сочинений в переводе самого издателя. Московское книгоиздательское товарищество «Образование» (1912–1914) вошло в историю серией 14 монографий «Культурные сокровища России», среди них – книга Ю. И. Шамурина «Подмосковные».

Размах и высокая культура книгоиздания в Москве повлекли за собой и развитие библиографического дела. Не случайно в 1900 г. при Московском университете сложилось научное Русское библиографическое общество. Оно представляло русских библиографов и книговедов за рубежом, способствовало созданию в 1916 г. Русского библиотечного общества, объединило крупнейших специалистов России – Н. М. Лисовского, А. Д. Торопова, Б. С. Боднарского, У.Г. Иваска (все они работали в Москве), Н. В. Здобнова, Н. Н. Орлова и др. С Обществом поддерживал деловые и творческие связи Н. А. Рубакин, находившийся с 1907 г. в эмиграции.

Типография товарищества А. А. Левенсона в Трехпрудном переулке. Архитектор Ф. Шехтель. 1900–1901 гг.

Крупнейшие московские типографии (как и петербургские) единственные в стране имели современное зарубежное оборудование и выпускали издания, отличающиеся высоким полиграфическим качеством. К ним относились Думская и Синодальная типографии (на базе второй после 1917 г. был образован Гознак), типографии И. Н. Кушнерева (ныне «Красный пролетарий»), И. Д. Сытина (1-я Образцовая типография). Типографии П. П. Рябушинского, А. И. Мамонтова, А. А. Левенсона, как и нотопечатня П. Юргенсона и фототипия «Шерер, Набгольц и К°», пользовались заслуженным авторитетом в Москве и России.

В содружестве ученых с издателями появились такие уникальные издания по истории Москвы, как «Московский Кремль» С. П. Бартенева, двенадцать выпусков иллюстрированной «Москвы в ее прошлом и настоящем», посвященной памяти И. Е. Забелина, успевшего напечатать лишь первый том своей «Истории города Москвы». Многие путеводители по Москве в эти годы были созданы известными специалистами и стали, по существу, также важным этапом в историографии Москвы. В их числе: путеводитель 1913 г., изданный Московским архитектурным обществом, путеводитель

Участники «Среды». В первом ряду (слева направо): Л. Н. Андреев, Ф. И. Шаляпин, И. А. Бунин, Н. Д. Телешов, Е. Н. Чириков; во втором ряду: С. Г. Скиталец, А. М. Горький. 1902 г.

1914 г., подготовленный Исторической комиссией учебного отдела Общества распространения технических знаний, путеводитель 1917 г., выпущенный «Издательством М. и С. Сабашниковых».

3. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

В зеркале искусства отражалась бурная действительность 1900-х гг.: рост общественного и национального самосознания всех слоев населения, укрепление экономических и политических позиций московской буржуазии, усиление социальной напряженности, тревоги демократических кругов. Москва по-прежнему оставалась национальным и духовным центром России. Именно в этом сложном переплетении традиционных и современных тенденций складывались своеобразные черты художественной жизни города.

В истории русской литературы Москва начала XX в. занимала особое место прежде всего потому, что здесь жил Л. Н. Толстой. Как верно отметил А. П. Чехов, судьба которого была также прочно связана с Москвой: «Толстой стоит крепко, авторитет у него громадный, и, пока он жив, дурные вкусы в литературе, всякое пошлячество, всякие озлобленные самолюбия будут далеко и глубоко в тени. Только один его нравственный авторитет способен держать на известной высоте так называемые литературные настроения и течения»[49].

В канун нового века, в 1899 г., в Москве оформились три крупных литературно-художественных объединения: литературно-художественный кружок (А. П. Чехов, К. С. Станиславский, А. Ф. Кони, А. И. Сумбатов-Южин, В. Я. Брюсов и др., два последних – председатели дирекции); литературно-художественный кружок «Среда», объединивший под руководством Н. Д. Телешова писателей реалистического направления (И. А. и Ю. А. Бунины, Л. Н. Андреев, В. В. Вересаев, А. М. Горький и др.) и таких деятелей культуры, как С. В. Рахманинов и Ф. И. Шаляпин, и, наконец, объединение поэтов-символистов (В. Я. Брюсов, Ю. К. Балтрушайтис, А. Белый, С. А. Поляков и др.). В 1903 г. символисты создали еще один кружок – «Аргонавты» (А. Белый, С. М. Соловьев, Л. Л. Эллис, А. Петровский и др.), где к поэтам примыкали художники и композиторы, например В. Э. Борисов-Мусатов и С. И. Танеев. Наконец, в 1910 г. появились объединения футуристов: «Центрифуга» (Б. Л. Пастернак, Н. Н. Асеев) и «Гилея», в которую входили В. В. Хлебников, Д. Д. Бурлюк, В. В. Маяковский, Б. К. Лившиц и др. Творчество этих писателей и поэтов, так же как и М. И. Цветаевой, П. Д. Боборыкина, Б. К. Зайцева, А. М. Ремизова, И. С. Шмелева, А. Н. Толстого, не входивших в различные литературные объединения, определяло богатую и многогранную литератур-

[49] Цит. по: *Телешов Н.Д.* Записки писателя. М., 1953. С.78.

ную жизнь Москвы. Предчувствия революции побуждали к творчеству литераторов-самоучек – рабочих, мещан, вчерашних крестьян. Они также стремились сплотиться: в 1900-х гг. возникли «Московский товарищеский кружок писателей из народа», Суриковский литературно-музыкальный кружок, в который вошли С. А. Есенин, Н. А. Клюев, С. А. Клычков.

Многие из названных объединений имели свои издательства, постоянные места встреч. Так, одним из любимых адресов московской интеллигенции стал дом № 15 на Большой Дмитровке, где с 1905 г. обосновался литературно-художественный кружок «Среда». Обширная библиотека с автографами писателей, выставки современных художников, концерты и балы, дебаты по всем насущным вопросам от литературы до политики и, конечно, чтение новых произведений – все это привлекало художественную интеллигенцию. Не случайно именно здесь находили себе приют многие общественные организации и творческие кружки. Обладая собственным капиталом, дирекция кружка занималась благотворительностью, оказывала помощь нуждавшимся литераторам.

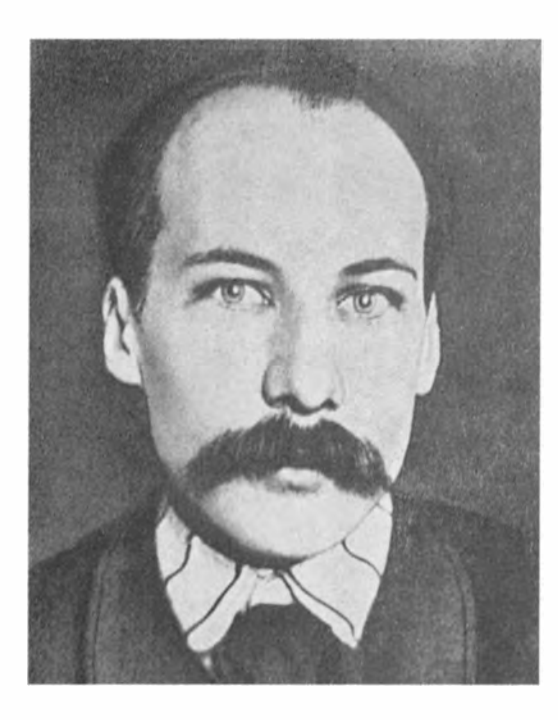
Подобная форма общения являлась вообще московской традицией, что особенно ценили молодые авторы. Как вспоминал Телешов, «среди молодых писателей появилась вдруг тяга к Москве»[50]. Это были Л. Н. Андреев, Е. Н. Чириков, А. С. Серафимович, С. Г. Скиталец, С. А. Найденов. В 1905 г. в «Среде» зародилось издательство, готовились сборники «Знание», ярко выразившие настроения демократических кругов, позднее возникло Книгоиздательство писателей (1912), которое стремилось защитить авторские права литераторов. К авторитету «Среды» обращались при возникновении принципиальных конфликтов в литературных сферах.

Первые два десятилетия века в жизни Москвы отмечены такими событиями, которые объединяли все литературные направления и течения и становились вехами в истории русской литературы. К ним относится 1908 г., когда праздновалось 80-летие Л. Н. Толстого; именно тогда он выступил со страстным манифестом «Не могу молчать!», направленным против смертных казней, против жестокостей политики царского правительства. Смерть Льва Николаевича в 1910 г. стала тяжелым ударом для русской культуры. В память о нем в Москве открылись Толстовское общество и музей, в 1912 г. установлен памятник писателю работы С. Д. Меркурова на Пречистенке.

В 1909 г. на Арбатской площади, в конце Пречистенского бульвара, состоялось торжественное открытие памятника Н. В. Гоголю (скульптор Н. А. Андреев). К столетию со дня его рождения Общество любителей российской словесности и вся Москва готовились два года. В адрес Московского университета поступили приветствия из Франции, Англии, Италии, Швейцарии и других стран, свидетельствующие о признании заслуг Гоголя и всей русской литературы.

В октябре 1912 г. литературная Москва поздравляла в стенах Московского университета с 25-летием творческой деятельности И. А. Бунина. Подобные праздники делали зримыми те прочные духовные связи, которые соединяли Москву с литераторами – немосквичами по рождению. В творчестве почти каждого из них отразилась современная им Москва. Так, у Бунина эта тема звучит

[50] Цит. по: *Телешов Н.Д.* Записки писателя. С.39.



И. А. Бунин. Начало XX в.

А. Белый. 1909–1911 гг.

в рассказах «Лика», «Чистый понедельник», во многих стихах. А для писателей и поэтов-москвичей тема Москвы часто становилась ведущей. Вспомним стихи М. И. Цветаевой:

...Слава прабабушек томных,
Домики старой Москвы,
Из переулочков скромных
Все исчезаете вы...
(1911–1912)

...Москва! Какой огромный
Странноприимный дом!
Всяк на Руси бездомный,
Мы все к тебе придем.
(1916)

Картины литературной жизни Москвы в автобиографической прозе «На рубеже веков» нарисовал Андрей Белый. Дух повседневной жизни и быт коренного москвича в Замоскворечье ярко запечатлел Иван Шмелев в романе «Лето Господне», Борис Зайцев воссоздал облик Арбата (рассказ «Улица святого Николая»), Петр Боборыкин – Китай-города. Завершим этот ряд признанием Алексея Ремизова, близким многим литераторам-москвичам: «Я счастлив, что родился русским на просторной, полной до краев, глубокой без дна, как океан, Русской земле Льва Толстого и Достоевского, в ее сердце – Москве с освященным в веках Кремлем, «красным звоном», напевной московской речью, и русская кормилица меня вскормила и научила меня ходить по земле»[51].

Не менее известна была Москва и своими театрами. Как сказал побывавший тут в 1913 г. поэт Эмиль Верхарн: «Высшее театральное искусство – удел Москвы». Издавна повелось, что в дни Великого поста в Москву съезжалась вся артистическая провинция: устраивались съезды, заключались контракты, обменивались новостями театральной жизни.

Властителем дум был первый общедоступный демократический Московский Художественный театр. Его называли «Театром Чехова» – в 1901 г., вслед за «Чайкой» и «Дядей Ваней», состоялась премьера «Трех сестер», в 1904 г.– «Вишневого сада». Но уже в 1902 г. на сцене заговорили горьковские персонажи – спектакли «На дне» и «Мещане» были обращены к судьбам самых низов общества. Художественный театр, утверждал современник, «учил думать, чувствовать, понимать красоту, мечтать и возмущаться»[52].

В содружестве с А. П. Чеховым и А. М. Горьким, с прекрасными актерами (И. М. Москвин, В. И. Качалов, О. Л. Книппер-Чехова, Л. М. Леонидов и др.), художниками и композиторами К. С. Станиславский и В. И. Немирович-Данченко решительно реформировали театральное искусство, идя навстречу демократическим устремлениям всей передовой России. И даже внешний облик театра стал символом нового времени. Построенное в 1902 г. на средства С. Т. Морозова новое театральное здание в Камергерском переулке с эмблемой чайки талантливо и по-новаторски оформил архитектор Ф. О. Шехтель, работавший безвозмездно. «Здесь разрешены такие технические трудности, о которых не задумывались даже в лучших театрах Запада»,–

[51] Алексей Ремизов // Начало века. Москва начала XX столетия в произведениях русских писателей. М., 1988. С.493.

[52] *Фавицкий А.* Театр в Москве // Москва. Путеводитель. М., 1915. С.304.

А. М. Горький среди актеров Московского Художественного театра – участников спектакля «Мещане». 1902 г.

К. Н. Незлобина, Драматический театр, Театр им. В. Ф. Комиссаржевской, Театр Л. П. Струйского, Никитский (Интернациональный) театр, Мамоновский театр миниатюр М. М. Кожевникова, а также театры «легкого» жанра – «Зон», «Аквариум», «Мозаика».

На страницах театральных изданий (а их в Москве выпускалось немало) не прекращалась бурная полемика о судьбах театра в условиях все расширявшегося общественного и революционного движений. «Скрещивали шпаги» критики Ю. И. Айхенвальд, предрекавший конец театра, и С. С. Голоушев (С. Глаголь), провозглашавший: «Да здравствует театр!» Особенно много писали о проблемах народного театра, театра для рабочих, городских низов, крестьян.

[53] Цит. по: *Шестакова Н.А.* Проезд Художественного театра, 3. М., 1989. С.51.

М.И.Цветаева и С.Я.Эфрон. Москва. 1911 г.

М.Н.Ермолова. Художник В.Серов. 1905 г.

считал К. С. Станиславский[53]. Вращающаяся сцена, а также этаж под ней с его сложной механикой, устройство электрического рояля, управлявшего всем светом сцены и театра, а с другой стороны, благородство и сдержанность в оформлении интерьеров сделали Художественный театр образцом содружества современной технической мысли и подлинного искусства.

Драматургия А. П. Чехова, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, А. М. Горького органично соединялась здесь с оформительским искусством М. В. Добужинского, В. А. Симова, музыкой А. Т. Гречанинова, И. А. Саца.

МХТ стал в те годы и ведущим центром подготовки актерских и режиссерских кадров: в 1912 г. организовалась его 1-я студия, а в 1916 г.– 2-я во главе с В. Л. Мчедловым. Студии экспериментировали, занимались поисками новых сценических форм. Прошедшие школу Художественного театра талантливые актеры открывали в свою очередь новые театры. Так, К. А. Морджанов и А. А. Сатин в 1913 г. основали «Свободный театр», А. Я. Таиров и А. Г. Коонен в 1914 г.– Камерный театр, из веселых капустников родилось кабаре «Летучая мышь» Н. Ф. Балиева – любимое место досуга московских актеров.

Слава «художественников» не заслоняла, однако, имена по-прежнему любимых актеров старейшего Малого театра – М. Н. Ермоловой, Садовских, Г. Н. Федотовой, А. И. Южина, А. П. Ленского, хотя театр в тот период уже не был для публики, как в былые времена, «вторым московским университетом».

К 1917 г. в Москве с успехом ставили спектакли Театр Ф. А. Корша, Театр

Афиша кинохроники. 1911 г.

Афиша фильма «Отец Сергий». Начало съемок 1916 г.

Движение народных театров носило тогда международный характер. В России оно усилилось под воздействием революции 1905 г. Если в начале века организатором народных домов, в которых создавались и театральные труппы, было Московское попечительство о народной трезвости, то вскоре эстафету подхватили передовые театральные деятели, в том числе Художественного театра. К. С. Станиславский на своей золотоканительной фабрике построил в 1904 г. специальное здание для любительского театра. Актеры МХТ руководили с 1913 г. Рабочим театром. Актриса А. А. Бренко, создательница первого частного театра в Москве в 1880 г., открыла бесплатную драматическую школу, а в 1915 г. на базе драматического кружка Пречистенских курсов создала также Рабочий театр. Ее первый опыт организации рабочих театров относился еще к 1900 г.

Постоянные труппы имели театры Введенского и Сергиевского народных домов. Здесь выступали, также во многом благодаря энергии заведующих А. А. Бахрушина и В. Б. Шереметева, лучшие артистические силы Москвы. При этом цены на билеты устанавливались низкими (от 3 руб. до 15 коп.), в отличие, например, от Большого (самая высокая цена – 41 руб.), Оперы Зимина (50 руб.), Художественного и Малого театров (25 и 21 руб.), – все цены даны на 1917 г.

Одним из самых деятельных и горячих сторонников народных театров был художник В. Д. Поленов. Возглавляемая им с 1910 г. секция содействия устройству фабричных и деревенских театров Общества народных университетов стала «театральной лабораторией на всю Россию»[54]. Летом 1915 г. на Пресне в основном на его средства был построен Народный дом со сценой и залом на 250 человек, театральными мастерскими, музеем, библиотекой и складом. Здесь мог получить тексты пьес, костюмы, декорации любой из народных театров и кружков. Секция возглавила все начинания в области народного театра. Апофеозом этого движения стал Всероссийский съезд деятелей народных театров, проходивший 27 декабря 1915 г.– 5 января 1916 г. в Москве, на который съехались 350 видных театральных деятелей. Председательствовал на съезде В. Д. Поленов.

Новым явлением художественной жизни Москвы стал в XX в. кинематограф, первые сеансы которого состоялись в Москве весной 1896 г. в театре оперетты «Эрмитаж», т.е. буквально через несколько месяцев после начала общедоступных сеансов в «Гран кафе» на бульваре Капуцинов в Париже. Первоначально показывались преимущественно зарубежные киноленты длиной всего 15–20 м.

С 1907 г. началось регулярное производство фильмов в России, сначала хроникальных, а затем и художественных[55]. И сразу же кинематограф стал неотъемлемой частью жизни горожан. «Пройдитесь вечером по улицам столиц... – писал А. С. Серафимович в начале 1911 г.,– и везде... вы увидите одно и то же: вход, освещенный фонариками, и у входа толпу ждущих очереди,– кинематограф»[56]. К 1913 г. в России насчитывалось более 1400 кинотеатров, из них на Москву приходилось 67. В 1916 г. коммерческих кинотеатров в стране су-

[54] *Хайченко Г.А.* Русский народный театр конца XIX – начала XX века. М., 1975. С.234.

[55] *Лебедев Н.А.* Кинематограф в дореволюционной России. М., 1958. С.3, 4, 13.

[56] *Серафимович А.* Машинное надвигается // Русские ведомости. 1911. 1 января; Сине-фоно. 1912. № 8. С.9.

ществовало уже 3 тыс., и за год в них было продано 150 млн. билетов[57].

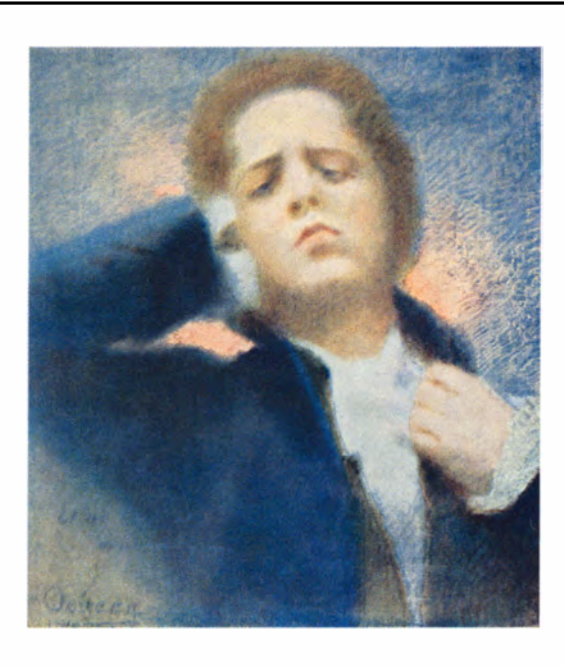
Особым вниманием москвичей пользовались кинотеатры «Художественный» (на Арбате), А. А. Ханжонкова (на Триумфальной площади), «Театр Модерн» (в гостинице «Метрополь»), «Континенталь». Кинематограф расширил и демократизировал круг зрителей. В кинотеатре, наряду с представителями интеллигенции, чиновниками, дамами света, можно было увидеть рабочих, людей из низов.

Большинство первых хроникальных лент фиксировали внимание в основном на внешней, парадной стороне общественной жизни. Но ряд лент имели большое культурно-просветительское значение. Так, в дни 80-летия Л. Н. Толстого был снят фильм о его поездке из Ясной Поляны в Москву. Популярностью пользовались появившиеся с 1908 г. отечественные видовые фильмы – «Виды Москвы и Московский Кремль», «Вербное воскресенье в Москве», «Московские бега» и др.

Вскоре с большим успехом пошли на экранах русские художественные картины, снятые, в частности, в московском киноателье А. А. Ханжонкова. Первоначально это были главным образом инсценировки произведений А. С. Пушкина («Евгений Онегин», «Пиковая дама»), М. Ю. Лермонтова («Маскарад», «Песнь про купца Калашникова»), Н. В. Гоголя («Мертвые души», «Женитьба»), Л. Н. Толстого («Власть тьмы»), а также Н. А. Некрасова, А. Н. Островского, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова, А. В. Сухово-Кобылина, А. И. Куприна и др. Был отснят также ряд «исторических» картин – «Оборона Севастополя», «1812 год». «Оборона Севастополя» явилась первым в России и одним из первых в мире полнометражных фильмов (2 тыс. м).

«Торговый дом» А. А. Ханжонкова становился со временем наиболее значительной кинофирмой России, успешно конкурировавшей с иностранными предприятиями. С 1909 по 1914 г. эта фирма выпустила более 70 картин. Построив в 1912 г. крупнейшее для своего времени киноателье, Ханжонков поднял техническую базу русского кинопроизводства до уровня лучших заграничных студий.

С Москвой была связана деятельность многих замечательных режиссеров-постановщиков, художников, операторов и актеров кино. Здесь начался творческий путь наиболее значительных режиссеров того времени – Я. А. Протазанова, В. Р. Гардина, А. Э. Бауера. Именно Я. А. Протазанову принадлежат лучшие произведения дореволюционного кинематографа – «Пиковая дама» и «Отец Сергий», съемки которого начались в 1916 г. (на экраны фильм вышел уже после 1917 г.).



Л. В. Собинов в роли Вертера в опере Ж. Массне «Вертер». Художник Г. Оберг. 1912 г.

Кино познакомило широкую публику с игрой талантливых как отечественных, так и зарубежных актеров. Следует назвать И. Н. Берсенева, М. М. Блюменталь-Тамарину, Е. Б. Вахтангова, А. Г. Коонен, В. Э. Мейерхольда, М. Ф. Андрееву, Л. М. Кореневу, В. Н. Давыдова, В. В. Холодную, Н. Васильева, И. И. Мозжухина, а также Сару Бернар, Цаккони, Макса Линдера и др. Наряду с русскими актерами (прежде всего Мозжухиным и Васильевым) любимцем завсегдатаев кинематографа накануне войны был Макс Линдер – знаменитый предшественник Чарли Чаплина.

В Москве накануне войны появились первые в России и одни из первых в мире «кукольные» мультипликационные картины. Их автором был талантливый художник-самоучка В. А. Старевич.

Примечательным событием тех лет стал выпуск «образовательных» лент, посвященных вопросам науки, техники, медицины («Электрический телеграф», «Получение электрических волн», «Кровообращение», «Глаз» и др.), а также фильмов о промышленном производстве («Работа по цехам в Сормовском заводе»). Тогда же в Москве издавалась еженедельная газета для «электротеатров» – «Кинематограф».

Феноменом общероссийской культуры была и музыкальная Москва. Достаточно назвать имена Ф. И. Шаляпина, Л. В. Собинова, А. В. Неждановой, С. В. Рахманинова и А. Н. Скрябина, вспомнить Частную оперу С. И. Зимина и виртуоза-контрабасиста и дирижера С. А. Кусевицкого, забытого нами по причине его эмиграции, но от этого не утратившего своей роли в русской культуре, чтобы картина музыкальной жизни предреволюционной Москвы предстала во всей своей значимости для России.

[57] *Гинзбург С.С.* Дореволюционный кинематограф как вид массовой художественной продукции // Русская художественная культура конца XIX – начала XX в. Кн.III. Зрелищные искусства. Музыка. М., 1977. С.240.

А. В. Нежданова в роли Антониды в опере М. И. Глинки «Иван Сусанин». 1902 г.

«Москва и Консерватория, эти слова для меня были такими же привлекательными, как Мекка и Медина – для правоверного»[58],– признавался М. М. Ипполитов-Иванов, с 1892 г. обосновавшийся в Москве и во многом определявший национально-демократические традиции в музыке. С 1899 г. он стал дирижером Московской частной оперы, а в 1905 г. его избрали первым автономным директором Консерватории. Профессура и выпускники Консерватории составляли цвет русской музыки: С. И. Танеев, М. М. Ипполитов-Иванов, А. С. Аренский, Н. К. Метнер, С. В. Рахманинов, А. Н. Скрябин, В. И. Сафонов, И. В. Гржимали, А. И. Зилоти, А. Б. Гольденвейзер, К. Н. Игумнов, С. Н. Василенко и многие другие. «Вершиной музыкальной Москвы», ее незыблемым профессиональным и нравственным авторитетом, по признанию С. В. Рахманинова, был Сергей Иванович Танеев (1856–1915), в маленьком доме которого в Малом Власьевском переулке («Танеевский домик») любили собираться и начинающие, и маститые музыканты.

Благодаря деятельности Консерватории, Русского музыкального общества, Филармонического общества и его Музыкально-драматического училища (из его стен вышли композитор В. С. Калинников, певец Л. В. Собинов, актеры И. М. Москвин и О. Л. Книппер) музыкальная жизнь города приобрела полноту и масштабность. Особое место занимали полюбившиеся москвичам симфонические и камерные концерты, проходившие с большим размахом. «Концерты А. Зилоти», общедоступные «Корзинские концерты» в Благородном собрании, цикл утренних концертов под руководством С. Н. Василенко и С. А. Кусевицкого стали яркими музыкальными событиями.

В 1910-х гг. в Москве зимой одновременно в разных залах проводились три цикла вечерних симфонических концертов, по два – дневных и утренних. Помимо Благородного собрания, где по традиции устраивались концерты, теперь москвичи слушали их и в Большом зале Консерватории, который торжественно открылся 7 апреля 1901 г. (так завершилось – во многом благодаря энергии ее директора В. И. Сафонова – шестилетнее строительство нового здания Консерватории по проекту В. П. Загорского). А летом на Сокольническом кругу три раза в неделю С. А. Кусевицкий дирижировал в открытых концертах, где серьезная симфоническая программа сочеталась с более «легкой» для широкой публики. Помимо этих регулярно проводимых циклов можно было прослушать содержательные лекции-концерты, организуемые Народной консерваторией и Обществом народных университетов в Политехническом музее, Алексеевском народном доме, в рабочих районах. Все это свидетельствовало, по признанию известного музыкального деятеля Н. Р. Кочетова, о возросшем интересе к «чистой» музыке. Ему же принадлежит знаменательное утверждение, что в то время публика в Москве разделилась на две группы: поклонников С. В. Рахманинова (их тогда было явно больше) и А. Н. Скрябина, творчество которых олицетворяло «эволюцию и революцию» в музыкальной жизни[59].

Более 30 лет жизни Сергея Васильевича Рахманинова (1873–1943) были связаны с Москвой: здесь расцвел его многогранный талант композитора, пианиста и дирижера мирового уровня. Вслед за исполнением им 27 октября 1901 г. в Благородном собрании Второго концерта последовали триумфальные представления кантаты «Весна» (1902), Второй симфонии (1908) и Третьего концерта (1910), премьеры опер «Алеко», «Скупой рыцарь» и «Франческа да Римини» в Большом театре, виртуозные сольные концерты, проходившие в переполненных залах при восторженном приеме публики. Событиями в 1910 и 1915 гг. стали для слушателей «Литургия святого Иоанна Златоуста» и особенно «Всеношное бдение». 15 марта 1915 г. знаменитый Синодальный хор под руководством Н. М. Данилина исполнил «Всеношное бдение», посвященное жертвам войны, в огромном зале Благородного собрания (по специальному распоряжению обер-прокурора Святейшего

[58] *Ипполитов-Иванов М.М.* 50 лет русской музыки в моих воспоминаниях. М., 1934. С.79.

[59] *Кочетов Н.Р.* Музыкальная жизнь Москвы // Москва. Путеводитель. М., 1915. С.317.

Синода А. Д. Самарина, так как хор пел только в Успенском соборе или изредка в небольшом зале Синодального училища – ныне это Рахманиновский зал). Успех был огромен. «Не стану отрицать,– вспоминал всегда сдержанный С. В. Рахманинов,– что первое исполнение... подарило мне счастливый час удовлетворения»[60]. Память о Москве, которую он называл «мой истинный дом», Сергей Васильевич сохранил до последнего часа своей жизни.

Все творчество Александра Николаевича Скрябина (1871/72–1915) неразрывно связано с родным городом. Написанные им в 1900–1904 гг. три симфонии, «Поэма экстаза» (1905–1907), «Прометей» (1910) с триумфом исполнялись и самим композитором, и оркестром С. А. Кусевицкого. В его страстно взволнованной музыке многими современниками ощущалось веяние революционных событий в России, виделись новые пути развития искусства. Как и Рахманинов, Скрябин много концертировал за рубежом. Композиторы участвовали в симфонических концертах «Русских сезонов» в Париже (1907–1914) и внесли свой вклад в мировую славу русской музыки.

Несмотря на критику рутины и помпезности, свойственные Большому театру, престиж его был по-прежнему огромен. Ведь в эти годы здесь блистали в опере Ф. И. Шаляпин и В. Р. Петров, Л. В. Собинов и А. В. Нежданова, а в балете – Е. В. Гельцер, М. М. Мордкин, В. Д. Тихомиров. С 1900 г. в Большом театре бессменно трудился талантливый балетмейстер А. А. Горский, создавший новые, яркие постановки «Дон Кихота» Л. Ф. Минкуса, «Корсара» А. Адана, «Конька-Горбунка» Ч. Пуньи и воспитавший многих мастеров балета. В 1904–1906 гг. за пультом дирижера стоял С. В. Рахманинов, что получило большое общественное звучание. Ведь Рахманинов наряду с Танеевым и другими подписал декларацию московских музыкальных деятелей, требуя реформ в обществе и условий для свободы творчества[61]. Он заставил дирекцию Большого театра принять свой ультиматум: перед спектаклями исполнять «Марсельезу» вместо гимна «Боже, царя храни!», что продолжалось до разгрома Декабрьского восстания 1905 г.

Замечательное начинание С. И. Мамонтова – создание в 1885 г. Русской частной оперы – подхватил меценат и театральный деятель С. И. Зимин (1875–1942). Основанный им в 1904 г. театр – Опера Зимина – объединил лучшие художественные силы Москвы: певцов В. П. Дамаева, В. Н. Петрову-Званцеву и Н. И. Забелу, режиссеров Ф. Ф. Комиссаржевского и П. С. Оленина, художников А. М. Васнецова и И. Я. Билибина, дирижеров М. М. Ипполитова-Иванова и Э. А. Купера. Театр Солодовникова на Большой Дмитровке, где с 1908 г. выступала Опера Зимина, стал любимым местом москвичей: здесь в прекрасном художественном оформлении звучали русские национальные оперы Н. А. Римского-Корсакова, М. П. Мусоргского, С. И. Танеева.

Национальные традиции находили свое выражение в православной церковной музыке. «Римским-Корсаковым хоровой музыки» называл С. В. Рахманинов композитора А. Д. Кастальского (1856–1926), отмечая колористическое и

С. В. Рахманинов. 1902 г.

А. Н. Скрябин. Художник А. Головин

[60] *Сергей Рахманинов.* Воспоминания... М., 1992. С.169.

[61] *Лейкина-Свирская В.Р.* Русская интеллигенция в 1900–1917 годах. М., 1981. С.206.

Тройка у Старого Яра зимой. Художник К. Юон. 1909 г.

Городской пейзаж. Художник И. Машков. 1911 г.

звуковое богатство произведений его духовной музыки. Будучи директором Синодального училища, он воспитывал регентов и учителей хорового пения для всей страны. Москва по праву гордилась многими церковными хорами, в том числе руководимыми замечательным композитором П. Г. Чесноковым в церкви Троицы на Грязях на Покровке и И. И. Юховым в церкви Успения на Могильцах.

С другой стороны, следование традициям способствовало развитию народного песенного искусства: с 1911 г. начал выступать крестьянский хор М. Е. Пятницкого, продолжались концерты оркестра народных инструментов В. В. Андреева. Музыкально-этнографическая комиссия при Московском университете и особенно певица Е. Э. Линева много сделали для записи и сохранения произведений народного песенного искусства.

Театр и музыка, прежде всего опера, были тесно связаны с изобразительным искусством, имевшим, естественно, и собственное творческое пространство.

Московские художники входили в самые разнообразные объединения. К существовавшему с 1860 г. Московскому обществу любителей художеств, игравшему роль клуба и организатора выставок, в 1903 г. добавился творческий Союз русских художников. В него вошли и мастера-реалисты, и импрессионисты: А. М. Васнецов, А. Е. Архипов, С. Ю. Жуковский, С. В. Малютин, Л. В. Туржанский, К. А. Коровин, К. Ф. Юон, А. А. Рылов, Л. О. Пастернак, И. Э. Грабарь и др. Некоторые из них были идейно близки «Миру искусства». В 1907 и 1910 гг. оформились и открыли свои выставки группы молодых: «Голубая роза» (П. В. Кузнецов, Н. Н. Сапунов и др.) и «Бубновый валет» (П. П. Кончаловский, И. И. Машков, М. Ф. Ларионов, Н. С. Гончарова, Р. Р. Фальк, А. В. Лентулов). Появился и московский авангард – это направление представляли К. С. Малевич, В. Е. Татлин, В. В. Кандинский, творческие поиски которых носили формалистический характер и вызывали бурные диспуты.

Вокруг выдающегося русского художника В. А. Серова (1865–1911) сложилась та творческая атмосфера, которая привлекала многих его коллег, а также деятелей культуры. «Убежденный певец человека», по выражению И. Э. Грабаря[62], Серов создал замечательную галерею образов москвичей. Это художники К. А. Коровин и И. С. Остроухов, писатели Л. Н. Андреев и М. Горький, поэт К. Д. Бальмонт и режиссер К. С. Станиславский, певец Ф. И. Шаляпин, актеры В. И. Качалов и И. М. Москвин, М. Н. Ермолова и Г. Н. Федотова, общественные деятели С. А. Муромцев и В. М. Голицын, меценаты И. А. Морозов и В. О. Гиршман, модная портниха Н. П. Ламанова. Таков далеко не полный перечень работ художника 1900-х гг., среди которых были также портреты современниц – Г. Л. Гиршман, А. П. Ливен, Н. Я. Дервиз и многих других.

Московской тематикой отмечено творчество А. М. Васнецова (1856–1933), создавшего серию исторических архитектурных пейзажей и бытовых зарисовок Москвы. Художник признавался: «...на мне написано: «Старая Москва»...

[62] *Грабарь И.* Валентин Александрович Серов. Жизнь и творчество. М., 1913. С.278.

Ф. И. Шаляпин. Художник К. Коровин. 1911 г.

Чем далее шло увлечение прошлым Москвы, тем более открывались несметные сокровища этого исторического города»[63]. С 1900 г. началась и его общественная деятельность по сохранению древних московских памятников. Создавал Васнецов и декорации для Оперы Зимина.

«Театральным импрессионистом» называли современники К. А. Коровина (1861–1939). За успешным оформлением балета «Дон Кихот» в Большом театре (вместе с А. Я. Головиным) в постановке А. А. Горского и оперы М. И. Глинки «Руслан и Людмила» последовали десятки других блестящих работ художника, выразительно передававшего как национальный русский колорит, так и свои парижские впечатления. Коровин проявил себя новатором и в области театрального костюма – таким был, например, костюм Ф. И. Шаляпина для роли Демона. Но в историю русского искусства Коровин вошел как признанный мастер портрета (вспомним портреты Шаляпина), натюрморта, пейзажных зарисовок.

Яркий, темпераментный К. А. Коровин работал в Москве рядом с тончайшим лириком М. В. Нестеровым (1862–1942), который представлял ту часть художественной интеллигенции, что искала выхода в поисках религиозно-нравственных идеалов. В одной из лучших его работ – «Философы» – изображены П. А. Флоренский и С. Н. Булгаков, как бы олицетворявшие поиск пути к истине. Философские раздумья Нестерова отразились в таких картинах, как «Мечтатели», «Схимник», «Архиепископ». Монументальные полотна «Святая Русь», «На Руси (Душа народа)», росписи церквей в Москве, Абастумани и Петербурге явились не только значительной вехой в его творчестве, но и вдохновляющим примером для многих других художников, занимавшихся широко распространенной тогда храмовой живописью.

Близость к народным, национальным корням отличает творчество трех выдающихся скульпторов: москвича Н. А. Андреева (1879–1932), А. С. Голубкиной (1864–1927) из подмосковного Зарайска и С. Т. Коненкова (1874–1971), сына смоленского крестьянина. Все они получили художественное образование в Москве.

На творчество А. С. Голубкиной и С. Т. Коненкова особенно глубокое влияние оказали революционные и демократические идеи. Как и некоторые другие деятели культуры, Голубкина и Коненков были связаны с декабрьскими событиями 1905 г. Оба скульптора обратились к созданию образа рабочего. Так, «Самсон, разрывающий узы» (1904) стал программным произведением для творчества Коненкова.

Н. А. Андрееву город обязан монументальными памятниками, и прежде всего Н. В. Гоголю и Ф. П. Гаазу (оба

[63] Аполлинарий Васнецов. М., 1980. С.11.

На открытии памятника Ивану Федорову. Скульптор С. Волнухин. 1909 г.

1909 г.). Интересны его скульптурные портреты знаменитых москвичей: Л. Н. Толстого, П. Д. Боборыкина, С. С. Голоушева (С. Глаголя). Но вершиной творчества стал созданный им образ Н. В. Гоголя. «Сколько страдания в этом мученике за грехи России»[64],– в отзыве И. Е. Репина о памятнике звучит признание огромной художественной и общественной значимости андреевской работы.

Памятник Гоголю был не единственным, воздвигнутым в эти годы в Москве. С одной стороны, появились официальные монументы Александру III, великому князю Сергею Александровичу, Романовский обелиск в Александровском саду, с другой – были установлены «народные» памятники М. Д. Скобелеву (автор П. А. Самонов, 1912 г.), первопечатнику Ивану Федорову (автор С. М. Волнухин, 1909 г.), созданный по инициативе Московского археологического общества на средства, собранные по подписке.

Общий взгляд на развитие в Москве просвещения и культуры с 1900 по 1917 г. позволяет увидеть и несомненный подъем целого ряда областей, и смелые творческие поиски, что свидетельствовало об огромном культурном потенциале Москвы, о ее важной роли в художественной жизни России. Притягательную силу Москвы ощущали деятели отечественной культуры всей страны, что проявлялось и в проведении на московской земле всероссийских съездов деятелей образования, науки, искусства. В литературе, живописи, музыке москвичи добились признания на высоком мировом уровне.

Особенно убедительно это продемонстрировали «Русские сезоны» в Париже, а затем и в других городах Европы и Америки. Начиная с 1906 г., они с успехом представляли русское искусство за рубежом. Восторженно были встречены в Париже на выставке осеннего салона 1906 г. художники М. А. Врубель, В. А. Серов, К. А. Коровин, И. Э. Грабарь, М. В. Якунчикова, П. В. Кузнецов, С. В. Малютин, С. Ю. Судейкин, Н. С. Гончарова и др. Выставка была ретроспективной – «Два века русской живописи и скульптуры», и поэтому имела принципиальное значение для знакомства с русским искусством, которое получило высокую оценку. По словам известного критика Я. Тугендхольда, выставка разрушила последнюю преграду между Россией и европейской культурой[65].

«Исторические русские концерты» 1907 г. стали мировым признанием С. В. Рахманинова и А. Н. Скрябина, а также Ф. И. Шаляпина, который в следующем году триумфально выступил в «Борисе Годунове». С 1909 г. началась и двадцать лет продолжалась антреприза С. П. Дягилева, познакомившая мир с русской оперой и балетом, музыкой М. И. Глинки, П. И. Чайковского, М. П. Мусоргского, Н. А. Римского-Корсакова, А. П. Бородина, А. К. Глазунова, с самобытными исполнителями и целой плеядой талантливых московских художников – мастеров театрально-декорационного искусства: К. А. Коровиным, К. Ф. Юоном, С. Ю. Судейкиным, Н. С. Гончаровой, М. Ф. Ларионовым. И тот факт, что режиссером всех оперных постановок был А. А. Санин, прошедший школу Московского Художественного театра, а главным художником – А. Я. Головин, говорит об огромной заслуге художественной Москвы в блистательном шествии «Русских сезонов», их влиянии на культуру Запада. «Хореография и театральная живопись оказали определяющее воздействие на развитие западноевропейского балета и сценической декорации»[66] – таков вывод современного исследователя М. Пожарской о роли и значении «Русских сезонов».

Своеобразие Москвы наглядно проявлялось и в ее архитектуре. Город менялся на глазах, вызывая у современников подчас чувство ностальгии. «Москва растет в ширину и высоту и заметно

[64] Цит. по: *Трифонова Л.П.* Николай Андреевич Андреев. 1873–1932. Л., 1987. С.28.

[65] *Тугендхольдь Я.* Русские сезоны в Париже // Аполлон. 1910. № 10. С.5.

[66] Русские сезоны в Париже. 1908–1929. М., 1988. С.7.

сбрасывает свой древний облик. С Воробьевых гор ныне уже представляется иная картина. Вместо «златоглавых церквей» выделяются тут и там громады 7–8-этажных «небоскребов», грозящих вскоре совсем погубить своеобразно-прекрасную панораму первопрестольной столицы»[67],– писал в 1917 г. архитектор и историк Ф. Горностаев, обозревая архитектуру Москвы за пять веков. При этом он не мог не отметить, что превращение дворянской Москвы в «густо населенный торгово-промышленный город» не осталось без последствий, что «огромное строительство нашего времени создает... большое поприще» для архитектурных исканий, для выражения мастерства зодчих, появления как типовых, так и ярких, окрашенных индивидуальностью таланта, зданий.

За полтора десятилетия в Москве появилось необычайно много новых зданий, как общественных, так и частных. К числу первых относились дома страховых обществ, банки, сберегательные и ссудные кассы, ломбарды, универмаги. Ильинка, например, почти целиком превратилась в деловую улицу – «московское Сити», так как к трем ранее расположенным тут банкам добавились здания Петербургского международного коммерческого (архитектор А. Э. Эрихсон, 1910 г.) и Азово-Донского банков (архитектор А. Н. Зелигсон, 1911 г., дом № 9), Русского для внешней торговли и Сибирского торгового банков (архитектор Р. И. Клейн, 1904 г., дом № 12), банка Рябушинских (архитектор Ф. О. Шехтель, 1904 г., Карунинская площадь, 2), а также Северного страхового общества (архитекторы М. М. Перетяткович, И. И. Рерберг и В. К. Олтаржевский, 1910–1911 гг., дома № 21–23).

Большую Лубянку и Кузнецкий мост открывали теперь дома Первого Российского страхового общества. Показательная деталь: архитекторы Л. Н. Бенуа и А. И. Гунст бережно «обогнули» крыльями огромного здания маленькую, но древнюю церковь Введения на Лубянке. В Настасьинском переулке в 1913–1916 гг. появилось выразительное здание в стиле модерн Российской ссудной кассы (архитекторы В. А. Покровский и Б. М. Нилус). Красота фасадов сочеталась здесь с продуманной функциональностью, те же особенности отличали и здание Тверского отделения городского ломбарда (Большая Бронная, 23), архитектор которого И. П. Машков был отмечен премией Московской думы.

Новый облик обретали и традиционные здания: напротив Верхних торговых рядов на Никольской один из видных мастеров модерна Л. Н. Кекушев построил в 1900 г. Никольские ряды уже совсем иного, чем в XIX в., облика. Теперь торговые дома строились с небывалым

[67] По Москве. С.119–120.

Гостиница «Метрополь». Архитектор В. Валькот и др. 1899–1905 гг. Открытка начала XX в.

Дом З. А. Перцовой. Архитектор Н. Жуков. 1906 г.

размахом и поражали новизной творческих решений и внушительностью своих форм, как, например, дом «фарфорового короля» М. С. Кузнецова на Мясницкой улице (дом № 8), который Ф. О. Шехтель соорудил как комплекс контор, складов и магазина. Не проходил москвич без интереса и мимо необычного для Маросейки торгового дома резиновой мануфактуры «Треугольник» (№ 12), построенного в 1914 г. по проекту архитектора М. С. Лялевича,– стилизации под архитектуру итальянского Ренессанса. А архитектор Р. И. Клейн избрал формы готики для здания первого в Москве универсального магазина «Мюр и Мерилиз» на Петровке (1908–1910).

Особенно изменился облик московских гостиниц. Центр города украсили здания «Националя» (1902 г., архитектор И. А. Иванов-Шиц), «Метрополя» (1903 г., архитектор В. Ф. Валькот и др.), «Савоя» (1913 г., архитектор В. А. Величкин), «Саввинского подворья» (1905–1907 гг., архитектор И. С. Кузнецов). В этот же ряд встали ставшие своеобразным соединением гостиниц и деловых контор «Боярский двор» на Старой площади (1901–1902 гг., архитектор Ф. О. Шехтель) и «Деловой двор» на Варварской площади (1912–1913 гг., архитектор И. С. Кузнецов).

Первый московский «небоскреб» – восьмиэтажный доходный дом Ф. И. Афремова, который буквально потряс москвичей,– появился в 1904 г. на Садовой-Спасской улице (дом № 19). Как вспоминал К. С. Станиславский, А. П. Чехов с восторгом отзывался об этом необычайном для Москвы здании, видя в нем предвестие будущего «русской и всечеловеческой культуры»[68]. Спустя восемь лет в Большом Гнездниковском переулке инженер-строитель Э. К. Нирнзее воздвиг самый высокий тогда десятиэтажный дом дешевых квартир, крыша которого с 1915 г. стала любимой сценической площадкой для кинематографистов.

Но, пожалуй, ничто так не изменило и не украсило Москву, как постройка доходных домов и особняков, вокзалов, типографий и кинотеатров. Не было улицы в центре Москвы, где бы не вознеслись многоэтажные представительные доходные дома. Некоторые, как, например, дом З. А. Перцовой, сооруженный по эскизам художника С. В. Малютина в 1906–1910 гг. на углу Соймоновского проезда, как бы воскрешали образы русских былин и сказок. Дом работы архитектора Г. И. Макаева (1903) в Подсосенском переулке казался олицетворением живой природы. А рядом возникали чудесные особняки, так характерные для дворянской Москвы, но теперь предназначенные для буржуа и построенные в основном в стиле модерн. Стоит вспомнить прежде всего особняки, созданные самым талантливым мастером стиля модерн Ф. О. Шехтелем (1859–1926): это дома С. П. Рябушинского на Малой Никитской (1902–1906), А. И. Дерожинской в Штатном переулке (1901), дом самого архитектора на Большой Садовой (1910). Красота и изящество, отточенность всех деталей и предельная продуманность планировки – таково незабываемое впечатление от этих построек, при абсолютной индивидуальности каждой из них.

В Москве в 1917 г. работали 318 архитекторов. Почти каждый из них оставил городу образцы своего мастерства, вкуса заказчика и, конечно, господствовавших тогда архитектурных стилей. Для Москвы начала века характерны интенсивность художественной мысли, творческие поиски, многообразная практика.

[68] *Станиславский К.С.* Моя жизнь в искусстве. М., 1983. С.281

Уже уходящая в прошлое эклектика и бурно развивавшийся модерн с его национально-романтическим, рациональным и неоклассическим направлениями характеризовали архитектуру этого времени. «В России стиль модерн стал явлением прежде всего московским и именно в Москве оставил произведения, относящиеся к числу его высших достижений»[69]. К ним относятся работы Ф. О. Шехтеля, Л. Н. Кекушева, В. Ф. Валькота, Р. И. Клейна, А. В. Щусева, С. У. Соловьева, И. В. Жолтовского.

С. У. Соловьев (1859–1912) украсил город общественно значимыми сооружениями. Это Коммерческий институт, Строгановское училище, Высшие женские курсы, Медведниковская богадельня на Большой Калужской улице, а также дом самого архитектора на углу Хлебного переулка. С 1905 г. он был секретарем Комиссии по сохранению древних памятников, реставрировал собор Василия Блаженного и Успенский собор.

И. В. Жолтовский (1867–1959) – убежденный поклонник наследия Ренессанса, и это отчетливо отразилось в его лучших постройках (особняк Носовых на Введенской площади, особняк Г. А. Тарасова на Спиридоновке, дом Скакового общества на Скаковой улице), хотя каждый раз за образец брались идеи разных эпох и стран. Как и Шехтель, Жолтовский уделял большое внимание интерьерам. И сейчас еще ими можно любоваться в доме Тарасова, построенном по типу флорентийского палаццо XVI в. и украшенном росписями художников Е. Е. Лансере и И. И. Нивинского.

Уже первыми крупными работами в Москве показал себя талантливым мастером А. В. Щусев (1873–1949), искавший в модернистских формах выражение национального духа. Как и другой известный архитектор И. Е. Бондаренко, Щусев проектировал в основном храмы. Сооружение им церкви Покрова Богородицы (1908–1912) в основанной великой княгиней Елизаветой Федоровной Марфо-Мариинской обители на Ордынке стало подлинным событием, успех которого архитектор разделил с М. В. Нестеровым, автором уникальных росписей храма. Но Щусева интересовали и гражданские проекты. В 1913 г. он начал постройку Казанского вокзала (завершена в 1926 г.) в романтических формах модерна, используя элементы древнерусской архитектуры. В связи с именем И. Е. Бондаренко следует отметить, что Москва до революции обогатилась рядом его прекрасных храмов, православных и старообрядческих. Церкви в Токмаковом и Гавриковом переулках, на Малой Андроньевской улице – яркие стилизации Бондаренко в неорусском стиле.

Одну из важных сторон строительства в Москве составляло сооружение необходимых для ее жизнедеятельности вокзалов – Ярославского, Казанского, Брестского, Брянского, Виндавского, Савеловского, Павелецкого, Курского, путепроводов – Тверского, Бутырского и Ваганьковского, Бородинского моста, Почтамта на Мясницкой. В них проявился талант видных архитекторов и инженеров, придававших городу неповторимый колорит.

Нельзя не сказать, что значительно выросло число культурно-общественных и благотворительных центров. Традиции при этом сочетались с новизной. На пожертвования текстильного фабриканта Викулы Морозова в 1901–1905 гг. архитектор И. А. Иванов-Шиц возвел целый городок – 17 строений бесплатной детской больницы в Замоскворечье. Новым стало сооружение на деньги рабочих и

Особняк С. П. Рябушинского. Архитектор Ф. Шехтель. 1909 г.

Церковь Покрова Богородицы в Марфо-Мариинской обители на Большой Ордынке. Архитектор А. Щусев. 1908–1912 гг.

[69] *Иконников А.В.* Архитектура Москвы. XX век. М., 1984. С.24.

Ярославский вокзал. Архитектор Ф. Шехтель. 1902–1904 гг. Открытка начала XX в.

интеллигенции детского дома-коммуны, руководимого известным педагогом С. Т. Шацким, в Вадковском переулке (архитектор А. У. Зеленко, 1907 г.) или детского сада им. О. Н. Кельиной на Большой Царицынской улице (архитектор А. У. Зеленко, 1910 г.), представлявшего собой комплекс из сада, школы, библиотеки, музея детских работ, музыкального кружка и даже обсерватории в специальной высокой башне. Благотворительные учреждения занимали порой целые кварталы. Солодовниковские дома дешевых квартир на 2-й Мещанской улице (архитекторы И. И. Рерберг, Т.Я. Бардт, 1909 г.) тянулись от Трифоновской улицы до Больничного переулка, к ним относились амбулатории, ясли и детский сад. В 1912 г. тут проживало свыше двух тысяч человек[70]. Если этот комплекс поражал своей масштабностью, то четыре небольших, вытянутых в красную линию напротив Военного госпиталя дома бесплатных и дешевых квартир и убежище для вдов и сирот, построенных Братолюбивым обществом в 1901–1913 гг. на Госпитальной улице, казались скромными и уютными.

Одновременно шла весьма оживленная общественная жизнь в среде самих архитекторов: на протяжении 1900–1913 гг. прошли три съезда (последний, пятый, в Москве). Под руководством Ф. О. Шехтеля работало Московское архитектурное общество. Московская дума устраивала конкурсы на лучшие фасады зданий, издавались иллюстрированные журналы «Архитектурная Москва», «Записки», выходили «Ежегодник» Московского архитектурного общества, журнал «Свободное общество».

Отличительная черта лучших образцов московской архитектуры состояла в органическом единстве ее стилевых особенностей с элементами живописи, скульптуры, декоративного искусства. Гостиница «Метрополь» – яркий тому пример. В ее постройке участвовали архитекторы В. Ф. Валькот, Л. Н. Кекушев, А. Э. Эрихсон, И. В. Жолтовский, художники М. А. Врубель, А. Я. Головин, С. В. Чехонин, И. И. Нивинский, П. В. Кузнецов, скульптор Н. А. Андреев и художник-керамист П. К. Ваулин. Тесная связь архитектуры со всеми видами изобразительного искусства была характерна для художественной жизни Москвы начала XX в., которая представляла собой чрезвычайно разнообразное, но вместе с тем целостное явление.

[70] *Власов П.* Обитель милосердия. М., 1991. С.163.

III

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В МОСКВЕ. БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ РЕВОЛЮЦИИ

1. БУРЖУАЗНАЯ ОППОЗИЦИЯ В ПОИСКАХ КОНСТРУКТИВНЫХ РЕШЕНИЙ: ЗАПОЗДАЛЫЙ ПРОРЫВ В ПОЛИТИКУ

В канун и в ходе первой российской революции состоялся подлинный политический дебют московской буржуазии, представленной новым поколением предпринимателей. Их, в отличие от «стариков» типа Н. А. Найденова и его окружения[1], стали называть «молодыми» торгово-промышленными силами. Мировоззренческим кредо «молодых» явился «буржуазизм» – система взглядов, в основе которой лежало твердое убеждение, что наступивший XX век должен стать в истории страны веком буржуазии. Их не удовлетворяла «верноподданическая» позиция поколения отцов, а побудительным стимулом являлось стремление добиться для «третьего сословия» подобающего ему места в обществе. Их политический радикализм в немалой степени коренился в предпринимательской системе, базирующейся на текстильном производстве, рассчитанном на свободный массовый рынок. Поэтому, в частности, москвичи были последовательнее и держались более независимо, чем связанные казенными заказами петербуржцы, хозяева машиностроительных и военных заводов.

Драматические события начала 1905 г. в громадной степени ускорили политическое самоопределение московских «капитанов индустрии». В созданной после трагедии 9 января комиссии министра финансов В. Н. Коковцова по рабочему вопросу ее участники из предпринимателей высказывали мнения о том, что разрешение этой острейшей проблемы лежит не в частных уступках рабочим, а в изменении «общих политических условий». В центр внимания деловых кругов выдвигалась задача обеспечить «самостоятельное представительство» в будущей Думе. 27 июня 1905 г. на совещании инициативной группы петербургских и московских предпринимателей была принята резолюция о созыве «возможно скорее съезда представителей промышленности и торговли для объединения на определенной программе политического и экономического содержания и для избрания бюро ввиду организации и подготовительных действий по выборам в народное собрание»[2].

На этом съезде, проходившем 4–5 июля 1905 г. в Москве, произошел решительный разрыв группы «молодых» с председателем Биржевого комитета и деятелями его поколения. Призывы П. П. Рябушинского, А. С. Вишнякова и других к введению в России конституционного строя вызвали негативную реакцию у лояльно настроенного к неограниченному абсолютизму большинства съезда. Под предлогом, что съезд уклоняется от намеченной программы, в которой значился только пункт об участии промышленников в выборном представительстве, Н. А. Найденов закрыл собрание и отправился в Петербург, чтобы лично доложить министру финансов о происшедшем. Однако оставшаяся «левая» часть съезда продолжала заседать, настаивая на придании будущей Думе законодательного характера.

В принятой на съезде программе подчеркивалось, что торгово-промышленные деятели, «не видя в существующем государственном порядке должной гарантии для своего имущества, для своей нормальной деятельности и даже для своей жизни, не могут не объединиться на политической программе с целью содействовать установлению в России прочного правопорядка и спокойного течения гражданской и экономической жизни»[3]. Для достижения этих целей предусматривалось «соединение с теми политическими партиями, содействие тем политическим стремлениям и поддержка всеми возможными средствами тех политических факторов, которые заявят себя способными к полному обновлению русской народной жизни». Прежде всего имелось

[1] См. гл. 1, § 3.

[2] Цит. по: *Рейхардт В.* Партийные группировки и «представительство интересов» крупного капитала в 1905–1906 гг. // Красная летопись. 1930. № 6 (39). С.15, 16.

[3] Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф.102. ДП ОО. 1905. II отд. Д.999. Ч.44. Л.44.

Г. А. Крестовников

в виду земско-либеральное движение, с которым у торгово-промышленников совпадало главное требование программы – созыв «народного представительства, устроенного по образцу конституционных государств». Лидеры делового мира решительно заявили о неприятии «насильственно-революционных методов» и тех политических сил, которые к ним прибегают.

Однако с самого начала политическое движение буржуазии не нашло союзника в лице интеллигенции: земские либералы на соглашение не пошли. С другой стороны, царская администрация попыталась привычным способом расправиться с новыми оппозиционерами, проведя ряд обысков и арестов среди участников съезда. Лишь после манифеста 17 октября 1905 г., возвестившего о даровании населению империи конституционных прав, в том числе и права свободной организации политических партий, московские предприниматели создали торгово-промышленную партию.

Инициатором ее стал Григорий Александрович Крестовников (1855–1918), текстильный промышленник и банкир (председатель совета крупнейшего в Москве Купеческого банка), яркий представитель «новой волны» московских предпринимателей. Окончив Московский университет, где занимался изучением органической химии, он с 1887 г. возглавил семейное дело – фабрично-торговое Товарищество Крестовниковых, а спустя некоторое время основал одно из первых в России предприятий по производству текстильных станков. Женатый на сестре знаменитого Саввы Морозова Юлии, он пользовался поддержкой этого могущественного клана.

С 1890-х гг. Крестовников сумел проявить себя в качестве блестящего защитника интересов московского капитала перед правительством. Неудивительно, что именно ему принадлежал почин в политической организации предпринимателей, и вскоре после создания торгово-промышленной партии он сменил Н. А. Найденова на посту председателя Биржевого комитета, в течение последующего десятилетия направляя его деятельность. Авторитет Крестовникова во всероссийском масштабе был столь велик, что в 1906 г. его избрали членом Государственного совета от торговли и промышленности, а в 1910 г. по императорскому указу лидеру московского купечества было пожаловано потомственное дворянство – высшее признание заслуг предпринимателя со стороны царского самодержавия.

В воззвании центрального комитета созданной осенью 1905 г. торгово-промышленной партии подчеркивалось, что «новый государственный строй застает русский народ неорганизованным для политической жизни». Призывая «лиц правопорядка» к объединению, Крестовников «со товарищи» выражали уверенность, что «только на такую мощную партию будет в состоянии опереться правительство в предстоящей ему трудной прогрессивно-созидательной работе»[4].

Однако несмотря на все усилия, партия Крестовникова оставалась объединением крупных предпринимателей, слишком малочисленных, чтобы надеяться на успех в предвыборной кампании. Нередко приказчики вступали в ряды торгово-промышленной партии под прямым давлением хозяев и при первом удобном случае выходили из нее.

Другим политическим объединением, возникшим в среде московской буржуазии в 1905 г., была умеренно-прогрессивная партия, созданная благодаря усилиям группы «молодых» предпринимателей во главе с П. П. Рябушинским. Ее программа практически совпадала с платформой кадетской партии, существенно расходясь только в одном – в отношении продолжительности рабочего дня. Если кадеты в своей программе написали требование 8-часового рабочего дня, то «умеренные прогрессисты», лучше представлявшие положение в русской промышленности и ее возможности в конкурентной борьбе с заграничными производителями, решительно отвергали сокращение рабочего дня. «При большом количестве у нас праздников (прежде всего церковных, которых насчитывалось до 50 дней в году.– *Авт.*) абсолютно нельзя установить у нас 8-часовой рабочий день, иначе наши рабочие не выдержат европейской конкуренции»[5].

Той же осенью 1905 г. возникла одна из самых влиятельных впоследствии рос-

[4] Цит. по: *Иванович В.* Российские партии, союзы и лиги. Сборник программ, уставов и справочных сведений. СПб., 1906. С.75–77.

[5] Там же. С.25–28.

сийских политических партий – октябристская («Союз 17 октября»), у основания которой стояла фигура еще одного сына купеческой Москвы – Александра Ивановича Гучкова (1862–1938). Предприниматель в третьем поколении, он также получил университетское образование (на историко-филологическом факультете Московского университета некоторое время занимался в одном семинаре с будущим лидером кадетов и своим политическим антиподом П. Н. Милюковым). Деловая стезя не увлекла молодого Гучкова, ближе его натуре оказалась политическая борьба. Он прославился еще в 1900 г., когда по собственной инициативе отправился в Южную Африку на помощь бурам в их войне с англичанами, был ранен, попал в плен и позднее освобожден. Во время русско-японской войны энергичный отпрыск купеческого рода участвовал в боевых действиях, заведуя полевым лазаретом. При наступлении японцев он не бросил своих раненых, предпочтя плен, что русское общественное мнение однозначно расценило как «подвиг самопожертвования».

Вернувшись в Москву, Гучков с жаром окунулся в политическую деятельность, венцом которой стала организация партии октябристов. Ее знаменем значилась «конституционная монархия», первым шагом к которой, как верил А. И. Гучков, и был манифест 17 октября. Партия объединила довольно разрозненные группы предпринимательского мира с цензовыми элементами города и дворянскими латифундистами. Все три «деловые» партии Москвы с самого начала действовали скоординированно. В разгар декабрьских событий в Москве они выступили с совместным заявлением, в котором ответственность за «льющуюся на улицах Москвы кровь, убийства, грабежи и пожары» возложили на революционные партии, обвинив их «во лжи и обмане народа». Позднее был создан и предвыборный блок по выборам в I Государственную думу от Москвы.

Однако итоги выборов, состоявшихся весной 1906 г., оказались неутешительными: крупнобуржуазные партии провели в Думу всего 16 представителей, из них 13 октябристов, два умеренных прогрессиста и один депутат от торгово-промышленной партии. Их подвела узкая социальная ориентация и отсутствие даже того показного демократизма, который был свойствен кадетам, победившим на выборах. Буржуазные партии в Москве частью самоликвидировались, частью, как торгово-промышленная в лице большинства членов ее руководства, вошли в более мощную октябристскую. Однако события революционных лет многому научили московских предпринимателей, прежде всего показали

А. И. Гучков

необходимость консолидации всех предпринимательских слоев и максимального расширения социальной базы политического движения, осуществляемого самими деловыми кругами.

С неудачей на выборах можно было бы примириться, будь промышленники Москвы уверены, что царское правительство выполнит взятые на себя обязательства и поведет страну по пути конституционного развития. «Пора вступить на твердый законный путь»,– подчеркивалось в издававшейся на средства предпринимателей «Народной газете»[6]. Однако конституционные иллюзии быстро развеивались, и в среде московского купечества, особенно в «молодой» его части, все более вызревали оппозиционные настроения, выразителем которых стал кружок предпринимателей во главе с Павлом Павловичем Рябушинским (1871–1924).

Старший сын в семье хлопчатобумажного фабриканта и банкира П. М. Рябушинского, он с 1890-х гг., еще при жизни отца, взял в свои руки семейное предприятие (хлопчатобумажный комбинат близ г. Вышнего Волочка Тверской губернии). После кончины родителя в 1899 г. П. П. Рябушинский официально возглавил знаменитый семейный клан, давший России талантливых предпринимателей, выдающихся ученых и известных меценатов. На деловом поприще он стал одной из самых заметных фигур России: глава правления Харьковского земельного и Московского коммерческого банков, семейного текстильного предприятия, типографской фирмы и еще множества иных компаний.

Подлинную славу снискала ему активная политическая деятельность по сплочению предпринимательского корпуса и

[6] Народная газета. 1906. 15 января.

П. П. Рябушинский

Типография газеты «Утро России»

поиску союзников в его противостоянии самодержавному режиму. «Буржуазисты», к которым относились П. П. Рябушинский и его политические последователи (А. И. Коновалов, С. Н. Третьяков, С. И. Четвериков, П. А. Бурышкин и др.), находились в либеральной оппозиции к архаическому абсолютизму, который должен был быть заменен конституционно-монархическим государственным строем. С другой стороны, увлеченным социалистической пропагандой рабочим разъяснялось, что Россия, лишь недавно вступившая на индустриальный путь развития, не готова к социалистическим преобразованиям, что ей, говоря словами Рябушинского, предстоит еще пройти «через путь развития частной инициативы».

П. П. Рябушинский представлял новый для России тип предпринимателя, заинтересованного в привлечении общественного мнения на сторону своего класса и не скупившегося в расходах для достижения этой цели. В 1906–1907 гг. он последовательно основал ряд газет – «Народная газета», «Утро», «Утро России», на страницах которых критиковались столыпинские методы «успокоения» страны, все более приобретавшие черты диктатуры. За подобные публикации газеты закрывались, сам издатель подвергался административным карам (высылался из Москвы под негласный надзор полиции), но оппозиционное настроение у него не менялось.

Чтобы заручиться поддержкой лучших интеллектуальных сил страны, с 1908 г. он вместе с А. И. Коноваловым проводил так называемые «экономические беседы» с участием московской профессуры и представителей деловых кругов, на которых обсуждались перспективы хозяйственного развития страны на ближайший период. Беседы проходили в особняке Рябушинского на Пречистенском бульваре, купленном им у наследников знаменитого собирателя С. М. Третьякова (это здание хорошо известно москвичам, сейчас его занимает Российский фонд культуры). Примечательно, что в канун мировой войны П. П. Рябушинский финансировал организованную академиком В. И. Вернадским экспедицию на поиски месторождений недавно открытого редкоземельного элемента – радия, на который тогда возлагались большие надежды в связи с лечением онкологических заболеваний.

Недовольство политикой кабинета П. А. Столыпина и партией А. И. Гучкова, безоговорочно поддерживавшей курс премьера на «успокоение и реформы», москвичи открыто проявляли на страницах газеты П. П. Рябушинского «Утро России», издававшейся на средства кружка «молодых» капиталистов. «Возвратите полностью 17 октября» – таков был постоянный рефрен выступлений газеты по поводу правительственного курса на свертывание конституционных завоеваний 1905 г. Тоска по «пропавшей

грамоте», как иронично именовали царский манифест в общественных кругах, дополнялась кампанией против поместно-чиновничьего дворянства под лозунгом «Купец идет!». Русское купечество, писал в газете ее издатель, «представляет собой в такой мере развитую экономическую силу, что не только может, но и должно обладать соответствующим политическим влиянием».

Немало шуму наделала речь П. П. Рябушинского, избранного товарищем (заместителем) председателя Биржевого комитета, на приеме, устроенном московским купечеством в честь министра финансов В. Н. Коковцова во время его визита в Москву в 1912 г. Предложив высшему финансовому чину «убрать рогатки с путей жизни», он обескуражил присутствующих заключительными словами: «Пью не за правительство, а за русский народ!» В кулуарах министр своеобразно отреагировал на этот выпад: «Подмигивают все и кокетничают с революцией? Московских купцов мало жгли в 1905 году, чтобы они еще не образумились». Конечно, революционером или сочувствующим революции Рябушинский не был, а оппозиционный накал его публичным выступлениям, думается, придавало то обстоятельство, что по унаследованному вероисповеданию Рябушинские принадлежали к старообрядцам, наиболее гонимой конфессиональной группе населения, у которой недоверие и прямой протест против действий властей были, что называется, в крови.

Не случайно одно из самых острых выступлений в адрес царского правительства было подготовлено А. И. Коноваловым, также старообрядцем и соратником П. П. Рябушинского, когда в 1911 г. в связи с репрессивными действиями Министерства народного просвещения в отношении студенчества и профессуры Московского университета именно московские предприниматели подняли голос протеста. В прессе появилось открытое письмо правительству за подписью 66 крупнейших фабрикантов Москвы с предупреждением, что страна явно не одобряет действий власти.

Задаче объединения оппозиционных сил под эгидой предпринимателей служило вхождение П. П. Рябушинского и А. И. Коновалова в созданную накануне мировой войны прогрессистскую партию, в рамках которой консолидировались промежуточные между октябристами и кадетами либеральные силы. Программным требованием прогрессистов являлось положение о необходимости реформы государственного строя на конституционной основе. Они предпринимали шаги и по сближению с партиями левого лагеря – кадетами, эсерами и даже социал-демократами, которых рассчитывали использовать в качестве жупела для правительства. «Правительство обнаглело до такой степени,– убеждал Коновалов потенциальных союзников,– потому что не видит отпора, но стоит проявиться двум-трем эксцессам революционного характера, и оно немедленно проявит свою обычную безумную трусость». Правда, из этого блока ничего не вышло, поскольку революционеры не пожелали устраивать «эксцессы» по заказу либералов.

Годы первой мировой войны стали звездным часом московских либеральных предпринимателей. По инициативе П. П. Рябушинского в 1915 г. создалась сеть военно-промышленных комитетов – организаций частных индустриалов с целью мобилизации промышленности на нужды войны. «Мы уже не можем,– призывал Рябушинский, к тому времени председатель Московского биржевого комитета,– заниматься своим повседневным делом. Каждая фабрика, каждый завод – все мы должны только о том и думать, что сломить эту вражескую силу». Глава биржевого сообщества Москвы возглавил одновременно и местный военно-промышленный комитет.

На повестку дня все острее вставал вопрос о всероссийском объединении предпринимателей, которое, по замыслу их московских представителей, позволило бы «принять более активное участие в экономическом строительстве России после войны». Необходимо было считаться и с тем «безудержным порывом народного гнева», к которому, по словам Рябушинского, может привести страну власть, совершенно не считающаяся с общественным мнением. Этим предчувствиям, охватившим московских либералов из промышленного класса в

А. И. Коновалов

1916 г., суждено было осуществиться очень скоро, когда Февральская революция смела царский режим и сразу остро поставила проблему выбора пути социального развития.

Московским предпринимателям удалось воплотить в жизнь свою давнюю идею о всеобщем политическом союзе российских предпринимателей, создав в марте 1917 г. Всероссийский союз торговли и промышленности. Однако его «капиталистическая» фразеология не имела успеха у измученных войной и уверовавших в социализм народных масс. Специальный отдел «политического воспитания населения» не сумел противостоять массированной агитации социалистических партий. К тому же Временное правительство, в первый состав которого вошли москвичи А. И. Гучков и А. И. Коновалов, все более теряло контроль над происходящими в стране событиями, своими популистскими мерами, такими, как введение хлебной монополии, лишь приближая экономический провал. Они, по отзыву П. П. Рябушинского, ставили страну перед катастрофой, приближая призрак «костлявой руки голода» и «народной нищеты», о котором не уставали повторять либеральные предприниматели.

В период между февралем и октябрем 1917 г. Москва купеческая все явственней ощущала надвигающуюся социальную бурю, но не смогла ей противопоставить сколько-нибудь действенных контрмер. Эпилогом в истории частнопредпринимательского строя дореволюционной России стали события 26 октября 1917 г. в Петрограде, где последнее заседание Временного правительства вел А. И. Коновалов, вместе с другими министрами арестованный в Зимнем дворце и препровожденный в Петропавловскую крепость.

Злоключения судьбы, забросившей лучших деятелей купеческой Москвы далеко за пределы России, не смогли сломить их твердую уверенность в высоком потенциале той системы хозяйства, которую они отстаивали на протяжении своей жизни. «Русская буржуазия,– говорил П. П. Рябушинский в эмиграции,– численно слабая, не в состоянии была выступить в ответственный момент той регулирующей силой, которая помешала бы событиям идти по неверному пути… Вся обстановка прошлого не способствовала нашему объединению, и в наступивший роковой момент стихийная волна жизни перекатилась через всех нас, смяла, размела и разбила».

Драма последнего предреволюционного поколения московского купечества заключалась в том, что буржуазная идеология еще не проникла глубоко в народную толщу, что слишком тонким оказался в обществе слой, который мог бы обеспечивать эволюцию страны по проложенному Западом пути. Ушла с ними в небытие и купеческая, деловая Москва, которая по праву считалась сердцем хозяйственной жизни страны. О лучших ее представителях точно сказал один из братьев Рябушинских: «В последние годы стали выступать и заставили себя выслушивать люди, почерпнувшие в идеалах дедов веру в идею «хозяина», но эти люди опоздали… или пришли слишком рано: удержать лавину они, конечно, не смогли – и старый русский купец хозяйственно погиб в революции, как погиб в ней и старый русский барин»[7].

[7] *Рябушинский Вл.* Судьбы русского хозяина // Русский колокол. Берлин. 1928. № 3. С.53.

2. СТОЛКНОВЕНИЕ НЕПРИМИРИМЫХ: 1905 ГОД – РЕПЕТИЦИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

XX век принес России, по крылатому выражению Александра Блока, «невиданные перемены, неслыханные мятежи». За первые 17 лет нового столетия страна пережила две войны (и обе – неудачные) и три революции. Начатая реформами Александра II модернизация российской жизни протекала непросто, переход от прежнего патриархального уклада к индустриальному обществу сопровождался обострением старых и появлением новых социальных противоречий. Первая российская революция 1905–1907 гг. обнажила глубинные конфликты и поставила страну перед угрозой гражданской войны.

Начало революции было положено в Петербурге, где 9 января 1905 г. войска расстреляли рабочую депутацию к царю. Волна возмущения жестокой расправой над мирным шествием прокатилась по всей стране, петербургская бойня дала толчок революционному движению, эпицентр которого переместился в древнюю столицу. Здесь развернулись события, ознаменовавшие новую эпоху в истории России: впервые на вооруженную борьбу против правительства выступила не горсточка революционеров, как было прежде, а масса представителей социальных низов, с оружием в руках решившая бороться за изменение политического строя и условий жизни.

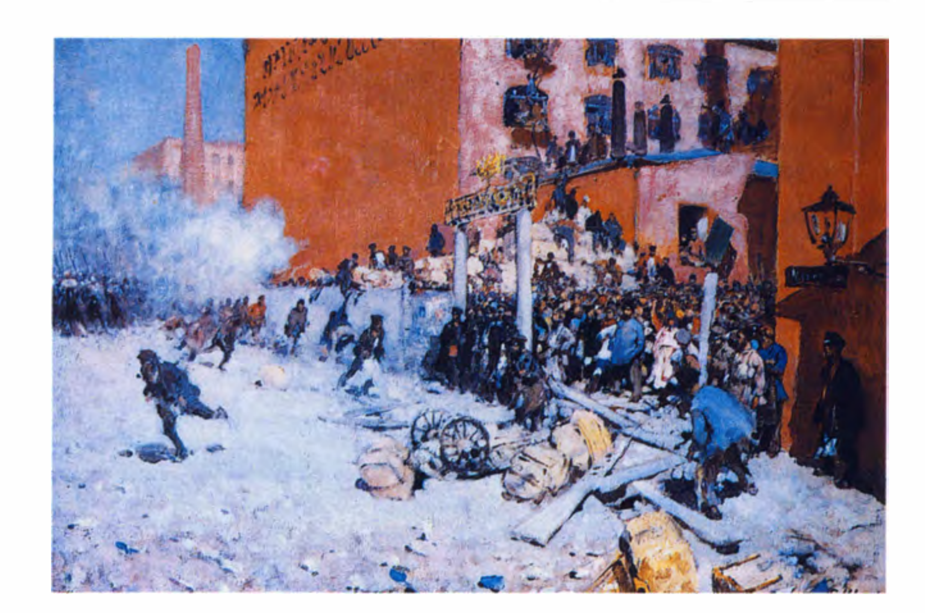
А жизнь российских, и московских в том числе, пролетариев на рубеже веков и вправду была нелегкой: рабочий день по закону 1897 г. был ограничен 11,5 часами, но в действительности с учетом сверхурочных достигал 12–14 часов. Средняя годовая зарплата текстильщиков, главного отряда московских фабричных, равнялась 140–170 рублям. Даже при дешевизне продуктов питания в Москве такой заработок обеспечивал лишь минимальный прожиточный уровень. К 1905 г. заработная плата подня-

лась в среднем по Московской губернии до 190 руб., но рост цен обгонял ее повышение. Правительственная инспекция отмечала, что уровень доходов рабочих «клонится к тому минимуму, при котором сносное удовлетворение жизненных потребностей становится невозможным»[8].

Условия жизни рабочих служили той питательной средой, на которой росло социал-демократическое движение в Москве. К началу нового века патриархальные отношения между работодателями и наемными работниками сменились острой неприязнью фабричных к хозяевам. С середины 1880-х гг. по фабрикам и заводам Москвы прокатилась волна забастовок, в ходе которых стачечники требовали от администрации сокращения рабочего дня и повышения заработной платы. Если прежде основатель фабричной фирмы пользовался непререкаемым авторитетом как человек, дающий заработок сотням и тысячам людей, то теперь новому поколению московских фабрикантов все чаще приходилось слышать выкрики из рабочей толпы: «Нас тут 10 тысяч, а мы тебя одного кормим!»[9]

Сама фабричная действительность делала рабочих весьма восприимчивыми к социалистическим идеям, вносимым в пролетарскую среду представителями радикальной интеллигенции. Правление хлопчатобумажной фабрики Н. Н. Коншина в подмосковном Серпухове в начале 1900-х гг. провело обследование настроений среди рабочих и пришло к неутешительному выводу о глубоком отчуждении мастеровых от хозяев: «Социал-демократическая пропаганда настолько возбудила аппетиты, теория борьбы классов настолько подогрела ненависть и недоверие, что всякое требование сносной, добросовестной работы воспринимается как грубая эксплуатация и посягательство на права пролетариата»[10].

В роли арбитра попыталось выступить правительство. По инициативе начальника Московского охранного отделения С. В. Зубатова с 1901 г. создавались «общества взаимопомощи рабочих», объединенные в «Совет рабочих г. Москвы». Поставленные под контроль полиции организации призваны были отвлечь рабочих от «политики», направив их движение целиком в русло экономической борьбы в целях достижения взаимоприемлемого компромисса с хозяевами. Однако система «полицейского социализма», как прозвали изобретение Зубатова в леворадикальных кругах, не смогла сдержать роста недовольства рабочих, и после серии крупных забастовок 1903 г. фактически была упразднена. Все более привлекательной для рабочих становилась социалистическая идея, под влиянием которой движение приобретало политический антисамодержавный характер. Рабочие не ограничились требованием 8-часового рабочего дня, а под воздействием социал-демократической пропаганды выдвигали лозунг свержения монархии и установления демократической республики.



Забастовка. Художник С. Иванов. 1903 г.

Недовольство абсолютистским режимом зрело и на другом общественном полюсе – с началом русско-японской войны все громче заявляли о себе московские либералы во главе с председателем Московской губернской земской управы Д. Н. Шиповым и оппозиционной частью гласных Городской думы – С. А. Муромцевым, Н. Н. Щепкиным, Н. И. Астровым и др. Их лозунгом являлось «увенчание здания» реформ Александра II, т.е. введение конституции. Давние мечтания либералов с особой силой проявились в связи с неудачно складывавшейся войной с Японией, обнажившей слабость режима именно в той сфере, где абсолютизм чувствовал себя неуязвимым. Непривычные для власти «конституционные» фразы зазвучали в ходе так называемой «банкетной кампании», организованной либералами в конце 1904 г., по случаю 40-летия судебной реформы.

Расстрел депутации рабочих 9 января 1905 г. в Петербурге всколыхнул всю Россию, с особой болью отразившись в ее историческом сердце – Москве. Здесь забастовало более 50 тыс. рабочих, или треть всех фабрично-заводских пролетариев столицы. В среде рабочих и демократической интеллигенции все большую популярность приобретал призыв «Долой самодержавие!». Прямым ответом на кровавое побоище в Петербурге явился террористический акт эсера Ивана Каляева, в феврале 1905 г. взорвавшего в Кремле экипаж московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича. Ненависть становилась доминантой общественных настроений, породивших следующий эсеровский

[8] Цит. по: Рабочий класс в Первой российской революции 1905–1907 гг. М., 1981. С.50.

[9] *Рябушинский Вл.* Судьбы русского хозяина // Русский колокол. Берлин. 1928. № 3. С.46.

[10] ЦИАМ. Ф.673. Оп.8. Д.6. Л.380.

Московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович

Великая княгиня Елизавета Федоровна

теракт – в июне 1905 г. П. Куликовский застрелил московского градоначальника графа П. П. Шувалова.

Московский священник Сергей Фудель так описывал умонастроения предреволюционной поры: «Ужас положения растет с каждым днем. Я говорю не о политическом положении страны, не о торжестве той или другой партии и даже не о голоде и нищете, неминуемо грозящих населению. Как пастырь церкви, я вижу ужас положения в том душевном настроении, которое постепенно овладевает всеми без исключения. Это настроение есть – ненависть. Вся атмосфера насыщена ею. Она растет с каждым часом: у одних – к существующим порядкам, у других – к забастовщикам; одна часть населения проникается ненавистью к другой...»[11] Редкий к тому времени пример христианского всепрощения показала великая княгиня Елизавета Федоровна, вдова убитого генерал-губернатора, которая посетила убийцу мужа в тюрьме, а затем приняла монашеский постриг, основав Марфо-Мариинскую обитель в Москве. Но основным вектором общественного движения явилась дальнейшая поляризация и ожесточение противоборствующих сил.

Весной – летом 1905 г. на фоне усилившегося стачечного движения в короткие сроки кристаллизовалась либеральная оппозиция, центром которой стала Москва. Здесь происходили съезды земцев-конституционалистов, на которых оформилась программа и тактика либералов. В мае либеральная фракция Московской городской думы представила доклад «Об основах организации народного представительства в России», в котором выдвигался лозунг всеобщего избирательного права. В ответ на опасения, что в будущий парламент попадут «революционные элементы», московские либералы замечали, что «присущий здоровому народу здоровый консерватизм, как свидетельствует вековой опыт, приводит к тому, что люди более расположены переносить бедствия, пока они не сделаются нестерпимыми, чем разрушить привычные им формы жизни»[12].

Вслед за либералами и предприниматели до поры полагали, что их рабочие лишь «случайно увлекаются» революционным движением и что в своей основе рабочая масса стоит за существующий порядок. После 9 января московские промышленники ходатайствовали перед властями не прибегать к военной силе для подавления забастовочного движения, видя в нем естественную реакцию на петербургскую трагедию. В июле на совещании московских предпринимателей С. И. Четвериков, известный непоказной заботой о своих фабричных, предлагал даже «закрыть все фабрики и заводы для того, чтобы создать массовое рабочее движение». Он рассчитывал использовать рабочих в борьбе за политические уступки со стороны самодержавия, будучи уверен, что против самих промышленников мастеровые не выступят[13].

Однако по мере развития событий становилось очевидным, что дело идет к

[11] Новый мир. 1991. № 5. С.195.

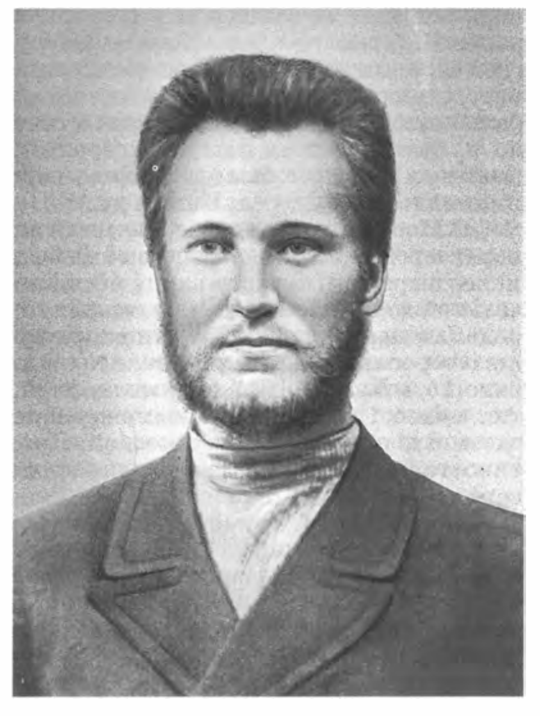
[12] Цит. по: *Чебарин А.* Москва в революции 1905–1907 гг. М., 1955. С.79.

[13] ГАРФ.Ф.102.ДП ОО. 1905. II отд. Д.999. Ч.44. Л.23, 24.

всеобщему вооруженному выступлению рабочих, инспирируемому леворадикальными партиями, взявшими курс на вооруженное свержение существующего режима. Наибольшим влиянием в городе пользовались социал-демократическая и эсеровская партии. Первая социал-демократическая организация в Москве («Рабочий союз») возникла еще в 1894 г., а после учредительного съезда РСДРП в 1898 г. был образован и Московский комитет партии во главе с М. Ф. Владимирским, И. И. Скворцовым-Степановым, А. И. Ульяновой и др. Поначалу в комитете заметным влиянием пользовались «экономисты», призывавшие рабочих ограничиваться экономической борьбой за улучшение условий существования. Но с начала 1900-х гг., особенно после II съезда РСДРП в 1903 г., на котором произошло разделение эсдеков на «большевиков» и «меньшевиков», в Московском комитете возобладали представители революционного, ленинского направления (Н. Э. Бауман, В. П. Ногин и др.). Целью жизни таких профессиональных революционеров являлась политическая революция, осуществляемая рабочим классом под руководством социалистической интеллигенции. «Лишь революционная социал-демократия, носительница идеологии рабочего класса,– говорилось в одной из листовок МК РСДРП, выпущенной в канун 1905 г.,– представляет собой тот непоколебимый утес, о который неизбежно разобьется корабль самодержавия»[14].

Более умеренные меньшевики из-за разногласий с большевиками вышли из состава комитета, образовав отдельную Московскую группу РСДРП во главе с И. А. Исувом и В. Я. Исаковичем. Большевистский же комитет уже в марте 1905 г. призывал пролетариат к вооруженному восстанию. В одном из его обращений к рабочим подчеркивалось, что «канун революции кончился – началась революция. Довольно словесной критики самодержавного строя, да здравствует критика путем оружия»[15].

В мае 1905 г. в Москве была основана боевая организация большевиков, ставившая задачу приобретения оружия, формирования отрядов-дружин, изучения тактики уличных боев. В рамках образованного коалиционного совета объединились и боевые группы других партий и течений – меньшевиков, социалистов-революционеров, студенческих организаций и др. По влиянию в Москве партия эсеров мало в чем уступала социал-демократам. Новое поколение революционеров, в начале XX в. подхватившее знамя революционных народников с их девизом «Земля и воля», первую эсеровскую группу образовало в Москве в 1902 г., вскоре после создания партии. Партийный комитет под руководством Н. Д. Авксентьева, М. В. Вишняка и др. возник в 1904 г. При комитете действовали «рабочий союз», а также «союз учащихся», студенческая организация и др. В глазах общества эсеры, в 1905 г. проведшие ряд громких терактов в Москве, представали подлинными героями-мучениками революции, особенно велика была их популярность среди учащейся молодежи. Московская организация эсеров в тот период являлась крупнейшей организацией партии в стране. В марте 1905 г., одновременно с большевиками, Московский комитет эсеров призвал население к оружию[16].



В. П. Ногин

Н. Э. Бауман

[14] История Москвы. Т.V. М., 1955. С.99.

[15] 1905. Большевистские прокламации и листовки по Москве и Московской губернии. М.; Л., 1926. С.61–63.

[16] *Леонов М.И.* Эсеры в 1905–1907 гг. Самара, 1992. С. 91, 92; *Павлов Д.Б.* Эсеры-максималисты в Первой российской революции. М., 1989. С.64, 65.

В Москве был открыт сбор пожертвований на покупку вооружения, и в числе главных жертвователей оказались Максим Горький и владелец мебельной фабрики и социал-демократ по убеждению Н. П. Шмит, внесшие по 15 тыс. руб. каждый. Красноречиво звучали и заглавия нелегально издаваемых революционными партиями брошюр: «Технология взрывчатых веществ», «Тактика уличного боя» и т.п. Идея революционного насилия завоевывала все новых сторонников и среди учащейся молодежи. Московский университет стал главной политической трибуной сторонников вооруженной борьбы, а Высшее техническое училище и реальное училище Фидлера превратились в штаб-квартиры технической подготовки восстания[17].

С другой стороны, набирала силу партия «черной сотни», объединявшаяся вокруг газеты «Московские ведомости». В марте 1905 г. ее главный редактор барон Грингмут, происходивший из остзейских немцев, призвал «всех истинно русских людей» выступить на борьбу с революционной крамолой, поддержав монарха и существующий государственный порядок. На стороне «национального» движения оказалась значительная масса рабочих, не разделявших революционные идеалы. Помимо сохранения самодержавия и борьбы с революционной крамолой, основным лозунгом черносотенного движения являлся антисемитизм, также санкционированный государственной властью. «Жиды и студенты» (т.е. интеллигенция) являлись главными врагами «черной сотни», их считали основными виновниками революционного движения. В октябре 1905 г. черносотенная погромная волна прокатилась по 358 населенным пунктам империи, в ходе ее было убито 1,6 тыс. и ранено 3,5 тыс. человек. Хотя основной гнев черносотенцев вызывали революционеры, в погромах присутствовал и выраженный национальный момент – около $^2/_3$ пострадавших являлись евреями, особенно их много было в местах «черты оседлости» (Одесса, Киев и др.)[18].

В Москве, впрочем, антисемитский характер черносотенного движения был менее выражен, отчасти ввиду незначительной доли еврейского населения в городе (по переписи 1902 г., лиц иудейского вероисповедания в Москве проживало 15,3 тыс. из 1617 тыс. москвичей, т.е. менее 1%). Главное размежевание здесь шло по линии политической. Противостояние революционной «красной сотни», как называли ее современники, и охранительной «черной сотни», пользовавшейся покровительством властей, стало лейтмотивом общественного противоборства в Москве.

После заключения в августе 1905 г. мирного договора с Японией и издания 6 августа закона о созыве Государственной думы революционная волна не спала, а вопреки ожиданию взметнулась на новую высоту. «Мир заключен,– говорилось в одной из большевистских листовок,– но только с Японией. К счастью, не заключен еще мир в другой войне, которую ведет Россия,– в войне русского народа с царским правительством. Эта война теперь только разгорается...»[19] 19 сентября под политическими лозунгами забастовали рабочие крупнейшей московской типографии И. Д. Сытина, и их выступление послужило прологом всероссийской политической стачки. «Сытинцы» были поддержаны другими московскими печатниками, в городе перестали выходить газеты.

Тверская улица в районе Страстного монастыря превратилась в площадку политических митингов, в ходе которых происходили столкновения забастовщиков с войсками и полицией. Примечательный штрих – участники митингов раздирали национальные флаги, оставляя одну полосу – красную, и под этим импровизированным полотнищем устраивали шествие по улицам. 24 сентября для разгона митингов и демонстраций впервые была привлечена армия – залпы воинских команд (сначала – холостыми, последующие – боевыми патронами) оставили на мостовой первые трупы... На следующий день произошло известное выступление пекарей Филиппова, чья булочная располагалась почти напротив дома московского градоначальника. В ходе настоящего побоища с казаками несколько человек было убито, более 180 «филипповцев» арестовано. К концу сентября бастовала почти половина московских рабочих, остановился городской транспорт, вновь перестали выходить газеты. Уличные столкновения с полицией и войсками перерастали в настоящее сражение, с обеих сторон насчитывалось десятки погибших. В рабочей среде возникли Советы, поначалу как руководящие органы стачки, затем они стали приобретать характер альтернативных органов власти. Москва все более раскалывалась на противоборствующие лагери, революционный и правительственный, компромисс между которыми стал невозможен. Постоянным рефреном полицейских донесений тех месяцев была фраза: «...сходки заканчивались требованием изменения существующего государственного строя и криками «Долой самодержавие»[20].

Своего пика стачечная атака на царское правительство достигла в октябре. К 10 октября забастовали железнодорожники всех магистралей, идущих от Москвы, в течение последующей недели к ним присоединились рабочие промышленных предприятий, служащие Центрального телеграфа. К 14 октября в городе закрылись магазины и рестораны, перестали подавать воду через городской

[17] *Шацилло К.Ф.* 1905 год. М., 1980. С.7–9.

[18] *Степанов С.Л.* Черная сотня в России (1905–1914 гг.). М., 1992. С.54–56.

[19] Цит. по: Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 г. Ч.1. М., 1955. С.8.

[20] Цит. по: Первый штурм царизма. М., 1986. С.93.

водопровод, остановились электрические станции, бездействовали телефон и городской транспорт, закрылись биржа и банки, аптеки и театры и даже окружной суд. Сама Городская дума 13 октября приняла решение присоединиться к забастовке. Жизнь Москвы оказалась полностью парализованной. 14 октября петербургский градоначальник Д. Ф. Трепов разослал на места печально известную телеграмму, в которой призывал вооруженной силой подавлять любое антиправительственное выступление: «Холостых залпов не давать, патронов не жалеть»[21]. Однако справиться с забастовкой подобными методами оказалось невозможно. Специально выделенному железнодорожному батальону не удалось даже восстановить железнодорожное сообщение с Москвой, не говоря о других областях городской жизни. «Забастовка дорог,– телеграфировала московская администрация в Петербург,– создала безвыходное положение и грозит катастрофой»[22].

Деловая жизнь в кипучей торгово-промышленной Москве постепенно замерла, механизм коммерческого оборота начал давать сбои. «Большие банки,– писали газеты,– ограничиваются в лучшем случае продолжением кредитных дел со старыми клиентами... Среднее купечество находится в плачевном состоянии, чем объясняется волна банкротств, особенно много их в Москве по мануфактурной части...»[23] Вместо зазывных криков торговцев на улицах все чаще стали звучать выстрелы – множились стычки между забастовщиками и полицией, действовавшей вместе с черносотенцами. На заводе Гужона революционные дружинники напали на отряд «черной сотни», сформированный из рабочих того же предприятия, причем в ходе стычки погибло несколько человек. Толпа революционно настроенных рабочих разгромила помещение редакции газеты «Русское дело», издававшейся одним из идеологов «патриотического» движения С. Ф. Шараповым. Отряды же черносотенцев, вооруженные ножами и револьверами, развязали настоящий политический террор в центре города, заблокировав 15 октября в здании Московского университета на Моховой свыше 2,5 тыс. человек. Покинуть осажденное здание студентам и дружинникам удалось лишь к вечеру 16 октября.

Руководство большевистской организации в Москве попыталось воспользоваться ситуацией, чтобы добиться перехода власти в городе в свои руки. Городской думе в обмен на гарантию защиты от черносотенных погромов предлагалось сложить свои полномочия, передав их Совету из представителей демократических организаций и революционных партий. Совет должен был заменить полицию находящимися под его контролем отрядами городской милиции[24]. Муниципалитет, впрочем, отказался вооружить революционно настроенных «милиционеров», подозревая, что оружие им нужно не столько для борьбы с погромщиками, сколько для вооруженного противоборства с официальной властью. Такая перспектива отнюдь не устраивала московских либералов, стремившихся не дать стачке перерасти в вооруженный конфликт.

17 октября 1905 г. Художник И. Репин. 1906 г.

Манифест 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного устройства», подписанный Николаем II, послужил водоразделом революции: самодержавие пошло на явную уступку, вполне отвечающую чаяниям либеральной общественности. Манифест возвещал «незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов», созыв законодательной Думы и расширение круга избирателей. Декларируя основы конституционной модели правления, император вместе с тем настаивал на прекращении революционной анархии: «Повелеваю подлежащим властям принять меры к устранению прямых проявлений беспорядков, бесчинств и насилий...»[25]

Разрешенная манифестом легальная организация политических партий способствовала рождению двух основных либеральных политических объединений дореволюционной России – октябристской и кадетской партий. Обе они конституировались на учредительных съездах в Москве. Октябристов и кадетов объединяла оценка акта 17 октября как желанного итога оппозиционного движения и неприятие обострения революционной борьбы. Один из духовных вождей русского либерализма П. Б. Струве в те дни полагал, что «с ведением конституционного строя, как бы несовершенен он ни

[21] Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 г. Ч.1. С.354.

[22] Цит. по: Первый штурм царизма. С.112.

[23] Банковая и торговая газета. 1905. 19 сентября; 3 декабря.

[24] Декабрьское вооруженное восстание в Москве. М., 1920. С.48, 49.

[25] Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ). Собрание III. Т.XXV. Отд.I. СПб., 1908. № 26803.

Похороны Н. Э. Баумана 20 октября 1905 г.

был, не только должны радикально измениться методы политической борьбы, именно став открытыми и легальными, но открылась возможность положительного сотрудничества либеральных слоев общества с правительством в деле реформ»[26].

К той же мысли склонялись и представители предпринимательских кругов, устами московского промышленника и банкира П. П. Рябушинского выразившие желание буржуазии пойти на компромисс с властью. «До 17 октября,– говорил впоследствии Рябушинский, вспоминая неосуществленные надежды 1905 г.,– она в громадном большинстве была настроена оппозиционно. После 17 октября, считая, что цель достигнута, буржуазия стала сторониться пролетариата, а потом перешла на сторону правительства. В результате одолело правительство и началась реакция, сначала стыдливая, а потом откровенная»[27]. Однако в октябрьские дни 1905 г. либералы и предприниматели были полны эйфорических надежд на союз с обновленной властью.

Учредительный съезд конституционно-демократической (кадетской) партии состоялся в Москве в дни октябрьской стачки. Объединявшая в основном лиц «интеллигентских» профессий, партия под руководством ее лидера историка П. Н. Милюкова заявила, что слева у нее врагов нет, а есть лишь союзники. Исходя из этой формулы, в программу кадетов были внесены демократические требования – 8-часовой рабочий день, принудительное отчуждение помещичьей земли в пользу крестьян за вознаграждение и др.

«Союз 17 октября», названный в честь многообещающего манифеста, был создан в те же дни по инициативе коренных москвичей – земца Д. Н. Шипова и предпринимателя А. И. Гучкова. В него вошли представители либеральной общественности, несогласные с чересчур «левой» фразеологией кадетов. Октябристы, в отличие от кадетов, не признавали право Польши и Финляндии на отделение от империи, выступая за «единую и неделимую» Россию, отвергали лозунг 8-часового рабочего дня и другие левые требования, уповая на «сильную, уверенную в себе монархическую власть», вступившую на путь конституционного обновления. Однако надеждам либералов на скорое умиротворение страны под влиянием манифеста и переход к эволюционной фазе развития российского общества не суждено было сбыться.

О царившей в Москве атмосфере после объявления манифеста метко отозвался современник, так описавший обстановку на революционном митинге в здании Московской консерватории 18 октября: «В вестибюле уже шел денежный сбор под плакатом «На вооруженное восстание». На собрании читался доклад о преимуществах маузера перед браунингом»[28]. С другой стороны, по случаю объявления манифеста по Москве прокатилась волна «патриотических» демонстраций с участием тысяч представителей социальных низов, рабочих, ремесленников, приказчиков, мясников-охотнорядцев и др. С хоругвями и иконами, с царскими портретами и пением «Боже, царя храни» манифестанты призывали встречных присоединиться к шествию. Нежелавших снимать шапку и испол-

[26] Цит. по: *Черменский Е.Д.* Буржуазия и царизм в годы первой русской революции. М., 1970. С.152.

[27] Цит. по: *Петров Ю.А.* Павел Павлович Рябушинский // Исторические силуэты. М., 1992. С.122.

[28] *Маклаков В.А.* Власть и общественность на закате старой России. Воспоминания современников. Кн.III. Париж, 1936. С.406.

нять царский гимн, особенно студентов и вообще людей «интеллигентской» внешности, избивали, а открыто выражавших революционные симпатии забивали до смерти. В тот день, 18 октября, был убит один из руководителей московских большевиков Н. Э. Бауман, только что выпущенный по случаю манифеста из Таганской тюрьмы, где он находился в заключении с 1904 г. Бауман проезжал в пролетке с красным флагом, когда сзади обрезком трубы ему нанес смертельный удар черносотенец Михалин (позже, при советской власти, расстрелянный за это преступление).

Во множестве городов империи сразу после 17 октября прокатилась волна «патриотических» погромов, отразивших глубокую конфронтацию российского общества в период революции. Организационно черносотенное движение оформилось в ноябре, когда был создан «Союз русского народа» под предводительством А. И. Дубровина. Однако наивысшего пика деятельность «черной сотни» достигла в ходе октябрьских погромов.

Похороны Н. Э. Баумана 20 октября превратились в грандиозную демонстрацию революционных сил. Более 30 тыс. человек шли в траурной процессии за гробом, шествие охраняла революционная дружина. Впервые в Москве над толпой поднялось не переделанное из национального флага, а настоящее красное знамя, всего за одну ночь вышитое работницами, с надписями «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и «Московский комитет Российской социал-демократической рабочей партии»[29]. Примечательно, что особая депутация Городской думы во главе с городским головой князем В. М. Голицыным ходатайствовала перед генерал-губернатором, чтобы полиция и войска не чинили препятствия похоронной процессии. Однако несмотря на данное властями обещание, избежать новых жертв не удалось. Вечером группа возвращавшихся с Ваганьковского кладбища студентов была остановлена «патриотической» манифестацией возле университетского здания на Моховой. Студенческая дружина дала по «хоругвеносцам» залп из револьверов, а в ответ прозвучали выстрелы из Манежа, где находились казаки, взявшие сторону манифестантов. В результате 6 студентов было убито и более 60 ранено[30]. В последующие же дни город фактически оказался во власти черносотенцев, терроризировавших население и даже предпринявших нападение на университет, где находились раненные во время стычки 20 октября студенты.

Газета «Московские ведомости» призывала «московский народ всех подстрекателей и забастовщиков ловить и представлять по начальству». В том же духе увещевали паству священники московских храмов, получившие соответствующие инструкции от церковного руководства. «Патриотические» шествия, в отличие от революционных, проходили под благожелательным присмотром полиции. Московский градоначальник отдал 18 октября официальное распоряжение, чтобы «в случае патриотических манифестаций городовые и околоточные не оказывали сопротивления, а наоборот, содействовали бы охране порядка». В толпе обычны были разговоры, что «студенты и жиды хотят царя сместить»[31]. Многие из учащейся молодежи вынуждены были не надевать студенческой формы и носить револьвер для самообороны.

В городе началась настоящая черносотенная охота на студентов. В течение недели 15–22 октября на улицах Москвы от рук черносотенцев погибло около 15 студентов. Так, на Каменном мосту «хоругвеносцы» напали на учащегося 1-го курса Московского технического училища Лопатина, который пытался отстреливаться, но был избит и сброшен с моста в Москву-реку, а затем добит в воде камнями. Поблизости находились казаки и полиция, которые не только не прекратили зверской расправы, а, напротив, науськивали убийц. Профессора Московского университета обратились с заявлением к градоначальнику, требуя прекратить «возбуждение полицейскими чинами толпы против учащихся», но не были удостоены ответа. Лишь к концу октября волна черносотенных погромов и убийств пошла в Москве на убыль.

Всеобщая стачка по решению социал-демократических организаций 22 октября была прекращена, но движение за вооруженное восстание приобретало все новых сторонников, тем более что в тот же день был опубликован указ об амнистии за политические преступления, благодаря которому в революционную армию влились значительные силы.

Поляризация общества, выделение крайних радикальных течений, как «правых», так и «левых», являлось характерной приметой московской жизни. К концу 1905 г. в городе насчитывалось около 5 тыс. членов социал-демократической партии (большевиков и меньшевиков), 1,5–3 тыс. эсеров, которым противостояли около 12 тыс. членов правых и черносотенных организаций и примыкающих к ним. Довольно многочисленна была и либерально-центристская группировка в лице московских кадетов (8,5 тыс. человек), однако у социальных низов либеральные лозунги поддержки не находили[32].

Осенью 1905 г. под воздействием агитации левореволюционных партий идея насильственного свержения монархии овладевала все большим числом московских рабочих. В ноябре стал регулярно собираться Московский Совет рабочих

[29] *Васильев-Южин М.И.* Московский Совет рабочих депутатов в 1905 году и подготовка им вооруженного восстания. М., 1926. С.58, 59.

[30] Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 г. Ч.1. С.465–470.

[31] *Кольцов Н.К.* Памяти павших. Жертвы из среды московского студенчества в октябрьские и декабрьские дни. М., 1906. С.13–25.

[32] Политические партии России в период революции 1905–1907 гг. Количественный анализ. М., 1987. С.35, 74, 122, 160, 221.

депутатов как антитеза официальной власти. Смыслом его деятельности явился призыв к пролетариату города «с удвоенной энергией организоваться и готовиться к решительному выступлению, которое должно сопровождаться всенародным вооруженным восстанием...»[33]

27 ноября вспыхнули беспорядки в расквартированном в Москве Ростовском полку, где проходили революционные митинги. Однако большевики не решились использовать момент для начала восстания – сказалось, по словам одного из руководителей Московского комитета большевиков, «наше неумение подойти к армии, состоявшей в подавляющем большинстве из крестьян»[34]. В. М. Зензинов и В. В. Руднев, лидеры московской организации эсеров, имевшей большее влияние в крестьянской среде, выступали против перехода стачки в вооруженное восстание, считая его авантюрой, и лишь в начале декабря под давлением рядовых членов организации примкнули к большевикам. Те к тому времени вместе с меньшевиками образовали Федеративный совет для координации деятельности социал-демократических организаций и противодействия росту влияния эсеров.

Толчком к восстанию послужил арест 3 декабря Петербургского Совета рабочих депутатов во главе с Г. Х. Хрусталевым и Л. Д. Троцким. Эта акция стала ответом властей на публикацию в прессе так называемого «Финансового манифеста», подготовленного по инициативе большевиков. Манифест по сути был прямым призывом к разрушению государственного денежного хозяйства и имел целью спровоцировать финансовое банкротство абсолютистского режима. Население призывалось не платить податей казне, требовать выдачи заработной платы золотом, изымать вклады из государственных сберегательных касс, подавая заявления о выдаче таковых золотом и т.п. Под манифестом была и подпись Московского Совета[35].

7 декабря вышел первый номер «Известий Московского Совета рабочих депутатов», единственного в тот момент печатного органа в городе, поскольку другие газеты из-за стачки не выходили. На первой странице «Известий» было помещено заявление: «Московский Совет рабочих депутатов, Комитет (большевики) и Группа (меньшевики) Российской социал-демократической рабочей партии и Комитет партии социалистов-революционеров постановили: объявить в Москве со среды, 7 декабря, с 12 часов дня всеобщую политическую стачку и стремиться перевести ее в вооруженное восстание». Рубикон был перейден – революционные партии официально объявили войну.

Ситуация в целом благоприятствовала повстанцам, несмотря на то что вечером 7 декабря Федеративный совет в полном составе был арестован полицией. Московские власти оказались явно дезорганизованными и не готовыми к серьезному сопротивлению. Еще в конце ноября председатель Совета министров С. Ю. Витте докладывал Николаю II: «В Москве полная анархия власти. Крайне важно скорейшее прибытие нового генерал-губернатора»[36] (им был назначен генерал-адъютант Ф. В. Дубасов). Чувствуя бессилие перед революционной стихией, подал в отставку московский градоначальник Г. П. Медем, но Николай II, чтобы не оставить московскую полицию без руководства в критический момент, ходатайство не удовлетворил.

В Москве забастовало более 150 тыс. рабочих, вновь остановились поезда, перестали выходить газеты. Первые два дня стачка разгоралась мирно – войска и полиция оружия не применяли. Однако вечером 6 декабря ими был окружен театр «Аквариум», где проходил митинг, многие из участников которого были арестованы. На следующий день уличные стычки разгорелись в полную силу. Утром 9 декабря произошло столкновение у Страстного монастыря, где боевая дружина, вооруженная револьверами и бомбами-«македонками», завязала перестрелку с группой черносотенцев и пришедшими к ним на помощь драгунами. Вечером на том же месте драгуны залпами в упор расстреляли группу митингующих рабочих. «Есть убитые и раненые,– сообщал петербургскому знакомому находившийся в Москве Максим Горький,– сколько? – неизвестно. Но, видимо, много. Вся площадь залита кровью, пожарные смывают ее»[37]. В тот же день артиллерия обстреляла здание реального училища Фидлера, где проходило собрание дружинников-боевиков, причем несколько человек было убито. Полиции при поддержке воинских частей удалось задержать часть собравшихся, большинству же удалось скрыться с места событий.

Для предотвращения вооруженных выступлений сил у московских властей было явно недостаточно. По свидетельству прибывшего в Москву Дубасова, только треть Московского гарнизона оказалась вполне надежной, а две трети – сильно затронуты революционной пропагандой. Фактически власти могли положиться лишь примерно на 2 тыс. солдат гарнизона. Полиция же проявила полную беспомощность в столкновениях с вооруженными боевиками, и в первые же дни восстания многие городовые были разоружены. Чтобы избежать подобной участи, полицейские переодевались в штатскую одежду.

К 10 декабря большинство крупных улиц в центре Москвы оказалось перегорожено баррикадами – восстание стало свершившимся фактом. Войскам и

[33] Цит. по: 1905 год в Москве. М., 1955. С.133.

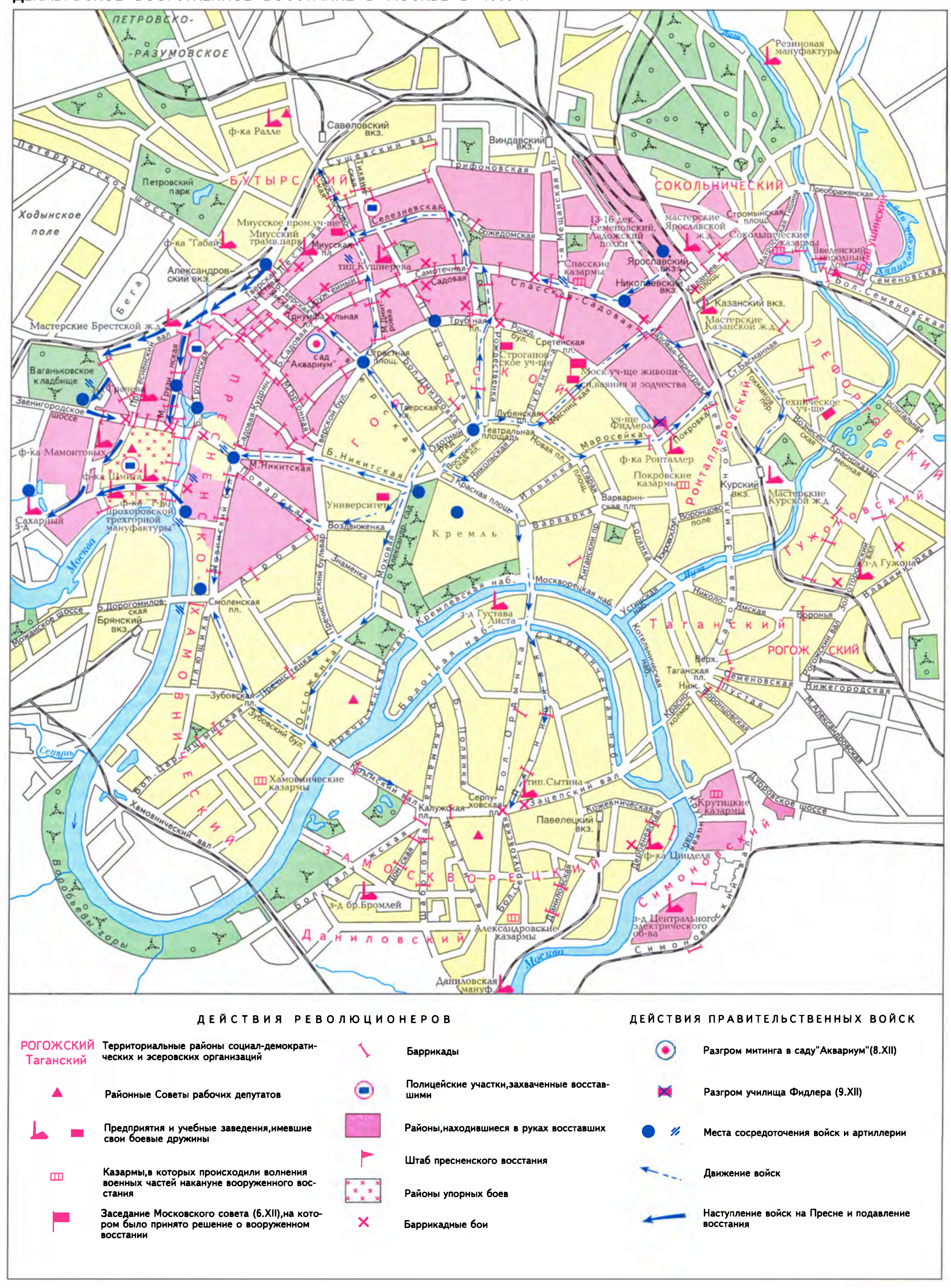
[34] *Васильев-Южин М.И.* Указ. соч. С.45.

[35] Высший подъем революции 1905–1907 гг. Ч.1. М., 1955. С.25, 26.

[36] Там же. С.581.

[37] *Горький М.* Собр. соч. Т.28. М., 1954. С.399.

ДЕКАБРЬСКОЕ ВООРУЖЕННОЕ ВОССТАНИЕ В МОСКВЕ В 1905 г.



Баррикады на Малой Бронной. Москва. Декабрь 1905 г.

полиции противостояло около 2 тыс. вооруженных дружинников и еще около 6 тыс. безоружных рабочих и студентов активно участвовали в боевых действиях[38]. В первый момент, таким образом, перевес в силах был явно на стороне восставших. Под их контролем оказалась часть города за пределами Садового кольца, тогда как царская администрация удерживала за собой центральный район. «Мы начнем с окраин,– говорилось в одном документе боевой организации московских большевиков,– будем захватывать одну часть города за другой»[39]. Тактика эта не являлась секретом и для правительства. «Путем баррикад они хотят разъединить город на отдельные кварталы,– доносил министр внутренних дел П. Н. Дурново главе кабинета Витте,– и, препятствуя таким образом доступу войск в отдельные районы, захватить постепенно город»[40]. То была война хижин против дворцов, наступление рабочих слободок на сытые кварталы. План восставших заключался в том, чтобы отрезать центр и, суживая кольцо баррикад, окружить войска, принудив их к капитуляции.

Собственных сил, чтобы помешать этим замыслам, у московских властей не хватало. «Положение становится очень серьезным,– телеграфировал Дубасов в Петербург 12 декабря,– кольцо баррикад охватывает город все теснее; войск становится явно недостаточно. Совершенно необходимо прислать из Петербурга хоть временно бригаду пехоты». Не рискуя оставить войска в казармах, где они подвергались усиленной пропагандистской обработке со стороны революционеров, Дубасов распорядился стянуть полки в центр города, разместив их в Кремле, в Манеже и даже под открытым небом на Театральной площади[41].

Борьбу с дружинниками осложняла и применяемая теми партизанская тактика. Представление о ней дает упомянутый документ боевой организации под названием «Советы восставшим рабочим», опубликованный 11 декабря в «Известиях Московского Совета рабочих депутатов». Дружинникам рекомендовалось не действовать толпой, а разделяться на летучие отряды из 3–4 человек, которые смогли бы быстро скрыться после нападения на полицию и солдат, не занимать укрепленных позиций, которые легко разрушить артиллерией, не скапливаться на митингах, уметь исчезать через проходные дворы и т.п. Этот документ отражает и настроение крайнего ожесточения, владевшее руководителями московских повстанцев. Членам дружины предлагалось по возможности не трогать солдат, чтобы привлечь их на свою сторону, но в отношении остальных противников приговор был один: офицеров «безусловно убивайте», казаков «уничтожайте без пощады», высших полицейских чинов «при всяком удобном случае убивайте» (городовых рекомендовалось просто разоружать). Даже дворникам, не исполнившим приказ дружинников не запирать ворота, грозила та же кара: «если кто не слушает, в первый раз побейте, а во второй – убейте». Полное пренебрежение к человеческой жизни, свойственное психологии гражданской войны, доносит до нас этот своеобразный памятник эпохи, в котором убийства оправдывались высокой целью построения будущего счастливого общества. «Мы докажем,– отмечали авторы обращения к рабочим,– что при нашем управлении общественная жизнь потечет правильнее, жизнь, свобода и права каждого будут ограждены более, чем теперь»[42].

[38] Рабочий класс в Первой российской революции 1905–1907 гг. С.204.

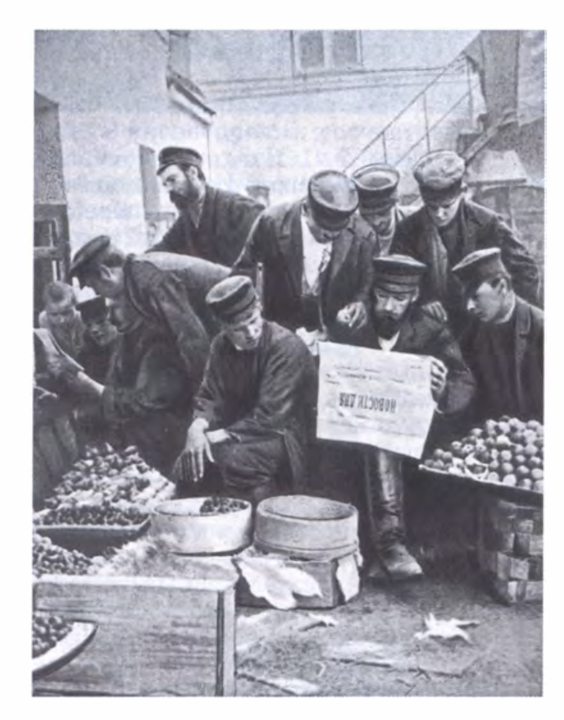
[39] Высший подъем революции 1905–1907 гг. Ч.1. С.666.

[40] Там же. С.678.

[41] Там же. С.676, 677.

[42] Там же. С.665, 666.

Декабрь в Москве. Художник Г. Савицкий. 1925 г.



Мелкие торговцы читают газету в дни революции. 1905 г.

На улицах Москвы между тем разгоралась настоящая битва революционеров со сторонниками самодержавия. М. Горький в очередном письме в Петербург так описывал московские события: «Сейчас получил сведения: у Николаевского вокзала площадь усеяна трупами, там действуют 5 пушек, 2 пулемета, но рабочие дружины все же ухитряются наносить войскам урон. По всем сведениям, дружины терпят мало – больше зеваки, любопытные, которых десятки тысяч. Все сразу как-то привыкли к выстрелам, ранам, трупам. Чуть начинается перестрелка – тотчас же отовсюду валит публика, беззаботно, весело. Бросают в драгун, чем попало все, кому не лень... Вообще – идет бой по всей Москве. В окнах стекла гудят»[43].

«Линией фронта» в первые дни служило Садовое кольцо, затем бои локализовались в западной части города, в районе Пресни. Напуганные террористами-боевиками, войска действовали с особым ожесточением. «Идешь, а у тебя все кишки переворачиваются,– вспоминал один из участников декабрьских боев,– так и смотришь: окон много, а из которого в тебя пальнут – не знаешь... Другой раз покажется – и скомандуешь стрелять и лупишь в дом, а там, может, и ни одного дружинника-то нет... На войне ничего подобного люди не испытывают»[44]. В те дни, появляясь на улицах, военные патрули сначала подолгу стреляли по всем кажущимся подозрительными предметам и только потом рисковали продвигаться вперед. С наступлением темноты город вымирал, многие москвичи предпочитали вообще не выходить из домов и даже спали одетыми на случай, если придется срочно покинуть жилище при обстреле дома войсками.

Не меньший страх внушали жителям города и действия «красной сотни», проводившей массовый террор на улицах особенно в отношении полицейских. Лишь один такой пример: 12 декабря возле Горбатого моста на Пресне вооруженными дружинниками был задержан околоточный надзиратель Сахаров, труп которого спустя два дня обнаружили в Москве-реке. На теле полицейского судебные эксперты насчитали 19 огнестрельных ран – по всей очевидности, околоточного расстреливали все члены дружины. Подобным же образом был убит начальник московской сыскной полиции (уголовного розыска) А. И. Войлошников, в которого стреляли 11 раз[45].

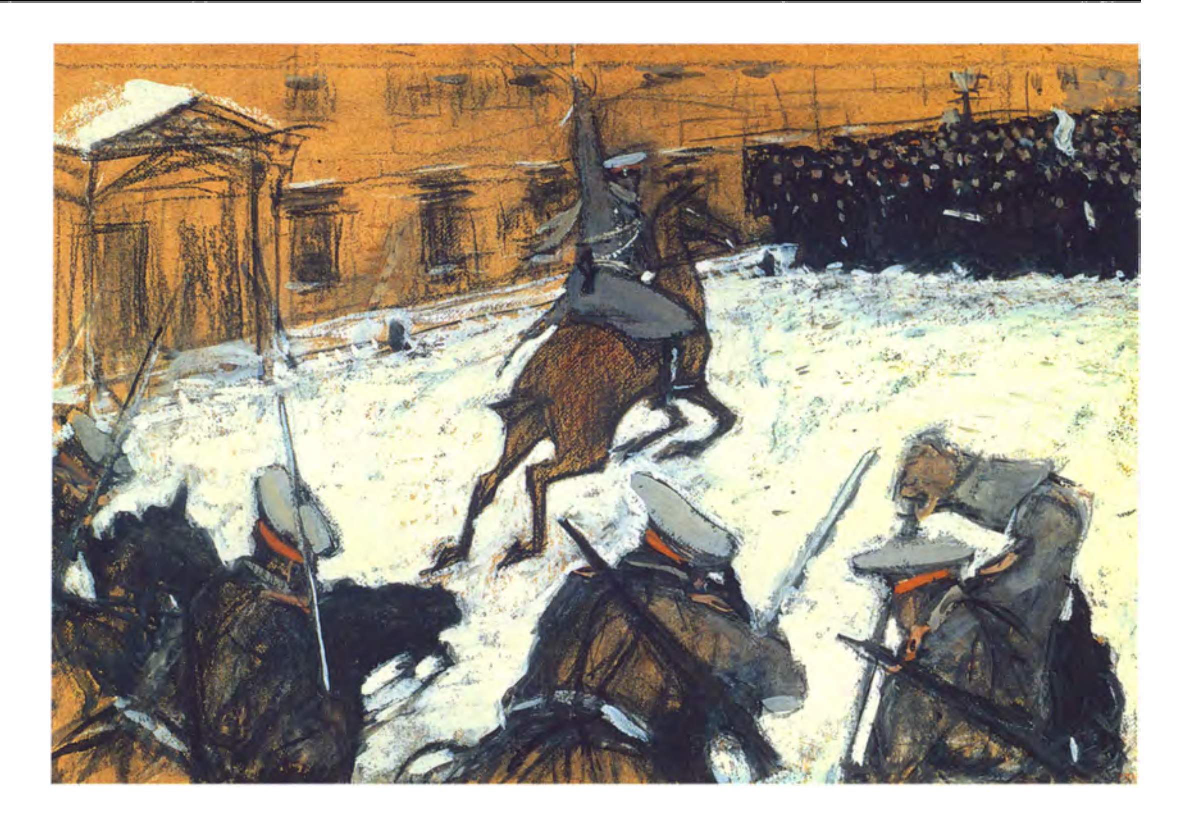
Восставшие контролировали все железнодорожные линии, кроме связывавшей

[43] *Горький М.* Собр. соч. Т.28. С.399–401.

[44] Цит. по: *Шацилло К.Ф.* Указ. соч. С.166.

[45] Высший подъем революции 1905–1907 гг. Ч.1. С.720.

«Солдатушки – бравы ребятушки». Художник В. Серов. 1905 г.



Москву с Петербургом. Именно по этой дороге в мятежный город были переброшены Семеновский и Ладожский полки, прибытие которых 15–16 декабря перевесило чашу весов в пользу правительства. В канун их переброски, 13 декабря, Москва по свидетельству очевидца представляла ужасающую картину: «Канонада не смолкает. Грохочут пушки, трещат пулеметы, в воздухе свистит шрапнель. Бой еще в полном разгаре. В бою пали уже сотни, а может быть, и тысячи жертв, по всем улицам валяются трупы, переполнены все мертвецкие и больницы... Быстро редеющие ряды революционеров, расстреливаемых буквально как птицы, ежеминутно пополняются новыми и новыми силами. Боевая дружина превратилась в какую-то многоголовую гидру: вместо каждой отрубленной головы у нее вырастают две новые. Четыре дня уже по всем центральным улицам идет почти беспрерывная ожесточенная резня, каждый час выбрасываются сотни жертв; однако сейчас у революции едва ли не больше народа, чем было четыре дня назад. Замечательное мужество обнаруживают, между прочим, женщины. Простые женщины – жены рабочих – работают на баррикадах наравне с мужчинами. Они неутомимы; они тоже подпиливают деревья, сокрушают телеграфные столбы, громят киоски, разбивают конночные вагоны, строят баррикады, заграждения, защищают их и стоят против пушек и пулеметов. Канонада гремит по всей центральной части города»[46].

Получив подкрепление из Петербурга, Дубасов перешел в решительное наступление. «Семеновцам» и «ладожцам» удалось расчленить восставших и поодиночке загасить очаги вооруженного сопротивления. В ходе боев была сожжена типография И. Д. Сытина, в которой печатались «Известия рабочего совета». Дольше других держалась Пресня – фабричный район вокруг знаменитой Прохоровской Трехгорной мануфактуры, где концентрировались главные силы московских дружинников. Войска применяли массированные артиллерийские удары, чтобы «выкурить» дружинников из занимаемых теми зданий. Жаркий бой разгорелся при штурме баррикад, перекрывавших солдатам путь к Пресне. Нередко в рукопашной схватке револьвер дружинника встречался с солдатским штыком.

При штурме Пресни было сожжено несколько зданий, в том числе мебельная фабрика Н. П. Шмита, хозяин которой, будучи сам революционером, организовал на своем предприятии многочисленную дружину. Шмидт был в те дни арестован, а впоследствии убит полицейскими в тюрьме. Сильно пострадала и Трехгорная мануфактура, ее хозяин Н. И. Прохоров заявил, что не сочувствует действиям своих рабочих, но все же не покинет их в драматический момент. «Против фабрик Прохорова и Шмита,– доносили градоначальнику,– действует артиллерия. Обстреливают владение, потом продвигают часть цепью. Из окон масса выстрелов, нельзя ничего понять, приходится по одному обстреливать дома»[47]. К вечеру 17 декабря Пресня была занята войсками. Командир Семе-

[46] Высший подъем революции 1905–1907 гг. Ч. 1. С. 703.

[47] *Лескова Л.И., Коган Э.С.* Дежурные дневники московского градоначальства 25 сентября 1905–12 января 1906 г. // Материалы по истории революции 1905–1907 гг. М., 1967. С. 135.

новского полка Г. А. Мин жестоко расправился с «бунтовщиками». На месте были расстреляны несколько задержанных с оружием в руках или просто по подозрению в участии в бою на стороне дружинников.

Обстановку террора, воцарившегося с победой правительственных войск, характеризует такой эпизод: сторож Прохоровской фабрики донес Мину, что зачинщиком беспорядков у них был некий Иван Афанасьев. Мин публично объявил денежное вознаграждение 500 руб. тому, кто укажет среди задержанных Афанасьева. Доброволец такой отыскался, и Афанасьев был убит тут же во дворе фабрики, а верноподданный доносчик получил обещанную награду. Многим участникам октябрьских боев удалось все же вовремя скрыться с Пресни и спасти свою жизнь. Еще до трагической развязки состоялось заседание штаба восстания, на котором было принято решение прекратить вооруженную борьбу. «Мятеж кончается,– сообщал по этому поводу Дубасов,– волею мятежников, а к истреблению последних упущен случай».

Погибших участников восстания и просто случайных жертв тем не менее оказалось немало – только официально зарегистрированных 1100 человек, из них 66 детей, в то время как полиция и войска потеряли убитыми менее ста человек[48]. Во вновь начавших выходить газетах появились экстренные сообщения с пресненского «фронта»: «Баррикады расчищены, прохоровские революционеры сдаются партия за партией... Горсть отчаянных революционеров, засев в подвалах, продолжает оказывать сопротивление, хотя революционный комитет распорядился о прекращении стрельбы... Фабричные постройки окружены войсками, прохожих обыскивают. Число потерпевших пока не определено. Находят обгоревшие трупы у стен»[49]. Над зданием взятой штурмом Трехгорки, как над завоеванной крепостью, были водружены белый и национальный трехцветный флаги. На улицах и предприятиях Москвы полиция проводила массовые облавы и обыски, по самому малейшему поводу («за подозрительно длинные волосы», «за красный платок в кармане») студентов и мастеровых тащили в полицейский участок или расстреливали на месте. Возле Горбатого моста на Пресне несколько дней лежали неубранными трупы расстрелянных рабочих и студентов.

В результате декабрьских боев городу и его обитателям был нанесен громадный ущерб. Специально образованная при канцелярии генерал-губернатора комиссия занималась приемом прошений «о возмещении понесенных во время мятежа убытков». Сохранившийся в архиве отчет этой комиссии дает некоторое представление о той цене, что заплатили москвичи в декабре 1905 г. По заявлениям домовладельцев, ущерб от действия артиллерии и возникших вследствие этого пожаров исчислялся в 2,5 млн. рублей. В числе прочих соответствующее прошение подал и Н. П. Шмит, находившийся под арестом, а также хозяин сгоревшей типографии И. Д. Сытин. Им, однако, в компенсации отказали из-за «потворства» мятежникам (Сытину инкриминировалось то, что в его типографии с молчаливого согласия владельца печатались «Известия Московского Совета рабочих депутатов»).

Владельцы торгово-промышленных заведений заявили об убытках от действий войск в размере 734 тыс. рублей. Ущерб государственных и общественных учреждений исчислялся в 65 тыс. рублей. В особенности пострадал находившийся

[48] Москва в декабре 1905 года. М., 1925. С. 189, 190.

[49] Высший подъем революции 1905–1907 гг. Ч. 1. С.712.

Разрушенные дома на Пресне после артиллерийского обстрела. Декабрь 1905 г.

Демонстрация в октябре 1910 г. в связи с похоронами председателя I Государственной думы С.А. Муромцева

близ Пресни московский Зоологический сад, где в декабрьские дни артиллерией разгромлены были ихтиологическая лаборатория и аквариум. Наконец, частные лица просили возместить утраченное движимое имущество на сумму 40 тыс. рублей. Всего, таким образом, «умиротворение» Москвы обошлось в 3,3 млн. руб. ущерба только от действия правительственных войск. Эту сумму следует по меньшей мере удвоить, если принять во внимание убытки, причиненные городскому хозяйству действиями революционных дружин (массовый снос телеграфных столбов для строительства баррикад, использование в тех же целях вагонов городской конной железной дороги и т.д.). Царское правительство, однако, выделило всего около 100 тыс. руб., которые пошли на благотворительную помощь семьям погибших при подавлении восстания полицейских и армейских чинов. Всем же остальным заявителям компенсации за ущерб вообще не были выплачены[50].

Декабрьские бои в Москве поставили всю Россию перед бездной гражданской войны, и революция, о которой мечтало не одно поколение демократической интеллигенции, обернулась таким насилием и кровью, что ее адепты в конце концов остались в общественной изоляции. В разгар вооруженного восстания центристско-либеральные партии выступили с единодушным протестом против разрушительной деятельности революционеров, обвинив их во «лжи и обмане народа» и в подготовке «убийств, грабежей и пожаров по всей России»[51]. Даже часть наиболее умеренных социал-демократов в лице меньшевиков осудила экстремизм своих товарищей по партии, устами Г. В. Плеханова заявив, что не надо было браться за оружие. Со стороны же большевиков московские участники восстания подверглись критике, напротив, за недостаточную решимость и неумение довести начатое дело до победы...

Сами лидеры восстания высоко оценивали накопленный опыт, столь пригодившийся во время уличных боев в октябре 1917 г., хотя осознавали, что в декабре 1905 г. шансов на успех практически не было. «Не начни мы восстания тогда,– как бы оправдывался годы спустя М. И. Васильев-Южин,– мы бы не имели его вовсе. В Москве были бы проведены такие же аресты, как и в Петербурге, мы были бы разбиты без боя, без всякого сопротивления»[52]. Как бы то ни было, достигнув апогея в Москве, революционная волна отхлынула, чтобы вернуться через 12 лет, когда под ее ударами рухнуло российское самодержавие.

3. ОТ ДЕКАБРЯ К ФЕВРАЛЮ, ОТ ВОЙНЫ К РЕВОЛЮЦИИ

После трагических событий декабря 1905 г. и вплоть до Февральской революции 1917 г. общественно-политическая жизнь Москвы напоминала античный театр, на авансцене которого выступали герои-либералы, но основным действующим лицом являлся многотысячный хор рабочих, чаще безмолвный, но порой решительно выступавший на

[50] ЦИАМ. Ф.16. Оп.139. Д.174. Т.10. Л.52–55.

[51] *Черменский Е.Д.* Указ. соч. С.210.

[52] *Васильев-Южин М.И.* Указ. соч. С.75.

передний план. Настроения в среде либералов во многом определяли воспоминания о 1905 г., опасения возврата революционной волны, слепой и беспощадной. Недаром иносказательно революционная стихия именовалась ими «Ахеронтом» – античной рекой мертвых, откуда нет возврата.

Характернейшей приметой межреволюционного двенадцатилетия стала крайняя политизация общественной жизни. Достаточно сказать, что даже в Городской думе оформились две политические фракции – «прогрессивных» гласных (кадеты) и «умеренных» (октябристы). Разнились они по степени оппозиционности или, напротив, лояльности к установившемуся режиму власти, олицетворением которого служила фигура премьер-министра П. А. Столыпина.

На выборах в III Государственную думу в 1907 г. от Москвы прошли по два кандидата от кадетов и октябристов. Однако в ходе избирательной кампании 1912 г. по выборам в IV Думу кадеты взяли верх над своими «умеренными» конкурентами – «Партия народной свободы» заручилась поддержкой 64,6% избирателей, тогда как октябристы собрали всего 7,7% голосов, а монархисты и того меньше – 4,6%. На прошлых же выборах в III Думу кадеты располагали 58% голосов, октябристы – 26% и монархисты – 6,8%. Заметно явное «полевение» московского избирателя, особенно ощутимое в цифре голосов, отданных за кандидатов социал-демократической партии: если в 1907 г. им удалось собрать всего 7,1% голосов, то в 1912 г.– уже 21,6%[53]. Рабочая революционная партия вышла, таким образом, на второе место в Москве после кадетов, олицетворявших либеральную оппозицию режиму.

Накануне мировой войны на политическом горизонте Москвы обрисовалась и «третья сила» – партия прогрессистов, созданная московскими предпринимателями (П. П. Рябушинский, А. И. Коновалов) в союзе с либеральной интеллигенцией (П. Б. Струве). Оформившееся в самостоятельную партию в 1912 г., это объединение ставило задачу отстаивания демократических основ общественной жизни перед лицом правительственной реакции. Желая стать левее октябристов, которых обвиняли в подобострастии к «петербургским канцеляриям», прогрессисты в то же время не смыкались с кадетами, которых подозревали в «заигрывании» с революцией. Усилиями А. И. Коновалова, депутата IV Государственной думы, прогрессисты пытались создать единый антиправительственный политический блок широкого спектра, вплоть до революционных партий. Однако до первой мировой войны «третьей силе» не удалось сколько-нибудь заметно повлиять на расстановку политических сил.

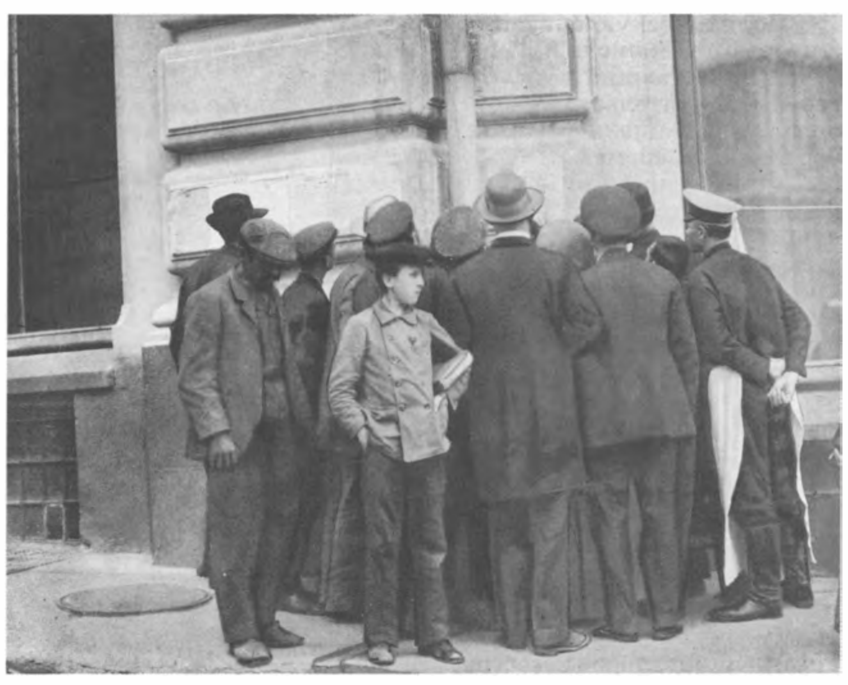
Политическую ситуацию в России в целом, в том числе и в Москве, определял нараставший конфликт трех лагерей – правительственного, либерального и революционного, причем каждый боролся одновременно с двумя остальными противниками. Либералы не сумели заручиться поддержкой революционеров, мало того – в их собственном стане отсутствовала консолидация, в то время как социал-демократы после Пражской конференции 1912 г., окончательно размежевавшись с меньшевистским крылом, объединились на платформе В. И. Ленина. Правительственный же лагерь находился в глубоком кризисе – после смерти П. А. Столыпина там явно не хватало политической мудрости, чтобы снизить накал социального конфликта в стране.

В Москве общественное недовольство открыто проявилось на похоронах умершего в 1910 г. председателя I Государственной думы С. А. Муромцева, одного из инициаторов известного Выборгского воззвания, принятого депутатами I Думы в связи с ее роспуском в 1906 г. За участие в этом акте протеста председатель I Думы был осужден на три месяца тюрьмы, затем вплоть до кончины преподавал в московском Народном университете им. А. Л. Шанявского. Похороны оппозиционного либерала обернулись политической демонстрацией против произвола самодержавия, в которой приняло участие более 150 тыс. человек.

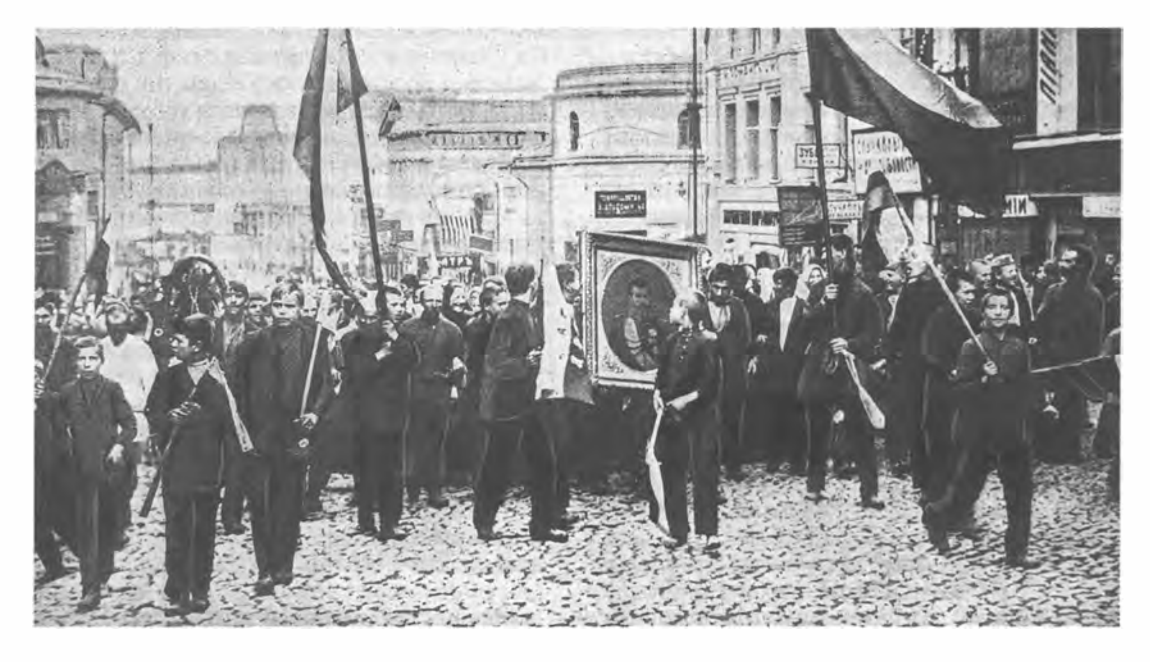
«Новый революционный подъем», о котором охотно писала советская историография как о свидетельстве фатального назревания революции, в значительной мере был спровоцирован самими властями. Подобно французским Бурбонам, которые, по выражению Талейрана, «ничего не забыли и ничему не научились», российские правители и после 1905 г. совершали те же преступные деяния, которые привели к первой революции. Началом революционного взрыва стало «кровавое воскресенье» в Петербурге 9 января. В 1912 г. очередной расстрел рабочих, требовавших улучшения своего положения, на этот раз в Сибири, на Ленских золотых приисках, поднял громадную стачечную волну по всей стране. Протестуя против подобных методов «умиротворения», в Москве бросили работу более 100 тыс. человек. Примечательно, что некоторые либеральные московские промышленники оплатили своим рабочим эти «прогульные» дни, тем самым присоединившись к демонстрации против властей, фактически подталкивавших страну к революции.

То спадая, то вновь захлестывая московские фабрики, стачечная волна бушевала в городе вплоть до начала мировой войны. Апогеем стали события начала июля 1914 г., когда новая дикая выходка самодержавного режима – расстрел

[53] Статистический ежегодник г. Москвы. Вып.4. 1911–1913 гг. М., 1916. С.250, 262–265.



Чтение приказа о мобилизации. Июль 1914 г.



Патриотическая манифестация на Тверской. 1914 г.

рабочих демонстраций в Петербурге и Баку – подняла московских рабочих на стачки протеста. В ответ, как и в 1905 г., Москва и Московская губерния были объявлены на положении усиленной охраны. Лишь драматические перипетии на международной арене, приведшие к войне России против Германии и Австро-Венгрии, притупили разгоравшийся вооруженный конфликт.

«В грозный час испытания,– говорилось в манифесте Николая II о начале войны,– да будут забыты внутренние распри. Да укрепится еще теснее единение Царя с Его народом и да отразит Россия, поднявшись, как один человек, дерзкий натиск врага». Той же идеей единства народных сил перед внешней опасностью

была проникнута резолюция Московской городской думы, выразившей уверенность, что «русские граждане, полные глубокого и спокойного сознания долга перед прошлым и будущим страны, сомкнут свои ряды и единодушно станут на защиту родины»[54].

По улицам города потянулись колонны мобилизованных, на площадях проходили патриотические манифестации, в храмах совершались молебствия о даровании победы православному воинству. Однако после эйфории первых месяцев было очевидно, что война не принесла внутреннего мира. Напротив, она сама стала революционизирующим фактором, ибо тяготы военного времени легли прежде всего на плечи народа, а неудачи на фронте дискредитировали власть и подстегивали оппозиционные настроения в либеральной среде.

Одним из первых последствий войны явилось стремительное увеличение населения города за счет прежде всего беженцев и эвакуированных с театра военных действий. Поток беженцев особенно усилился весной – летом 1915 г., в период поражений русской армии. В день на станциях московского железнодорожного узла разгружалось до 450 вагонов с эвакуированными. За год, с середины 1915 г. до середины 1916 г., через Москву проследовало 443 тыс. эвакуированных, из них 170 тыс. осело в городе. Если в 1912 г. население Москвы составляло 1617,7 тыс. человек, то в 1915 г.– 1983,7 тыс., а к февралю 1917 г.– 2017,2 тыс. человек. И это несмотря на массовую мобилизацию москвичей в действующую армию.

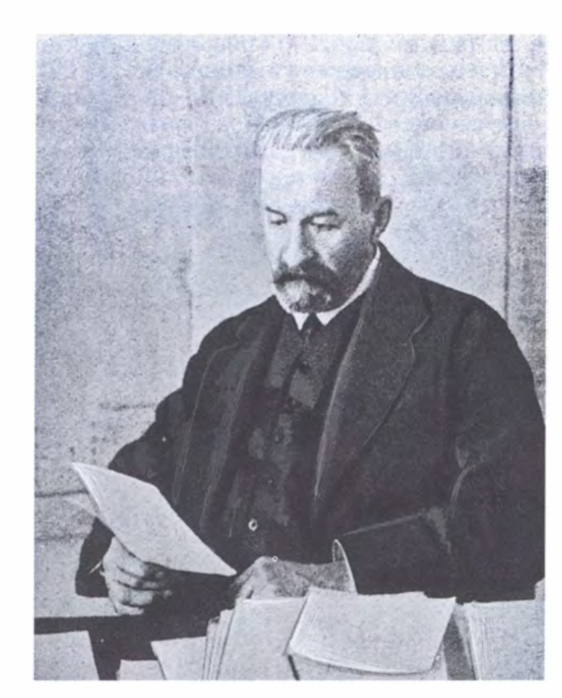
Значение Москвы как промышленного центра в годы войны не уменьшилось, а возросло – среднее число рабочих

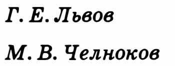
[54] Цит. по: Московская городская дума. 1913–1916. М., 1916. С.40.

города со 155,2 тыс. в 1914 г. выросло до 197 тыс. в 1916 г., в город переместилось множество промышленных предприятий из Польши и Прибалтики; стоимость валовой промышленной продукции города увеличилась с 556,9 до 656,1 тыс. рублей[55]. В структуре промышленного производства под влиянием войны происходили существенные изменения: основная отрасль – текстильная промышленность переориентировалась целиком на отечественное сырье (главным образом среднеазиатский хлопок), но ввиду его нехватки сократила объем производства, удовлетворяя прежде всего потребности армии в обмундировании. Все более заметное место занимали химическая и металлообрабатывающая промышленности, полностью перешедшие на производство вооружения и боеприпасов. Для мобилизации частной промышленности на нужды войны предпринимателями во главе с П. П. Рябушинским в 1915 г. был создан Московский военно-промышленный комитет, получивший к 1916 г. правительственных заказов на сумму более 160 млн. рублей[56].

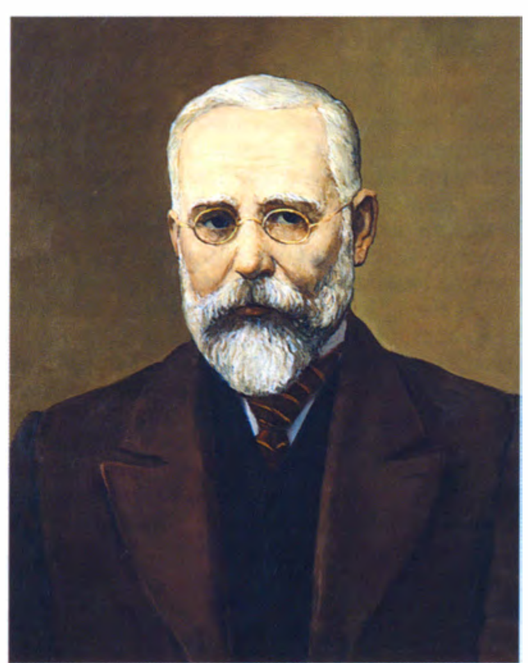
В начальный период войны Москва стала инициатором организации и других общественных объединений всероссийского масштаба – Земского и Городского союзов, задуманных либералами как дополнение и отчасти альтернатива правительственным учреждениям, не справлявшимся с огромными военными потребностями. Земский союз возглавил известный общественный деятель князь Г. Е. Львов, избранный в 1914 г. московским городским головой, но не утвержденный в этой должности Петербургом. После Февральской революции Львов стал первым премьером Временного правительства. Городским союзом заведовал московский городской голова в 1914–1917 гг. М. В. Челноков. Союзы немало сделали для снабжения армии обозным снаряжением, а главное – наладили врачебную помощь десяткам тысяч раненых, привозимых с театра военных действий на лечение в Москву. К середине 1916 г. в городе действовало свыше тысячи госпиталей с числом больничных коек около 100 тыс., содержание которых обеспечивалось за счет казенных субсидий, городских средств и частных пожертвований. Умерших от ран хоронили на вновь открытом кладбище близ села Всехсвятское. В годы советской власти Братское кладбище было ликвидировано, а на его месте построен жилой микрорайон «Сокол».

Московская городская дума, объединенный блок Земского и Городского союзов (Земгор), Военно-промышленный комитет являлись в то же время влиятельными политическими организациями либеральной общественности, поддерживавшими требование «министерства доверия», летом 1915 г. выдвинутое думским «Прогрессивным блоком» и объединившее значительную часть депутатов Государственной думы. На всю Россию прозвучало постановление Московской городской думы, принятое 18 августа 1915 г.: «Основой достижения победы является единение народного представительства со страной. Москва убеждена, что Государственная дума сумеет в этот час испытаний выразить истинное настроение страны, в нравственной поддержке которой Дума только и почерпнет силы для исполнения до конца лежащих на ней обязанностей. Стоящая ныне перед страной ответственная задача требует создания правительства, сильного доверием общества и единодушного. Во





Г. Е. Львов



М. В. Челноков

[55] Статистический ежегодник г. Москвы и Московской губернии. Вып.2. Статистические данные по г. Москве за 1914–1925 гг. М., 1927. С.9, 12, 171, 172.

[56] Московский военно-промышленный комитет. М., 1917. С.4.

Продажа дров на вес. 1916 г.

главе его должно быть поставлено лицо, которому верит страна»[57]. Однако «петиционная атака» либералов на правительство не удалась – Николай II, принявший в те дни пост главнокомандующего армией, распустил Государственную думу, отвергнув притязания оппозиционеров на власть. Московская газета «Русские ведомости», известная своим либеральным направлением, в августе 1915 г. опубликовала статью-памфлет видного адвоката и деятеля кадетской партии В. А. Маклакова, в которой отечественные оппозиционеры аллегорически сравнивались с пассажирами авто, управляемого на опасной горной дороге невменяемым шофером. Что делать – попытаться вырвать руль, рискуя свалиться в пропасть? Но в машине вместе с вами ваша мать (имелась в виду Россия), которую нельзя подвергать опасности. Автор предлагал дождаться, пока автомобиль не спустится в безопасную долину (то есть подождать окончания войны), и уж там свести счеты с «безумным шофером» – правительством.

Немало осложнений внесла война в жизнь простых горожан. С ноября 1914 г., в соответствии с указом Николая II о запрете на время войны продажи спиртных напитков, в Москве был установлен режим «народной трезвости», с пониманием воспринятый населением. Осенью 1915 г. в городе начались перебои с продовольствием – забитые военными грузами, железные дороги не справлялись с доставкой мирных эшелонов. На станциях московского узла образовалась гигантская пробка из 10 тыс. неразгруженных вагонов. С начала войны были введены твердые цены на основные предметы потребления, но из-за дефицита продовольствия реальные рыночные цены поползли вверх. Килограмм говядины, стоивший в 1913 г. 46 коп., в 1915 г. обходился уже в 55 коп., цена литра молока поднялась с 11 до 15 коп., килограмма ржаной муки – с 6 до 11 коп. и т.д.[58]

Увеличилась и заработная плата рабочих, особенно занятых на военном производстве. Прибавка составила от 7 до 10 руб. в месяц, но ее динамика отставала от роста цен. Кроме того, в 1914–1915 гг. были повышены косвенные налоги на основные предметы народного потребления – чай, сахар, спички, махорку, что также снижало уровень жизни основной массы населения. Из-за перебоев на железных дорогах сократился и подвоз минерального топлива, в особенности донецкого угля. Жители и даже промышленные предприятия вынуждены были все чаще прибегать к древесному топливу.

Стихийное недовольство городских низов с весны 1915 г. находило уродливое проявление в разгроме продовольственных магазинов и лавок. Своего апогея оно достигло в ходе «немецкого погрома», потрясшего Москву в мае того же года. В течение двух дней толпа с хоругвями и царскими портретами при попустительстве властей громила магазины и склады, владельцы которых носили «немецкие» фамилии. В результате от погромщиков пострадало множество заведений, хозяевами которых были французы, чехи, евреи с «немецкозвучащими» фамилиями. Толпа разграбила 475 торгово-промышленных предприя-

[57] Цит. по: Московская городская дума. 1913–1916. С.71.

[58] Статистический ежегодник г. Москвы и Московской губернии. Вып. 2. С.230.

тий и 217 квартир, в числе пострадавших значились 113 германских и австро-венгерских подданных, 489 русских подданных с иностранными именами и даже 90 человек с чисто русскими фамилиями, ограбленных под шумок[59].

В сентябре 1915 г. московские рабочие провели трехдневную забастовку в знак протеста против роспуска Государственной думы, значительный размах приобрела стачка московских трамвайщиков, в ходе которой произошли столкновения с полицией.

К середине 1916 г. цены на продукты питания даже по сравнению с 1915 г. взлетели на небывалую для Москвы высоту: мучные продукты вздорожали на 20%, овощи – на 63%, молоко и яйца – на 74%, мясо – на 90% и т.д. Среднегодовое жалованье московского рабочего выросло в 1916 г. до 602 руб. (в 1913 г.– 337 руб.), но и его не хватало для пропитания семьи. Осенью 1916 г. начальник Московского охранного отделения доносил в Петроград: «Продовольственные затруднения и совершенно невероятная дороговизна доводят напряжение до степени, когда определения «острое раздражение», «крайняя озлобленность», «возмущение» и т.д. являются довольно слабым отражением действительности. Можно с уверенностью сказать, что подобного раздражения и озлобления масс мы еще не знали»[60]. В 1916 г. Городская дума обсуждала вопрос о необходимости введения продовольственных карточек, правда, так и не появившихся до октября 1917 г. Не менее остро стоял вопрос о топливе, нехватка которого вела к остановке работы промышленных предприятий и к перебоям в трамвайном движении.

Бедствия военного времени все чаще воскрешали в памяти московских рабочих события 1905 г. Недаром 9 января 1917 г., в годовщину «кровавого воскресенья», по Москве прокатилась волна стачек, а на Тверском бульваре состоялась манифестация, в которой приняли участие 2 тыс. рабочих и студентов. Демонстрация под лозунгами «Долой войну!», «Долой самодержавие!» была разогнана конной полицией. Это самое крупное за годы войны политическое выступление показало, что на московском горизонте вновь замаячил призрак революции.

4. «ДНИ СВОБОДЫ»: ВЫБОР МОСКВИЧЕЙ

Если в 1905 г. Москве суждено было стать эпицентром революционного движения в стране, то основные события второй русской революции происходили в Петербурге, с началом мировой войны переименованном в Петроград. Северная столица дала на этот раз толчок, от которого рассыпалась Российская империя. Причем как в Петрограде, так и в Москве и в других городах страны Февральская революция победила без значительного кровопролития – свидетельство как слабости абсолютистского режима, так и стихийной мощи массового антиправительственного движения, многократно усиленного бедствиями первой мировой войны.

Современник-москвич в дни февральско-мартовских событий видел удивительную, в корне отличную от 1905 г. картину: как и в то памятное время, «по-прежнему всюду развеваются красные флаги и красные банты... Но войска не расстреливают уже полевыми орудиями

[59] Московская городская дума. 1913–1916. С.86.

[60] Цит. по: История Москвы. T.V. C.331.

1916 год. Художник Б. Рыбченков. 1957 г.

Император Николай II

Пресню, уже не трещат пулеметы: солдат и рабочий, студент и офицер – они вместе на улице...»[61] Живший в ту пору в Москве Константин Бальмонт 1 марта 1917 г., когда обозначилась победа революционных сил, написал стихотворение, опубликованное в газете «Утро России». В нем нашла выражение охватившая российское общество революционная эйфория:

А если есть еще оплот,
Где мощь тюремная туга,
Рука с рукою – на врага,
В нас воля действия поет.
Вперед, душа! И меч – вперед!

Между тем еще за неделю до 1 марта, дня, когда Николай II подписал акт об отречении от престола, никто в России и предположить не мог, что страна стоит на пороге революции, хотя атмосфера в обществе все более электризовалась. «За последние месяцы перед революцией,– вспоминал видный деятель Московской городской думы кадет Н. М. Кишкин,– все чувствовали, что так жить нельзя, что над всеми нами висит что-то, что должно разразиться... Как произойдет это – никто не знал, но ощущение необходимости большой сплоченности было в Москве все время». Ему вторил в своих мемуарах и московский большевик Б. М. Волин, заметивший, что «для многих это событие оказалось неожиданным. Казалось, что никакой предварительной подготовки не было, что не было никаких серьезных организаций у рабочего класса»[62]. Действительно, на московских фабриках имелись раздельные социал-демократические организации – группы, но единого общегородского центра не существовало. 13–14 февраля по случаю открытия очередной сессии Государственной думы московские рабочие провели ряд митингов и забастовок под лозунгом «Долой монархию!», однако трудно было себе представить, что это дежурное требование социал-демократов осуществится спустя всего две недели.

О событиях в Петрограде, начавшихся 23 февраля демонстрацией женщин, в Москве стало известно лишь несколько дней спустя. По распоряжению командующего Московским военным округом генерала И. И. Мрозовского газетам запрещалось писать о забастовках и шествиях в северной столице, предписывалось информировать читателя лишь о ходе думских прений. Телефонная же связь с Петроградом на несколько дней была прервана. «Город Петра,– писал очевидец тех дней в Москве,– задрожал под гулом мощных ударов, и весть об этом прилетела в потрясенную Москву 27 февраля. Глухо заволновалась Москва... Уже всем известно, что революция катится по линии Николаевской железной дороги, что к утру она должна добраться до Москвы»[63].

Ввиду надвигавшихся событий вечером в здании Московской городской думы на Воскресенской площади возникла первая общемосковская революционная организация – Временный революционный комитет рабочих и других демократических организаций, ядро которого составили социал-демократы и эсеры при участии либеральной общественности (кадетов). Городской голова М. В. Челноков попытался выдворить самолично возникшую организацию из здания Думы, но происшедшие вскоре события показали, что прежним официальным учреждениям придется мириться с появлением властных органов, олицетворявших революционную стихию. Утром 28 февраля к зданию Думы подошли толпы москвичей, прежде всего рабочих, и опиравшийся на их поддержку революцион-

[61] Утро России. 1917. 3 марта.

[62] Цит. по: *Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция. Москва. Фронт. Периферия. М., 1971. С.9, 10.

[63] *Вознесенский А.Н.* Москва в 1917 году. М., 1928. С.1.

ный комитет объявил себя «организатором движения за освобождение России для передачи власти народу» и призвал выбирать, по примеру 1905 г., депутатов в Совет рабочих депутатов, который собрался уже 1 марта.

28 февраля стало первым днем революции в Москве. «Революция в этот день уже вышла на улицу. Вышла еще слабая, еще не чувствующая себя господином положения, еще не верившая в свои силы»[64]. В городе началась всеобщая забастовка, прошли многочисленные демонстрации. Центром притяжения людских масс явилась Городская дума – выборный муниципальный орган. Ни генерал-губернатор, ни градоначальник, символизировавшие полицейский режим монархии Романовых, не могли стать зародышами новой власти. Дума олицетворяла преемственность, будучи в то же время способна, по образцу Государственной думы в Петрограде, перенять властные функции у старого режима.

По составу гласных, избранных в конце 1916 г., Московская дума была кадетской, представители этой партии получили 149 из 160 депутатских мест. Результаты выборов, правда, не были утверждены верховной властью. Поэтому при получении будораживших известий об уличных выступлениях в Петрограде в Думе собрались гласные как прежнего, так и нового состава. Ими при участии представителей Земского и Городского союзов, организаций промышленников и рабочих, кооперативов и др. 1 марта 1917 г. под председательством Н. М. Кишкина был образован Комитет общественных организаций, который призван был стать полновластным местным органом. В него вошли представители трех основных групп населения столицы – цензовой, наиболее обеспеченной, демократической (кооперативные организации) и рабочей. Задачей Комитета являлось «объединить всю власть над городом Москвой в руках Временного исполнительного комитета общественных организаций, который должен явиться представителем Временного правительства и руководителем всей организационной и исполнительной работы в Москве»[65]. Так оформилось двоевластие в городе в лице Совета рабочих депутатов и Комитета общественных организаций. Конфронтации между ними удалось избежать благодаря тому, что Совет, где преобладали эсеры и меньшевики, признал Комитет полномочным органом власти и послал туда 20 своих представителей.

Даже наиболее радикально настроенные в революционном лагере большевики признавали, что объективно Совет не мог обойтись без содействия городского самоуправления. «Те товарищи,– писал позднее один из лидеров московских большевиков П. Г. Смидович,– которые были тогда в этом хаосе событий, знают, что революция разразилась внезапно, что в февральско-мартовские дни 1917 г. наши организации не были подготовлены к тому, чтобы взять власть в свои руки»[66]. Компромисс с либеральной общественностью способствовал скорейшей победе революции, в которой все политические силы в едином строю выступили против самодержавия. В отличие от 1905 г. на стороне власти не оказалось общественных сил, способных повлиять на развитие событий в благоприятном для абсолютизма направлении, подобно тому, как сделали это в первой революции черносотенные организации. Теперь же революционно-демократические настроения решительно возобладали в среде москвичей и режим царской власти был обречен.

Царская администрация ничего не смогла противопоставить стихийному напору улицы. 28 февраля толпы демонстрантов с окраин направились к центру, к Городской думе. На пути следования колонн, в том числе на Большом

[64] *Вознесенский А.Н.* Москва в 1917 году. С.2.

[65] Цит. по: *Грунт А.Я.* Москва. 1917-й. Революция и контрреволюция. М., 1976. С.52.

[66] Цит. по: *Бурджалов Э.Н.* Указ. соч. С.39.

27 февраля 1917 г. Художник Б. Кустодиев. 1917 г.

[67] 1917 год в Москве. М., 1957. С.34.

[68] *Горшков И.В.* Мои воспоминания о Февральской и Октябрьской революциях 1917 года в Рогожско-Симоновском районе. М., 1924. С.5.

[69] Известия Московской городской думы. 1917. Март – апрель. М., 1917. С.32, 33.

каменном мосту, у Александровского сада, стояли заслоны из казаков, регулярных войск и конной жандармерии, но применять оружие в массовом порядке они не решились, и толпа сметала преграды. В полдень центральные площади, от Манежной до Театральной, представляли собой сплошное море людей и красных флагов. С балкона здания Городской думы зачитывались последние телеграммы из Петрограда, нескончаемым потоком лились речи представителей Временного революционного комитета и Комитета общественных организаций. Вместе с рабочими на площадь вышли студенты с красными бантами и ленточками в петлицах, гимназисты, городская интеллигенция[67]. Движение все более увлекало солдатскую массу – 28 февраля во второй половине дня с Воскресенской площади толпа направилась «снимать» солдат в Спасских казармах в районе Сухаревской площади. На сторону революции переходили офицеры – и в этом был залог успеха революционной агитации в солдатской массе. У Спасских казарм, вспоминал участник событий, «солдаты жались друг к другу, не зная, что им делать… В результате долгой агитации удалось собрать часть из них, с винтовками и без винтовок, но идти они не хотели… Откуда-то появился офицер, скомандовал построиться и под своей командой повел нас»[68].

К вечеру того же дня на Воскресенской площади появились первые воинские части, перешедшие на сторону новой власти. Остановить их было невозможно: верные царскому правительству войска в Кремле и Манеже бездействовали. Генерал И. И. Мрозовский, не получавший никаких инструкций о дальнейших действиях, телеграфировал в Петроград: «Считаю необходимым немедленное правительственное сообщение о петроградских событиях… Дальнейшее умолчание грозит эксцессами». Призывы его остались без ответа – петроградский правительственный кабинет находился в параличе, реальная власть перешла к Государственной думе, избравшей из своего состава Временный комитет под председательством М. В. Родзянко.

Первый день Февральской революции в Москве. 28 февраля 1917 г.

1 марта И. И. Мрозовский объявил Москву на осадном положении с запрещением «всякого рода сходбищ, собраний и уличных демонстраций». Впрочем, с этим последним распоряжением старой администрации уже никто не считался. На слуху у москвичей были последние известия из Петрограда – Дума отказалась подчиниться царскому указу о роспуске, войска встали на ее сторону. По приказу Мрозовского к центру города были двинуты воинские части, но по почину офицеров они переходили на сторону революции. Более 40 тыс. солдат, практически весь Московский гарнизон, смяв городовых, подтянулся к Воскресенской площади, заявив о поддержке Городской думы. Командующим революционными частями по решению Комитета общественных организаций был назначен А. Е. Грузинов, бывший руководитель Московской губернской земской управы, хорошо известный в либеральных общественных кругах. Ему удалось без вооруженных столкновений побудить к сдаче войска в Кремле и Манеже, после чего победа революции в Москве оказалась обеспеченной. К вечеру 1 марта пришла телеграмма из Петрограда от М. В. Родзянко с подтверждением состоявшегося переворота: «Старого правительства не существует. Министр внутренних дел арестован. Власть временно принята Комитетом Государственной думы под моим председательством… Предложил Мрозовскому подчиниться, возложив всю ответственность за возможное кровопролитие на его голову»[69].

Вечером на Николаевском вокзале был арестован московский градоначальник В. Н. Шебеко и задержан на своей квартире И. И. Мрозовский. В ночь на 2 марта городской голова М. В. Челноков телеграфной депешей из Петрограда был назначен представителем новой власти – комиссаром Государственной думы по г. Москве. К утру 2 марта революция в Москве полностью победила, причем почти без жертв. У Яузовского моста помощник пристава застрелил рабочего Астахова (после чего разъяренная толпа сбросила полицейского в Яузу), а также в ходе перестрелки у Большого каменного моста погибли трое молодых солдат из автомобильной роты.

Обстановку первого утра свободы на улицах Москвы выразительно передал очевидец событий: «Утро после нервной, напряженной ночи, радостное утро революции. Революции победившей, рево-

люции бескровной. Улицы полны толпами народа, все пьяны революционным хмелем, все пьяны свободой. Группы вооруженных рабочих и студентов конвоируют полицию и жандармов в Думе. Все и вся тянется к Думе, где собрались вновь возникшие организации, где центр управления Москвой и центр связи с Петроградом. У прохожих красные розетки в петлицах; пьяные от счастья, радостные, довольные лица. Все так счастливы, что никто не помнит о войне. К чему она, когда свергнуто ярмо рабства?.. В Думе на лестницах лежат усталые солдаты. Грязь на ступенях, махорка ест глаза, коридоры полны народу. Ошалевшие от усталости студенты, рабочие, журналисты, врачи, юнкера, земские и городские деятели, адвокаты – все, кто охвачен лихорадкой свободы, все казались братьями»[70]. Партийно-политические разногласия проявились позднее, а пока на улицах города происходил подлинно революционный праздник.

Из тюрем на волю выпускались заключенные, главным образом политические (среди них покинул Бутырку будущий создатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский), но под шумок сбежало и немало уголовников. 2 марта по решению Комитета общественных организаций бывшая полиция была упразднена и заменена народной милицией, которая, не имея никакого опыта, не могла сразу справиться с охраной общественного порядка. 3 марта был совершен поджог здания Московского охранного отделения в Гнездниковском переулке, и в огне погибло множество документов о полицейских провокаторах, которые, надо полагать, и совершили этот акт под предлогом мести «проклятой полиции». Тогда же покончил с собой один из известнейших руководителей московской «охранки», создатель системы «полицейского социализма» С. В. Зубатов, не выдержавший крушения старого мира.

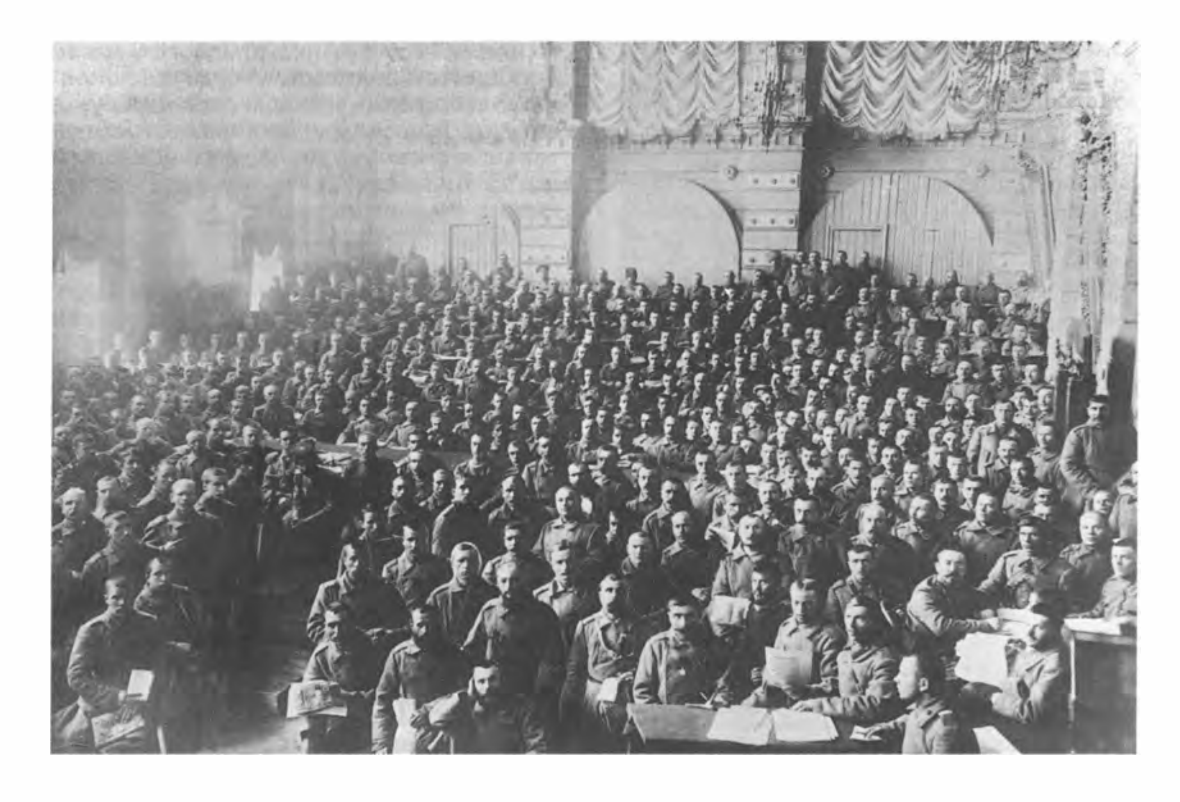
С восторгом была воспринята в Москве весть об отречении Николая II от престола и переходе всей власти в руки Временного правительства. Газеты вышли с аршинными заголовками: «Николай II отрекся от престола в пользу великого князя Михаила. Михаил отрекся в пользу народа. В Думе царит небывалое ликование!» Революционная Москва была польщена, что в состав первого кабинета Временного правительства оказались включены видные москвичи – председатель Всероссийского земского союза князь Г. Е. Львов, возглавивший правительство, лидер октябристской партии А. И. Гучков, ставший военным министром, бывший профессор Московского университета А. А. Мануйлов, фабрикант и либеральный политик А. И. Коновалов, обер-прокурор Святейшего Синода, выпускник Московского университета В. Н. Львов. «В разной степени, но все они,– писали в прессе,– выразители московской идеи. Земское, церковное, экономическое и научное строительство и созидание основ новой, свободной и достойной жизни,– разве не в Москве в творческих муках рождались они и разве не в Москве состоялось это собирание народного духа и народной энергии? Да, это наше торжество, торжество москвичей»[71]. Среди московских либералов крепло убеждение, что первопрестольной суждено сыграть решающую роль в новой России, что после связанного с романовской династией петербургского периода русской истории начинается новый – московский, республиканский и демократический.

[70] *Вознесенский А.Н.* Москва в 1917 году. С.10, 11.

[71] Утро России. 1917. 3 марта.

«Летучий отряд» по борьбе с полицией. 1917 г.

Царские гербы, сбитые с Большого Кремлевского дворца. Март 1917 г.



Первое заседание Московского Совета солдатских депутатов в здании Городской думы. 4 марта 1917 г.

«Дни свободы» завершились военным парадом 4 марта на Красной площади и похоронами жертв уличных столкновений. Смотром войск Московского гарнизона командовал А. Е. Грузинов, площадь была забита воинскими частями и пришедшими на парад москвичами. Центральным местом торжеств стал памятник К. М. Минину и Д. М. Пожарскому, который стоял тогда посредине площади у здания Верхних торговых рядов. Красная площадь предстала действительно красной из-за обилия алых знамен, лент, бантов на мундирах военных и одежде штатских лиц. Даже в протянутой руке князя Пожарского оказался красный флаг с надписью: «Утро свободы сияет светлым днем». Из Спасских ворот Кремля в торжественном облачении, с хоругвями и иконами проследовала процессия московского духовенства, сопровождаемая хором синодальных певчих. После торжественного богослужения, в конце которого по традиции всегда исполнялся гимн «Боже, царя храни», военный оркестр сыграл «Коль славен»... Полковник Грузинов произнес речь с призывом ввести жизнь в привычную колею, с аэроплана ему был сброшен букет тюльпанов с лентой – «Гражданину командующему». Церемониальным маршем прошли части Московского гарнизона. На зеленом знамени ополченческой бригады в надписи «За веру, царя и отечество» широкая красная полоса – яркий символ тех переломных для вековой истории России дней – закрыла слово «царя»[72].

Похороны погибших в революционные дни трех солдат – И. Самсонова, В. Мезикова и А. Урсо – превратились в грандиозную демонстрацию, которую современники могли сравнить только с похоронами Н. Э. Баумана в 1905 г. В траурной процессии участвовало более 70 тыс. москвичей, с воинскими почестями погибших похоронили на Братском кладбище, где покоились павшие в мировой войне. Церемония носила политический характер, над траурными колоннами были подняты транспаранты с требованием скорейшего созыва Учредительного собрания и провозглашения России демократической республикой.

Эйфория всеобщего братания, «праздник революции», как называли его современники, все более уступал место социальной конфронтации. В тот же день, когда на Красной площади проходили торжества по поводу победы народа, возник Совет солдатских депутатов по инициативе самих солдат и вопреки запрету военного командования. Ориентируясь на Совет рабочих депутатов, он противопоставлял солдат офицерам, воспринимаемым как «классово чуждые элементы». Попытка офицеров найти компромисс с солдатской массой, создать объединенную общеармейскую организацию не удалась. Тем самым положено было основание гибельному для армии противостоянию «нижних чинов» и офицерства.

Непрочен был и союз, заключенный между Советом рабочих депутатов и Комитетом общественных организаций. 4 марта деятели Совета отправили в адрес Временного правительства телеграмму: «Московский Совет рабочих депутатов приветствует Временное правитель-

[72] Русское слово. 1917. 5 марта.

ство и обещает ему поддержку рабочего класса, поскольку оно честно и немедленно приступит к созыву Учредительного собрания»[73]. Через месяц большевики устами В. И. Ленина призвали не оказывать «никакой поддержки» кабинету Г. Е. Львова. Однако семена такого поворота были посеяны уже в первые дни после свержения монархии. Пренебрежение к закону и склонность к насильственным действиям пронизывала деятельность вновь образованных леворадикальных органов власти.

Вскоре после того как Моссовет занял дом генерал-губернатора на Скобелевской площади, новой администрации понадобились помещения. «Как бывает всегда,– вспоминал один из организаторов народной милиции в Москве,– помимо действовавших старых учреждений и канцелярий революция создала массу новых»[74]. Совет постановил реквизировать для своих целей близлежащую гостиницу «Дрезден», а жильцов выселить с помощью милиции. Недовольные обитатели «Дрездена» подали в суд, который приостановил незаконное выселение. Однако лидеры Совета решение суда проигнорировали, открыв эпоху насильственного перемещения москвичей по усмотрению администрации.

...2 марта 1917 г. А. Е. Грузинов обратился с воззванием к населению древней столицы: «Дело сделано. Переворот совершен. Долг каждого вернуться к своей работе». С 6 марта вновь заработали фабрики и заводы, несмотря на призывы большевиков к продолжению забастовки для давления на новую власть. Тем не менее в обращении Совета рабочих депутатов по поводу прекращения стачки недвусмысленно говорилось, что революция еще не закончена: «Пробьет час, и Совет рабочих депутатов при первой же угрозе народному самодержавию с чьей бы то ни было стороны вновь призовет вас к всеобщей политической забастовке. Помните, товарищи, что сейчас не время покоя, а время упорного труда по сплочению рабочего класса»[75].

Через несколько дней этот класс воочию продемонстрировал, что на политическую арену вышла социальная сила, с которой должны считаться петроградские министры Временного правительства. 12 марта в Москве состоялась грандиозная демонстрация в поддержку требований Совета о созыве Учредительного собрания и установлении демократической республики. Около полумиллиона москвичей, главным образом рабочих и солдат без оружия, стекались с окраин города на Театральную площадь, выдвигая помимо основных лозунгов и требование ввести 8-часовой рабочий день. В общих колоннах шли офицеры во главе с самим Грузиновым и студенты, распевавшие «Марсельезу». По решению солдатских комитетов во время демонстрации не выставлялись прямые лозунги «Долой войну!», неуместные в стране, находившейся в состоянии войны. Зато в массах звучали требования демократического мира, аналогичные по своей сути[76].

Демонстрация 12 марта знаменовала окончание «праздника революции», за которым последовали суровые будни 1917 г., расколовшие российское общество и покончившие с демократическими завоеваниями Февраля. «В те дни,– писал один из большевистских деятелей Моссовета,– все находились в состоянии некоего революционного угара, всеобщего ликования. Классовые противоречия еще не успели обнажиться. «Клятвой времени» был для социалистов лозунг: «Учредительное собрание, демократическая республика»[77]. Однако уже и тогда, еще до Апрельских тезисов Ленина, все явственней обозначался основной конфликт постсамодержавной России – неимущих с имущими, рабочих с работодателями. От демонстрации Моссовет перешел к открытому наступлению, 18 марта издав постановление о введении 8-часового рабочего дня, что являлось непозволительной роскошью для ослабленной

[73] Цит. по: *Бурджалов Э.Н.* Указ. соч. С.65.

[74] *Вознесенский А.Н.* Указ. соч. С.41.

[75] Известия Совета рабочих депутатов. 1917. 8 марта.

[76] Утро России. 1917. 14 марта.

[77] *Ангарский Н.* Московский Совет в двух революциях. М.; Л., 1928. С.14.

Памятник А. С. Пушкину, украшенный красными флагами. Март 1917 г.

войной экономики страны. На предприятиях стали возникать фабрично-заводские комитеты, стремившиеся взять в свои руки нити управления производством. Одновременно нескончаемой чередой шли митинги и собрания, что останавливало работу на предприятиях. Только за март 1917 г. агитационно-пропагандистский отдел Моссовета провел 528 митингов в закрытых помещениях (не считая бесчисленных уличных), в которых участвовало 180 тыс. человек[78].

Под воздействием социалистических ораторов пролетарская масса все более радикализировалась, готовясь от требования уступок перейти к открытой борьбе за власть. С окончанием «дней свободы» Москва 1917 г. вступала в новый период своей истории, связанный с установлением большевистской диктатуры.

[78] *Грунт А.Я.* Указ. соч. С.113.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ОТ ГРАЖДАНСКОЙ ДО ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

IV

ПОТРЯСЕНИЕ ОСНОВ (1917–1920)

1. ИЗ ВЕСНЫ В ОСЕНЬ 1917 г. ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В МОСКВЕ: «КРОВЬ НА МОСТОВЫХ»

Революционная весна окончилась быстро. Эйфория февральско-мартовской победы сменилась новой, более ожесточенной борьбой за власть. Молодая российская демократия, разъедаемая внутренними распрями, не находившая путей для удовлетворения народных чаяний, подвергалась атакам слева и справа. Москва вслед за Петроградом оказалась в центре разгоревшейся политической схватки. В августе 1917 г. в Москве состоялось Государственное совещание – общероссийский съезд членов Государственной думы всех созывов, представителей торгово-промышленных и банковских кругов, кооперативов, городских дум, земств, Советов. Созыв совещания представлял собой попытку найти выход из кризиса. Одновременно с Государственным совещанием в Москве прошла мощная всеобщая забастовка, в которой участвовало 400 тыс. человек.

Известным показателем изменений в политических настроениях москвичей являются проведенные в июне и сентябре 1917 г. выборы в районные думы города. В июне по числу поданных за них голосов лидировали эсеры (58%), на втором месте находились кадеты (16,8%), на третьем – меньшевики (12%), на четвертом – большевики (11,6%). В сентябре ситуация совершенно изменилась. Большевики получили 51,5% голосов, кадеты – 26,3, эсеры – 14,1, меньшевики – 4,1%[1].

К Октябрьским событиям 1917 г. в городе сложилось два основных центра: Городская дума, возглавляемая сторонником Временного правительства эсером В. В. Рудневым, и Московский Совет, руководимый большевиком В. П. Ногиным. Рабочий, тесно связанный с профсоюзами, пользовавшийся большим авторитетом в партии, В. П. Ногин считался вместе с тем склонным к оппортунизму, «мягким» (в противовес «твердокаменным») большевиком. Важную роль в политической жизни столицы играли также Штаб военного округа и профсоюзы железнодорожников (Викжель) и почтово-телеграфных служащих, руководимые эсерами и меньшевиками.

К осени Москва подошла к решающему столкновению противоборствующих сил. Кровопролитная схватка развернулась после провозглашения в Петрограде 25 октября (7 ноября) советской власти II Всероссийским съездом Советов.

Октябрьско-ноябрьские бои в Москве – одна из важнейших и драматических страниц не только революции, но и всей нашей истории. По сути, события в Москве имели решающее значение в борьбе, охватившей территорию всей России. Победа Советов в административной столице – Питере играла, конечно, первостепенную роль. Но она не означала, что власть в стране перейдет к ним автоматически, как перешла к Временному правительству в феврале – марте.

Борьба продолжалась три-четыре месяца и носила упорный, в ряде случаев ожесточенный характер. Обстановка в Москве определяла ситуацию и во всех других регионах России. Это объясняется прежде всего огромной политической и экономической ролью Москвы в жизни страны, ее географическим положением.

Питер, расположенный на северо-западе России, легко мог быть окружен контрреволюционными силами. Москву, напротив, невозможно было блокировать, что со всех точек зрения оказалось решающим фактором. Вопрос стоял так: или Москва остается в руках Временного правительства, и тогда неизбежно существование двух центров, т.е. успех Советов в остальной России будет крайне затруднен, а географическая линия противостояния непредсказуема; или Москва переходит на сторону Советов, и наличие в их руках обеих столиц дает

[1] Известия Московской городской думы. 1917. Июль – август. С.2; Известия Московского Совета рабочих депутатов. 1917. 30 сентября.

огромные преимущества для распространения советской власти по громадной территории России. В соответствии с этими обстоятельствами сторонники Временного правительства оказали в Москве ожесточенное сопротивление. Город превратился в арену кровопролитных боев. Октябрьско-ноябрьское сражение стало подлинной трагедией в истории города.

Вечером 25 октября (7 ноября) в Политехническом музее объединенный пленум Московских Советов рабочих и солдатских депутатов на бурном и долгом заседании принял резолюцию, в которой поддерживался Петроградский военно-революционный комитет, возглавивший вооруженное восстание в столице. Был избран и Московский военно-революционный комитет (ВРК)[2], который приступил к немедленным действиям.

Тем же вечером собралась на экстренное заседание Городская дума. В принятой резолюции утверждалось, что только Дума является законной властью. С инициативой защиты свергнутого в Петрограде Временного правительства выступила офицерская молодежь. 7 ноября при Городской думе был создан Комитет общественной безопасности для противодействия большевистскому перевороту, который возглавил городской голова В. В. Руднев. В него вошли представители юнкеров Александровского и Алексеевского военных училищ, шести школ прапорщиков, казачьей сотни, офицеров Московского гарнизона, а также добровольцев из «домовой охраны» (ее численность составляла около 15 тыс. человек).

Солдаты и вооруженные горожане оказались перед сложным выбором. Каждая сторона объявляла себя единственно законной, требовала выполнять только ее приказы, грозя суровой карой за ослушание. Это был беспощадный закон мятежей и революций!

Конечно, с разных сторон делались попытки избежать кровопролития. С компромиссными предложениями выступали отдельные общественные деятели, профсоюзы, представители церкви.

Председатель Моссовета В. П. Ногин и отдельные члены ВРК пытались договориться с командующим Московского военного округа полковником К. И. Рябцевым о «мирном улаживании конфликта». Однако все разговоры и предложения оказались тщетными.

27 октября, вечером, когда отряд революционных солдат направлялся из Замоскворечья к Моссовету, расположенному на Тверской, его попытались задержать военные – сторонники правительства.

Демонстрация у Большого театра в день Государственного совещания. Август 1917 г.

Охрана Кремля юнкерами. Ноябрь 1917 г.

Бронированная трамвайная платформа рабочих Замоскворечья. 1917 г.

[2] История Москвы. Т.VI. Кн.I. М., 1957. С.86, 87.

Никольские ворота Кремля со следами повреждений. Ноябрь 1917 г.

Так произошла первая вооруженная схватка в Москве и пролилась первая кровь.

Центр в основном находился в руках противников революции. Лишь над Моссоветом развевалось красное знамя. Первоначально и в Кремле был расположен революционный гарнизон. Однако утром 28 октября в надежде на мирный исход Троицкие ворота были открыты полковнику Рябцеву. Гарнизон Кремля и солдаты 56-го полка подверглись расправе.

За пределами центра городские кварталы оставались (за исключением отдельных районов) под контролем революционных сил. На стороне ВРК и Моссовета находилось около 30 тыс. революционных солдат и красногвардейцев, в распоряжении Рябцева – 15–20 тыс. солдат, офицеров, юнкеров, вооруженных студентов. Разумеется, не все они принимали непосредственное участие в вооруженных столкновениях. Действовала артиллерия, броневики и даже бронированные трамваи. Особенно острые схватки происходили в районе Остоженки и Пречистенки (на Пречистенке находился штаб МВО), у Никитских ворот, на Тверском бульваре (у здания градоначальника), у гостиницы «Метрополь» и здания Городской думы в Лефортове. Артиллерийскому обстрелу подвергся Кремль.

Вопрос о разрушениях в Кремле в результате артобстрела приобрел большой политический резонанс. С критикой случившегося выступали многие политические деятели, включая отдельных коммунистов (А. В. Луначарский). На протяжении десятилетий в советской исторической литературе вопрос о разрушениях большей частью замалчивался, а в антисоветской – их масштабы явно преувеличивались.

Взглянем на Кремль глазами очевидца. Американский журналист Джон Рид писал: «В Кремле я был лично непосредственно после бомбардировки и сам осматривал все повреждения. Малый Никольский дворец – здание, не имеющее особой ценности... действительно очень сильно пострадал... В Успенском соборе пробита брешь в одном из куполов... Значительно повреждены снарядами фрески на портале Благовещенского собора. Другим снарядом отбит угол Колокольни Ивана Великого... Испорчены часы на Спасской башне. Троицкие ворота повреждены обстрелом, но их легко ремонтировать. С одной из угловых башен сорвана остроконечная крыша»[3].

В результате ожесточенных боев более тысячи человек погибли.

Отряды, защищавшие Временное правительство, потерпели поражение. Утром 3 ноября прозвучали последние выстрелы. Таким образом, бои шли более шести суток.

В Москве власть перешла в руки Советов. Начался новый период в ее истории.

2. МОСКВА – СТОЛИЦА РОССИИ

Поздним вечером 11 марта 1918 г. к перрону Николаевского вокзала подошел поезд особого назначения. В нем из Петрограда в Москву прибыли члены Советского правительства и члены ЦК правящей партии – РКП(б). Через пять дней, 16 марта, IV чрезвычайный Всероссийский съезд Советов принял постановление о перенесении столицы в Москву. Съезд связывал это решение с кризисом, который переживала русская революция, и резким изменением «положения Петрограда как столицы», рассматривая перенесение столицы в Москву как временное[4].

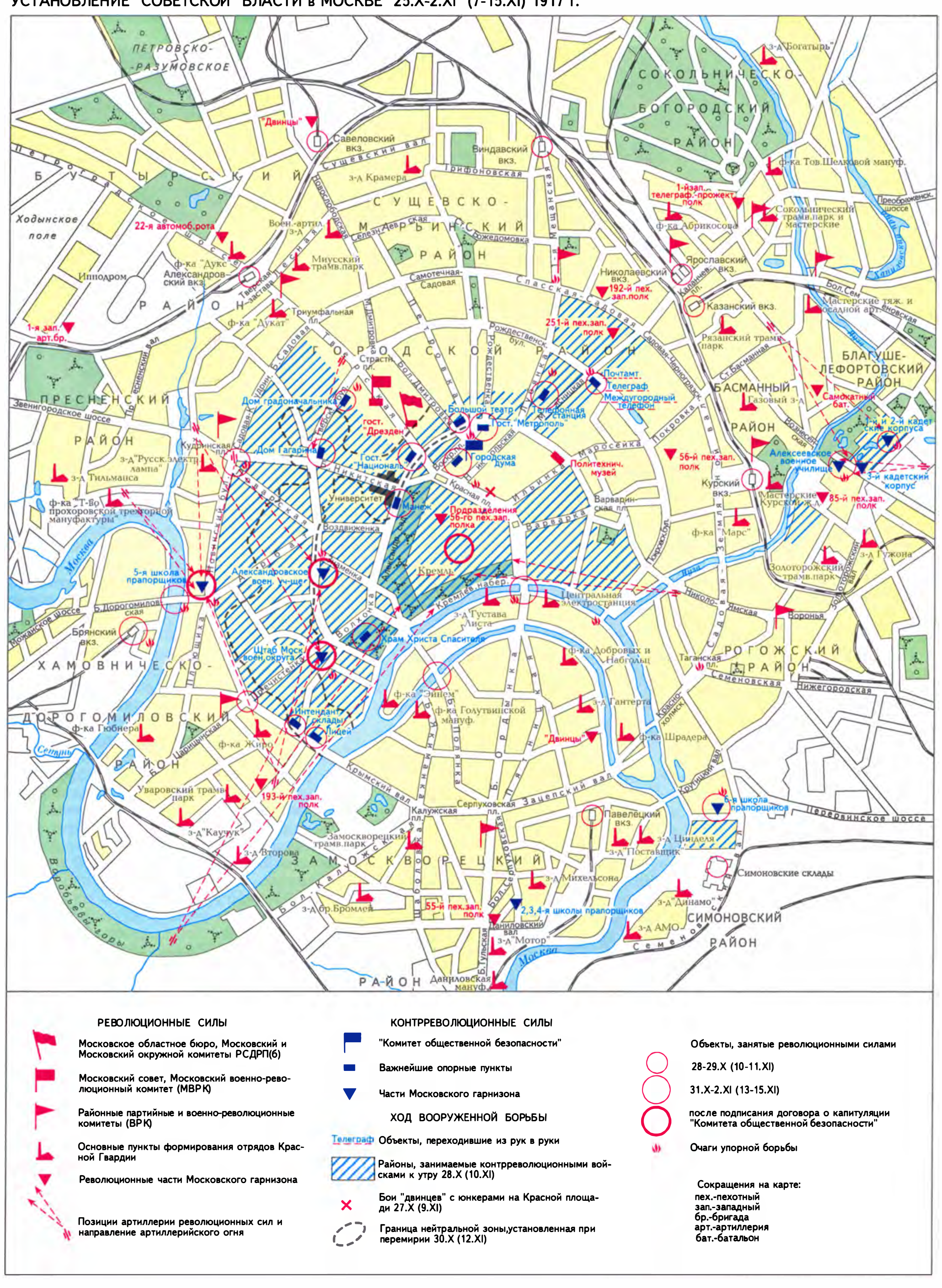
Но юридическое возрождение Москвы в качестве столицы России имело гораздо более глубокий смысл и приобрело большее значение, чем предполагалось весной 1918 г. Как уже упоминалось, Москва занимала уникальное, совершенно особое место, оставаясь второй столицей державы. Ее особенность в том, что она – естественный центр, расположенный в середине европейской части страны. Улицы и дороги, разбегавшиеся на запад, юг, север, восток, своими названиями – Тверская, Тульская, Калужская, Серпуховская, Смоленская, Владимирская, Волоколамская, Рязанская, Ярославская, Дмитровская – напоминали о вековых связях с коренными, становыми городами Русской земли, ожерельем раскинувшимися вокруг старой столицы.

А десять железнодорожных линий, выводивших курьерские поезда и товарные составы к самым пределам необъятной

[3] *Рид Джон.* 10 дней, которые потрясли мир. М., 1957.

[4] Декреты Советской власти. Т.I. М., 1957. С.535, 536.

УСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ в МОСКВЕ 25.X-2.XI (7-15.XI) 1917 г.



Здание в Кремле, где с марта 1918 г. размещалось Советское правительство

Первая Советская Конституция. Обложка 1-го издания. 1918 г.

Государственный флаг и герб РСФСР. 1918 г.

державы – в Сибирь и на Дальний Восток, в Среднюю Азию, на Кавказ и в Крым, в города русского Севера, на Украину и, конечно, в Питер, делали Москву крупнейшим транспортным узлом.

В городе с высоко развитым, передовым по тому времени и разнообразным промышленным производством находилось более тысячи фабрик и заводов, которые плавили сталь и медь, изготовляли станки, насосы и другие изделия, производили химическую продукцию, обрабатывали хлопок, шерсть, шелк, лен, пеньку, джут, делали мебель, кожаную и резиновую обувь, посуду и многое другое. Удельный вес валовой продукции, выпускавшейся Москвой в масштабе страны (20%), говорит сам за себя.

Но этим не исчерпывается значение Москвы как экономического центра. Думается, что можно утверждать о складывании уже в начале XX в. московской агломерации – скопления промышленных поселений моноцентрического типа. Небольшие города и промышленные поселки (Мытищи, Люберцы, Подольск, Щелково, Ивантеевка, Балашиха, Кунцево, Перово и др.– часть из них в дальнейшем вошла в черту города), находясь в непосредственной близости от Москвы, составляли, по существу, единый с ней промышленный комплекс. Более отдаленные города и поселки Московской губернии, органически связанные с Москвой, усиливали ее экономическую роль. И, наконец, Москва была сердцевиной России, главным городом Центрально-промышленного района, который являлся крупнейшей индустриальной базой страны.

Удачное географическое расположение, средоточие водных, железных и прочих дорог способствовали развитию промышленности, а все вместе взятое обеспечивало Москве ведущую роль в общероссийской торговле.

Ни с чем не сравнить значение Москвы как центра национальной культуры

и просвещения. Москва была общероссийской сокровищницей: сами памятники старины, прежде всего Кремль с его так много повидавшими башнями и так много испытавшими стенами, с Царь-колоколом и Царь-пушкой, стали подлинными народными святынями.

Оружейная палата, реликвии которой собирались веками, молодая Третьяковка, залы Исторического и других музеев составляли бесценное народное достояние.

Но было еще одно историко-психологическое обстоятельство, которое не имело материального выражения, но коренилось в сознании народа, в его исторической памяти: роль Москвы – собирательницы русских земель – в судьбах России. Она дала имя государству – Московскому великому княжеству, царству. Но и потом, когда это название как государственное отпало, в благодарной памяти поколений оно сохранялось как символ России.

Москва была столицей, не выбранной указующим перстом монарха, а выросшей из гущи земель русских, утвердившей себя не столько в борьбе с княжествами-соперниками, сколько в борьбе за создание, упрочение единого государства.

Таким образом, независимо от временных, преходящих причин, обусловивших законодательное и практическое перенесение столицы в Москву, это событие имело объективно оправданный, прогрессивный характер.

Два столетия Москва юридически не являлась столицей России. Она снова превратилась в главный город страны на новом, совершенно ином историческом этапе. Не утрачивая своего значения как центра русской нации, Москва приобретала значение межнациональное, становясь столицей всех народов России. В дальнейшем, с созданием единого союзного государства, на протяжении семи десятилетий она оставалась и столицей СССР.

3. В ЦЕНТРЕ ОГНЕННОГО КОЛЬЦА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

В годы гражданской войны стратегическая роль Москвы еще более выросла. От того, в чьих руках находился город, во многом зависел исход развернувшейся в стране кровавой борьбы.

Это объяснялось рядом обстоятельств.

После революции, когда Привисленские губернии, Прибалтика, Финляндия остались за пределами Советской России, удельный вес Москвы в промышленном производстве страны вырос еще более.

В силу различных причин в годы гражданской войны сложилось территориальное размежевание белого и красного движения. Первое имело собственные базы и формировало свои армии преимущественно на окраинах России – в Сибири, на Северном Кавказе, на Дону, на Севере. советская власть в течение всей войны удерживала за собой Европейскую Россию с такими крупными городами, как Москва, Петроград, Нижний Новгород, Тверь, Иваново-Вознесенск, Кострома, Ярославль, Брянск. Москва была узловым пунктом, естественным центром Европейской России.

«Белые» регионы оказались территориально разобщенными. Следовательно, действия белогвардейских армий не могли быть в должной мере согласованы. А единая территория Советской республики позволяла большевикам сосредоточить в одних руках планирование и реализацию боевых операций. В случае взятия Москвы белыми армиями Советская Россия лишилась бы сплачивающего центра и перестала бы существовать.

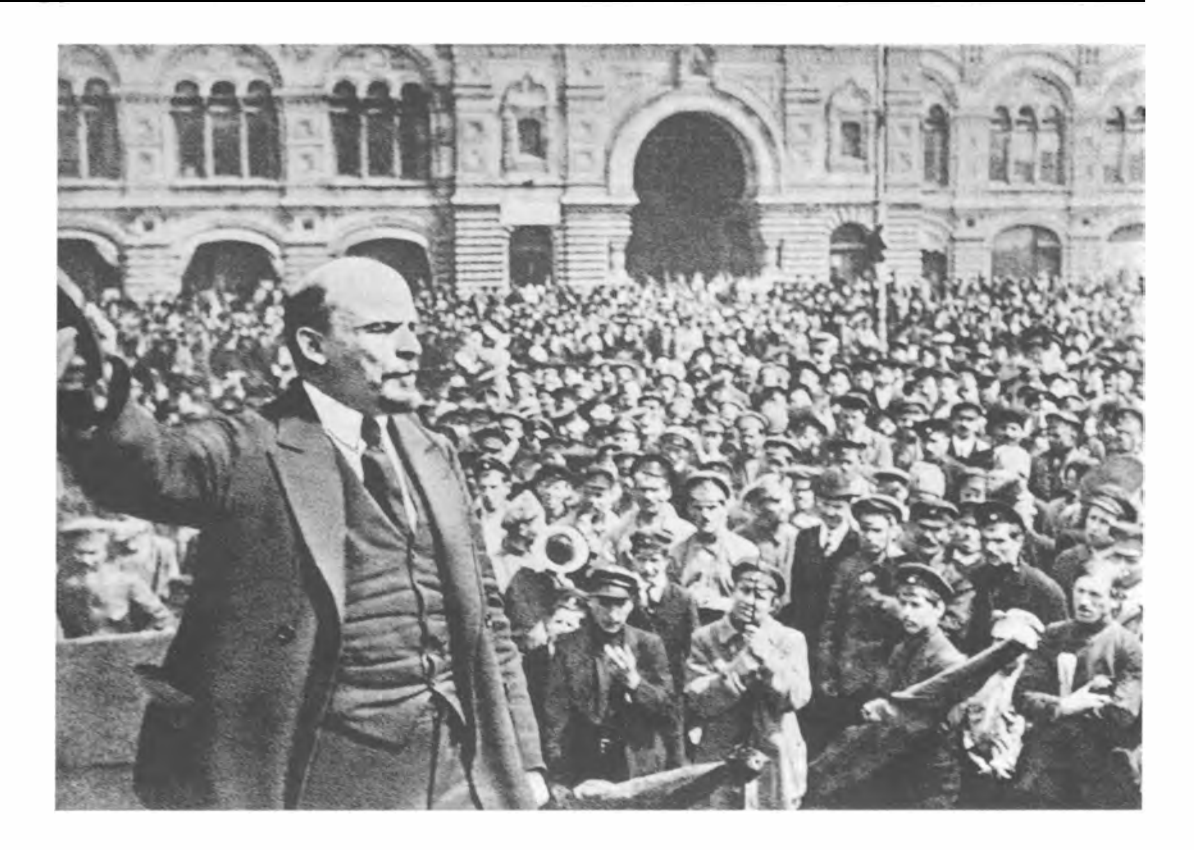
Советской власти и Коммунистической партии (которая во многом выполняла государственно-организационные функции) удалось создать эффективную по тем временам и тем условиям строго централизованную систему руководства экономикой. Она основывалась на неизмеримо выросшей роли государства, когда в его ведении оказалось большинство промышленных предприятий, сельское хозяйство взято под контроль и налажено государственное распределение продуктов питания, сырья, топлива, промышленной продукции.

Все нити хозяйственной жизни, все рычаги управления сосредоточивались в центре – в Москве.

Такая система позволяла маневрировать скудными ресурсами, осуществляя принцип «ударности», т.е. концентрировать необходимые силы на решающих участках фронта и тыла. Падение Москвы неизбежно привело бы к разрушению всей системы централизованного руководства, лишило бы советскую власть этого важнейшего рычага управления. Гипертрофированная централизация, непомерное возрастание роли государства вызвали к жизни широкий спектр негативных последствий. Однако представляется очевидным, что в годы гражданской войны эти методы помогли советской власти одержать победу.

Нельзя не учитывать и психологическое значение политического центра. Москва символизировала в народном сознании легитимную власть. Правительство, находившееся в Москве, в глазах большинства населения было более «законным», чем правительства, возникавшие в Самаре, Омске, Екатеринодаре.

Москва стала и крупнейшим военным лагерем. Здесь из маршевых рот формировалась и концентрировалась значительная часть дивизий Красной



В. И. Ленин произносит речь перед войсками на Красной площади. 25 мая 1919 г.

Армии, в военных академиях и училищах готовились новые командные кадры. Сама Москва, окружавшие ее промышленные города были важным источником пополнения Красной Армии.

Таким образом, сохранение Москвы в качестве столицы Советов давало им все годы войны решающие преимущества. Победа белого движения могла быть достигнута лишь в результате взятия Москвы.

Недавняя столица – Петроград, расположенный на границе страны, плохо связанный с крупными регионами, не мог бы выполнять функции руководящего и сплачивающего центра.

Поэтому с полным основанием можно говорить о том, что Москве в ходе гражданской войны принадлежала главная роль: ее удержание красными или взятие белыми являлось ключевой задачей и тех и других.

Военное положение в 1918–1920 гг. непрерывно менялось, и соответственно менялась конкретная обстановка в Москве и вокруг нее. Летом 1918 г. координаторы иноземных и белогвардейских сил предполагали осуществить концентрическое наступление англо-франко-американских и белогвардейских отрядов с севера, поднявших мятеж чехословаков – с востока при организации мятежей в окружающих Москву городах (Рыбинск, Ярославль, Муром и др.).

Красная Армия в первые послереволюционные месяцы комплектовалась путем привлечения добровольцев. Но расширение масштабов войны потребовало иного подхода. 29 мая 1918 г. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК) принял постановление «О принудительном наборе в рабоче-крестьянскую армию». В Москве и Петрограде мобилизация в Красную Армию проводилась в первую очередь. 17 июня Совет Народных Комиссаров специальным декретом объявил призыв рабочих Москвы и ее пригородов 1896 и 1897 гг. рождения. 2 июля были мобилизованы рабочие Москвы еще трех возрастов (1893–1895), ранее служившие в артиллерии и инженерных войсках. К 15 июля 10 тыс. московских парней надели солдатские гимнастерки. Далее мобилизации проходили регулярно до конца войны. С весны 1918 г. по декрету ВЦИК в Москве развернулось обязательное военное обучение. 11 августа на Красной площади состоялся смотр этих резервов. Более 21 тыс. вооруженных рабочих прошли у стен Кремля. Сверх общих мобилизаций на фронт направлялись московские коммунисты. В августе было принято решение мобилизовать пятую часть Московской партийной организации. К 14 августа на фронт уехало около 400 человек, а всего за лето – примерно 2 тысячи.

Во второй половине 1918 г. Красная Армия добилась значительных успехов. Белым армиям, наступавшим с востока, севера и юга, не удалось соединиться. На Восточном фронте, в районе Волги, красные дивизии, отбросив чехословаков и белогвардейцев, вступили в Казань, Самару, Симбирск.

Однако гражданская война не затихла. В сражения вступали новые, еще более значительные силы. Выкристаллизовывались линии фронтов, армии с обеих сторон становились регулярными, массовыми. В начале 1919 г. главной силой белого движения являлись войска адмирала А. В. Колчака, провозглашенного в Омске «верховным правителем России».

На Восточном фронте, который огромной, извилистой, почти двухтысячекилометровой линией тянулся от хмурых лесов Северного Урала до южных заволжских степей, развернулись ожесточенные бои. Колчак приказал наступать к центру Европейской России, к Москве. По воспоминаниям чешского генерала Гайды, Колчак на совещании в Челябинске заявил: «Кто первый достигнет Москвы, тот и будет хозяином положения».

Снова в Москве шли призывы очередных возрастов военнообязанных. Снова дополнительно мобилизовывались члены профсоюзов, коммунисты и комсомольцы.

Перевес и на этот раз оказался на стороне Советов. Весной и летом 1919 г. Колчак был разбит и отброшен далеко на восток.

Тем временем на юге страны усилились наступательные действия войск генерала А. И. Деникина. К лету они овладели всем Северным Кавказом, Доном, Крымом, частью левобережной Украины. От Днепра до Волги простирался деникинский фронт, день за днем приближавшийся к северу, к Москве.

1 июля 1919 г. Деникин в качестве «главнокомандующего вооруженными силами юга России» издал приказ, получивший известность под названием «московской директивы». Перечисляя задачи основных войсковых группировок, он ставил перед ними «конечной целью захват сердца России – Москвы».

Осенью наступление Деникина достигло апогея. Лучшие его полки, входившие в состав Добровольческой армии под командованием генерала В. З. Май-Маевского, 13 октября взяли Орел, вступили в пределы Тульской губернии. Линия фронта приблизилась к Брянску и Туле, до Москвы оставалось несколько переходов. В ходе генерального сражения на дальних подступах к Москве наступил решающий, переломный момент войны.

Власть Советов активно мобилизовывалась, готовясь к этому сражению. В. И. Ленин еще в июле выдвинул лозунг «Все на борьбу с Деникиным!», призвав к напряжению всех сил. Войска Южного фронта были укреплены новыми пополнениями. Прибыл туда и Конный корпус С. М. Буденного. Как и раньше, в армию направлялись коммунисты (осенью 1919 г. на фронт было послано около 30 тыс. коммунистов, из которых 3 тыс. москвичей), комсомольцы (более 10 тыс.). На строительстве оборонительных рубежей, прикрывавших Москву, было занято 120 тыс. человек.

В Москве вводилось военное положение. Созванный в сентябре Комитет обороны Москвы возглавил председатель Моссовета Л. Б. Каменев, а заместителем главы Московского комитета обороны (МКО) стал председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский. В октябре в городе прошла «Неделя обороны», в ходе которой создавались вооруженные рабочие дружины.

Во второй половине октября на трехсоткилометровом фронте от Орла до Воронежа Красная Армия перешла в контрнаступление. Войска Южного фронта – ими командовал А. И. Егоров – добились успеха. Белые армии на юге России были разбиты.

В 1920 г. гражданская война продолжалась. Шли бои на юге – с армией генерала П. Н. Врангеля, собравшего в Крыму остатки деникинских войск, на западе – с войсками Польши, напавшей в апреле 1920 г. на Украину и Белоруссию. На этот раз военной угрозы Москве

Весна. 1918 г.
Художник И. Попов

Л. Б. Каменев

Ф. Э. Дзержинский

не возникало. Но война есть война, и город сохранял суровый облик. Продолжался призыв в армию: в 1920 г. призывались уже юноши 1901 г. рождения. Новое пополнение превысило 200 тыс. человек. На врангелевский и польский фронты летом 1920 г. по четырем партмобилизациям было направлено 1235 московских коммунистов.

5 мая 1920 г. по центральным улицам Москвы в походном строю прошли маршевые роты. Они сосредоточились на Театральной площади. На дощатой трибуне находились В. И. Ленин, Л. Д. Троцкий и другие руководители советской власти. Здесь состоялся митинг красноармейцев, направлявшихся из Москвы на польский фронт.

Осенью 1920 г. гражданская война в основном завершилась. С Польшей было подписано перемирие. Войска Южного фронта (командующий М. В. Фрунзе) в знаменитом Перекопском штурме сломили сопротивление Врангеля и овладели Крымом. Окончание войны не было единовременным. В разных концах страны еще не один год продолжались локальные столкновения. Переход к миру напоминал океан, который медленно успокаивается после шторма, и волны выбрасывают на берег остатки разбитых кораблей. Поэтому окончание войны прошло в Москве как-то незаметно. Не было праздничных салютов и ликующих толп на площадях.

Но память о времени революции и гражданской войны, противоречивая, романтически приподнятая у одних, трагически скорбная у других, навсегда вошла в народное сознание, передаваясь из поколения в поколение. И видное место в этой исторической памяти заняла Москва.

4. ЖИЗНЬ ГОРОДА

Обновив после победы в октябрьских боях свой состав, Моссовет самое пристальное внимание стал уделять вопросам управления городом. С 1918 г. отдел районов – административный отдел Моссовета – не раз обращался к вопросу совершенствования территориально-административного деления столицы. Специальная комиссия, созданная 18 апреля, в своей деятельности старалась не касаться проблемы существующих территорий и решала лишь спорные вопросы. В результате в городе по-прежнему насчитывалось 12 районов, изменились лишь их названия.

Такое деление столицы в то время оказалось неудобным по нескольким причинам. Во-первых, не было единого принципа районирования, так как наряду с территориальным существовал и экстерриториальный. Во-вторых, районы существенно отличались друг от друга по признакам землепользования и землевладения.

С одной стороны, с переносом в Москву столицы в некоторых районах стал ощущаться недостаток служебных площадей. С другой – неравномерное размещение государственных учреждений по территориям районов существенно затруднило решение и без того острой жилищной проблемы. Этими соображениями руководствовался Моссовет, вынося 9 мая 1919 г. решение о подготовке административно-территориальной реформы. По новому положению о районных

Советах г. Москвы, утвержденному 3 ноября 1921 г., «для наилучшего осуществления задач управления и совершенствования советского строительства Москва... разделяется на 7 районов: Бауманский, Городской, Замоскворецкий, Краснопресненский, Рогожско-Симоновский, Сокольнический, Хамовнический». Но уже 21 ноября было решено ликвидировать Городской район с распределением его территории между соседними с ним районами.

Правда, преодолеть неравномерность распределения территории города по районам не удалось. Самым крупным оказался Краснопресненский район столицы: на его территории, составляющей 35,3% общей площади города в 1923 г., проживало 28% москвичей, самым маленьким – Хамовнический район (8,2% общей территории), наименее населенным – Рогожско-Симоновский (13% жителей).

Одновременно совершенствовалась система милицейского контроля. Сразу же после октябрьской победы Моссовет переименовал полицейские участки в милицейские комиссариаты, не изменив границ их юрисдикции. Позже они были ликвидированы, а на их месте создано 49 отделений милиции. Эта административная единица просуществовала до 90-х гг., показав свою поразительную живучесть.

В период гражданской войны не произошло каких-либо значительных территориальных изменений. Территория города несколько увеличилась лишь в 1923 г., когда в городскую черту вошли Лихоборы, Кожухово, Владыкино, Шелепиха, Алексеевское и Дубровка.

Если в районировании территории города после победы советской власти кардинальных перемен не наблюдалось, то социальное «лицо» города стало неузнаваемым.

Национализация промышленности в Москве прошла довольно гладко. Уже к концу 1918 г. в Москве были национализированы все 55 крупных предприятий. Среди них такие гиганты, как АМО, «Бромлей», «Русская машина» (завод Михельсона), «А. Бари». Всего же в столице к 1920 г. насчитывалось 740 государственных предприятий, на которых было занято более 90% всех рабочих города. Остальные трудились на заводах и фабриках, принадлежащих кооперативам (их насчитывалось 80), и на 1153 частных мелких предприятиях.

Годы военного лихолетья, разруха, голод, топливный кризис пагубно отразились на численности московских рабочих. Фабрично-заводской пролетариат потерял более половины своего состава. В то же время число рабочих мелких предприятий, кустарных мастерских увеличилось. Многие перебивались случайным поденным заработком. Более половины занятых на производстве составляли женщины и подростки. На свои места возвращались больные мужчины, полуинвалиды. Все это определяло низкую социальную активность рабочих города.

Массовым явлением стали прогулы рабочих по неуважительным причинам. Так, в 1920 г. на одного рабочего государственного предприятия приходилось до 20 таких прогулов в год.

Октябрь начал процесс уничтожения российской буржуазии. К 1920 г. в Москве почти не осталось представителей крупных торговых и финансово-промышленных кругов. Перепись 1920 г. зарегистрировала лишь двух владельцев заводов. Сократилось число мелких и средних хозяев полукустарных мастерских, ремесленных заведений, чайных, трактиров. Основную часть их составляли извозопромышленники, подрядчики строительных работ, владельцы мастерских, ткацких и портновских заведений с числом рабочих 10–20 человек. Исчезли из социальной жизни города и домовладельцы. Если перепись в 1918 г. зарегистрировала 243 домовладельца, то в 1920 г.– ни одного.

1919 год. Тревога. Художник К. Петров-Водкин. 1919 г.

К 1920 г. около 5% москвичей занимались кустарным промыслом, ремеслом. Были среди них и владельцы мелких торговых точек, а кое-кто жил за счет спекуляции. Более чем вполовину сократилось число горожан, входивших в категорию «прислуга»: это в основном обслуживающий персонал трактиров, предприятий гигиены и санитарии, а вот термин «личная прислуга» вообще исчезает из официального лексикона.

Борьба с церковью привела к тому, что за два года вдвое уменьшилось число священнослужителей.

Особого разговора заслуживают служащие Москвы. К 1920 г. их численность превысила количество рабочих города. Несомненно, этот процесс связан не столько с положением Москвы как крупного промышленного и культурного центра, сколько с переносом сюда столицы Республики.

Абсолютное большинство служащих составляли работники различных учреждений, рост их численности явно опережал рост других социальных групп города. Причем основную массу государственных служащих составляли представители среднего и низшего звена аппарата. Различного рода делопроизводители, корреспонденты, секретари, писцы, конторщики представляли более четверти всех служащих города. В центральных государственных учреждениях их насчитывалось и того более – около 70% всех работающих. Доля же лиц, действительно занятых умственным трудом и имевших высокую квалификацию, была крайне незначительна. Добавим, что самым многочисленным был аппарат Моссовета. Вместе с районными Советами работники этого органа составляли более половины всех служащих центральных учреждений. Налицо было бюрократическое разбухание аппарата. Говоря о других категориях служащих, отметим большой удельный вес служащих торговых заведений, даже несмотря на тяжелейший экономический и продовольственный кризис. Сохранила свой костяк и московская техническая интеллигенция. Ее число в годы гражданской войны даже увеличилось главным образом за счет привлечения (как добровольного, так и путем трудовых мобилизаций) представителей старой технической интеллигенции.

Численность творческих работников значительно сократилась. Более половины своего состава потеряли журналисты, редакторы, четверть – режиссеры, актеры, музыканты. Отмечалось только увеличение числа «аппаратчиков» культурно-просветительского персонала.

Завершая краткое описание социального «лица» города, нельзя не сказать о безработных и тех, кто долгое время входил в официальное понятие «деклассированные элементы». К весне 1920 г. на 18 московских биржах труда было зарегистрировано около 100 тыс. безработных, более половины из них составляли мужчины (по официальной статистике пик безработицы был отмечен в 1918 г.– более 262 тыс. человек). Абсолютное большинство официальных безработных приходилось на рабочих заводов и фабрик.

Официальная статистика зафиксировала и нищих, бродяг, проституток, сутенеров. С 1918 по 1920 г. их численность сократилась с 1416 до 422 человек. Можно предполагать, что их было значительно больше, однако сам факт фиксации подобных категорий лиц в статистике свидетельствует о том, что они в определенной мере влияли на социальную жизнь города. Наконец, в годы гражданской войны почти в 2,5 раза увеличилось число граждан, содержавшихся в московских домах заключения. В 1920 г. они составляли более 1% городского самодеятельного населения.

Несмотря на все невзгоды, преобладающая часть рабочего люда Москвы продолжала трудиться, выполняя главным образом фронтовые заказы. Москва была важнейшим арсеналом, снабжавшим фронт артиллерийскими орудиями и снарядами, броневиками, пулеметами, гранатами, патронами, обмундированием. В 1919 г. предприятие «Горшвей» вместе с надомниками изготовило около 403 тыс. шинелей, более полутора миллионов гимнастерок, свыше 6 млн. штук военного белья (не считая той одежды, которая шла для гражданского населения).

В течение 70 лет средства массовой информации СССР широко пропагандировали субботники и воскресники, т.е. бесплатный, добровольный труд в свободное от основной работы время.

Этот, по выражению В. И. Ленина, «великий почин» зародился в Москве весной 1919 г. в депо Москва-Сортировочная Московско-Казанской железной дороги по инициативе железнодорожников-коммунистов. Субботники получили широкое распространение в конце 1919 г. и особенно в 1920 г. не только в Москве, но и по всей стране.

Такая форма экономической деятельности себя не оправдала, оказалась нежизненной. Дальнейшие, продолжавшиеся много лет попытки оживить субботники и воскресники, придать им регулярный и массовый характер были искусственными, шедшими большей частью сверху.

Суть неудачи состояла в том, что труд безвозмездный, лишенный материального стимула, основанный только на энтузиазме, не отвечал социально-экономическим реалиям. Однако как проявление революционного, патриотического порыва, выражение искренней веры в то, что «владыкой мира будет труд»,

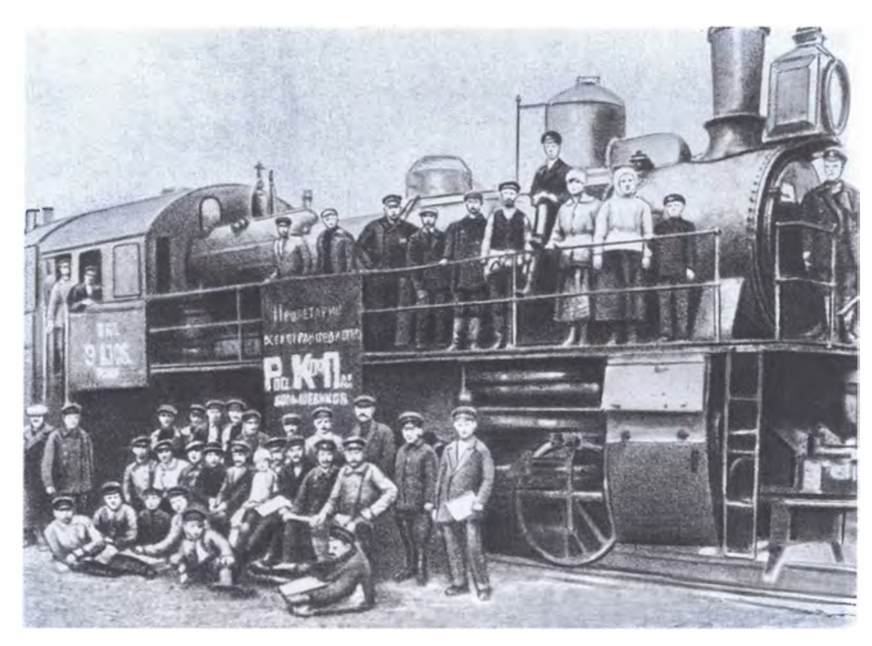
раскрепощенный, добровольный, субботник безусловно заслуживает внимания. На деле эти порыв, вера, энтузиазм, стремление внести свой вклад в достижение победы социализма охватывали лишь часть трудящегося населения. Основная же масса была поглощена своими заботами, бесчисленными тяготами, борьбой за выживание.

Голод, холод, массовые эпидемии стали неизбежными спутниками москвичей в годы гражданской войны. В то же время нельзя забывать об энергичных мерах, предпринимаемых Моссоветом, правительством Республики для спасения москвичей. Власти прекрасно осознавали, что удержаться они могут только укрепляя свою социальную базу, привлекая на свою сторону как можно более широкие слои населения. И здесь экономические аспекты деятельности Советов в центре и на местах становились политическими. Голодному человеку декларировать идеи равенства, социальной справедливости можно лишь непродолжительное время, ему нужны хотя бы незначительные улучшения условий его жизни. Вполне естественно, что в годы войны многие декреты и распоряжения в области охраны труда, ограничения продолжительности рабочего времени и т.д. оставались лишь лозунгами, декларациями. В то же время угроза потерять социальную опору заставляла правительство предпринимать решительные меры. Недаром вопрос о борьбе с охватившим страну сыпным тифом был поставлен в декабре 1919 г. более чем категорично: «Или вши победят социализм, или социализм победит вшей». До революции в такой форме этот вопрос не возникал.

Чрезвычайная санитарная комиссия при Московском Совете провела огромную работу по борьбе с эпидемиями. Обладая чрезвычайными полномочиями, она могла привлекать лиц, виновных в неисполнении ее распоряжений, а также создавших волокиту, к суду ревтрибунала. Очистка Москвы проводилась населением в порядке трудовой повинности. Дни очистки объявлялись рабочими. В санитарное состояние приводились жилые квартиры, дома и прилегавшие к ним строения: учреждения, фабрики и заводы, как советские общественные, так и частные. Проводились недели «бани и стирки», организовывались прачечные и дезинфекционные камеры.

Результаты работы по санитарной очистке Москвы не замедлили сказаться. В тех частях города, где осуществлялись все требования санитарной комиссии, смертность населения от заразных болезней резко упала. В основном такие участки находились в центре города и прилегающих к нему территориях.

На окраинах оздоровительные работы велись медленнее.



Рабочие депо Москва-Сортировочная – участники Всероссийского первомайского субботника. 1920 г.

«1 мая – Всероссийский субботник». Плакат. Художник Д. Моор. 1920 г.

Помимо проведения санитарных мер борьбы с инфекциями активизировалась медицинская помощь населению. Увеличивалось число больничных коек, мобилизовывались силы медицинских работников.

В этот же период Моссоветом были проведены важные преобразования по улучшению труда и быта матерей, охране младенчества. Женщины, занятые физическим трудом, освобождались от работы в течение 8 недель до и 8 недель после родов, а занятые конторским и умственным трудом,– в течение 6 недель до и 6 недель после родов. Для матерей, кормящих ребенка грудью, были установлены, помимо общих перерывов во время

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЯ ПРАВИЛА по уборкѣ улицъ и тротуаровъ по г. Москвѣ.

1. Обязательность очистки улицъ, тротуаровъ и пожарныхъ колодцевъ ложитъ на Домовыхъ Комитетахъ и владѣльцахъ домовъ и земель къ коимъ примыкаютъ улица, тротуаръ или пожарный колодезь.

2. Тротуары должны быть ежедневно очищаемы отъ снѣга и льда и посыпаемы пескомъ послѣ каждой очистки, а равно при утренней уборкѣ.

3. Посыпать улицы, площади, тротуары солью воспрещается.

4. Въ случаѣ накопленія на улицахъ разбитаго и рыхлаго снѣга, затрудняющаго движеніе, таковой долженъ быть сгребаемъ въ кучи.

Къ § 4 ПРИМѢЧАНІЕ: Сметаемый съ тротуаровъ и улицъ грязный снѣгъ и скалываемый съ нихъ ледъ должны быть убираемы въ кучи и увозимы съ улицы въ теченіе однѣхъ сутокъ, а въ исключительныхъ случаяхъ въ теченіе трехъ сутокъ.

5. Въ продолженіе всей зимы ухабы на улицѣ должны быть разравниваемы.

6. Снѣгъ и ледъ, грозящіе паденіемъ съ крыши, должны быть немедленно сбрасываемы.

7. При очисткѣ крыши отъ снѣга и льда, улица и тротуаръ передъ домомъ должны быть загораживаемы, въ предупрежденіе проходящихъ и проѣзжающихъ. Очистка крыши должна оканчиваться къ 10 час. дня. Сбрасываемый же съ крыши снѣгъ и ледъ должны быть собираемы въ кучи и увозимы съ улицы въ сроки, указанные выше.

8. Снѣгъ, ледъ, грязь и всякія нечистоты съ улицъ должны быть свали-ваемы въ мѣста, указанныя для сего Совѣтомъ районныхъ думъ.

9. Чистый снѣгъ дозволяется свозить въ сады, огороды и порожнія мѣста при владѣніяхъ.

10. Метельщикамъ городскихъ ж. д. разрѣшается, впредь до особаго распоряженія, сгребаемый съ линій снѣгъ сваливать въ общія кучи около тротуаровъ откуда онъ долженъ вывозиться за счетъ и средствами домовладѣній.

11. На милицію возлагается обязанность неуклонно слѣдить за точнымъ выполненіемъ правилъ.

10 января 1918 г. Комиссаръ по г. Москвѣ **М. И. Роговъ.**

Старая Москва. Художник А. Куприн. 1918 г.

Обязательные правила по уборке улиц и тротуаров по г. Москве от 10 января 1918 г.

работы, дополнительные – через каждые три часа не менее чем на $^1/_2$ часа. Указанные перерывы засчитывались в рабочее время.

Беременные женщины и кормящие матери получили другие права и льготы. Уже в первый год своего существования московский подотдел материнства и младенчества организовал в городе 20 женских врачебных консультаций, 9 молочных кухонь. Были также установлены новые формы организации патронажа. Из Дома младенца детей в возрасте от шести месяцев до трех лет отдавали на временное воспитание (усыновление по Кодексу 1918 г. запрещалось) в бездетные семьи или в семьи с одним ребенком. Женщины-воспитательницы получали жалованье, паек на себя и на ребенка, а также белье, мыло, необходимое количество топлива. Еженедельно такие семьи посещали медсестры из Дома младенца, которые следили за состоянием здоровья ребенка и отношением к нему в семье.

В сети учреждений охраны материнства и младенчества (ОММ) большое значение придавалось яслям. Помимо общих задач, стоявших перед всеми учреждениями по охране матери и ребенка, они имели и свою особенность – облегчить участие работнице в производстве. Ясли разделялись на районные – для женщин-работниц и служащих мелких учреждений и предприятий, фабричные или заводские, а также летние. Первоначально ясли выполняли только одну функцию – давали возможность трудиться матери на производстве, так как ребенку на этот период был обеспечен необходимый уход. Индивидуальные занятия с детьми в яслях не велись, и дети, которым требовалось особое внимание, отставали в своем развитии. В 1919 г. ряд яслей возглавили воспитатели, но это не дало положительных результатов, так как был ослаблен врачебный контроль. К 1920 г. количество яслей в Москве достигло 65.

Нельзя, однако, забывать и о трудностях, с которыми сталкивались подотделы охраны материнства и младенчества. Прежде всего это касалось их недостаточного снабжения продуктами, плохим финансированием. Так, в отчете за 1920 г. заведующий Бутырским подотделом ОММ отмечал скверное снабжение детских учреждений. Подотдел не имел средств, чтобы покупать молоко по рыночным ценам, получаемых же с фермы 40–45 кружек молока не хватало даже грудным детям. 50% яслей не были обеспечены хорошим молоком.

Другим вопросом, требовавшим немедленного разрешения, стал жилищный кризис. Необходимо отметить, что и до революции около 50% горожан проживали в домах без канализации и водопровода. В годы гражданской войны возросло количество непригодных для жилья квартир, ставших необитаемыми. Жилищное хозяйство столицы за годы гражданской войны приобрело угрожающее состояние. В суровую зиму 1918/19 г. во время топливного кризиса более 3 тыс. деревянных зданий, расположенных прежде всего на рабочих окраинах города, оказались разобранными на дрова. Пагубно сказалось на жилищной проблеме и перемещение в Москву правительственных учреждений, которые заняли часть жилых помещений, главным обра-

зом добротных каменных домов в центре города. Как бы ни регламентировался этот процесс декретами, постановлениями и положениями, под них было отведено 3369 зданий, т.е. около 18% их общего числа.

К весне 1918 г. более 60% рабочих и 70% служащих вынуждены были снимать квартиры, 12% рабочих и 6% служащих проживали в фабричных казармах. Статистика не учитывала количества бездомных (в 1921 г. пришлось даже открывать в городе ночлежные дома).

Тяжелые годы гражданской войны и разрухи не могли не отразиться на и без того сложном положении жилищного хозяйства, которое находилось в критическом состоянии. В 1920 г. в домах без водопровода либо с неисправным водопроводом проживало около 41% московского населения; 51,9% горожан обитало в квартирах, не имевших канализации. Дома в основном отапливались печами (в них проживало 64,5% москвичей). Лишь в квартирах 48% горожан было электричество, жилища остальных освещались керосином, газом, лучинами.

Рабочие столицы все настойчивее стали обращаться в Моссовет с требованием коренного и скорейшего улучшения жилищных условий. В развитие декрета СНК РСФСР от 27 июня 1918 г. Исполком Моссовета в сентябре и в октябре 1918 г. принял постановления, которые определяли нормы жилья на человека. Согласно этой норме, по подсчетам статистического отдела Моссовета, в жилье нуждались не менее 735 тыс. рабочих и членов их семей. Если бы рабочие заняли даже все благоустроенные квартиры города, то и таким образом решить проблему не удалось бы. Для их расселения отводилось около 50% помещений в благоустроенных домах. С этой целью с октября по декабрь 1918 г. было реквизировано 216 домов, куда вселилось около 24 тыс. рабочих и членов их семей.

Однако процесс выселения буржуазии и вселения рабочих был связан с рядом трудностей. Прежде всего, постановления Исполкома Моссовета не давали четкого ответа на вопрос о том, какие именно дома должны отводиться рабочим. Часто здания, предназначенные к заселению рабочими, не обследовались с санитарно-технической стороны и оказывались непригодными для жилья. Квартиры же в благоустроенных домах, куда вселялись в силу необходимости несколько семей, имели смежные комнаты, одну плиту, одну ванную комнату. Кроме того, квартирная плата в таком доме была слишком высокой для рабочего. Оставался неясным и вопрос о том, где жить выселяемым; не определен был и их статус.

Не имея четких инструкций, районы действовали на свой страх и риск. При этом не обходилось без перегибов и злоупотреблений. «Жилищная комиссия переселяет всех, кто так или иначе попадает ей в руки. При этом не разбирают: под один ранжир подгоняют и буржуазию, и советских работников, ответственных и безответственных, и рабочих, и коммунистов. Переселяют, выселяют и уплотняют всех без всякого разбора»,–

Москвичи стоят в очереди за керосином. Начало 1920-х гг.

писали «Известия ВЦИК» 29 ноября 1918 г. в статье «Вакханалия переселений». Отдельные граждане, учреждения и организации буквально завалили Центральную жилищную комиссию (ЦЖК) просьбами и жалобами. Некоторые организации начали выдавать своим работникам что-то вроде «охранных грамот». Реакция центральных органов на действия местных жилищных комиссий вызывала недовольство последних. В резолюции Басманного районного комитета РКП(б) говорилось, что центральные органы проявляют бюрократизм, формализм, недоверие к рабочим, стремятся не обидеть привилегированные в имущественном отношении слои, производят аресты рабочих и коммунистов, занимающихся выселением «буржуазии по директивам районных властей и комитетов партии, без спроса и ведома этих организаций, на основании только одних доносов, граничащих с полной клеветой со стороны выселяемых буржуазных элементов, к числу которых относятся и так называемые «советские сотрудники».

С февраля 1919 г. решение Моссовета приостановило процесс переселения рабочих до мая. Нужно было извлечь уроки из его первого этапа. 26 мая 1919 г. Исполком Моссовета вынес постановление о следующем этапе переселения – летом – осенью 1919 г. Было намечено переселить 5250 рабочих семей, причем с указанием конкретных районов. Всякие другие переселения запрещались до 1 мая 1920 г. 4 сентября 1919 г. Исполком Моссовета подтвердил, что переселению подлежат только рабочие, проживавшие в абсолютно непригодных жилищах, по рекомендации жилищно-санитарной инспекции. Тогда же были определены дома с указанием квартир, подлежавших заселению. В состав жилищных комиссий вошли санитарные врачи, а в районные комиссии вводились представители ЦЖК, чтобы максимально сократить количество возможных жалоб, связанных с выселением.

В связи с работой по подготовке квартир к заселению была освобождена от товаров одна тысяча торговых помещений в Китай-городе, учреждения переводились из жилых квартир в нежилые, создавался фонд помещений для выселяемых. Рабочие получили субсидии для квартирной оплаты в размере 3 млн. руб., им были предоставлены кредиты на топливо, приняты меры по обеспечению их транспортом. Кроме того, городские власти позаботились о быте вселяемых рабочих: летом 1919 г. районам было отпущено свыше 15 тыс. предметов мебели, почти 89 тыс. предметов ширпотреба (также в значительной степени путем реквизиции у «буржуазных элементов»).

1920 год стал годом массового переселения рабочих в дома-коммуны, первые из которых были созданы еще в 1918 г. Они располагались неподалеку от фабрик и заводов и предназначались только для семей рабочих конкретных предприятий. Помимо улучшения жилищных условий, коммуны ставили задачу «всестороннего удовлетворения материальных, духовных и культурных потребностей своих членов, развития их чувства коммунистической солидарности, трудовой дисциплины и подготовки к коммунистической жизни». В соответствии с этим члены коммуны решительно занялись ликвидацией неграмотности, боролись против религиозных предрассудков, а также пьянства и других антиобщественных явлений. В 1921 г. в Москве было создано 514 домов-коммун, в которых проживали 56 271 рабочий и 28 782 служащих с семьями.

Но коренным образом решить жилищную проблему методами экспроприации и уравнительного перераспределения было невозможно. Социальная напряженность сохранялась. К концу гражданской войны в подвалах и полуподвалах проживало 26 630 человек (около 2,6% жителей города).

5. ВОЕННЫЙ БЫТ

Первая мировая, а затем гражданская войны привели к большим безвозвратным потерям среди москвичей. Город наполнился беженцами, беспризорными детьми, много было вдов, сирот, инвалидов. Почти каждая семья испытала на себе пагубные последствия военного лихолетья.

С началом гражданской войны разруха, охватившая страну, усилилась. Москва оказалась в тяжелейшем экономическом положении. Резко обострилась продовольственная ситуация. Особо тяжелыми были для москвичей 1918–1919 гг., когда Центр России оказался отрезанным от Украины, Поволжья, Сибири. В течение 1918 г. Москва не получила и трети всех запланированных хлебных поставок. Приходилось употреблять в пищу жмых и другие суррогаты. За 1918 г. в миллионный город было доставлено не более 7 тыс. пудов хлеба. В первой половине 1919 г. случались дни и даже недели, когда хлеб вообще не выдавался. Положение несколько выправилось в 1920 г. В феврале в столицу прибыло 437 вагонов с хлебом, в апреле – 985. К маю 1920 г. город смог создать минимальные запасы масла, мяса, птицы.

Кризис продовольствия вызвал резкий рост цен. Так, в первом полугодии 1918 г. по сравнению с тем же периодом 1916 г. средние цены на мясные продукты поднялись в 10 раз, на овощи – в 13 раз. Значительно повысилась сто-

У кухни-столовой общественного питания. 1918 г.

имость соли и чая. В целом цены на все продукты питания к концу 1918 г. по сравнению с 1916 г. поднялись более чем на 1540%. В условиях безудержной дороговизны заработная плата рабочего не обеспечивала необходимого прожиточного минимума (к 1 сентября 1918 г. она официально была ниже его на 25%). Попытки ввести фиксированные пайки, прямое распределение продовольствия не давали возможности исправить положение. Москва продолжала голодать: на одного жителя приходилось 1700 калорий в день (при норме 3617). В апреле 1919 г., например, каждый член рабочей семьи получал по карточкам на день в среднем 216 г хлеба, 80 г муки или крупы, 200 г картофеля, 64 г мяса, 56 г рыбы, 28 г постного масла. В июне средняя выдача составила: 124 г хлеба, 96 г крупы, 12 г мяса, 24 г рыбы, 12 г масла; картофель не выдавался вовсе.

Тяжелое продовольственное положение усилило спекуляцию. Никакие запрещения рыночной торговли, никакие репрессивные меры не могли остановить образование стихийного рынка. Люди покупали и продавали продукты, полученные по карточкам, старую одежду и обувь, муку и мясо из деревни, предметы домашнего обихода...

Главным рынком Москвы (а быть может, и всей Советской России) был Сухаревский. Слово «Сухаревка» в те годы, став нарицательным, звучало в политических докладах, газетных статьях и разговорах граждан. Сухаревка – грандиозное торжище, где продавалось все, что угодно: хлеб восьмушками и сахар мешками, пирожные из картошки и южные фрукты, кружки из консервных банок и севрские сервизы, солдатские обмотки и каракулевые манто,– стала центром спекуляции, мошенничества, воровства.

Подобная же ситуация сложилась и с промышленными товарами. Порой существующее положение приводило к анекдотическим случаям. Так, в 1919 г. было отмечено увеличение рождаемости в Москве. Объяснение этому факту найти достаточно просто. Новорожденным по распоряжению Моссовета полагался кусок мануфактуры, мыло и т.п. Многие предприимчивые москвичи успевали зарегистрировать своих младенцев по нескольку раз в различных районных загсах.

Наряду с продовольственным Москва испытывала острейший топливный кризис. Прежде всего он привел к сокращению московской промышленности, работающей главным образом за счет привозного топлива из Донбасса и Баку, оккупированных в это время интервентами. К началу 1918 г. на московских складах осталось всего 934 847 кубов угля, а его требовалось более 3 млн. Спасти положение должны были дрова. Но их заготовка требовала огромного количества рабочей силы. Трудно было дрова заготовить и подвезти к железной дороге, еще труднее – доставить к месту назначения, ибо железные дороги не могли дать нужного количества вагонов. Из

намеченных на 1918/19 г. 9,4 млн. кубов дров было заготовлено 40%, вывезено – 27, а к месту назначения прибыло 15%.

«На складах нет дров. Хлебопекарни отапливаются досками и шпалами»,– писала «Экономическая жизнь» 28 сентября 1919 г. Московская промышленность не получала сырья, был парализован железнодорожный узел. Это приводило не только к сокращению промышленного производства, но и к закрытию фабрик и заводов. Вследствие этого росла безработица.

Нет нужды доказывать, что тяжелые испытания, выпавшие на долю горожан, вызвали изменения в демографической структуре, прежде всего в численности населения. К апрелю 1918 г. за неполных восемь месяцев после сентябрьской переписи 1917 г. число горожан сократилось более чем на 138 тыс. человек, или на 7,5%.

Следует отметить, что среднемесячная убыль мужского населения превышала этот показатель среди женщин почти на 30%. Всего же с мая 1917 г. по август 1920 г. Москва потеряла почти половину своего населения, общая численность горожан стала меньше, чем в конце XIX в., и составила 1 027 336 человек. Особенно пострадали окраины Москвы, населенные рабочими, беженцами, т.е. теми, чьи интересы новая власть объявила приоритетными. Более чем вдвое сократилось население Марьиной Рощи, Богородского и Черкизовского участков. Центр в среднем лишился от 15 до 35% населения.

Годы военного лихолетья пагубно отразились на состоянии здоровья москвичей, особенно мужской его части. На каждую тысячу москвичей в 1920 г. приходилось около 13 человек, имевших физические недостатки, ограничивающие их трудоспособность. Из них шесть человек были вообще нетрудоспособны. Кроме того, в каждой тысяче насчитывалось четыре человека психически больных. Наибольшая часть лиц этих категорий приходилась на мужчин в возрасте 20–39 лет. Как правило, многие из них являлись инвалидами войны. Об этом говорит даже простое перечисление причин нетрудоспособности: отсутствие конечностей, слепота, хромота и т.п.

Годы войны характеризовались высокой смертностью в результате эпидемий. Особенно свирепствовали различные виды тифа: сыпной, брюшной, возвратный. С осени 1918 г. в столице распространилась эпидемия гриппа («испанка»), участились смертельные исходы от заболевания холерой, оспой, дизентерией, скарлатиной.

Таким образом, Москва сполна испытала тяготы революции и гражданской войны. Кровопролитная борьба на улицах города в дни перехода власти в руки Советов. Участие в армиях противоборствующих сторон в сражениях на фронтах, опоясывающих страну. Москвичи сражались и погибали по обе стороны фронта. Одни обороняли Москву, искренне убежденные в правоте своих идей, другие наступали на Москву, веря, что борются за спасение отечества.

Все население города страдало от голода, холода, эпидемий. Условия повседневной жизни были кошмарны.

Однако революция несла с собой не только разрушение. Делались попытки найти формы более справедливого жизненного устройства для большинства трудового населения. Появились ростки нового, прогрессивного в трудовом законодательстве, здравоохранении, просвещении, образовании.

История Москвы в эти годы, трудные, болезненные, полные драматических событий, с особой остротой и наглядностью отражает всю сложность и противоречивость исторического развития России.

6. ПОЛИТИЧЕСКИЕ БАТАЛИИ В СТОЛИЦЕ. ЦЕНТРАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ ПРОТИВ «МОСКОВСКОГО СЕПАРАТИЗМА»

Победившей партии большевиков от предыдущего, демократического этапа революционных событий досталась многопартийность. Нельзя забывать, что большевики совершили октябрьский переворот именно в союзе и под лозунгом демократических партий, представлявших подавляющую часть российского населения. Но этот симбиоз оказался временным и непрочным: захватившие власть большевики исповедовали экстремистскую политику. Трения были неизбежны.

Разногласия проявились уже при организации первого Совнаркома в Петрограде, когда московские большевики А. И. Рыков, В. П. Ногин и В. П. Милютин вместе с Г. Е. Зиновьевым, Л. Б. Каменевым и некоторыми другими членами ЦК РСДРП(б) высказались за создание «однородного социалистического правительства от большевиков до народных социалистов»[5]. В ответ на отказ большинства ЦК согласиться с их требованием, они вышли из состава ЦК РСДРП(б) и из правительства, создав первый в истории советской власти правительственный кризис, и В. И. Ленину срочно пришлось искать замену ушедшим наркомам. Раздосадованный, он заявил: «Пусть несколько наших товарищей встали на платформу, ничего общего с большевизмом не имеющую. Но московские рабочие массы не пойдут за Рыковым и Ногиным»[6].

[5] Очерки истории Московской организации КПСС. Кн.II. М., 1983. С.12–14.

[6] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т.35. С.58.

Оптимизм В. И. Ленина в отношении Москвы был все же далек от реальности. 4 ноября 1917 г. на совместном заседании Московских городского, областного и окружного комитетов партии с представителями фракции Московского Совета выяснилось, что идея «широкой демократии» при формировании городских органов власти имеет немалое число сторонников[7].

Подобная же картина выявилась и на выборах в Учредительное собрание в Москве, состоявшихся 19–21 ноября 1917 г. За список большевиков проголосовало меньше половины москвичей – 47,9%. За кадетский и эсеровский списки было подано соответственно 35,7 и 8,1% голосов. В результате Москву в Учредительном собрании представляли 5 большевиков, 4 кадета и 1 эсер[8]. В целом по стране состав избранного Учредительного собрания был, как известно, не в пользу большевиков.

Политическая обстановка вокруг Учредительного собрания накалилась настолько, что оно, наряду с восстаниями Керенского – Краснова и Каледина, не могло не стать очередным актом гражданской войны, развернувшейся в первые месяцы советской власти. Это подтвердили события начала января не только в Петрограде, но и в Москве, где также состоялись демонстрации сторонников Учредительного собрания, сопровождавшиеся стрельбой из окон домов и гостиниц, из подвалов и укрытий, из чердаков и с крыш. Была взорвана бомба в помещении Дорогомиловского райсовета. Все эти эксцессы большевикам удалось подавить – сил у них оказалось больше.

После разгона Учредительного собрания буржуазные партии – кадеты, октябристы, монархисты – были разгромлены, остатки их ушли в подполье и в те районы, которые контролировались Белой гвардией и Антантой.

Первыми были вынуждены покинуть политическую арену кадеты. Вошедшие в антибольшевистский Комитет спасения родины и революции, кадеты в ноябре 1917 г. декретом СНК были поставлены вне закона. Закрылись центральные органы печати кадетской партии, ее клубы, а жизнь видных ее деятелей оказалась под угрозой ареста и даже расстрела. Правда, после зверского убийства в Петрограде членов ЦК кадетской партии Ф. Ф. Кокошкина и А. И. Шингарева арестованных ранее кадетов выпустили из тюрем.

Временные послабления вызвали некоторое оживление кадетских организаций, особенно в Москве. В мае 1918 г. кадеты даже рискнули на проведение в столице своей конференции. В ответ на ее решения, направленные все на ту же непримиримую борьбу с советской властью, ВЧК вновь арестовала членов ЦК, Московского комитета и активистов кадетской партии. С этого момента ее уделом окончательно стало подполье.

В 1918–1920 гг. кадеты приняли активное участие в деятельности подпольных организаций – «Союза защиты Родины и свободы», «Национального» и «Тактического» центров, «Союза возрождения», «Союза освобождения России», раскрытых в разное время органами ВЧК в Москве и других городах[9]. Часть кадетских лидеров, как, например, П. Н. Милюков, эмигрировали, многие бежали на юг к Деникину и в Сибирь к Колчаку. Остававшиеся в подполье в Москве и других местах кадетские группы к концу гражданской войны истаяли, как дым. Такая же судьба постигла и остатки монархистов, в частности группу известного Маркова 2-го в Москве, организовавшего вместе с октябристами так называемый объединенный «Правый центр», тоже позднее ликвидированный карательными органами власти[10].

После разгрома основных сил буржуазных партий в начале 1918 г. легально действовали только социалистические партии – эсеры, меньшевики, анархисты, имевшие своих представителей в Советах. Агония этих партий в государстве «диктатуры пролетариата» продлилась еще несколько лет.

С весны 1918 г. В. И. Ленин и его окружение после переезда Советского правительства в Москву приняли меры к подавлению московского «сепаратизма». Он имел здесь объективную основу. Дело в том, что Москва была местом, достаточно удаленным от русско-германского фронта. Московская область, в которую входили губернии Центральной России, со своим фактическим правительством в Москве, по отношению к Петрограду и Совнаркому оказалась достаточно автономной: Моссовет даже принимал резолюции о недопустимости «вмешательства центральной власти в его распоряжения»[11]. Такое самовластие Ленин считал особенно нетерпимым. Но покончить с ним было нелегко.

Политическим «яблоком раздора» как внутри самой партии коммунистов, так и в ее взаимоотношениях с другими социалистическими партиями стал Брестский мир, повлекший огромные людские, территориальные и материальные потери для страны. Против Ленина и его сторонников – инициаторов заключения этого унизительного договора – выступили «левые коммунисты» и ряд левых партий.

Наиболее непримиримую позицию в отношении Брестского мира заняли левые эсеры, находившиеся весной 1918 г. в правительственном блоке с большевиками. Стремясь во что бы то ни стало разорвать уже ратифицированный мир с Германией, левые эсеры взяли курс на

[7] Центральный архив общественных движений Москвы (далее ЦАОДМ). Ф.3. Оп.1. Д.4. Л.121.

[8] *Алещенко Н.М.* Московский Совет в 1917–1941 гг. М., 1976. С.31.

[9] Из истории ВЧК. 1917–1921 гг. Сборник документов. М., 1958. С.121, 329, 401.

[10] Непролетарские партии в России. Урок истории. М., 1984. С.415.

[11] Наше Отечество. Опыт политической истории. Т.2. М., 1991. С.47.

М. А. Спиридонова

Делегаты V Всероссийского съезда Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. Июль 1918 г.

подготовку в Москве вооруженного мятежа против советской власти. Под председательством Марии Спиридоновой, которая была идейным вдохновителем мятежа, 24 июня 1918 г. состоялось заседание ЦК партии левых эсеров, принявшее соответствующее решение.

Все началось с убийства германского посла Мирбаха сотрудниками ЧК – эсерами Я. Г. Блюмкиным и Н. А. Андреевым. Арестованная во время мятежа на заседании V съезда Советов в здании Большого театра, М. А. Спиридонова на следствии попыталась взять всю ответственность на себя: «Я организовала дело убийства Мирбаха с начала до конца. Блюмкин действовал по поручению моему»[12].

На суде над левыми эсерами, который открылся 27 ноября, из 14 обвиняемых присутствовали лишь двое – М. А. Спиридонова и Ю. В. Саблин, руководитель боевой организации эсеров, остальные 12 находились «в бегах». Приговор Революционного трибунала был суров только по отношению к командиру эсеровских боевиков Д. И. Попову: при поимке – расстрелять. Для всех остальных он оказался весьма мягким: даже непосредственные исполнители убийства Мирбаха – Блюмкин и Андреев – присуждались к трехгодичному тюремному заключению. Трибунал приговорил Спиридонову и Саблина, «принимая во внимание их особые прежние заслуги перед революцией», к одному году тюрьмы (через два дня они были амнистированы Президиумом ВЦИК и освобождены)[13].

После подавления мятежа левые эсеры еще какое-то время делали попытки сохранить свои позиции в Советах. На заседании Московского областного исполкома (МОИК) 20 июля 1918 г. они обнародовали свою декларацию, в которой говорилось:

«Фракция левых социалистов-революционеров МОИК, признавая заявления Центральной власти о заговоре и мятеже против совввласти не соответствующими действительности и не одобряя вредной для дела революции и советской власти внешней и внутренней политики Центрального правительства, считает недопустимым вооруженную борьбу против Советов... Фракция призывает всех своих товарищей оставаться на местах и отстаивать свои позиции внутри Советов...»[14]

Попытка московских левых эсеров отмежеваться от мятежа и представить его исключительно как действия только ЦК своей партии успеха не имела. 27 июля Московский облисполком постановил исключить фракцию левых эсеров из своего состава с оговоркой, однако, что «находит возможным участие в своем составе тех левых социалистов-революционеров, которые заявят об их несолидарности с авантюрой ЦК их партии»[15].

Таким образом, в целом как политическая партия левые эсеры были разбиты. Их организации еще продолжали существовать лишь в виде отдельных небольших групп. Часть их вступила в партию большевиков, часть примкнула к анархистам и разделила их судьбу.

Что же касается анархистов, то в Москве эти последователи М. А. Бакунина и П. А. Кропоткина группировались вокруг отдельных клубов. «Идейных» анархистов оказалось, впрочем, мало, их дискредитировала бандитская деятельность уголовных элементов, только прикрывавшихся черным знаменем анар-

[12] Красная книга ВЧК. Т.1. М., 1920. Цит. по: Известия ЦК КПСС. 1989. № 5. С.181.

[13] Цит. по: Известия ЦК КПСС. 1989. № 5. С.183.

[14] ЦАОДМ. Ф.3. Оп.1. Д.33. Л.1, 2.

[15] Там же. Л.5.

хии. В результате чекисты разгромили анархистские центры. Органы ВЧК в течение весны – лета 1918 г. провели ряд планомерных акций по ликвидации анархистских гнезд в Москве. Трудность положения заключалась в том, что московские анархические группы и отряды (чего только стоили одни их названия – «Авангард», «Борцы», «Буря», «Лава», «Смерч», «Ураган» и др.), насчитывавшие свыше 2000 хорошо вооруженных людей, захватили 26 зданий и особняков, фактически «окружив» центр столицы. После апрельской 1918 г. операции по разоружению анархистов было арестовано около 600 человек – сторонников анархии: их потери составили 30 человек убитыми (чекистов было ранено 12)[16].

Оставшиеся анархисты ушли в подполье и совместно с левыми эсерами провели акт мести – бросили в сентябре 1919 г. бомбу в помещение Московского комитета партии большевиков в Леонтьевском переулке, в результате чего погибли 12 видных большевиков, а 55 человек – ранены[17]. Ответом было нанесение нового, еще более сильного удара по анархистам, объединившимся во «Всероссийский повстанческий комитет революционных партизан», который наладил связь с украинскими анархистами во главе с батькой Махно. Именно этот комитет взял на себя ответственность за взрыв в Леонтьевском переулке.

Карательные органы МЧК несли потери. В упомянутом отчете сказано: «Почти никто из боевиков не сдавался без сопротивления, имея при себе и бомбы, и по нескольку револьверов». При ликвидации чекистами подпольной типографии анархистов в Краскове боевики отстреливались почти три часа, а затем взорвали дачу, где они сидели, вместе с типографией[18].

После этой акции сопротивление анархистов в столице практически сошло на нет, а в 1921 г., после смерти патриарха анархизма П. А. Кропоткина, наступил закат этого общественного движения. Любопытная деталь эпохи: арестованные анархисты по личному приказу Ф. Э. Дзержинского были выпущены из московских тюрем, чтобы проститься с умершим Кропоткиным (советская власть хоронила его с почетом, гроб был установлен в Доме Союзов), а затем вернулись с Новодевичьего кладбища обратно в камеры[19].

В отличие от экстремистски настроенных анархистов и эсеров меньшевики предпочитали баталии идейные. В первые годы гражданской войны они во главе с Ю. О. Мартовым заявили о своем признании советской власти и пытались в обмен на эту уступку расширить возможности своей легальной работы в Советах и среди трудящихся. Эти надежды, однако, оказались тщетными. Вместе с другими демократическими партиями меньшевистские организации находились под плотной опекой органов ЧК – ОГПУ, да и влияние их в массах падало. Мартов с горечью писал в годы революции, пытаясь объяснить крах меньшевистской идеологии: «Массы не склонны нас поддерживать и предпочитают... переходить прямо к антиподу – большевикам, которые «проще» и больше «дерзают», словом, по своей демократичности больше приемлемы для широких некультурных масс»[20]. Заявления об отказе от вооруженной борьбы с советской властью ничего меньшевикам не дали. К концу гражданской войны и после нее

Ю. О. Мартов

Б. В. Савинков

[16] Политическая история России в партиях и лицах. С.82, 83.

[17] Очерки истории Московской организации КПСС. Кн.II. Ноябрь 1917–1945. М., 1983. С.159.

[18] Из истории ВЧК. С.349–354.

[19] Политическая история России в партиях и лицах. С. 262.

[20] Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф.342. Оп.1. Д.51. Л.162.

многие из них эмигрировали, в том числе и Мартов.

Оставшиеся в столице группы этих партий продолжали вести антисоветскую агитацию.

В условиях тяжелейшей гражданской войны, не раз ставившей под вопрос само существование большевистской власти, она сумела победить своих политических противников. Об этом говорит хотя бы численный рост большевистских партийных организаций: за время гражданской войны в Москве они увеличили свои ряды в 3,6 раза[21]. Большевики обладали реальным влиянием в массах, опирались на поддержку значительной их части. Поэтому нет ничего удивительного в том, что к концу гражданской войны большевики фактически покончили с многопартийностью, утвердив себя единственной политической силой страны без каких бы то ни было партнеров и реальных соперников.

О судьбе политических оппонентов большевизму осталось сказать немного. Еще несколько лет они проходят по сводкам МЧК – ОГПУ. Но как? «Ничем себя не проявляют, за отсутствием активных руководителей, располагают слабыми силами III степени и находятся в глубоком подполье, так что их трудно прощупать...»[22]

Одним из завершающих актов противостояния большевиков и их политических противников стал проходивший летом 1922 г. в Москве судебный процесс над членами ЦК и активными деятелями партии правых эсеров.

После окончания гражданской войны распад и «самоликвидация» антибольшевистских партий продолжались. «Мы все побеждены советской властью,– констатировал один из самых непримиримых ее противников Б. В. Савинков незадолго до своей гибели в московской тюрьме.– Побеждены и белые, и зеленые, и беспартийные, и эсеры, и кадеты, и меньшевики... Побеждены в боях, в подпольной работе, в тайных заговорах и открытых восстаниях... Прошло семь лет (с 1917 г.– *Авт.*). Мы – распылены. Мы живые трупы. А советская власть крепнет с часу на час»[23].

...И, наконец, финал. В обзорном докладе ОГПУ в МК РКП(б) о состоянии оппозиционных партий в январе – мае 1924 г. констатировалось: «Органами ОГПУ произведен систематический разгром основных ячеек важнейших антисоветских партий и группировок: произведены серии арестов руководства, членов ЦК и местных ячеек, забраны типографии, ликвидированы подпольные газеты, захвачена литература. В результате среди членов партий меньшевиков, левых и правых эсеров отмечается углубление идейного разброда, идет процесс самоликвидации партий и их организаций в Москве и губернии»[24].

Таким образом, все недавно могучие противники советской власти и большевизма в стране и в Москве были разгромлены в течение нескольких лет после Октябрьской революции. Но жизнь не стала спокойной. Гражданская война оставила большие раны и породила сложнейшие проблемы. Как их решать? По какому пути пойдет далее страна? Каково место Москвы в новом государстве? Эти вопросы стали почвой для политических споров и решений, не менее острых, чем в годы революции и гражданской войны.

[21] Очерки истории Московской организации КПСС. Кн.II. С.173.

[22] ЦАОДМ. Ф.3. Оп.1. Д.164. Л.2–4; Оп.2. Д.48. Л.45–50; Оп.2. Д.49. Л.47; Оп.2. Д.51. Л.1–21.

[23] Дело Бориса Савинкова. М., 1924. С.150.

[24] ЦАОДМ. Ф.3. Оп.5. Д.55. Л.1–4.

V

20-е ГОДЫ: МОСКВА НЭПОВСКАЯ

1. МОСКВА К КОНЦУ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

К концу гражданской войны при значительно выросшей территории Москвы численность ее населения уменьшилась вдвое: 2017 тыс. человек накануне Февральской революции (в 1915 г.– 1894 тыс.) и 1027 тыс. человек в 1920 г. Столь значительное снижение численности москвичей связано в первую очередь с хозяйственной разрухой: закрытием или сокращением производства на фабриках и заводах, топливным и продовольственным кризисом. Если в 1917/18 г. московская промышленность выпустила готовой продукции на 532,6 млн. золотых руб., то в 1920/21 г.– на 160,6 млн. рублей. Количество рабочих за этот период уменьшилось с 409,9 тыс. до 199,3 тысяч. Еще большим стало падение производительности труда. В 1920/21 г. она составила в текстильной промышленности – 24,8%, в химической – 24,0, в кожевенной – 30,8, в металлургической (1919–1920) – 16,1% от уровня 1913 г.[1] К концу гражданской войны сложилось катастрофическое положение с топливом: в 1914 г. Москва потребила 110 700 тыс. пудов условного топлива, в 1918 г.– 64 300, в 1919 г.– 51 060, в 1920/21 г.– 53 100 тыс. пудов. Продовольственные организации и Моссовет с большим трудом могли подвозить топливо только для Рублевского водопровода, электрической станции, больниц. Предприятия же и учреждения отапливались от случая к случаю.

Еще хуже обстояли дела с обогревом жилых домов. Выдача топлива рабочим производилась через заводские комитеты по мере поступления дров в Москву, а оно было нерегулярным и незначительным.

Население вынуждено было прибегать к «самоснабжению»: уничтожались заборы, разбирались обветшавшие дома. Сжигалось все, что могло гореть.

В годы гражданской войны в городе действовала карточная система распределения продовольствия. Однако она была недостаточно эффективной. Так, в июле 1919 г. рабочие семьи лишь четверть необходимых продуктов получали по карточкам, остальные же добывались путем покупки или обмена на «черном рынке». Семьи служащих отоваривались преимущественно на рынке: карточная система снабжала их лишь пятой частью необходимого хлеба[2].

К производственным, бытовым трудностям московских жителей добавлялись проблемы социально-психологического свойства. Революция была совершена под лозунгами уничтожения эксплуатации, превращения человека труда в хозяина на производстве, в общественно-политической жизни. Насколько удалось достичь этих целей? Один из выступавших на V Московской губернской конференции РКП(б) (февраль 1921 г.) отмечал: «...нередко на фабрике и заводе находится тот же самый мастер, тот же заведующий, а иногда и бывший фабрикант. Нередко бывают случаи, в особенности в текстильной промышленности, когда встречается какой-нибудь директор, в былое время выброшенный рабочими»[3].

Наряду с отчуждением рабочих от собственности за годы гражданской войны произошло отчуждение их и от власти. Представитель «рабочей оппозиции» Е. Н. Игнатов с горечью говорил на V Московской губернской конференции РКП(б) о расколе партии на «верхи» и «низы», об отрыве партийцев от рабочей массы, о бюрократизации партии. Дело доходило до совершенно нетерпимых случаев: «...было принято положение о большей свободе дискуссий внутри Партии... Эти мероприятия все же не были проведены в жизнь... Когда низы Партии стремились к проведению намеченной задачи, они встретили яростное сопротивление. Тут в Москве имел у нас место такой случай, когда на прошлой конференции один товарищ, который

[1] Московский Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1917–1927. М. (1927). С.214.

[2] Там же. С.174.

[3] ЦАОДМ. Ф.3. Оп.2. Д.2. Л.14, 15.

«Могучим ударом труда мы уничтожим оковы разрухи». Плакат. Художник В. Кудряшов. 1921 г.

«Оружием мы добили врага...» Плакат. Художник Н. Когоут. 1921 г.

говорил о том, что постановления нужно проводить в жизнь, чуть ли не дошел до сумасшедшего дома и его пришлось вытаскивать за шиворот,– такова была обстановка и отношение к тем, кто пытался провести постановления в жизнь». В конце февраля этого же года прошло совещание ответственных агитаторов и заведующих агитотделами райкомов Москвы по вопросу «Об оценке происходящих событий». В итоговом постановлении констатировалось «общее недовольство на почве обострившейся нужды, особенно продовольственной и топливной», хотя и указывалось, что «движение масс направлено не против советской власти, а против отдельных безобразий, злоупотреблений, неравенства и проч.». В этой связи отмечалось «общее оживление работы враждебных групп (эсеров, меньшевиков, анархистов)» и одновременно «ослабление влияния коммунистов на заводах и доверия к партии».

Однако московские «верхи» явно недооценивали остроту ситуации. По мнению председателя Моссовета Л. Б. Каменева, выступившего на V Московской губернской конференции РКП(б), представители внутрипартийных групп «демократического централизма» и «рабочей оппозиции» излишне драматизировали ситуацию, заявляя, «что это кризис, который переживает Партия. Московский комитет так далеко не идет и не говорит... Кризиса в сов. государстве у нас нет и с самой высокой колокольни закричать об этом на весь мир совершенно незачем. Достаточно констатировать только болезненное явление, которое у нас имеется»[4]. И это говорилось за неделю до мятежа в Кронштадте, заставившего большевистское руководство в начале марта 1921 г. на X съезде РКП(б) признать наличие острейшего общественно-политического кризиса в стране и перейти к новой экономической политике (нэпу). Ее суть заключалась в переходе от централизованно-планового (коммунистического) распределения продуктов, от военно-коммунистической хозяйственной модели к запрещенной ранее торговле и широкому развитию рыночных отношений под государственным контролем.

25–28 июня 1921 г. состоялась VI внеочередная Московская губернская конференция РКП(б). В условиях острейшего хозяйственного, социально-политического кризиса конференция предложила Моссовету в ближайшей перспективе сделать основной упор на увеличение производства товаров широкого потребления. Это позволяло максимально быстро улучшить материальное потребление трудящихся, измученных войной, установить «смычку» города с деревней, сняв тем самым социальную напряженность. С целью поднятия эффективности производства часть предприятий рекомендовалось перевести на хозяйственный расчет, а мелкие промышленные заведения сдать в аренду.

В это время московская промышленность делилась на две группы. Наиболее крупные предприятия находились в федеральном ведении, большинством же фабрик и заводов (мелких и средних) руководил Московский Совет народного хозяйства, председателем которого в то

[4] ЦАОДМ. Ф.3. Оп.2. Д.2. Л.38, 39.

время являлся член Мосгубисполкома В. М. Лихачев[5]. Московский Совет народного хозяйства произвел разбивку подведомственных ему предприятий на три группы: часть ключевых объектов была оставлена на государственном снабжении, другие – переведены на самоснабжение, остальные – предназначены для сдачи в аренду[6]. На 14 декабря 1923 г. в аренду было сдано 721 мелкое заведение, в том числе 365 предприятий пищевой промышленности, 88 – текстильной, 74 – металлообрабатывающей. Среди арендаторов преобладали частные лица, в том числе бывшие владельцы[7].

Для восстановления промышленности, транспорта и других отраслей народного хозяйства был привлечен иностранный капитал. В Москве открылось несколько концессионных фабрик и заводов: фабрика Шульмана, шарикоподшипниковый завод на Шаболовке шведской фирмы «СКФ» и др. Арендные и концессионные промышленные предприятия работали под контролем Совнархоза.

На основании декрета ВЦИК от 7 июля 1921 г. «О кустарной и мелкой промышленности» было разрешено открывать собственные промышленные предприятия в столице и частным лицам. Однако частная промышленность в Москве и Московской губернии играла сравнительно небольшую роль. В 1922–1923 гг. она выработала 3,4% общего количества продукции московской промышленности[8].

VII Московская губернская партийная конференция (29–31 октября 1921 г.) приняла решение вместо главков создавать тресты, объединявшие группы однородных в производственном отношении предприятий. Процесс перехода от главков к трестам в московской промышленности закончился к весне 1922 г. Был создан 31 трест, объединявший 419 предприятий с 184 432 рабочими[9]. Наиболее известные из них: «Машинотрест», «Моссельпром», «Мостекстиль», «Мострикотаж», «Москож», «Москвошвей», «Моссукно», «Жиркость» и другие объединения. В трестированной промышленности была проведена концентрация производства: часть предприятий закрыли, а освободившееся оборудование и квалифицированных рабочих перевели на действовавшие фабрики и заводы. К концу 1922 г. в ведении Московского Совета народного хозяйства находилось 33 треста, на предприятиях которых трудилось 163 тыс. рабочих[10]. Тресты постепенно были переведены на хозяйственный расчет: они получили известную самостоятельность в приобретении сырья, инструментов, в сбыте продукции и подборе рабочей силы[11].

Переход московской экономики на рыночные механизмы хозяйствования произошел не сразу. Еще накануне X съезда РКП(б) в Московской губернии были сняты все заградительные продовольственные отряды. 28 марта 1921 г. Московский Совет принял постановление о свободной продаже и покупке сельскохозяйственных продуктов, которые ранее нормировались. Наблюдение за правильным ведением торговли в Москве осуществлял отдел управления Моссовета. Первоначально торговля была разрешена на Грузинском, Смоленском, Марьинорощинском, Ростокинском, Немецком, Зацепском, Спасском, Рогожском, Преображенском, Даниловском рынках. Но весной – летом 1921 г. главное внимание уделялось не торговле, а организации натурального товарообмена изделий промышленности на земледельческие продукты[12].

Однако в условиях нехватки промышленной продукции, отсутствия соответствующего государственного аппарата товарообмен организовать не удалось. В октябре 1921 г. в резолюции по докладу В. И. Ленина VII Московская губернская партийная конференция отметила, что характерными чертами

Здание Моссельпрома с рекламой Вл. Маяковского. Художник В. Степанова. Фото А. Родченко. 1924–1925 гг.

[5] История Москвы. Т. VI. Кн. I. М., 1957. С. 238, 239.

[6] Московский Совет... С. 216.

[7] Рабочая Москва. № 281. 1923. 14 декабря.

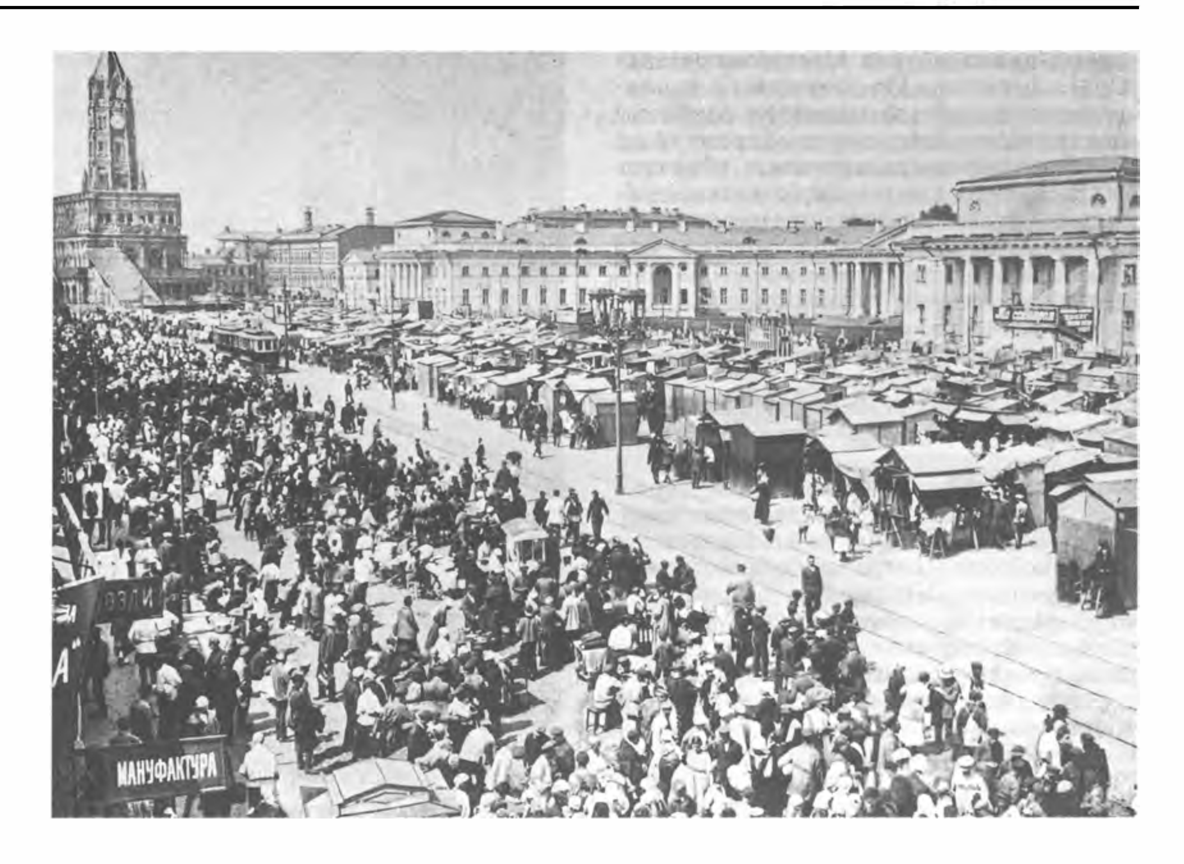
[8] Очерки истории Московской организации КПСС. Кн. II. Ноябрь 1917–1945. М., 1983. С. 243.

[9] Фабрично-заводская промышленность г. Москвы и Московской губернии 1917–1927. М., 1928. С. 36.

[10] Торгово-промышленная газета. № 216. 1922. 26 ноября.

[11] История Москвы. Т. VI. Кн. I. С. 240.

[12] Там же. С. 242.



Сухаревская площадь. 1920-е гг.

хозяйственной обстановки в стране явились образование внутреннего рынка и переход от системы товарообмена к денежному обмену. Исходя из этого, конференция дала указание путем экономических мероприятий «взять в свои руки регулирование рынка и денежного обращения»[13]. В Москве проводилась реорганизация торговых органов, созданных в период гражданской войны. Московская потребительская коммуна и Городская рабочая кооперация были слиты и преобразованы в единое Московское потребительское общество (МПО), в которое вошли первичные кооперативы Москвы. Произошло также укрупнение других кооперативных объединений.

С осени 1921 г. в Москве стала широко развертываться кооперативная и государственная торговля. Московское потребительское общество открыло универсальные магазины: Замоскворецкий, Рогожско-Симоновский, Бауманский и др. Появились свои магазины и у крупнейших первичных кооперативов. На Красной площади заработал Государственный универсальный магазин (ГУМ). Восстанавливались Верхние и Средние торговые ряды, Лубянский пассаж, открылись магазины в Охотном ряду, в Зарядье.

При Московском Совете народного хозяйства организовалось Управление торговли, которое затем было преобразовано в «Мосторг» (Московское государственное акционерное общество торговли). В марте 1922 г. Мосторг открыл оптово-розничный универсальный магазин на Петровке (в помещении бывшего универсального магазина «Мюр и Мерилиз»).

В составе Моссовета была образована комиссия по внутренней торговле, на которую возлагалась обязанность регулирования московского рынка. Для согласования и объединения торговой деятельности московских трестов в масштабе Российской Федерации в Москве создавались текстильный, кожевенный, спичечный, табачный, махорочный, швейный и другие синдикаты.

Развивалась и частная торговля. На 1 января 1923 г. в Москве имелось 27 753 торговых пункта (включая палаточную торговлю), из них 26 833, преимущественно мелких, принадлежало частным лицам. Частный капитал имел большой удельный вес в торговле пищевыми продуктами и товарами широкого потребления. В Москве появилась компактная группа буржуазии, насчитывавшая свыше 41 тыс. торговцев, собственников промышленных заведений, арендаторов и т.д. В эту группу входили не только мелкие буржуа, но и крупные капиталисты, владельцы больших магазинов и предприятий с числом рабочих свыше 150 человек[14].

Блестящую по своей выразительности зарисовку перехода Москвы на рельсы новой экономической политики оставил в очерке «Торговый ренессанс. Москва в начале 1922 года» Михаил Афанасьевич Булгаков: «Для того, кто видел Москву каких-нибудь полгода назад, теперь она неузнаваема, настолько резко

[13] История Москвы. Т.VI. Кн.I. С.242

[14] Там же. С.259.

успела изменить ее новая экономическая политика (НЭПО, по сокращению, уже получившему права гражданства у москвичей).

Началось это постепенно... понемногу... То тут, то там стали отваливаться деревянные щиты, и из-под них глянули на свет после долгого перерыва запыленные и тусклые магазинные витрины. В глубине запущенных помещений загорелись лампочки, и при свете их зашевелилась жизнь: стали приколачивать, прибивать, чинить, распаковывать ящики и коробки с товарами. Вымытые витрины засияли. Вспыхнули сильные круглые лампы над выставками или узкие ослепительные трубки по бокам окон.

Трудно понять, из каких таинственных недр обнищания Москва ухитрилась извлечь товар, но она достала его и щедрой рукой вытряхнула за зеркальные витрины и разложила на полках.

Зашевелились Кузнецкий, Петровка, Неглинный, Лубянка, Мясницкая, Тверская, Арбат. Магазины стали расти как грибы, окропленные живым дождем НЭПО... Государственные, кооперативные, артельные, частные... За кондитерскими, которые первые повсюду загорелись огнями, пошли галантерейные, гастрономические, писчебумажные, шляпные, парикмахерские, книжные, технические и, наконец, универсальные. [...]

Не узнать Москвы. Москва торгует. [...]

На Петровке в сумеречные часы дня из окон на черные от народа тротуары льется непрерывный электрический свет. Блестят окна конфексионов. Сотни флаконов с лучшими заграничными духами, граненых, молочно-белых, желтых, разных причудливых форм и фасонов. Волны материй, груды галстуков, кружева, ряды коробок с пудрой. А вон безжизненно только сияют раскрашенные лица манекенов, и на плечи их наброшены бесценные по нынешним временам палантины.

Ожили пассажи. [...]

Кондитерские на каждом углу. И целые дни и до закрытия они полны народу. Полки завалены белым хлебом, калачами, французскими булками. Пирожные бесчисленными рядами устилают прилавки. Все это чудовищных цен. Но цены в Москве давно уже никого не пугают, и сказочные, астрономические цифры миллионов (этого слова уже давно нет в Москве, оно окончательно вытеснено словом «лимон») пропускают за день блестящие, неустанно щелкающие кассы.

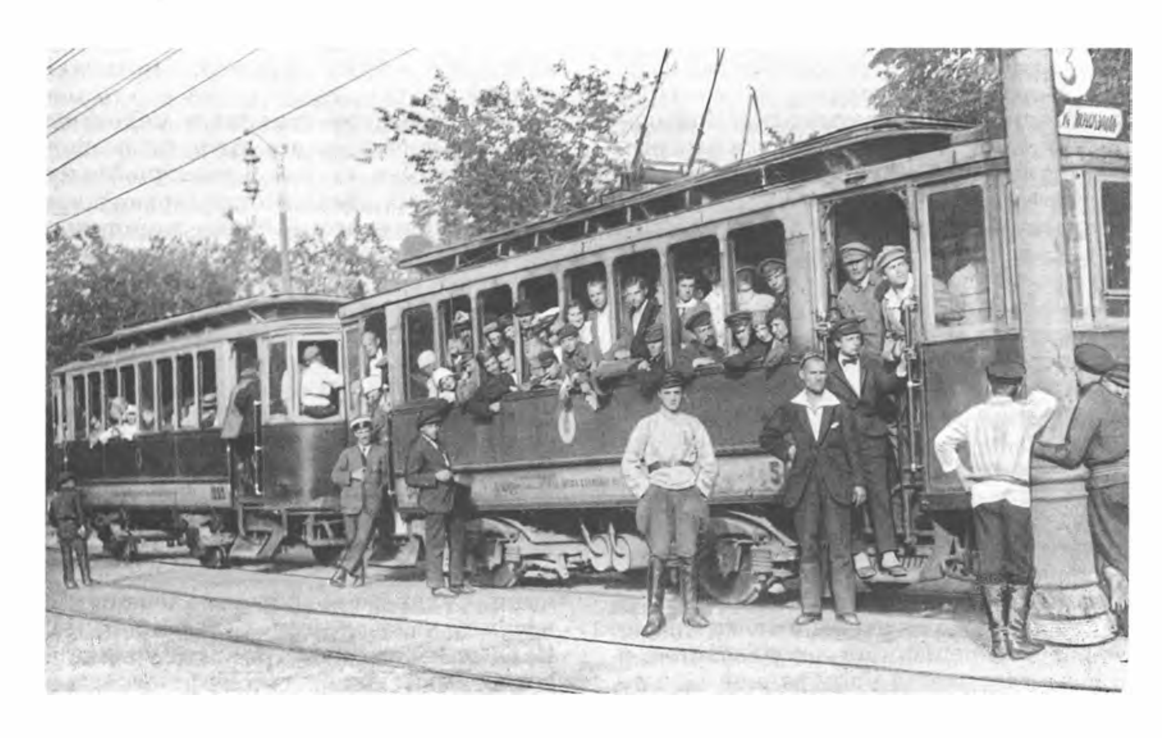
В б. булочной Филиппова на Тверской, до потолка заваленной белым хлебом, тортами, пирожными, сухарями и баранками, стоят непрерывные хвосты.

Выставки гастрономических магазинов поражают своей роскошью. В них горы коробок с консервами, черная икра, семга, балык, копченая рыба, апельсины. И всегда у окон этих магазинов как зачарованные стоят прохожие и смотрят не отрываясь на деликатесы... [...]

В конце ноября «Известия» в первый раз вышли с объявлениями, и теперь ими пестрят страницы всех газет и торговых бюллетеней. [...]

Движение на улицах возрастает с каждым днем. Идут трамваи по маршрутам 3, 6, 7, 16, 17, «А» и «Б», и извозчики во все стороны везут москвичей. [...]

До поздней ночи движется, покупает, продает, толчется в магазинах московский люд. Но и поздним вечером, когда стрелки на освещенных уличных часах неуклонно ползут к полночи, когда



Трамвай на улицах Москвы. 1920-е гг.

Государственные денежные знаки: 1000, 250, 10 и 1 рубль, 50 коп. 1923 г.

уже закрыты все магазины, все еще живет неугомонная Тверская.

И режут воздух крики мальчишек:

– «Ира» рассыпная! «Ява»! «Мурсал»!

Окна бесчисленных кафе освещены, и из них глухо раздается взвизгивание скрипок.

До поздней ночи шевелится, покупает и продает, ест и пьет за столиками народ, живущий в не виданном еще никогда торгово-красном Китай-городе»[15].

Развитие торговли потребовало создания и развития кредитных учреждений. В конце 1921 г. был учрежден и начал свои операции Государственный банк. Через год приступил к работе Мосгорбанк, основной задачей которого являлось кредитование промышленности, торговли и городского хозяйства Москвы. В столице открылись также Промышленный, Кооперативный и Коммерческий банки. Существовали и частные кредитные учреждения. С разрешения правительства в Москве стали функционировать Торгово-промышленное, Учетное, Коммерческое и другие частные общества взаимного кредита.

30 января 1922 г. Наркомат финансов признал 10-рублевую золотую монету царской чеканки, наряду с иностранной валютой, законным средством платежа. С момента легализации золото-валютного рынка золото и иностранная валюта прочно вошли в хозяйственный оборот, сделались объектом спекуляции, стали теснить на финансовом рынке советский денежный знак, темпы обесценивания которого ускорились. В этой ситуации 15 февраля 1923 г. был принят закон о валютных операциях, категорически воспрещавший производство и прием платежей в иностранной валюте и в выписанных в ней чеках и векселях (за исключением платежей по сделкам с учреждениями и предприятиями, находящимися за границей). Этим же законом воспрещались производство и прием платежей в российской золотой монете царской чеканки[16]. Золотовалютное обращение ушло в «тень». В Москве образовалась своеобразная «черная биржа»[17]. Вот фотографически точные зарисовки Булгаковым московских валютчиков образца апреля 1923 г.:

«В бесконечных продолговатых стеклянных крышах торговых рядов бледный весенний свет. На балконе над фонтаном медный оркестр играет то нудные вальсы, то какую-то музыкальную гнусность – «попурри из русских песен», от которой вянут уши.

Вокруг фонтана непрерывное шарканье и шелест. Ни выкриков, ни громкого говора. Но то и дело проходящие фигуры начинают бормотать:

– Куплю доллары, продам доллары.

Куплю займ, банкноты куплю.

И чаще всего таинственнее, настороженное:

– Золото... золото... золото... золото...

Золота не видно, золота не слышно, но золото чувствуется в воздухе. Незримое золото где-то тут бьется в крови. [...]

Один из коридоров рядов загорожен. У загородки сидит загадочно улыбающийся гражданин с билетной книжкой в руках. Угодно идти совершать операции на бирже – пожалуйте билет за 40 лимонов. Вне огороженного пространства операции не поощряются ни в какой мере. Но ведь нельзя же людям запретить гулять в рядах возле фонтана! А если люди бормочут словно во сне? Опять-таки никакого криминала в этом обнаружить нельзя. Идет гражданин и шепчет, даже ни к кому не обращаясь:

– Куплю мелкое серебро... Куплю мелкое серебро... Мало ли оригиналов!.. [...]

В толпе профессионалов мелькают случайные фуражки с вытертыми околышками. Все по тому же случайному золотому делу. Мелькают подкрашенные и бледные ночные бабочки-женщины. Обыкновенные прохожие, что сквозным током идут через галереи с Николаевской на Ильинку, покупатели в бесчисленные магазины ГУМа в рядах. Они смешиваются, сталкиваются, растворяются в гуще валютчиков, вертящихся у фонтана и в галереях. Среди них профессионалы всех типов и видов. Московские в шапках с наушниками, с мрачной думой в глазах, с неряшливыми небритыми лицами, темные восточные, западные и южные люди. Вытертые, ветром подбитые пальто и дорогие бобровые воротники. Сухаревские ботинки-лепешки и изящная лаковая обувь. Седые и безусые. Наглые и вежливые. Медлительные и неуловимые, как ртуть. Профессионалы.

[15] *Булгаков М.А.* Повести. Рассказы. Фельетоны. М., 1988. С.36–38.

[16] *Симонов Н.С.* Из опыта финансово-экономической реформы 1922–1924 гг. // НЭП: приобретения и потери. М., 1994. С.103, 104.

[17] История Москвы. Т.VI. Кн.I. С.242–245.

Ничем не занимаются, ничем не интересуются, кроме золота, золота, золота, золота. Часами сидят у фонтана. Выглядывают, высматривают, выклевывают»[18].

Введение ограничений на функционирование в обороте иностранной валюты и золота было вполне объяснимым. Их свободное обращение подорвало бы доверие населения к новой национальной валюте – банковским билетам Госбанка (червонцам, применявшимся для кратковременного кредитования в промышленности и торговле и обеспеченным золотом и другими легко реализуемыми ценностями и товарами), эмиссия которых началась 27 ноября 1922 г., став отправной точкой растянувшейся на два года (1922–1924) денежной реформы[19]. Один червонец приравнивался к 10 дореволюционным золотым рублям. Для покрытия бюджетного дефицита продолжался выпуск старой валюты – обесценивавшихся советских знаков (совзнаков). Червонец стремительно вытеснял из обращения совзнаки (никто не хотел брать «падающий» совзнак, и все стремились получить «устойчивый» червонец). Денежная реформа завершилась в 1924 г.: вместо совзнаков были выпущены медные и серебряные монеты и казначейские билеты[20].

Успешному завершению финансовой реформы способствовало резкое сокращение государственных расходов. Так, в течение 1922 г. правительство более чем наполовину сократило штаты наркоматов и других госучреждений, почти в 10 раз (по сравнению с 1920 г.) уменьшило численность вооруженных сил[21].

В системе мероприятий по укреплению рубля и кредита большое значение имели местные бюджеты, восстановленные в конце 1921 г. Первый бюджет Московского Совета был составлен на период январь – сентябрь 1922 г. с дефицитом около 5 млн. довоенных рублей[22]. Наличие дефицита потребовало от Московского Совета усиленной мобилизации средств. Во всех учреждениях устанавливалась жесткая экономия, штаты сокращались, некоторые учреждения закрывались. В 1921 г. была восстановлена плата за жилплощадь и все коммунальные услуги: баню, трамвай, водопровод, электроэнергию и т.д. Кроме общегосударственного обложения в Москве вводились местные налоги, служившие средством дополнительного накопления, а некоторые из них – орудием ограничения частного капитала[23].

Стабилизация денежного обращения благоприятно сказалась на экономике. Так, на протяжении 20-х гг. добились серьезных успехов московские фабрики и заводы. Скажем, самая развитая в губернии текстильная промышленность, производство которой в годы хозяйственной разрухи снизилось до 10,5% к довоенному уровню, в 1926/27 г. произвела продукции на 11% больше, чем в 1913 г. Довольно значительный рост производства (на 21,9%) дала и металлопромышленность. С 1921/22 г. растет производительность труда. В 1926/27 г. в целом по промышленности она составила 103,2% от уровня 1913 г. Правда, в ряде отраслей – в деревообрабатывающей, пищевкусовой, металлообрабатывающей – производительность труда в этот период еще отставала от довоенной[24]. В 20-е гг. Москва еще оставалась «ситцевой»: промышленность в основном производила предметы потребления. Так, в 1925/26 г. в общем объеме московской государственной продукции предметы потребления занимали 61%, орудия производства и транспорта – 4,5%, средства производства – 34,5%.

Двадцатые годы – это время возрождения московского транспорта. После принятия Моссоветом ряда решительных мер (усиленное снабжение необходимыми для ремонта трамваев материалами, паек и премия для рабочих и т.п.) в 1921 г. вновь пошел трамвай. Были организованы мастерские для производства стрелок и крестовин; налажен плановый капитальный и периодический ремонт подвижного состава (для чего переоборудовали Сокольнический завод и дооборудовали некоторые эксплуатационные

Билет Государственного банка СССР. Банкнота в два червонца. 1920-е гг.

Серебряный полтинник. 1925 г.

[18] *Булгаков М.А.* Под стеклянным небом // *Булгаков М.А.* Указ. соч. С.67–69.

[19] *Симонов Н.С.* Указ. соч. С.104.

[20] История России с древности до наших дней: Пособие для поступающих в вузы. М., 1996. С.427.

[21] *Симонов Н.С.* Указ. соч. С.101.

[22] Бюджет г. Москвы и губернии. М., 1927. С.18.

[23] История Москвы. Т.VI. Кн.I. С.245. Московский Совет... С.220, 277. С середины 20-х гг. власть перешла к политике постепенного вытеснения частника из промышленности и торговли (преимущественно экономическими методами). В 1922/23 г. в государственной промышленности было занято 94,4% рабочих, выпуск продукции составил 94,1%, соответственно показатели кооперативной промышленности – 2,6 и 2,5%; частной – 3 и 3,4%. В 1926/27 г. соотношение изменилось: государственная промышленность – 92,1 и 89,2%; кооперативная – 5,6 и 7%; частная – 2 и 2,6%. Удельный вес частного сектора в оптовом торговом обороте в 1923/24 г. составил 8,3%, в рознице – 39,2%, а в 1926/27 г. соответственно – 5,4 и 35,6%.

[24] Там же. С.219.

Страстная (ныне Пушкинская) площадь. 1920-е гг.

Одно из первых московских такси. 1926 г.

парки); промышленность приступила к выпуску новых вагонов и электрического оборудования, к прокатке рельсов и т.п. В результате трамвайные перевозки к 1927 г. превысили довоенный уровень. Если в 1915 г. на линию ежедневно выходило 893 вагона и за год было перевезено 310,9 млн. пассажиров, то в 1927 г.– соответственно 930 вагонов и 550 млн. пассажиров.

Одновременно велась интенсивная работа по расширению трамвайной сети. В довоенные годы она обслуживала город лишь в пределах бывшего Камер-Коллежского вала. Московский Совет решил соединить трамвайными путями город с пригородами и дачными местностями, дав тем самым толчок к расселению москвичей за чертой города. С этой целью с 1922 по 1927 г. было уложено 11 трамвайных линий общей протяженностью 66,55 км.

В середине 20-х гг. в городе появилось автобусное сообщение. Во второй половине 1924 г. в виде опыта было пущено несколько машин. Результаты обнадеживали. После этого начались переговоры с заграничными фирмами о приобретении партии автобусов. В 1925 г. по городу уже курсировало 80 автобусов, а в 1926 г.– 136. Кроме того, на линии Москва – Рогачево Московское коммунальное хозяйство приспособило для пассажирских перевозок два грузовых автомобиля. В 1927 г. автобусы обслуживали 14 линий общей протяженностью 216 км и за 1926 г. перевезли 34 500 тыс. пассажиров.

С середины 1925 г. для обслуживания москвичей организовался таксомоторный парк. Первоначально курсировали 15 машин. В 1927 г. их число достигло 120 при общем пробеге 3 млн. км в год. Таксомоторы обслужили в год свыше 3 млн. пассажиров.

К 1927 г. были разработаны новые проекты сооружения московского метро.

В 20-е гг. в Москве продолжал действовать гужевой транспорт. Во владении извозопромышленников, государственных учреждений и частных лиц в 1925/26 г. находилось 28 329 лошадей, в 1926/27 г.– 23 086, в 1927/28 г.– 24 179 лошадей[25].

Улучшалось и топливоснабжение Москвы. Возрастала добыча минерального топлива. Изменились условия заготовки дров. Если раньше дровозаготовки производились силами самозаготовителей путем трудповинности и с привлечением трудармейцев, то теперь их вели крестьяне и привозные пильщики-специалисты. В результате в 1925/26 г. снабжение Москвы топливом превысило довоенный уровень. В топливном балансе все большее место занимало минеральное топливо, а доля древесного сокращалась. Снабжение каменным углем (из Донецкого бассейна) взяли на себя Донуголь и Мосуголь, потребители нефти «отоваривались» Нефтесиндикатом.

2. СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ МОСКВИЧЕЙ

С переходом к новой экономической политике, сопровождавшейся оживлением промышленности и торговли и улучшением продовольственного снабжения, численность московского населения начала быстро восстанавливаться. Согласно данным переписи 17 декабря 1926 г. в Москве уже насчитывалось 2 025 947 жителей, т.е. на 25% больше, чем до войны[26].

Несколько ниже оказались темпы роста рядов московского пролетариата: в 1917 г. на московских фабриках и за-

[25] Москва и Московская губерния. Статистико-экономический справочник. 1923/24–1927/28. М., 1929. С.291.

[26] Московский Совет... С.168, 324.

водах трудилось 205 919, а в 1926 г.– 179 522 рабочих[27].

Параллельно с восстановлением промышленного производства улучшались и условия жизни рабочих. Так, средний заработок на одного рабочего по г. Москве составил: в 1913 г.– 27,1 товарных руб., в 1923 г.– 22,1, в 1926 г.– 35 рублей.

В более благоприятном положении по условиям оплаты труда находились служащие. Так, средний заработок фабрично-заводских служащих (административно-конторского и технического персонала) в октябре – декабре 1924 г. превышал заработок рабочих на 70%.

Больше, чем рабочие, получали и служащие московских учреждений и торговых предприятий. В начале 1925 г.[28] среднемесячный (фактически выплаченный) заработок служащих учреждений и торговых предприятий равнялся 78 червонным руб. 65 коп. В октябре – декабре 1926 г. их зарплата составляла 101,5 червонных руб., т.е. повысилась на 28,6%. Рабочие же получали в среднем 81,2 червонных руб., т.е. меньше на 25%.

В этот период, в отличие от предыдущих и последующих лет существования советской власти, рабочее движение сохраняло определенную автономию от государства. В частности, трудовые конфликты на производстве рассматривались властями как естественное явление и была разработана довольно эффективная система их разрешения.

Согласно декрету СНК от 18 января 1922 г., при Московском отделе труда была создана Конфликтная комиссия. За все время ее существования (с февраля 1922 г. по 15 мая 1923 г.) было рассмотрено 4192 конфликта, в которых участвовали 60 349 рабочих и служащих. Преобладающей причиной споров оказывались вопросы зарплаты (72% всех разобранных случаев), затем вопросы увольнения (24,8%). Большинство конфликтов комиссия разрешила в пользу рабочих.

С возникновением во второй половине 1922 г. системы регулирования условий найма путем заключения коллективных договоров между профсоюзами и хозорганами возникли сложности, связанные с заключением этих договоров и их выполнением. В результате появилась необходимость создания системы примирительно-третейского разрешения трудовых конфликтов (примирительные камеры и третейские суды). Непосредственно на предприятиях и в учреждениях были образованы расценочно-конфликтные комиссии (РКК), являвшиеся первичными органами примирительно-третейского разбирательства. По результатам разбирательства и в примирительной камере, и в третейском суде, как правило, преобладало разрешение споров в пользу профсоюзов[29].

Следует отметить, что причин для недовольства рабочих в 20-е гг. имелось достаточно. В фондах Центрального архива общественных движений Москвы хранится любопытный документ – «Материальное положение и культурный уровень рабочих Московской губернии (Материалы фракции ВКП(б) МГСПС). 1929 г.». В нем, в частности, отмечалось, что в 20-е гг. строительство новой жилой площади не успевало за ростом населения: «Если по переписи 1926 г. на душу приходится по Москве 5,8 кв. м, то в 1928/29 – 5,5 кв. м». Особенно плохо обстояли дела с жильем: на одного рабочего приходилось меньше жилой площади (4,7 кв. м), чем на одного служащего (6,5 кв. м). По данным переписи 1926 г., «7,8% рабочих, проживающих в г. Москве, имеют на душу менее 2 кв. м площади, т.е. фактически не имеют места для установки кровати, 18% душ в рабочих семьях имели от 2 до 3 кв. м на душу и свыше 6 м имели всего 21,5% членов рабочих семей. По данным обследований бюджета рабочих, 8,6% рабочих не имеют своей кровати, а спят или на сундуках, или на полу. [...] Дети в

[27] Фабрично-заводская промышленность г. Москвы и Московской губернии. 1917–1927 гг. С.1. Раздел «Таблицы».

[28] Изучение зарплаты в учреждениях было начато только с середины 1924 г.

[29] Московский Совет... С.256, 257.

Москва. Тверская улица. Художник А. Осмеркин. 1924 г.

возрасте от 1 до 8 лет спят отдельно всего лишь в 44% семей, и даже в более старшем возрасте – от 9 до 16 лет – только в 24% случаев спят на отдельных кроватях, в остальных же случаях – либо вместе со взрослыми, либо на сундуках, либо на полу»[30].

Не все обстояло благополучно с техникой безопасности: на 1000 рабочих в 1926 г. приходилось 149 несчастных случаев, в 1927 г.– 168 и в 1928 г.– 170. Причем проведенное по девяти предприятиям текстильной промышленности сравнение с довоенными данными показывало следующее: в 1912 г. на 1000 рабочих приходилось 12,6 несчастных случаев, в 1925 г.– 34,9 и в 1926 г.– 47,6. По восьми предприятиям металлопромышленности эти коэффициенты составляли в 1912 г.– 100, в 1925 г.– 173, в 1926 г.– 193. Правда, авторы документа полагали, что до революции многие несчастные случаи не регистрировались[31].

Однако было бы неверным сводить только к «негативу» положение пролетариата в рассматриваемый период. Серьезным завоеванием рабочих стало уменьшение рабочего дня. К 10-й годовщине Октября для значительной части трудящихся рабочий день был сокращен до семи часов. Был уменьшен рабочий день для ночных работ, вредных производств, для подростков. В результате фактический рабочий день в 1927/28 г. по Московской губернии составлял 7,29 часа, т.е. оказался короче дореволюционного в среднем на 2,18 часа, а по отдельным отраслям – даже на 2,85 (в табачной) и на 2,53 (в химической промышленности) часа. Для женщин норма охраны труда предусматривала значительные льготы: предоставление получасовых перерывов каждые 3,5 часа для кормления грудных детей (этими перерывами пользовались 4% женщин в Москве и 7,3% в уездах), запрещение использовать беременных и кормящих женщин на ночных работах[32].

Не имея возможности детально остановиться на других видах социального обеспечения рабочих (страховании, пенсионном обеспечении и т.д.), уделим еще некоторое внимание двум, пожалуй, наиболее наглядным аспектам государственной политики по отношению к рабочему классу: просвещению и медицинскому обслуживанию.

В 20-е гг. партийная организация разработала комплекс мер по ликвидации неграмотности и повышению общеобразовательного уровня коммунистов и беспартийных. В частности, была создана Московская чрезвычайная комиссия по ликвидации безграмотности, которая взяла на учет свыше 160 тыс. неграмотных в возрасте от 17 до 40 лет. Значительная их часть была охвачена ликбезом, ячейки которого действовали повсюду: на предприятиях, в избах-читальнях, рабочих клубах, заводских общежитиях, красноармейских казармах. Особое внимание уделялось ликвидации неграмотности среди женщин. Расширялась сеть общеобразовательных школ[33]. Эти меры дали значительный эффект.

Следует отметить, что культурный уровень рабочего класса Москвы (за первые годы советской власти) значительно вырос. Так, если до войны среди текстильщиков Московской губернии насчитывалось 54% неграмотных, то в 1929 г. процент неграмотных снизился до 13–15[34].

Изменилось отношение к медицинскому обслуживанию пролетариата. В 1925 г. была введена диспансеризация рабочих: основу этой системы составляет не только лечение, но и предупреждение заболевания. Рабочие подвергались тщательному медицинскому осмотру. Одновременно обследовались условия их труда на предприятиях и условия домашней жизни. Затем на основании полученных результатов больным назначалась необходимая лечебная, лечебно-профилактическая и социальная помощь.

Значительные успехи были достигнуты в области охраны материнства и младенчества. Вместо 13 родильных приютов и двух-трех консультаций, существовавших в 1913 г., появилась целая система по охране материнства и младенчества. Родильные дома с 1622 койками охватывали 94% новорожденных в Москве. С 1924 г. начали создаваться консультации для беременных, которых в 1926 г. насчитывалось уже 30[35].

На Остоженке располагался показательный Дом матери и ребенка, где женщины находились два месяца до родов и два месяца после рождения ребенка. «В комнате, где белизной режут глаза простыни и наволочки, расставлены кроватки,– писала газета «Правда».– Таблички показывают, что в кроватках ле-

В школе ликвидации неграмотности при Центральном клубе коммунальников. 1922–1923 гг.

[30] ЦАОДМ. Ф.3. Оп.11. Д.752. Л.148 об.

[31] Там же. Л.150 об.

[32] Там же. Л.11, 12.

[33] Очерки истории Московской организации КПСС. Кн.II. Ноябрь 1917–1945. С.229, 230.

[34] ЦАОДМ. Ф.3. Оп.11. Д.752. Л.153 об.

[35] Там же. Л.152-152 об.

жат: Искра, Лев, Мая, Давид и Матрена. Около кроваток тумбочки. У каждого малыша отдельная кружка, отдельная ложка. В ванной он имеет свою собственную простынку. Она висит под ярлычком с надписью: «Простынка Левы».

– Вот совокупностью этих маленьких на вид мероприятий мы добились того, что ребята у нас болеют редко, а смертности в нашем доме нет,– сообщает главврач»[36].

Помимо своих прямых функций Дом матери и ребенка играл и просветительскую роль. Автор заметки отмечал: «Спускаясь с лестницы, встретил рабочего. Он пришел за справкой о том, что его жена была здесь. Разговорились.

– Житья не стало мне от жены после того, как она побывала здесь. Не кури, не ложись на постель в верхней одежде, не пей из кружки Ванюшки. Прямо – ложись и помирай»[37].

Обобщающим показателем прогресса в области здравоохранения являются данные о снижении смертности. Смертность на тысячу москвичей составляла: в 1913 г.– 23,1, в 1925 г.– 13,4, в 1926 г.– 13,8, в 1928 г.– 13 человек. Столь же впечатляющим было снижение детской смертности. На 100 родившихся детей умерло: в 1913 г.– 26,3, в 1925 г.– 13,5, в 1926 г.– 13,4, в 1928 г.– 12,8 человек.

Пожалуй, наиболее серьезной проблемой в Москве 20-х гг. была безработица. Количество зарегистрированных безработных составляло: на 1 октября 1922 г.– 39,1 тыс., в 1923 г.– 124,4, в 1924 г.– 48,5, в 1925 г.– 104,9, в 1926 г.– 166,3, в 1927 г.– 165, в 1928 г.– 242, на 1 марта 1929 г.– 272,8 тыс. человек[38].

Современники объясняли столь значительное увеличение числа безработных главным образом стремительным приростом населения Москвы, темпы которого намного превосходили довоенные показатели: если за пятилетие с 1907 по 1913 г. ежегодный прирост населения составлял 3,5%, то в 1924–1929 гг. он удвоился и ежегодно равнялся 7,2%. При этом на долю естественного прироста населения приходится 20%, а на долю механического – 80% всего прироста[39], т.е. армия безработных в основном пополнялась за счет притока населения из деревни.

В конце 1921 г. было введено социальное страхование от безработицы (за счет нанимателей – путем процентных отчислений от суммы зарплаты), ставшее реальностью с 1922 г. Средний размер пособия по безработице в 1926/27 г. составлял 18,72 руб., в 1927/28 г.– 19,75 рубля[40]. Кроме денежного пособия безработным оказывалась и трудовая помощь в виде организации общественных работ и создания финансируемых государством трудовых коллективов с периодически меняющимся составом работающих. К концу 1922 г. на общественных работах в день было занято в среднем 800–1000 человек, в 1924–1927 гг.– свыше 3000. На 1 июня 1927 г. существовало также 44 трудовых коллектива (в том числе два в уездах) общей численностью 22 тыс. человек (в 1922 г.– семь коллективов с 1019 занятыми).

«Малый бизнес» нэповской Москвы

Как же оценивали свою жизнь сами рабочие? Весной 1926 г. в Москве повсеместно прошли рабочие конференции. Московский горком партии составил сводку высказываний по самым различным вопросам, прозвучавшим на этих конференциях. Приведем несколько типичных заявлений, говоривших об отношении рядовых москвичей к самым острым жизненным проблемам.

Больным местом был, конечно, вопрос о ценах, зарплате и социальной справедливости. «Мясо, масло и другие продукты может покупать только спец, получающий большое жалованье. А кушанье рабочего – каша, квас да картошка»,– прозвучало на конференции в Хамовниках. По мнению некоторых выступавших, ответственные работники получали слишком много: «Какой порядок социализма и кто дает шансы на социализм, если рабочий получит 40 рублей, теряя много физической силы, а стоящий у власти получает 300 рублей и указывает дорогу к социализму. Выходит, как раньше попы указывали трудящимся на небеса...»

Недовольство вызывали и раздутые штаты служащих. «У нас засилье администрации во главе с коммунистами и выходит... что один с сошкой, а 500 с ложкой». Раздражали трудовой люд и различные, излишние, по мнению выступавших, расходы – от приема зарубежных делегаций до строительства памятника Карлу Марксу. Весьма своевременно

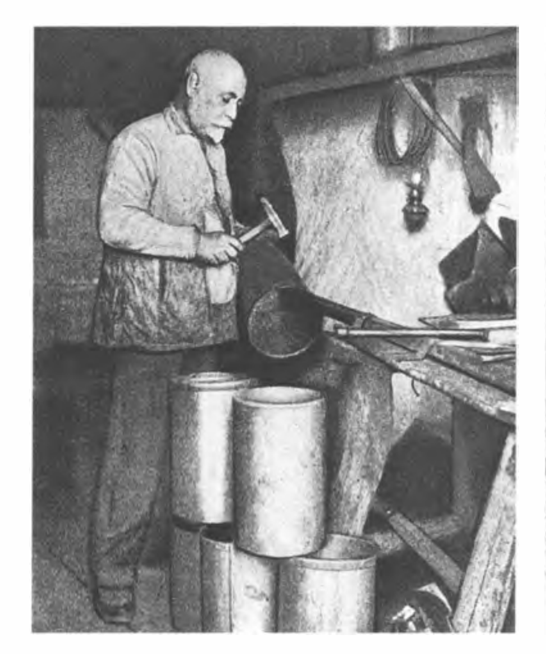
[36] Правда. 1927. 30 марта.

[37] Там же.

[38] Московский Совет... С.258–262; ЦАОДМ. Ф.3. Оп.11. Д.752. Л.143 об.

[39] Там же.

[40] ЦАОДМ. Ф.3. Оп.11. Д.752. Л.143 об.



В кустарной мастерской. 1920-е гг.

Московские рабочие приводят улицы столицы в порядок после суровой зимы. 1920-е гг.

звучит высказывание: «Экономят на огарках в поездах и тратят тысячи на кабинеты».

На конференциях высказывались жалобы на притеснения заводского начальства и бессилие профсоюзов, на высокие нормы выработки, на отсутствие жилья и частые сокращения на заводах, на работу пассажирского транспорта[41]. Среди московских пролетариев преобладало недовольство прежде всего разрывом между надеждами на достижение социальной справедливости и материального достатка, разбуженными революцией, и реалиями жизни.

Не было, вероятно, особенно радужным отношение к жизни и других слоев населения. Спецы, нэпманы и мелкие торговцы, хотя и жили материально богаче, находились под бдительным контролем государства, которое рассматривало их как нежелательных «попутчиков».

Все же, по нашему мнению, степень недовольства московского люда в 20-е гг. не следует преувеличивать. Обыденная жизнь во все эпохи дает рядовому человеку не так уж много поводов для оптимизма. Все мы склонны к тому, чтобы поворчать на власть, начальство, бытовые неурядицы. Думается, процитированные документы скорее всего фиксируют раздражение московских жителей отдельными сторонами своей жизни, нежели осознанный социальный протест против власти, режима и т.д. Ведь несмотря на иногда вспыхивающие конфликты, забастовки на ряде предприятий (которые быстро разрешались и прекращались) жизнь в Москве в 20-е гг. текла спокойно: успешно восстанавливалась разрушенная в годы войн и социальных потрясений экономика, налаживалось городское хозяйство, постепенно решались и некоторые социальные вопросы.

Однако к концу десятилетия обозначился ряд серьезных проблем.

Во второй половине 20-х гг. темпы роста промышленного производства снизились с 40% в 1925/26 г. до 18% в 1926/27 г. и 13,2% в 1927/28 г. По оценке современников, «большой темп роста валовой продукции за предыдущие годы объясняется восстановительным процессом (загрузкой простаивавших в годы социальных потрясений производственных мощностей.– *Авт.*). В дальнейшем, в связи с окончанием этого процесса, надо ожидать еще более замедленного темпа нарастания валовой продукции и повышение этого темпа может произойти при окончании нового крупного фаб.-зав. строительства»[42].

Среди прочих причин, замедливших развитие московской промышленности, следует назвать и нехватку электроэнергии. Еще в ноябре 1926 г. председатель правления Московского объединения государственных электрических станций К. П. Ловин отправил секретарю МК ВКП(б) Н. А. Угланову докладную записку, в которой, в частности, отмечалось: «Нагрузка электростанций МОГЭС за последнее время резко повышается, и имеющаяся в настоящее время мощность на станциях является совершенно недостаточной для удовлетворения всего предъявляемого спроса на электрическую энергию… Отсюда вытекает с полной очевидностью необходимость принятия срочных мер к усилению мощности электростанций и модернизации устаревшего оборудования»[43].

26 августа 1927 г. после изучения вопроса в Московском комитете партии Угланов, в свою очередь, направил докладную записку в ЦК ВКП(б), в которой отмечал «катастрофическое положение, в котором находится электроснабжение

[41] ЦАОДМ. Ф.3. Оп.11. Д.307. Л.28–55.

[42] Московский Совет… С.495.

[43] ЦАОДМ. Ф.3. Оп.11. Д.435. Л.80, 81.

Московского района». Высказывалась просьба о выделении из государственного бюджета в 1927/28 г. свыше 20 млн. руб. на расширение имевшихся станций, предлагалось ассигновать средства на строительство новой районной электростанции в Московском промышленном районе[44].

Итак, электроэнергии для дальнейшего развития промышленности не хватало. Между тем ускорение темпов индустриализации диктовалось и социальными императивами. Как уже отмечалось, в Москве на протяжении всех 20-х гг. наблюдался неуклонный рост безработицы. Это представляло собой серьезную социальную, а потенциально и политическую проблему. 26 ноября 1927 г. отдел труда Моссовета направил в информотдел МК ВКП(б) политическую сводку о настроениях безработных на Московской бирже труда. В ней отмечалось, что за «последние месяцы (октябрь – ноябрь) на Московской бирже труда во всех ее отделениях наблюдается напряженное состояние в настроении безработных, озлобленность, недовольство, отражающееся в антисоветских выпадах»[45].

В рамках рыночных отношений без наращивания выпуска промышленных товаров деревенского спроса было невозможно и увеличить подвоз продовольствия в Москву. Между тем начиная с 1927 г. ситуация с продовольственным снабжением столицы ухудшилась: вновь возникают очереди за продуктами. В марте 1929 г. в Москве вводится карточная система снабжения населения.

Осознавая остроту проблемы индустриализации, правительство в 1925 г. попыталось выделить больше средств на развертывание промышленного строительства. Но товарной отдачи от этих денег можно было ожидать лишь через несколько лет (после завершения строительства заводов и налаживания на них производства). Пока же в результате кредитного «накачивания» экономики количество денег в обращении увеличилось, а предложение товаров осталось прежним: «твердый» червонец «закачался», его курс стал падать. Параллельно стало уменьшаться доверие к советским деньгам внутри страны и за рубежом. В результате летом 1926 г. экспорт червонцев и операции с ними за границей были прекращены. Советская валюта перестала быть частично конвертируемой; сфера ее применения свелась исключительно к внутреннему рынку[46].

Таким образом, в экономике, в социальных отношениях, в политической жизни Москвы к концу 20-х гг. завязывался тугой узел сложнейших проблем, не имевших простых, безболезненных решений.

3. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В СТОЛИЦЕ

К началу 20-х гг. в стране окончательно сложилась однопартийная политическая система. Ключевые позиции в бюрократическом аппарате, армии, карательных органах занимали члены большевистской партии.

Высшей властью в Москве и губернии признавался губернский съезд Советов, а в промежутке между съездами – пленум Моссовета, работавший под постоянным контролем Московского комитета большевистской партии. Персональный состав руководящих органов Московского Совета рассматривался в партийных организациях. Все предвыборные

[44] ЦАОДМ. Ф.3. Оп.11. Д.435. Л.72–78.

[45] Там же. Д.440. Л.6.

[46] История России с древности до наших дней: Пособие для поступающих в вузы. С.430. О проблемах нэповской экономики, ее противоречиях см. подробнее: *Горинов М.М.* НЭП: поиски путей развития. М., 1990.

На колхозном рынке. Конец 20-х – начало 30-х гг.

Москва.
Улица Петровка.
1920-е гг.

кампании проходили под непосредственным руководством партии. Тексты наказов избирателей предлагались им от имени Московского комитета партии большевиков, который по всем принципиальным вопросам давал свои директивы фракциям Президиума Моссовета. Почти на каждом заседании пленума Московского комитета и партийной конференции ставились хозяйственные вопросы[47].

В состав Исполкома Моссовета до июля 1918 г., кроме большевиков, входили и представители других партий: меньшевики, левые эсеры и др. Однако после постановления пленума Московского Совета об отозвании представителей этих партий они были выведены из состава Исполкома. С момента выборов Исполкома в мае 1919 г. в его составе уже не было представителей других партий, кроме коммунистов[48]. В 20-е гг. деятельность остатков небольшевистских политических организаций жестко контролировалась ОГПУ. Ни о какой демократии при выборах Моссовета уже не было и речи.

В архиве сохранилась машинописная копия издания Объединенной партии левых социалистов-революционеров и Союза социалистов-революционеров максималистов «Наши ответы» (№ 2), раскрывающего механизм выборов в Моссовет в начале 20-х гг. К сожалению, на документе отсутствует дата: приблизительно он относится к 1922 или 1923 г. Что же отмечали эсеры? «На первый взгляд человека, который бы только со стороны смотрел на выборы, можно было бы подумать, что действительно происходит широкая выборная кампания: всюду – и на трамваях, и на Советах, и на заводах – призывы за революцию и за ее завоевания. Газеты полны извещений, как единодушно, живо и даже с восторгом все рабочие голосуют за коммунистов. Но все это на первый взгляд, и сами рабочие и служащие хорошо знают, что это были за выборы. Сколько липы скрывалось за парадными знаменами и пышными речами». О какой «липе» шла речь? «Главное требование и наиболее существенное (и наиболее незаконное) – это чтобы голосование было открытым. А ну-ка, попробуй под взорами десятков глаз комячейки голосовать не так, как приказано. А вон с завода не хочешь? Второе относится к служащим. Рабочие избирают одного делегата, если по списку имеется 100 человек, а служащие выберут одного, если на собрании соберется 500 человек». Кроме того, накануне выборов в ряде мест провели сокращение штатов, уволив политически неблагонадежных. «Так, в Кировских мастерских вышибли от службы 200 человек, и в том числе всех членов с-р (социалистов-революционеров.– *Авт.*), старых рабочих, пользовавшихся известностью и уважением. Не диво, что потом остальные под надзором комячейки не решились голосовать за список, в котором были помечены уволенные». Применялись и «мелкие хитрости»: «У учителей, где была опасность, что голоснули бы левых с[оциал]-р[еволюционеров] и максималистов, устроили фокус такого рода. Объявили в один день, что собрание будет в хлебной бирже, а на следующий день, что собрание будет не на хлебной бирже, а в Введенском народном доме. А чуть ниже в [той] же газете пропечатали, что собрание это состоится в кинотеатре «II Интернационал». После этого объявления неудивительно, что одни из учителей отправились в один пункт, другие в другой и третий, а в конце концов, сходив в одно место, не пошли в другое. А комячейки были, конечно, на месте и задали «кошачий концерт» оратору левых с[оциал]-р[еволюционеров]». Наблюдалась прямая фальсификация при подсчете голосов: «Вот на заводе «Гужон» против коммунистов голосовал 1 человек, за – около 100 человек, прочие руки не поднимаются (а их около 2000). Единогласно при двух против – возглашает председатель. И так везде»[49].

Чуть позже в ходе внутрипартийной борьбы в ВКП(б) по отношению к оппозиционному меньшинству широко применялись апробированные на эсерах и меньшевиках методы: информационная блокада, увольнения с работы, клакерство, а в конце 20-х гг. уже и провокации ОГПУ, аресты.

[47] Московский Совет... С.112.

[48] Там же. С.129.

[49] ЦАОДМ. Ф.3. Оп.11. Д.76. Л.33–35 об.

Большевистский авторитаризм играл в целом стабилизирующую роль в общественной жизни столицы в 20-х гг. Четко функционирующая властная вертикаль позволила быстро и без политических потрясений провести коренные экономические и социальные реформы. В свою очередь, политическая стабильность создала условия для ускоренного хозяйственного возрождения Москвы. Власть успешно играла традиционную для России роль высшего арбитра, когда добром, а когда и силой разрешающего социальные противоречия. Она оказывалась тем стержнем, вокруг которого кристаллизовалось распавшееся в период революции и гражданской войны общество.

Московским властям в 20-е гг. приходилось довольно часто разрешать конфликты рабочих с администрацией... Заглянем в архивные документы:

«...24 февраля 1921 г. Замоскворецкий район...

Завод «Поставщик». Бастовало одно отделение. Выступал Шляпников. Завтра приступят к работе.

Фабрика «Симон». Стояла.

Центральная электрическая станция. Сейчас идет собрание. Выступал Смидович – не дают говорить. Выехал тов. Рязанов.

Хамовнический район. На собрании рабочих района выражено недовольство ставками спецов и рабочих.

Рогожско-Симоновский район.

Завод «Лашал». Рабочие оставили работу. Приезжал Томский – рабочих уже не было.

Городской район. Новых забастовок пока нет. Бастует «Утиль». Появление меньшевиков и эсеров редкое. В воинских частях и совучреждениях настроение плохое»[50].

В отчете МЧК о политическом состоянии Москвы и губернии за период с 15 июня по 1 июля 1921 г. отмечалось, что «настроение рабочих более спокойное, чем в предшествующее время, отношение к курсу новой экономической политики в большинстве районов положительное... В Бауманском районе представляют исключение рабочие текстильщики, в среде которых высказывается отрицательное отношение к III Интернационалу, с антисемитическим оттенком по поводу праздника открытия 3-го конгресса Коминтерна.

В цифровом отношении политическое состояние рабочих за этот период характеризуется так: случаев недовольства, включая прекращение работы, было 15 (уменьшение по сравнению с предыдущим периодом на 9 случаев)»[51].

1922 г. С 15 ноября по 1 декабря бастовали: завод «Геофизика» (5 дней), Кожуховская электростанция, завод «Гужон», Металлоткацкая фабрика, завод «Электрод», Главные вагонные мастерские, фабрика искусственного шелка (здесь прошла «итальянка», т.е. забастовка, когда находятся на рабочих местах, но не работают. – *Авт.*), фарфоровый завод «Изолятор», заводы «Бромлей», АМО. На 1-м Бронетанковом автозаводе – сильное брожение на почве того, что главком ведет переговоры о сдаче его в концессию иностранной фирме[52].

1925 г. С января по май отмечается рост забастовок.

Как же воспринимали власть большевиков рядовые москвичи? Судя по выступлениям на рабочих собраниях весной 1926 г. и поданным запискам, основная часть лояльно относилась к деятельности ВКП(б) в целом, хотя часто отмечалось, что правильная политика «искажается» в низовых структурах, что коммунисты отрываются от масс. Любопытно, что рабочие заявляли о полном доверии советской власти «во всех выступлениях»; по отношению же к партии большевиков подобного единодушия не наблюдалось[53]. Разумеется, подобная ситуация далека от лозунга мятежного Кронштадта «Советы без коммунистов», но она все же свидетельствует о том, что в глазах рабочих «советы» и «коммуна» продолжали оставаться далеко не одним и тем же: идея Советов была более популярна. Хотя эту популярность не следует преувеличивать. В конце сводки в противовес заявленному составителями в ее начале отмечается: «на Хамовнической районной конференции в прениях о международном и внутреннем положении выступал рабочий 14-й типографии, заявивший, что советская власть производит такое же насилие над рабочими, как и царская, что «коммунисты»

[50] ЦАОДМ. Ф.3. Оп.2. Д.46. Л.8, 9.

[51] Там же. Д.48. Л.45–47 об.

[52] Там же. Оп.3. Д.41. Л.5–9.

[53] Там же. Д.307. Л.28–30.

Клуб им. С. М. Зуева. Архитектор И. Голосов. 1928 г.

те же урядники, ГПУ – это та же старая жандармерия»[54].

А вот что, например, написано в письме шести рабочих с завода «Серп и молот» в МК ВКП(б) от 26 июня 1929 г., т.е. написанного в год «великого перелома», когда в Москве, как мы помним, ухудшилось положение с продуктами питания, начал раскручиваться маховик форсированной индустриализации: «Из всех наших наблюдений за все время революции мы убедились, что к социализму мы не придем. С каждым годом становится все хуже, и если бы вы, товарищи, не лгали и были откровенны, то легче было бы жить. Мы возвращаемся ко временам Ивана Грозного, когда стали вы насаждать ту же опричнину. Надо же вам все же сознаться, что вы делаете. Вы окончательно парализовали 150 млн. населения, весь здравый смысл перестреляли, пересажали... Мы теперь убедились, что родина угнетенных – это наш Союз»[55].

С середины 20-х гг. серьезной социально-политической и социально-культурной проблемой Москвы и СССР стал антисемитизм. В выступлениях руководителей партии и государства ему начали уделять повышенное внимание. Член Политбюро ЦК Н. И. Бухарин (в то время главный идеолог партии) аттестовал антиеврейские проявления как «острую внутрисоциальную проблему»[56]. Известный социолог и экономист, член ЦК ВКП(б) Е. А. Преображенский усматривал в этом явлении прямую угрозу советской власти. «Кто миндальничает теперь с антисемитизмом, миндальничает с поднимающей голову контрреволюцией»,– заявил он[57].

Оценивая, вслед за Н. И. Бухариным, проблему на московском уровне, первый секретарь МК партии Н. А. Угланов констатировал: «...среди пролетариев наблюдается антисемитизм – он еще и будет наблюдаться»[58].

В чем конкретно выражался антисемитизм в столице? Как явствует из специальной сводки Московского губернского совета профсоюзов (1929)[59], антиеврейские проявления в основном сводились к фактам стычек и оскорблений на национальной почве (отмечались и случаи рукоприкладства в отношении работавших на производстве евреев).

Н. И. Бухарин говорил и об «анекдотиках и разговорчиках о «жидках», «жидочках»[60], которые, как и до революции, имели хождение в учреждениях и в бытовой обстановке. Н. А. Угланов, московский партийный вождь в 1924–1928 гг., в отличие от Е. А. Преображенского склонен был трактовать эти случаи как единичные: «...тов. Преображенский говорит, что раньше антисемитизм был добродушно-хамский, а нынешний антисемитизм уже другого порядка, более грозный... Это, конечно, интеллигентская выдумка, болтовня, двусмысленные фразы и больше ничего!»[61]

«Борьба с антисемитизмом» была одной из многочисленных кампаний, время от времени объявлявшихся партийным руководством. При этом подчеркивалось, что никакой опасности для советских евреев не существовало и что ни о каких «еврейских погромах», ни о какой «погромной агитации» в СССР не могло быть и речи, ибо за подобные поползновения еще с 1918 г. декретом СНК о борьбе с антисемитизмом за подписью В. И. Ленина виновные объявлялись «вне закона»[62]. И. В. Сталин, отвечая на вопрос еврейского телеграфного агентства из Америки, обеспокоенного проникшими в зарубежную печать сообщениями о притеснениях евреев в СССР, заявлял (не подтверждая это фактами): «Активные антисемиты караются по законам СССР смертной казнью»[63]. Но Н. И. Бухарин за антисемитские «разговорчики и анекдотики» считал необходимым «бить, бить, бить»[64].

Разумеется, разгула антисемитизма не было. В Москве в 20-е гг. действовала еврейская секция МК РКП(б) – ВКП(б), входившая наряду с другими секциями в отдел нацменьшинств МК[65]. В столице, по районам, существовали еврейские клубы; центральный клуб «Коммунист» располагался на Красной Пресне, объединяя массовую, пропагандистскую, культурную работу среди еврейского населения[66]. Функционировали издательство и типография «Дер Эмес» («Правда»), выпускавшие литературу на идиш[67]. В Москве работали центральные органы Общества по земельному устройству евреев-трудящихся[68]. Не ущемлялись евреи и в религиозных обычаях: действовали синагоги, по согласованию с МГСПС им выделялись помещения для проведения культурных и религиозных мероприятий. В частности, в 1926 г. религиозный праздник «Пурим» отмечался в Колонном зале Дома Союзов (что, кстати, было осуждено К. Я. Бауманом задним числом, т.к. давало, по его мнению, повод для пересудов антисемитского толка)[69].

Советские евреи имели тогда и свою политическую организацию – Еврейскую социал-демократическую рабочую партию «Поалей Цион» (Рабочий Сиона) – ЕСДРП ПЦ, хотя ушли и в историческое небытие кадеты, меньшевики, эсеры, анархисты, еврейский Бунд и другие партии. ЕСДРП ПЦ просуществовала до 1928 г., когда была распущена как националистическая, сионистская организация. Параллельно в 1918–1921 гг. функционировала и еврейская компартия «Поалей Цион» (позже влилась в РКП(б)), ставившая своей задачей «введение пролетарской диктатуры на еврейской улице»: ее кадры использовались МК РКП(б) и другими местными коми-

[54] ЦАОДМ. Ф.3. Оп.11. Д.307. Л.54 об.

[55] Там же. Оп.10. Д.172. Л.16–20.

[56] Правда. 1927. 2 февраля.

[57] *Преображенский Е.А.* Об антисемитизме // Правда. 1927 г. 17 марта.

[58] Второй пленум МК ВКП(б). Март 1927. М., 1927. С.28.

[59] ЦАОДМ. Ф.3. Оп.11. Д.743. Л.1–10.

[60] Правда. 1927. 2 февраля.

[61] Второй пленум МК ВКП(б). Март 1927 г. С.29, 34.

[62] Декреты советской власти. Т. III. М., 1964. С.93, 94.

[63] *Сталин И.В.* Соч. Т. 13. С.28.

[64] Правда. 1927. 2 февраля.

[65] ЦАОДМ. Ф.3. Оп.11. Д.52–54, 140, 370, 382, 855.

[66] Там же. Д.187, 604, 899.

[67] Там же. Ф.386. Оп.1, 2.

[68] Там же. Ф.3. Оп.11. Д.603, 604, 855, 899.

[69] Второй пленум МК ВКП(б). Март 1927 г. С.66.

тетами в качестве агитаторов и комиссаров в частях Красной Армии.

По данным агитационно-пропагандистского отдела МК ВКП(б) в Москве середины 20-х гг. проживало около 100 тыс. евреев. Среди них чрезвычайно невелика была доля рабочих – около 4% общего числа. Учащиеся составляли 2%, торговцы и лица свободных профессий (включая людей искусства и культуры) – 15%. Самую большую группу – 60% общего числа работавших в столице евреев – составляли служащие госаппарата и хозорганов[70].

По состоянию на январь 1926 г. членов и кандидатов партии еврейской национальности насчитывалось в Москве около семи тысяч человек – 11% состава столичной парторганизации[71]. Весомое место занимали они в партийных, советских, правоохранительных, культурных и хозяйственных органах города. До середины 20-х гг. из 11 первых секретарей Московского комитета партии евреями было семеро: Р. С. Землячка (Самойлова), Д. И. Ефремов (М. Е. Штейман), Б. А. Бреслав, И. А. Пятницкий (Таршис), И. И. Минков, И. А. Зеленский. Эта «традиция» прервалась на Л. М. Кагановиче, которого И. В. Сталин поставил во главе столицы СССР в 1930–1935 гг. С января 1918 по май 1926 г. бессменным главой Моссовета был видный деятель РКП(б) – ВКП(б) Лев Борисович Каменев[72].

Н. И. Бухарин и другие партийные лидеры объясняли возрастание роли евреев в общественной жизни Советской России широкой (после отмены «черты оседлости») миграцией наиболее политически и культурно активных элементов из западных и южных губерний в большие города центральных районов (к концу 20-х гг. более 90% советских евреев жили в крупных городах)[73]. Н. А. Угланов увязывал рост антисемитских настроений и с нэпом: «Сейчас антисемитизм в Москве обостряется потому, что всякая буржуазия, в равной степени ненавидимая пролетариатом, в том числе и еврейская буржуазия, наплывает в Москву»[74]. Московские лидеры говорили о том, что безработные, городские рабочие и служилая интеллигенция, по которым больно ударили послевоенная разруха и имущественная дифференциация нэпа, недовольны тем, что «у них плохие квартиры, мала зарплата, им приходится вести борьбу за места... и в то же время они видят, что число евреев, еврейской буржуазии, еврейских частных торговцев в Москве увеличилось по сравнению с прошлым, и живут они лучше, в хороших квартирах... Рабочие массы видят, прежде всего, эту еврейскую буржуазию, их враждебность против буржуазии облекается в национальную оболочку, в антисемитскую оболочку»[75].

Кампания по «борьбе с антисемитизмом», начатая в конце 20-х гг. руководством ВКП(б), имела, безусловно, и политическую подоплеку: ее развертывали в условиях внутрипартийной борьбы. Меча громы и молнии против «входящих в моду черносотенных анекдотиков», Н.И. Бухарин в то же время заявлял: «Некоторые, считая себя, по-видимому, «интернационалистами», боятся сказать хоть одно слово против еврейского нэпмана. Это, конечно, глупо. Тот, кто боится сказать, что богатые евреи суть наши классовые враги, кто это прячет в карман, тот способствует росту антисемитизма»[76]. С московской партийной трибуны ему вторил секретарь МК К. Я. Бауман: «Было бы неправильно под антисемитизмом понимать всякую критику отдельного еврея. Не каждая критика еврея и его неправильных действий является антисемитизмом»[77]. В этих путанных формулировках не было четкого указания на то, что антисемитизм сохраняет свою шовинистическую сущность независимо от социального положения «критикуемых» граждан страны (критика части нэпманов как евреев). Это не было случайным. Разрешительные установки на борьбу против «еврейского нэпмана», против «неправильных действий отдельного еврея», конечно же, не были лишь личной точкой зрения Бухарина и других. Это была политическая линия. В конце 20-х гг. в советском обществе совершался поворот от установки на мировую революцию, на интернационализм (адептами этой идеи были, на их беду, представители той самой «критикуемой» нации: Л. Д. Троцкий, Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев) к ориентации на укрепление российской государственности, построение сильного индустриального общества в условиях капиталистического окружения (за этот путь развития боролись И. В. Сталин, Н. И. Бухарин, Н. А. Угланов и др.).

В противоборстве этих двух основных группировок в правящей партии жупел антисемитизма использовался обеими сторонами как одна из карт в политической игре.

В дальнейшем, в результате развернувшихся в 30–40-е гг. репрессий, количество евреев в руководящих структурах (среди них было немало старых большевиков, представителей «ленинской гвардии») неуклонно сокращалось.

После смерти Ленина и до конца 20-х гг. Москва стала главной ареной противоборства между «наследниками» вождя за высшую власть в партии и стране. Результаты и методы этой борьбы во многом определяли динамику развития СССР и его столицы – и сиюминутно, и на перспективу.

История политических баталий в Советском государстве 20-х гг., если воспользоваться фразеологией ее участников, выглядит так. Москва и Россия, затаив дыхание, наблюдали, как скачет

[70] ЦАОДМ. Ф.3. Оп.11. Д.603. Л.45, 47, 48.

[71] Московская городская организация КПСС.1917–1988. Цифры, документы. Материалы. М., 1989. С.122–145.

[72] *Донков И.П.* Лев Борисович Каменев // Вопросы истории КПСС.1990. № 4. С.95.

[73] Правда. 1927. 2 февраля, 17 марта; Народы России. Энциклопедия. М., 1994. С.152.

[74] Второй пленум МК ВКП(б). Март 1927 г. С.34.

[75] Там же. С.64, 65.

[76] Правда. 1927. 2 февраля.

[77] Второй пленум МК ВКП(б). Март 1927 г. С.64.

Прощание с Лениным. Январь 1924 г. Художник С. Боим

Н. И. Бухарин

Л. Д. Троцкий

И. В. Сталин

Г. Е. Зиновьев

по ухабам политики руководящая «тележка» правящей партии (так ее именовал И. В. Сталин). В «тележке» сидели (прибегнем к ленинским характеристикам из его «Завещания»[78]): Л. Д. Троцкий («самый способный человек в настоящем ЦК, но и чрезмерно хватающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела»), И. В. Сталин (человек, сосредоточивший «в своих руках необъятную власть» благодаря занимаемому им посту генерального секретаря ЦК партии), Н. И. Бухарин («любимец всей партии», «ценнейший и крупнейший теоретик партии» и в то же время схоластик, «никогда не понимал вполне диалектики»), Г. Е. Зиновьев и Л. Б. Каменев (люди с клеймом «октябрьского эпизода» – несогласия с В. И. Лениным и ЦК в октябре 1917 г.). В. И. Ленин особенно опасался, что разногласия между Троцким и Сталиным могут привести к расколу партии. И оказался прав: дальнейшая борьба проходила между Троцким и его сторонниками, с одной стороны, Сталиным и его «командой» – с другой.

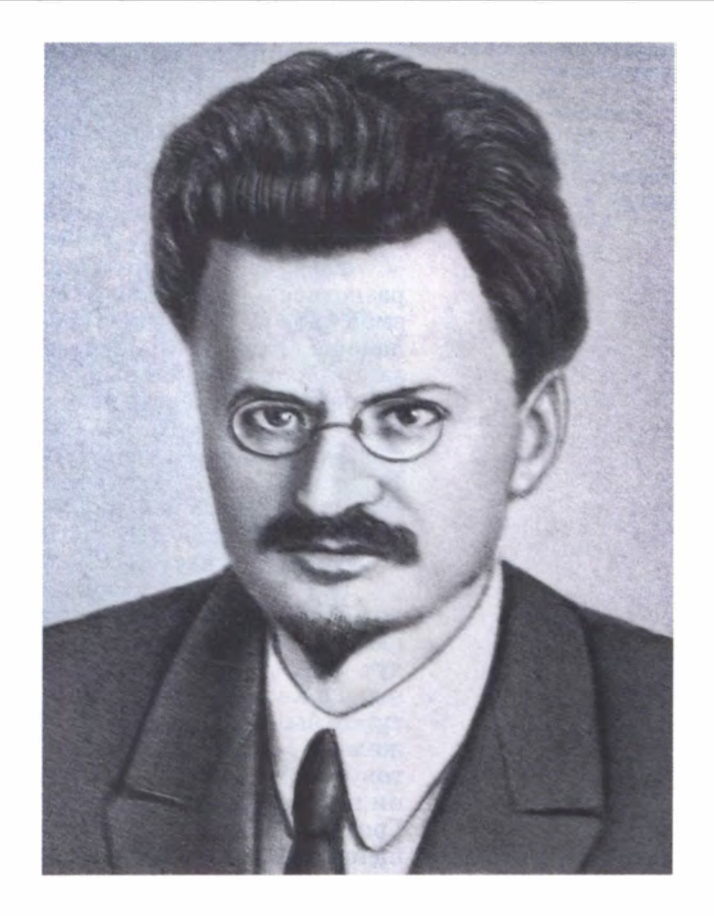
Первым бросил перчатку своим политическим оппонентам Л. Д. Троцкий. Еще в течение 1923–1924 гг. он несколько раз втягивал партию в дискуссии, а в конце 1924 г. в статье «Уроки Октября» выдвинул резкие обвинения против Зиновьева и Каменева. Те в союзе с И. В. Сталиным и Н. И. Бухариным предприняли ряд организационных мер против Троцкого и его сторонников. Одной из важнейших стала смена руководства в Московской партийной организации: вместо сторонника Троцкого И. А. Зеленского с августа 1924 г. первым секретарем МК РКП(б) стал Николай Александрович Угланов, человек, пользовавшийся авторитетом в партии. Ранее он был первым секретарем в Петрограде и Нижнем Новгороде, его знал Ленин. По приезде в Москву Угланов при поддержке Сталина и Зиновьева, которые имели на него виды в борьбе за власть, почти сразу же становится членом Оргбюро ЦК, занимая этот пост до 1929 г.

Сталин ввел его в свое ближайшее окружение, так называемую «семерку», надеясь, что Угланов будет достаточно послушным исполнителем его воли. В этот своего рода «тайный кабинет» входили шесть членов Политбюро ЦК (Н. И. Бухарин, Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, А. И. Рыков, И. В. Сталин, М. П. Томский) и председатель Центральной контрольной комиссии, выдвиженец Сталина В. В. Куйбышев. Кандидатами в члены «семерки» были Ф. Э. Дзержинский, М. И. Калинин, В. М. Молотов, Н. А. Угланов, М. В. Фрунзе[79]. Ясно, что Сталину во главе Москвы нужен был свой человек.

Первоначально Угланов оправдывал возлагаемые на него надежды, хотя, надо сказать, политические дрязги он не любил. Если Каменев в полемическом запале именовал Троцкого «символом всех антикоммунистических сил», то Угланов, отмечая, что за Троцким идут 20% коммунистов столицы, все же склонен был считать полемику с троцкистами

[78] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т.45. С.345.

[79] *Журавлев В., Надточеев В.* «Тройка», «Семерка», Сталин // «Неделя». 1989. № 1. С.14, 15.



всего лишь «небольшим сотрясением вокруг литературного произведения тов. Троцкого»[80]. Для самого Троцкого все это оказалось болезненным. Вдобавок он был снят с поста председателя Реввоенсовета Республики. Красную Армию возглавил М. В. Фрунзе. За эту меру проголосовал и Угланов.

Следующим этапом политических разногласий стала борьба с так называемой «новой оппозицией», в которой Угланов и ведомая им Московская организация большевиков выступили против Зиновьева и Каменева на стороне Сталина и его группы. На XIV съезде партии (1925), громившем «новую оппозицию», Угланов проявил себя весьма активно. После съезда его избрали кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б). Это был его «звездный час».

Н. А. Угланов рассчитывал, что после XIV съезда «артельные склоки», как именовал он политические дрязги, отойдут на второй план и можно будет заняться хозяйственными делами. Но не тут-то было. Сталин продолжил «ковать железо». Летом 1926 г. он писал Молотову: «...я думаю, что в скором времени партия набьет морду и Троцкому, и Грише с Каменевым и сделает из них отщепенцев»[81]. Сталин знал, что говорил: партийные массы, которые устали от бесконечных дискуссий, особенно на фоне трудного материального положения, поддержали Сталина. В 1927 г., как сообщил на XV съезде партии А. И. Рыков, за объединенную троцкистско-зиновьевскую оппозицию проголосовали всего лишь 0,5% коммунистов (сравним это с 20% во время борьбы с Троцким)[82].

Известны отчаянные попытки «левой» оппозиции переломить ход борьбы в свою пользу. Органы ОГПУ доносили первому секретарю МК ВКП(б) Н. А. Угланову о распространении троцкистско-зиновьевских листовок на большинстве московских предприятий, о задержании распространителей (студентов, рабочих, инженеров, служащих)[83]. В листовках говорилось: «Мы видим, как вы со Сталиным проводите ленинизм – вы его хороните», и т.п.[84]

Оппозиционные листовки троцкистов появились и в казармах частей московского гарнизона.

Активизация пропагандистских усилий не помогла оппозиции. В информационных сводках о настроениях беспартийных рабочих в связи с решениями XV съезда ВКП(б), касающимися исключения из партии лидеров оппозиции – Троцкого, Зиновьева, Каменева и др., имеются такие отзывы: «За оппозицией массы не пойдут и ей придется сесть в лужу»; «Надоели. Давно бы надо покончить с ними»[85]. Подобные мнения зафиксированы на большинстве московских предприятий.

С «левыми» было покончено – политическая борьба во властных структурах перешла на новый виток. Эту оппозицию, представленную вчерашними соратниками – Бухариным, Рыковым, Томским (три члена Политбюро), Углановым (кандидат в члены Политбюро, член ЦК и его Оргбюро, секретарь ЦК, секретарь крупнейшей партийной организации – московской), Сталин называет «правой», т.к. «левым» теперь стал он сам. Что же произошло?

На рубеже 1927/28 г. в результате очередного срыва хлебозаготовок наступил продовольственный кризис, ударивший по экспорту зерна, по импорту техники для индустриализации, по снабжению армии и населения. В городах выстроились очереди за хлебом, возросла социальная напряженность на предприятиях, во взаимоотношениях города и деревни.

Внутренние трудности дополнялись обострившимися в это время отношениями СССР с державами Запада, что выразилось в нескольких острых конфликтах, порожденных и «коминтерновской» политикой, и деятельностью зарубежных спецслужб (налет на советские представительства в Пекине и Лондоне, разрыв дипломатических отношений с Англией, убийство советского посла в Варшаве Войкова, конфликт на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД). Советская печать на этом основании, без достаточно веских причин, раздула кампанию об усилившейся опасности войны. Партийным лидерам без конца задавался вопрос: будет ли война? В этой обстановке возникла необходимость форсировать производство вооружения для армии, принимать другие меры для укрепления обороноспособности. Все это стало аргументом в пользу введения чрезвычайных мер: принудительной перекачки хлеба (и денежных средств) из деревни в город на нужды ускоренной индустриализации. Сталин заявил, что в обстановке, возникшей в результате сокращения товарности сельского хозяйства, иного выхода, как немедленная коллективизация, не было. В условиях свертывания нэпа к этому же как будто подводил и стремительный рост городского населения в конце 20-х гг.: в городах пришлось ввести даже карточную систему распределения продовольственных товаров. Таковы были исторически сложившиеся реальности, которые привели Сталина к его идее «скачка» в экономике. К этому плюсовались также моменты политического соперничества с Бухариным, который до того времени выступал в качестве «ценнейшего и крупнейшего теоретика партии».

Бой со Сталиным был для бухаринской группы неравным, хотя поначалу она имела поддержку в Оргбюро (где за ней шло большинство), в руководстве

[80] XIII Московская губернская партконференция. М., 1925. С.34, 45, 180.

[81] Известия ЦК КПСС. 1991. № 7. С.123.

[82] XV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1961. Т.1. С.3.

[83] ЦАОДМ. Ф.3. Оп.9. Д.80. Л.1–10, 22–38.

[84] Там же. Оп.11. Д.440. Л.51.

[85] Там же. Л.49, 50, 53.

Московская делегация на XIV съезде партии. В центре: К. Е. Ворошилов, Н. А. Угланов, А. И. Рыков, И. В. Сталин, второй справа – Н. И. Бухарин. Декабрь 1925 г.

СНК, ВЦСПС, в МК партии, ряде райкомов Москвы, в редакциях газет «Правда», «Ленинградская правда», «Рабочая Москва», «Труд»[86]. В самом Политбюро колебались М. И. Калинин, К. Е. Ворошилов (который боялся негативной реакции армии на чрезвычайные меры), Г. К. Орджоникидзе. Поэтому бухаринцам удалось летом 1928 г. добиться принятия решения об отмене чрезвычайных мер. Но к осени Сталин овладел положением. Прежде всего он решил выбить из рук Бухарина «московскую карту» и нанес удар по Угланову и его сторонникам в МК.

Н. А. Угланов в целом вполне обоснованно пытался возложить ответственность за плохое состояние дел в экономике и переход к чрезвычайным мерам на руководство партии и партгосноменклатуру, чем вызвал их резкое недовольство.

В то время, как сталинцы в политической полемике с бухаринцами ссылались на «обострение классовой борьбы», «трудности роста», «происки кулака», «вредительство буржуазных спецов», Угланов и его единомышленники утверждали: не в этом дело, а в том, что «мы – правящая ВКП(б) – мы сами засыпались в основательный хозяйственный ухаб... дело не в классовых противоречиях, а в том, что мы, как партия, допускаем крупнейшие ошибки, плохо организуем наше хозяйство»[87]. Угланов апеллировал к мнению московских рабочих, которое он знал не понаслышке: «...рабочий говорит, мы работаем вовсю, поднимаем производительность, а вы, товарищи-руководители, управляющие, вот вы с порученным делом справляетесь крайне плохо»[88].

Подобных высказываний Угланову, естественно, не могли простить. Против него и его сторонников в Московской парторганизации начались интриги, выдвигались даже обвинения в антисоветской агитации. Так, например, на его единомышленника, члена бюро МК, секретаря Краснопресненского райкома М. Н. Рютина поступило заявление группы членов Краснопресненского РК ВКП(б) с требованием снять его с работы за якобы антисоветские высказывания: «Нарисовал ярко безотрадную картину внутреннего положения СССР, связанную с нашими затруднениями»[89]. Подобные доносы были организованы и против других сторонников Угланова в разных районах Москвы.

Точку в политической игре сталинцев против непокорного секретаря МК поставил VI объединенный пленум МК и МКК ВКП(б) (октябрь 1928 г.). Секретари райкомов, поддерживавшие Н. А. Угланова,– М. Н. Рютин, М. А. Пеньков, Е. Ф. Куликов, В. А. Яковлев, П. П. Сафронов, члены бюро МК Г. С. Мороз, Н. Н. Мандельштам, а через месяц и сам Н. А. Угланов и второй секретарь МК В. А. Котов были освобождены от своих постов[90]. В апреле 1929 г. решением Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) Угланова исключили из кандидатов в члены Политбюро, сняли с постов члена Оргбюро и секретаря ЦК. Ему дали пока советскую

[86] *Ваганов Ф.М.* Правый уклон ВКП(б) и его разгром. М., 1977. С.167.

[87] ЦАОДМ. Ф.3. Оп.9. Д.2. Л.37; Д.71. Л.24, 25; Д.3. Л.2.

[88] Там же. Д.3. Л.3–6.

[89] Там же. Д.80. Л.87, 88.

[90] Шестой объединенный пленум МК и МКК ВКП(б). 1928.

должность – наркома Труда СССР, а через год сняли. В 1937 г. в возрасте 50 лет он был расстрелян.

Ноябрьский пленум ЦК ВКП(б) 1929 г. признал пропаганду взглядов «правых» несовместимой с пребыванием в рядах партии. Пленум вывел Бухарина из состава Политбюро ЦК, а Рыкову и Томскому сделали серьезные предупреждения. Была, таким образом, ликвидирована последняя открытая оппозиция Сталину и его окружению в рядах правящей партии.

Однако и после разгрома бухаринцев в партии оставались скрытые и потенциальные противники Сталина и его политического курса. Это были в основном представители «старой гвардии», в той или иной мере разделявшие взгляды разбитых троцкистов и зиновьевцев, а также бухаринской группы. Пока эти люди оставались в партии и работали, занимая еще порой высокие посты, Сталин не мог считать свой диктаторский режим закрепленным до конца. Потребовалось еще несколько лет – до 1934 г., когда убийство С. М. Кирова дало Сталину повод развернуть антинародные массовые репрессии. Свидетелями и жертвами этой трагедии Москва и москвичи стали в 30-е гг.

VI

МОСКВА В 30-е ГОДЫ

1. ПЕРВЫЕ МОСКОВСКИЕ ПЯТИЛЕТКИ: ОТ «СИТЦЕВОЙ» К «МЕТАЛЛИЧЕСКОЙ»

Тридцатые годы вобрали в себя столько событий, так изменили облик нашей страны, перепахав судьбы миллионов людей, что стали в один ряд с наиболее крутыми переломами в российской истории.

К числу факторов, в немалой степени обусловивших значительные перемены в жизни страны, следует отнести провозглашение курса на форсированное превращение многоукладной экономики в экономику «победившего социализма», достижение максимальных темпов индустриализации любой ценой, игнорируя зачастую интересы широких масс трудящихся страны.

Решающим в этом отношении явился 1929 г.– поистине «год великого перелома» в судьбах страны.

Как известно, первый пятилетний план развития народного хозяйства на 1928–1932 гг., утвержденный в мае 1929 г. V съездом Советов, основывался еще на принципах нэпа, на ленинской идее, что нэп вводится «всерьез и надолго, но не навсегда». Суть первой пятилетки состояла в переносе акцента на завершение нэпа. Но это планировалось сделать постепенно, не теряя преемственности с экономической политикой начала 20-х гг. Даже при небывалом увеличении вложений в производство средств производства предполагалось, что легкая промышленность будет выпускать больше продукции, чем тяжелая, а индустриализация не потребует серьезного сокращения социальных программ.

Однако уже в августе 1929 г. руководство партии инициировало решение Президиума ВСНХ СССР о возможном повышении выпуска валовой продукции крупной промышленности. Чтобы обеспечить нужный для этого перелом в настроениях общества, была развернута массовая, целенаправленная пропаганда. Газеты запестрели материалами о важности досрочного выполнения пятилетней программы. Сомневающимся и колеблющимся упорно напоминали сталинское изречение о том, что люди, болтающие о необходимости снижения темпов индустриализации, являются врагами социализма, агентами классовых врагов.

В феврале 1931 г., когда специалистам стало окончательно ясно, что план расширения промышленного строительства и увеличения производства нереален, Сталин вновь потребовал повышения темпов развития тяжелой индустрии.

Несмотря на определенные достижения, задания первой пятилетки по многим показателям не были реализованы. Не считаться с этим было нельзя, и поэтому во второй пятилетке (1933–1937) прирост продукции намечался уже в среднем на 16,5% в год, т.е. намного ниже, чем в годы первой пятилетки. Но и во второй пятилетке многие плановые задания выполнены не были, в том числе по таким важным показателям, как выплавка чугуна и стали, снижение себестоимости продукции, улучшение ее качества. Не удалось решить и главного – заметного превышения по темпам роста отрасли группы «Б» над группой «А», что негативно сказалось на благосостоянии народа.

И хотя в целом верхи стали более реалистически оценивать ситуацию и возможности экономики страны, с волюнтаризмом в руководстве народным хозяйством, явным завышением плановых заданий покончить не спешили. Заметно увеличились и ассигнования на оборону: в 1939 г. они составили около четверти, в 1940-м – около трети, а в 1941 г.– уже свыше 43% государственного бюджета[1]. Под лозунгом возможной «военной опасности» – а она действительно стала весьма реальной – государство резко свернуло социальные программы.

Под эгидой борьбы за трудовую дисциплину был принят ряд постановлений,

[1] История СССР. 1990. № 4. С.22.

«Без тяжелой промышленности мы не можем построить никакой промышленности». Плакат. Художники В. Дени, Н. Долгоруков. 1933 г.

носивших явно репрессивно-карательный характер по отношению к значительной массе населения.

И все же результаты первых пятилеток трудно переоценить. Ценой огромного напряжения, в результате поистине титанических трудовых усилий всего народа в строй вступили тысячи крупных промышленных предприятий. Возникли новые отрасли производства, что позволило фактически покончить с импортом машин и оборудования. По структуре промышленного производства Советский Союз вышел на уровень развитых стран, а по объему выпускаемой продукции уступал лишь США. Параллельно исключительно высокими темпами проходил процесс урбанизации. Численность только промышленных рабочих увеличилась в 2,5 раза, составив 10 млн. человек. На долю всего рабочего класса приходилась почти треть населения страны, а вместе со служащими они составляли уже свыше половины трудящихся. Если в 1926 г., как и до революции, в городах проживало примерно 18% граждан, то в 1939 г.– уже треть населения Союза[2]. Заметно возросли общеобразовательный и культурный уровень трудящихся, научный потенциал страны.

Исключительный вклад в осуществление подобных преобразований внесли трудящиеся наиболее развитых промышленных регионов России, в первую очередь – Москвы и Подмосковья. Именно здесь рельефнее всего проявились особенности жизни тех лет, ее плюсы и минусы, достижения и потери, рваное биение ритма жизни всей страны.

К началу 30-х гг. столичная индустрия давала примерно 13% всей союзной промышленной продукции. В ней трудилось около 12% промышленного пролетариата[3].

Наиболее важными факторами, позволявшими усилить роль Москвы в осуществлении технической реконструкции народного хозяйства, являлись следующие: концентрация в городе значительного для того времени количества промышленных предприятий; большая, по сравнению с другими районами, степень электрификации; относительно высокая прослойка квалифицированных специалистов (в этом отношении она уступала лишь Ленинграду); сосредоточение основных вузов и НИИ; разветвленная транспортная сеть. Вместе с тем московская легкая индустрия давала почти 72% всей выпускаемой промышленной продукции; низок был технический уровень абсолютного большинства предприятий; отсутствовала четко выраженная специализация; преобладающую часть работников промышленности составляли малоквалифицированные рабочие, ряды которых непрерывно пополнялись за счет сельского населения.

Учитывая все эти обстоятельства, правительство выдвинуло перед московской промышленностью серьезные задачи. Планировалось резко повысить удельный вес отраслей, производящих средства производства; приступить к ускоренному развитию и реорганизации металлургических и металлообрабатывающих предприятий, к сооружению новых машиностроительных и инструментальных заводов. Из 2,5 млрд. руб., ассигнованных московской промышленности на капитальное строительство, 65% направлялось в тяжелую индустрию. Другая существенная особенность в распределении капитальных вложений заключалась в том, что на новое строительство в промышленность отпускалось 60% ассигнований, причем около 80% этих средств выделялось в группу «А». Форсированное развитие тяжелых отрас-

[2] История СССР. 1990. № 4. С.22, 23.

[3] ЦАОДМ. Ф.3. Оп.10. Д.74. Л.44.

лей подтверждалось и намеченными темпами роста: 423% – против 277% для всей индустрии (темпы развития группы «А» по СССР составляли в среднем 309%). На основе рационализации и реконструкции выпуск продукции легкой промышленности предполагалось увеличить более чем в два раза[4].

В годы новой пятилетки удельный вес старых промышленных районов в общем хозяйстве страны снижался: развитие промышленности сдвигалось на восток, создавались новые индустриальные центры. Но это отнюдь не лишало старые промышленные районы, в том числе и Московский, огромного значения в деле индустриального развития страны.

Столичная промышленность специализировалась в годы второй пятилетки в области точного машиностроения, автомобилестроения, электротехники и станкостроения. Наличие квалифицированных рабочих, инженерно-технического персонала, мощной научно-исследовательской базы позволяло ей наряду с ленинградской стать экспериментальной базой, школой кадров для создания новых производств, имевших громадное народнохозяйственное значение.

Второй пятилетний план не предусматривал строительства в Москве новых крупных предприятий. Важнейшей задачей столичной индустрии являлось освоение полной проектной мощности и оснащение техникой заводов и фабрик, построенных в первой пятилетке, окончание строительства и введение в эксплуатацию еще незаконченных или в корне реконструируемых объектов. Однако размах капитальных работ в промышленности оставался по-прежнему достаточно высоким и требовал крупных ассигнований.

И хотя в годы второй пятилетки главной задачей провозглашалось «дополнение пафоса строительства новых предприятий пафосом освоения новых производств», общий объем капиталовложений в московскую промышленность намечался в 7,2 млрд. руб., т.е. почти в три раза больше, чем в первую пятилетку[5]. Причем многие из новых предприятий играли ведущую, а порой и решающую роль в развитии ряда отраслей народного хозяйства, в укреплении обороноспособности страны.

За 1933–1937 гг. предполагалось довести выпуск промышленной продукции до 10 млрд. руб., т.е. увеличить в 2,4 раза по сравнению с первой пятилеткой. Все это потребовало колоссального напряжения сил и больших жертв (сокращения социальных программ, новых ограничений политических прав и т.п.) для решения ряда сложнейших проблем в кратчайшие сроки.

Масштабы и темпы технического перевооружения народного хозяйства зависели прежде всего от состояния металлургии и машиностроения. Но металлургические заводы требовали коренной реконструкции, а машиностроение ощущало острый голод в высокопроизводительных станках, инструментах и приспособлениях. Вся же московская промышленность испытывала нехватку в электроэнергии. Создавалась цепь теснейшим образом связанных друг с другом проблем.

В связи с развитием автомобильной, автотракторной, авиационной и электротехнической промышленности с исключительной остротой встал вопрос об отечественном производстве шарикоподшипников. К 1935 г. народному хозяйству страны необходимо было иметь не менее 144 млн. штук шарикоподшипников различных типов. Между тем в Москве находился единственный в стране небольшой завод, принадлежавший ранее шведской фирме «СКФ», выпускавший всего несколько сотен тысяч шарикоподшипников в год. За ввозимые из-за рубежа подшипники приходилось платить золотом.

Еще в феврале 1931 г. на болотистом пустыре за Крестьянской заставой заложили новый завод – «Шарик», как любовно называли его москвичи. Коллектив строителей возглавил бывший путиловский слесарь А. И. Бодров, до этого немало сделавший для создания советской часовой промышленности.

На первых порах строительство шло туго, не хватало строительной техники, рабочих и специалистов. «Стояла лютая зима 1931 г., и грунт оттаивали кострами,– вспоминал участник этого строительства, впоследствии директор завода А. А. Громов.– Почти все работы велись вручную, не было даже простых механизмов. Но и «враг № 1» – зима – оказался

[4] Итоги Первого съезда Советов Московской области. М., 1929. С.25.

[5] IV Московская областная и III городская конференции ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1934. С.601.

Утро индустриальной Москвы. Художник К. Юон

Ударная бригада арматурщиц на строительстве Государственного подшипникового завода. 1931 г.

не самым страшным. Мы столкнулись с еще более серьезным «врагом № 2» – отсутствием материалов и чертежей»[6].

Руководство Всесоюзного автотранспортного объединения (ВАТО) медленно решало вопросы, связанные с ходом сооружения завода. 25 марта 1931 г. газета «Рабочая Москва» писала: «"Шарикоподшипник" – величайшее в мире строительство. Это не понимает ВАТО. По его вине постройка гиганта будет проводиться весной полукустарными методами. Еще не поздно исправить ошибку».

Большая группа рабочих объявила себя мобилизованной на все время строительства. По призыву ЦК ВЛКСМ им на помощь прибыло несколько тысяч комсомольцев. И вот 29 марта 1932 г. строительство первой очереди было завершено. «Сегодня,– писали в тот день газеты,– вступает в строй действующих гигантов Первый государственный подшипниковый завод. Советские машины будут вращаться на советских подшипниках».

Фактически за 12 месяцев вырос завод общей мощностью 25 млн. подшипников в год, стоимостью 150 млн. руб., не уступавший любому аналогичному западноевропейскому предприятию.

Летом 1930 г. за Серпуховским валом началось строительство завода револьверных станков. Капитальные вложения в него составили 31 млн. рублей. Минуло полтора года, и 25 декабря 1931 г. строительство было завершено. Наступил второй этап работы: три с половиной тысячи строителей приступили к освоению более 800 машин новейших конструкций, к овладению секретами крупносерийного производства. Прошел еще год, и снова на территории завода, раскинувшегося на 22 тыс. кв. м, появились ящики, где паковалась готовая продукция – первая партия револьверных станков. Вместе с «Красным пролетарием» станкозавод им. С. Орджоникидзе выпускал в предвоенные годы столько станков, сколько производили их в целом многие заводы Европы.

В особенно тяжелом положении находилась инструментальная промышленность. Предприятия этой отрасли, в том числе и Московский инструментальный завод (МИЗ), обеспечивая потребности в инструменте лишь на 33–35%, не могли служить технико-производственной базой для растущих нужд машиностроения.

Важная роль в подъеме станко-инструментальной промышленности отводилась московским заводам «Фрезер» и «Калибр», которые планировалось пустить в эксплуатацию уже весной 1932 г. И 6 ноября 1931 г. строительство основных цехов завода «Фрезер» было вчерне закончено и начался монтаж оборудования в главном корпусе. 1 апреля 1932 г. уже работали цеха по производству сверл, разверток, фрез и метчиков. А 29 апреля, через 14 месяцев после на-

[6] Перекличка поколений. М., 1967. С.125.

чала строительства, завод-гигант режущих инструментов вошел в ряды действующих. С конца 1932 г. он стал основным поставщиком режущего инструмента советской промышленности. В июле 1932 г. приступил к производству изделий и завод «Калибр».

К началу первой пятилетки страна фактически не имела своего собственного автомобилестроения. Единственный завод такого рода – АМО – выпускал около 2500 автомобилей в год. Для исправления сложившегося положения еще раньше было создано специальное Управление расширения и реконструкции АМО (УРРА) во главе с председателем Автотреста М. Л. Сорокиным. Для разработки проекта реконструкции был заключен договор с американской фирмой Брандта об организации на заводе выпуска автомобилей типа «автокар». Однако американцы затянули с проектом, а когда в ноябре 1929 г. он был представлен, то разочаровал партком и многих автозаводцев. 1 декабря 1929 г. бюро МК ВКП(б) заслушало сообщение М. Л. Сорокина и директора АМО И. А. Лихачева о реконструкции завода. Члены бюро высказали тревогу, что правительственные сроки завершения работ не выполняются, но не поддержали предложение Лихачева о принципиальных изменениях проекта Брандта.

Вопрос о ходе строительства завода был поставлен перед Центральным Комитетом партии. 25 января 1930 г. он был обсужден в Политбюро ЦК ВКП(б). Его рассмотрение заняло несколько часов, но мнения разделились. И тогда И. В. Сталин встал на сторону автозаводцев. Он сказал: нет никакой гарантии, что американцы дадут нам настоящий завод, поэтому надо требовать то, что нужно, а не ограничиваться предложенным. Реконструкцию завода полностью довести до конца, если есть просчеты, нужно выделить дополнительные средства и создать хорошее современное предприятие. «Лихачева не знаю, но, по отзывам, он неплохой хозяйственник. Сорокина знаю – большой суета, за много дел берется и ни одного до конца не доводит, нельзя ему доверять завод»[7].

В принятом решении была определена линия на то, чтобы построить завод, оснащенный самой передовой техникой, с соблюдением всех требований современной технологии, охраны труда и культурно-бытовых условий. Договор с Брандтом был расторгнут. УРРА было передано заводу, а Лихачев назначен одновременно и начальником этого управления[8].

Началась решающая полоса в реконструкции АМО. В ходе ее коллектив проявил не меньше настойчивости и упорства, чем в разработке и отстаивании самого проекта создания автогиганта. Специально образованная комиссия разработала конкретные меры по обеспечению завода строительными материалами, рабочей силой, металлом, резиной и т.д. Председатель ВСНХ СССР Г. К. Орджоникидзе неоднократно приезжал на завод, вникал в работу всех его участков, на месте принимал необходимые решения. По его предложению в оказание помощи амовцам включилось около 50 организаций, в том числе ряд крупных предприятий страны.

И вот 1 октября 1931 г. реконструкция была завершена. Газета «За индустриализацию», кратко суммируя подвиг автозаводцев, сообщала: «Старый АМО стоил 9 миллионов, новый – 90. На старом АМО работало 14 сотен рабочих, на новом – 14 000. Старый мог выпускать максимум 25 сотен машин в год, новый – 25 000 с последующим расширением до 50 000. Новый АМО – это старый, помноженный на 10»[9]. Остроумно охарактеризовал суть реконструкции завода И. А. Лихачев: «Мы фактически пришили пальто к пуговице».

Московская металлообрабатывающая промышленность, специализируясь в основном на среднем и точном машиностроении, требовала все больше

[7] Директор И.А. Лихачев в воспоминаниях современников. М., 1961. С.51.

[8] История Московского автозавода имени И.А. Лихачева. М., 1966. С.154.

[9] За индустриализацию. 1931. 1 октября.

Московский автозавод. На конвейере первые легковые автомобили

Г. К. Орджоникидзе и директор Московского автомобильного завода И. А. Лихачев. 1936 г.

Работница 1-го часового завода им. С. М. Кирова М. А. Володина. 1939 г.

высококачественного металла, особенно марочных сталей. Наряду с коллективом подмосковного завода «Электросталь» решающую роль в увеличении мощности местной металлургической базы предстояло сыграть труженикам завода «Серп и молот». Но на пути к этому им, как и автозаводцам, предстояло решить немало сложных проблем. Долгое время судьба предприятия висела буквально на волоске. Были предложения перенести его на новое место, ликвидировать и т.д. Наконец, в ноябре 1929 г. комиссия ВСНХ СССР постановила: «Серп и молот» реконструировать на старом месте, обеспечить выпуск готовых высокосортных стальных изделий в количестве 260 тыс. т на сумму свыше 80 млн. руб. в год. Ориентировочная стоимость капитальных затрат на пятилетку намечалась в 70 млн. рублей[10].

Трудно сказать, был ли выбран самый оптимальный вариант дальнейшего развития завода, но то, что он преобразился в лучшую сторону, подтверждается многими фактами тех лет. Уже в годы первой пятилетки на «Серпе и молоте» вступили в строй несколько самых современных цехов, выпускавших десятки тысяч тонн марочных сталей, ввозившихся ранее из-за границы. И если в 1929 г. коллектив выпустил продукции на 27 млн. руб., то уже в 1932 г. его продукция составила свыше 70 млн. рублей. «Серп и молот» превратился в предприятие по выпуску высококачественных сталей.

Всего за годы первой пятилетки в Москве было заново построено или в корне реконструировано 76 металлообрабатывающих предприятий. В результате этого удельный вес металлообрабатывающей и электротехнической промышленности поднялся с 11 до 33%, а всей тяжелой промышленности – с 28,5 до 48%[11].

В особенно сложном положении находились те коллективы, которые, выпуская новые виды продукции, продолжали производить значительные реконструкционные работы. А подобных предприятий было немало, ибо к началу второй пятилетки большая часть капитальных вложений шла уже не на сооружение новых предприятий, а на реконструкцию старых. Так, например, около 92% всей продукции машиностроения Москвы давали вновь построенные или технически переоборудованные предприятия[12].

Освоение новых заводов и фабрик требовало времени. Но затягивать его означало, по мнению руководства страны, поставить под угрозу все дело завершения реконструкции народного хозяйства. Между тем, как показали итоги выполнения планов 1932–1933 гг., наметившееся еще раньше несоответствие между процессом оснащения промышленности новой техникой и процессом ее освоения по-прежнему сохранялось. Дело во многом упиралось в квалификацию кадров.

Особенно много молодежи было на новых предприятиях. На 1-м ГПЗ они составляли 50% рабочих, на «Фрезере» – 62, на станкозаводе – 69,5% и т.д. Значительно возросла и доля женщин, занятых в промышленности (в 1933–1934 гг.– около 48% от общей численности). Большинство рабочих были выходцами из деревни, они не обладали необходимой профессиональной подготовкой, имели низкий общеобразовательный уровень. Например, из 16 тыс. электрозаводцев в 1934 г. начальное образование было у 12 тыс. человек. Около 3 тыс. малограмотных и неграмотных рабочих, т.е. примерно 20%, трудились на 1-м ГПЗ. И подобная картина наблюдалась почти на каждом предприятии. Всего в школах ликбеза, кружках для малограмотных только в 1936 г. обучалось около 150 тыс. московских рабочих[13].

В целях повышения квалификации на предприятиях создавались технические кружки, школы и курсы. Широко использовались такие методы, как выпуск технических бюллетеней и листовок, производственно-технические конференции.

Большое значение для расширения масштабов технического обучения трудящихся сыграло предложение ленинградских рабочих о введении техминимума для рабочих. Постановлением Совета Труда и Обороны с 1 января 1933 г. было введено обязательное обучение рабочих, обслуживающих механизмы, установки и агрегаты. Допуск к ним разрешался лишь тем, кто овладел хотя бы основами технических знаний. Для рабочих, изучивших технический минимум, был установлен государственный технический экзамен. Основная его задача заключалась в том, чтобы подвес-

[10] Торгово-промышленная газета. 1929. 29 ноября.

[11] Материалы о хозяйстве Москвы в итоге первой пятилетки. М., 1934. С.9, 10.

[12] Москва в цифрах. М., 1940. С.50, 51.

[13] Москва. Годы предвоенные. М., 1975. С.16.

ти итоги технической учебы, выявить, как каждый рабочий освоил свой станок, агрегат и механизм.

Расширялась подготовка квалифицированных рабочих и в школах ФЗУ, признанных основной базой подготовки молодого пополнения рабочего класса. Лишь за 1932–1934 гг. школы ФЗУ Москвы и области дали промышленности 120 тыс. квалифицированных рабочих[14].

За годы первых пятилеток в народное хозяйство влились сотни тысяч специалистов. Многие из них являлись выпускниками московских вузов и техникумов. Однако удельный вес практиков среди специалистов промышленности оставался еще довольно высоким.

Средний и высший командный состав столичной индустрии обучался без отрыва от производства в вечерних втузах, на курсах хозяйственников, в вечерней Промакадемии, занимался самостоятельно. Многие руководители столичных предприятий выезжали в заграничные командировки, знакомились с работой лучших зарубежных предприятий.

Лозунг «Пятилетку – в четыре года!» нашел отклик в рядах рабочего класса страны, и с конца 1929 г. социалистическое соревнование в промышленности приобретало все более массовый характер. Московские рабочие шли в его авангарде. Они поддержали или положили начало многим видам новаторского движения. Ударные и хозрасчетные бригады, сменно-встречное планирование, движение за бережное отношение к оборудованию, ликвидацию брака и высокое качество продукции, повышение норм выработки, переросшее затем в стахановское движение (по имени донбасского шахтера Алексея Стаханова),– эти и другие формы соревнования явились ярким проявлением трудовой активности тружеников столичной индустрии. В 1932 г. в Москве и области насчитывалось сотни тысяч ударников производства, на заводах и фабриках было создано 35 тыс. хозрасчетных бригад. Около 2 млн. рабочих и инженерно-технических работников приняли участие в составлении встречных планов[15].

Имена таких московских новаторов, как И. Н. Поваляев, А. П. Салов, А. К. Гладышев, И. М. Романов, М. И. Пролетарская и др., их трудовые достижения широко пропагандировались в печати.

В середине и конце первой пятилетки за досрочное выполнение государственных планов орденом Ленина были награждены целые столичные трудовые коллективы: «Электрозавод», «Мосэлектрик», завод им. Лепсе, «Каучук» и др. Их успехи во многом определялись тем, что они добились превращения соревнования в действенное средство выполнения плана.

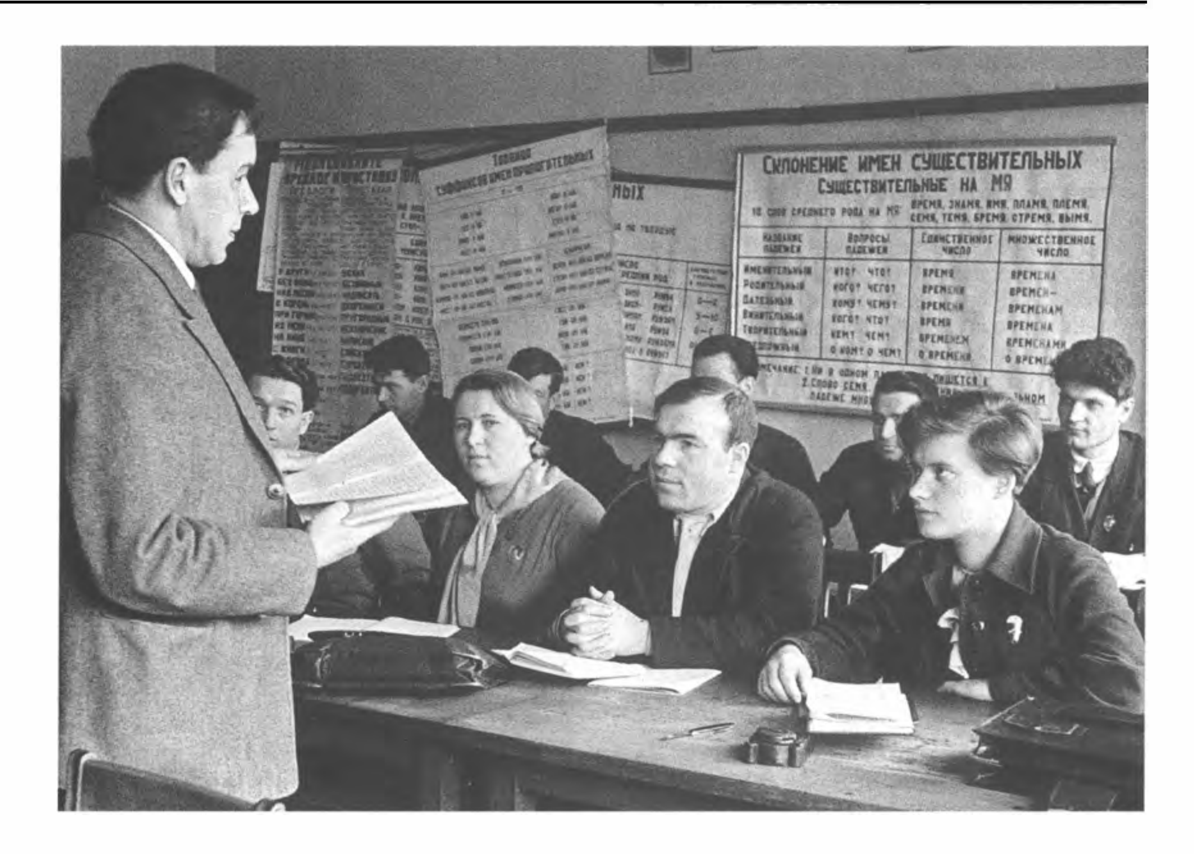
Партийные, профсоюзные, комсомольские организации столицы стремились руководить социалистическим соревнованием, пытаясь бороться с практикой кампанейского отношения к этому движению. Еще в марте 1929 г. МК ВКП(б) и МК ВЛКСМ в своем обращении к рабочим и работницам Москвы и Подмосковья отмечали: «Соревнование – большое дело. Нельзя бросать на ветер обещания, переклички, вызовы. Кто взялся за соревнование и думает ограничиться парадной отпиской, не организует повседневного состязания между отдельными рабочими, цехами и фабриками, тот не революционер-строитель, а пустозвон».

Но «пустозвонства» избежать не удалось. Мало того, даже наиболее ценные предложения, имевшие народнохозяйственное значение, зачастую не поддерживались или превращались в единичное явление. Так, например, в начале

[14] Материалы к отчету МК и МГК ВЛКСМ на IV областной и III городской конференции ВЛКСМ. М., 1934. С.37.

[15] Профсоюзы Москвы. Очерки истории. М., 1975. С.212.

«В четыре года мы перестроим СССР из страны аграрной в страну индустриально-аграрную». Плакат



Депутаты Верховного Совета СССР Д. А. Кривцова, И. И. Гудов, Т. В. Федорова на занятиях в Промакадемии им. Л. М. Кагановича. 1938 г.

1934 г. ударники Московского машиностроительного завода им. В. Р. Менжинского призвали работников индустрии добиваться не только перевыполнения производственного плана, но и выпуска продукции отличного качества, полной ликвидации брака. «Высокое качество – вот что теперь служит у нас наиболее точным, наиболее верным выражением подлинного освоения новой техники»,– писали они в газете «За индустриализацию». Причем менжинцы стали дифференцировать различные ступени качества. На заводе умело использовалась премиальная система, размеры которой зависели от процента отличной или хорошей работы. К сожалению, этот почин не получил должной поддержки. Такая же судьба постигла и движение за переход на работу без государственной дотации, за уплотнение рабочего дня и др.

В 1935–1936 гг. ряды московских новаторов пополнились большой группой стахановцев, показавших выдающиеся достижения в труде. Результаты работы И. И. Гудова, Ф. И. Хромилина, Е. В. Фадеевой, Г. В. Черепанова, В. Ф. Зайцева, Я. С. Юсима и др. получили всесоюзное звучание. Передовой опыт новаторов был обобщен на состоявшемся в Москве (ноябрь 1935 г.) 1-м Всесоюзном совещании рабочих и работниц – стахановцев промышленности и транспорта.

Настроение стахановцев тех лет хорошо выразил известный столичный новатор Иван Гудов: «Когда я теперь… думаю о том, чем было Всесоюзное совещание стахановцев лично для меня и какой след оно оставило в моей жизни, то прихожу к выводу, что только после него я начал понимать смысл сделанных мною летом 1935 года первых шагов для увеличения выработки на моем «Фрице Вернере». Что заставило меня это сделать? Материальный интерес? Несомненно, что это тоже было побуждением, но не только это заставило меня взяться за поиски путей повышения выработки… Очень меня за живое задели все эти разговоры, что советские рабочие – какие-то недотепы… честь советского рабочего стала мне дорога…»[16]

Однако постепенно интерес к соревнованию ослабел. Отдельным стахановцам стали создавать искусственные условия для рекордов, оставляя без внимания основную массу рабочих. Следствием этого явилось перевыполнение норм сравнительно небольшим числом передовиков и невыполнение плана коллективом цеха или предприятия. По инициативе первого секретаря МК и МГК ВКП(б) Н. С. Хрущева в столице стали проводиться широко рекламируемые «недельники», «декадники» и «месячники» стахановского движения. В январе 1938 г. планировалось организовать «месячник стахановских рекордов». 29 декабря 1937 г. газета «Правда» опубликовала постановление ЦК ВКП(б), в котором критиковалась практика преувеличенного внимания к рекордсменам и забвение интересов стахановского движения в целом.

Все же новое движение внесло определенный вклад в ускорение темпов ро-

[16] Незабываемые 30-е. Воспоминания ветеранов партии москвичей. М., 1986. С.133.

Рабочие мартеновского цеха металлургического завода «Серп и молот» во время пробы качества стали. 1940 г.

ста производительности труда в промышленности, которые удвоились за годы второй пятилетки (с 41 до 82%). Благотворно сказалось стахановское движение и на темпах прироста валовой продукции, общий объем которой поднялся от 19% в 1934 г. до 25% в 1935 г. и 29% в 1936 г.[17]

С начала 1936 г. по решению пленума ЦК ВКП(б) был начат пересмотр действовавших норм выработки в промышленности, которые заменялись более высокими под видом перехода на «прогрессивную сдельщину». Вслед за этим значительно увеличивались плановые задания по выпуску основных видов промышленной продукции, что вызвало недовольство в среде рабочих.

Большое значение в освоении новых видов продукции и ликвидации зависимости от импорта имело установление тесного творческого сотрудничества работников науки с коллективами заводов и фабрик. Так, Академия наук СССР создала специальный Комитет содействия реконструкции автозавода. В его работе активное участие принимали академики А. А. Байков, Н. С. Курнаков, М. А. Павлов и другие ученые. Научные работники Академии наук и Института стали помогали заводу «Серп и молот» в освоении производства хромомолибденовой стали, систематически проводили консультации с работниками завода. Большую помощь машиностроительным предприятиям оказала кафедра теории резания металлов МВТУ, руководимая профессором И. М. Беспрозванным.

За годы второй пятилетки была проведена вторая реконструкция автозавода, на базе «Электрозавода» создан мощный электрокомбинат им. В. Куйбышева, завершена техническая реконструкция 1-го ГПЗ, «Динамо», «Красного пролетария», «Серпа и молота» и других крупных предприятий. В строй действующих вошел завод «Станкоконструкция» – отечественное станкостроение получило мощную экспериментальную базу. Это позволило станкозаводу им. С. Орджоникидзе перейти от экспериментирования по созданию новых станков к их массовому производству.

О том, что все это дало народному хозяйству страны, свидетельствуют следующие факты. По новой реконструкции, начавшейся весной 1934 г., Московский автозавод должен был довести выпуск автомобилей до 80 тыс. (70 тыс. грузовых и 10 тыс. легковых), обеспечивая их запасными частями. На новое строительство выделялось около 500 млн. руб., т.е. в пять раз больше, чем было затрачено на реконструкцию в первой пятилетке. И правительственное задание в целом было выполнено. Только грузовых автомобилей в 1937 г. было выпущено свыше 60 тысяч. К началу Великой Отечественной войны через каждые четыре минуты из ворот автозавода выезжала новая машина.

За годы двух пятилеток коренные изменения претерпели буквально все московские предприятия. В результате объем промышленной продукции Москвы возрос в 2,5 раза. Основные фонды

[17] *Роговин В.* Сталинский неонэп. М., 1994. С.224.

увеличились более чем вдвое. Общая численность рабочих и служащих поднялась с 1,7 млн. человек в 1932 г. до 2,1 млн. человек в 1937 г. Возрос удельный вес Москвы в выпуске промышленной продукции страны: если в 1913 г. он составлял 8,8%, в 1932 г.– 14,4, то в 1937 г.– 15,5%.

К этому времени окончательно сформировалась структура московской промышленности: удельный вес продукции тяжелой индустрии доходил уже почти до 56%. В ней трудилось около 55% всех столичных рабочих. Преимущественно «ситцевая» Москва превратилась, как задумывалось, в город металлообработки, приборостроения, автомобилестроения, самолетостроения. Первое место в промышленности прочно заняло машиностроение, удельный вес которого достиг 41%.

Хотя удельный вес легкой промышленности сравнительно с дореволюционным временем резко снизился, выпуск ее продукции в абсолютном выражении значительно возрос. В 1938 г. она почти в шесть раз превысила уровень 1913 г. В 84 раза увеличился довоенный выпуск продукции швейной промышленности. Фабрика «Парижская коммуна», например, давала больше обуви, чем вся обувная промышленность царской России. Устойчиво развивалась и пищевая промышленность[18].

2. ГОРОД МЕНЯЕТ СВОЕ ЛИЦО

На 1 января 1929 г. население столицы составило 2314 тыс. человек (в 1926 г.– 2026 тыс. человек). Причем среднегодовой его прирост являлся самым высоким для столиц мира[19]. Изменился социальный состав населения, в первую очередь за счет рабочих и крестьян. В 1928 г. общая численность рабочих и служащих составляла 763,8 тыс. человек. Строительство новых предприятий привело к тому, что в город ежегодно прибывало на постоянное жительство до 250 тыс. человек. К этому времени площадь Москвы равнялась 24 405 га (в 1912 г.– 17 661 га), а площадь, используемая под застройку, увеличилась на 2145 га. Между тем общий размер жилой площади к началу первой пятилетки составлял всего лишь 12 598 тыс. кв. м, причем в основном за счет одноэтажных и малоэтажных домов[20]. Только что восстановленное коммунальное хозяйство города не в состоянии было удовлетворить возраставшие потребности населения.

Достаточно сказать, что если к 1931 г. население Москвы выросло по сравнению с 1912 г. на 73%, промышленность – на 200, то трамвайная сеть – всего на 61, водопроводная – на 50, канализация – на 40, осветительная – на 34%. Все это плюс неравномерная застройка города, беспорядочное размещение новых предприятий грозило ухудшением и без того весьма скромных условий жизни москвичей, срывом планов реконструкции народного хозяйства.

Явно устаревшей, а главное, весьма запутанной являлась система руководства Москвой. После завершения районирования и создания в июне 1929 г. Московской области были образованы единый для Москвы и области исполком и президиум. Причем формирование их производилось весьма сложным путем. Несмотря на то что были образованы отделы, избраны их заведующие, непосредственное руководство всеми отраслями хозяйственной и культурной жизни Москвы в основном было возложено на подотделы областных отделов исполкома, райсоветы и их отделы. Такая многоступенчатая структура руководства отрицательно сказывалась на практической работе, ее конкретных результатах. Как отмечалось в отчете отдела коммунального хозяйства по состоянию на август 1930 г., план его работ оказался невыполненным на 20%, в том числе по автопогрузкам – на 9,6, по строительству – на 42%, причем себестоимость работ снизилась вместо 10,4% только на 6,5%, а производительность труда оказалась ниже плановой[21].

Не достигли плановых показателей и другие отрасли коммунального хозяйства. Особенно остро встал вопрос о развитии городского строительства, которое велось стихийно, без единого плана.

В конце 1930 г. Политбюро ЦК ВКП(б) заслушало отчет МК партии о состоянии московского городского хозяйства. Решено было с января 1931 г. выделить Москву в самостоятельную административно-хозяйственную единицу в составе Московской области; провести ряд мероприятий, направленных на улучшение руководства городским хозяйством; приступить к разработке перспективного плана развития города.

Это постановление не было просто административной мерой: оно признавало Москву самостоятельной единицей в общей системе управления страной. Кроме того, здесь нашла отражение еще одна проблема со всеми ее плюсами и минусами – столица и вся остальная страна.

Состоявшийся вслед за этим пленум Мособлисполкома принял решение о разделении Москвы на десять районов вместо шести. Взамен громоздкого Управления московского коммунального хозяйства создавались специализированные тресты, подчиненные непосредственно Моссовету и несущие полную ответственность за конкретные отрасли городского хозяйства. Президиуму Моссовета было

[18] Москва. Годы предвоенные. С.48, 49.

[19] Материалы о хозяйстве Москвы в итоге первой пятилетки. С.57.

[20] Москва: годы обновления и реконструкции. М., 1977. С.18, 19.

[21] *Алещенко Н.М.* Московский Совет в 1917–1941 гг. М., 1976. С.353, 354.

Председатель Исполкома Моссовета Н. А. Булганин

Реконструкция Тверской улицы. 1930-е гг.

поручено разработать «Основные положения по вопросу о перспективах развития Москвы на ближайшие 10–15 лет»[22].

Избранный в феврале 1931 г. новый состав Моссовета и его президиум во главе с Н. А. Булганиным включились в реализацию порученного им дела.

В июне 1931 г. комиссия Политбюро представила на рассмотрение пленума ЦК ВКП(б) предложения о развитии различных отраслей хозяйства столицы. Они были изложены в специальном постановлении «О московском городском хозяйстве и развитии городского хозяйства СССР». Ставилась задача сделать московское городское хозяйство образцовым, превратить Москву в своего рода лабораторию современного градостроительства.

Конкретные мероприятия намечались в области жилищного строительства, развития топливного хозяйства, водоснабжения, расширения сети общественного питания и здравоохранения. Особое внимание обращалось на развитие городского транспорта. Помимо дальнейшего расширения автобусного и таксомоторного парка планировалось создать в столице троллейбусный транспорт и, главное, приступить к сооружению метрополитена. Одновременно городским властям было указано на необходимость научной технико-экономической разработки плана, в тесной увязке его «с бурным ростом промышленности и населения и соответственной распланировки г. Москвы как социалистической столицы пролетарского государства»[23].

В целях улучшения тяжелых жилищных условий москвичей предусматривалось в течение 1931–1934 гг. обеспечить строительство такого же количества жилья, сколько было построено в столице за предшествующие 14 лет советской власти, предоставить благоустроенные квартиры полумиллиону горожан. И в этом отношении делалось немало. Быстрыми темпами создавалась материально-техническая база строительства, прошла реорганизация проектно-планировочного дела, расширены права начальников строительных объектов, улучшена подготовка кадров. Все это позволило несколько ускорить темпы жилищного строительства. Одной из первоочередных задач коммунальной службы стала забота о сохранности жилого фонда, его санитарном состоянии. Если в 1930 г. на ремонтные работы было затрачено 13,6 млн. руб., то в 1931 г.– 17,6, а в 1932 г.– уже 33,5 млн. рублей[24].

Всего за 1931–1934 гг. Москва получила 2200 тыс. кв. м жилой площади, улучшилось водоснабжение города, увеличилось потребление электроэнергии. Были проложены десятки километров трамвайных линий, возросла мощность автобусного и таксомоторного парка, полным ходом велось сооружение метро. Однако и такой размах строительных работ резко отставал от темпов роста населения (с января 1929 г. по январь 1934 г. население Москвы увеличилось на 1 млн. 300 тыс. человек)[25].

Необходимость разработки Генерального плана реконструкции столицы становилась все более острой, этим и стала заниматься большая группа архитекторов, инженеров, строителей, экономистов, гидротехников, ученых других отраслей знаний.

В июле 1935 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление «О Генеральном плане реконструкции гор.

[22] *Алещенко Н.М.* Указ. соч. С.355.

[23] КПСС в резолюциях, решениях и постановлениях ЦК КПСС. Т.5. М., 1984. С.318.

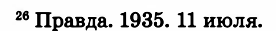
[24] Материалы о хозяйстве Москвы в итоге первой пятилетки. С.83, 84.

[25] *Пономарев А.* В борьбе за реконструкцию народного хозяйства. М., 1960. С.67.

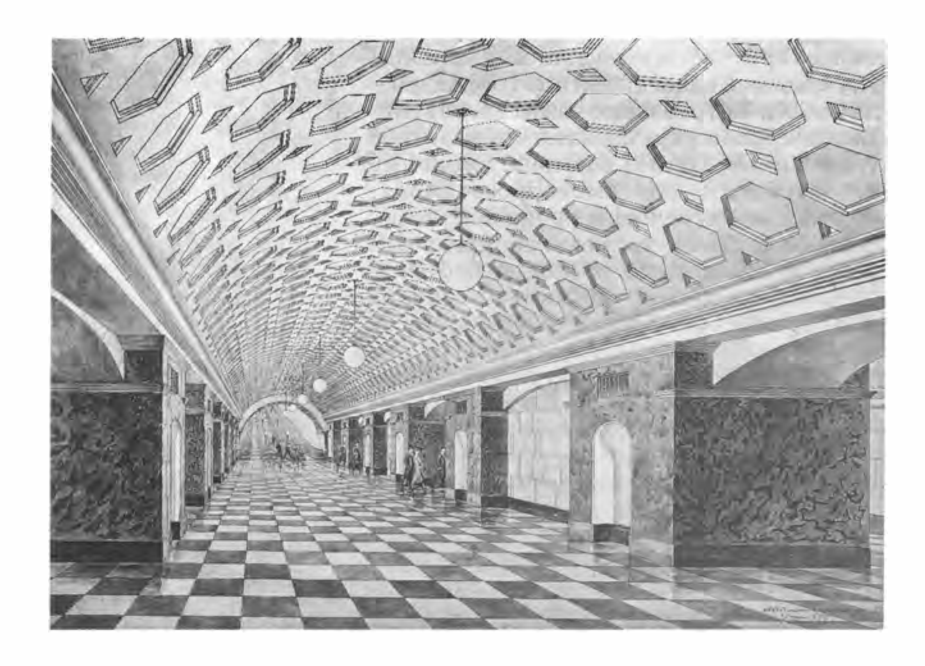
Демонстрация трудящихся Москвы, посвященная пуску 1-й очереди метро. 1935 г.

Станция метро «Красные ворота» (в 1962–1986 гг. «Лермонтовская»). Архитектор И. Фомин. 1935 г.

Москвы». Было решено при подготовке плана Москвы исходить из сохранения основ исторически сложившегося города, проводя его коренную перепланировку путем решительного упорядочения улиц и площадей. «...ЦК ВКП(б) и СНК СССР считают,– говорилось в постановлении,– что во всей работе по перепланировке города должно быть достигнуто целостное архитектурное оформление площадей, магистралей, набережных, парков, с использованием при строительстве жилых и общественных зданий лучших образцов классической и новой архитектуры, а также всех достижений архитектурно-строительной техники»[26].



[26] Правда. 1935. 11 июля.



Около 200 тыс. строителей приступили к выполнению сложных и многообразных задач, намеченных в Генеральном плане. Настоящим подвигом строителей явилось сооружение столичного метро. К его строительству приступили в декабре 1931 г., когда на Русаковской улице был заложен первый опытный участок. В мае 1932 г. Совнарком СССР определил Метрострой важнейшей государственной стройкой. В марте 1933 г. ЦК партии принял постановление «О строительстве Московского метрополитена». Была утверждена разработанная Метростроем и апробированная экспертизой схема линий метрополитена – 10 радиусов общей длиной 80,3 км. Работы должны были производиться путем комбинирования закрытого и открытого способов, исходя из конкретных особенностей отдельных участков. Устанавливались и предельные сроки окончания сооружения первоочередных линий.

На первом этапе строительства, особенно на земляных и бетонных работах, механизация почти отсутствовала. Работы велись вручную с помощью кирки, кайла, лопаты и в лучшем случае отбойного молотка. А вынуть надо было 2306 тыс. куб. м грунта. Бетонировали тоннели и станции тоже вручную. Уплотняли бетонную смесь ручной деревянной трамбовкой. Все это не только тормозило график окончания работ, но и приво-

дило к многочисленным несчастным случаям. Но в 1934 г. в распоряжение строителей поступила передовая для того времени техника – 115 компрессоров, 12 замораживающих установок и другие механизмы, свыше 1000 автомашин[27].

Метрополитен стал общегосударственной стройкой. В ней участвовало 540 предприятий страны. Сюда прибывали бетонщики, сооружавшие плотину Днепрогэса, тоннельщики с Рионгэса, шахтеры-проходчики из Донбасса. Но «главную скрипку» на строительстве метро играли москвичи, в первую очередь молодежь. Уже в апреле 1933 г. по решению МК ВЛКСМ на Метрострой пришла первая тысяча человек, через два месяца – еще две тысячи, а в сентябре 1933 г.– новые десять тысяч добровольцев[28]. Они сумели в кратчайший срок освоить неизвестную до тех пор в СССР технику щитовых, кессонных и тоннельных работ сжатым воздухом, овладели специальностями проходчиков, бетонщиков, крепильщиков.

Штабом по решению всех оперативных вопросов, связанных с ходом строительства, стали МК, МГК ВКП(б) и Моссовет. Их руководящая роль старательно подчеркивалась пропагандой. Буквально во всех статьях, брошюрах и книгах тех лет, посвященных метро, рассказывалось о том, что первый секретарь МК и МГК ВКП(б) Л. М. Каганович, его правая рука Н. С. Хрущев, председатель Моссовета Н. А. Булганин часто посещали строительство, знакомились с делами, вникая в них на месте. Необходимо было как можно скорее ввести в эксплуатацию метро, что радикально разрешало проблему транспорта в Москве.

15 мая 1935 г. первая очередь Московского метрополитена: «Сокольники» – «Парк культуры» и «Охотный ряд» – «Смоленская» – вступила в строй. Это стало крупным событием в жизни столицы. Протяженность линии составила 11,6 км. При ее сооружении было проложено 16 484 м тоннеля, введено в эксплуатацию 13 пассажирских станций, 17 подземных вестибюлей, 5 наклонных ходов с эскалаторами и т.д. Строительство обошлось в 800 млн. руб., т.е. примерно столько, сколько было вложено во все народное хозяйство страны в 1926–1927 гг.[29]

За особые заслуги в строительстве метрополитена комсомол столицы наградили орденом Ленина. Ордена и грамоты ВЦИК получили и 250 лучших строителей-метростроевцев.

7 мая 1935 г. началось сооружение второй очереди московского метро. К этому времени коллектив метростроевцев приобрел большой опыт, заметно укрепилась и техническая база строительства, улучшилось использование техники. С каждым годом все больший объем работ на Метрострое выполнялся все меньшими силами: в 1937 г. на строительстве было занято 39 тыс. человек по сравнению с 62 тыс. в 1934 г. В результате роста механизации труда и повышения квалификации строителей сооружение второй очереди, несмотря на большую протяженность трассы, было закончено значительно раньше – в сентябре 1938 г., причем стоимость его снизилась на 30%. Теперь протяженность линий метрополитена достигала 25 км, пассажиров обслуживали 22 станции. Это был самый дешевый и удобный вид пассажирского транспорта, перевозивший ежедневно до миллиона человек.

В 1938–1941 гг. полным ходом велась прокладка тоннелей для третьей очереди метро.

Развивался и наземный вид транспорта столицы. За 1935–1940 гг. протяженность автобусных линий увеличилась с 589 до 985 км, а троллейбусных – более чем в 8 раз[30].

Другим не менее важным звеном в осуществлении Генерального плана явилось сооружение канала Москва – Волга (в 1947 г. переименован в канал им. Москвы).

Правительство выделило в распоряжение строителей многочисленную технику: 171 экскаватор, 191 гидромонитор, 1600 грузовых автомобилей, 225 паровозов, 2113 железнодорожных платформ, 5750 электромоторов. На стройке работало около 25 тыс. инженеров и техников, в большинстве своем молодых советских специалистов. Как и в строительстве метро, в сооружении канала принимали участие коллективы многих предприятий, в том числе и московских. Но основную рабочую силу составляли заключенные, в том числе многие тысячи осужденных по политическим мотивам. А фактическими руководителями стройки являлись шефы НКВД – сначала Г. Г. Ягода, а затем Н. И. Ежов.

Ввод в эксплуатацию канала требовал от городских властей осуществления ряда важных мероприятий. В апреле 1935 г. Президиум Московского Совета наметил конкретные меры по сооружению Сталинской и Пролетарской водопроводных станций, по строительству и реконструкции мостов и набережных, обеспечивавших улучшение связи между районами города и сквозное судоходство по Москве-реке. Дело в том, что старые мосты, построенные еще в XIX в., оказались слишком узкими и тесными и не были рассчитаны на проход под ними больших речных судов.

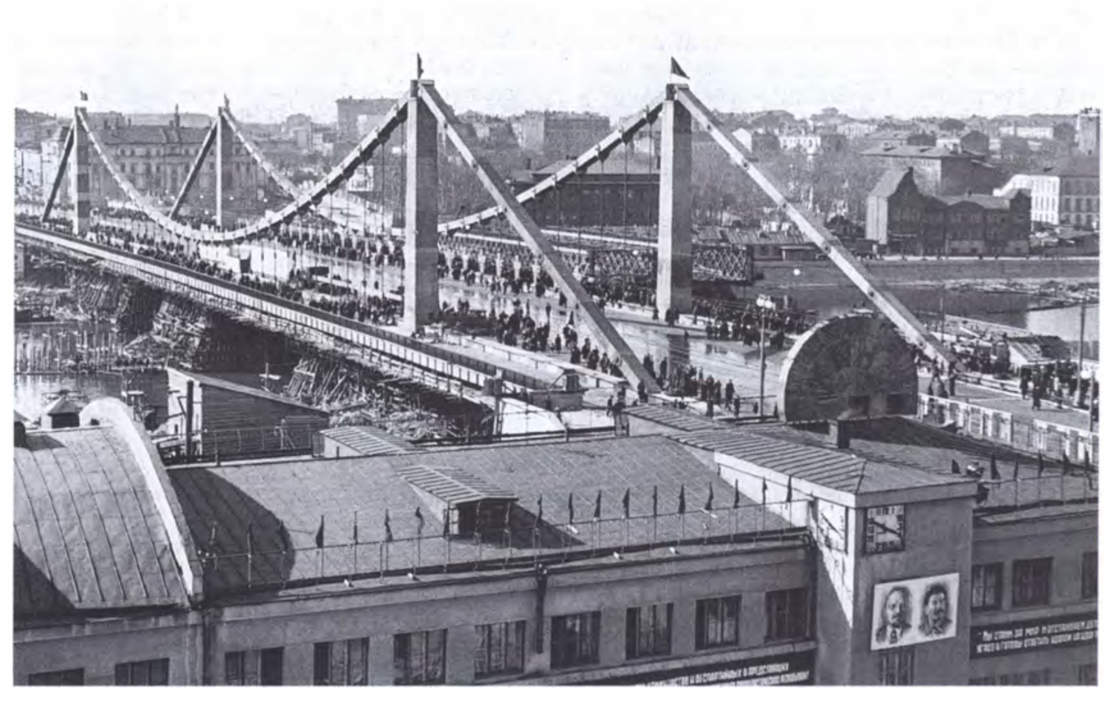
Возведение новых мостов началось осенью 1936 г. и закончилось к маю 1938 г. Всего было построено десять мостов, а один реконструирован. В связи с предполагавшимся повышением уровня воды решено было приподнять и набережные. Москва-река одевалась в гранит и бетон, набережные асфальтировались.

[27] 10 пятилеток Москвы. М., 1981. С.112.

[28] *Пономарев А.* Указ. соч. С.72.

[29] Там же. С.74.

[30] 10 пятилеток Москвы. С.124.



Открытие движения по Крымскому мосту. 30 апреля 1938 г.

Северный (Химкинский) речной вокзал. 1937 г.

Всего за 1935–1940 гг. было сооружено свыше 35 км таких набережных[31].

К апрелю 1937 г. работа по строительству канала – его длина составила 128 км – в основном завершилась. Было возведено более 200 сооружений, в том числе 11 крупных шлюзов, 19 плотин, 8 гидроэлектростанций, Химкинский речной вокзал и другие объекты. Введение в эксплуатацию канала имело важное народнохозяйственное значение, особенно для Москвы. Он связал столицу с Белым, Балтийским и Каспийским морями, сделал Москву-реку судоходной, улучшил санитарные условия жизни горожан. По уровню потребления воды на душу населения Москва заняла одно из первых мест в мире.

Но по-прежнему острой оставалась проблема жилищного и культурно-бытового строительства. О масштабах этой работы свидетельствует тот факт, что только в 1936 г. в столице было сооружено 398 многоэтажных зданий, 4 моста, 6 заводов по выпуску строительных материалов. Реконструкции подверглись 14 хлебозаводов, 70 пекарен и ряд других предприятий, а также городской транспорт.

Чтобы не сбавлять темпа, Моссовет предпринял меры, направленные на укрепление материально-технической базы строительства, укрупнение строительных организаций. Вместо 143 таких организаций при Моссовете были созданы общегородские и специализированные тресты. Большое внимание уделялось развитию промышленности строительных материалов, устранению разбросанности строительства и концентрации его на основных магистралях города. Серьезную проблему представляла ликвидация сезонности в строительстве. В целях круглогодичного строительства зданий резко увеличивалось производство железобетонных конструкций, облицовочного кирпича и плитки, сухой штукатурки и других материалов. Было поддержано предложение архитектора А. Мордвинова, начальника управления Моссовета В. Мосолова, инженера архитектурной мастерской В. Красильникова о поточно-скоростном строительстве, когда сооружение зданий велось конвейерным способом – специализированные бригады как бы передавали друг другу свою часть сделанной работы по графику. Этот прогрессивный метод намного ускорял и удешевлял строительство, позволяя возводить многоэтажные здания в течение нескольких месяцев. Всего за пять лет осуществления Генерального плана в строительство и реконструкцию города было вложено 15 млрд. руб.– гигантская для того времени цифра.

[31] История Москвы. Т.VI. Кн.2. М., 1957. С.52.

Москвичи получили около 2 млн. кв. м жилой площади[32].

И все же темпы жилищного строительства явно отставали от потребностей города, а его качество вызывало массу нареканий.

В 1939 г. в основном завершилась реконструкция центра Москвы – Охотного ряда, Манежной и Дзержинской площадей, и строители приступили к застройке многоэтажными зданиями других районов столицы.

К сожалению, в ходе генеральной реконструкции столицы было допущено немало ошибок, совершен ряд непродуманных, варварских акций по отношению к историческому прошлому, к выдающимся памятникам архитектуры и зодчества.

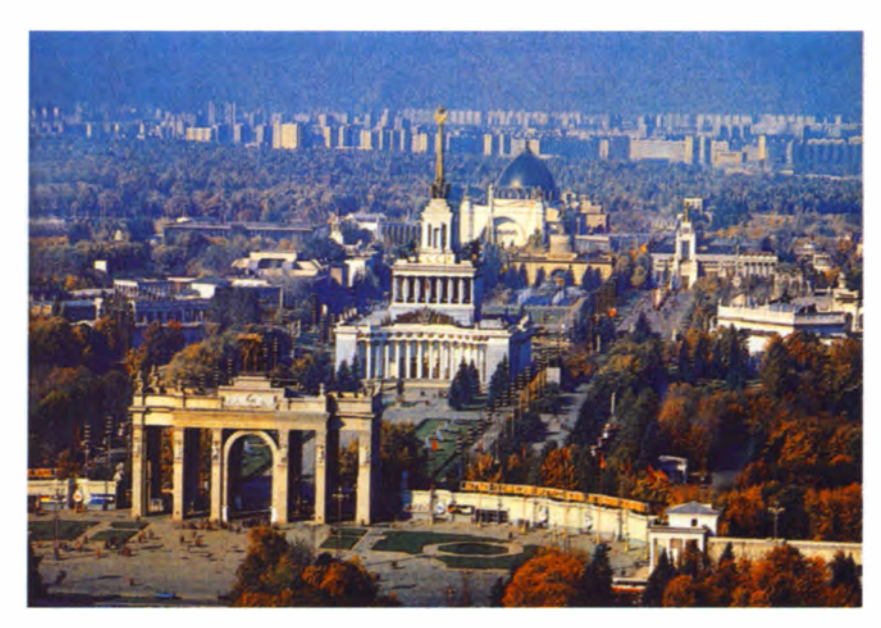
Значительным достижением явилось строительство почти 400 школ, что позволило отказаться от занятий в третьей смене и в большинстве школ перейти на одну смену. История не знала такого массового школьного строительства.

Великий русский ученый И. П. Павлов, очень скептически относившийся к газетным рапортам об успехах советской власти, приехав в Москву, решил лично ознакомиться с ходом школьного строительства. Но посетив ряд строек, в том числе и школ, с удовлетворением говорил своей жене: «Манечка, да ведь они гимназии строят!»[33] Разумеется, советские школы не были гимназиями, но расширение доступа к образованию было несомненным.

Постоянно возрастали в столице расходы на здравоохранение, на охрану здоровья женщин и детей. В 1939 г. Москва располагала 141 женской и детской консультациями, 390 яслями и 984 детсадами. Общее число стационарных лечебных учреждений в Москве за вторую пятилетку увеличилось с 95 до 164, количество поликлиник – с 300 до 434. Москвичей обслуживало около 80 тыс. медицинских работников.

С марта 1929 г., когда в Москве была введена карточная система на хлеб, питание жителей столицы резко ухудшилось. Особенно скудным стало оно в 1933 г. Население было вынуждено заниматься самозаготовкой продуктов («огородное кольцо вокруг города»), столичные предприятия создавали свои подсобные хозяйства, заключали договоры о взаимопоставках с колхозами, совхозами, рыбацкими хозяйствами не только в Подмосковье, но и в других регионах страны. В этих условиях массовый размах приобрели хищения и воровство в торгующих организациях. В апреле 1932 г. нарком торговли А. И. Микоян на совещании директоров ГОРТ говорил:

Городской транспорт Москвы. 1930-е гг.



ВДНХ (ныне ВВЦ)

Библиотека им. В. И. Ленина (ныне Российская государственная библиотека). Архитекторы В. Г. Гельфрейх, В.А. Щуко. 1928–1937 гг.

[32] Незабываемые 30-е. С.196.

[33] Там же. С.15.

Фабрика-кухня № 1. 1930-е гг.

Хлебозавод-автомат. 1931 г.

«Воруют все, вплоть до коммунистов». Проверка хлебных магазинов по Москве показала, что разворовывали в день до 12 вагонов продуктов. Причем даже после отмены в 1934 г. карточной системы вплоть до конца 1935 г. с обеспечением продуктами питания в Москве было хуже, чем до ее введения[34].

Но постепенное накопление резервов для Москвы (чему правительство уделяло особое внимание) позволяло увеличивать число магазинов и предприятий общественного питания. К 1935 г. в строй вошло 13 крупных московских хлебозаводов, было построено 17 фабрик-кухонь, расширилась сеть столовых. Около $^2/_3$ москвичей обслуживалось предприятиями общественного питания.

В связи с полной ликвидацией безработицы размер денежного дохода московской рабочей семьи почти удвоился. Столица СССР вошла в число городов с самой низкой смертностью и самой высокой рождаемостью[35].

Однако далеко не все проблемы повышения материального и культурного уровня жизни москвичей оказались решенными. По-прежнему очень острой оставалась жилищная проблема, многие десятки тысяч москвичей еще ютились в бараках, сотни тысяч – в многонаселенных квартирах. Медленно улучшалось положение с обеспечением населения продовольственными товарами. Для многих тружеников пределом мечтаний оставался, говоря словами В. В. Маяковского, «ситный без пайка».

Вместе с тем, как свидетельствовали многие очевидцы тех лет, с середины 30-х гг. наметилось явное социальное неравенство, резкий разрыв в доходах между элитой общества и рядовыми москвичами. Писатель Андре Жид отмечал, что, например, литераторы находились «в гораздо более выгодном положении, чем любые рабочие и ремесленники», причем здесь эта разница была более заметной, чем в какой-либо другой европейской стране. В книге «Возвращение из СССР» он дал правдивую картину растущей социальной поляризации советского общества, в результате которой на его верхних этажах формируется «новая разновидность сытой рабочей буржуазии (и следовательно, консервативной, как ни крути), похожей на нашу мелкую буржуазию, а бюрократия и верхушечная интеллигенция превращаются в новую привилегированную касту, обладающую теми же недостатками, что и западная буржуазия...» Большинство представителей этой касты нуворишей являются членами партии, но «ничего коммунистического в их сердцах уже не осталось»[36].

В то время как заработная плата врача и учителя составляла 300–350 руб. в месяц, уборщицы – 80–100 руб., актер среднего ранга получал 500–600 руб., высокого ранга – 1000–1200 рублей. И уже вовсе баснословными доходами обладали театрально-музыкальные звезды[37].

Многие москвичи еще верили, что путь к социализму есть путь неустанной борьбы, полный жертв, энтузиазма, самозабвенной работы для завтрашнего дня, светлого будущего. Однако немало имелось и таких, которые считали, что надежды на улучшение не оправдались, выражали сомнение в наступлении положительных перемен.

3. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ СТОЛИЦЫ

Общественная жизнь столицы 30-х гг. все в большей степени определялась линией поведения городской партийной организации. После освобождения с поста первого секретаря МК ВКП(б) Н. А. Угланова и замены его Л. М. Кагановичем, а затем Н. С. Хрущевым городская партийная организация стала «надежным и беспре-

[34] *Осокина Е.А.* Иерархия потребления. М., 1993. С.32, 38.

[35] 10 пятилеток Москвы. М., 1981. С.125.

[36] Цит. по: *Роговин В.* Указ. соч. С.215, 216.

[37] Там же. С.214.

кословным» исполнителем решений ЦК ВКП(б), проводником сталинской линии по всем важнейшим вопросам, ибо Сталину была далеко не безразлична политическая позиция столичной партийной организации.

Численность ее быстро увеличивалась. В 1931 г. в нее входило 166 тыс. человек, а к началу 1941 г.– около 229 тыс.[38] Большие изменения произошли здесь и в структурном плане. Так, например, в конце 30-х гг. число рабочих, принимаемых в партию, резко сократилось. Если в 1927 г. в Москве в партию было принято 5879 рабочих, что составляло 89,7% по отношению ко всем вступившим в ВКП(б), то в 1939 г. этот процент равнялся 29, в 1940 г.– 26,6, в 1941 г.– 20,8%[39].

В 1927 г. коммунистов с начальным образованием насчитывалось 58%, с высшим – 3,1%; в 1938 г. соответственно 40,5 и 14,5%, а в 1941 г.– 39,1 и 17,6%. Заметно выросло и количество партийных организаций: в 1930 г. их было 1273, а в 1940 г.– 5934.

В полном смысле «надежной опорой» партийной организации являлись комсомольские организации. В 1931 г. в них состояло 115 тыс. человек, в 1936 г.– 153,5 тыс., в 1941 г.– 370 тыс.[40]

Еще более массовую организацию представляли профсоюзы, в состав которых входило от 80 до 85% всех рабочих и служащих Москвы. Так, в 1937 г. из 2100 тыс. рабочих и служащих профсоюзы охватывали 1785 тыс. человек[41]. По мере развертывания реконструкции народного хозяйства профсоюзные организации все меньше занимались вопросами защиты интересов трудящихся, контроля за деятельностью администрации, а все больше внимания уделяли проблемам выполнения планов, организации социалистического соревнования.

В начальный период индустриализации перевыборы Советов проходили под лозунгом оживления их деятельности, улучшения материального положения трудящихся, совершенствования работы госаппарата и усиления борьбы с бюрократизмом. И подобные лозунги находили поддержку трудящихся. Об этом свидетельствовало количество внесенных во время выборов в Московский Совет предложений и дополнений в наказы избирателей. Его депутатами в 1927 г. стали 62,1% рабочих. В состав районных Советов было избрано 56,5% рабочих, из них 46,1% рабочих от станка[42].

Росло число рабочих, участвовавших в деятельности Советов. В 1928 г. в работу секций Советов было вовлечено 50 тыс., в 1929 г.– уже более 80 тыс. человек[43]. Подобная тенденция сохранялась и в последующие годы. Однако эффективность практической деятельности Советов оказывалась невысокой. Характерной была оглядка на партийные органы и дублирование их решений. Все чаще постановления по различным вопросам принимались «совместно». И если ранее, в том числе в начале и середине 20-х гг., главной фигурой в районе и городе считался председатель Совета, то теперь – секретарь райкома или горкома. Это было знамением времени.

После того как И. В. Сталину в конце 20-х гг. удалось избавиться от последних своих авторитетных оппонентов в партии – Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова, М. П. Томского, Н. А. Угланова и их сторонников, линия на свертывание внутрипартийной демократии, установление единомыслия в партии под эгидой сталинизма становилась все более явной. Пример

[38] Московская городская организация КПСС.1917–1988. Цифры. Документы. Материалы. М., 1989. С.18, 19.

[39] Там же. С.10.

[40] Московская городская и московская областная партийные организации в цифрах. М., 1972. С.183.

[41] Профсоюзы Москвы. М., 1975. С.235.

[42] Отчет Московского комитета ВКП(б). М., 1927. С.42.

[43] Очерки истории Московской организации КПСС. Кн.II. М., 1983. С.324.

Первомайская демонстрация на Красной площади. Художник К. Юон. 1930 г.

Делегаты X съезда ВЛКСМ: Е. Виноградова (1-й ряд, 1-я слева), Н. Циглов (1-й ряд, 2-й слева), М. Виноградова (1-й ряд, 3-я слева), Т. Одинцова (2-й ряд, 1-я слева) и др. 1936 г.

в этом показывало московское партийное руководство. Уже в канун XVII съезда ВКП(б) на состоявшейся в январе 1934 г. объединенной IV Московской областной и III городской партийной конференции в отчетном докладе Н. С. Хрущева, во многих выступлениях началось небывалое до того славословие в адрес Сталина – «вдохновителя и организатора борьбы за превращение столицы в образцовый социалистический город».

Не обошли вниманием участники конференции и борьбу с «противниками» генеральной линии партии. И если о бывших троцкистах говорили как о заклятых врагах ВКП(б) и советской власти, то о «правых» отзывались пока помягче, требуя от них самих более резких оценок допущенных в свое время «ошибок».

О том, что «зажим гаек» начался всерьез и будет продолжаться долго, свидетельствовали и итоги состоявшихся в 1933–1936 гг. чистки партии, проверки и обмена партийных документов. Из Московской парторганизации были исключены десятки тысяч коммунистов, особенно так называемых «пассивных», т.е. не проявлявших особого рвения в нападках на троцкистов и бухаринцев. Эти цифры (7,5% от общего числа проверенных) смутили даже ЦК ВКП(б), и МГК пришлось срочно исправлять свои перегибы (к маю 1937 г. 4 тыс. исключенных были восстановлены в партии)[44].

Завершалась вторая пятилетка. В декабре 1936 г. чрезвычайный VIII съезд Советов после длительного обсуждения утвердил проект новой Конституции СССР. В этих условиях ЦК ВКП(б) провозгласил курс на более последовательное осуществление демократических принципов, декларируя покончить с практикой кооптации, голосования по спискам, строго придерживаться закрытого (тайного) голосования и т.д. На деле, однако, происходило все более грубое нарушение легитимных (уставных, конституционных) принципов общественной жизни.

Все это наложило отпечаток на работу состоявшейся в мае 1937 г. IV Московской городской партийной конференции. С одной стороны, в Отчетном докладе МГК, с которым выступил Н. С. Хрущев, речь шла о развитии демократии в деятельности партийных, советских, профсоюзных, комсомольских организаций, осуждалась практика парадов, шумливых рапортов об успехах, приветствий по адресу руководителей партии и правительства... И тут же следом звучал панегирик в адрес «вождя», который «следит за Москвой буквально

[44] Очерки истории Московской организации КПСС. Кн.II. С.475, 476.

Дом Совета Труда и Обороны (ныне Государственная Дума). Архитектор А. Лангман. 1932–1936 гг.

На чрезвычайном VIII съезде Советов. В первом ряду: Н. С. Хрущев, А. А. Жданов, Л. М. Каганович, К. Е. Ворошилов, И. В. Сталин, В. М. Молотов, М. И. Калинин, М. Н. Тухачевский. 1936 г.

как за любимым ребенком». Добрым словом упоминался и «неутомимый сталинец, любимый руководитель Каганович». Буквально треть доклада была отведена брани по адресу «врагов народа», призывам к бдительности. «Нужно уничтожать этих негодяев,– требовал докладчик.– Уничтожая одного, двух, десяток, мы делаем дело миллионов. Поэтому нужно, чтобы не дрогнула рука, нужно переступить через трупы врага на благо народа».

Невыполнение плановых заданий промышленностью, фактический срыв жилищной и коммунальной строительной программы в 1936 г. (вместо 800 тыс. кв. м жилья было построено лишь 210 тыс. кв. м) оратор тоже во многом отнес на счет враждебной деятельности троцкистов и зиновьевцев. Самым «убедительным» примером «вредительства» докладчик посчитал арест группы специалистов из Московской государственной электростанции (МОГЭС). Их «вина» состояла в том, что во время сильной грозы в Москве произошла авария, погас свет, в том числе и в Колонном зале Дома Союзов, где происходило судебное заседание по делу «банды зиновьевцев и бухаринцев».

Анализируя деятельность массовых общественных организаций, Хрущев заявил, что «при выборах в профсоюзы оживились меньшевики, эсеры, церковники, кулачье, троцкисты и всякая сволочь»[45]. И такими «перлами» был пересыпан весь отчетный доклад горкома партии.

Осенью 1937 г. началась кампания по выборам в Верховный Совет СССР. Кандидатами в депутаты выдвигались тщательно отобранные партийными органами представители предприятий и разных ступеней партийно-государственной номенклатуры. Была развернута массовая централизованная устная и печатная пропаганда. В столице приняло участие в выборах 99,13% избирателей. Из них за «блок коммунистов и беспартийных» по опубликованным данным избирательных комиссий проголосовало более 99% избирателей.

15 декабря 1937 г. на Красной площади в честь выборов была организована почти миллионная демонстрация москвичей. Весной 1938 г. развернулась подготовка к выборам в Верховный Совет РСФСР.

Параллельно с этим «торжеством советской демократии» в стране и Москве происходили массовые репрессии, раскрывавшие подлинный характер укоренявшегося режима.

Разгром «правого уклона» в конце 20-х гг. не означал ликвидации сопротивления Сталину в верхнем эшелоне власти. В начале 30-х гг. в партии одна за другой возникают группы, которые пытались подготовить смещение Сталина с поста генсека, изменить проводимую им политику.

Органы ОГПУ пристально следили за «правыми» и «левыми» партийцами. В архиве имеется запись беседы на бюро МК с агентом ОГПУ Шверцайтом, который заявил: «Угланова не следовало бы оставлять в Москве, т.к. наличие его в Москве объективно явится знаменем, вокруг которого будут собираться московские правые уклонисты и примиренцы»[46].

Н. А. Угланов вскоре был осужден и отправлен в ссылку по делу «Союза марксистов-ленинцев», возглавлявшегося

[45] ЦАОДМ. Ф.4. Оп.8. Д.1. Л.40.

[46] Там же. Ф.3. Оп.10. Д.172. Л.12.

Народное гулянье перед избирательным участком в День выборов депутатов Верховного Совета СССР. 26 июня 1938 г.

бывшим секретарем Краснопресненского райкома М. Н. Рютиным. От имени «Союза» Рютин подготовил «Обращение ко всем членам ВКП(б)» и программный документ «Сталин и кризис пролетарской диктатуры», распространенные в Москве и Харькове. С этими документами были ознакомлены Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, Н. А. Угланов и Я. Э. Стэн (член ВКП(б) с 1914 г., профессор Института красной профессуры и сотрудник АН СССР). На этом деятельность группы Рютина закончилась: в ЦК на нее поступил донос. Но многие в Москве, Харькове, Ленинграде, Ростове-на-Дону читали программу «Союза» и поражались смелости ее автора, охарактеризовавшего всесильного генсека как «великого агента, провокатора, разрушителя партии, могильщика революции в России»[47].

По делу «Союза марксистов-ленинцев» среди тридцати обвиняемых были исключены из партии и отправлены в ссылку Г. Е. Зиновьев и Л. Б. Каменев за то, что «знали о существовании этой контрреволюционной группы, получали от этой группы ее документы и не довели об этом до сведения партии, чем содействовали деятельности группы»[48]. В дальнейшем часть осужденных вновь была привлечена к уголовной ответственности по тем же самым обвинениям с ужесточением ранее вынесенных приговоров, вплоть до высшей меры – смертной казни. М. Н. Рютин погиб в январе 1937 г. во внутренней тюрьме НКВД на Лубянке. Незадолго до смерти он заявил своим палачам: «Я не страшусь смерти и не буду просить даже о помиловании, ибо я не могу каяться и просить прощения или какого-либо смягчения наказания за то, чего я не делал и в чем абсолютно неповинен».

Почти одновременно с рютинской группой в закрытом заседании коллегии ОГПУ проходило дело так называемой «антипартийной группы правых Слепкова и других», именуемой еще «Бухаринской школой». Это были представители молодой советской интеллигенции, многие из них являлись выпускниками Института красной профессуры, основанного Бухариным, его учениками и соратниками. Их стандартно обвинили в борьбе с советской властью и намерением «возродить в СССР капиталистический строй».

Не избежали репрессий и бывшие участники троцкистской оппозиции. В 1933–1934 гг. в Москве состоялись процессы над группой И. Н. Смирнова, В. А. Тер-Ваганяна, Е. А. Преображенского и др. (ОГПУ в своих докладах определяло численность этой группы в 200 человек[49]) и над так называемым «Всесоюзным троцкистским центром», в который входили менее видные участники бывшей оппозиции[50]. Об их практических предложениях и позиции можно судить по заявлению И. Н. Смирнова в ЦК ВКП(б), в котором выражена надежда, что «партия найдет путь к возвращению в свои ряды всей оппозиции от рядового работника до т. Л. Д. Троцкого, судьба которого неразрывно связана с судьбой рабочего класса»[51]. Надежды эти были тщетными: слишком глубокими, даже в личном плане, были противоречия между Сталиным и Троцким. Он и в изгнании продолжал вести активную борьбу с «коварным осетином», который, по выражению Л. Д. Троцкого, вытолкал его за рубеж[52].

В искоренении оппозиции сталинскому режиму большую роль сыграл Л. М. Каганович, один из ближайших в то время соратников Сталина, немало сделавший для формирования его культа. В 1930 г. он стал членом Политбюро ЦК ВКП(б), первым секретарем Московского областного и городского комитетов партии. В 1933–1934 гг. Каганович, будучи председателем Центральной комиссии по проверке партийных рядов, руководил чисткой партии.

Чистка явилась мощным средством борьбы с антисталинским инакомыслием в ВКП(б), с остатками оппозиции в ее рядах. Так, в ежемесячных отчетах, подаваемых в МК партии лично Кагановичу, утверждалось, что «значительная часть бывшей троцкистской и правой оппозиции не изжили своих антипартийных взглядов»[53].

Процент исключенных из партии во время чистки по районам Москвы, как и в других местах, варьировался в широких пределах, достигая 10 и более процентов[54].

[47] Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. С.105.

[48] Там же. № 7. С.66.

[49] Там же. 1991. № 6. С.77.

[50] Там же. 1990. № 12. С.84–93.

[51] Там же. 1991. № 6. С.75.

[52] *Волкогонов Д.* Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталина. В 2 кн. Кн.1. Ч. 1. М., 1989. С.247.

[53] ЦАОДМ. Ф.3. Оп.49. Д.32. Л.69–75.

[54] Там же. Л.71.

Во второй половине 30-х гг. Москва стала свидетелем подготовленных по указанию Сталина открытых судебных процессов над старой большевистской гвардией. Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, Н. И. Бухарин, А. И. Рыков и их соратники обвинялись в антисоветской деятельности, в подготовке террористических актов против Сталина и других членов Политбюро, в связях с иностранными разведками. Приговоры были предрешены заранее.

Эти процессы начали готовиться сразу после убийства 1 декабря 1934 г. первого секретаря Ленинградского обкома партии, члена Политбюро ЦК ВКП(б) С. М. Кирова. Своеобразными репетициями к открытым судилищам стали процессы над «членами» «Московского» и «Ленинградского» центров, так называемое «Кремлевское дело» и дело «Московской контрреволюционной организации – группы "рабочей оппозиции"».

По делу «Московского центра» были арестованы Г. Е. Зиновьев, в тот момент – член редколлегии журнала «Большевик», Л. Б. Каменев – директор Института мировой литературы им. А. М. Горького, Г. Е. Евдокимов – начальник Главка молочной промышленности Наркомпищепрома СССР, И. П. Бакаев – управляющий Главэнергосети, Я. В. Шаров – начальник управления трикотажной промышленности Наркомата местной промышленности РСФСР и ряд других лиц – всего 19 человек. Они обвинялись в том, что, будучи в прошлом видными деятелями троцкистско-зиновьевской оппозиции, «не разоружились» и создали подпольный «Московский центр», ставивший своей задачей «замену существующего руководства партии и советского правительства». «Московский центр» наряду с якобы существовавшим «Ленинградским центром» обвиняли в убийстве С. М. Кирова.

Несмотря на то что данное обвинение не было доказано, все подсудимые были приговорены к тюремному заключению на срок от пяти до десяти лет[55]. Их арест и процесс над ними явились началом осуществления замысла использовать убийство Кирова для политической дискредитации и физического уничтожения бывших оппозиционеров.

Почти следом за «Московским центром» органы сфабриковали «Кремлевское дело». Поводом для его возбуждения послужило «разоблачение» будто бы существовавшего в Кремле заговора по подготовке покушения на Сталина.

По этому «делу» был вновь привлечен Л. Б. Каменев, который якобы являлся «главой заговора», а также секретарь ЦИК СССР А. С. Енукидзе, «при попустительстве» которого на территории Кремля была «создана» «целая сеть террористических групп». Террористами были объявлены: художник Н. Б. Розенфельд (брат Л. Б. Каменева), его бывшая жена – работник библиотеки Кремля, другие библиотекари, чины кремлевской комендатуры, ряд инженеров и военных. Как стало известно впоследствии, каких-либо прямых доказательств по факту существования этого «заговора» не было обнаружено. Однако Военная коллегия Верховного суда СССР на закрытом заседании, без участия государственного обвинения и защиты осудила всех обвиняемых к различным срокам заключения. Двое работников комендатуры Кремля приговаривались к расстрелу. Всего по «Кремлевскому делу» было осуждено 110 человек[56].

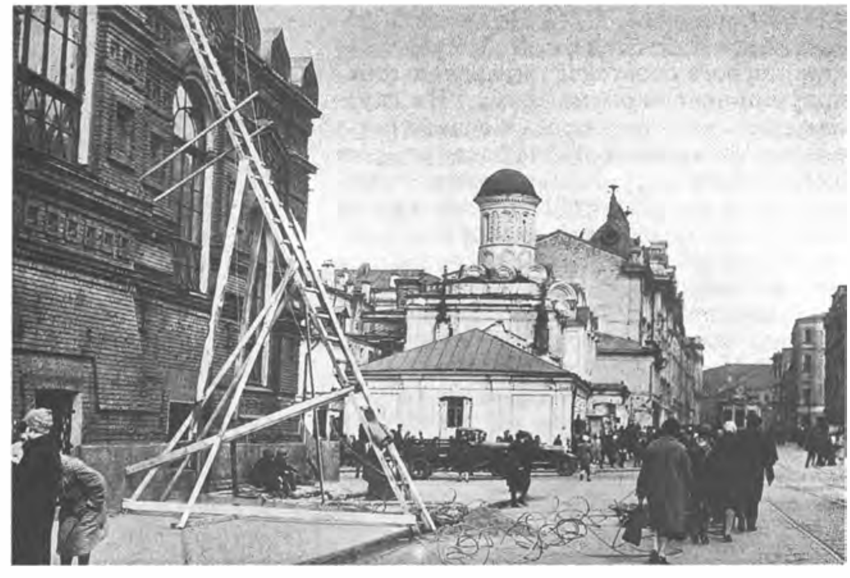
Весной 1935 г. в Москве особое совещание при НКВД СССР рассмотрело дело «Московской контрреволюционной организации – группы "рабочей оппозиции"». По делу было привлечено 18 человек, в основном участники легально существовавшей в начале 20-х гг. внутрипартийной группировки, руководителями которой были старые большевики А. Г. Шляпников, С. П. Медведев и др. (В 1917 г. А. Г. Шляпников вошел в состав первого советского правительства, получив пост наркома труда.) Их главная вина, как говорилось в обвинительном заключении, состояла в том, что они в середине 30-х гг. «периодически собирались на квартире у Шляпникова или Медведева, подвергали резкой контрреволюционной критике политику партии и советской власти, вырабатывали контрреволюционные установки и распространяли их среди своих единомышленников в Москве и на периферии»[57]. Группе инкриминировалось создание «террористического подполья» в Москве, Омске, Одессе и других городах. Позднейшей проверкой эти обвинения были признаны надуманными. А тогда последовали

[55] Известия ЦК КПСС. 1989. № 7. С.64–85.

[56] Там же. С.90.

[57] Там же. № 10. С.74.

Дом правительства. Архитектор Б. Иофан. 1928–1931 гг.



На улице Обуха (ныне Воронцово поле). 1938 г.

Москва 1930-х гг. Вид на Никольскую улицу от Исторического музея. На переднем плане Казанский собор

суровые приговоры обвиненным – тюрьма, лагерь, ссылка. Через два года – в 1937 г.– А. Г. Шляпников, С. П. Медведев и ряд их товарищей были расстреляны[58].

Наибольшую известность имели открытые процессы над политическими противниками Сталина и его окружения, состоявшиеся в Москве в 1936–1938 гг. («дела», о которых шла речь выше, рассматривались большей частью в закрытых заседаниях).

Участниками этих процессов оказались в основном бывшие идейные противники вождя. Для большего эффекта (на них были приглашены видные писатели, журналисты, юристы из-за рубежа) НКВД с подачи властей во многом фальсифицировал судебное разбирательство. Главное внимание следствия и суда обращалось на то, чтобы все без исключения подсудимые «признавались» в своих «преступлениях», какими бы надуманными и фантастическими они ни были. Об объективных доказательствах вины речь, как правило, не заходила.

Московские политические процессы середины 30-х гг.– только часть репрессий тех лет. Историческая память народа сохранила навсегда воспоминания о «страшном тридцать седьмом».

Репрессии коснулись не только тех, кто раньше принимал участие в той или иной оппозиции, состоял в какой-либо противостоявшей большевикам партии. Преследованиям подверглись и те партийные кадры, которые были преданы Сталину. Если на них падала хотя бы малейшая тень подозрения, следовали расстрелы или ГУЛАГ. Конкретная судьба: Карл Янович Бауман. В 1929–1930 гг., заменив Н. А. Угланова на посту первого секретаря Московского комитета партии, рьяно проводил в столичном регионе коллективизацию. Но и Бауман поплатился за допущенные им «перегибы» и «головотяпство» в этой насильственной кампании. Он, как и Угланов, вынужден был «признать» свои ошибки, но это не спасло их обоих от репрессий. Как и многие представители высшей номенклатурной элиты, они были расстреляны.

Сколько же людей подверглось массовым репрессиям? По материалам архива КГБ СССР с учетом данных всесоюзных переписей населения 20–30-х гг. всего по стране в 1934–1938 гг. было осуждено по политическим мотивам около 2 млн. человек. Из них 0,7 млн. были приговорены к высшей мере – это примерно 0,5% численности тогдашнего населения СССР.

От «судебных» репрессий пострадали не только члены партии, но и множество беспартийных – рабочих, крестьян, интеллигенции. Большинство осужденных впоследствии были реабилитированы как необоснованно репрессированные по сфабрикованными следователями НКВД обвинениям. Особый контингент составили жены, дети, родственники осужденных.

Удержать власть – такова была главная цель репрессий, развернутых правящей элитой. Этой же цели отвечала и организация московских политических процессов.

Дело так называемого «антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра» рассматривалось в открытом заседании в Москве в августе 1936 г. Перед судом предстали 16 человек. К высшей мере наказания были приговорены Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, Г. Е. Евдокимов, И. П. Бакаев, И. Н. Смирнов и другие, ранее осужденные по делам различных «групп» и уже упоминавшегося «Московского центра». Мера наказания им на этом процессе была уже-

[58] Известия ЦК КПСС. 1989. № 10. С.72.

сточена, а формулировки приговора остались все те же – «антисоветская, шпионская, вредительская деятельность, причастность к убийству С. М. Кирова и подготовка террористических актов против руководителей партии и правительства»[59]. Приговор был приведен в исполнение 25 августа 1936 г., на следующий день после окончания процесса.

Нарком внутренних дел Г. Г. Ягода, который на представленных ему материалах следствия о связях бывших троцкистов и зиновьевцев с главой зарубежной оппозиции Л. Д. Троцким написал: «Неправда, ложь, чепуха, ерунда, не может быть»[60]. В результате Ягода был снят, а наркомом стал Н. И. Ежов, взявший страну, как тогда говорили, в «ежовые рукавицы». В период следствия он выступал за ужесточение методов допросов, принуждал обвиняемых «признаться», говорил им: «Политически вы уже расстреляны... мы вас заставим признаться в терроре, а опровергать будете на том свете»[61].

По делу «параллельного антисоветского троцкистского центра» (январь 1937 г., Москва) в открытом заседании Военной коллегии Верховного суда СССР были преданы суду 17 человек. Г. Л. Пятаков, Л. П. Серебряков, Н. И. Муралов и ряд других – всего 13 человек – были по приговору коллегии расстреляны. Г. Я. Сокольников и К. Б. Радек, осужденные к 10 годам тюрьмы, в 1939 г. были убиты сокамерниками.

Во время политических процессов 1936–1937 гг. Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, Г. Я. Сокольников, К. Б. Радек и ряд бывших членов группы Слепкова («Бухаринская школа») под давлением следователей НКВД и лично Н. И. Ежова «признались» в том, что Н. И. Бухарин, А. И. Рыков, М. П. Томский вступили в начале 30-х гг. в контакт с троцкистами и зиновьевцами с целью создания контрреволюционного блока, проведения террористической деятельности и т.д. Эти «показания» публиковались в печати, пресса заговорила, с подачи НКВД и Сталина, о стремлении «правых» к захвату власти, смещению партруководства. Осуществление подобных планов якобы возлагалось на «военную организацию», во главе которой стояли видные военачальники В. М. Примаков и В. К. Путна[62].

Так возникло дело «антисоветского правотроцкистского контрреволюционного блока». Февральско-мартовский пленум ЦК 1937 г. по докладам Н. И. Ежова и А. И. Микояна постановил исключить Н. И. Бухарина и А. И. Рыкова из ВКП(б), снять со всех занимаемых постов и передать дело о них в НКВД[63]. М. П. Томский, стремясь избегнуть следствия и неправедного суда, еще ранее застрелился.

В ходе судебного процесса 2–13 марта 1938 г. над Н. И. Бухариным и А. И. Рыковым обвинения были выдвинуты также против ряда видных партийных и советских работников.

По установившейся традиции политического осведомительства органы НКВД и спецсотрудники МК и МГК ВКП(б) организовали во время московских процессов сбор «откликов трудящихся» (на читках, собраниях, в частных беседах и т.п.). Большинство этих откликов выдержаны в официальном духе, с требованием «покарать банду фашистских шпионов и убийц», но имелись и иные мнения: высказывалась надежда, что к обвиняемым «подойдут осторожно... учтут их старые революционные заслуги», а также пожелания: «лучше бы их отправить за границу, чем расстреливать... Каменева и Зиновьева еще можно перевоспитать...»[64]. Однако такие суждения были редки: опасно было выступать с предложением о смягчении участи «врагов народа». Известен случай, когда на 1-м Государственном подшипниковом заводе один из рабочих оказался избитым за слово сочувствия к обвиняемым[65].

Когда в Москве проходили процессы над «врагами народа», первым секретарем МК и МГК ВКП(б) был Н. С. Хрущев. Выдвиженец И. В. Сталина и Л. М. Кагановича, он за пять лет – с 1930 по 1935 г.– совершил феерический карьерный взлет – от рядового слушателя Промакадемии до лидера московских коммунистов, кандидата в члены Политбюро. Сталин целенаправленно заменял

Первый секретарь МГК ВКП(б) Н. С. Хрущев выступает на Московском автозаводе. 1938 г.

[59] Известия ЦК КПСС. 1989. № 8. С.78.

[60] Там же. С.85.

[61] Реабилитация. Политические процессы 30–50-х годов. М., 1991. С.182, 184.

[62] Известия ЦК КПСС. 1989. № 1. С.122–131; № 5. С.69–85.

[63] Там же. № 1. С.130, 131.

[64] ЦАОДМ. Ф.3. Оп.49. Д.2. Л.1–5.

[65] Там же. Ф.4. Оп.8. Д.2. Л.227.

старые кадры новой генерацией: людьми, целиком ему обязанными и лично преданными.

Н. С. Хрущев сделал карьеру, выступая послушным и инициативным исполнителем воли вождя. С московских трибун он постоянно провозглашал: «...мы должны помнить, что еще кое-где сохранились у нас осколочки углановщины; еще сидят по разным углам люди, которые на словах раскаялись, а на деле ждут еще своего часа и надеются появиться на политической сцене. Бдительность по отношению к ним нужна сугубая... нужна страсть и умение воспитывать других в беспощадности к врагам»[66].

Маховик репрессий в столице и стране набирал обороты. Куда бы ни приезжали Каганович и Хрущев, они требовали расправы над политическими противниками.

«Во имя народного блага» органы НКВД к началу 1939 г. репрессировали значительную часть московского актива. Были арестованы почти все секретари горкома и обкома (из 38 секретарей МК и МГК, работавших в 1935–1937 гг., избежали репрессий лишь трое в связи с назначением на работу в другие регионы страны), большинство секретарей райкомов и горкомов партии (136 из 146), многие руководящие советские и профсоюзные работники, комсомольские вожаки, руководители предприятий, специалисты, деятели науки и культуры. Погибли в ежовско-бериевских застенках бывшие председатели Московского Совета Л. Б. Каменев, К. В. Уханов, И. И. Сидоров, секретари МК партии И. А. Пятницкий, И. А. Зеленский, Н. А. Угланов, К. Я. Бауман, преемник Хрущева А. И. Угаров. А ведь только в феврале 1938 г. Никита Сергеевич на пленуме МК страстно убеждал его участников поддержать кандидатуру Угарова, советовал еще крепче «бороться за выкорчевку всех мерзавцев – а их еще много осталось – под руководством т. Угарова»[67].

Репрессированными оказались также такие известные руководители московских предприятий, пионеры технической реконструкции промышленности, как А. И. Бодров, Р. Я. Тольмац, К. Г. Максимов, О. А. Миткевич, Р. И. Черняк (Тодорская), П. Г. Арутюнянц, многие новаторы промышленности и транспорта.

Подпись Л. М. Кагановича стоит рядом с подписями Сталина, Молотова, Маленкова на расстрельных списках, включавших 230 тыс. человек[68]. Н. С. Хрущев, как первый секретарь МК и МГК ВКП(б), входил в состав «тройки», подписывавшей списки на применение репрессивных мер в отношении членов Московской партийной организации. Вина Кагановича и Хрущева, их личная ответственность за репрессии является несомненной.

В ноябре 1938 г. Политбюро ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР приняли совместное постановление об ограничении репрессий, которое упразднило внесудебные органы – «тройки» и усиливало про-

[66] *Пономарев А.Н.* Н.С. Хрущев: путь к лидерству. М., 1990. С.29, 41.

[67] ЦАОДМ. Ф.3. Оп.20. Д.6. Л.7.

[68] Вопросы истории КПСС. 1989. № 5. С.101.

Передовик Метростроя Т.В. Федорова на новогодней елке у испанских детей. 3 января 1939 г.

курорский надзор. Был организован пересмотр незаконченных следствием дел, проведена частичная амнистия. Репрессии, однако, продолжались. К концу 30-х гг. режим личной власти Сталина окончательно укрепился, уничтожив его политических противников, опираясь на органы ОГПУ – НКВД и на государственный и партийный аппарат. Обстановка в партии и стране внешне стала более стабильной, чем в 20-е гг. Политическое инакомыслие существовало, но оно было загнано в глубокое подполье.

И хотя культ личности Сталина уже набрал мощные обороты и видны были его негативные проявления, даже среди значительной части творческой интеллигенции сильны были иллюзии по отношению к этой личности. Вот, например, что записал в своем дневнике от 22 апреля 1936 г. К. И. Чуковский: «Вчера на съезде [ВЛКСМ] сидел в 6-м или 7-м ряду. Оглянулся: Борис Пастернак. Я пошел к нему... Вдруг появляются Каганович, Ворошилов, Андреев, Жданов и Сталин. Что сделалось с залом! А Он стоял немного утомленный, задумчивый и величавый. Чувствовалась огромная привычка к власти, сила и в то же время что-то женственное, мягкое.

Я оглянулся: у всех были влюбленные, нежные, одухотворенные и смеющиеся лица. Видеть его – просто видеть – для всех нас было счастьем.

Каждый его жест воспринимался с благоговением... Пастернак шептал мне все время о нем восторженные слова, а я ему... Домой мы шли вместе с Пастернаком, и оба упивались нашей радостью»[69].

Настроение многих москвичей тех лет хорошо отразила будущая героиня Великой Отечественной войны Женя Руднева в своем дневнике: «Завтра 12 января (1938 г.– *Авт.*) – первая сессия Верховного Совета, пуск Покровского радиуса метро, да разве перечислить все хорошее, что творится вокруг, все наши победы, а какое это счастье чувствовать себя частью такого большого, грандиозного и вместе с тем и родного Союза»[70].

...Уже в середине 30-х гг. запахло порохом, прямой угрозой миру становится фашизм. Москвичи гневно протестовали против его проявлений – преследования компартии Германии, кровавой расправы с восставшими рабочими Вены, клеймили агрессию Италии против Эфиопии, Японии против Китая, с волнением следили за мужественным поведением Георгия Димитрова и его товарищей на Лейпцигском процессе, лживо обвиненных в поджоге Рейхстага. На предприятиях Москвы создавались бригады имени Димитрова. В феврале 1934 г. на столичных заводах, фабриках и в учреждениях состоялись многолюдные собрания, посвященные его освобождению и приезду в СССР.

В феврале 1936 г. в результате победы Народного фронта на выборах в Испании была установлена республика. Генерал Франко, поддержанный Германией и Италией, поднял фашистский мятеж. Москвичи, как и все советские люди, оказывали испанским республиканцам всевозможную помощь – моральную и материальную. Некоторые из них в качестве советников и добровольцев сражались на стороне испанских республиканцев с оружием в руках.

В ноябре 1938 г. в Москве состоялся митинг интеллигенции, участники которого разоблачали фашизм, призывали демократические силы дать ему решительный отпор. «Ты умрешь, фашизм,– говорил в своем выступлении А. Н. Толстой,– ты станешь грязью под ногами сотен миллионов трудящихся, на победном знамени которого начертан знак единения и победы...»[71]

4. В ПРЕДДВЕРИИ ВОЙНЫ

1938 год – первый год третьей пятилетки – проходил в обстановке вползания мира во вторую мировую войну.

В марте 1939 г. А. С. Щербаков, заменивший в ноябре 1938 г. А. И. Угарова на посту первого секретаря МК и МГК партии, говорил: «Нам предстоят решающие бои с капитализмом, фашизмом. Знаем, что борьба будет нелегкой, потребует жертв и величайшего напряжения сил. Но у большевиков нет никакого сомнения в том, что мы будем победителями в предстоящих боях»[72].

Буквально через месяц лидер московских большевиков вновь с тревогой сообщал: «Военная опасность растет... война приближается. Нельзя назвать сроки, когда начнется война, но одно ясно, что война не за горами и что воевать нам все-таки придется...» Он решительно критиковал элементы благодушия и беспечного оптимизма в оценке предстоящих битв: «Нельзя будущую войну представлять себе так, что шапками закидаем... Война будет тяжким испытанием, потребует много жертв»[73].

И последующие месяцы все более приближали пламя войны к границам СССР. Летом 1939 г. разразился военный конфликт в районе реки Халхин-Гол, на территории Монгольской Народной Республики. Только быстрый разгром японских войск соединениями Красной Армии под руководством Г. К. Жукова помешал превращению этого конфликта в большую войну вблизи границ СССР. В конце 1939 г. начались военные действия на советско-финской границе. В сентябре 1939 г., после захвата Польши Германией, создалась непосредственная угроза безопасности СССР. «Каждый

[69] *Чуковский К.* Дневник. 1930–1969. М., 1995. С.141.

[70] Новый мир. 1948. № 10. С.169, 170.

[71] Известия. 1938. 28 ноября.

[72] Московский большевик. 1939. 5 марта.

[73] Цит. по: Коммунист. 1981. № 14. С.103.

Сталевар-орденоносец металлургического завода «Серп и молот» Ф. И. Свешников. 25 октября 1940 г.

Молодые москвичи – стахановцы Метростроя. Март 1941 г.

день стал измеряться тем,– вспоминал Маршал Советского Союза А. М. Василевский,– что было сделано для укрепления безопасности страны»[74].

Первоочередное внимание партийные, советские и хозяйственные органы уделяли тем отраслям промышленности, которые определяли направление дальнейшего развития технического прогресса, укрепляли обороноспособность страны. Это прежде всего касалось резкого увеличения производства станков, шарикоподшипников, приборов, насосно-компрессорного оборудования, паровозов и тепловозов, автомобилей, легированных сталей.

Созданные в обкоме и горкоме партии в ноябре 1939 г. производственно-отраслевые отделы совместно с райкомами усилили контроль за выполнением правительственных заданий, за осуществлением первичными партийными организациями проверки хозяйственной деятельности администрации.

И если вторая пятилетка стала временем завершения строительства и реконструкции предприятий, то теперь основной упор делался на увеличение объема продукции и расширение производственных площадей. А это, в свою очередь, требовало ускоренного технического перевооружения, решительного улучшения организации и технологии производства, повышения квалификации кадров. Получали поддержку в первую очередь те формы новаторского движения, которые давали осязаемый эффект в повышении производительности труда, носили массовый характер, приобретали особую значимость в случае войны.

Выполнение пятилетнего плана в условиях роста военной опасности, связанной с началом второй мировой войны, потребовало увеличения рабочего времени. В июне 1940 г. Президиум Верховного Совета СССР принял указ «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений». Строгие меры предпринимались против злостных нарушителей трудовой дисциплины, а от каждого коммуниста и комсомольца требовалось, чтобы он «прежде всего, лично на деле служил примером честного, социалистического отношения к труду». Эти меры носили явно военно-мобилизационный характер.

Повышение производительности труда, несомненно, зависело от высокого технического и общеобразовательного уровня рабочих. В третьей пятилетке дальнейшее развитие получила система производственно-технического обучения. В московских вузах и различного рода академиях ежегодно обучалось около 95 тыс. человек, около 40 тыс.– в техникумах, почти 22 тыс.– в школах ФЗУ и 200 тыс.– на курсах техминимума и профессионально-технических курсах[75].

Указ Президиума Верховного Совета СССР «О государственных трудовых резервах СССР», опубликованный 2 октября 1940 г., определял целый ряд мер в этой области. Прежде всего централизовывалась система подготовки кадров, предполагалось довести ежегодный выпуск в ремесленных, железнодорожных училищах и школах фабрично-заводского обучения (ФЗО) до 800 тыс.– 1 млн. человек. В Москве и области намечалось организовать 130 ремесленных и 7 железнодорожных училищ, более 20 школ

[74] *Василевский А.М.* Дело всей жизни. М., 1973. С.11.

[75] Москва в цифрах. С.51, 52.

ФЗО. Подавляющее большинство ремесленных училищ (в Москве 63 из 77) предназначалось для подготовки кадров металлообрабатывающей промышленности, в том числе 18 – для предприятий Наркомата оборонной промышленности[76].

В сжатые сроки необходимо было создать для ремесленных училищ и школ ФЗО материальную базу, подобрать кадры руководителей, мастеров, воспитателей. В основном все эти трудности были преодолены, и в конце 1940 г. в столице в ремесленных училищах и школах ФЗО приступили к учебе десятки тысяч юношей и девушек. Первые тысячи молодых слесарей, токарей, шлифовщиков, фрезеровщиков начали свой трудовой путь на промышленных предприятиях и стройках уже в мае 1941 г.

За первые три года пятилетки промышленность Москвы увеличила выпуск валовой продукции почти на 50% по сравнению с 1937 г., в том числе в тяжелой индустрии более чем на 55%, а в машиностроении и металлообработке – на 68,5%. Производительность труда выросла на 53,3%. Среднегодовой прирост продукции составил 15%, в машиностроении – 20%, удалось освоить производство многих ценных видов изделий. Накапливали мощность предприятия строительной индустрии. Общий объем капиталовложений, освоенных в ней, составил около 3 млрд. рублей. В один из крупнейших в мире превратился Московский железнодорожный узел. Его грузооборот составил 27 млн. т против 9 млн. т в 1913 г., т.е. возрос в три раза[77].

Группа руководителей московской индустрии – В. В. Вахрушев, А. И. Ефремов, В. В. Кузнецов, В. А. Малышев, И. Ф. Тевосян, М. В. Хруничев, А. С. Яковлев и др.– была выдвинута в этот период на руководящую государственную и хозяйственную работу, возглавила важные участки народного хозяйства страны.

План развития народного хозяйства на 1941 г. устанавливал рост промышленности на 17–18%, вновь намечался исключительно большой объем капитального строительства, предусматривалось ускоренное развитие решающих для обороны отраслей, создание государственных и мобилизационных запасов.

Одним из главных направлений в работе общественных организаций столицы в годы предвоенных пятилеток стала массовая военно-оборонная подготовка населения. К началу 1938 г. в Москве имелось 4704 первичные оборонные организации на предприятиях и в учреждениях, насчитывавшие 461 тыс. членов. Для лучшей постановки военно-оборонной работы с трудящимися в местных партийных организациях были созданы военные отделы, в задачу которых входило повышение уровня военной подготовки населения, оказание повседневной помощи военным комиссариатам, развертывание военно-патриотического воспитания. Однако состоявшийся в апреле 1939 г. пленум МГК ВКП(б) отметил, что многие организации Осоавиахима работали слабо, а партийные, советские, профсоюзные, комсомольские организации помогали им плохо.

Комсомольцы Большого театра СССР изучают устройство пулемета. Октябрь 1938 г.

В Осоавиахиме наблюдалась большая текучесть кадров: в 1938 г., в первую очередь из-за арестов «врагов народа», сменилось 1589 председателей первичных оборонных организаций; основная часть работников Осоавиахима не имела соответствующего образования и военной подготовки; из 137 руководящих работников оборонных обществ Москвы у 103 было начальное образование.

В результате принятых мер удалось несколько поправить дело, улучшить материальную базу оборонно-массовых организаций. К середине 1939 г. в столице имелось 312 стрелковых тиров, неплохо обеспеченных учебными и наглядными пособиями. Через городские пункты Красного Креста велась подготовка медико-санитарных кадров: была развернута сеть курсов медсестер на предприятиях, в учреждениях, вузах. Всего к середине 1939 г. в столице действовало около 6 тыс. различных оборонных организаций, объединявших почти 700 тыс. человек[78].

С середины 1940 г. вводилась новая система военного обучения трудящихся: вместо военных кружков создавались группы, команды, отряды по типу воинских подразделений; обучение в них военному делу старались максимально приблизить к боевым условиям. В начале 1941 г. в Москве было образовано более 4 тыс. таких групп, свыше тысячи команд, около 230 отрядов. В них овладевали

[76] Вопросы истории КПСС. 1977. № 2. С.85.

[77] Москва. Годы предвоенные. С.89; Очерки истории Московской организации КПСС.С.583, 584.

[78] Очерки истории Московской организации КПСС. С.605.

военными знаниями более 81 тыс. человек. В июне 1941 г. в 6700 первичных организациях Осоавиахима военным делом занималось уже 860 тыс. москвичей. Учебные пункты Осоавиахима стали основными центрами военной и политической подготовки допризывной молодежи.

Активизировали свое участие в оборонной работе комсомольские организации. В их распоряжение были предоставлены тиры, летные базы. Полигоны 13 московских аэроклубов готовили летчиков, воздушных стрелков, авиатехников, парашютистов. Систематически организовывались военизированные молодежные походы. В 1940 г. в 762 физкультурных коллективах столицы насчитывалось свыше 110 тыс. спортсменов, многие из которых освоили только что введенный комплекс ГТО («Готов к труду и обороне СССР»). В феврале 1941 г. в комсомольском кроссе, лыжных соревнованиях и в пеших походах приняли участие 260 тыс. человек, причем 217 тыс. из них сдали нормы на значки ГТО I и II ступени[79]. В военно-лыжных соревнованиях 1941 г. столичная молодежь заняла первое место в стране. В праздничные же дни – 1 Мая и 7 ноября – на Красной площади проходили многолюдные красочные парады физкультурников, где молодежь столицы демонстрировала свою силу, ловкость и красоту.

Еще 3 августа 1937 г. СНК СССР возложил ответственность за состояние и боевую готовность местной противовоздушной обороны Москвы на Московский Совет[80]. В короткое время на его базе были организованы различные службы, создавшие стройную систему местной противовоздушной обороны: противопожарная, медицинская, убежищ, охраны порядка и безопасности.

В условиях назревавшей военной угрозы населению приходилось активно изучать правила поведения во время воздушного и химического нападения. Периодически проводились массовые учения по отработке приемов взаимодействия команд во время воздушного и химического нападения. Только в марте 1939 г. в Москве прошло 1115 учений, охвативших команды свыше 1100 домов, предприятий, учреждений и школ.

Так как пожар второй мировой войны уже вспыхнул в Европе, требовались большое напряжение сил и мобилизация всех средств для укрепления обороноспособности страны. Поэтому осенью 1939 г., выслушав ряд предложений председателя Исполкома Моссовета В. П. Пронина, в том числе об увеличении средств на жилищное строительство, Сталин заявил: «ЦК знает, что у многих москвичей тяжело с жильем. И все же, несмотря на это, придется потерпеть. Вы видите, Польша растоптана Гитлером. На западе идет война... Пора москвичам и ленинградцам основательно заняться укреплением противовоздушной обороны... Вносите предложения об укреплении Москвы и Ленинграда. ЦК вас поддержит»[81]. Уже на другой день А. С. Щербакова и В. П. Пронина пригласили в Кремль, где обстоятельно обсуждались авиационная и зенитная защита города, приспособление метрополитена под бомбоубежище, оснащение и усиление местной противовоздушной обороны. К решению многих вопросов привлекались наркоматы и ведомства.

С 1940 г. в столице развернулась работа по укреплению Московской зоны ПВО и местной противовоздушной обороны. Моссовет построил здание для штаба ПВО, командные пункты, оборудовал их связью и перевел уличное освещение на централизованное управление. Московские заводы изготовили аэростаты воздушного заграждения и лебедки к ним. Широким фронтом велись работы по строительству и оборудованию бомбоубежищ и приспособлению метро к укрытию населения. В массовых учениях на предприятиях и в учреждениях участвовали более 2 млн. москвичей.

В результате Московская зона ПВО имела к середине 1941 г. 11 полков истребительной авиации, 6 полков зенитной артиллерии и 2 полка аэростатов воздушного заграждения. Противовоздушная оборона города состояла из 18 специализированных городских служб, насчитывала более 6 тыс. команд МПВО предприятий и учреждений, около 13 тыс. противопожарных команд, в которых было подготовлено 205 тыс. бойцов. Во всех же подразделениях МПВО имелось около 650 тыс. бойцов, из них три четверти были женщины[82].

Вскоре им пришлось применить полученные знания на практике.

К сожалению, после заключения известного соглашения о ненападении, а затем и Договора о дружбе и сотрудничестве с Германией в прессе, в выступлениях руководителей перед трудящимися все глуше стала звучать критика фашизма, затушевывалась угроза СССР со стороны Германии. Даже после разгрома фашистской армией многих близко расположенных к нашим границам западных стран и неудачных для Красной Армии действий во время финской кампании зимой 1939/40 г. проводилась весьма непоследовательная идеологическая политика. С одной стороны, принимались спешные меры к усилению обороноспособности страны, а с другой – народу не говорилось всей правды, его успокаивали, а если о бдительности и упоминали, то больше в плане борьбы с остатками «врагов народа». Даже незадолго до начала войны органы НКВД арестовали новую большую группу видных советских военачальников.

[79] Московский комсомолец. 1941. 2 марта.

[80] Военно-исторический журнал. 1972. № 3. С.36.

[81] Цит. по: Незабываемые 30-е. С.196.

[82] Там же. С.197.

Вот, например, что говорил А. С. Щербаков на московском партактиве в апреле 1940 г.: «В чем основные итоги войны с Финляндией? Красная Армия сокрушила такие оборонительные укрепления, которые до наших дней считались неприступными и которые до сих пор еще ни одной армией мира не были сокрушены. Красная Армия еще раз доказала, что действительно – нет таких крепостей, которые не могли бы быть взяты большевиками. Красная Армия... вновь покрыла себя неувядаемой славой»[83].

А буквально за месяц до вторжения на территорию нашей страны фашистских войск Щербаков, как бы забыв о своих предостережениях двухлетней давности, убеждал пропагандистов, столичный актив: «На почве легких побед армии в политических кругах Германии получили распространение хвастовство, самодовольство и зазнайство, которые прямо ведут к отставанию. Все новое, что внесено в оперативное искусство и тактику германской армии, не так уж сложно и теперь воспринято к изучению ее противниками... На почве хвастовства и самодовольства военная мысль Германии уже не идет, как прежде, вперед... Нельзя не учитывать и того обстоятельства, что сырьевые и продовольственные ресурсы Германии иссякают, что значительная часть германской армии, а также немецкий народ уже начинают уставать от войны и постепенно теряют силы. Таковы обстоятельства, развенчивающие миф о непобедимости германской армии».

Далее докладчик утверждал, что «Красная Армия, широко использовав достижения отечественной и мировой военной мысли, перестроилась организационно и серьезно перевооружилась на основе опыта современной войны... Наша Красная Армия готова к любым неожиданностям»[84].

Такие заявления – а А. С. Щербаков был не только первым секретарем МК и МГК, но и кандидатом в члены Политбюро, секретарем ЦК ВКП(б) по идеологии – сеяли иллюзии, благодушие, неправильно ориентировали коммунистов, всех москвичей в их практической работе. Они дорого обошлись нам в недалеком будущем.

И все же в целом большинство трудящихся Москвы встретили суровые испытания войны политически и морально подготовленными, твердо уверенными в конечной победе над фашизмом.

[83] ЦАОДМ. Ф.4. Оп.11. Д.149. Л.7.

[84] Цит. по: Аргументы и факты. 1989. № 23. 10–16 июня. С.4.

VII

РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ

1. СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И КУЛЬТУРА

Революции 1917 г., Февральская и Октябрьская, как бы их ни оценивали впоследствии, оказали огромное влияние на все сферы жизни общества и на историю страны в целом. Это относится и к культуре.

Свержение монархии вызвало в российском обществе духовный подъем. Большинство интеллигенции с воодушевлением встретило начало революции. Первые шаги Временного правительства (отмена сословий, национальных и религиозных ограничений, провозглашение гражданских свобод и т.д.) открывали дорогу к демократизации культурной жизни. Массы пробуждались к активной творческой жизни, создавались различного рода кружки, студии. Разрабатывались широкие реформы в области просвещения, науки, культуры. Обсуждался, в частности, вопрос о создании министерства по делам искусств.

Однако Временное правительство не сумело вывести страну из кризиса, в обществе в целом и среди интеллигенции в частности нарастало разочарование. Но и на этом фоне приход к власти большевиков значительной частью интеллигенции, в том числе научной и художественной, расценивался негативно. Многие профессиональные союзы интеллигенции отказались сотрудничать с советской властью, начался массовый саботаж служащих. Ситуация усугубилась в результате гражданской войны.

Была разрушена, не в последнюю очередь в результате сопротивления чиновников, система руководства культурой. Ее приходилось воссоздавать практически на пустом месте. Резко сократилось государственное финансирование отраслей культуры. Практически остановились научные исследования, с перебоями работала система образования. Многие культурные ценности были уничтожены, разграблены, вывезены за границу.

Советская власть пыталась по мере сил спасти хотя бы часть культурного наследия. Эта проблема встала в невиданных прежде масштабах. Выход большевики видели в огосударствлении («национализации») культуры – передаче под непосредственное управление и в собственность государства учебных заведений, музеев, театров, типографий и т.д. Значительная часть культурных ценностей, раньше принадлежавшая императорскому двору, церкви, частным лицам, оказалась национализированной, и государство таким образом брало на себя ответственность за ее сохранение.

Огромные человеческие и материальные потери, психологические и нравственные последствия мировой и гражданской войн для всего общества, эмиграция, а частично и физическое уничтожение так называемого «образованного класса», экономическая и финансовая разруха, социально-политический кризис – вот в каких условиях новая власть, взявшая на себя роль духовного лидера, принялась не просто за восстановление, но и за перестройку культуры. Разрыв с прошлым, в том числе и в культуре, стал определяющим для пришедших к власти большевиков. Конечно, часть творческой элиты понимала опасность, которую несла «культурная революция», и в целом это создавало очень противоречивую обстановку во всех сферах культуры.

2. НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА

После Октябрьской революции система народного образования в Москве стала перестраиваться на новых принципах: просвещение становилось доступным всем и рассматривалось как орудие построения социалистического общества и формирования нового советского человека. На первый план выдвигались задача ликвидации неграмотности, борь-

ба с детской беспризорностью, создание новой советской школы. 15 мая 1918 г. Президиум Моссовета принял Положение об организации отдела народного образования, которое предусматривало формирование трех подотделов: школьного, художественно-просветительного и просветучреждений[1]. Отдел руководил работой всех культурно-просветительных и художественных – как государственных, так и частных – учреждений, за исключением тех, которые имели общереспубликанское значение. Возглавил Московский отдел народного образования (МОНО) член Президиума Моссовета А. И. Пискунов, ранее активный участник революционного движения. При МОНО была образована Московская чрезвычайная комиссия по ликвидации неграмотности, создавались кружки и школы ликбеза (ликпункты). Зимой 1920 г. в Москве и губернии был проведен учет неграмотного населения, показавший, что всего предстоит обучить грамоте 147 тыс. человек, из них примерно 26,5 тыс. в возрасте от 17 до 30 лет[2].

Еще в 1920 г. в Москве обучалось грамоте 22 тыс. рабочих, кустарей-ремесленников, домашних хозяек. В феврале 1923 г. было сформировано 445 групп (свыше 7 тыс. человек)[3]. В 1924–1925 гг. число групп по ликвидации неграмотности в Москве составило 943 с примерно 18 тыс. учащихся, а сеть вечерних курсов расширилась до 30 учреждений на 4,5 тыс. человек. Были открыты курсы в 16 крупных учреждениях на 7 тыс. учащихся[4]. Множились добровольные общества «Друзей грамоты», «Долой неграмотность» и др. Однако в 1926 г. число пунктов по ликвидации неграмотности сократилось до 405 с 15 тыс. учащихся[5].

Статистика ликвидации неграмотности в Москве с ее спадами и подъемами подтверждает, что этот процесс оказался более продолжительным и трудным, чем казалось вначале. Всего в 1920–1928 гг. в школах и кружках ликбеза было обучено примерно 47 тыс. человек, в губернии – около 160 тыс.[6] Но в то же время количество неграмотных было еще велико – так, в селе Шаболово на Юго-Западе Москвы в 1929 г. треть жителей числилась неграмотными или малограмотными[7].

Работа школ ликбеза не ограничивалась обучением чтению и письму, с самого начала она была ориентирована на идеологизацию населения в духе, устраивающем власть. Для малограмотных проводили политические и антирелигиозные мероприятия, различного рода беседы на общенаучные темы, устраивали посещения кино и театров, экскурсии.

Постепенно, параллельно с введением всеобщего начального обучения, количество неграмотных сокращалось, и школы взрослых сосредоточили свои усилия на работе с малограмотными.

«Неграмотный – тот же слепой». Плакат. Художник А. Радаков. 1920 г.

В результате по переписи 1939 г. доля грамотных в возрасте от 9 до 49 лет по РСФСР составила почти 90%. В Москве этот показатель был еще выше. Однако многие из числа обученных в ходе кампании по ликвидации неграмотности едва умели читать и поставить подпись.

С первых месяцев существования советской власти начались реформы в области образования. Уже 27 февраля 1918 г. комиссия Моссовета приняла постановление «О выборности всех педагогических и административно-педагогических должностей». Еще ранее вместо бывшего единоначалия и совета учащихся в школах ввели коллегиальное управление в лице школьного комитета; учреждался педсовет, который был обязан работать в контакте со школьным и родительским комитетами[8].

В октябре 1918 г. ВЦИК утвердил Положение о единой трудовой школе, в основу которого лег проект, подготовленный коллегией МОНО. В положении подчеркивались государственный характер, бесплатность и общедоступность народного просвещения. Преподавание Закона Божьего было отменено. Вместо прежней системы учебных заведений создавалась единая трудовая школа первой (для детей от 8 до 13 лет с пятилетним сроком обучения) и второй (для детей от 13 до 17 лет с четырехлетним сроком обучения) ступени.

В 1918–1919 гг. в Москве работали 531 школа первой и 164 школы второй ступени, в которых обучалось около 90 тыс. детей. По данным осенней школьной переписи 1923 г. в начальных

[1] *Алещенко Н.М.* Московский Совет в 1917–1941 гг. М., 1976. С.214.

[2] История Москвы. Т.VI. Кн.2. М., 1959. С.120.

[3] Там же. С.122.

[4] Вся Москва. 1926. 1 отд. С.61.

[5] Там же. 1927. 1 отд. С.10.

[6] История Москвы. Т.VI. Кн.2. С.126.

[7] История Юго-Запада Москвы. М., 1997. С.197.

[8] *Алещенко Н.М.* Указ. соч. С.213, 214.

Во время занятий в школьном кабинете. 1930 г.

и средних московских школах получали образование соответственно 101 и 37 тыс. учащихся, или 81,3% детей школьного возраста. Однако в школе первой ступени 34% учащихся были переростками[9].

В 1929–1930 гг. в Москве обучалось 96% детей школьного возраста. В следующем учебном году начали вводить обязательное семилетнее обучение детей. В 1935 г. училось 476 тыс. детей, а в 1939–1940 – уже 619 тыс.[10]

Моссовет принимал меры по обеспечению школ топливом, снабжению учащихся бесплатными завтраками, а не посещавших занятия из-за недостатка средств – обувью и одеждой, на его средства школы закупали учебные пособия и канцелярские принадлежности.

Хотя Моссовет обязал все учреждения освободить занятые ими школьные помещения, их не хватало. Начало новому школьному строительству положили две школы, открытые в 1927 г. (ныне школа № 56 на Кутузовском проспекте и школа № 494 на Автозаводской улице).

Выбор участков в Ленинской слободе и на Можайском шоссе был обусловлен тем, что в этих районах, населенных в основном семьями рабочих заводов «Динамо», АМО (ныне АМО ЗИЛ), фабрики «Трехгорная мануфактура» и др., школ не было совсем. Строительство проходило при деятельном участии предприятий.

Проекты новых школ разработали архитекторы А. Палехов и Н. Сметлев. Каждая была рассчитана на 560 учащихся и представляла собой трехэтажное здание, ориентированное с учетом солнечного освещения. В двух верхних этажах были размещены 14 классов (на 40 учеников каждый), два рекреационных зала, три лаборатории с кабинетами. На нижнем этаже – физкультурный зал, столовая, библиотека и другие помещения. В цокольном этаже располагались деревообделочная и металлообрабатывающая мастерские. Были запроектированы также открытая площадка для занятий метеорологией и астрономией, спортивные площадки[11].

К 1939 г. число школ составило 689, причем 379 из них было построено по типовым проектам в 1935–1939 гг. Свыше 70% детей в 1939 г. посещали школы-новостройки[12]. Это позволило ликвидировать трехсменность занятий. Новые школьные здания часто возводились на месте снесенных церквей под лозунгом: «Очаги просвещения вместо очагов мракобесия!»

Получило широкое развитие профессиональное образование. При крупных предприятиях открывались школы фабрично-заводского ученичества (ФЗУ) с четырехлетним сроком обучения на основе семилетней школы. В 1940 г. они были реорганизованы в ремесленные и железнодорожные училища. В 1928–1929 гг. в Москве насчитывалось 33 техникума (около 9,5 тыс. учащихся) и ФЗУ (свыше 20,5 тыс.), а профессиональных курсов – 161 (около 52 тыс.)[13].

Остро стояла проблема подготовки педагогических кадров. Значительная часть московских учителей не приняла советской власти. В декабре 1917 г. началась забастовка, организованная Всероссийским учительским союзом. Занятия в большинстве школ Москвы были прерваны на несколько месяцев.

Власти активно стремились привлечь учительство на свою сторону. Проводились московские учительские конференции, на которых выступали Н. К. Крупская, А. В. Луначарский, М. Н. Покровский, работали семинары и кружки политического самообразования учителей. В 1922 г. МОНО организовал экспертизу учителей, которую прошли свыше 3 тыс. человек.

Одновременно создавалась система подготовки новых педагогических кадров, с самого начала воспитанных в соответствующем духе. В 1918 г. в Москве была основана Академия народного образования, а в 1920–1921 гг. на базе школьно-инструкторских курсов был создан Центральный институт организаторов народного образования. В 1923 г. эти учреждения были включены в систему Академии коммунистического воспитания, существовавшей до 1935 г.

В созданном на основе Высших женских курсов 2-м МГУ в 1921 г. был открыт педагогический факультет. В 1930 г. 2-й МГУ был реорганизован. Возникло несколько вузов, в том числе

[9] ВсяМосква. 1925. 1 отд. С.66.

[10] История Москвы. Т.VI. Кн.2. С.167.

[11] Строительство Москвы. 1926. С.17.

[12] Москва в цифрах. М., 1940. С.94.

[13] См.: Вся Москва. 1932.

на базе педагогического факультета – Московский государственный пединститут (ныне Педагогический университет). Одновременно был основан Московский педагогический институт иностранных языков (ныне Московский лингвистический университет) и в 1931 г.– Московский областной пединститут. Учителей готовили также Индустриально-педагогический институт, педагогические курсы и техникумы. К 1939/40 учебному году количество учителей в школах Москвы достигло 22 тыс. человек[14]. Однако этот, экстенсивный по сути, путь развития привел к тому, что нередко учителя старших классов не имели высшего образования, не могли работать без унифицированных методик и программ[15].

В 1920–1930-е гг. советская школа, в первую очередь московская, была испытательным полигоном для многочисленных экспериментов. Впрочем, как вспоминает Н. И. Якушкина, «родители стремились устроить детей в коллективы, где преподаватели не слишком модничали и экспериментировали, держали учебный процесс и дисциплину на старинный лад – строго, так как понимали, что если предоставить учащимся обсуждать и решать голосованием все вопросы ученья, то на ученье у них времени останется мало». В школе, где в начале 1920-х гг. училась сама Н. И. Якушкина, «коллектив имел твердый план и расписание, учеников вызывали к доске (вещь редкая в то время) и даже ставили в журнале отметки за каждый ответ»[16].

Впрочем, и в такие школы постепенно проникали новые веяния. Н. И. Якушкина цитирует свой дневник тех времен: «25/II 1923 г. В школах большевики учредили (и хорошо сделали) учком (т.е. ученический комитет.– *Авт.*) и литературные кружки... 20 декабря 1924 г. (суббота). Вчера был учет нашей группы, т.е. ученики читали отчеты о пройденном за этот триместр. Учителя поправляли, что нужно, потом тройка, выбранная от класса, должна была читать характеристику каждого учащегося, т.е. успеваемость, поведение, развитие... Теперь мы не будем учить уроков и вообще будем весельничать»[17].

На учениках испытывались бригадный и комплексный методы, Дальтон-план, рассыпные учебники, педологические тесты и т.д. Многие из этих экспериментов оканчивались полной неудачей, но другие давали любопытные результаты, к которым сейчас, на новой основе, возвращается наше образование.

Однако многообразие форм и методов противоречило самому духу возникающей системы образования. Сталинизм вообще стремился к максимальному упрощению общественного бытия и общественного сознания, к их однородности и монолитности. В 1934 г. появились стабильные, обязательные для всех учебники и программы, в 1935/36 учебном году в московских школах было введено твердое расписание. Одновременно в июле 1936 г. ЦК ВКП(б) принял специальное постановление о педологии, объявленной лженаукой, «закрыв» таким образом целое перспективное направление педагогической науки[18].

Учителя и учащиеся выпускного класса школы № 56 Киевского района. 1936 г.

Московские учреждения народного образования широко использовались в так называемой советской «культурной дипломатии». Они регулярно включались в число тщательно отобранных «объектов показа», могущих «дать правильное представление иностранцам о подлинном содержании и объеме победоносного строительства социализма в СССР во всех важнейших областях»[19]. Как правило, московские школы производили хорошее впечатление на посетителей. Так, в мае 1935 г. бывший министр просвещения Великобритании сэр Ч. Тревельян посетил школу № 25 и оставил следующую запись в книге посещений: «Это первая школа, которую я видел в СССР. Вы добились многого такого, что я очень хотел бы видеть в Англии. У нас по-прежнему в школе учатся только до 14 лет. И мы еще не ввели мудрого правила организовывать обеды для всех детей в общей столовой. Я боюсь, что если мы не поторопимся, то вы нас опередите на целое поколение»[20].

В целом в области народного образования в 1920–1930-е гг. были достигнуты впечатляющие успехи. Однако нельзя забывать ни об идеологической составляющей образования, которая постепенно усиливалась, ни о том, что массовость образования, как, впрочем, бывало везде и всегда, в немалой степени достигалась за счет его качества.

[14] Москва в цифрах. М., 1940. С.94.

[15] Подробнее см.: *Борисов Ю.С.* Народное образование и обороноспособность страны // Духовный потенциал победы советского народа в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг. М., 1990. С.88–139.

[16] Цит. по: История Москвы. Хрестоматия. Т.IV. Столица России и Советского государства (1914–1991). М., 1997. С.137, 138.

[17] Там же. С.140.

[18] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.6. 1933–1937. М., 1985. С.364–367.

[19] ГАРФ. Ф.5283. Оп.1. Д.353. Л.32.

[20] Известия. 1935. 16 мая.

Вузовцы.
Художник К. Юон. 1929 г.

* * *

Перестройка высшего образования в 1920–1930-е гг. преследовала две цели – демократизацию состава студентов (в идеале, так никогда и не достигнутом, предполагалось, что социальный состав студенчества будет полностью соответствовать социальному составу общества) и идейное завоевание вузов, что включало в себя «перевоспитание» (или замену) профессорско-преподавательского состава и переработку вузовских программ.

Уже в августе 1918 г. декретом Совнаркома были введены новые правила приема в вузы. Отменялись вступительные экзамены, не требовалось представления документов о среднем образовании, предпочтение при зачислении отдавалось рабочим и беднейшему крестьянству. В результате сразу же в Московский университет поступило почти 6 тыс. заявлений от лиц, не имевших среднего образования, и прием в МГУ в 1918 г. в 5 раз превысил прием 1913 г.

Однако низкий уровень подготовки новых студентов привел к большому отсеву. В результате в Москве стали создаваться подготовительные курсы для рабочих, вскоре получившие название рабочих факультетов (рабфаков). Первый рабфак был создан в 1918 г. при Коммерческом институте (с 1924 г.– Московский институт народного хозяйства им. Г. В. Плеханова). С 1919 г. организация рабфаков стала обязательной для всех университетов. Весной 1921 г. в Москве было уже восемь рабфаков, на которых обучалось более 7 тыс. человек. В 1924–1925 гг. число рабфаков увеличилось до 17, а слушателей насчитывалось около 10 тыс. человек[21]. К середине 1920-х гг. выпускники рабфаков составляли около 30% студентов, принятых в МГУ[22].

Обновление профессорско-преподавательского состава шло гораздо медленнее. Лишь в 1920 г. были предприняты решительные шаги. В частности, осенью 1920 г. во главе Московского университета был поставлен Временный президиум, председателем которого стал бывший нарком финансов Северной коммуны Д. П. Боголепов.

В 1921 г. был принят ряд положений, фактически ликвидирующих автономию высшей школы. Вся полнота власти сосредоточивалась в руках правления вуза, члены которого назначались Наркомпросом. Председатель правления (ректор) нес единоличную ответственность за работу университета. Вводилось обязательное изучение исторического материализма, истории пролетарской революции, позднее – истории партии и т.п.

В 1921 г. ректором МГУ был утвержден известный историк-коммунист В. П. Волгин, впоследствии академик, с

[21] Правда. 1921. 3 июня; История Москвы. Т.VI. Кн.2. С.170.

[22] История Московского университета. Т.II. М., 1955. С.102.

1925 по 1928 г. этот пост занимал печально известный А. Я. Вышинский, а затем И. Д. Удальцов (1928–1934) и А. С. Бутягин (1934–1941).

Всего в 1924–1925 гг. в Москве существовали два университета (1-й и 2-й МГУ), три пединститута, ряд других вузов, среди которых такие известные, как Московское высшее техническое училище, Петровская сельскохозяйственная академия, Горная академия, Московская государственная консерватория и др.

По количеству вузов и числу студентов советская высшая школа обогнала дореволюционную, но качество подготовки специалистов падало. В конце 1920-х гг. ужесточилась политика в отношении старой интеллигенции, прошел ряд политических процессов. Как заявил летом 1928 г. Д. З. Мануильский, выступая на VI конгрессе Коминтерна, «сотрудничество коммунистов и «спецов» в условиях нэпа – всего лишь сотрудничество, которое бывает между всадником и лошадью»[23]. Потребности индустриализации требовали резкого увеличения числа специалистов. Была поставлена задача – срочно создать новую советскую интеллигенцию и приблизить систему высшей школы к потребностям хозяйственного развития.

Была расширена сеть рабфаков, проводились наборы «парттысячников» – коммунистов, имевших опыт партийной или советской работы, для обучения в вузах. В 1929–1934 гг. число вузов в РСФСР возросло более чем в пять раз.

Однако количественный рост достигался зачастую за счет резкого снижения качества образования. Старшие классы школ поспешно преобразовывались в техникумы, техникумы – в вузы, многие известные учебные заведения были «разукрупнены», их факультеты и отделения становились самостоятельными учебными заведениями. Многие институты и техникумы были, вместо Наркомпроса, подчинены хозяйственным наркоматам.

В Москве за эти годы число вузов выросло с 20 до 83[24]. Среди вновь созданных – Институт цветных металлов и золота, Институт стали, Нефтяной институт, Московский энергетический институт, Московский авиационный институт, 1-й и 2-й медицинские институты и др. При этом в Москве, лучше обеспеченной кадрами преподавателей высокой квалификации, отрицательные стороны реорганизации высшей школы были не так значительны, как в целом по стране.

Постепенно ситуация стабилизировалась. Были отменены многие нововведения, восстановлен ряд «разукрупненных» вузов, введены традиционные дисциплины и методики преподавания. С конца 1935 г. были устранены все социальные ограничения при приеме в вузы.

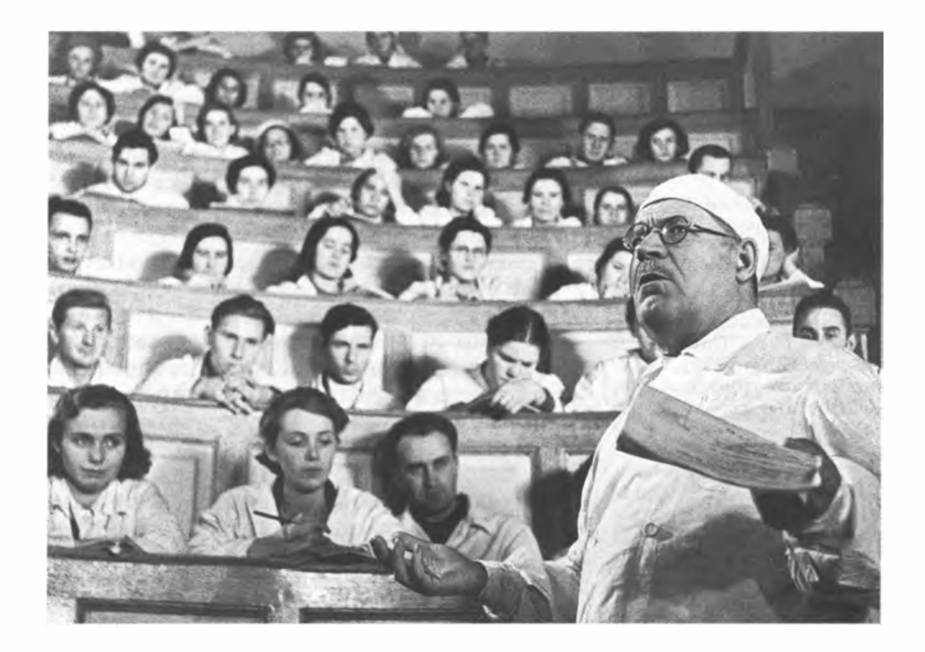
Выступая на I Всесоюзном совещании вузовских работников в мае 1938 г., председатель СНК В. М. Молотов заявил, что «реорганизация вузов в основном завершена... в том смысле, что они построены применительно к потребностям государства, строящего социализм»[25].

Впрочем, в результате реорганизации московской высшей школы возник и такой феномен, как Московский институт истории, философии и литературы (ИФЛИ). В нем был собран цвет тогдашней гуманитарной профессуры. Просуществовавший всего десять лет (1931–1941), выпустивший около 1100 студентов, ИФЛИ тем не менее стал заметным явлением в культурной жизни страны[26].

К концу 1930-х гг. пополнение, подготовленное в советское время, составило свыше 80% всех специалистов. Примерно шестая часть всех советских студентов, около 95 тыс. человек, обучалась в Москве. Здесь были сосредоточены наиболее квалифицированные профессорско-преподавательские кадры. По учебникам, подготовленным в московских вузах, училось большинство советских студентов. Конечно, московская высшая школа 1930-х гг. отражала все основные недостатки системы высшего образования в СССР, на первое место среди которых следует поставить ее все еще недостаточно высокий уровень и идеологизированность образования.

* * *

После Февральской революции устранение жесткой опеки со стороны Министерства народного просвещения и диктата чиновничества создало предпосылки для подлинно демократических преобразований в области науки: утверждение автономности в деятельности



Академик Н. Н. Бурденко читает лекцию студентам 1-го Медицинского института. 11 октября 1940 г.

[23] Цит. по: *Куманев В.А.* 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции: Очерки. М., 1991. С.50.

[24] История Москвы. Т.VI. Кн.2. С.177.

[25] *Молотов В.М.* О высшей школе. М., 1938. С.6.

[26] Подробнее см.: *Шарапов Ю.П.* Очерк истории ИФЛИ – Московского института истории, философии и литературы им. Н.Г. Чернышевского (1931–1941 гг.). М., 1995.

научных учреждений и самостоятельности в выборности руководства и определении направлений исследований, стремление к комплексному развитию науки, соответствующему высокой квалификации отечественных ученых, возможность организации новых исследовательских учреждений и курс на создание научно-исследовательских институтов, а также ассоциаций научных работников, устранение сословных и национальных ограничений для научной деятельности и т.д. Многие деятели науки приняли активное участие в деятельности Временного правительства, непосредственно вовлекались в политику. Уже летом 1917 г. были определены тенденции дальнейшего организационного строительства научной деятельности[27].

Октябрьская революция была воспринята большинством работников науки как «великое бедствие», поставившее страну на путь гибели, как крушение науки в результате переворота, совершенного темными, невежественными массами. Но уже в первые месяцы 1918 г. было достигнуто соглашение о сотрудничестве между новой властью и Академией наук.

Огромное значение для всей последующей истории страны, а также для организации государственного руководства наукой имело перенесение столицы из Петрограда в Москву. С марта 1918 г. в Москве концентрировались органы по управлению наукой при сохранении относительной самостоятельности Петрограда и других университетских центров. В то время в Москве практически не было академических учреждений, а единственный академик, физик П. П. Лазарев, избранный в состав РАН в марте 1917 г., отказался приехать в Петроград, как требовали того академические правила.

В мае 1918 г. было создано Московское отделение возникшей в 1915 г. академической Комиссии по изучению естественных производительных сил (КЕПС) из шести отделов: рентгенологии; производства аппаратов из плавленого кварца, ультрафиолетовых и инфракрасных лучей; удобрений; улучшения птицеводства; пчеловодства; по изучению производительности труда. Председателем Московского отделения КЕПС стал академик П. П. Лазарев[28].

Вскоре после переезда правительства в Москву историк М. Н. Покровский и юрист М. А. Рейснер выступили инициаторами создания первого марксистского научного центра – Социалистической академии общественных наук. Ее задачей должна была стать «разработка общественных наук с социалистической точки зрения»[29]. Проект организации академии обсуждался в высших эшелонах государственной власти – в Совнаркоме и ВЦИК. Декрет ВЦИК о ее создании был утвержден 25 июня 1918 г. Торжественное открытие Социалистической академии общественных наук состоялось 1 октября 1918 г. В 1924 г. она была переименована в Коммунистическую академию.

Весной 1918 г. Совнарком по собственной инициативе приступил к созданию в Москве первого правительственного научного учреждения – Российского пищевого научно-технического института. Секретарь Совнаркома Н. П. Горбунов, отметив приближение «страшного голода» и обратив внимание на достижения зарубежных ученых, писал в те дни: «Необходимо и у нас в России приступить к этой самой жизнью подсказанной работе... В институт этот должны быть приглашены лучшие научные и специально-технические силы...»[30]

Однако пищевой институт создавался не как единая организация, а явился формальным объединением различных научных организаций и вузовских кафедр со своими установившимися направлениями деятельности и программами. Хотя задачи института определялись специальным декретом СНК, на выработку направлений его практической деятельности оказывали влияние входившие в совет института представители ВСНХ, Наркомпрода, Наркомпроса, Наркомздрава, профсоюза пищевиков и т.д., преследовавшие свои ведомственные интересы.

Правительство требовало срочного решения проблем питания, не всегда считаясь с возможностями института. Так, в августе 1919 г. в записке секретарю СНК В. И. Ленин требовал: «Завтра особой бумажкой сообщите в Научно-пищевой институт, что через три месяца они должны представить точные и полные данные о практических успехах выработки сахара из опилок»[31]. Это поручение выполнено не было. Через три месяца, в ноябре 1919 г., по решению президиума ВСНХ институт был закрыт.

В подавляющем большинстве случаев создание научно-исследовательских институтов осуществлялось по инициативе организаторов науки, заявлявших о признании советской власти, и основу новых научных учреждений составляли сложившиеся коллективы, главным образом кафедры вузов, или коллективы специалистов-единомышленников. Так в Москве возникли Институт прикладной минералогии и петрографии на базе национализированного частного института «Lithogaea», Центральный аэрогидродинамический институт (ЦАГИ) и Научный автомоторный институт (НАМИ) на основе кафедр МВТУ, Химический институт им. Л. Я. Карпова, Институт чистых химических реактивов, Научный институт по удобрениям и др. В сентябре 1918 г. была учреждена Московская горная академия.

В годы гражданской войны научные работники, как и все слои российского

[27] См.: *Есаков В.Д.* От Императорской к Российской. Академия наук в 1917 году // Отечественная история. 1994. № 6.

[28] Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925). Сборник документов. Л., 1968. С.176, 177.

[29] Там же. С.11.

[30] Народное хозяйство. 1918. № 4. С.11, 12; Организация науки в первые годы Советской власти... С.284, 285.

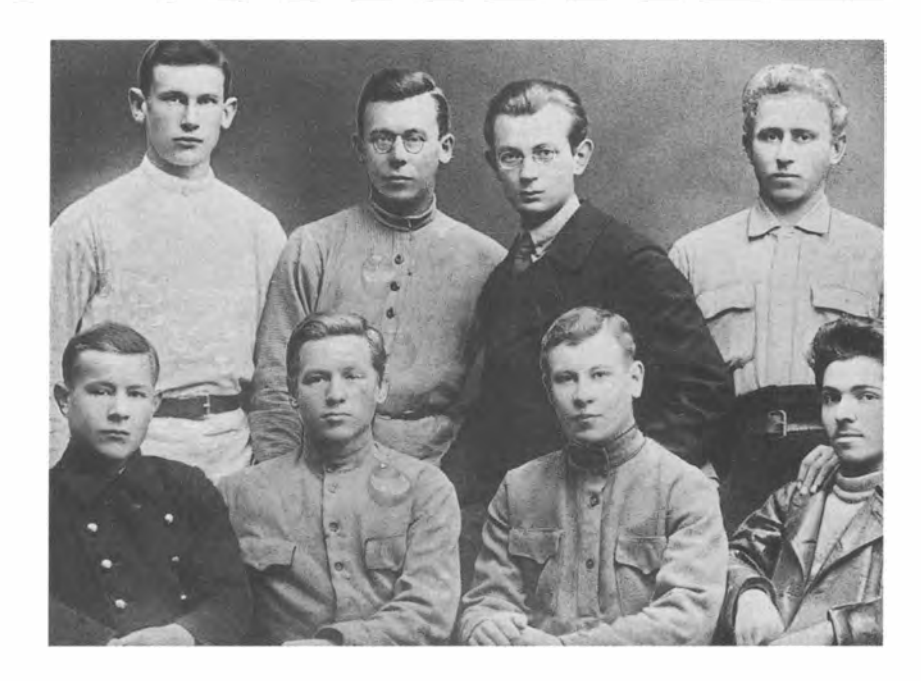
[31] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т.51. С.38, 39.

общества, оказались по обе стороны фронта – у белых и у красных. Многие квалифицированные ученые эмигрировали или занимали выжидательную позицию. Особенно велики оказались потери в областях гуманитарного знания – философии и психологии, экономики и права, истории и классической филологии и т.п., представители которых не вписывались во вновь утверждавшуюся систему. Новая власть практически всех деятелей науки, кроме небольшой группы ученых, принимавших участие в рабочем движении и революционной борьбе, относила к буржуазным специалистам. К осени 1919 г. прекратилось финансирование научных учреждений, были произведены массовые аресты ученых и профессоров («всей кадетской и околокадетской публики», способной «помогать заговорщикам», как писал Ленин[32]). Хотя вскоре многие ученые благодаря активным протестам общественности были освобождены, эта «превентивная» мера большевистской власти запомнилась надолго.

Мизерные оклады, скудное питание, вопиющая нужда в самом элементарном приводили к росту совместительства среди научных работников, массовому переходу профессоров и преподавателей вузов на более «хлебные» административные и хозяйственные должности, что вело к снижению их квалификации, угрожало развалом русской науки и высшей школы. Это послужило толчком к принятию декрета СНК от 23 декабря 1919 г. «Об улучшении положения научных специалистов»[33]. Первоначально было установлено 500 академических пайков (250 по Москве и 250 по Петрограду). К осени 1921 г., накануне создания Центральной комиссии по улучшению быта ученых (ЦЕКУБУ), количество пайков возросло до 5617, из них 2786 – в Москве[34].

ЦЕКУБУ была образована в соответствии с постановлением СНК от 6 декабря 1921 г. Специальная Экспертная комиссия провела значительную работу по классификации научных работников. Вводились пять разрядов научной квалификации работников, получающих «академическое обеспечение». При всем несовершенстве принятой схемы, ее политизированности и неполноте, итоги работы Экспертной комиссии дают представление о кадровом составе деятелей науки и искусства на декабрь 1922 г. В частности, в Москве насчитывалось 25 ученых «мирового значения», 118 «виднейших представителей различных направлений в науке», 422 «самостоятельных исследователя», 1218 преподавателей высшей школы и 1101 «начинающий ученый»[35].

В 1922 г. ЦЕКУБУ организовала в Москве на Пречистенке в особняке Коншиных Центральный дом ученых (ЦДУ). Его задачей являлось «духовное общение деятелей науки и искусства на почве различных форм культурного общения», а также «содействие к распространению научных знаний среди широких кругов населения»[36]. В ЦДУ устраивались лекции по наиболее актуальным проблемам науки и общественной жизни, литературно-художественные, музыкальные и семейные вечера. С ноября 1922 г. началось чтение научно-популярных лекций для широкой публики, в частности, был прочитан цикл «Успехи русской науки за пятилетие 1917–1922 гг.».



Студенты Горного института.
Стоят (слева направо): А. А. Фадеев, А. А. Блохин, Ф. Э. Зильбер, И. Белецкий;
сидят: В. С. Емельянов, И. С. Апряткин, Н. А. Блохин, И. Ф. Тевосян.
1922/23 учебный год

Вместе с тем в 1921 г. был ликвидирован Московский союз научных деятелей. Этот союз, созданный еще в 1917 г., принимал меры для улучшения материального положения ученых, боролся за автономность высшей школы и научных учреждений. В специальном постановлении Политбюро от 8 апреля 1921 г. говорилось: «а) Союз научных деятелей распустить, мотивируя это несоответствием с профессиональным уставом и противосоветской политической тенденцией, выразившейся в исключении так называемых «назначенцев», то есть профессоров, назначаемых Рабоче-Крестьянским правительством...

б) В том же постановлении о роспуске заявить с совершенной определенностью, что научное общество в целях пропаганды научных знаний, устройства лекций советской властью приветствуется и поощряется, и в том случае если члены общества пожелают реорганизоваться на таких началах, то советская власть будет поддерживать это предприятие...»[37]

В 1922 г. большая группа представителей научной интеллигенции была выслана за границу. Среди них были и москвичи – историк А. Ф. Изюмов, работавший старшим инспектором Главного управления архивным делом и преподававший на

[32] Ленинский сборник XXXVI. С.80.

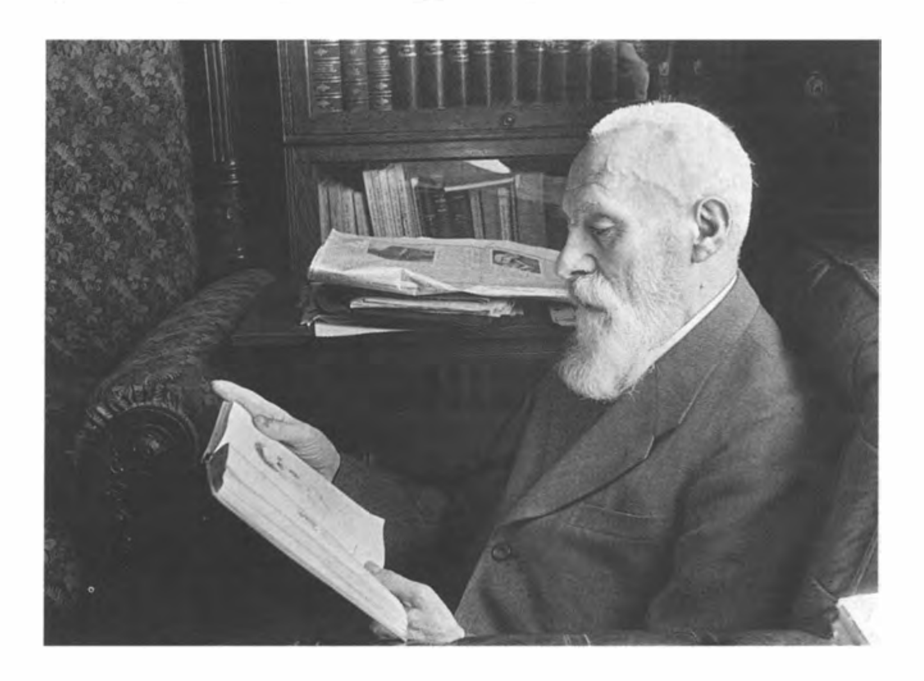
[33] Организация науки в первые годы Советской власти... С.339, 340.

[34] Год работы Центральной комиссии по улучшению быта ученых при Совете Народных Комиссаров (ЦЕКУБУ). Декабрь 1921 г.– декабрь 1922 г. М., 1922. С.35.

[35] Там же. С.19.

[36] Там же. С.42.

[37] РГАСПИ. Ф.17. Оп.3. Д.148. Л.2, 3.



Академик А. Н. Бах. Конец 1930-х – начало 1940-х гг.

университетском отделении Московских курсов для рабочих; историк и политический деятель А. А. Кизеветтер, профессор Московского университета и член-корреспондент Российской Академии наук с декабря 1917 г.; биолог М. М. Новиков, бывший в 1919–1920 гг. ректором Московского университета и являвшийся председателем Московского бюро Научной комиссии НТО ВСНХ; физик В. В. Стратонов, декан физико-математического факультета Московского университета; философ, психолог и экономист С. Л. Франк, профессор Московского университета; инженер В. И. Ясинский, в 1922 г. председатель правления Центрального дома ученых в Москве, и др.[38]

Москва становилась главным научным центром страны. Постепенно проходило укрупнение научных учреждений. Если в 1924 г. в столице было 344 научных учреждения, в которых работало свыше 2700 научных сотрудников[39], то в 1931 г. их было 197, зато в справочнике 1930 г. содержались сведения о 8056 деятелях науки, техники, краеведения и т.д[40]. В 1934 г. в Москве было 234 научных учреждения и свыше 15 тыс. научных сотрудников[41].

В 1923 г. в Москве была создана Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН), существовавшая до 1930 г. В состав РАНИОН входили институты истории, экономики, философии, права, археологии и др., в которых работали такие видные исследователи, как В. П. Волгин, М. Н. Покровский, Е. С. Варга, П. И. Лященко, С. Г. Струмилин, Д. М. Петрушевский, А. Е. Пресняков, А. В. Арциховский, Н. М. Дружинин, Л. В. Черепнин и многие другие[42]. В 1929–1930 гг. институты РАНИОН были переданы Коммунистической академии, а после ее ликвидации, в 1936 г.– Академии наук СССР. На основе слияния Института Маркса и Энгельса, возникшего в 1921 г., и Института Ленина, организованного в 1925 г., в 1931 г. был образован Институт Маркса – Энгельса – Ленина (с 1956 г.– Институт марксизма-ленинизма).

В 1929 г. в Москве создается Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина (ВАСХНИЛ), первым президентом которой стал академик Н. И. Вавилов.

Середина 1930-х гг. явилась важнейшим этапом формирования Москвы как крупнейшего центра советской науки и одного из влиятельнейших очагов мировой науки. Москва становится местом проведения международных научных форумов, таких, как Конференция по физике атомного ядра (1933), Международная конференция по тензорной дифференциальной геометрии (1934), Международная конференция математиков-топологов (1935), Международный геологический конгресс (1937) и др. Консолидация в Москве всего наиболее ценного, что имелось в самых различных областях научной мысли, отражала претензии утвердившегося тоталитарного строя на лидирующее положение в мире, на роль подлинного носителя мирового прогресса.

Авторитетнейшим и наиболее значительным научным центром страны оставалась Российская Академия наук. Это особенно проявилось в связи с подготовкой и проведением ее 200-летнего юбилея, который способствовал осознанию политическим руководством страны значения Академии наук как влиятельной международной научной организации.

Хотя основные торжества проходили в Ленинграде, 13 сентября 1925 г. в Москве, в Большом зале консерватории, состоялось юбилейное заседание. На следующий день в Большом театре прошел торжественный пленум Московского Совета, посвященный 200-летию Российской Академии наук[43]. Интересно отметить, что при разработке плана юбилейных мероприятий в Москве было внесено и предложение о проведении демонстрации на Красной площади, но Политбюро на заседании 27 августа 1925 г. признало его «нежелательным»[44].

В 1927 г. принимается новый (первый советский) устав Академии наук СССР, а в 1929 г. прошли выборы, которые явились важным рубежом в истории Академии.

Большинство действительных членов Академии наук, избранных в 1929 г., были москвичами (60%). В Москве жили все академики-коммунисты, здесь работали физик Л. И. Мандельштам, химики А. Н. Бах, Н. Д. Зелинский, механик С. А. Чаплыгин, геолог В. А. Обручев,

[38] См.: Хрестоматия по истории России. 1917–1940. М., 1994. С.251–256.

[39] История Москвы. Краткий очерк. М., 1978. С.320.

[40] См.: Научные работники Москвы. С приложением перечня научных учреждений Москвы. Л., 1930.

[41] История Москвы. Т.VI. Кн.2. С.204.

[42] История Москвы. Краткий очерк. С.322.

[43] Организация науки в первые годы Советской власти... С.210. В связи с юбилеем Правительство СССР постановило переименовать РАН в АН СССР.

[44] РГАСПИ. Ф.17. Оп.3. Д.517. Л.8.

биолог Д. Н. Прянишников и др. Количество академиков, проживавших в Москве, увеличилось после выборов 1930-го, 1931-го и особенно 1932 г.

25 апреля 1935 г. Совнарком СССР принял историческое для судеб отечественной науки постановление о переводе Академии наук в Москву. Одновременно с ней в Москву из Ленинграда переводился и Всесоюзный институт экспериментальной медицины. Это постановление было подписано после утверждения в тот же день на Политбюро ЦК.

Перевод и размещение Академии наук – ее президиума, институтов с научным оборудованием, академиков и научных сотрудников – оказались более сложными, чем это представлялось партийно-государственному руководству страны. 13 июня 1934 г. «для немедленного перевода президиума и основных учреждений» было принято специальное постановление ЦК ВКП(б), в котором указывались помещения для переезжающих академических организаций, устанавливалось, что в первую очередь в Москву переводятся президиум Академии наук, Химическая и Геологическая ассоциации, часть Биологической и Физико-математической ассоциаций, а также предрешалось развертывание нового строительства в районе Калужской улицы. Это постановление определяло, что президиуму Академии наук предоставляется дом № 32/34 по Большой Калужской улице (быв. дворец в Нескучном саду, ныне Ленинский проспект, д. 14)[45].

Фактически переезд Академии наук был осуществлен в августе – октябре 1934 г. В Москву перебазировались Физический, Геологический, Математический, Сейсмологический, Энергетический, Петрографический, Микробиологический институты, Институты общей и неорганической химии, органической химии, геохимии, кристаллографии и минералогии, почвоведения, генетики, физиологии растений, Коллоидоэлектрохимическая лаборатория. Вместе с научными учреждениями в Москву переехало около 300 квалифицированных специалистов, в том числе такие крупные ученые, как академики С. И. Вавилов, В. И. Вернадский, В. А. Обручев, А. Е. Ферсман и др.[46]

Первое заседание президиума Академии наук СССР в Москве состоялось 26 июня 1934 г. Его открыл президент Академии академик А. П. Карпинский, которому шел 88-й год. Он осмотрел новое помещение президиума, здания для институтов, 28 июня был принят председателем ЦИК СССР М. И. Калининым. В опубликованной на следующий день в «Правде» статье А. П. Карпинского отмечалось: «Академия наук переводится туда, где находится само правительство. Это логически правильно, последовательно и вытекает из самого существа советской власти, относящейся к науке как к своему непосредственному помощнику и сотруднику в строительстве новой жизни...»[47] Однако переезжать в Москву сам А. П. Карпинский отказался. В конце октября 1934 г., когда переезд академических учреждений был завершен и Академия наук приступила к практической деятельности в Москве, отсутствие ее президента выглядело как откровенное неприятие состоявшегося перемещения.

Лишь 22 августа 1935 г. в газете «Известия» появилось сообщение: «Президент Академии наук СССР академик А. П. Карпинский переезжает в Москву». В Москве А. П. Карпинский жил в

Здание президиума Академии наук СССР (ныне Российская Академия наук)

Академик С. И. Вавилов

[45] РГАСПИ. Ф.17. Оп.3. Д.947. Л.50, 51.

[46] *Комков Г.Д., Левшин Б.В., Семенов Л.К.* Академия наук СССР. Краткий исторический очерк. М., 1974. С.311, 312.

[47] Правда. 1934. 29 июня.

Во время встречи президента АН СССР академика А. П. Карпинского в Москве. 31 августа 1935 г.

П. Л. Капица. 1936 г.

особняке на Пятницкой улице. Он умер 15 июля 1936 г. и был похоронен на Красной площади. Новым президентом АН СССР стал академик В. Л. Комаров.

П. Л. Капица, с 1921 г. работавший в Англии в Кавендишской лаборатории Кембриджского университета, руководимой лауреатом Нобелевской премии Э. Резерфордом, в 1934 г. приехал в Ленинград в отпуск и для участия в Менделеевском съезде. Накануне возвращения в Кембридж его вызвали в Москву в Совнарком, где Капице было заявлено о том, что выезд в Англию ему запрещен. В декабре 1934 г. состоялось решение СНК СССР о создании в Москве Института физических проблем Академии наук СССР, директором которого назначался П. Л. Капица[48].

Все большее число открытий и разработок рождалось в научных институтах Москвы. В предвоенный период значительно усилились исследования в области математики и физики. В 1933 г. были определены главные направления работы Физического института АН СССР. Вскоре С. И. Вавилов и его аспирант П. А. Черенков открыли новое излучение, получившее название черенковское, П. Л. Капица обнаружил новое свойство жидкого гелия, названное сверхтекучестью. Теорию этого явления разработал Л. Д. Ландау.

К началу 30-х гг. сложились коллективы ученых и конструкторов, горячо верящих в осуществление идей космических полетов и работавших над их развитием и претворением в жизнь. Одной из таких организаций стала Группа изучения реактивного движения (ГИРД) в Москве, на основе которой в 1933 г. возник Реактивный научно-исследовательский институт (РНИИ), сыгравший важную роль в разработке проблем реактивного движения и создании ракетных аппаратов.

В 30-е гг. началось детальное изучение Северного морского пути и арктического пространства. В столице было создано Главное управление Северного морского пути, которое объединило усилия ученых Москвы, Ленинграда и других центров, занимавшихся исследованием Арктики. А в 1933 г. вышел в рейс пароход «Челюскин». Его задача заключалась в том, чтобы пройти из Мурманска во Владивосток по Северному морскому пути за одну навигацию. Возглавлял экспедицию О. Ю. Шмидт. Однако осуществить поставленную задачу не удалось. «Челюскин» был раздавлен льдами и 13 февраля 1934 г. затонул в Чукотском море. Участники экспедиции и команда высадились на лед, и началась героическая эпопея по спасению челюскинцев. Семь отважных летчиков в труднейших условиях полярной зимы совершили 24 рейса на дрейфующую льдину, где находились потерпевшие крушение люди, и спасли всех. Москвичи с огромной радостью встречали челюскинцев и спасших их летчиков в столице: улица Горького от Белорусского вокзала до центра была заполнена сотнями тысяч людей.

Подвиг летчиков не остался неотмеченным. Именно тогда правительство установило высшую степень отличия за героизм – звание Героя Советского Союза. И этого звания впервые были удостоены спасшие челюскинцев летчики: С. А. Леваневский, А. В. Ляпидевский, В. С. Молоков, Н. П. Каманин, М. В. Водопьянов, И. В. Доронин, М. Т. Слепнев.

В мае 1937 г. была организована экспедиция на Северный полюс. Организатором ее снова стал неутомимый исследователь Арктики О. Ю. Шмидт. Была основана первая дрейфующая

[48] Петр Леонидович Капица. Воспоминания. Письма. Документы. М., 1994. С.466.

станция «Северный полюс» (СП-1), ее возглавил И. Д. Папанин, а членами были П. П. Ширшов, Е. К. Федоров и Э. Т. Кренкель.

В результате благодаря усилиям ученых, авиаторов, моряков Северный морской путь был превращен в нормально действующую магистраль.

Важные открытия были сделаны в химии, в частности в области цепных реакций, биологии, генетике, экспериментальной медицине. Московские геологи внесли крупный вклад в расширение минерально-сырьевой базы страны. Были обнаружены и новые запасы угля в Подмосковье.

Таким образом, в 1920-е, а особенно в 1930-е гг. Москва становится крупнейшим научным центром СССР. Гипертрофированная централизация всех сфер экономики и культуры была свойственна России, а в советскую эпоху приняла особые масштабы. Высокая концентрация квалифицированных научных кадров и учреждений позволяла, с одной стороны, в относительно короткий срок решать серьезные научные задачи, с другой – науку, искусственно сосредоточенную в нескольких крупных центрах, было легче контролировать. Велика была опасность полной монополизации тех или иных научных направлений. Ограничивались возможности для развития науки на местах. Впрочем, в 1930-е гг. отрицательные последствия сверхвысокой концентрации науки еще не проявились в полной мере.

3. СУДЬБА НАСЛЕДИЯ

В народной пословице «Москва – всем городам мать» заключен большой исторический смысл: возникшая восемь с половиной веков назад Москва была прообразом многих русских городов, которым передавала свой градостроительный опыт, свои традиции и в то же время впитывала в себя многоцветие талантов и труд уроженцев других городов и сел России.

Наследие, которым располагала Москва к началу XX в., было бесценным национальным достоянием. Положение столицы обязывало распорядиться культурным наследием, т. е. всей совокупностью русской культуры, начиная от языка (ведь именно московский диалект стал его литературной нормой) и кончая памятниками истории.

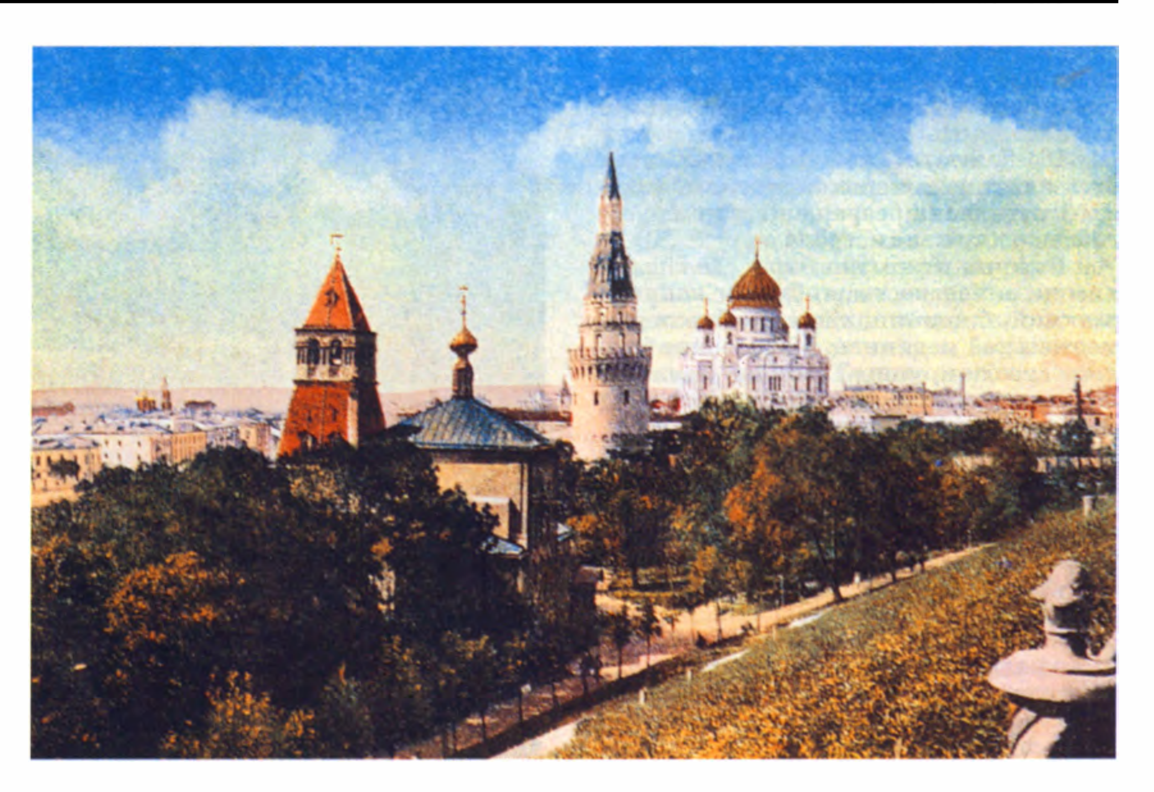
Главным своеобразием Москвы издавна признавался ее запоминающийся внешний облик. Говоря словами любящей этот город М. И. Цветаевой, это – «привольное семихолмие», золото куполов «сорока сороков» церквей, «домики старой породы» рядом с пышными дворцами, широкие оживленные улицы и тихие живописные переулочки, а над всем этим «нерукотворным градом», над «колокольной землей московской» – величавый Кремль. По своему местоположению на высоком мысу при слиянии двух рек и радиально-кольцевой планировке (росла как растет дерево, наращивая кольца оборонительных стен Кремля, Китай-города, Белого и Земляного города) Москва являлась типичным русским городом. Ее функционально оправданная градостроительная структура и архитектура запечатлели все шаги многовековой истории и уже потому требовали бережного к себе отношения.

Встреча челюскинцев на Белорусском вокзале. 19 июля 1934 г.

Случилось, однако, обратное. После окончания гражданской войны, в соответствии с глобальными идеологическими установками на формирование столицы нового, коммунистического мира, с 1922 г. начались сносы храмов как ненужного социалистическому городу «старья», а потом планомерная перестройка Москвы в угоду «Генеральному плану реконструкции» 1935 г. «Красные линии» новых магистралей означали прямую угрозу историческому центру города.

В сознание не одного поколения москвичей, в систему образования и мышления архитекторов и строителей десятилетиями закладывались представления о хаотичности и стихийности строительного роста Москвы, «запутанности» ее планировки, неказистости основного жилого фонда, выражения в нем социальных контрастов. И поскольку в советские годы старый жилой фонд не поддерживался, а лишь ветшал, постольку якобы подтверждался тезис о не отвечавшей современным требованиям застройке.

В результате массовых сносов 1920–1930-х гг. Москва лишилась важнейших,



Вид на Москву из Кремля. Открытка начала XX в.

Красные ворота. 1910-е гг.

формирующих ее облик гражданских построек: стен и башен Китай-города, Воскресенских, Красных, Триумфальных ворот, Сухаревой башни, торговых рядов на Таганке, палат XVI–XVII вв. в Охотном ряду и многого другого. Часто сносы были бессмысленными. Так, снос Красных ворот аргументировали необходимостью улучшить условия для движения транспорта. Но вот что писала «Рабочая газета» 18 октября 1927 г.: «После сноса ворот движение на площади как было, так и осталось ненормальным. Вот если бы нам снести еще и церковь Трех святителей и дом, где жил Лермонтов, то получилось бы очень хорошо и движение сразу урегулировалось бы» (снесли потом и эти ценные памятники). Не пощадили даже Кремль, где уничтожили Андреевский и Александровский залы Большого Кремлевского дворца, снесли Золотое крыльцо и Золотую лестницу (их место заняла столовая), Малый дворец, Чудов и Вознесенский монастыри, старейшую церковь Спаса на Бору, а также церкви Благовещения, Константина и Елены. Исчезла «Москва – золотые маковки»: из 278 храмов в пределах границ города 1917 г. были разрушены 141 и закрыты 109[49]. По признанию главного архитектора города, «более двух тысяч старинных зданий безвозвратно потеряны, а ведь почти половина из них представляла историческую ценность»[50]. Если учесть, что в наши дни в центре города на государственной охране находятся только 824 здания – памятника архитектуры и 285 – истории, да еще 1218 строений вновь выявлены как ценные архитектурные объекты[51], получается, что половина историко-архитектурного наследия Москвы, накопленного за века, была утрачена в результате целенаправленной идеологизированной политики нескольких десятилетий.

При этом страдала и архитектура советского времени – снесен был в 1940 г. Обелиск Конституции (1918), искажены некоторые яркие памятники конструктивизма.

Московский пейзаж, многочисленные сады и парки – еще одна былая достопримечательность Москвы. Большую их часть составляли до революции частные владения, бывшие предметом гордости хозяев и тщательно ими поддерживаемые. Поначалу советская Москва умножила число общественных парков – появились районные, детские, первый в мире Парк культуры и отдыха (1928). Стали публичными парки усадеб Кускова, Измайлова, Студенца (Красная Пресня). Но культура содержания московских садов и парков оказалась утрачен-

[49] *Паламарчук П.* Сорок сороков. Т.1. М., 1992. С.7. См. также цикл статей *В.Ф.Козлова* // Московский журнал. 1991. № 1, 3–9, 11, 12.

[50] Вечерняя Москва. 1987. 17 октября.

[51] Проблемы реконструкции исторического центра Москвы. М., 1994. С.3.

ной. Старинные регулярные и пейзажные парки зарастали, разрушалась уникальная система прудов и фонтанов, уничтожались редкие породы деревьев и сорта цветов. Парки превращались в стандартные прогулочные аллеи с типовым набором игровых аттракционов. Исчезло Садовое кольцо с его палисадами. Ушли из московских парков художественная скульптура и малые формы архитектуры – беседки, гроты, горки. Массовое тиражирование «девушки с веслом» или «пионера-трубача» выработало своего рода отторжение от малых художественных форм.

Похоже сложилась судьба городских монументальных памятников. Их в старой Москве было немного и первый – К. Минину и Д. Пожарскому – появился лишь в 1818 г. Но зато открытие каждого становилось важным культурным событием. Не только москвичи гордились памятниками А. С. Пушкину, Н. В. Гоголю, Ивану Федорову, М. Д. Скобелеву. Последний был снесен по декрету Совнаркома от 12 апреля 1918 г., как и памятники Александру II, Александру III и великому князю Сергею Александровичу в Кремле, хотя и они придавали выразительные художественные акценты городу.

План монументальной пропаганды, принятый тогда же по инициативе В. И. Ленина, казалось, продолжал традицию воздвигать памятники выдающимся деятелям и в честь знаменательных событий (да и участвовали в реализации плана известные скульпторы С. Т. Коненков, Н. А. Андреев и др.). Однако заложенные в нем идеи (память только о борцах революции, многие из которых были тогда вообще мало известны москвичам), форсированность исполнения (она плохо сказывалась на качестве работ и материалов) и та самая массовость, которая лишала людей радости встречи с чем-то редким и ценным, на деле разрушали эту традицию. А главное, осуществление этого плана непосредственно вслед за сносами других скульптурных монументов подрывало уважение к памятникам вообще.

Одним из наиболее древних и демократических по своему происхождению памятников истории являются названия улиц города. В таких, типично московских, по звучанию мягких именах, как Дмитровка, Серпуховка, Петровка, Знаменка, Ордынка, Тверская и Калужская, Полянка и Разгуляй, явственно читались и историческая роль Москвы в объединении русских земель, и ее природные условия, и особенности быта и обычаев москвичей. А бульвары и части Садового кольца, ворота и заставы свидетельствовали о старинной планировке города. И вдруг одновременно со сносами архитектурных и исторических памятников началась кампания переименований улиц. Районные Советы решительно и самовольно стали переименовывать все на революционный лад: появились улицы Борьбы, Коммуны, Адлера, Люксембург и т.п. Затем дело взял в свои руки Моссовет. Только в 1921 г. он единовременно утвердил 447 переименований, притом что в центре Москвы было около 600 улиц. Достаточно сказать, что из 14 главных радиальных улиц-лучей, идущих от Кремля, сохранились лишь Волхонка, Петровка да Солянка. На карте, в сознании новых поколений существовал как бы совсем иной город, а не многовековая Москва.

Чудов монастырь в Московском Кремле

Памятник М. Д. Скобелеву. Скульптор П. Самонов. 1912 г.

Памятник Александру III. Скульптор А. Опекушин. 1912 г.

«Граждане, храните памятники искусства». Плакат. Художник Н. Купреянов. 1920 г.

Первые советские декреты в отношении культурного наследия, как и в целом первый этап истории советской Москвы, исполнены были хорошими намерениями и делами. «Совершенно необходимо приложить все усилия, чтобы не упали основные столпы нашей культуры, ибо этого нам пролетариат не простит»[52] – это ленинское положение, как и требование программы Коммунистической партии 1919 г. овладеть всем богатством культуры человечества[53], являлось безусловно правильным. Оно, наряду с планами сделать культурное наследие доступным для всех трудящихся, ранее обездоленных просвещением в силу социальных причин, воодушевило значительную часть творческой интеллигенции. Еще до революции выработав целый ряд проектов демократизации культуры, общественность Москвы с энтузиазмом стала трудиться на ниве просвещения народа.

Она не могла не видеть серьезных потерь – в ходе обстрела Кремля в октябрьские дни 1917 г. были повреждены такие главные московские святыни, как Успенский собор, Оружейная палата, собор Василия Блаженного, а позднее ограблена Патриаршая ризница. И если даже нарком просвещения А. В. Луначарский хотел в знак протеста подать в отставку, то тем более коренная московская интеллигенция считала своим долгом объединить усилия во имя спасения национального культурного наследия. По-разному относясь к большевикам, тем не менее одинаково самоотверженно работали известные деятели культуры и в Комиссии по охране памятников при Моссовете, и в организованной И. Э. Грабарем Комиссии по реставрации памятников Московского Кремля, и в Отделе Наркомпроса по делам музеев и охраны памятников искусства и старины, возглавляемом Н. И. Троцкой. Это архитекторы И. Е. Бондаренко, Н. Д. Виноградов, П. П. Малиновский, А. В. Щусев, художники А. М. и В. М. Васнецовы, И. Э. Грабарь, К. Ф. Юон, скульпторы А. С. Голубкина, С. Т. Коненков, историки искусства А. И. Анисимов, Н. Г. Машковцев, П. П. Муратов, реставраторы П. Д. Барановский, Д. П. Сухов, Н. П. Сычев, музейные работники В. Ф. Булгаков, Н. Р. Левинсон, Б. В. Шапошников, П. С. Шереметев, москвоведы М. И. Александровский, П. Н. Миллер, П. В. Сытин, Н. П. Чулков и многие другие.

Среди них были эмиссары Наркомпроса, вооруженные только его мандатом, а на деле вынужденные порой рисковать здоровьем и жизнью, спасая и свозя во временные государственные хранилища национализированные или просто брошенные хозяевами частные библиотеки, архивы, художественные ценности. Декреты 1918 г. о национализации общественных и частных художественных собраний, в частности Третьяковской галереи, Румянцевского музея и Музея изящных искусств, коллекций А. В. и М. А. Морозовых, С. И. Щукина, братьев Рябушинских, А. Г. Брокара, Л. Л. Зубалова и др., о регистрации и учете памятников искусства и старины (5 октября), о запрещении вывоза за границу предметов особого художественного и исторического значения (19 сентября), об объявлении библиотек и архивов народ-

[52] *Ленин В.И.* О культуре и искусстве. М., 1956. С.528.

[53] КПСС в резолюциях... Т.2. М., 1983. С.83.

ным достоянием и их централизации создали основу для образования национальных музейного, библиотечного и архивного фондов. Они размещались в Москве – в Английском клубе, доме Зубаловых на Садовой-Черногрязской, в Ваганьковском и Мертвом переулках. Позднее (февраль 1921 г.) был создан также Государственный фонд художественных ценностей и предметов роскоши и старины для внешней торговли (Гохран), который помещался в Настасьинском переулке.

Так впервые в истории России была образована государственная система охраны памятников истории и культуры. Для использования в просветительских целях всех этих богатств в Москве открылись в начале 1920-х гг. новые музеи: 10 пролетарских районных музеев (на базе национализированных частных коллекций), усадебные музеи (Кусково, Архангельское, Останкино, Покровское-Стрешнево), в Симоновом, Донском и Новодевичьем монастырях, музеи фарфора, мебели, быта 1840-х гг. (на Собачьей площадке), Л. Н. Толстого в Хамовниках, А. Н. Скрябина, а также крупнейший музей новой западной живописи.

Бесплатное посещение музеев, выставок, театров действительно приблизило массы ко всем богатствам культуры. Но, во-первых, далеко не все были к этому подготовлены. Как справедливо заметил Д. С. Лихачев, «искусство существует для тех, кто знает искусство, культура существует для тех, кто обладает собственным культурным тезаурусом – запасом знаний по истории культуры»[54]. Во-вторых, не могло советское государство в тех условиях долго обеспечивать на таком уровне степень доступности к сокровищам культуры. Новая экономическая политика продиктовала свои жесткие условия. К 1923 г. закрылось большинство музеев, культурные ценности надолго ушли в запасники.

В понимании культурного наследия и отношении к нему в новом, советском обществе даже среди его руководителей не было в те годы единства. Наряду с высокообразованными коммунистами, сознававшими ценность культурного наследия, было немало таких, которые стояли на вульгарно-социологических, пролеткультовских и даже откровенно нигилистических позициях. Так, искусствовед В. М. Фриче полагал: «Нет ни одного крупного художника, который не был бы повинен в укреплении своим могуществом церкви или влияния религии – будь то Микеланджело или Рафаэль»[55]. Пролеткультовцы на первый план ставили задачи формирования новой, пролетарской культуры, а не овладение достижениями старой культуры. Их левацкие заблуждения и тем более взгляды прямых ниспровергателей серьезно мешали правильно оценить доставшиеся в наследство революции ценности.

Музей-усадьба «Кусково». Дворец XVIII в.

Музей-усадьба «Останкино». Гостиная. XVIII в.

Были и в самой коммунистической доктрине прямые противоречия, а главное, идеологическая ограниченность, что отрицательно влияло на практику сохранения культурного наследия. Признание в нем ценным только того, что «полезно» революции, разграничение в культуре нации двух противоборствующих культур – буржуазной и пролетарской – смещало правильные акценты и, по существу, отрицало существование общечеловеческих культурных ценностей.

Партия большевиков не могла признать, согласиться с тем, что ее «враг номер один» – буржуазия неразрывно связана с формированием культурного потенциала страны. Борьба с эксплуататорскими классами, экспроприация частной собственности подорвали коллекционирование архивных, книжных, художественных и историко-бытовых предметов, уничтожили меценатство, благодаря которому были созданы все московские музеи, отринули благотворительность.

[54] Литературная газета. 1982. 15 декабря.

[55] *Фриче В.М.* Очерки социальной истории искусства. М., 1923. С.38.

«Враг номер два» коммунистов – церковь и религия также традиционно были создателями огромных духовных и материальных культурных ценностей. За естественным для советского государства отделением от церкви последовала, однако, целенаправленная и жесткая борьба не только с церковью как общественным институтом, но с религиозными проявлениями во всех сферах – от бытовой морали до искусства. На деле это был отказ от русской духовной музыки (она перестала звучать вплоть до конца 1980-х гг.), от живописи на историко-религиозные темы (ушли в запасники многие полотна Н. Н. Ге, М. А. Врубеля, В. Д. Поленова, М. В. Нестерова), от иконописи как формы выражения духовности православного человека на протяжении почти тысячелетия, от Библии и других творений Священной истории, на которых зиждились моральные нормы людей. Утрата всего этого свидетельствовала, с одной стороны, об отсечении целых пластов культурного наследия, а с другой – лишала простого человека привычных жизненных и нравственных ориентиров. Ленинский, марксистский принцип: «В основе коммунистической нравственности лежит **борьба** (выделено нами.– *Авт.*) за укрепление и завершение коммунизма»[56], – мобилизовывал в человеке далеко не всегда лучшие качества. Возможность присвоения чужой собственности («грабь награбленное»), примат «полезности» над вечным, пренебрежение обычными нормами морали – все это прерывало традиции уважения к прошлому, к исторической памяти, к памятникам.

Особенно ощутимо проявилось это в отношении и московских властей, и части населения к такой святыне, как «любовь к отеческим гробам». Декретом ВЦИК от 17 декабря 1918 г. церковь была отстранена от обряда погребения, традиционно выполнявшегося ею. Службы Моссовета, а за ними и районных советов считали это дело второстепенным. Сносы церквей и закрытие монастырей (в Спасо-Андрониковом, Новоспасском, Ивановском были концлагеря, в Даниловом – спецприемник) сделали находившиеся на их территории могилы «бесхозными».

Началось запустение кладбищ. К 1930 г. в Москве были закрыты или уничтожены все монастырские кладбища и срыты гражданские – Братское (памятник войны 1914–1917 гг.), Лазаревское, Семеновское, Дорогомиловское, Миусское (частично).

Самой неприглядной и непоправимой ошибкой стала распродажа части накопленных культурных ценностей. Начало этому положила продажа за границу изъятых в 1922 г. церковных ценностей, затем стали уходить предметы Патриаршей ризницы, бывшей императорской казны, наконец, по решению Малого Совнаркома в январе 1930 г. проводились изъятия из музеев. Была создана особая служба – «Антиквариат», специализировавшаяся на продаже за рубежом.

Вот краткий перечень московских утрат: в 1924 и 1925 гг. на организованной в США выставке картин русских мастеров были проданы 11 из 13 полотен В. Д. Поленова (цикл «Из жизни Христа»), позднее продали еще 42 работы из этой же серии[57], которую сам художник считал главным делом своей жизни. 18 февраля 1930 г. из Оружейной палаты изъяли огромное количество серебряных произведений прикладного искусства, в том числе «Орловский сервиз» работы французских мастеров XVIII в. Из усадьбы Архангельское «Антиквариат» потребовал «Библию в переплете Тувеэна как не являющуюся для музея необходимой ценностью»[58]. Из Музея изящных искусств в 1931 г. продали «Венеру» Тициана, рисунки и гравюры XVIII в., коллекцию офортов Рембрандта и голландской школы (дар Н. С. Мосолова Румянцевскому музею, почетным членом которого он состоял 30 лет). В 1932 г. настала очередь работ французских импрессионистов и постимпрессионистов из собраний С. И. Щукина и И. А. Морозова, объединенных в Музей нового западного искусства[59].

Нельзя не упомянуть о потерях архивных и книжных фондов Москвы. Писатель М. А. Осоргин, высланный в 1922 г. из страны с большой группой интеллигенции, вспоминал позднее о том, как в годы революции организовал с коллегами «Книжную лавку писателей», пытаясь как-то спасти ценные книги в условиях, когда предлагали за пять рублей купить «пять подвод французских томиков XVIII века, с экслибрисами, с ценными гравюрами». Признавая положительную роль пополнения государственных книгохранилищ из национализированных библиотек, он тем не менее с горечью констатировал: «...но достигнуто это было ценой гибели и рассеяния изумительных русских частных книжных богатств»[60]. И как отнестись, например, к такому факту: крупнейшее в России собрание почтовых марок почетного гражданина Москвы П. П. Щапова, подаренное им в 1929 г. Наркомату почт и телеграфов, оказалось вывезенным во Францию[61].

Если многие советские руководители не в полной мере осознавали важность проблемы сохранения и овладения культурным наследием, то для специалистов в области культуры, для деятелей искусства, вообще для образованной интеллигенции вопрос этот был понятен и по-особому близок. Эмиграция части творческой интеллигенции, высылка из страны гуманитариев в 1922 г., конечно, ослабили позиции общественности. Покину-

[56] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С.313.

[57] *Васильева О.Ю., Кнышевский П.Н.* Красные конкистадоры. М., 1994. С.211.

[58] *Жуков Ю.Н.* Операция «Эрмитаж». М., 1993. С.93, 94.

[59] *Семенова Н.* Распродажа // Литературная газета. 1988. 7 декабря.

[60] *Осоргин М.А.* Книжная лавка писателей // Наше наследие. 1989. № 6. С.129.

[61] *Васильева О.Ю., Кнышевский П.Н.* Указ. соч. С.239.

Философы (двойной портрет С. Н. Булгакова и П. А. Флоренского). Художник М. Нестеров. 1917 г.

Дом бывшего Археологического общества. Художник А. Васнецов. 1923 г.

ли Москву и Родину такие выдающиеся личности, как С. В. Рахманинов, И. А. Бунин, Б. К. Зайцев, И. С. Шмелев, М. И. Цветаева, Ф. И. Шаляпин, К. А. Коровин, С. Т. Коненков, Н. А. Бердяев, И. А. Ильин, С. Л. Франк, Н. О. Лосский, С. Н. Булгаков и др.

«Хранителями огня» ощущали себя оставшиеся в Москве. Работая в государственных органах охраны памятников, они делали все возможное и для поддержания общественного мнения о ценности духовного и материального наследия, тем более что до середины 1920-х гг. еще была возможность выражать свое мнение, вести дискуссии.

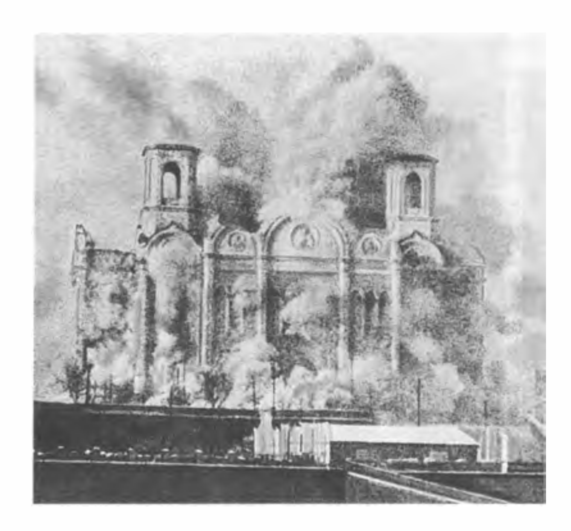
Важную роль играли различного рода объединения творческой интеллигенции, которые брали на себя труд по сохранению культурных ценностей и традиций. В их ряду – созданное еще до революции Московское архитектурное общество, которое с 1906 по 1922 г. возглавлял Ф. О. Шехтель, а затем, до закрытия в 1930 г., А. В. Щусев. Это и существовавший до 1923 г. Союз русских художников, в который входили братья Васнецовы, С. А. Виноградов, Е. Е. Лансере, К. Ф. Юон, помогавшие спасать художественные коллекции. Это и Московское археологическое общество, сохранившееся лишь до 1922 г., но зато оставившее активно работавшую вплоть до 1930 г. одну из своих комиссий – «Старую Москву».

«Старая Москва», образованная в 1909 г., не прерывала работы, несмотря на то что общество на время закрыли, не оказывали ему материальной поддержки, ругали в прессе, арестовывали его активных членов. Оно, по сути единственное, вело на общественных началах научную разработку и пропаганду истории Москвы и одновременно спасало ее памятники. Сотни обследований исторической застройки, регулярные публичные доклады, проведение юбилейных дат, охрана некрополя, сбор материалов о Москве, А. С. Пушкине, Л. Н. Толстом, мемуаров москвичей и пополнение фондов Исторического музея (с 1924 г. комиссия работала под его патронатом) – таков далеко не полный перечень направлений деятельности «Старой Москвы». За 21 год на ее заседаниях побывало более 33 тыс. москвичей, ее сообщения и материалы публиковались на страницах бюллетеня «Московский краевед» (1927–1930)[62].

Бессменным с 1918 г. председателем «Старой Москвы» был А. М. Васнецов (с 1923 г.– почетный председатель), который создал серию художественно ярких и исторически документальных пейзажей – реконструкций, воссоздающих облик Москвы деревянной и белокаменной. Участие Васнецова в работе комиссии – он сделал около 60 докладов по археологии и истории архитектуры Москвы – придавало большой авторитет обществу. Почти на каждом публичном заседании звучал его голос в защиту старой Москвы, ибо члены общества первыми узнавали о намечающихся сносах и пытались их предотвратить. Васнецов не побоялся открыто высказать свое мнение о неправомерности сноса храма Христа Спасителя как народного достояния огромной материальной, художественной, технической и музейной ценности. «Рушить его, конечно, легко,– писал он в газету «Известия»,– но когда памятник архитектуры и искусства **целой эпохи** (выделено нами.– *Авт.*) исчезнет без следа, жалеть будет поздно...»[63] «Известия» не решились опубликовать это письмо, идущее вразрез с мнением «верхов» и лично Сталина. 5 декабря 1931 г. храм,

[62] *Филимонов С.Б.* Общество «Старая Москва» // Памятники Отечества. 1980. № 2. С.113–116; *Он же.* Историко-краеведческие материалы архива обществ по изучению Москвы и Московского края. М., 1989.

[63] Цит. по: *Кириченко Е.И.* Храм Христа Спасителя в Москве. М., 1992. С.245, 246.



Взрыв храма Христа Спасителя. 1931 г.

строившийся всей страной 50 лет, был взорван. «Чудо советской пиротехники» – так назывался снятый тогда документальный фильм об этой антикультурной акции.

С неменьшей энергией, чем «Старая Москва», работало Общество изучения русской усадьбы (ОИРУ). Его создание в 1922 г. молодым искусствоведом В. В. Згурой отражало тревоги и надежды интеллигенции старшего и молодого поколения. Наряду с университетской профессурой, аспирантами, начинающими научными работниками, просто энтузиастами-любителями русской усадьбы в Общество входили известные деятели культуры: М. И. Александровский, В. К. Клейн, В. Я. Курбатов, А. И. Некрасов, Д. В. Поленов, Н. И. Тютчев, Н. П. Чулков, П. С. Шереметев, в целом около 150 человек (в «Старой Москве» в 1926 г. было свыше 100 членов). Уже к 1928 г. члены ОИРУ обследовали и зафиксировали все усадьбы Московской губернии, выпустили два ценных справочно-библиографических издания по ее памятникам, серию книжек «Подмосковные музеи». Благодаря научной и экспедиционной работе было впервые представлено состояние «подмосковных» в первое советское десятилетие. Знаменитые в те годы экскурсии ОИРУ по усадьбам и организованные им учебные курсы приобщали москвичей к русскому усадебному искусству – этой важной, но мало изученной части культурного наследия. По сути, ОИРУ и «Старая Москва» в очень трудное время взяли на себя функции, которые не в силах были выполнять государственные учреждения,– систематически сохранять, изучать и пропагандировать культурное наследие.

Интересно, что общественности удалось тогда добиться даже официального государственного статуса для своих организаций. Так, в 1927 г. ВЦИК под ее давлением утвердил Положение об образовании Комитета по охране могил выдающихся деятелей истории и культуры, в который вошли представители «Старой Москвы», Всероссийского союза писателей, Российского театрального общества, Музея революции, Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, Музейного подотдела МОНО, Главнауки Наркомпроса, а также Московского коммунального хозяйства Моссовета (для контроля и «остуживания голов»). Председателем избрали москвоведа П. Н. Миллера, который с 1923 г. практически возглавлял и «Старую Москву». «Мы не должны забывать нашу связь с предшествующими поколениями»,– говорилось в «Обращении» Комитета к населению Москвы (его написал будущий академик, историк Н. М. Дружинин). Москвичей призывали отдать часть своего досуга благоустройству находящихся тогда в ужасном положении кладбищ, организовать сбор средств путем проведения благотворительных концертов (их дали А. А. Яблочкина, И. М. Москвин, В. В. Барсова, К. Н. Игумнов, Г. Г. Нейгауз, Л. М. Леонов). В радиоконцертах – редкость для тех лет – с участием Д. Д. Благого и С. М. Чемоданова разъяснялось историческое и нравственное значение охраны некрополя.

Поразительны итоги этой работы: за три года без каких-либо ассигнований были благоустроены девять городских кладбищ (площадью свыше 170 десятин), выявлено и взято на учет более 700 могил выдающихся москвичей на 21 некрополе, составлены их списки и описания художественных надгробий. По народной подписке были собраны средства, и 7 октября 1928 г. установлен памятник на могиле В. О. Ключевского в Донском монастыре.

Московские власти не оценили поистине самоотверженных усилий общественности по сохранению исторической Москвы. Так, уже в начале 1930 г. был ликвидирован Комитет по охране могил, закрыли «Старую Москву», Общество изучения Московской губернии, Общество изучения русской усадьбы, а также другие объединения москвичей. По многим из них даже не было каких-либо запретительных актов, так как к этому времени уже один за другим шли аресты краеведов, искусствоведов, музейных работников... Трудно назвать число жертв репрессий – о многих не осталось сведений. По самым приблизительным и неполным данным, пострадали свыше 30 активных членов названных москвоведческих обществ, а судьбы скольких людей были искалечены!

Неоднозначность политического и идеологического курса и в эти, и в последующие годы была характерной чертой политики московских властей. Так, бесспорно, в 1930-е гг. многое делалось для широкой пропаганды русского и мирового классического наследия в издательском деле, в театре, в живописи[64].

[64] См.: *Иванова Л.В.* Проблемы и трудности освоения культурного наследия // Советская культура в реконструктивный период. 1928–1941. М., 1988. С.142–179.

Проявился даже своеобразный поворот к классической русской архитектуре: он выразился в переориентировке архитектурного стиля новых построек в Москве, в том, как широко отмечены были в 1937 и 1938 гг. 200-летние юбилеи В. И. Баженова и М. Ф. Казакова. С перебоями, утратами, ошибками, но и с известными успехами Москва осваивала свое наследие. В то же время – и это показательно – ни в одном важном партийном документе предвоенных лет даже сам термин «культурное наследие» не упоминался.

4. ИСКУССТВО

1920-е годы занимают особое место в истории культуры Москвы. Это был период поисков, период сложный, яркий и очень плодотворный в творческом отношении.

Значительная часть художественной интеллигенции не приняла Октябрьскую революцию. Многие видели в ней лишь смуту и разрушение. «Революция – стихия... Землетрясение, чума, холера тоже стихии. Однако никто не прославляет их, никто не канонизирует, с ними борются»,– писал И. А. Бунин в «Окаянных днях»[65]. Но были и те, кто, как В. Э. Мейерхольд, «сразу поняли, что революция – это не только разрушение, но и созидание»[66].

После революции был принят дифференцированный подход к интеллигенции и ее организациям – намечалось, «отсекая» контрреволюцию, использовать культурный аппарат. Наркомпрос предлагал и старым, и вновь возникавшим обществам включаться в культурно-просветительскую работу.

В 1920 г. был открыт Дом печати (позднее, в 1925 г., реорганизованный в Центральный профессиональный клуб работников печати). В нем, как и в Политехническом музее, регулярно проходили литературные вечера. На них выступали В. В. Маяковский, С. А. Есенин, приезжавший из Петрограда А. А. Блок. Одновременно В. Я. Брюсов, активно сотрудничавший с новой властью, организовал в Москве Высший литературно-художественный институт.

Характерной особенностью первых послереволюционных лет было огромное количество творческих союзов и обществ. Особенно активизировались представители «левых» направлений в искусстве. Возникали и исчезали литературные кружки и группировки с самыми неожиданными названиями, альманахи, театры и т.д. Постоянными стали встречи художников, писателей, поэтов в нескольких популярных кафе, что позволило говорить о «кафейном» периоде в истории русской поэзии.

Наибольшей активностью отличались представители так называемого Пролеткульта. Это движение возникло в 1917 г., а окончательно сформировалось в 1918-м, когда в сентябре в Москве состоялась 1-я Всероссийская конференция пролеткультов. Конференция призвала к созданию новой, пролетарской культуры, причем создавать ее должны были рабочие, единственные носители пролетарской идеологии.

Для идеологов Пролеткульта характерно было стремление выступать в качестве своеобразной «третьей силы» (помимо партии и профсоюзов). Один из его теоретиков в статье «Год борьбы за пролетарскую культуру» писал даже, что Наркомпрос должен быть лишь «исполнительным органом» Пролеткульта[67]. Вопрос об отношениях между Пролеткультом и Наркомпросом неоднократно обсуждался на Политбюро, на пленумах ЦК. В результате идеология пролеткультов была объявлена ошибочной, а отделения Пролеткульта как самостоятельные организации были распущены и частично влились в аппарат Наркомпроса.

Зимой 1918 г. в Москве по инициативе В. В. Каменского, В. Г. Шершеневича и других возник Всероссийский союз поэтов, в который вошли литераторы разных направлений. Впрочем, большинство из них объединяли как романтизация революции, так и стремление отделить искусство от идеологии.

Вскоре, в 1919 г., из-за внутренних разногласий небольшая группа поэтов вышла из союза и создала свое объединение – «Литературный особняк». В разное время в него входили В. Я. Брюсов, К. Д. Бальмонт, В. А. Каверин. На еженедельных собраниях общества читались доклады о формах поэтического творчества, о поэтических направлениях. С докладами выступали, в частности, Л. Б. Красин, В. Я. Брюсов и др.

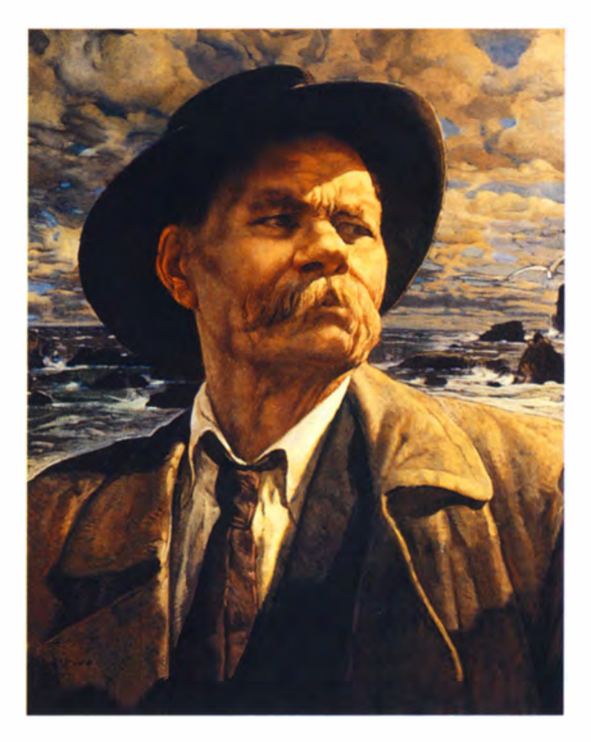
После окончания гражданской войны оживилось книгоиздательское дело, появились многочисленные новые газеты и журналы (так, в 1921 г. в Москве вышло 4,5 тыс. названий книг и брошюр, в 1924 г.– около 30 тыс.; количество газет и журналов увеличилось за 1923–1924 гг. соответственно с 33 и 162 названий до 185 и 453[68]). Характерно, что в 1922 г. в Москве было зарегистрировано свыше 200 частных и кооперативных издательств. Постепенно Москва становится центром литературной жизни страны. В нее приезжают многие талантливые литераторы. В 1924 г. возвращается из эмиграции А. Н. Толстой, в Москве живет М. А. Шолохов. В 1929 г. в СССР приезжает А. М. Горький. Его особняк (ныне музей) на Никитской улице становится центром литературной жизни Москвы.

[65] *Бунин И.А.* Избранное. М., 1991. С.118.

[66] Цит. по: *Коржихина Т.П.* Извольте быть благонадежны! М., 1997. С.33.

[67] Там же. С.42.

[68] История Москвы. Т.VI. Кн.2. С.308.



А. М. Горький. Художник И. Бродский. 1937 г.

В. В. Маяковский. 1929 г.

В 1920-е гг. были созданы многие произведения, вошедшие в историю советской литературы: стихи и поэмы В. В. Маяковского, С. А. Есенина, Б. Л. Пастернака, рассказы, повести, романы М. А. Шолохова, А. Н. Толстого, М. А. Булгакова, А. П. Платонова и др.

Вместе с тем с начала 1920-х гг. постепенно создается механизм административного контроля над сферой культуры. В 1920 г. возникает Агитационно-пропагандистский отдел ЦК ВКП(б), затем в 1922 и 1923 гг.– органы цензуры: Главлит и Главрепертком. Постепенно восстанавливается не регистрационный, как сразу после революции, а разрешительный порядок образования общественных организаций.

Тем не менее сохранялось многообразие литературных групп и направлений. Партийные органы ограничивались политическим контролем, не вторгаясь, как правило, в область эстетики. Зато активизировались писатели, причислявшие себя к представителям пролетарского направления и объявившие войну так называемым «попутчикам».

В 1920 г. группа литераторов вышла из состава Пролеткульта и создала новое объединение – «Кузница», ставившее цель «осознать и выявить образ строителя комунистического общества»[69]. В него вошли Ф. В. Гладков, А. К. Гастев и др. Позднее из этой группы выделилась еще одна, со схожими задачами,– «Октябрь».

15 марта 1923 г. в Москве открылась первая Московская конференция пролетарских писателей, на которой была создана Московская ассоциация пролетарских писателей (МАПП). В нее вошли А. А. Фадеев, А. С. Серафимович, А. И. Безыменский, Д. А. Фурманов и др. В 1925 г. в МАПП уже было около 400 членов. В 1925 г. в Москве прошла Всесоюзная конференция пролетарских писателей, постановившая создать Российскую ассоциацию пролетарских писателей (РАПП), позднее – Всесоюзную (ВАПП). Их главным органом стал возникший в 1923 г. журнал «На посту».

Пролетарские писатели пользовались определенной поддержкой властей. В постановлении XIII съезда РКП(б) (май 1924 г.) подчеркивалось, что «основная работа партии в области художественной литературы должна ориентироваться на творчество рабочих и крестьян, становящихся рабочими и крестьянскими писателями в процессе культурного подъема широких народных масс Советского Союза»[70]. Вместе с тем наученные, по-видимому, опытом Пролеткульта, власти избегали однозначно становиться на ту или другую сторону в литературной борьбе. Но зато постепенно укреплялась идея объединения писателей различных направлений – это должно было снизить накал литературной борьбы и повысить «управляемость» литературы.

Еще летом 1922 г. в ЦК РКП(б) была создана комиссия «по организации писателей и поэтов в самостоятельное общество». Подразумевалось, что это общество должно объединить и пролетарских писателей, и попутчиков, и «политически неоформленных из талантливой молодежи». В лучших номенклатурных традициях был составлен список будущих членов этой организации с определением степени их талантливости[71]. Тогда, впрочем, объединения не получилось.

[69] Литературные манифесты. М., 1930. С.163.

[70] КПСС в резолюциях... Т. 3. М., 1984. С.260.

[71] См.: *Коржихина Т.П.* Указ. соч. С.149, 150.

По инициативе правительства в 1926 г. была основана Федерация объединений советских писателей. Одновременно решались вопросы, связанные с авторским правом, налогообложением писательского труда, нормами оплаты и т.д. Однако и на сей раз подлинного объединения не получилось: мешала в первую очередь нетерпимость РАПП ко всем прочим литературным направлениям и организациям. Все больше усиливалась тенденция обратиться к «арбитру», которым в той ситуации мог быть только ЦК ВКП(б).

В 1931 г. ситуация обострилась до крайности. Ряд писателей (Е. И. Замятин, М. А. Булгаков), которых трудно было заподозрить в особой лояльности к режиму, обратились лично к И. В. Сталину с письмами, в которых жаловались на невыносимую обстановку и невозможность спокойно работать.

Эти и другие обращения упали на подготовленную почву. Сталин внимательно следил за ситуацией в литературе[72]. Как позднее, в 1935 г., писал А. М. Горькому секретарь ЦК А. А. Андреев, Сталин «**всегда** очень интересуется вопросами культуры и **лично руководит** отделами ЦК ВКП(б), занимающимися этими вопросами (выделено нами.– *Авт.*)»[73].

Советское партийное руководство охотно взяло на себя роль «арбитра». Последовала жесткая критика позиции РАПП, а в 1932 г. вышло известное постановление ЦК ВКП(б) о перестройке литературных и художественных организаций. На его основе в 1934 г. на I Всесоюзном съезде советских писателей был создан Союз советских писателей СССР.

В Уставе, принятом съездом, подчеркивалось, что «правдивость и историческая конкретность художественного изображения действительности должны сочетаться с задачей идейной переделки и воспитания трудящихся в духе социализма»[74].

Интересно в этой связи выступление на заседании президиума правления Союза советских писателей (ССП) 5 мая 1935 г. редактора журнала «Новый мир» И. М. Гронского: «Сейчас, как никогда раньше, писателям приходится переписывать свои произведения по два-три раза. И это показывает, что развитие нашей литературы сейчас упирается в идеологическую вооруженность писателей. Писатели, оставшиеся на старых позициях, застывают и идут не вперед, а назад. Они думают, что их спасет зоркость глаза, мастерство, умение брать и обрабатывать материал,– оказывается, для того, чтобы создавать значительные произведения, подняться на высоту большевистской культуры, нужно овладеть большевистским мировоззрением»[75].

Председателем Союза был избран А. М. Горький, активно участвовавший в подготовке его создания, но фактически работой Союза руководил партийный функционер, секретарь Союза в 1934–1936 гг. А. С. Щербаков. Впрочем, как стало ясно впоследствии, с писателями он не очень ужился (хотя его партийной карьере это не повредило). «Литература для него – чужое, второстепенное дело. Он оптимист, но, кажется, только потому, что не любит беспокоить себя»,– писал Горький о Щербакове в декабре 1935 г.[76]

После создания Союза писателей появляется ряд новых «толстых» журналов и крупных издательств, в том числе Издательство детской литературы, «Советский писатель» и др. В 1934 г. при ССП был создан Литературный фонд.

С. А. Есенин и Л. М. Леонов. 1924 г.

М. А. Шолохов. 1920-е гг.

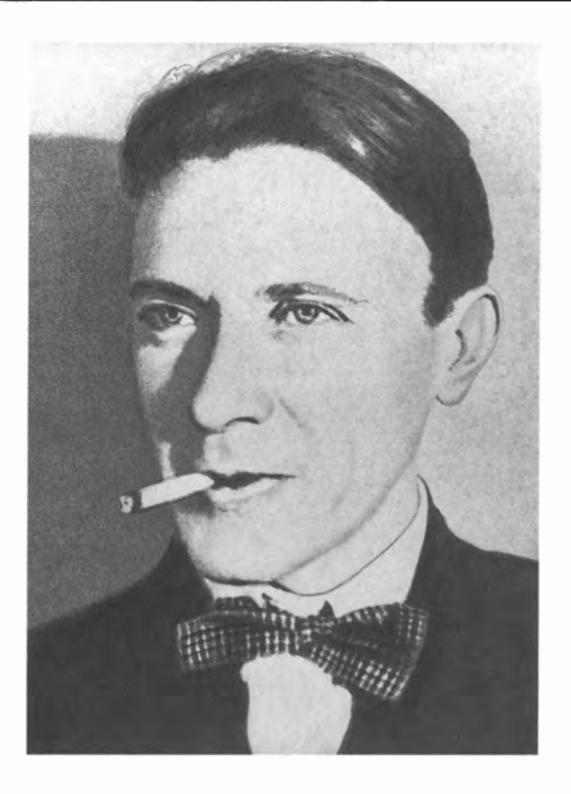
[72] См. об этом: *Бабиченко Д.Л.* Писатели и цензоры. Советская литература 1940-х годов подполитическимконтролем ЦК. М., 1994; *Симонов К.М.* Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В. Сталине. М., 1988; и др.

[73] РГАСПИ. Ф.73. Оп.2. Д.44. Л.22.

[74] Первый Всесоюзный съезд советских писателей. 1934. Стенографический отчет. М., 1934. С.716.

[75] РГАСПИ. Ф.88. Оп.1. Д.397. Л.6, 7.

[76] Там же. Ф.73. Оп.2. Д.44. Л.19.



М. А. Булгаков. 1926 г.

А. П. Платонов. 1920-е гг.

По-прежнему одной из центральных тем в творчестве советских писателей оставались революция и гражданская война, романтика начала 20-х гг., но вместе с тем появились и новые темы, связанные с «великим переломом», коллективизацией и индустриализацией, а также историей страны. Но в лучших произведениях этого периода в соответствии с традициями русской литературы в центре внимания оставался человек.

Москва становится центром литературного образования и литературоведения. В городе был открыт Литературный институт, организовано отделение литературы и языка Академии наук, созданы Институт мировой литературы им. А. М. Горького, Государственный литературный музей и Центральный государственный архив литературы и искусства. В Москве издавалось около двух третей всей книжной продукции СССР.

В середине 1930-х гг. активизировалась советская культурная дипломатия, и советские, в том числе московские, писатели активно включились в нее. В частности, они приняли участие в работе международных конгрессов писателей в защиту культуры (Париж, 1935 г.; Лондон, 1936 г.; Мадрид, 1937 г.). В свою очередь, Москву посещали видные зарубежные писатели: Г. Уэллс, А. Барбюс, Т. Драйзер, Б. Шоу, Р. Роллан, Л. Фейхтвангер, А. Жид, оставившие любопытные очерки[77].

Конечно, московских писателей не обошли репрессии, практически не прекращавшиеся с конца 1920-х гг. Одни погибли, такие, как Б. А. Пильняк, О. Э. Мандельштам, И. Э. Бабель, другие, например А. П. Платонов, М. А. Булгаков, были лишены возможности публиковать многие свои произведения. После очередного общегородского собрания писателей в декабре 1936 г. прозаик С. Ф. Буданцев, вскоре репрессированный, заявил: «Десять лет тому назад было несравненно свободнее. Сейчас перед многими из нас стоит вопрос об уходе из жизни...»[78] А ведь в тот момент «большой террор» был еще впереди.

* * *

Одним из наиболее устойчивых элементов культурной жизни оказались московское театры, которые даже в самые трудные годы гражданской войны продолжали работать. Наряду с классическими спектаклями создавались и массовые театрализованные праздники, рожденные эстетикой новой эпохи.

«Парадоксальное явление, но голодная, темная, холодная Москва продолжала жить очень напряженной театральной жизнью. Наступило время студий – они рождались и умирали, и возникали вновь... Студии открывались легко. Стоило отыскать большую квартиру – а свободных было много тогда в Москве,– и место для студии найдено!» – вспоминал впоследствии современник[79].

Московские театры, начиная с 1918 г., были подчинены Московскому отделу народного образования, с 1929 г.– Управлению по делам искусств при Наркомпросе СССР, а с 1936 г.– Московскому управлению по делам искусств, входившему в систему Всесоюзного комитета по делам искусств при СНК СССР. Исключением являлись Большой, Малый

[77] См., например: *Жид А.* Два взгляда из-за рубежа. М., 1937; *Фейхтвангер Л.* Возвращение из СССР. М., 1990; «Основная цель его приезда...» Отчеты сотрудников ВОКСа о пребывании в СССР деятелей науки и культуры Великобритании. 1934–1936 гг. // Исторический архив. 1996. № 3; и др.

[78] Российские вести. 1992. 11 июля.

[79] *Марков П.А.* Книга воспоминаний. М., 1983. С.98, 99.

и Московский Художественный академические театры, которые непосредственно подчинялись Наркомпросу, а затем – Всесоюзному комитету. В 1919 г. театры со всем их имуществом были объявлены национальным достоянием.

Москва и до революции была крупнейшим театральным центром страны. В ней работали такие замечательные режиссеры и актеры, как К. С. Станиславский и В. И. Немирович-Данченко, А. Я. Таиров, В. Э. Мейерхольд, А. И. Южин, П. М. Садовский, М. Н. Ермолова, ставшая в 1920 г. первой народной артисткой республики, В. И. Качалов, И. М. Москвин и многие другие.

Театр в России всегда внимательно относился к общественным проблемам, и не случайно именно в театральной среде стали возникать первые общественные организации. Старейшим и наиболее влиятельным среди них было, конечно, Русское театральное общество (РТО), с 1928 г.– Всероссийское театральное общество (ВТО), возникшее еще в 1877 г. как Общество взаимного вспоможения русских артистов. К 1917 г. РТО насчитывало 6 тыс. членов. Существовало, кроме того, Московское общество русских драматических писателей и композиторов (МОДПИК), насчитывавшее в 1920 г. 150 членов и объединявшее драматургов, переводчиков, композиторов (оно прекратило деятельность в 1933 г. в связи с возникновением Союза писателей и Московского союза композиторов[80]).

Первоначально театры сохраняли классический репертуар, новые пьесы ставились достаточно редко и не имели большого успеха. В 1920 г. В. Э. Мейерхольд, возглавлявший тогда театральный отдел Наркомпроса, выдвинул лозунг «Театрального Октября». По его мнению, театр должен был стать революционным, т.е. политическим, агитационным, массовым.

Однако академические театры не спешили полностью «обновлять» свой репертуар и манеру исполнения, хотя, конечно, не могли игнорировать потребности нового времени. В 1920 г. МХАТ поставил трагедию Байрона «Каин». Малый театр в 1919 г. впервые показал пьесу А. М. Горького «Старик». Однако ставшие явлением театральной жизни постановки новых пьес относятся уже к середине 1920-х гг., когда в Малом театре прошла премьера пьесы К. А. Тренева «Любовь Яровая» (1926), а во МХАТе – «Дни Турбиных» М. А. Булгакова (1926) и «Бронепоезд 14–69» Вс. В. Иванова (1927).

Особый успех выпал на долю «Дней Турбиных». «Спектакль вызвал необыкновенно бурный отклик общественности. Многочисленные жаркие дискуссии, выступления в печати, сопровождавшие мхатовскую постановку, доказывали взрывную силу пьесы. Булгакова обвиняли во всех смертных грехах, вплоть до апологии белогвардейщины, что было чудовищным искажением сути пьесы и истинных намерений автора и театра»,– вспоминал П. А. Марков, заведующий литературной частью МХАТ[81]. Впрочем, по мнению Сталина, пьеса Булгакова «не так уж плоха, ибо она дает больше пользы, чем вреда... «Дни Турбиных» есть демонстрация всесокрушающей силы большевизма. Конечно, автор ни в какой мере «не повинен» в этой демонстрации...»[82] Не случайно театральный справочник 1935 г., отмечая «большой формальный успех» пьесы Булгакова, подчеркивал, что лишь «Бронепоезд 14–69» Вс. В. Иванова явился «первым по существу настоящим советским спектаклем МХАТа»[83].

Новые формы постановки искали в первую очередь такие молодые театры, как Камерный («действительно буржуазный», по определению Сталина[84]), Театр РСФСР Первый (с 1923 г.– Театр им. В. Э. Мейерхольда), Театр им. Московского городского совета профсоюзов (позднее – Театр им. Моссовета), Театр Революции (позднее – Театр им. В. В. Маяковского), Театр им. Е. Б. Вахтангова, возникший в 1926 г. из Третьей студии МХАТ. Именно здесь ставились «Мистерия-

Портрет В. Э. Мейерхольда. Художник П. Кончаловский. 1938 г.

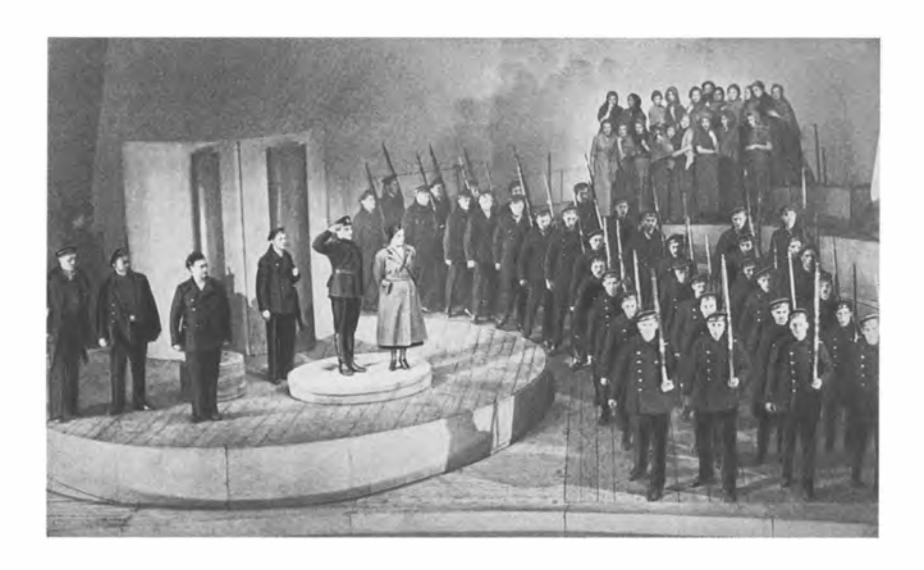
[80] *Коржихина Т.П.* Указ. соч. С.91, 97.

[81] *Марков П.А.* Указ. соч. С.234.

[82] *Сталин И.В.* Соч. Т.11. М., 1949. С.328.

[83] Театральная Москва. Театр – музыка – эстрада – кино. Иллюстрированный справочник. 1935. М., 1935. С.82.

[84] *Сталин И.В.* Соч. Т.11. С.329.



Сцена из спектакля «Оптимистическая трагедия» по пьесе Вс. В. Вишневского. Камерный театр. 1933 г.

Буфф», «Клоп» и «Баня» В. В. Маяковского, «Шторм» В. Н. Билль-Белоцерковского, «Разлом» Б. А. Лавренева. На многие годы в репертуар московских театров вошли такие постановки, как «Принцесса Турандот» (Театр им. Е. Б. Вахтангова) и «Оптимистическая трагедия» Вс. В. Вишневского (Камерный театр).

С начала 30-х гг. на сценах многих театров постоянно шли пьесы А. М. Горького и инсценировки его произведений: «Егор Булычов и другие» (Театр им. Е. Б. Вахтангова, 1932 г., и МХАТ, 1934 г.), «В людях» (МХАТ, 1933 г.), «Враги» (Малый театр, 1933 г.) и др.

В 1930 г. был создан Центральный театр Красной Армии (позднее – Центральный театр Советской Армии), начавший работу с таких постановок, как «Первая Конная» Вс. В. Вишневского и «Гибель эскадры» А. Е. Корнейчука. Новым явлением в культурной жизни Москвы стало открытие детских театров, в том числе первого в мире Музыкального театра для детей под руководством Н. И. Сац.

Конец 1930-х гг., канун войны, ознаменовался целой серией антифашистских спектаклей, являвшихся, впрочем, скорее явлением общественно-политическим, чем чисто театральным. Не сходили со сцены как традиционные, так и новаторские постановки классических пьес.

В Москве в эти годы работали такие крупнейшие режиссеры, как К. С. Станиславский, В. И. Немирович-Данченко, А. Я. Таиров, В. Э. Мейерхольд, Е. Б. Вахтангов, А. Д. Попов, Ю. А. Завадский, А. Д. Дикий, Р. Н. Симонов, Н. П. Охлопков, актеры О. Л. Книппер-Чехова, В. И. Качалов, И. М. Москвин, М. М. Тарханов, А. К. Тарасова, Б. Н. Ливанов, В. Н. Пашенная, Б. В. Щукин, А. Г. Коонен, С. Г. Бирман, С. В. Гиацинтова, А. А. Яблочкина, Е. Н. Гоголева, М. И. Жаров, И. В. Ильинский, М. И. Царев, С. М. Михоэлс, М. Ф. Астангов, М. М. Штраух, В. В. Ванин и многие другие.

Театральная жизнь Москвы тех лет была отмечена и общественной активностью. Так, в 1931 г. в столице действовали общества друзей различных театров, например Оперного им. К. С. Станиславского, Московского реалистического театра, Еврейского театра и др.[85]

Если в 1931 г. в Москве работало всего 25 театров, то в 1935-м – 12 музыкальных, 42 драматических театра, в том числе такие, как Московский театр обороны, созданный в 1932 г. с целью «мобилизовать внимание широких слоев трудящихся вокруг вопросов военной опасности», Московский театр транспорта, «стремящийся помочь средствами искусства реконструирующемуся транспорту», или Московский государственный театр санитарной культуры, агитирующий «за проведение на производстве и в быту санитарного минимума»[86], шесть детских и пять кукольных, а также еврейский, цыганский, немецкий и латышский театры и два цирка. Пожалуй, самым оригинальным был Московский театр импровизации «Семперантэ», который использовал в работе не пьесы, а сценарии, по которым сами актеры создавали пьесу «путем самостоятельного развертывания сценических образов», при этом декорации заменялись теневой проекцией на сукне[87].

* * *

В годы революции и гражданской войны в музыкальной жизни Москвы на первый план выдвинулась концертная деятельность. Концерты были различными: и академическими, и просветительными, и – новый жанр – агитационными (например, концерты-митинги). Уже в 1918–1919 гг. в Колонном зале состоялся цикл музыкально-исторических концертов, регулярно проходили бесплатные симфонические концерты, причем не только в театрах, но и на фабриках, заводах, в клубах. Активно выступал народный хор под руководством М. Е. Пятницкого.

В июле 1918 г. Московская консерватория перешла в ведение государства. По инициативе Наркомпроса возникали новые музыкальные школы, тем самым создавались условия для массового музыкального образования.

Продолжал работу, несмотря на сложные условия, ставший с декабря 1917 г. государственным, Большой театр, в котором выступали А. В. Нежданова, Н. А. Обухова, Л. В. Собинов, Ф. И. Шаляпин и др. Основу репертуара театра составляла русская классика.

Вместе с тем «в аполитичной и довольно замкнутой музыкальной среде

[85] См.: Весь СССР на 1931 г. М., 1931. С.703.

[86] Театральная Москва... 1935. С.159, 164, 169.

[87] Там же. С.171.

после революции началось расслоение»,– отмечает современный исследователь[88]. Многие композиторы и исполнители оказались без работы, часть творческой интеллигенции, как уже говорилось, уехала за границу. В 1919 г. распалось образованное в 1859 г. Русское музыкальное общество.

Появлялись новые симфонические произведения, в частности 5-я симфония Н. Я. Мясковского, созданная в 1918 г., но особенно характерны для этого времени песни, в частности, посвященные событиям гражданской войны, а также новые обработки народных песен.

Во многих областях культуры в 1920-е гг. постоянно возникали дискуссии: о новом искусстве, новой пролетарской музыке, ее потребителе. «Страна строила новое общество. Хотела покончить с извечными бедами человечества: неравенством, насилием, войной. Хотела сделать человека свободным и счастливым. Мы все понимали: это требовало необыкновенно великого искусства. Но какого?.. Плакатное искусство захватило театр, живопись и отразилось в музыке... Хотелось, чтобы музыка доходила до каждого, была абсолютно понятной»,– писал позднее Д. Д. Шостакович[89].

Почти одновременно, в 1923 г., в Москве возникли две крупные организации – Ассоциация современной музыки (АСМ), ставящая своей задачей распространение новой музыки, русской и зарубежной, и поддерживающая контакты с иностранными музыкальными обществами (в АСМ входили такие видные композиторы, как Н. Я. Мясковский, Б. В. Асафьев, М. Ф. Гнесин и др.), и Ассоциация пролетарских музыкантов (АПМ), призывавшая пропагандировать и создавать только «революционную, пролетарскую музыку».

Если идеологи АСМ подчеркивали необходимость «поднимать массы» до высших достижений современной музыки, доказывая при этом, что «музыка не есть идеология», то АПМ создавалась «на почве ясного классового подхода» с целью «вооружить пролетариат музыкой как одним из сильнейших проводников морали и воли класса»[90]. Впрочем, в советской историографии 1950-х гг. был сделан безапелляционный вывод: ни деятельность АСМ, «ориентировавшейся на музыку буржуазного Запада», ни деятельность АПМ, «пытавшейся создавать музыку для масс в отрыве от народной», не могли «удовлетворить потребности народа в простой, доступной музыке»[91].

АСМ фактически распалась в 1931 г., а АПМ прекратила свою деятельность в 1932 г. в связи с образованием Московского союза советских композиторов. К 1938 г. в его составе было 250 членов. Председателем союза был активный деятель АПМ Н. И. Челяпов, а с 1938 г.– Р. М. Глиэр; тогда же в состав правления Московского союза помимо бывших членов АПМ были избраны и бывшие члены АСМ: Н. Я. Мясковский, Д. Б. Кабалевский и др., молодые композиторы В. И. Мурадели и А. И. Хачатурян. В мае 1939 г. был образован оргкомитет по подготовке создания единого

[88] *Коржихина Т.П.* Указ. соч. С.73.

[89] Там же. С.197.

[90] Там же. С.199.

[91] История Москвы. Т.VI. Кн.2. С.420.

Группа советских композиторов. В 1-м ряду (слева направо): А. И. Хачатурян, У.А. Гаджибеков, Д. Д. Шостакович, Р. М. Глиэр, С. С. Прокофьев; во 2-м ряду: Ю. А. Шапорин, Д. Б. Кабалевский, И. И. Дзержинский, М. В. Коваль, В. И. Мурадели. 1939 г.

С. Я. Лемешев в роли Ленского в опере «Евгений Онегин» П. И. Чайковского. Государственный академический Большой театр. 1930-е гг.

А. Н. Ермолаев в роли Филиппа в балете Б. В. Асафьева «Пламя Парижа». Государственный академический Большой театр. 1933 г.

союза композиторов, который возглавил Глиэр, однако такой союз возник лишь в 1948 г.

В 1920-е гг. развернулась дискуссия о новой советской опере, которая (с перерывами) продолжилась и в 1930-е. Известный дирижер Большого театра Н. С. Голованов и его сторонники доказывали (и не без оснований), что новой советской оперы нет. «Головановщина» была объявлена «явлением антисоветского порядка»[92]. Но первая действительно значительная советская опера – «Леди Макбет Мценского уезда» («Катерина Измайлова») Д. Д. Шостаковича – была поставлена в Музыкальном театре им. Вл. И. Немировича-Данченко лишь в 1934 г.

Театральный справочник 1935 г. назвал постановку оперы Шостаковича «наиболее значительным событием сезона», подчеркнув, что «при ряде отдельных возражений эта опера получила на страницах печати общее признание, как одно из выдающихся произведений современной музыкальной литературы». И далее: «Театр им. Немировича-Данченко справился с задачей поднять сложный музыкальный материал»[93]. Однако в январе 1936 г. в «Правде» появилась печально известная статья «Сумбур вместо музыки» с разгромной критикой оперы. Затем последовало обсуждение статьи на собрании композиторов и музыкантов и обращение Московского союза композиторов (январь 1937 г.), в котором говорилось, что союз «развернул сейчас работу по стимулированию, выявлению и собиранию сочинений, посвященных вождям Ленину и Сталину»[94].

Уже в 1927 г. в Большом театре состоялась премьера спектакля «Красный мак» («Красный цветок») Р. М. Глиэра, надолго вошедшего в репертуар театра. Вообще, историко-революционная тема утвердилась в репертуаре ГАБТ. В 1932 г. был поставлен балет «Пламя Парижа» на музыку Б. В. Асафьева, посвященный Великой французской революции. Любопытный отзыв оставил о нем бывший министр просвещения Великобритании Ч. Тревельян, побывавший в Москве в 1935 г.: «...сам балет очень понравился; сэр Тревельян заметил, что танцы больше похожи на русские, чем на французские...»[95]

Тем не менее в 1930-е гг. основу репертуара музыкальных театров Москвы по-прежнему составляла классика; новые балеты или оперы являлись скорее исключением. Так, в Большом театре в 1934–1935 гг. шло 14 классических опер и 9 классических балетов, из новых же – балеты «Пламя Парижа», «Красный мак» и «Три толстяка» В. А. Оранского; в Оперном театре им. К. С. Станиславского не было поставлено ни одной советской оперы; в Музыкальном театре им. Вл. И. Немировича-Данченко помимо 10 классических спектаклей шла опера «Катерина Измайлова» Д. Д. Шостаковича и все тот же «Красный мак»; сразу в двух театрах шла оперетта Н. М. Стрельникова «Холопка» и т.д.[96]

Лишь во второй половине 1930-х гг. появился ряд новых произведений, ставших классикой советского музыкального искусства: песни И. О. Дунаевского, М. И. Блантера, Д. Я. Покрасса и др., оперы «Тихий Дон» и «Поднятая целина» И. И. Дзержинского, «Семен Котко» С. С. Прокофьева, балет «Ромео и Джульетта» С. С. Прокофьева, оперетты «Золотая долина» И. О. Дунаевского и

[92] *Сталин И.В.* Соч. Т. 11. С.327.

[93] См.: Театральная Москва... 1935. С.17.

[94] Цит. по: *Коржихина Т.П.* Указ. соч. С.299.

[95] «Основная цель его приезда...» Отчеты сотрудников ВОКСа о пребывании в СССР деятелей науки и культуры Великобритании. 1934–1936 гг. // Исторический архив. 1996. № 3. С.139.

[96] См.: Театральная Москва... 1935. С.26, 42, 48, 49, 56, 67.

«Свадьба в Малиновке» Б. А. Александрова. Накануне войны с особой силой звучали героические кантаты «Александр Невский» С. С. Прокофьева и «На поле Куликовом» Ю. А. Шапорина. В 1941 г. большая группа московских музыкальных деятелей получила Сталинские премии первой степени: композиторы Н. Я. Мясковский, Ю. А. Шапорин, Д. Д. Шостакович, артисты Большого театра В. В. Барсова, М. Д. Михайлов, М. О. Рейзен, И. С. Козловский, С. Я. Лемешев, О. В. Лепешинская, М. Т. Семенова, А. М. Мессерер и др.

Одним из крупнейших центров подготовки музыкантов мирового уровня оставалась Московская консерватория. Выпускники консерватории Л. Н. Оборин и Г. Р. Гинзбург получили соответственно первую и четвертую премии на I Международном конкурсе пианистов им. Ф. Шопена в Варшаве в 1927 г., Д. Ф. Ойстрах и Б. Э. Гольдштейн заняли второе и четвертое места на Международном конкурсе скрипачей им. Г. Венявского в Варшаве в 1935 г., Я. В. Флиер и Э. Г. Гилельс – первое и второе места на Международном конкурсе пианистов в 1936 г., Я. И. Зак и Р. В. Тамаркина – первое и второе места на III Международном конкурсе пианистов им. Ф. Шопена в Варшаве в 1937 г.

Блестящим успехом завершился для советских скрипачей конкурс им. Изаи в Брюсселе в 1937 г. Первую премию получил Д. Ф. Ойстрах, советские участники заняли также третье, четвертое, пятое и шестое места. Затем молодые скрипачи отправились в поездку по Западной Европе. После их выступления в Англии «Манчестер Гардиан» задавала риторический вопрос: «Не типична ли эта полная свободы игра, этот далекий от сентиментальности подход к музыкальному произведению, не типичны ли они для советской молодежи?»[97]

И наконец, характерной чертой музыкальной жизни Москвы 1920–1930-х гг. было широкое развитие самодеятельности. Москва становится местом проведения различных смотров и конкурсов. Одним из основных центров московской самодеятельности стал организованный в 1935 г. Театр народного творчества под художественным руководством Л. К. Книппера.

* * *

Еще до революции Москва была центром отечественного кинопроизводства и кинопроката. В 1917 г. в городе действовало более ста кинотеатров (для сравнения: в 1935 г. – около 40)[98]. Однако в годы гражданской войны большинство из них было закрыто, резко сократилось производство фильмов, прекратились поставки оборудования и материалов из-за рубежа, многие владельцы студий, режиссеры, операторы и артисты покинули страну.

Правительство предприняло ряд шагов для налаживания кинопроизводства, в частности, уже в 1918 г. была создана первая в мире государственная киношкола, из которой впоследствии вырос знаменитый Всесоюзный государственный институт кинематографии.

В 1924 г. в Москве возникла Ассоциация революционной кинематографии (АРК), позднее – Ассоциация работников революционной кинематографии (АРРК). В нее вошли такие видные деятели кино, как Я. А. Протазанов, С. М. Эйзенштейн, Д. Вертов, Г. М. Козинцев, А. М. Роом и др. Уже в 1925 г. АРК из чисто московской становится всероссийской организацией. В 1926 г. в ней было около 200 членов.

В первые годы после революции снималась в основном хроника и агитационные фильмы, появилось и несколько любопытных экранизаций. И все же именно документальные ленты, в том числе снятые непосредственно на фронтах гражданской войны, наиболее характерны для кинематографа тех лет.

В 1922 г. режиссер-документалист Д. Вертов приступил к выпуску киножурнала «Киноправда», в котором отдельные сюжеты превращались в яркие, образные киноочерки. Работы Вертова и других кинорежиссеров тех лет закладывали основу современного документального кино.

Уже в середине 1920-х гг. появились фильмы, принесшие мировую известность советскому кинематографу. Это – «Броненосец Потемкин» С. М. Эйзенштейна и «Мать» В. И. Пудовкина. Эйзенштейн в значительной мере опирался на традиции неигрового, документального кино, Пудовкин же широко использовал традиции русского реалистического театра – не случайно главные роли в его фильме играли актеры МХАТа.

Эти фильмы с успехом демонстрировались во многих странах, вошли в число признанных шедевров мирового кинематографа. Тогда же появились и такие популярные фильмы, как «Потомок Чингис-хана» В. И. Пудовкина, «Октябрь» С. М. Эйзенштейна, «Закройщик из Торжка» Я. А. Протазанова и др.

В конце 1920-х гг. расширяется материальная база кинопроизводства – строятся фабрики по выпуску пленки и аппаратуры, в Москве создается Объединенная кинофабрика (позднее – «Мосфильм»). В 1936 г. возникают специализированные студии «Союздетфильм» и «Союзмультфильм». Быстро росла киносеть столицы, строились новые кинотеатры, в том числе более чем на тысячу мест. В Москве выходят журнал «Искусство

[97] Цит. по: *Майский И.М.* Дипломатия и культура // Иностранная литература. 1966. № 5. С.241.

[98] Театральная Москва... 1935. С.235–244.

С. С. Прокофьев и С. М. Эйзенштейн во время работы над фильмом «Александр Невский». 1930-е гг.

Кадр из фильма «Цирк». Режиссер Г. А. Александров. 1934 г.

кино» и еженедельная газета «Кино», работают две студии художественных фильмов, студии документальных, мультипликационных и научно-популярных фильмов, Научно-исследовательский кинофотоинститут. В 1934 г. было создано специализированное издательство Кинофотоиздат (позднее – Госкиноиздат). В 1935 г. в Москве состоялся Международный кинофестиваль, собравший кинематографистов из 20 стран.

Разрабатывается оригинальная советская система звукозаписи, и происходит чудо: «Великий Немой», как называли тогда кино, заговорил. Первым советским звуковым фильмом, снятым в Москве, стала знаменитая «Путевка в жизнь» режиссера Н. В. Экка, в течение многих лет пользовавшаяся огромной популярностью.

Характерно, что в первое время появление звукового кино вызывало определенные опасения: не снизит ли наличие звука художественную выразительность кинематографа? На самом деле появление звукового кино резко повысило важность актерской игры, открыло широкие перспективы для создания звуковых эффектов. Самостоятельным и популярным жанром становится музыка кино, и очень скоро здесь появляются подлинные шедевры, такие, как музыка С. С. Прокофьева к фильму «Александр Невский» или песни И. О. Дунаевского.

В 1930-е гг. на киностудии «Мосфильм» выходят десятки фильмов, документальных, научных, художественных, среди них – историко-революционные («Мы из Кронштадта», «Ленин в Октябре», «Ленин в 1918 году»), исторические («Александр Невский», «Суворов»). Особое место занимают музыкальные комедии тех лет («Веселые ребята», «Цирк», «Волга-Волга», «Трактористы», «Свинарка и пастух» и др.). Появляются детские фильмы («Белеет парус одинокий», «Дети капитана Гранта» и др.), а также знаменитые сказки режиссера А. А. Роу («По щучьему веленью», 1938 г., и «Василиса Прекрасная», 1939 г.).

Конечно, все это были фильмы своего времени, пронизанные определенной идеологией, иногда навязанной извне, иногда воспринятой авторами фильмов вполне искренне. Некоторые действительно талантливые фильмы, например «Ленин в Октябре», уже тогда творили мифоисторию, что выразилось в откровенном преувеличении роли Сталина, а в фильме «Ленин в 1918 году» явно ощущалось влияние пресловутых политических московских процессов конца 1930-х гг. Все исправления в сценарии получали личное одобрение Сталина; впрочем, как часто бывает в истории, сработал своеобразный «закон маятника»: много позднее режиссер М. И. Ромм признавался, что после XX съезда он вновь переделал два своих фильма, изъяв из них «630 метров культа»[99]. Но художественная выразительность, достигнутая в лучших произведениях киноискусства тех лет, позволяет и сейчас смотреть их с интересом и удовольствием.

* * *

1920-е годы – это новая и очень интересная эпоха в истории изобразительного искусства и архитектуры, время сосуществования разнообразных направлений и стилей, интенсивных поисков новых форм и методов художественного выражения. Власти пытались максимально использовать искусство в своих целях, свидетельством чему служит, например, расцвет такого специфического жанра, как агитационный плакат или реализация знаменитого плана монументальной пропаганды, в соответствии с которым в Москве в 1918–1921 гг. было сооружено свыше 25 монументов.

[99] *Коржихина Т.П.* Указ. соч. С.304.

Не касаясь здесь проблемы сохранения культурного наследия, о чем подробно говорилось выше, отметим только такие шаги новой власти, как национализация музеев и частных коллекций, организация новых музеев (например, в 1918 г. возник Музей восточных культур), издание декрета о запрещении вывоза за границу предметов искусства и старины. В 1920 г. были созданы знаменитые Высшие художественно-технические мастерские (ВХУТЕМАС) и другие учебные заведения.

Так сложилось, что наиболее активно с новой властью сотрудничали художники «левых» направлений, глубоко убежденные, что реализм исчерпал себя и поддерживать его не следовало. В составе Наркомпроса был создан отдел изобразительных искусств, который в 1918–1921 гг. возглавлял один из самых крайних представителей «левого» искусства – Д. П. Штеренберг. «Левые» художники, скульпторы, архитекторы сразу нашли для себя широкое поле деятельности – в деле охраны памятников, в монументальной пропаганде, оформлении городов к революционным праздникам. В то же время из списков на получение академических пайков или приобретение необходимых материалов вычеркивались В. И. Мухина, А. С. Голубкина, М. В. Нестеров, К. А. Коровин и др. на том основании, что они были реалистами, т.е. представителями «отжившего» направления[100].

Продолжали действовать и даже организовывать выставки (в Москве в 1918–1921 гг. их состоялось более 25) такие объединения художников, возникшие еще до революции, как «Мир искусства», «Бубновый валет» и др. Сразу по окончании гражданской войны картины советских художников различных направлений стали появляться и на международных выставках.

Возникали новые объединения: Общество московских живописцев, «Бытие», «Жар-цвет». Но наибольшей активностью отличалась созданная в 1922 г. Ассоциация художников революционной России (АХРР), ставившая своей задачей «документально запечатлеть величайший момент истории в ее революционном порыве»[101]. В 1923 г. в АХРР входило уже 300 членов. Вскоре Ассоциация стала пользоваться определенной поддержкой государства. За десять лет существования она организовала 11 крупных выставок с участием таких живописцев, как А. Е. Архипов, В. Н. Бакшеев, М. Б. Греков, А. А. Дейнека, Б. В. Иогансон, Н. А. Касаткин, П. П. Кончаловский, Б. М. Кустодиев, И. И. Машков, К. С. Петров-Водкин, К. Ф. Юон и др.

После известного постановления ЦК ВКП(б) о перестройке литературно-художественных организаций были распущены все ассоциации, группы, союзы и вместо них в июне 1932 г. образован Московский союз советских художников. Его председателем был избран А. А. Вольтер. Намечалось провести всесоюзный съезд художников, но он не состоялся, и лишь в 1939 г. был сформирован оргкомитет

[100] *Коржихина Т.П.* Указ. соч. С.66.

[101] Там же. С.180.

Большевик.
Художник Б. Кустодиев.
1920 г.

Дом культуры им. И. В. Русакова. Архитектор К. Мельников. 1927–1929 гг.

Радиобашня В. Шухова. 1919–1922 гг.

во главе с А. М. Герасимовым по подготовке создания Союза художников СССР.

В 1933 г. была основана Всероссийская академия художеств, затем открылись персональные мастерские ряда художников, в 1940 г. учрежден художественный фонд СССР. Однако в это же время официальная критика вела активную борьбу со всем, что не соответствовало принципу социалистического реализма. Теперь уже «левые» течения, столь процветавшие в первые послереволюционные годы, были объявлены «формалистическими и грубонатуралистическими». В живописи и скульптуре утверждался «парадный стиль». Но и тогда появлялись новые имена, мастера с яркой индивидуальностью (чего стоит хотя бы фигура П. Д. Корина).

Уже в годы гражданской войны создаются картины, ставшие советской классикой: «Оборона Петрограда» А. А. Дейнеки, «Новая планета» К. Ф. Юона, «Большевик» Б. М. Кустодиева, полотна К. С. Петрова-Водкина, портреты кисти Г. Г. Ряжского, Н. А. Касаткина и др. Глубокое впечатление производит написанная в тяжелом 1918 г. картина А. А. Рылова «В голубом просторе», мажорный пейзажный образ которой воспринимается как символ свободы.

Среди новых скульптурных произведений этих лет можно назвать работы Н. А. Андреева (памятник А. Н. Островскому в Москве, скульптурные портреты В. И. Ленина), И. Д. Шадра («Сеятель», «Булыжник – орудие пролетариата»), С. Д. Меркурова (памятники Ф. М. Достоевскому и К. А. Тимирязеву) и др. При всем индивидуальном различии этих крупных мастеров им были присущи общие черты, оказавшиеся определяющими в становлении советского искусства,– прежде всего это художественная культура, обостренное внимание к материалу, его специфике и особенностям.

Развитие архитектуры в 1920-е гг. шло в первую очередь под знаком конструктивизма. В 1925 г. в Москве было создано Объединение современных архитекторов (ОСА), придерживающееся принципов этого направления. Его возглавил А. А. Веснин. «Конструктивисты считали, что новое русское искусство должно стать не изображающим действительность, а создающим материальную среду для жизни и даже организующим саму жизнь... В годы нэпа аскетическая целесообразность, которую требовали от формы вещей конструктивисты, мыслилась как атрибут пролетарской культуры, противостоящей потребительству нэпманов»,– писал современный исследователь[102].

Наиболее ярко особенности конструктивизма проявились в серии клубных зданий архитектора К. С. Мельникова. Большой интерес (и острые споры) вызвал Клуб коммунальников (позднее – Дом культуры им. И. В. Русакова) на Стромынке. В Кривоарбатском переулке Мельников построил свой дом, пожалуй, самый необычный жилой дом в Москве – он был спланирован как сочетание двух, врезанных один в другой цилиндров, что обеспечивало максимальную площадь при минимальной поверхности наружных стен. Кроме того, внешний облик дома формировали около 200 шестиугольных просветов-окон, вытянутых по вертикали.

Среди наиболее заметных построек этого времени – здание Центрального телеграфа (архитектор И. И. Рерберг), рабочий клуб Московско-Казанской желез-

[102] *Иконников А.В.* Архитектура Москвы. XX век. М., 1984. С.45.

ной дороги (архитектор А. В. Щусев), стадион «Динамо» (архитекторы А. Я. Лангман, Л. З. Чериковер), радиобашня В. Г. Шухова и др. Выделялся и дом Центросоюза (позднее ЦСУ СССР) на Мясницкой, построенный по проекту знаменитого архитектора Ле Корбюзье и предвосхитивший многие черты архитектуры 1960–1970-х гг.

В области жилищного строительства продолжались любопытные эксперименты, в частности по созданию жилья нового типа – домов-коммун, хотя масштабы строительства были явно недостаточны и жилищный кризис в растущей Москве все усиливался.

Живопись и скульптура 1930-х гг. уже не отличались формальными исканиями. По-прежнему популярна была историко-революционная тема (классические примеры – «Допрос коммунистов» Б. В. Иогансона, работы художников студии М. Б. Грекова и др.). Творчество многих художников-москвичей было посвящено образу меняющегося, растущего города. Здесь уместно напомнить о картинах И. Э. Грабаря, Н. П. Крымова, Ю. И. Пименова.

Особое место в искусстве 1930-х гг. занимает портретная живопись. Такие замечательные художники, как М. В. Нестеров, П. Д. Корин, предпочитали именно этот жанр, раскрывая в лучших своих произведениях интенсивную жизнь человеческого духа и утверждая традиционные духовные, эстетические ценности.

Что касается скульптуры, то она приобретает подчеркнуто монументальный характер. Это ярко проявилось, в частности, в ходе оформления Всесоюзной сельскохозяйственной выставки (позднее Выставка достижений народного хозяйства СССР). Не случайно своеобразным символом социалистической эпохи стала скульптурная композиция «Рабочий и колхозница» В. И. Мухиной, первоначально изготовленная для советского павильона на Всемирной выставке в Париже в 1937 г. и позднее установленная у входа на ВДНХ.

Замечательными памятниками архитектуры 30-х гг. и сегодня остаются многие станции московского метро, в оформлении которых принимали участие десятки ведущих художников-монументалистов.

Символом новой Москвы должен был стать новый Дворец Советов, который предполагалось соорудить на месте снесенного храма Христа Спасителя – символа Москвы старой. Из 160 проектов, в том числе 24 иностранных, был выбран проект архитектора Б. М. Иофана, после доработки принятый в качестве основного. Колоссальное здание высотой более 400 м, увенчанное гигантской фигурой В. И. Ленина, так и не было возведено – началась война, и сталь, специально выплавленная для сооружения

Новая Москва. Художник Ю. Пименов. 1937 г.

Рабочий и колхозница. Скульптор В. Мухина. 1937 г.

каркаса дворца, была использована для производства танков.

В 1930-е гг. идет активная перестройка центра Москвы. Рядом с Кремлем появляются такие сооружения, как гостиница «Москва» (архитекторы А. В. Щусев, Л. И. Савельев, О. А. Стапран) и Дом Совета Труда и Обороны (ныне Государственная Дума, архитектор А. Я. Лангман). Были также построены здания Библиотеки им. В. И. Ленина (архитекторы В. Г. Гельфрейх, В. А. Щуко), Центрального театра Красной Армии (архитекторы К. С. Алабян,

Центральный театр Красной Армии (ныне Центральный театр Российской Армии). 1940 г.

Проект Дворца Советов. Архитектор Б. Иофан. 1933 г.

В. Н. Симбирцев) и многие другие. Объединяющей чертой архитектурного стиля 1930-х гг. является его парадность, монументальность, широкое (и не всегда художественно оправданное) использование элементов различных классических архитектурных стилей. Многое в процессе реконструкции старой Москвы было утрачено. И все же теперь Москву уже нельзя представить себе без лучших построек 20–30-х гг. нашего столетия.

* * *

В 1920-е гг. на основе русской классической культуры, предреволюционных поисков в этой области и новых тенденций, набравших силу после революции, складывалась определенная культурная парадигма, породившая не только оригинальное искусство, но и, как заметил В. Л. Махлин, в некоторой степени новый тип мышления – «русский неклассический гуманитет 20-х годов, исторически «располагающийся» как бы в промежутке между русским дореволюционным и постреволюционным советским менталитетом»[103]. Творческий плюрализм, раскрепощение мысли, смелое новаторство позволили, несмотря на тяжелые материальные условия, создать произведения, вошедшие в «золотой фонд» российской культуры.

Однако для 1930-х гг. характерен постепенный отход от поисков 1920-х и возвращение к классическим, а порой и псевдоклассическим формам. Это относится и к театру, и к архитектуре, и к литературе, музыке, живописи. Как отмечает современный исследователь, «начавшийся «сталинизм», противостояние империалистическому Западу и фашизму декретивно закрыли все авангардистски-передовое в искусстве России – СССР. Только классический балет, МХАТ, система Станиславского и музыкальное исполнительское искусство остаются относительно свободными от партократического идеологизма и поддерживают художественное реноме страны... Живопись, скульптура, архитектура, кино перерождаются в пропагандистски-иллюзионистскую смесь «народности», «оптимизма» и «классичности», за пределы которой не смеют выйти даже таланты»[104]. В современном искусствоведении это направление получило название «большого стиля».

[103] *Махлин В.Л.* Русский неклассический гуманитет 20-х годов XX века (неопознанная пара) // Бахтинские чтения. Философские и методологические проблемы гуманитарного познания. Орел, 1994. С.38.

[104] Образ России в мировой культуре и образы других стран в русской культуре XIX–XX вв. М., 1995. С.27.

VIII

В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

1. ВСЕ ДЛЯ ПОБЕДЫ!

22 июня 1941 г. в 4 часа утра фашистская Германия вероломно, без объявления войны напала на Советский Союз. Этот день стал началом иного отсчета времени. Ломался не только привычный уклад жизни – мысли и чувства становились другими, и то, что еще вчера казалось важным, отступало перед лицом общего горя, которое сплотило весь народ.

В 12 часов 15 минут по радио с обращением к советскому народу выступил заместитель Председателя СНК СССР и нарком иностранных дел В. М. Молотов. Затаив дыхание, тысячи москвичей слушали его голос, доносившийся из репродукторов. «Правительство Советского Союза выражает твердую уверенность в том,– говорилось в обращении,– что все население нашей страны, все рабочие, крестьяне и интеллигенция, мужчины и женщины отнесутся с должным сознанием к своим обязанностям, к своему труду. Весь наш народ теперь должен быть сплочен и един, как никогда, каждый из нас должен требовать от себя и от других дисциплины, организованности, самоотверженности, достойной настоящего советского патриота, чтобы обеспечить все нужды Красной Армии, флота и авиации, чтобы обеспечить победу над врагом... Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами»[1].

Массовые митинги и собрания прошли на предприятиях и в учреждениях Москвы. Трудящиеся столицы обещали направить все свои силы на помощь фронту для скорейшего разгрома врага. «Пусть знают фашистские разбойники, что советский народ, как один, встанет на защиту своей любимой Родины!»[2] – говорили на митинге рабочие завода «Серп и молот». А работницы завода им. Владимира Ильича обратились с письмом-призывом ко всем женщинам-москвичкам: «Пусть наши воины спокойно идут на фронт. В тылу их заменит армия женщин и девушек, которые возьмут в руки инструмент, сядут за руль автомобиля, трактора, встанут за станок.. Мы уверены, что все девушки и женщины Красной Столицы немедленно возьмутся за овладение мужскими профессиями и помогут обеспечить нашей армии крепкий тыл, работающий самоотверженно, как того требует война»[3].

Живой отклик у верующих вызвало обращение митрополита Московского и Коломенского, главы православной церкви в России Сергия к «Пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви».

«Фашиствующие разбойники,– говорилось в нем,– напали на нашу родину. Попирая всякие договоры и обещания, они внезапно обрушились на нас, и вот кровь мирных граждан уже орошает родную землю. Повторяются времена Батыя, немецких рыцарей, Карла шведского, Наполеона. Жалкие потомки врагов православного христианства хотят еще раз попытаться поставить народ наш на колени перед неправдой...

Но не первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божиею помощью и на сей раз он развеет в прах фашистскую вражескую силу»[4].

Написанное 22 июня послание было прочитано в первые дни войны в церквах при большом стечении верующих.

Длинные очереди выстроились у военкоматов. На сборные пункты устремились все – молодые и пожилые, призывники и добровольцы. Заявления москвичей об отправке их добровольцами на фронт поступали нескончаемым потоком. «Я никогда не служил в армии, но в ответ на наглое нападение фашистских полчищ прошу записать меня добровольцем в ряды Московского военного формирования»[5],– писал в заявлении профессор Института мировой литературы им. А. М. Горького Д. Д. Благой.

29 июня ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР направили партийным и советским

[1] Правда. 1941. 23 июня.

[2] Там же.

[3] Московский комсомолец. 1941. 24 июня.

[4] Правда о религии в России. М., 1942. С.15.

[5] История Москвы. Краткий очерк. М., 1978. С.353.

Москвичи слушают сообщение о начале войны. 22 июня 1941 г.

Тактические учения ополченцев. Октябрь 1941 г.

организациям прифронтовых областей директиву о мобилизации всех сил и средств на разгром фашистского агрессора. Она определила программу действий по превращению страны в единый боевой лагерь под лозунгом «Все для фронта, все для победы!».

30 июня был образован Государственный Комитет Обороны (ГКО) во главе с И. В. Сталиным. В руках этого чрезвычайного органа было сосредоточено все военное, политическое и хозяйственное руководство страной. Его постановления являлись обязательными для всех организаций и граждан страны.

Москвичи вместе с ленинградцами показали пример в создании народного ополчения. Впервые вопрос этот обсуждался 26 июня в Кремле с участием И. В. Сталина и наркома обороны С. К. Тимошенко. В ночь с 1 на 2 июля в Кремле было созвано новое совещание, на котором присутствовали все секретари райкомов партии. Было решено проводить формирование ополченческих дивизий по районам и закончить его к 6 июля. Уже в первые три дня партийные и военные органы приняли свыше 300 тыс. заявлений (из них около 170 тыс. из Москвы) о зачислении в народное ополчение. Например, от преподавателей и студентов МГУ поступило свыше тысячи заявлений, с завода имени М. В. Хруничева – столько же. Отдельные ученые, боясь, что им откажут, скрывали свои степени и звания, многие рассматривали отказ как трагедию.

В 64 года вступил в ополчение М. Ф. Орлов – участник русско-японской, первой мировой и гражданской войн, получивший около 20 ранений и контузий. Трое его сыновей и дочь сражались на фронте. На первых порах Орлов был командиром роты, но вскоре стал командиром дивизии. Слава о нем гремела на фронте, что нашло отражение и в песне на слова А. А. Суркова: «Битвами испытан, отважен и суров, водил полки на подвиги седой комдив Орлов». На средства его жены – Марии Иосифовны был построен танк «Мать-Родина».

В начале предполагалось сформировать 25 ополченческих дивизий (по числу районов столицы). Однако, учитывая нужды промышленности в кадрах, нехватку вооружения и другие обстоятельства, МГК и МК ВКП(б), штаб МВО решили создать только 12 дивизий. В дивизию было зачислено около 120 тыс. москвичей и 50 тыс. добровольцев из Подмосковья[6].

Из-за тяжелого положения на фронте плохо обученные и вооруженные ополченческие дивизии пришлось бросить навстречу стремительно продвигавшейся вражеской армаде. Многие из дивизий понесли значительные потери. Но роль их в спасении Москвы трудно переоценить. А некоторые стали гвардейскими, прошли с боями до самого логова рейха.

Десятки тысяч москвичей вступили в истребительные, коммунистические и рабочие батальоны, диверсионные группы и партизанские отряды.

Только в течение первых пяти месяцев войны через военкоматы было призвано в армию 340 тыс. жителей столицы[7].

Санитарками ушли на фронт десятки тысяч женщин и девушек, немало было среди них и москвичек. Они спасли сотни тысяч советских воинов прямо на передовой. Это о них проникновенно писал А. Т. Твардовский:

[6] *Буков К.* Все мы были солдатами. М., 1972. С.37–38.

[7] *Андреев П., Буков К.* Подвиг города-героя. М., 1965. С.39.

...И женщины и девушки-девчонки,
Подружки, сестры наши, медсестренки,
Что шли на смерть и повстречались с ней
В родных краях иль на чужой сторонке.

Лишь 3 июля, на 12-й день войны, выступил по радио И. В. Сталин. И сам этот факт, и неожиданно теплое обращение: «Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои!» – свидетельствовали о явном потрясении, которое испытал вождь от «внезапно» начавшейся войны. Москвичи вспоминают и сильный акцент, и другие признаки его волнения. Однако самым важным в сталинском выступлении было признание того, что это не обычная, «рядовая» война, что речь идет о жизни и смерти страны и населяющих ее народов. Именно тогда война была названа Отечественной, всенародной, что оказалось созвучным мыслям и чувствам миллионов советских людей.

Патриотический порыв и инициатива снизу в эти трагические для страны дни опередили многие организационные решения высшего руководства. Вместе с тем и создание ополчения, и обращение Сталина к народу сыграли свою мобилизующую роль.

Конструктор танков Н. А. Астров, получивший задание наладить производство танка Т-60, вспоминал: «Срок, отведенный нам правительством на доработку и рассылку чертежей, был очень короток. КБ Московского завода работало круглые сутки. Город бомбили, но конструкторы и копировальщицы не оставляли работы. Отдыхали, уткнувшись носами в чертежные столы. Если бомбы падали близко, девочки-копировальщицы плакали от страха, слезы падали на сделанные тушью кальки, получались черные лужи. Приходилось кальки менять и начинать копировать снова. Никто не бросал работу, шла доводка чертежей для крупносерийного производства... Срок, установленный правительством, был нами выполнен. Закончив эту работу, я сел за рычаги Т-60, приехал в Горький, примерно за 14 часов, и остался там работать, чтобы помочь освоению Т-60...»[8]

«Сталинский орга́н» – так окрестили реактивные установки БМ-13 в вермахте. «Знаменитые «катюши»,– писал один из немецких мемуаристов,– были удивительно простым, но высокоэффективным оружием... Они приводили немецкие войска в состояние подлинного шока. Кто хоть раз был накрыт ракетным ковром, тот слушал органную музыку уже на небе».

В серийном выпуске «катюш» участвовало около 50 предприятий, головным стал столичный завод «Компрессор». На одном из партийных собраний постановили: «Сейчас нужно работать так, чтобы давать для обороны столицы больше и больше машин. Невыполнение правительственного задания – это измена Родине». Работали по 14–16 часов без перерыва, спали прямо у станков, неделями не бывали дома. Контроль за координацией работы осуществлял лично председатель Исполкома Моссовета В. П. Пронин. В результате поистине героических усилий первые БМ-13 отправились на фронт в августе 1941 г., а в сентябре Красная Армия получила уже 36 этих грозных боевых машин[9].

На производство вооружения и боеприпасов перешло 654 предприятия местной промышленности из 670; их лозунгом стало: «Вместо пуговиц – снаряды!»

«Ты чем помог фронту?» Плакат. Художник Д. Моор. 1941 г.

Сандружинницы 1-го батальона 1-го Московского коммунистического полка (слева направо): Юзефа Ивашина, Мария Медведева, Зинаида Фролкина, Екатерина Каширская. Октябрь 1941 г.

[8] Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. М., 1995. С.384.

[9] Там же. С.356, 726, 727.

Председатель Исполкома Моссовета В. П. Пронин в своем рабочем кабинете

История не знает других таких примеров трудового героизма, рабочей смекалки и оперативности. Буквально в течение месяца-двух был, например, организован выпуск автоматов. До 1941 г. промышленность столицы не производила минометы, а уже в конце 1941 г. Москва поставляла фронту буквально все типы этого оружия[10].

29 июля газета «Правда» опубликовала сообщение о предложении трудящихся создать Фонд обороны. Одними из первых на него откликнулись москвичи. «Мы, краснопролетарцы,– говорилось в обращении коллектива московского завода «Красный пролетарий» от 31 июля 1941 г.,– решили на своем митинге ежемесячно до конца войны производить отчисление однодневного заработка в Фонд обороны страны, за счет которого можно было бы дать новые тысячи самолетов, танков, сотни тысяч пулеметов, винтовок и прочего боевого снаряжения для окончательного разгрома злейшего врага человечества – фашизма... Мы призываем всех последовать нашему примеру и своими отчислениями в Фонд обороны страны крепить мощь Красной Армии, Военно-Морского Флота, советской авиации»[11]. К началу ноября население Москвы внесло в Фонд обороны 86 млн. руб., на 10 млн. руб. облигаций государственных займов, 7,7 кг золота, 373 кг серебра и т.д.

В связи с введением в действие мобилизационного плана промышленность Москвы переводилась на военные рельсы, на выпуск продукции для фронта. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня предприятия перешли на режим работы военного времени.

Теперь на заводах работали по 11–12 часов. Многие москвичи трудились сутками, выполняя фронтовые заказы. Работа в цехах продолжалась и во время налетов вражеской авиации: люди не хотели уходить в бомбоубежища от станков.

Старший мастер завода «Серп и молот» И. Туртанов писал позднее: «В те дни понятия о технических нормах сами собой отпали. Мы уже не говорили, что агрегаты работают на полную мощность. Представления о пределах возможностей машин и людей изменились.

Люди, конечно, уставали, но находили силы, чтобы в свободное от работы время вести еще одну большую работу: приступили к выполнению приказа штаба МПВО о светомаскировке. В затемненных цехах мы буквально задыхались. На некоторых участках нашего цеха жара достигала 60 градусов.

Помню, как несколько позже, когда мы уже приспособились к такой температуре, к нам приехали фронтовики. Они приехали за запасными частями для военной техники... И вот я разговорился с одним из военных. Ответив на мои расспросы о положении на фронте, он сказал: «А у вас, пожалуй, жарче, чем в бою...» Война изменила представления о женских и мужских специальностях. Почти с первых же дней войны у мартеновских и электросталеплавильных печей, у прокатных станов начали работать женщины.

Не скрою, мы, бывалые металлурги, с неохотой соглашались на требование женщин допустить их к труду на горячих участках. ...Но просьбы женщин были так настойчивы, так непреклонны, что решено было попробовать... Во 2-й мартеновский цех пришла хрупкая, маленького роста девушка Анастасия Савичева. Уступив ее просьбе, Настю поставили подручной сталевара. Всю войну проработала она у мартеновской печи. Трудилась, не давая себе никаких скидок.

В том же цехе на электроплавильных печах подручной сталевара работала Мария Харчевникова... Работала по 12 часов у раскаленных печей, дежурила в госпиталях, а когда остановили печи – вместе с другими пошла рыть окопы...

В мартеновском цехе № 2 подлинные чудеса высокой производительности труда и умения показывала красивая украинская девушка Мария Белаш. Одной из первых откликнулась Маша на призыв стать донором. Ей было присвоено звание «Почетный донор СССР». Дважды удостоена этого звания любимица заводского коллектива Анна Цыплятникова. Более 60 литров крови сдала Анна... Десятки писем получила она с фронта от тех, с кем кровно породнилась, кому вернула жизнь»[12].

А каково приходилось женщинам, потерявшим своих мужей на фронте?

Знатная прядильщица «Трехгорной мануфактуры» Герой Социалистического Труда Дарья Смирнова вспоминала: «Береги сына, Даша»,– сказал на прощание муж... Вместе с подругами после работы я ездила на окраины города рыть противотанковые рвы. Потом снова в цеха...

[10] Москва военная... С.356.

[11] Правда. 1941. 31 июля.

[12] Битва за Москву. М., 1975. С.520, 521.

Струилась нить, появлялась ткань. То были бинты, гимнастерки, то был кумач для боевых флагов. И поэтому руки не знали усталости. А после смены, после хлеба с кипятком эти же неутомимые руки опять в работе. Мы вязали варежки, носки, шили и вышивали кисеты.

Как раз в те дни пришел в общежитие почтальон. Был он для всех гостем весьма уважаемым, почетным, хотя и очень часто приносил вести горестные. Бросилась и я потчевать почтальона чаем, а он долго-долго доставал из сумки конверт с каллиграфически написанным адресом.

«Сообщаем Вам... Семен Смирнов... смертью героя...» – эти слова поплыли у меня перед глазами.

Я работала ... на предприятии, где большинство составляют женщины. Поэтому, как нигде, остро сумела я почувствовать здесь всю горечь, безысходную тоску вдовства. Не одна я осталась на «Трехгорке» без мужа. Сотни моих подруг осиротила война.

Иногда боль становилась невыносимой. Сколько еще жизней должна была отнять война?»[13]

Во второй половине 1942 г. развернулось движение за звание фронтовых бригад. Его удостаивались передовые коллективы, выполнявшие самые трудные и сложные задачи по выпуску боевой техники и вооружения. К весне 1944 г. более 8 тыс. московских молодежно-комсомольских бригад были удостоены звания фронтовых. Вскоре их лозунгом стало: «С меньшим числом рабочих – больше продукции».

По почину Екатерины Барышниковой с 1-го ГПЗ, бригада которой вчетвером перевыполняла производственное задание при одновременном сокращении вдвое числа членов бригады, 20 тыс. московских фронтовых бригад высвободили для работы на других участках более 75 тыс. рабочих. Самым молодым лауреатом Государственной премии СССР стал Николай Чикирев – один из инициаторов движения скоростников в промышленности. За короткий срок 15-летний токарь завода им. Серго Орджоникидзе освоил станок, на котором до войны работал его отец, и стал систематически намного перевыполнять нормы выработки. Его почин приобрел всесоюзную известность[14].

В связи с угрозой массированных воздушных налетов на Москву с конца июня началась эвакуация населения, предприятий, учреждений, которая была ускорена во второй половине октября из-за приближения линии фронта к столице. В октябре – ноябре 1941 г. из Москвы и Московской области было эвакуировано 498 предприятий союзного и союзно-республиканского значения. К концу ноября из 75 тыс. станков было вывезено 54 тыс.[15] Вместе с предприятиями эвакуировались сотни тысяч рабочих, инженеров и членов их семей.

Кроме промышленных предприятий из Москвы вывозились многие высшие

[13] Перекличка поколений. М., 1967. С.389.

[14] Очерки истории Московской организации КПСС. Кн.II. М., 1983. С.675, 676.

[15] История Москвы в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период. 1941–1965. М., 1967. С.71.

Снаряды – фронту. На заводе им. Владимира Ильича. 1941 г.

учебные заведения, научные учреждения, библиотеки, музеи и театры. 7 октября Моссовет принял постановление о дополнительной эвакуации из столицы женщин и детей.

В результате эвакуации, массовой мобилизации на фронт и вступления москвичей в добровольческие формирования население столицы значительно уменьшилось. К 1 декабря из 4,5 млн. человек, населявших Москву до войны, осталось около 2,5 млн[16].

В связи с эвакуацией из Москвы крупных предприятий, из которых 73% было занято производством военной продукции[17], перевод оставшейся промышленности столицы для работы на нужды фронта приобретал особое значение. Несмотря на все трудности, промышленность города с каждым днем увеличивала выпуск военной продукции, осваивала производство новых видов вооружения и боеприпасов. На смену ушедшим на фронт готовились новые рабочие кадры, преимущественно женщины и подростки. Женщины составляли около 60% всех вновь пришедших на предприятия рабочих[18].

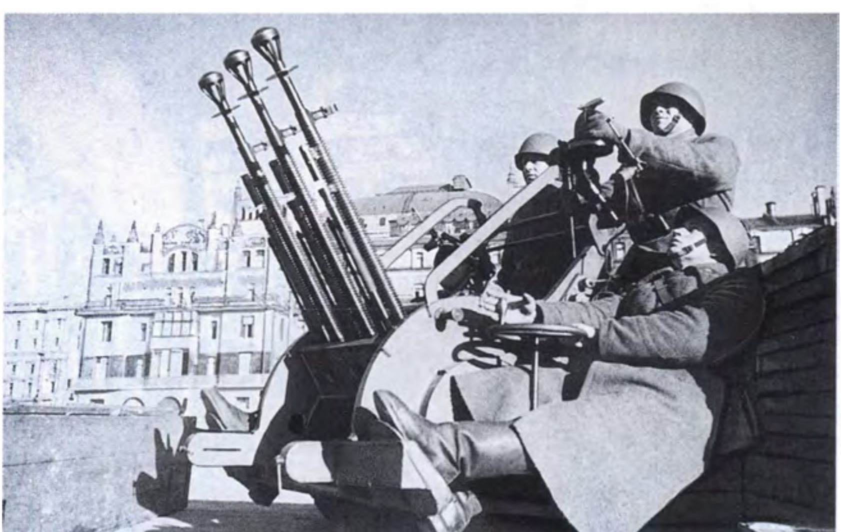
Война внесла значительные изменения в жизнь и облик самого города. Светомаскировка, сигналы воздушной тревоги, противотанковые ежи на улицах, аэростаты в небе – таковы приметы того тревожного и грозного времени. После рабочего дня тысячи москвичей несли дежурство в штабах местной противовоздушной обороны, санитарных дружинах, отрядах по охране заводов. «Вот уже шесть недель, как идет война. Москва стала фронтом,– записала в своем дневнике 4 августа 1941 г. студентка ИФЛИ Ирина Филимонова.– Над ней по ночам летают фашистские бандиты. Грохочут зенитки. Вспыхивают осветительные ракеты. В ночном небе, точно фантастические корабли,– аэростаты. Фашистам не удается пробиться к цели – к военным и экономически важным объектам. Их самолеты встречают огневой заслон. И тогда они сбрасывают бомбы куда попало: на больницы, жилые дома, окраины города, на дачи. Однако в Москве паники нет даже во время тревог. В бомбоубежищах обычный житейский разговор да плач младенцев от непривычной обстановки. Многие дежурят в подъездах, на улицах, на крышах домов... Надо вовремя обнаружить сброшенную с самолета зажигательную бомбу и скинуть ее вниз... Дежурства создают впечатление, что ты находишься на боевом посту»[19].

Английский журналист А. Верт писал: «Особенно внушительное впечатление производил мощный заградительный огонь: шрапнель зенитных снарядов барабанила по улицам, точно град. Десятки прожекторов освещали небо. В Лондоне мне не приходилось ни видеть, ни слышать ничего подобного»[20].

Подразделения местной противовоздушной обороны в Москве начали создаваться с первых же дней войны. Не было ни одного предприятия, учреждения, учебного заведения, школы или жилого дома, где бы их не имелось. Только при домоуправлениях действовало 3600 групп самозащиты, в которых приняли участие 81,6 тыс. человек. Было сформировано около 13 тыс. пожарных команд, насчитывавших 205,2 тыс. человек[21]. Службы местной противовоздушной обороны были преобразованы в специальные части. Руководство деятельностью батальонов и полков МПВО на территории города осуществлял штаб МПВО столицы.

К началу воздушных налетов на Москву зона ПВО города, созданная еще до войны, была усилена и имела в своем составе 1-й корпус ПВО и 6-й корпус истребительной авиации. Зенитная артиллерия прикрывала зону в радиусе до 40 км от Москвы.

Пуск аэростата на Тверском бульваре. Художник Л. Хорошкевич. 1942 г.



Зенитный расчет у гостиницы «Метрополь». 1941 г.

[16] История Москвы... 1941–1965. С.71.

[17] Там же. С.73.

[18] Там же. С.74.

[19] *Филимонова И., Дажин Д.* А мы такие молодые... М., 1985. С.30, 31.

[20] *Верт А.* Россия в войне 1941–1945 гг. М., 1967. С.124.

[21] История Москвы... 1941–1965. С.38.

Прославленный конструктор самолетов А. С. Яковлев писал: «Население Москвы всемерно помогало войскам МПВО оборонять столицу. Девушки столицы осаждали военкоматы, комсомольские комитеты, добиваясь принятия в зенитные части. Если бы когда-нибудь решено было поставить памятник героям, защищавшим столицу от воздушных налетов, я предложил бы воздвигнуть на высоком постаменте бронзовую фигуру молодой москвички-зенитчицы в пилотке...»[22]

В планы гитлеровцев входило разрушение Москвы с воздуха. В ночь на 22 июля, ровно через месяц после начала войны, произошел первый налет вражеской авиации на Москву. Более 250 тяжелых бомбардировщиков пытались прорваться к столице, но основная их часть была рассеяна на подступах к городу. 22 самолета было сбито. Только единицы сумели пробиться к Москве, сбросить зажигательные и фугасные бомбы. Бойцы МПВО быстро ликвидировали возникшие в ряде районов пожары.

Следующие ночи в столице также были тревожными. Второй и третий массированные налеты на Москву немецкая авиация совершила в ночь на 23 и 24 июля. И снова огонь зенитных батарей преградил гитлеровцам дорогу к Москве, а советские летчики-истребители рассеяли боевые порядки врага и сбили десятки бомбардировщиков. Всего за первые два месяца воздушных налетов на Москву советские истребители сбили 110 немецких самолетов, а зенитная артиллерия – около 60[23].

Долгие годы москвичи военной поры с трепетной благодарностью вспоминали столичное метро, спасшее многих из них от смертельной опасности; были готовы вслед за пятилетней девочкой повторять: «Я люблю папу, маму и сигнал "отбой"».

В одном из воздушных боев над столицей в ночь на 7 августа 1941 г. был совершен первый в истории авиации ночной таран. За этот подвиг младшему лейтенанту Виктору Талалихину было присвоено звание Героя Советского Союза. В конце октября 1941 г., защищая родной город, Талалихин погиб.

Легендарную смелость и воинское умение проявили, защищая небо Москвы, летчики К. Н. Титенков, А. Н. Катрич, Б. И. Ковзан, М. М. Холодов и др., а также зенитчики, прожектористы. 26 летчиков были удостоены звания Героя Советского Союза[24].

Всего с июля 1941 г. по апрель 1942 г. в налетах на Москву участвовало 8600 вражеских самолетов. К городу прорвалось около тысячи. Силами ПВО было уничтожено 1392 самолета, из них 1076 сбито истребительной авиацией. В Москве 141 раз объявлялась воздушная тревога, последний раз это произошло 9 июня 1943 г. На столицу было сброшено 1610 фугасных бомб и 150 тыс. зажигательных. Это не считая 687 фугасок и многих тысяч зажигалок, предназначавшихся городу, но сброшенных на ложные объекты. Около 40 тыс. из числа сброшенных зажигательных бомб было ликвидировано формированиями МПВО на месте падения, потушены свыше 3000 серьезных загораний, 1541 пожар, в том числе 675 крупных.

Во время воздушных налетов противника пострадало 7708 человек, из них 2196 человек погибли. При тушении пожаров, во время ведения других спасательных работ пострадало 476 бойцов и командиров подразделений и формирований МПВО. Многие из них стали жертвами пулеметного обстрела, который велся вражескими самолетами[25].

Виктор Талалихин после боевого вылета. 1941 г.

[22] *Яковлев А.* Цель жизни. М., 1968. С.294.

[23] *Самсонов А.М.* Крах фашистской агрессии. 1939–1945. М., 1982. С.2.

[24] Очерки... С.643.

[25] Москва военная... С.410.

Москвичи готовятся к уличным боям. 1941 г.

Для защиты родного города сотни тысяч москвичей работали на строительстве оборонительных рубежей вокруг Москвы и в самой столице: рыли противотанковые рвы, устанавливали проволочные и минные заграждения, строили доты и дзоты. Работы велись круглосуточно, в любую погоду, не прекращаясь при артиллерийских и минометных обстрелах, налетах вражеской авиации. Люди неделями не уходили домой.

«Конец октября,– вспоминал В. П. Пронин.– Скверная погода. Мелкий холодный дождик. Приезжаем с А. С. Щербаковым на постройку укреплений в районе Ленино. Подходим к противотанковому рву. На его дне в непролазной грязи видим с полсотни фигур. Скользим вниз и спрашиваем, из какой они организации. Отвечают: артисты и работники Большого и других театров. Усталые, мокрые лица. У всех один вопрос: что на фронте? Просят помочь хорошими лопатами и дровами для сушки одежды. Предлагаем: не прислать ли сюда взамен театральных работников какой-нибудь другой коллектив? Обиделись: "Что мы, дезертиры, что ли? На фронте-то еще тяжелее. Все перетерпим, все выдержим, лишь бы отстояли наши Москву..."»[26].

При участии москвичей были созданы Ржевско-Вяземский оборонительный рубеж, Можайская линия обороны, внешний оборонительный рубеж Москвы, северный и южный сектора обороны внутри столицы. Протяженность противотанковых препятствий, возведенных в самом городе, составила 113 км, противопехотных – 46 км. Было установлено 24 тыс. металлических противотанковых ежей, 1400 огневых точек. На многих улицах выросли баррикады. Общая протяженность противотанковых препятствий вокруг Москвы достигла 211 км, противопехотных – около 210 км, число железобетонных огневых точек превышало 1280[27]. Москва превратилась в суровую военную крепость.

Как известно, Москва в планах гитлеровского командования являлась важнейшим стратегическим центром. Вот свидетельство начальника генерального штаба сухопутных сил Германии Ф. Гальдера от 8 июля 1941 г.: «Непоколебимо решение фюрера сравнять Москву и Ленинград с землей... Это будет народное бедствие, которое лишит центров не только большевизм, но и московитов (русских) вообще»[28].

Гитлер планировал даже затопить Москву и ее окрестности. «Там, где стоит сегодня Москва,– кликушествовал фюрер,– должно возникнуть огромное море, которое навсегда скроет от цивилизованного мира столицу русского народа»[29].

Первоначально командование вермахта планировало захватить Москву не позднее начала осени 1941 г. Однако благодаря героизму советских войск в Смоленском сражении (июль – начало августа) попытки противника прорваться к Москве с ходу были сорваны, и немецкое командование начало планомерную подготовку к наступлению на Москву. «Каждому солдату немецкой армии было ясно,– писал позднее генерал Г. Блюментрит,– что от исхода битвы за Москву зависит наша жизнь или смерть. Если здесь русские нанесут нам поражение, у нас не останется больше надежды. В 1812 г. Наполеону все же удалось вернуться во Францию с жалкими остатками своей разгромленной великой армии. В 1941 г. немцам оставалось или выстоять, или же быть уничтоженными»[30].

2. НА ЗАЩИТЕ РОДНОГО ГОРОДА

6 сентября 1941 г. Гитлер подписал директиву о проведении операции «Тайфун». Цель ее сводилась к тому, чтобы ударами трех мощных танковых группировок окружить в районе Вязьмы и Брянска основные силы наших Западного (командующий И. С. Конев), Резервного (командующий С. М. Буденный) и Брянского (командующий А. И. Еременко) фронтов; затем без оперативной паузы пехотными соединениями наступать на Москву с запада, а танковыми и моторизованными дивизиями обойти ее с севера и юга.

30 сентября – 2 октября 1941 г. немецкие войска обрушились на части и соединения, прикрывавшие московское направление. Начался первый этап исторической Московской битвы. Сосредоточив на решающих направлениях основные силы, немцы прорвали оборону наших войск и в считанные дни окружили в районе Вязьмы пять армий Западного фронта. В тяжелом положении оказались и войска Брянского фронта, расчлененные на три части и лишенные единого командования. 3 октября пал Орел. Вражеские танки устремились к Туле. Потери Красной Армии, особенно пленными, были огромны. Резервов, способных прикрыть столицу, в распоряжении советского Верховного Главнокомандования в районе Москвы фактически не было.

Однако упорное сопротивление окруженных под Вязьмой войск сковало почти на две недели действия 28 вражеских дивизий. Это позволило советскому командованию выиграть время для создания обороны за счет отступивших войск и частей, переброшенных с других фронтов и из глубины страны. 11 октября в командование Западным фронтом вступил генерал армии Г. К. Жуков, срочно вызванный Ставкой из Ленинграда. Одновременно было начато уско-

[26] Битва за Москву. М., 1985. С.398, 399.

[27] История Москвы. Краткий очерк. С.356, 357.

[28] *Гальдер Ф.* Военный дневник: Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск. 1939–1942: В 3 т. Т.3. Кн.1. М., 1971. С.101.

[29] *Еремеев Л.М.* Глазами друзей и врагов. О роли Советского Союза в разгроме фашистской Германии. М., 1966. С.65.

[30] *Вестфаль З., Крейне В.* и др. Роковые решения. М., 1958. С.99.

ренное строительство Московской зоны обороны, призванной укрепить ближние подступы к столице. Судьба ее висела буквально на волоске.

«...Пружина сжалась до отказа,– вспоминал маршал А. М. Василевский.– Мы забыли о сне и отдыхе. Все помыслы об одном – отстоять Москву»[31].

Столицу защищала вся страна. Плечом к плечу, насмерть стояли у ее стен представители буквально всех наций и народностей Союза. Хорошо выразил общий настрой советских людей той поры киргизский поэт Кубанычбек Маликов:

Когда у стен твоих гремят мечи,
Мы все в такую пору москвичи,
Мы все – твои бойцы-богатыри,
Все наши силы, Родина, бери[32].

Сопротивление советских армий под командованием генералов К. К. Рокоссовского, Л. А. Говорова, Д. Д. Лелюшенко, М. Г. Ефремова, И. Г. Захаркина, И. В. Болдина и других усиливалось день ото дня. Наступательный порыв врага ослабевал, и в конце октября группа армий «Центр» вынуждена была временно прекратить активные боевые действия.

«К настоящему времени сколотил приличную организацию,– писал 2 ноября 1941 г. Г. К. Жуков А. А. Жданову в Ленинград,– и в основном остановил наступление противника, а дальнейший мой метод тебе известен: буду истощать, а затем бить»[33].

Второй этап Московской битвы начался 15–16 ноября и носил не менее ожесточенный и кровопролитный характер. Местами противнику удалось приблизиться к нашей столице на 50–35 км. Но это был предел возможностей вермахта, и в первых числах декабря фашистские войска прекратили бесплодные атаки.

30 ноября Г. К. Жуков писал на имя заместителя начальника Генштаба А. М. Василевского: «Прошу срочно доложить Народному Комиссару Обороны т. Сталину план контрнаступления Западного фронта и дать директиву, чтобы можно было приступить к операции, иначе можно запоздать с подготовкой»[34].

5–7 декабря войска Западного, Калининского и Юго-Западного фронтов перешли в контрнаступление. Начался третий, решающий этап битвы за Москву.

Две даты из страшной осени 41-го особенно врезались в память москвичам – трагические дни 16–19 октября и 7 ноября с историческим парадом на Красной площади, откуда воинские части уходили прямо на фронт.

4 ноября 1941 г., в разгар тяжелых боев, военврач А. М. Казаков писал с фронта жене: «Сейчас положение несколько окрепло. Наступление немцев остановлено. Но общее положение неважное. Окажет ли Москва достаточное сопротивление? Думаю, что да. Но 16-го там была невероятная паника. Распустили слух, что через 2 дня немец будет в Москве. «Ответственные» захватили свое имущество, казенные деньги и машины и смылись из Москвы. Многие фабрики остались без руководства и без денег. Часть этих сволочей перехватали и расстреляли, но, несомненно, многие улизнут. По дороге мы видели несколько машин. Легковых, до отказа набитых всякими домашними вещами. Мне очень хочется знать, какой вывод сделает наше правительство»[35]. Чистая случайность, что это письмо сохранилось, дошло до

В штабе Западного фронта: командующий генерал армии Г. К. Жуков, член Военного Совета Н. А. Булганин, начальник штаба генерал-лейтенант В. Д. Соколовский. Осень 1941 г.

«Отстоим Москву!» Плакат. Художники Н. Жуков, В. Климашин. 1941 г.

[31] *Василевский А.М.* Дело всей жизни. М., 1975. С.155.

[32] Вечерняя Москва. 1941. 17 ноября.

[33] Г.К. Жуков в битве под Москвой. Сборник документов. М., 1994. С.38.

[34] Там же. С.63.

[35] *Самсонов А.М.* Знать и помнить. Диалог историка с читателем. М., 1988. С.200.

адресата, миновав военную цензуру, оставив нам яркое свидетельство того, как рядом с беззаветным героизмом в те страшные дни соседствовали трусость и подлость.

«Никакой массовой паники не было! – утверждает бывший председатель Исполкома Моссовета В. П. Пронин.– Наоборот, 12 октября было принято решение о срочной эвакуации 500 заводов Москвы и области, специалистов, высококвалифицированных рабочих, некоторых учреждений и учебных заведений. К сожалению, мы не успели провести соответствующую разъяснительную работу. И на некоторых заводах рабочие стали просто препятствовать эвакуации, считая это предательством и дезертирством. Серьезное возмущение было на автозаводе, на артиллерийском заводе, на 2-м часовом заводе. На шоссе Энтузиастов рабочие по своей инициативе организовали заслон, не пропуская машины, идущие на восток. Таково было тогда настроение основной массы москвичей». И тут же оговаривается, что «отдельные случаи паники и настоящего дезертирства, конечно, были»[36].

Ситуация в городе в глазах рядовых москвичей выглядела несколько иначе. Так, по воспоминаниям Ю. Лабаса, по городу прокатился слух, что «немецкие танки вот-вот появятся на улице Горького, куда прорываются от Речного вокзала», на Кузнецком мосту «словно падал черный снег – жгли документы», а «по улице Кирова сплошным потоком ехали грузовики и легковушки с людьми и вещами. [17-го – после выступления Щербакова и Пронина по радио с призывом защитить Москву] город изменился, все заработало, даже такси. На улицах появились военные и милицейские патрули. Паническое бегство прекратилось. Эвакуация населения и предприятий приняла организованный характер»[37].

В райкомы партии и райвоенкоматы столицы усилилось поступление заявлений от добровольцев, требующих немедленной отправки на фронт. Москвичи были полны решимости отстоять родной город.

«Мы – добровольцы... В наших шеренгах шагают рядом старый красногвардеец Михаил Саввич Яковлев и комсомолки-санитарки 18–19 лет. Мы – студенты Геологоразведочного института, Московского государственного университета. Мы – рабочие «Трехгорки», железнодорожники окружной дороги, служащие учреждений. Мы – люди разных профессий, и у каждого из нас было свое мирное занятие. Но теперь у всех нас одно стремление – воевать, сражаться за Родину; одна цель – опрокинуть, раздавить врага... На призыв: все силы отдать для защиты родной Москвы – отвечаем: мы готовы!.. Мы ждем боевого приказа. Займем свое место в строю на линии обороны Москвы. И мы твердо знаем: вместе с нами встанут в строй еще многие батальоны Красной Пресни, еще многие батальоны Москвы, и эта линия обороны станет линией наступления. Враг разобьет свою голову об ощетинившуюся штыками Москву»[38] – это письмо бойцов-краснопресненцев было опубликовано в «Правде» 18 октября, в самое тяжелое для Москвы время.

20 октября за подписью И. Сталина было опубликовано и передано по радио постановление ГКО, в котором, с частности, говорилось: «Сим объявляется, что оборона столицы на рубежах, отстоящих на 100–200 километров западнее Москвы, поручена командующему Западным фронтом генералу армии т. Жукову, а на начальника гарнизона г. Москвы генерал-лейтенанта т. Артемьева возложена оборона Москвы на ее подступах...

1. Ввести с 20 октября 1941 г. в городе Москве и прилегающих к городу районах осадное положение...

4. Нарушителей порядка немедля привлекать к ответственности с передачей суду Военного Трибунала, а провокаторов, шпионов и прочих агентов врага, призывающих к нарушению порядка, расстреливать на месте.

Государственный Комитет Обороны призывает всех трудящихся столицы соблюдать порядок и спокойствие и оказывать Красной Армии, обороняющей Москву, всяческое содействие»[39].

В октябре 1941 г. в Москве было сформировано пять Коммунистических дивизий на базе рабочих районных батальонов. Основой их стали коммунисты и комсомольцы. Разумеется, в батальоны входили и беспартийные москвичи. Наибольшую известность приобрела

Добровольцы. Осень 1941 г.

[36] *Пронин В.П., Ищенко С.Г.* Сталин не помышлял сдавать Москву // Военно-исторический журнал. 1991. № 10. С.40.

[37] *Лабас Ю.* Черный снег на Кузнецком // Родина. 1991. № 6, 7. С.37.

[38] Правда. 1941. 18 октября.

[39] Там же. 20 октября.

Парад на Красной площади 7 ноября 1941 г. Художник К. Юон

3-я Коммунистическая дивизия, впоследствии кадровая, 53-я гвардейская дивизия, которая освободила столицу Латвии – Ригу. В ее составе были рабочие «Серпа и молота», подшипникового завода, студенты Геологоразведочного института, ИФЛИ, проходчики Метростроя.

Буквально вся Москва поднялась на борьбу.

Именно в эти тревожные дни были написаны стихи Алексея Суркова, ставшие впоследствии «Песней защитников Москвы»:

Мы не дрогнем в бою
За столицу свою!
Нам родная Москва дорога.
Нерушимой стеной,
Обороной стальной
Разгромим, уничтожим врага!

Из воспоминаний Г. В. Решетина: «В эти дни, критические дни столицы, ждали, что скажет Сталин. Знали, что он в Кремле, хотя правительство находилось в Куйбышеве. ...17 октября по радио выступил секретарь МК партии Александр Сергеевич Щербаков. Призывал к спокойствию и порядку. Но это было не то»[40].

Захватчики стояли у самых ворот столицы, им казалось, что Москва вот-вот будет взята. Гитлер на весь мир объявил, что 7 ноября устроит парад на Красной площади, уже были отпечатаны и разосланы пригласительные билеты. И парад состоялся, но не гитлеровские, а советские войска проходили торжественным маршем мимо стен Кремля.

Из воспоминаний командующего МВО генерала П. А. Артемьева:

«В последних числах октября, выслушав очередной доклад об укреплении Московской зоны обороны, И. В. Сталин поинтересовался, собираемся ли мы готовиться к параду войск Московского гарнизона в ознаменование 24-й годовщины Октябрьской революции. Сославшись на обстановку, я высказал сомнение в целесообразности проведения этого парада...

Указав на недооценку нами политической значимости этого мероприятия, И. В. Сталин приказал: парад 7 ноября провести... Было решено: о подготовке к параду никто, за редким исключением, не должен знать до исхода дня 6 ноября. Принимать парад было поручено С. М. Буденному. Командовать парадом возлагалось на меня. Предусматривались мероприятия на случай налета вражеской авиации на Москву во время парада...

На следующий день после этого разговора мы с А. С. Щербаковым стали вызывать командиров частей, которые должны были участвовать в параде... Мы сообщили командирам, что москвичам очень хочется посмотреть на воинские части, отправляющиеся на фронт. Поэтому Военный совет зоны предполагает

[40] Москва военная... С.115.

Руководители Советского государства на трибуне Мавзолея 7 ноября 1941 г. Слева направо: В. М. Молотов, С. М. Буденный, И. В. Сталин, Г. М. Маленков, А. И. Микоян, Г. М. Попов, Б. Н. Черноусов

примерно в середине ноября провести в районе Крымского моста небольшой военный парад...

– Уж вы постарайтесь, товарищи,– говорил А. С. Щербаков командирам частей...»[41]

Вечером 6 ноября в метро на станции «Маяковская» состоялось торжественное заседание Моссовета, посвященное 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. С докладом на нем выступил И. В. Сталин.

На другой день на Красной площади прошел торжественный парад войск Московского гарнизона. О параде командиры частей узнали лишь в 23 часа 6 ноября. Поздно ночью началась и раздача пропусков. Чтобы ввести противника в заблуждение, начало парада назначили не на 10, а на 8 часов утра. С 5 часов утра к Кремлю стали стягиваться колонны войск.

После их прохождения с трибуны Мавзолея с речью выступил Верховный Главнокомандующий.

В заключительной части своей речи Сталин сказал: «Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, командиры и политработники, партизаны и партизанки! На вас смотрит весь мир, как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков. На вас смотрят порабощенные народы Европы, подпавшие под иго немецких захватчиков, как на своих освободителей. Великая освободительная миссия выпала на вашу долю. Будьте же достойны этой миссии. Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков – Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!

За полный разгром немецких захватчиков! Смерть немецким оккупантам!..»[42]

Призыв спасти мир от агрессора, прозвучавший 7 ноября на Красной площади, очень близок по тональности воззванию императора Александра I, обращенному к первопрестольной столице в июле 1812 г. в связи с нашествием Наполеона. Например: «Да оборотится погибель, в которую мнит он низринуть нас, на главу его, и освобожденная от рабства Европа да возвеличит имя России»[43].

Из записи беседы с комендантом г. Москвы генералом К. Р. Синиловым: «До парада я получал много писем от народа. В них давались различные советы по организации порядка в городе, были различные предложения о том, как организовать оборону, какие средства использовать. От некоторых писем веяло неуверенностью, в некоторых чувствовалось, что вряд ли мы можем удержать Москву. В некоторых даже указывали – правда, таких писем было очень немного,– чтобы не подвергать опасности детей и стариков, нельзя ли было бы вообще не удерживать Москву, не оказывать сопротивления. После парада я не получил ни одного такого письма. Наоборот, писали о том, что надо защищать Москву, силы у нас есть, уверенность у нас есть...

После парада была объявлена благодарность всем участникам и выдали по 100 г [водки]. Люди вышли, пообедали и пошли на фронт. После парада произошел перелом... Народ стал совсем иным: веселый, смеющийся, жизнерадостный... особая твердость появилась, уверенность»[44].

А гитлеровцы все же прошли по Москве. Только шествие их оказалось далеко не парадным: летом 1944 г. многотысячная колонна пленных переправлялась с вокзала на вокзал. И шагали они на виду у сотен тысяч москвичей, понуро опустив головы. А вслед за колонной ехали поливочные машины, чтобы смыть не только следы врагов, но и самый их дух с московских улиц. Это было невиданное зрелище, преддверие победы. Но тогда, в 1941-м, до нее было еще далеко...

В середине декабря 1941 г. весь мир облетела весть о начале контрнаступления под Москвой. Газета «Правда» под шапкой «В последний час» опубликовала 13 декабря сообщение Совинформбюро: «Провал немецкого плана окружения и взятия Москвы. Поражение немецких войск на подступах Москвы». В нем речь шла о первых успехах Красной Армии в начавшемся контрнаступлении. Мировая история не знала аналогичного примера, чтобы без всякой оперативной паузы, при равенстве сил находившиеся в обороне войска добились бы такого ошеломляющего успеха в наступлении.

В ходе Московской стратегической наступательной операции (в период с

[41] Битва за Москву. М., 1966. С.116.

[42] *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. Изд. 5-е. М., 1947. С.39, 40.

[43] Цит. по: История Москвы. Хрестоматия. Т. II. М., 1997. С.145.

[44] Москва военная... С.149, 152.

5 декабря 1941 г. по 7 января 1942 г.) советские войска разгромили ударные части группы армий «Центр» (более 50 дивизий), пытавшиеся обойти Москву с севера и юга, и ликвидировали угрозу столице и Московскому промышленному району. На полях Подмосковья было нанесено первое крупное поражение немецко-фашистской армии во второй мировой войне. Фронт отодвинулся на запад на 100–250 км.

В боях под Москвой и в период контрнаступления зимой 1941/42 г. Красная Армия развеяла миф о непобедимости германских войск, навсегда похоронила план «молниеносной войны».

Здесь втоптаны в сугробы, в целину
Стальные каски, плоские штыки,
Отсюда, в первый раз за всю войну,
Вперед, на запад, хлынули полки[45].

Так описал в 1941 г. эту первую крупную нашу победу поэт Алексей Сурков.

Вспоминает журналист Ю. Жуков, в годы войны сотрудник газеты «Комсомольская правда»: «Характер почты, которую мы получали тогда с фронта, начал резко меняться. Борьба со все еще сильным и коварным врагом по-прежнему была неимоверно трудной. Она требовала от каждого бойца невероятного напряжения всех физических и моральных сил. Каждый шаг давался ценой немалых потерь. И все же письма, шедшие с фронта в те дни, были невероятно радостны: наконец-то мы погнали вспять проклятых фашистов! Наконец-то начали освобождать захваченную ими советскую землю!»[46]

Интересно в этом отношении сопоставить два документальных свидетельства, появившихся одновременно, во время битвы под Москвой. Одно из них – письмо девушки-москвички, снайпера Наташи Ковшовой, воевавшей на Волоколамском направлении, своей маме, написанное 8 декабря: «Я верю, что со мной ничего страшного не случится, верю в большую нашу и радостную Победу, верю, что моя хорошая мамочка вспомнит свою боевую молодость и не станет сердиться на свою дочуру за то, что она добровольно пошла на защиту нашей горячо любимой, самой замечательной в мире, родной Москвы!»[47]

Резким контрастом с ним является признание солдата А. Фортгеймера от 6 декабря, отразившее панический страх перед неотвратимостью возмездия в связи с начавшимся 5 декабря контрнаступлением советских войск: «Дорогая жена! Здесь ад, русские не хотят уходить из Москвы. Они начали наступать, каждый час приносит страшные для нас вести. Холодно так, что стынет душа. Вечером нельзя выйти на улицу – убьют. Умоляю тебя – перестань мне писать о шелке и резиновых ботинках, которые я должен был привезти тебе из Москвы. Пойми – я погибаю, я умру, я это чувствую»[48].

Москва в обороне. Художник И. Павлов. 1942 г.

В Московской битве, продолжавшейся до 20 апреля 1942 г., с обеих сторон участвовало более 3 млн. человек, свыше 22 тыс. орудий и минометов, около 3 тыс. танков и более 2 тыс. самолетов. В ходе ее только со стороны Красной Армии в сражение было дополнительно введено как минимум 2,2 млн. человек. Сражение велось на тысячекилометровом фронте.

Потери советских войск только с 30 сентября 1941 г. по 7 января 1942 г. составили свыше одного миллиона солдат и офицеров, немецко-фашистских войск – более полумиллиона человек[49].

Победа советских войск под Москвой имела огромное политическое и стратегическое значение. Для самой столицы это было спасение не только от вражеской оккупации, но и от реализации гитлеровских планов физического уничтожения города. Для ситуации во второй мировой войне наша победа в Битве под Москвой означала крушение мифа о непобедимости вермахта, провал операции «Тайфун» и плана «Барбаросса». «Молниеносной войны» не получилось. Фашистская Германия была поставлена перед необходимостью вести затяжную войну, Советский Союз устоял под первым мощным натиском агрессора.

Очень ярко сказал о нашей первой крупной победе в войне Шарль де Голль в выступлении по лондонскому радио 20 января 1942 г.: «Конечно, не следует думать, что с военной мощью врага уже покончено. Однако нет никакого сомнения в том, что он потерпел одно из самых страшных поражений, какие когда-либо знала история.

В то время как мощь Германии и ее престиж поколеблены, солнце русской

[45] Музы вели в бой. С.54.

[46] *Жуков Ю.* Солдатские думы. О чем рассказывали письма с фронтов Великой Отечественной войны. М., 1987. С.111.

[47] Центральный Музей Вооруженных Сил. 8/448. Н.В. Ковшова погибла 14 августа 1942 г. В 1943 г. ей и ее боевой подруге Марии Поливановой посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

[48] Выстояли и победили. М., 1966. С.374.

[49] Битва за столицу. Сборник документов. От обороны к контрнаступлению. Т. 1. М., 1994. С.3; Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. М., 1993. С.171, 174.

славы восходит к зениту. Весь мир убеждается, что этот 175-миллионный народ достоин называться великим, потому что он умеет сражаться... и потому что самые суровые испытания не поколебали его сплоченности»[50].

3. МОСКВА ВОЕННАЯ

После поражения немецко-фашистских войск под Москвой в городе была остановлена эвакуация, а в первые месяцы 1942 г. начались реэвакуация и восстановление оборонных предприятий столицы. И тогда на производство пришли, прервав учебу в школе, тысячи юных москвичей. «Пришла я на завод в июне 1942 г. со школьной скамьи,– вспоминает токарь завода «Красный пролетарий» Т.П. Ячменева-Шилова.– Мне было 15 лет... В бригаде нас было девять человек: самому старшему не было и 18-ти, самому младшему – 12–13 лет. Это был совсем маленький мальчишка, выполнял легкие операции, под ноги ему подставляли ящик. Почти все мы были токарями... Каждый старался в случае необходимости подменить другого, помочь товарищу. Мы не уходили с работы до тех пор, пока все не выполняли задание... Все работали в дни войны по 11–12 часов, без выходных, как следует не поев, не досыпая. Часто задерживались на работе, ночевали в цехе, а утром опять становились к станку»[51].

Хотя в январе 1942 г. в связи с эвакуацией выпуск продукции Москвы по сравнению с довоенным уровнем сократился более чем втрое, реэвакуация вновь привела к быстрому росту промышленности. В конце 1942 г. московские заводы давали 31% всей продукции предприятий Наркомата среднего машиностроения, более 39% – Наркомата станкоинструментальной промышленности и 14,6% – Наркомата тяжелого машиностроения. На базе многих эвакуированных заводов возникли мастерские по ремонту танков, самолетов, моторов и вооружения. Немало таких подвижных мастерских работали непосредственно на линии фронта.

Уборщицы ремонтного цеха депо «Сокол» А. К. Бушуева, П. И. Аламина, П. А. Чиканова вяжут теплые вещи для бойцов Красной Армии

Старший мастер цеха № 5 Станкостроительного завода им. Серго Орджоникидзе Н. И. Дугин и фрезеровщик 4-го разряда Володя Савинов

Всего за время войны московская индустрия, по далеко не полным данным, дала фронту более 16 тыс. боевых самолетов, несколько тысяч танков и самоходок, около 72 тыс. минометов, 3745 реактивных установок («катюш»), 3,5 млн. автоматов, 9 тыс. артиллерийских тягачей, 34 млн. снарядов, мин и бомб, миллионы полушубков, шинелей, сапог, других видов вооружения и военного имущества[52].

Поистине, говоря словами А. Т. Твардовского:

Сила силу победила,
Силе сила – не ровня.
Есть металл сильней металла,
Есть огонь сильней огня.

На протяжении всей войны Москва продолжала обеспечивать фронт боевыми резервами, готовила военных специалистов. В 1944–1945 гг. курсы Всевобуча столицы окончили бойцы уже шестой и седьмой очередей. Москва занимала ведущее место в стране по подготовке командных, политических и военно-инженерных кадров. Всего за годы войны, по неполным данным, столица направила в Вооруженные Силы 850 тыс. человек[53].

Героические подвиги москвичей на всех фронтах были отмечены высокими наградами Родины. Более 800 человек стали Героями Советского Союза, из них пятеро – дважды Героями. Десятки тысяч москвичей были награждены орденами и медалями. 1 мая 1944 г. была учреждена медаль «За оборону Москвы», которой удостоилось свыше 1 млн. вои-

[50] Величие подвига советского народа. Зарубежные отклики и высказывания о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1985. С.84.

[51] В труде, как в бою. М., 1961. С.129, 130.

[52] Москва военная... С.356.

[53] Великая Отечественная война. Энциклопедия. М., 1985. С.463.

нов Советской Армии и трудящихся столицы[54].

Разнообразной была помощь Москвы фронту. В 1942–1943 гг. москвичи собрали и отправили воинам Красной Армии свыше 1,5 млн. комплектов теплого обмундирования и более 1 млн. подарков. Вклад москвичей в Фонд обороны за годы войны составил 2 млрд. 618 млн. руб., на строительство танков и самолетов было передано 409 млн. руб. из личных сбережений жителей столицы. На эти средства создавались новые авиационные эскадрильи, танковые колонны, бронепоезда. «Ежедневно десятки самолетов с надписями на фюзеляжах «Москва» и «Малый театр – фронту» наносят чувствительные удары зверю в его собственной берлоге,– сообщали газеты в начале 1945 г.– Только за три дня боевых действий эти самолеты уничтожили до 30 танков, по 100 машин с техникой и боеприпасами. На машинах москвичей наши летчики провели 16 воздушных боев, сбив при этом девять «Фокке-Вульфов» и три «Мессершмитта-109»[55].

Одной из форм помощи фронту была шефская работа, в которой участвовали все районы, десятки предприятий и учреждений города. Москва взяла шефство над 96 частями и соединениями Советской Армии и Военно-Морского Флота. Особой теплотой старались окружить тех, чьи семьи остались на оккупированной территории. Кроме писем бойцам отправлялись посылки. Шефы изготовляли или приобретали необходимое для частей имущество, выполняли различные заказы. Музыкальные и театральные коллективы столицы организовали выездные концерты на фронт.

750 предприятий и учреждений столицы осуществляли постоянное шефство над госпиталями, заботясь о раненых, находившихся на лечении в Москве. 342 тыс. москвичей в годы войны стали донорами и сдали свыше 520 тыс. литров крови для спасения жизни раненых воинов. В госпиталях и эвакопунктах работали более 200 тыс. женщин-москвичек, из них свыше 50 тыс.– на общественных началах.

Война вызвала огромные трудности в снабжении населения продуктами питания и предметами широкого потребления. Была введена нормированная продажа продовольствия и потребительских товаров, установлены дифференцированные нормы снабжения для различных категорий населения – рабочих, служащих, иждивенцев и детей. К концу 1941 г. в Москве существовало более 100 норм и видов продовольственного и промтоварного снабжения. Дополнительными или повышенными нормами пользовались рабочие оборонных предприятий, некоторые преимущества имели беременные женщины и кормящие матери, доноры,

Июль 1942 г. Москва
КАРТОЧКА НА МЯСО-РЫБУ Р-02
Норма на месяц: Мясо 2200 гр Рыба 1000 гр
Фамилия, И., О.
При утере карточка не возобновляется

№ 37 июль РЫБА 100 гр	№ 36 июль РЫБА 100 гр	№ 35 июль РЫБА 100 гр	№ 34 июль РЫБА 50 гр	№ 33 июль РЫБА 50 гр

№ 32 июль МЯСО 250 гр	№ 28 июль МЯСО 50 гр	№ 24 июль РЫБА 100 гр	№ 20 … МЯС… 250 …
№ 31 июль МЯСО 100 гр	№ 27 июль МЯСО 50 гр	№ 23 июль РЫБА 100 гр	№ 19 … МЯС… 100 …
№ 30 июль МЯСО 100 гр	№ 26 июль МЯСО 50 гр	№ 22 июль РЫБА 50 гр	№ 18 … МЯС… 100 …
№ 29 июль МЯСО 100 гр	№ 25 июль МЯСО 50 гр	№ 21 июль РЫБА 50 гр	№ 17 … МЯС… 100 …

Июль 1942 … КАРТОЧКА НА МЯСО-РЫ… Фамилия, И., О. При утере карточка …

МОСКВА Сентябрь 1942 г.
КАРТОЧКА Р-01
НА МЯСО – РЫБУ
Норма на месяц
мясо и мясопродукты – 2200 г, рыба и рыбопродукты – 1000 г
Ф. И. О.
При утере не возобновляется
Сентябрь 1942 г. МЯСО–РЫБА МАГАЗИН Р-01
Сентябрь 1942 г. МЯСО-РЫБА СТОЛОВАЯ Р-01

					№ 1 сент. РЫБА 150 г	№ 2 сент. МЯСО 400 г
№ 3 сент. МЯСО 400 г	№ 4 сент. МЯСО 200 г	№ 5 сент. РЫБА 50 г	№ 6 сент. РЫБА 50 г	№ 7 сент. РЫБА 300 г	№ 8 сент. РЫБА 150 г	№ 9 сент. МЯСО 400 г
№ 10 сент. МЯСО 300 г	№ 11 сент. МЯСО 50 г	№ 12 сент. МЯСО 50 г	№ 13 сент. РЫБА 50 г	№ 14 сент. РЫБА 100 г	№ 15 сент. РЫБА 150 г	№ 16 сент. МЯСО 400 г

Август 1942 г. Москва
КАРТОЧКА
НА ПОЛУЧЕНИЕ ОВОЩЕЙ
Фамилия, И., О.
При утере карточка не возобновляется

Август 7 ОВОЩИ	Август 8 ОВОЩИ	Август 9 ОВОЩИ	Август 10 ОВОЩИ
Август 4 ОВОЩИ	Август 5 ОВОЩИ	Август 6 ОВОЩИ	Август 1942 г. Москва Прикрепит. талон ОВОЩИ
Август 1 ОВОЩИ	Август 2 ОВОЩИ	Август 3 ОВОЩИ	

МОСКВА Сентябрь 1942 г.
КАРТОЧКА Р-01
НА ПРОДУКТЫ
Норма на месяц: сахар и кондит. издел. – 500 г, жиры – 800 г, крупа и макароны – 2000 г, соль, спички
Ф. И. О.
При утере не возобновляется
Сентябрь 1942 г. ПРОДУКТЫ МАГАЗИН Р-01
Сентябрь 1942 г. ПРОДУКТЫ СТОЛОВАЯ Р-01

					№ 1 сент. ТАЛОН	
					№ 2 сент. ТАЛОН	
№ 3 сент. СПИЧКИ 3 кор.	№ 4 сент. ТАЛОН	№ 5 сент. САХАР 200 г	№ 6 сент. КРУПА 200 г	№ 7 сент. ЖИРЫ 200 г	№ 8 сент. ЖИРЫ 100 г	№ 9 сент. КРУПА 500 г
№ 10 сент. СОЛЬ 400 г	№ 11 сент. ТАЛОН	№ 12 сент. САХАР 200 г	№ 13 сент. КРУПА 200 г	№ 14 сент. ЖИРЫ 200 г	№ 15 сент. ЖИРЫ 100 г	№ 16 сент. КРУПА 400 г
№ 17 сент. ТАЛОН	№ 18 сент. ТАЛОН	№ 19 сент. САХАР 100 г	№ 20 сент. КРУПА 300 г	№ 21 сент. ЖИРЫ 100 г	№ 22 сент. ЖИРЫ 100 г	№ 23 сент. КРУПА 400 г

Карточки на продовольственные товары. 1942 г.

Письмо с фронта. Художник А. Лактионов. 1947 г.

больные туберкулезом. К концу 1942 г. продовольственными карточками в столице обеспечивалось около 3 млн. человек[56]. И все же в Москве было голодно. Люди работали по 12 часов в сутки за скудный месячный паек, который «за три дня улопать можно»[57].

[54] Великая Отечественная война. Энциклопедия. С.463, 464.

[55] *Рощин И.* Твердо верю в нашу Победу. М., 1989. С.156.

[56] История Москвы… 1941–1965. С.138.

[57] *Кондратьев В.* Повести. М., 1991. С.267.

Малый театр – фронту. Художник Е. Данилевский

На открытии станции метро «Автозаводская». 4-й справа – В. П. Пронин, 8-й справа – Г. М. Попов. 1944 г.

Вот как описывает разговоры в московской очереди 1942 г. писатель-фронтовик Вячеслав Кондратьев: «Они шли разные, кто о чем. И о том говорили, как карточки в этот месяц удалось хорошо отоварить, и о том, как в деревню ездили без пропуска менять вещички на картоху, и о том, что соседка две похоронки сразу получила – на мужа и на сына, и о том, что самое страшное позади – зима прошла...»[58]

В ноябре 1943 г., когда понадобилось выделить ресурсы для населения освобождаемых районов, нормы на хлеб были временно снижены и лишь с 1945 г. стали восстанавливаться. В связи с быстрым ростом цен на продукты на рынке в 1944 г. было принято решение об организации государственной коммерческой торговли, что позволило немного снизить рыночные цены на основные продукты питания. В Москве открылось более 20 коммерческих магазинов и 45 предприятий общественного питания – кафе-закусочных и ресторанов. В столице постоянно действовало около 30 колхозных рынков[59].

Несмотря на то что попытки врага разрушить столицу с воздуха провалились, городскому хозяйству был нанесен серьезный ущерб. Во время воздушных налетов несколько сот зданий превратились в развалины или были сожжены, тысячи строений оказались повреждены. Уже в ходе войны принимаются срочные меры по ликвидации последствий воздушных налетов, восстановлению городского хозяйства в целом.

С 1942 г. в связи с возвращением из эвакуации предприятий и учреждений и ростом населения столицы особую важность приобрели вопросы жилищного строительства. Особенно широко работы в этой области развернулись на заключительном этапе войны на основе постановления СНК СССР от 19 августа 1944 г. «О мерах оказания помощи жилищному хозяйству Москвы». Всего за годы войны было восстановлено и капитально отремонтировано свыше 1 тыс. жилых домов и более 100 административных зданий. Капитальные вложения в городское хозяйство за это время составили

[58] *Кондратьев В.* Повести. С.247.

[59] История Москвы... 1941–1965. С.138.

1 млрд. 65 млн. рублей[60]. Были построены новые больницы, бани, детские сады, заасфальтированы сотни тысяч квадратных метров улиц и площадей.

Нормальная жизнь города во многом зависела от работы транспорта. В условиях войны особенно возросла роль метрополитена – не только как быстрого и удобного средства передвижения, но и в качестве надежного укрытия от налетов вражеской авиации. Даже в самое трудное время хозяйство подземной дороги продолжало развиваться. Именно в годы войны было завершено строительство третьей очереди метро – Замоскворецкого и Покровского радиусов.

Тяжелые времена переживал наземный транспорт столицы. В связи с тем что вагоноремонтные заводы и трамвайные депо переключились на выпуск военной продукции, производство запасных деталей для троллейбусов и трамваев было фактически прекращено, техническое состояние подвижного состава и трамвайных путей резко ухудшилось. Почти четверть подвижного состава нуждалась в ремонте, постоянно нарушался график движения, не выполнялся план пассажирских перевозок. Лишь в 1943 г. эти трудности удалось в значительной мере преодолеть. А к концу войны в столице были проложены десятки километров новых трамвайных и троллейбусных линий. В 1945 г. открылось троллейбусное движение по трем новым маршрутам[61].

Сложные задачи в годы войны встали перед московскими медиками. К концу 1941 г. в Москве и области действовало более 200 госпиталей, где находились на излечении раненые бойцы и командиры Красной Армии. Лишь с завершением войны значительное число госпиталей было реорганизовано в обычные больницы. К началу 1945 г. в столице осталось всего 13 госпиталей, преимущественно для тяжелораненых воинов[62]. Усилиями медицинских работников Москвы в городе были предупреждены многие эпидемические заболевания, своевременно оказывалась квалифицированная помощь населению. Медико-санитарные научно-исследовательские учреждения столицы непрерывно разрабатывали и совершенствовали новые методы лечения, благодаря которым удалось сохранить жизнь и вернуть в строй сотни тысяч защитников Родины.

Все четыре года войны Москва трудилась во имя Победы, формировала новые воинские части, готовила оружие, боеприпасы, снаряжение, лечила раненых, помогала восстанавливать хозяйство в освобожденных от оккупантов районах.

Начиная с 5 августа 1943 г. все крупные победы на фронтах отмечались салютами в Москве. 354 раза салютовала столица нашим доблестным воинам.

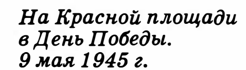
И вот настал долгожданный день – 9 мая 1945 г.

«В 2 часа 10 минут ночи по радио раздались позывные и знакомый всем голос диктора Ю. Левитана взволнованно и торжественно произнес: «Внимание! Говорит Москва...» Миллионы людей затаили дыхание. Германия капитулировала!

Победа!

Чувством, объединившим всех в это мгновение, была безмерная радость.

С первыми лучами солнца Москва преобразилась. В парках, на площадях и улицах празднично украшенного города ликовали, бурлили радостные толпы народа. Обнимались и целовались незнакомые люди. Стайки девушек, окружив какого-нибудь фронтовика, поднимали его на руки и начинали подбрасывать в воздух. Митинги и собрания, праздничные концерты, народные гулянья... На тротуарах и мостовых танцевали. Тут же в толпе создавались самодеятельные хоры и пели.



На Красной площади в День Победы. 9 мая 1945 г.

[60] История Москвы... 1941–1965. С.137.

[61] Там же. С.463.

[62] Там же. С.143.

*В День Победы.
Художник В. Дмитриев*

*Парад Победы
на Красной площади.
24 июня 1945 г.*

В 18 часов 250 артистов эстрады вышло на площади столицы. В исторический День Победы они выступали перед москвичами. Эстрадой артистам служили грузовики.

22 часа. Улицы и площади переполнены ликующими людьми. И вдруг вспыхнули фиолетовые и голубые огни прожекторов, яркими лучами прорезав вечернее небо. Мощный грохот первого залпа из 1000 орудий потряс воздух. Крики «ура!» взлетают в небо, приветствуя Салют Победы! На бесчисленных магистралях города, повсюду, от центра и до окраин, останавливается движение трамваев, троллейбусов, авто, столпились граждане столицы, встречающие радостными возгласами каждый из 30 залпов салюта, каждую вспышку праздничного фейерверка...

Уже ночь. Но люди не расходятся по домам. Они заполняют ярко освещенные площади столицы. Сияет и ликует, звенит песнями торжествующая Москва...»[63]

Уже в середине мая началась подготовка к другому историческому событию. Приказ Верховного Главнокомандующего гласил: «В ознаменование Победы над Германией в Великой Отечественной войне назначаю 24 июня 1945 года в Москве на Красной площади парад войск Действующей Армии, Военно-Морского Флота и Московского гарнизона – Парад Победы... Парад Победы принять моему заместителю Маршалу Советского Союза Г. К. Жукову, командовать парадом Маршалу Советского Союза К. К. Рокоссовскому...»[64]

Москва встречала гостей – отличившихся в боях солдат и офицеров, представителей фронтов и флотов, выбранных для участия в историческом параде. Сводные полки прибыли в столицу к 10 июня. «От Киевского вокзала до Сокольников шли мы по улицам, украшенным приветственными плакатами, цветами,– вспоминает участник парада Г. Г. Шевченко.– Все окна и балконы распахнуты – всюду люди. Тротуары забиты народом. Нас обнимали, целовали, а ведь мы шли строем. Бывалые, много пережившие солдаты плакали вместе со всеми...»[65]

И вот – 24 июня. В тот памятный день над Москвой было пасмурное небо, моросил мелкий, затяжной дождь. Но вопреки погоде с раннего утра в столице царило приподнятое, праздничное настроение. С оркестрами, лозунгами, транспарантами тысячи москвичей шли к Красной площади, чтобы принять участие в демонстрации. Тротуары были запружены толпами народа. Трибуны на Красной площади переполнены.

Кремлевские куранты торжественно пробили десять. На трибуну Мавзолея поднялся Верховный Главнокомандующий. А из Спасских ворот на белом коне выехал маршал Г. К. Жуков. Грянули мощные звуки мелодии «Славься!» М. И. Глинки. Затем в воцарившейся тишине прозвучал рапорт командующего парадом маршала К. К. Рокоссовского. Парад начался.

Под звуки торжественного марша впереди, на специально оборудованном автомобиле везли Знамя Победы. Следом шли сводные полки. Сорок три минуты они шагали мимо трибун в порядке расположения фронтов – от самого северного – Карельского, до самого южного – 3-го Украинского. Вслед за полками фронтов и ВМФ на площадь вступила сводная колонна советских воинов, которые несли опущенные до земли 200 знамен разгромленных немецко-фашистских войск. Под резкую дробь барабанов ненавистные полотнища были брошены к подножию

[63] Советское искусство. 1945. 10 мая.

[64] Творцы победы: от рядового до маршала. М., 1987. С.251.

[65] Правда. 1985. 24 июня.

Мавзолея, и первым – личный штандарт Гитлера.

Трибуны взорвались аплодисментами, криками «ура!» – Москва приветствовала воинов-победителей, славила полководцев и солдат.

Отсюда, с Красной площади, с парада 41-го, уходили полки защищать столицу. Здесь в 45-м к подножию Мавзолея были брошены знамена и штандарты разгромленного фашизма.

За массовый героизм, мужество и стойкость трудящихся Москвы в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в ознаменование 20-летия Победы Москве 8 мая 1965 г. было присвоено звание «Город-Герой».

...8 августа 1945 г., выполняя союзнические обязательства перед США и Англией, Советский Союз развернул боевые действия на Дальнем Востоке. 2 сентября 1945 г. Япония подписала акт о безоговорочной капитуляции, а 3 сентября москвичи вместе со всем советским народом торжественно отметили окончание второй мировой войны. Наступил долгожданный мир.

Перед столицей, как и перед всей страной, встали задачи мирного созидания.

4. КУЛЬТУРНАЯ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ СТОЛИЦЫ

Война наложила свой отпечаток также на культурную и научную жизнь города. С первых дней 1941 г. уходили на фронт, уезжали в эвакуацию работники науки и культуры. Сотни зданий школ, вузов, клубов были отданы под госпитали и военные учреждения. И все же культурная и научная жизнь Москвы не замирала ни на один день.

В 1941/42 учебном году в городе продолжали действовать 27 вузов, в которых обучались 23 400 студентов. В ходе реэвакуации это число постоянно возрастало. В 1943/44 учебном году в Москве работали 65 вузов, где обучались 76 тыс. студентов, а на 1 января 1945 г. в столице было уже 72 вуза, число студентов в них увеличилось до 94 тыс. человек[66]. Продолжалась в годы войны и подготовка научных кадров.

Школы Москвы в 1941/42 учебном году не работали, но с декабря 1941 г. в столице было открыто 32 консультационных пункта для учащихся старших классов, где занимались около 12 тыс. школьников[67]. В сентябре 1942 г. возобновились занятия в 295 московских школах, в 1944 г. их число увеличилось до 453. Число школьников за этот период выросло со 176 тыс. до 410 тыс. человек[68]. Однако контингент учащихся в годы войны сильно изменился: резко уменьшилось число старшеклассников – одни уходили на фронт, другие становились к станку. В столице работало также несколько десятков школ рабочей молодежи, техникумов, ремесленных школ и училищ.

С первых дней войны активно включились в общенародную борьбу с врагом ученые столицы. Свыше 2 тыс. работников Академии наук вступили в ряды Советской Армии и народного ополчения. 22 июля началась эвакуация научных учреждений Москвы, после которой в городе продолжали работать всего 227 сотрудников Академии. Но и в эвакуации, и в самой столице научная работа не прекращалась. Тематика исследований и методы работы были пересмотрены и нацелены на выполнение задач по укреплению обороноспособности страны, на всестороннюю помощь фронту. В дни ожесточенных боев за Сталинград в Москве развернулось строительство Института атомной энергии, основателем и первым директором которого стал талантливый физик академик И. В. Курчатов. В годы войны, в связи с приближением 800-летия Москвы, шла подготовка к написанию многотомной истории города. В этот же период начался сбор документальных материалов по истории Великой Отечественной войны.

Оружием слова сражались с врагом московские писатели и поэты. «К штыку приравняли перо» в годы войны А. Н. Толстой, И. Г. Эренбург, Л. М. Леонов, К. М. Симонов, А. А. Сурков, М. А. Светлов, А. П. Гайдар, Ю. С. Крымов и др. Из них председатель правления Союза советских писателей Н. С. Тихонов особо выделял К. М. Симонова: «...мы

[66] История Москвы. Краткий очерк. С.380.

[67] История Москвы... 1941–1965. С.147.

[68] Там же. С.148.

Пионеры дома по Крымскому валу готовят мешки с песком для газоубежищ. Июнь 1941 г.

Писатель А. Н. Толстой у летчиков-истребителей, охраняющих небо Москвы. Август 1944 г.

Народная артистка РСФСР В. П. Марецкая в роли Надежды Дуровой в спектакле Театра им. Моссовета «Надежда Дурова»

встречаем Симонова во всех жанрах. Он выступал прозаиком, очеркистом, поэтом, драматургом, сценаристом – все сразу. Он не стесняется расстоянием. Сегодня мы видим его в Одессе, завтра он под Москвой, потом он с армией на правом берегу Днепра, потом мы видим его в лесах Полесья, читаем его корреспонденции из Гомеля»[69].

Как вспоминали многие командиры и политработники, им не надо было объяснять значение лозунга «Ни шагу назад!», а стоило лишь прочитать бойцам стихотворение К. М. Симонова «Убей его!», начинавшееся знаменитыми словами «Если дорог тебе твой дом…» и заканчивавшееся страстным призывом, исполненным ненависти к фашисту: «Сколько раз увидишь его, столько раз ты его и убей!»

Буквально до дыр зачитывались статьи-памфлеты Ильи Эренбурга и Алексея Толстого в газетах «Правда», «Известия», «Красная Звезда».

Подлинным гимном советскому солдату стала поэма Александра Твардовского «Василий Теркин». Уже 24 июня в печати появилась песня В. И. Лебедева-Кумача «Священная война», ставшая в годы Великой Отечественной боевым гимном народа. Многие литераторы вступили в ряды Советской Армии, записались в ополчение. Из тысячи с лишним советских писателей, ушедших на фронт, 21 стал Героем Советского Союза, более 400 погибли в боях, из них 81 – москвич[70]. В пламени войны закалилось и выросло новое поколение писателей: именно с фронта пришли в большую литературу Г. Я. Бакланов, Ю. В. Бондарев, С. П. Гудзенко, Ю. В. Друнина, М. К. Луконин, А. П. Межиров, С. С. Наровчатов, В. П. Некрасов, Н. К. Старшинов и др.

В годы войны не угасала и театральная жизнь столицы. На сборных пунктах, в госпиталях, в воинских частях с концертами и спектаклями выступали московские актеры, специальные фронтовые бригады выезжали на фронт, некоторые театры даже создали фронтовые филиалы.

В октябре 1941 г. в связи с ходом военных действий правительство было вынуждено эвакуировать большинство московских театров. Но коллектив Музыкального театра им. К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко отказался покинуть осажденный город и 18 октября открыл зимний сезон. «Ров-

[69] Москва военная... С.472.

[70] Строка, оборванная пулей. М., 1985. С.5.

но год тому назад, защищая ближние подступы к нашей родной столице Москве, мы имели счастье и радость слушать концерты вашего коллектива,– писал артистам театра командир артиллерийского полка Михалев.– Мы сроднились с вами. Вы были нам так близки и ваше внимание трогало наших бойцов, командиров – славных артиллеристов. Сейчас мы очень далеко от Москвы, от вас, но даже на таком почтительном расстоянии мы не забываем вас и не теряем надежды еще встретиться с вами»[71]. А уже в декабре, в дни разгрома фашистских войск под Москвой, в столице начал работать Театр драмы, объединив в своей труппе актеров театра им. Ленсовета, МХАТа, Малого театра, Театра Революции, Камерного и Театра им. Ленинского комсомола. В сезон 1941/42 г. в Москве работали также филиал Большого театра, Областной театр юного зрителя, Театр миниатюр и Театр обозрений[72].

Вот как описывает атмосферу зрительных залов того времени писатель-фронтовик Е. Воробьев: «Публика, которая заполняла театральные залы, выглядела совсем не так, как в мирные дни. Защитный цвет преобладает. Многие в военной форме, некоторые при оружии... Можно увидеть и легкораненых – с рукой на перевязи, с костылем, с палкой. Из госпиталей привозили команды выздоравливающих. Приезжали команды из воинских частей, которые находились на переформировании или ждали вооружения. Билетами в театр премировали и бойцов противопожарной обороны, групп самозащиты, студентов, отличившихся на строительстве оборонительных рубежей...»[73] Холодные, нетопленные помещения, спектакли прерываются сигналами воздушной тревоги и возобновляются после отбоя... Иногда во время спектакля в напряженной тишине раздавалась тихая, но отчетливая команда: «Рота командира такого-то, на выход!» И бойцы в шинелях, ватниках, маскхалатах, с оружием в руках, на цыпочках, стараясь не мешать остающимся в зале, выходили, чтобы немедленно отправиться на передовую[74].

Театр был не только редкой возможностью отдохнуть от суровой повседневности, изнурительного труда или окопной жизни – люди черпали здесь бодрость и моральную силу, приобщались к вечному искусству.

В Москве продолжала работать киностудия документальных фильмов, куда стекались материалы фронтовой кинохроники, отснятые более чем сотней кинооператоров, здесь монтировались фильмы и киножурналы о важнейших сражениях Великой Отечественной, и в их числе такие документальные ленты 1941–1942 гг., как «На защиту родной Москвы» и «Разгром немецких войск под Москвой».

Киностудии художественных фильмов были эвакуированы на восток, в

Александр Невский. Художник П. Корин. 1942–1943 гг.

Фашист пролетел. Художник А. Пластов. 1942 г.

[71] Музы вели в бой. С.35.

[72] История Москвы... 1941–1965. С.167.

[73] *Воробьев Е.* Москва: Близко к сердцу. Страницы героической защиты города. 1941–1942. М., 1989. С.142.

[74] Музы вели в бой. С.34.

Алма-Ату, Ташкент, Ашхабад и Душанбе, где и продолжали свою работу. Среди многих десятков картин, отснятых во время войны, был знаменитый фильм режиссера Л. Д. Лукова «Два бойца», вышедший на экраны в 1943 г.

Военный период оказался одним из самых плодотворных в истории советской музыки. Были созданы крупные произведения самых различных жанров, но наибольшей популярностью пользовались, конечно, песни: «Священная война» А. В. Александрова (на слова В. И. Лебедева-Кумача), «В лесу прифронтовом» М. И. Блантера (на слова М. В. Исаковского), «В землянке» К. Я. Листова (на слова А. А. Суркова), «Жди меня» М. И. Блантера (на слова К. М. Симонова), «Темная ночь» Н. В. Богословского (на слова В. И. Агатова) и др. С большим успехом на фронте и в тылу выступали многие музыкальные коллективы столицы, и среди них Ансамбль песни и пляски Красной Армии.

Уже на второй день войны москвичи увидели на улицах города плакат художников Кукрыниксов «Беспощадно разгромим и уничтожим врага!» Он открыл собой историю советского изобразительного искусства периода Великой Отечественной войны. С этого момента в столице регулярно выпускались агитационные плакаты, «Окна ТАСС». Во многих произведениях художников-москвичей нашел отражение образ фронтовой Москвы. В конце 1941 г. появился плакат Н. Н. Жукова и В. С. Климашина «Отстоим Москву!». Битву под Москвой отразили в своих плакатах и карикатурах Кукрыниксы, В. Н. Дени, Б. Е. Ефимов и многие другие. Жизнь военной Москвы и подвиг ее защитников запечатлели на своих живописных полотнах художники А. А. Дейнека, Д. К. Мочальский, К. Ф. Юон, П. П. Кончаловский и др., серию графических работ на эту тему создали А. М. Лаптев, М. И. Пиков, П. П. Соколов-Скаля, И. Н. Павлов и др.[75]

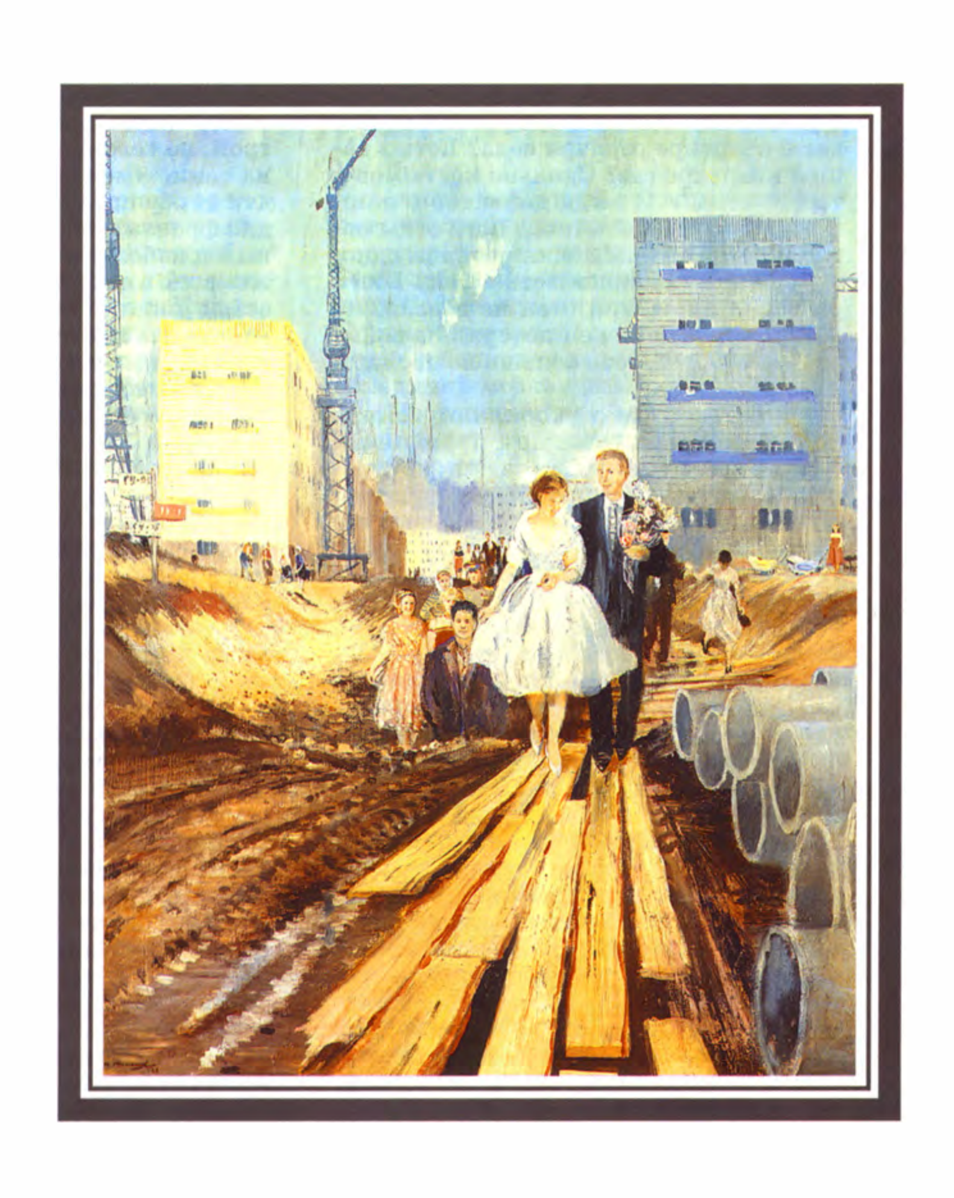
Прославляя подвиги армии и народа, призывая все силы отдать на борьбу с врагом, советское искусство в годы войны служило важной воспитательной и мобилизующей силой. И москвичи – деятели культуры сыграли в этом огромную роль.

На всем протяжении Великой Отечественной Москва продолжала оставаться крупнейшим экономическим, научным и культурным центром страны, подлинным сердцем Родины.

[75] История Москвы... 1941–1965. С.178–180.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

В ПОИСКАХ НОВЫХ ПУТЕЙ



IX

ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПОСЛЕ ВОЙНЫ (1945–1953)

1. ВОЕННОЕ НАСЛЕДСТВО И НАЧАЛО МИРНОЙ ЖИЗНИ

Однажды, уже после войны, в одно из московских ремесленных училищ пришли необычные для того времени посетители – англичане. Гости беседовали с ребятами, задавали вопросы: «Есть у вас в квартире горячая вода? Есть в вашей квартире газ? Сколько костюмов у твоего отца?» И тогда директор училища попросил встать тех, у кого отцы погибли на фронте. За исключением одного ученика поднялся весь класс. Гости растерялись: «Твой отец не воевал?» – «Мой отец жив, но он потерял на войне обе ноги». Вопросов больше не последовало.

Москва трудно уходила от войны. Если сравнивать столицу с другими городами, разрушенными почти до основания, обезлюдевшими, живущими впроголодь, без тепла и света, то внешние последствия войны в Москве были не так заметны. Ущерб от бомбардировок, пик которых пришелся на лето – осень 1941 г., был хотя и ощутимым, но для прифронтового города, каким была столица в октябре – ноябре 1941 г., оказался весьма умеренным. Согласно данным комиссии по учету ущерба, причиненного московскому городскому хозяйству, его общая сумма составила 4 млрд. 340 млн. руб. (в ценах того времени), а всего в Москве было разрушено 6380 строений[1]. Эта цифра включала в себя не только жилые и административные здания, заводские корпуса, но и складские помещения, временные постройки и т.д. В начале 1941 г. в Москве было 70 183 жилых строения, в годы войны в той или иной степени пострадало 5684 дома, в 10 330 домах были выведены из строя центральное отопление, водопровод и канализация, поврежденными оказались около 70% крыш[2].

За время войны в результате эвакуации, перевода промышленности на выпуск военной продукции, сокращения или закрытия ряда производств, нехватки рабочих рук, ослабления связи с сельскохозяйственными районами в значительной степени расстроилась система жизнеобеспечения города. Регулярное продовольственное снабжение, выпуск промышленных товаров народного потребления (прежде всего, одежды и обуви), решение жилищной проблемы, которая всегда была для города весьма острой, не говоря уже об уборке мусора,– на такие «мелочи» во время войны почти не обращали внимания. Лозунг «Все для фронта – все для победы!» был главным для большинства москвичей, как и для всех в стране. Проблемы быта сами собой ушли на второй план. Но вот закончилась война, и такие простые и казавшиеся второстепенными вопросы: где жить, что надеть, как получить работу? – вдруг сразу встали в ряд первоочередных.

Послевоенная Москва запомнилась современникам в серо-зеленом цвете: гимнастерки и шинели с погонами и без погон формировали тогда «московский стиль». Танкистский шлем и офицерская планшетка были предметом мечтаний тысяч московских мальчишек, а люди в ватниках и видавших виды сапогах встречались довольно часто на улицах города. Однако мирная жизнь брала свое: «гражданка» теснила шинели, что особенно бросалось в глаза вечером и в выходные дни, когда улицу Горького заполнял поток гуляющих. Пальто, перелицованные еще из довоенного сукна, но сшитые по «фасону», фетровые шляпки московских модниц и «гвоздь сезона» – воротник из сиводушки, лисицы, появившейся в подмосковных лесах за время войны,– странного гибрида диких и убежавших из питомников чернобурых лисиц. Москва уходила от войны.

В мае 1945 г. Исполком Моссовета принял решение «О перспективном плане восстановления и развития городского хозяйства Москвы на 1945–1947 гг.». В этом плане были предусмотрены работы по восстановлению жилищно-коммунального хозяйства, развитию строитель-

[1] *Алещенко Н.М.* Московский Совет в 1945–1961 гг. М., 1988. С.7.

[2] ЦАОДМ. Ф.3. Оп.66. Д.87. Л.1.

Перекресток у Покровского бульвара. 1946 г.

Возвращение. Художник В. Костецкий. 1947 г.

ной индустрии, восстановлению городского транспорта, налаживанию производства предметов широкого потребления, благоустройству города. Согласно постановлению СНК СССР от 21 июня 1945 г. «О восстановлении цехов по производству товаров широкого потребления на промышленных предприятиях» городские власти начали работу по переориентации промышленности Москвы на выпуск мирной продукции. Промышленные предприятия столицы подчинялись военным наркоматам, поэтому даже сугубо мирные, производственные вопросы приходилось решать по-военному, т.е. в порядке разверстки. Неудивительно, что решение пленума МГК (июль 1945 г.) относительно организации цехов ширпотреба на московских заводах выглядело следующим образом:

«Одобрить инициативу предприятий промышленных наркоматов в организации производства товаров широкого потребления: газовых четырехконфорочных плит на заводе № 30, кроватей металлических с сеткой на заводе № 43, термосов домашних на заводе № 382, радиол на заводе № 582, радиоприемников на заводе № 695, бытового электрошнура в комплекте на заводе № 198, электрочайников и электроутюгов на заводе № 686, радиорепродукторов на заводе № 504, мясорубок на заводе «Мехмашстрой», двухколесных детских велосипедов на Мотоциклетном заводе, разной посуды и других изделий из пластмасс на заводе № 57...»[3]

По аналогичному решению Московского городского комитета в повседневную жизнь москвичей должны были вернуться уже почти забытые ткани: фай, корд, армюр, кашемир, майя и др.[4] Не были забыты и предприятия, выпускающие обувь, директора и парторги которых обязывались наладить производство и расширить выпуск этой столь необходимой москвичам продукции.

Постепенно вся промышленность Москвы перестраивалась на режим мирного времени. Были отменены обязательные сверхурочные работы, восстановлены ежегодные отпуска. Проблему рабочих рук помогала решать начавшаяся демобилизация из армии. К концу 1946 г. в Москву прибыли более 300 тыс. демобилизованных[5].

Вместе с тем перестройка работы промышленности, особенно заводов, выпускавших во время войны военную продукцию, принесла с собой и некоторые социальные проблемы. Поскольку производственные нормы в связи с переходом на режим мирного времени (сокращение трудовой недели, отмена сверхурочных работ и т.д.) не пересматривались, рабочие получали зарплату более низкую, чем во время войны. Среднемесячная зарплата рабочих на заводах и предприятиях Москвы, составлявшая в мае 1945 г. 680 руб., снизилась до 480 рублей. На отдельных предприятиях сокращение оплаты труда было еще более значительным – в 1,5–2 раза[6].

До декабря 1947 г. в Москве, как и по всей стране, сохранялась карточная система. Рабочие столицы по обычной карточке (а их существовало несколько категорий) получали ежемесячно около

[3] ЦАОДМ. Ф.4. Оп.20. Д.2. Л.19, 20.

[4] Там же. Л.21.

[5] История Москвы. Краткий очерк. М., 1974. С.380.

[6] *Зима В.Ф.* Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996. С.41.

Электрозавод им. В. В. Куйбышева. Сборка электроутюгов. 1950 г.

2 кг мяса и рыбы, 400 г жиров, 1,2 кг крупы и макарон. Нормы на детей и иждивенцев были еще ниже. Подобный паек обеспечивал средней московской семье весьма скудное существование, но именно сохранение карточек на протяжении трех первых, самых трудных послевоенных лет помогло большинству москвичей удержаться «на плаву». Цены на продукты, отпускаемые по карточкам и в коммерческой торговле, иногда отличались на целый порядок: так, пайковая цена килограмма ржаного хлеба колебалась от 85 коп. до 1 руб. 10 коп., в то же время коммерческая составляла 10 руб., килограмм мяса стоил соответственно 11–12 руб. и 120 руб., килограмм сахара – 5,5–6 руб. и 150 рублей[7].

Поэтому, когда в сентябре 1946 г. в связи с неурожаем правительство приняло решение о повышении пайковых цен (т.е. цен на продукты, отпускаемые по карточкам), население города встретило это известие настороженно. Особенно болезненно реагировали женщины, потерявшие на войне своих мужей и в одиночку воспитывающие детей. «Мне сейчас жить невмоготу, а когда повысят цены – хоть давись»,– жаловалась работница завода «Газоприбор», а на фабрике им. Красина женщины рассуждали так: «От повышения цен страдают больше всего многосемейные. Я прихожу в ужас от мысли, как жить дальше? То хоть хлеба досыта ели, а теперь, когда хлеб станет в три раза дороже, просто хоть ложись и помирай»[8]. В предстоящее повышение цен верили и не верили; поскольку это мероприятие готовилось втайне от народа, слухи ходили самые разные. Больше всего москвичей беспокоило опасение, не связано ли повышение пайковых цен с возможностью новой войны. «Если наше правительство решит повысить цены на продукты питания, это будет означать прежде всего то, что Советское государство находится в опасности – ему грозит новая война» – такое мнение осенью 1946 г. было довольно распространенным[9].

Эта фраза заключает в себе многое. Москвичи могли сетовать на жизнь, жаловаться на трудности быта, недоумевать по поводу того или иного решения правительства. Но недовольство исчезало, и люди готовы были превозмочь все, стоило им подумать о возвращении военного лихолетья. «Только бы не было войны» – слова звучали, как заклинание. Власти умело пользовались этими настроениями, любые трудности преподнося как временные и не очень торопясь с реализацией надежд на новую, лучшую жизнь после войны. Такова была реальность. Но тогда, сразу после войны, сама мирная жизнь воспринималась как великая ценность.

Эта жизнь тоже не стояла на месте. К 1949 г. был восстановлен жилой фонд Москвы: на 1 января 1949 г. он составил 107,5% по отношению к 1940 г.[10] В июле 1946 г. в столицу пришел саратовский газ. Для простых москвичей, привыкших к примусам и керосинкам, газовая плита в доме стала настоящим событием: до войны такой привилегией пользовались только обладатели отдельных квартир и некоторые жители коммуналок.

Самой острой для города продолжала оставаться жилищная проблема. В 1949 г. первый секретарь Московского комитета партии, председатель Мосгорисполкома Г. М. Попов направил И. В. Сталину записку, посвященную проблемам жилищного строительства и благоустрой-

На кухне в одной из московских квартир. 1953 г.

[7] РГАСПИ. Ф.17. Оп.3. Д.1061. Л.13, 14.

[8] Там же. Оп.121. Д.524. Л.12.

[9] Там же.

[10] История Москвы. Краткий очерк. С.390.

ства столицы. В записке говорилось о разработке нового Генерального плана строительства и реконструкции Москвы, рассчитанного на 20–25 лет. Попов предлагал осуществлять новую застройку города по такому принципу: более половины – пятиэтажными домами, около 30% – шестиэтажными и выше, а остальные строить в два-три этажа. 17 июня 1949 г. этот вопрос обсуждался на Политбюро. На заседании выступал Сталин, а Попов стенографировал его речь. По этим сохранившимся записям можно восстановить, что тогда говорил Сталин. Суть его выступления сводилась к следующему: мы должны построить город коммунизма, по красоте и комфорту достойный его жителей – москвичей, чтобы люди ахали, глядя на дома и дворцы так же, как они восхищаются Парижем или другими красивыми городами; нам нужна такая столица, чтобы ее уважали. Сталин решительно не согласился с предложениями московских проектировщиков относительно низкой этажности жилой застройки – в 3, 4 и 5 этажей и предложил строить дома в 8–10 этажей и выше. Московским властям было поручено разработать план по выводу из Москвы вредных производств, отравляющих атмосферу города. В Москве не хватает зелени, из большого города трудно сделать город-сад, наставлял Сталин, но можно организовать зону отдыха вокруг столицы, построить дачи для москвичей. После того заседания бригада архитекторов-проектировщиков срочно начала переделывать проект Генерального плана.

В детской комнате. 1952 г.

В 1949 г. в Москве было построено 405 тыс. кв. м жилой площади. Это было больше, чем намечалось по плану, но недостаточно, чтобы удовлетворить потребности города в жилье. В центре Москвы находилось 3215 домов, износ которых достигал 60%, ни одно из 2691 строения, находящегося в ведении райсоветов и подлежащего сносу, в течение 1940–1950 гг. не было снесено. На то имелось специальное распоряжение Сталина[11]. Жилья не хватало. В январе 1952 г. в районных жилотделах состояло на учете 28 155 семей, обеспечили жильем в том же году 3303 семьи, но

[11] ЦАОДМ. Ф.3. Оп.126. Д.15. Л.163.

Здание МИДа на Смоленской площади

Подготовка посуды к продаже в Московском Ленинском универмаге. 1948 г.

одновременно с этим было принято на учет еще 12 313 семей. В 1953 г. в очереди на улучшение жилищных условий находилось уже 36 094 семьи[12]. Для решения жилищной проблемы такими темпами – при условии постоянного роста населения города – потребовалось бы не одно десятилетие.

В 1947 г. в столице началось строительство высотных домов[13]. По сей день возникают споры относительно архитектурных достоинств и практической целесообразности таких строений, однако своим своеобразным силуэтом послевоенная Москва во многом обязана появлению именно этих гигантов, для кого-то чуждых и нелепых, а кому-то кажущихся весьма органичными. За десятилетия к ним привыкли, и теперь «высотки» – неотъемлемая часть не только столичной архитектуры, но и особого московского лексикона. Высотные здания стали символами города и одновременно символами Победы, своим тяжеловесным величием как бы демонстрирующими возможности державы-победительницы.

В реальности эти возможности были гораздо более скромными. В целом для Москвы восстановительный период, если ссылаться на официальные сообщения, закончился примерно к 1949 г., т.е. потребовал немногим более трех лет. За это время изменился внешний облик города, в основном перестроилась на выпуск мирной продукции столичная промышленность, наладилась система продовольственного снабжения, начались работы по благоустройству. Гораздо труднее поддавались лечению социальные болезни – следы минувшей войны. Послевоенная Москва не только радовала глаз явными признаками пробивающейся мирной жизни, но буквально на каждом шагу напоминала о войне: калеки и нищие на базарах и привокзальных площадях, беспризорные подростки и оборванные дети, торгующие папиросами на улицах. И если центр Москвы с чистыми тротуарами и нарядными витринами представлял собой островок праздничной мирной жизни, то московские окраины производили удручающее впечатление. Ряды бараков, дощатые павильончики, импровизированные рынки, среди которых особенно знаменит был тогда Инвалидный рынок, или просто Инвалидка.

Вот одна из зарисовок обычного дня московской Инвалидки: «Горячие кастрюли греются в ватных пестрых чехлах или просто под юбками торговок, как яйца у наседок. Бабы звенят алюминиевыми мисками и ложками, зазывают. Загорелые пирожки выглядывают из стеклянных окон в грубо сбитых огромных лотках. «А вот еще с ливером, с ливером... Рагу, рагу куриное...» Вокруг Инвалидки между рабочими бараками и общежитиями – сотни частных домиков с садочками, участочками. Там в бревенчатых, крепких, как острожные укрепления, сараях за пятью засовами и замками похрюкивают поросята, кудахчут куры, петушиный крик пронизывает небо деревянного городка – не надо и заводских гудков... Ручники торгуют с раскладок всякой мелочью, зазывают протяжными голосами. Им вторят гнусаво нищие слепцы, почти все якобы обгоревшие танкисты или летчики. Лица их рябы то ли от оспы, то ли от ножевых помет, и попробуй отличить фронтовика от того, кто обожжен кислотой, выплеснутой в лицо ревнивой подругой. Впрочем, слепцы не выясняют, чья темнота главнее. Дальше к выходу обычно располагается ряд художественный... Днем здесь топорщат наглые глазки расписные свинки-копилки и усатые рыцари, красавицы под полной луной среди лебедей и кувшинок на размалеванных бумажных ковриках, глиняные коты, собачки, львы вслушиваются в разноголосицу»[14].

Московские окраины после войны стали и главным средоточием уголовного элемента, активность которого доставляла немало проблем и городским властям, и москвичам. Основную тревогу вызывали тогда случаи бандитизма, разбойных нападений и грабежей, убийств из корыстных побуждений, изнасилований, распространенность квартирных и карманных краж, хулиганство. Был отмечен рост преступлений с применением огнестрельного оружия. По Москве ползли слухи о загадочных убийствах и дер-

[12] ЦАОДМ. Ф.4. Оп.88. Д.34. Л.124.

[13] Более подробно о строительстве высотных зданий в Москве рассказано в гл. XII.

[14] *Смирнов В.* Заулки. Повесть // Роман-газета. 1989. № 3, 4. С.27.

зких ограблениях. Чаще других рассказывали о некой банде под названием «Черная кошка», безнаказанно действовавшей с особой жестокостью. Говорили, что банда на месте преступления обязательно оставляет свой знак черного кота. Позднее братья Вайнеры напишут о знаменитой «Черной кошке» роман «Эра милосердия», а настоящую славу МУРу, занимавшемуся этим делом, принесет снятый по роману братьев Вайнеров фильм режиссера С. Говорухина «Место встречи изменить нельзя» с В. Высоцким в главной роли. После демонстрации фильма в Москве на заборах и в подъездах домов вновь появились изображения черной кошки: дети охотно включились в новую игру, и мало кто знал, что тогда, в 1945-м, все тоже началось, в общем, с детской шалости.

Группы безнадзорных подростков занимались тем, что подбрасывали москвичам в целях запугивания записки, в которых предупреждалось о предстоящем налете так называемой «Черной кошки». Неспокойная жизнь послевоенной Москвы, плохая информированность жителей о реальном положении дел порождали не только слухи, но и веру в действительное существование преступной банды. Этим обстоятельством стали пользоваться настоящие уголовники. 14 декабря 1945 г. была совершена квартирная кража со взломом на улице Усачева. На месте кражи преступники оставили записку: «Взяла Черная кошка». По этому делу МУРом была задержана группа из пяти человек. Спустя три дня, 17 декабря, шайка грабителей, называвших себя «Черная кошка из Харькова», совершила вооруженный грабеж. По делу было задержано четыре человека. В течение 1945–1946 гг. отмечались и другие случаи использования преступниками образа «Черной кошки» для устрашения населения[15].

Для московской милиции и московского уголовного розыска первые послевоенные годы были одними из самых трудных, что объясняется не только разгулом столичной преступности, но и внутренними проблемами органов охраны правопорядка. За время войны на фронт ушли 14 тыс. сотрудников московской милиции, на их место было принято около 6 тыс. женщин и более 3 тыс. человек с нарушением возрастного ценза, т.е., как правило, людей пенсионного возраста[16]. Подобные кадровые изменения не могли не сказаться на качестве оперативной работы. Большой проблемой остался и уровень технической оснащенности МУРа.

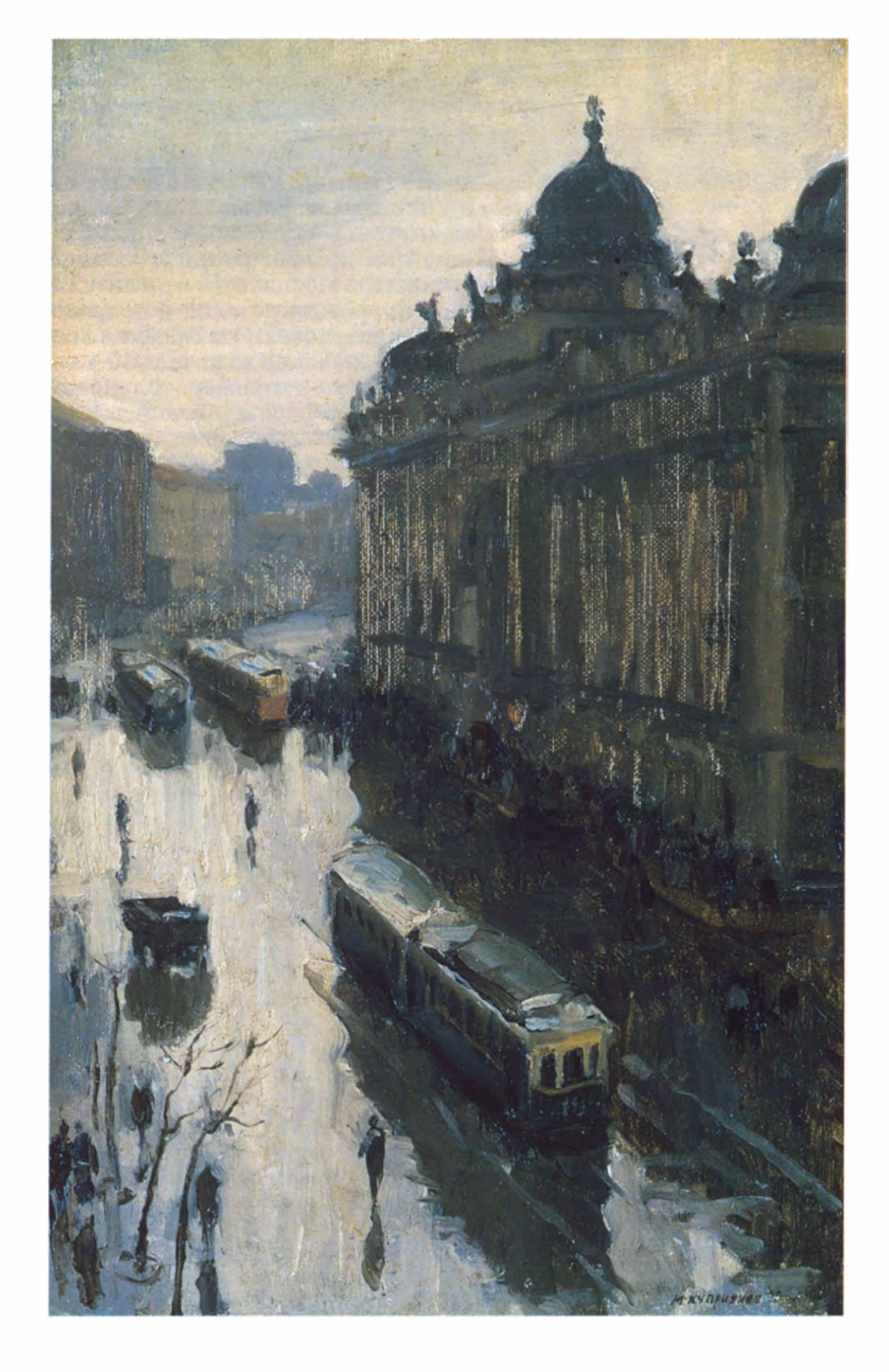
Кадровый вопрос в течение 1945–1946 гг. частично был решен благодаря привлечению для работы в милицию демобилизованных фронтовиков, людей, обладавших военным опытом. Одновременно проводилось увольнение из милиции женщин и лиц старшего возраста. В апреле 1946 г. МВД СССР издало инструкцию «Об организации и практическом использовании бригад содействия милиции». Так появились бригадмилы и бригадмильцы – прообраз позднейших добровольных народных дружин, которые в первые послевоенные годы сыграли свою роль в борьбе с уголовной преступностью и хулиганством в Москве. За 1945–1949 гг. оперативная обстановка в городе улучшилась. Число разбойных нападений и грабежей уменьшилось в 3,5 раза, краж государственного и общественного имущества – в 3 раза, количество убийств и покушений на убийства – более чем в 2 раза[17].

[15] Московская милиция. М., 1991. С.26.

[16] Там же. С.8.

[17] Там же.

Москва. Неглинная. Художник М. Куприянов. 1946 г.



Здание Моссовета после реконструкции. 1948 г.

Одной из причин роста уголовной преступности в Москве был относительно высокий уровень детской и подростковой беспризорности. Эта проблема сохраняла свое значение до начала 50-х гг. За 1948–1949 гг., например, только постовыми милиционерами было задержано свыше 47 тыс. беспризорных и безнадзорных детей[18]. 16 марта 1951 г. Исполком Моссовета принял решение «О мерах по ликвидации и предупреждению детской беспризорности», при Моссовете была создана комиссия по устройству детей, оставшихся без родителей. Учитывая опыт москвичей, Совет Министров СССР в апреле 1952 г. принял постановление «О мерах по ликвидации детской беспризорности». Надо отметить, однако, что в борьбе с преступностью среди безнадзорных подростков карательный момент почти всегда выходил на первый план, что часто не соответствовало степени содеянного. Дети войны – эта проблема тогда еще не задела по-настоящему ни власти, ни общество. Правоохранительные органы вряд ли бы стали беспокоиться о судьбе малолетки, попавшегося на краже, когда в это же самое время его сверстники, осужденные по так называемым политическим мотивам, получали полный «взрослый» срок – 10 и 25 лет лагерей.

Такова была «изнанка» московской жизни, то, что оставалось за ее фасадом. Да и сама Москва с ее повседневностью далеко не всегда соответствовала картинкам из столичной жизни, тиражируемым кинохроникой и рекламными плакатами. Со стороны, говорят, виднее: редкие иностранные гости, посещавшие в те годы Москву, отмечали особый, озабоченный и, в общем, будничный стиль жизни столицы. «На улицах почти не слышно смеха, не видно улыбок,– делился своими впечатлениями приехавший в Москву летом 1947 г. американский писатель Дж. Стейнбек.– Люди идут, вернее, торопятся мимо, головы опущены, на лицах нет улыбок. Может, из-за того, что они много работают, что им далеко добираться до места работы. На улицах царит серьезность, может, так было и всегда, мы не знаем»[19].

Дж. Стейнбек увидел лицо Москвы озабоченным и серьезным. Но оно могло быть другим – радостным и праздничным, причем в своей радости столь же искренним, как и в серьезности будничных забот. Сказать, что после войны москвичи жили только нелегкими проблемами работы и быта, значит, сказать только половину правды. Существовала еще и другая половина – мир увлечений москвичей. И здесь все держалось на «трех китах», а ими были кино, театр и футбол. Кино принадлежало к разряду будничных развлечений. Театр собирал вокруг себя главным образом московскую интеллигенцию, молодежь. Футбол же был общемосковской страстью, а стадион «Динамо» – сердцем послевоенной Москвы. И не случайно.

«Стадион «Динамо»,– вспоминает старый болельщик С. Токарев,– представлялся средоточием... мирной жизни: снятые шторы затемнения... отмена карточек... мороженое у Белорусского вокзала – по довольно высокой цене, но все-таки забытое мороженое. И билеты на футбол ЦДКА – Динамо»[20]. И дальше: «О, как замирали наши сердца, когда появлялись из люка и короткой трусцой, слегка набычась, бежали к центру одиннадцать в белых футболках с голубой полосой и одиннадцать в красных со звездочкой! Это были больше, чем команды. Это были символы, были державы. Они словно становились лоб в лоб: армейцы, проникнутые идеями мудрого Аркадьева, и динамовцы, ведомые хитрым Якушиным, и решительно никто не мог предсказать исхода каждого их поединка»[21]. Василий Карцев, Константин Бесков, Всеволод Бобров, Алексей Хомич – московские кумиры 40–50-х гг. Были времена, когда на футболках у футболистов не было номеров, диктор составов команд не объявлял, но всех игроков знали в лицо. Знали наизусть и результаты наиболее выдающихся московских матчей. Знаменитое турне московского «Динамо» по Англии в 1945 г., окончившееся победой наших спортсменов, было предметом особой гордости москвичей, а общий счет матчей 19:9 знала тогда вся Москва.

Футбол в послевоенной Москве был действительно чем-то большим, чем просто спорт. Е. Евтушенко, заядлый посетитель «восточки» (восточной трибуны стадиона «Динамо»), объясняя свою

[18] Московская милиция. С.26.

[19] *Стейнбек Дж.* Русский дневник. М., 1989. С.38.

[20] Московский спорт: годы, события, люди. М., 1979. С.50.

[21] Там же. С.51.

страсть к футболу, как-то сказал: «Я считаю, что в то очень несвободное, в общем, время футбол, родившийся во дворах, на пустырях, был единственной свободой – тогда возможной». Футбол был свободой самовыражения. Футбол был началом мира. Футбол был праздником. Праздником всех и для всех, что отличало его от организованных торжеств и официальных юбилеев. Те были вывеской Москвы. Футбол был ее жизнью.

2. 800-ЛЕТИЕ МОСКВЫ: ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА

Идея празднования 800-летия Москвы возникла еще до войны, потом о ней забыли: шла война, и было не до праздников и юбилеев. Однако уже в июле 1944 г. московские архитекторы Д. Чечулин и А. Заславский направили в горком партии и Моссовет письмо, в котором снова напомнили о юбилее основания города, который предстояло отмечать в 1947 г. Авторы письма говорили, что к этому событию нужно готовиться уже сейчас: завершить реставрационные работы на всех центральных улицах, привести в порядок парки, скверы, набережные, построить несколько памятных монументов, музей Отечественной войны, триумфальные арки. Архитекторы предлагали подключить к разработке плана проведения памятных торжеств художников, писателей и ученых, организовать конкурсы и специальные выставки, издать книги и альбомы по истории Москвы.

Идея сразу встретила понимание и у руководства города, и у специалистов. И это понятно: Москва получала таким образом возможность решить свои внутригородские проблемы, что в условиях жесткой финансовой дисциплины первых послевоенных лет было совсем непросто. Для историков, археологов, реставраторов предстоящий юбилей города послужил своего рода стимулом и принес необходимую материальную поддержку для возобновления реставрационных работ, организации специальных исторических, этнографических и других исследований, связанных с московской проблематикой. Но это был не только материальный и профессиональный интерес. Закончилась война. Опыт пережитого, в котором слились боль незаживающих ран и еще незабытый вкус победы, воспринимался особенно остро при воспоминании о древней истории России, истории Москвы.

«Восемь веков исторического бытия Москвы. В них – Россия. Мимо этой грани пройти нельзя,– размышлял в юбилейные для советской столицы дни находившийся далеко от нее писатель Иван Шмелев.– ...Что-то повелевало праздновать, необоримо стихийное, над чем земная власть не властна: празднование должно было состояться. Мы тоже вспоминаем,– сосредоточенно вглядываясь в века, черпая в них урок и укрепление. Мы открываем грозные и чудесные страницы нашей Истории,– истории бытия Москвы,– и видим чудо. Не гордыня ли утверждать такое? Чем гордимся? Древностью ли рода нашего? Много народов древнее нас, мы – молодой народ. В чем же чудо? Чудо – «Неопалимой Купины».

Момент игры между ЦСКА и «Динамо» на первенство СССР по футболу на стадионе «Динамо». 1949 г.

Восемь веков стоять и устоять! – на «проходной дороге», открытой всем ветрам»[22].

Образ «Неопалимой Купины» – торжество непобедимого и необъяснимого «русского духа», то, что связывало людей, принадлежащих России, где бы они ни находились,– это образ самой Москвы. Историческая память России. Попытка преодоления настоящего. «...Отмечая восьмисотлетие бытия Москвы,– писал далее И. Шмелев,– мы должны особенно чутко вслушаться в голоса нашего прошлого, исконного: особенно ныне, в темную пору грозной неопределенности, когда, быть может, решается русская судьба. Мы должны зорко вглядеться в наше, проникнуть к его вековым истокам. В них – голос прошлого, завет нам. Мы должны крепко связать себя с родными недрами...»[23]

Но это была только одна точка зрения. В самой Москве думали несколько иначе. Когда городской комитет ВКП(б), который выступал главным организатором торжеств, собрал совещание по этому вопросу, еще не было специального решения ЦК ВКП(б) относительно празднования 800-летия города, даже дата его проведения была неизвестна. Не существовало и единого плана подготовки к юбилею – даже на общегородском уровне. Районные власти действовали на свой страх и риск, поэтому постоянно возникали разного рода нестыковки, а то и просто курьезы. Так, например, работы по реставрации исторических зданий и благоустройству улицы Герцена велись только по одной ее стороне. Противоположная сторона оставалась нетронутой, поскольку территориально она принадлежала другому району[24].

Выступивший на совещании первый секретарь МК и МГК ВКП(б) Г. М. Попов подвел первые итоги начавшейся кампании по подготовке к празднованию юбилея города. Главный смысл его выступления сводился к следующему: «У нас преобладает исторический уклон, и даже, я бы сказал, не исторический, а археологический, хотят уйти в очень далекое прошлое... Современный период, советский период... отражается очень слабо, а между тем, если посмотреть на историю Москвы, то видно, что настоящей историей Москвы является тот момент, когда Советское правительство приехало в Москву... Если полезем в далекую историю... то этот праздник может быть слишком историческим и очень мало политическим»[25]. Так с «легкой руки» Попова, который в данном случае отражал отнюдь не только свою точку зрения, в основу организации праздника были положены две идеи: во-первых, праздник должен быть в первую очередь политическим, а уже потом историческим, и во-вторых, что касается собственно истории Москвы, она разделялась на так называемую подлинную историю, т.е. историю советскую, и «предысторию», которая вмещала в себя все предшествующие семь с лишним столетий.

Когда МГК получил план выпуска литературы к 800-летию Москвы, то обнаружилось, что $^3/_4$ его составляет как раз литература по «предыстории», тогда как книги по Москве советской были представлены в нем значительно скромнее. Немедленно были приняты меры: список исторической литературы существенно сокращен, а в целях стимулирования выпуска требуемой литературы были увеличены гонорары авторам, занимающимся советским периодом истории города[26].

Серьезно пересмотрели и собственно историческую проблематику. Городские власти остались, например, недовольны тем, что в фотоальбомах, плакатах, иллюстрациях в книгах слишком большое, по их мнению, место уделялось изображению московских храмов. «Такое раздувание церквей,– наставлял Попов,– уже само собой показывает, что у нас нет правильной настройки и что наши крупнейшие представители искусства... смотрят на это дело не под тем углом, под каким надо смотреть нам»[27]. Если же смотреть под «тем углом», то это означало одно: Москва златоглавая должна была уступить место Москве краснозвездной. Под «тем углом» переделывались плакаты, альбомы, детские книжки и расписные кубики, на которых, например, Красную площадь рекомендовалось изображать без Покровского собора[28]. Окончательно сформировалась и позиция московских властей по вопросу реставрации исторических памятников столицы: «План восстановления памятников должен быть одной из частей проводимой нами работы, но не главной, потому что прежде всего наша задача заключается в том, чтобы этот праздник провести как боевой»[29].

Определив свое отношение к проблемам сохранения московской старины, столичные власти не обошли вниманием и некоторые конкретные вопросы истории Москвы, например вопрос о происхождении топонима «Москва». Когда П. В. Сытин, известный историк Москвы, готовил к юбилею города книгу «Прошлое Москвы в названиях улиц», в предисловии к изданию он привел один из вариантов трактовки названия столицы. «Слово «Москва»,– писал П. В. Сытин,– является финским по происхождению, в переводе означающим «лужа» или «темная вода»». Версия не новая и не заключающая в себе никакого «криминала». Но шел 1947 год, набирала силу кампания по борьбе с «низкопоклонством», Москва готовилась отметить свой юбилей. В этой ситуации отцы города сочли трактовку Сытина совершенно неприемлемой и даже провокацион-

[22] И. Шмелев о Москве // Московский журнал. 1992. № 9. С.2.

[23] Там же. С.3.

[24] ЦАОДМ. Ф.4. Оп.22. Д.153. Л.2.

[25] Там же. Л.8–9.

[26] Там же. Л.44.

[27] Там же. Л.10.

[28] Там же. Л.66.

[29] Там же. Л.10.

ной. «В конце концов, это не самое главное, откуда происходит это слово «Москва»,– объяснял свою позицию Г. М. Попов,– ...нас интересует в такой книге смысл ...не с точки зрения происхождения, а наполнения новым содержанием». Книга П. В. Сытина все-таки дошла до читателя, но была предварительно «основательно выправлена и почищена»[30].

30 мая 1947 г. ЦК ВКП(б) принял решение о праздновании 800-летия Москвы, а 17 июня совместным постановлением ЦК и правительства был утвержден день праздника – 7 сентября. Празднование 800-летия столицы все более превращалось в официально-торжественное мероприятие, городской праздник становился всесоюзным. 14 августа был образован специальный Правительственный комитет по проведению юбилея. Однако несмотря на парадную шумиху, неизбежно сопутствующую такого рода кампаниям, средства, выделенные городу «под юбилей», позволили решить и некоторые реальные городские проблемы. Было отремонтировано и обновлено более 3 млн. кв. м фасадов домов, на улицах появились новые фонари, город основательно привели в порядок, особенно в центральных районах.

Медаль «В память 800-летия Москвы»

Кремлевские стены, башни и даже зубцы стен были украшены лампочками, огромные электрические гирлянды появились на мостах. Общественные здания в центре города вечером и ночью освещались прожекторами. По заказу метрополитена была изготовлена огромная карта метро, а внизу игрушечный метропоезд ездил взад и вперед. Это зрелище собирало толпы любопытствующих. Кое-где на улицах города появились маленькие киоски, похожие на сказочные домики, для продажи мороженого и сластей. Москва в дни празднования своего юбилея поражала воображение и вызывала действительное восхищение – об этом свидетельствуют многочисленные

[30]ЦАОДМ. Ф.4. Оп.22. Д.153. Л.11.

Праздничная иллюминация Кремля в дни юбилейных торжеств. 1947 г.

Памятник Юрию Долгорукому. Скульпторы С. Орлов, А. Антропов, Н. Штамм. Архитектор В. Андреев. 1954 г.

Спортивный праздник на стадионе «Динамо» в день празднования 800-летия Москвы. 7 сентября 1947 г.

Празднование 800-летия Москвы. 7 сентября 1947 г.

очевидцы, особенно наши соотечественники. Для зарубежных гостей (а их тогда приехало немало – из Франции, Канады, Финляндии, Египта, Чехословакии, Турции, Болгарии и других стран) это был скорее интерес к стране, воспринимающейся как загадка, как мир, до сих пор закрытый для постороннего взгляда.

Вечером 6 сентября в Большом театре открылось торжественное заседание, посвященное 800-летию Москвы. Все ждали, что выступит И. В. Сталин. Но Сталин на торжества не приехал, прислав только письмо-приветствие.

Гораздо интереснее в это время было на улицах Москвы. «Город был просто забит народом,– вспоминал Дж. Стейнбек.– Люди медленно гуляли по улицам, останавливаясь на площадях, чтобы послушать музыку, а потом тащились дальше. Деревенские жители ходили, широко раскрыв глаза. Некоторые из них никогда раньше не бывали в городе, а такого украшенного огнями города никто не видел вообще. На площадях танцевали... В музеях было столько народа, что туда невозможно было войти. В театрах – столпотворение»[31].

В полдень 7 сентября на площади перед зданием Моссовета состоялся митинг, посвященный закладке памятника Юрию Долгорукому, основателю Москвы (памятник был установлен в 1954 г.). А после этого митинга состоялся грандиозный праздник на стадионе «Динамо». С утра по московским улицам прошествовали слоны, перед ними шли клоуны, играла музыка. Праздник на стадионе длился целый день: сначала был физкультурный парад и спортивные состязания, потом спортсменов сменили артисты московских театров. Вечером над Москвой прогремел салют в двадцать артиллерийских залпов.

Помимо общего плана проведения юбилейных торжеств существовали и специальные планы работы с иностранными делегациями. Иностранцы, впервые за долгие годы получившие возможность близко познакомиться с жизнью советской столицы, доставляли тогда немало хлопот. Переводчикам и гидам, сопровождавшим делегации, приходилось не только знакомить гостей с достопримечательностями Москвы, но и отвечать на многочисленные вопросы. Несмотря на обстановку праздника, иностранцев интересовали прежде всего буд-

[31] *Стейнбек Дж.* Указ. соч. С.130.

ничные проблемы, например: какая заработная плата у рабочих и служащих СССР, достаточна ли она? Для кого предназначены строящиеся многоэтажные дома, будут ли в них жить люди, которые сейчас обитают в лачугах? Есть ли в СССР книги на иностранных языках? Сколько получает в месяц председатель Моссовета? Почему так много охраны в театре и на стадионе?[32]

После того как торжества закончились, московские власти могли вздохнуть спокойно. Снова начались городские будни.

3. ДЕНЕЖНАЯ РЕФОРМА И ОТМЕНА КАРТОЧЕК В МОСКВЕ

Слухи о предстоящей отмене карточек и, возможно, связанной с этим денежной реформой ходили по Москве, начиная с лета 1947 г. Финансовое неблагополучие, которое на обыденном уровне связывалось с трудностями приобретения товаров в государственных магазинах и недоступными для большинства москвичей коммерческими ценами, ни для кого не было секретом. В Москве, где традиционно уровень жизни был выше, чем в других городах, отношение к отмене карточек и денежной реформе было двойственным. Кто-то надеялся, что денежная реформа «накажет» тех, кто обогатился за счет войны. Кто-то опасался потерять последнее.

Подготовительные мероприятия по обмену денег держались в строгой тайне. В эту тайну не посвящались не только рядовые граждане, но и партийный актив. В партийных кругах открыто обсуждался только вопрос о переходе к торговле без карточек. Именно этой теме было посвящено состоявшееся 28 ноября 1947 г. в МГК ВКП(б) совещание секретарей районных комитетов партии и председателей райисполкомов. Реформа, задуманная прежде всего как политическое мероприятие, призванное продемонстрировать всему миру преимущества социализма, проводилась без соответствующего экономического задела, т.е. в условиях ограниченных товарных запасов. Это хорошо понимали московские власти. «Для того чтобы нам по продовольственным товарам выйти на нормы 1940 года,– говорил на совещании Г. М. Попов,– нам нужен не один успешный сельскохозяйственный год, а нужно несколько успешных сельскохозяйственных лет... И поэтому всякое беззаботное, легкомысленное отношение к отмене карточной системы – оно чревато тем, что вместо хорошего дела мы можем в том или ином месте получить его дискредитацию»[33]. А далее следовал вывод: «...наша задача заключается в

Первый секретарь МК и МГК ВКП(б), председатель Исполкома Моссовета Г. М. Попов

том, чтобы мы поняли, что мы отменяем карточную систему в условиях, когда еще государство не располагает слишком большими ресурсами по мясопродуктам, рыбопродуктам и сахару и т.д. Значит, нам надо исходить из наших ресурсов и регулировать торговлю без карточек»[34].

На деле регулируемая торговля без карточек означала существование той же нормированной системы, только в измененном виде, т.е. сохранение карточек без карточек. Основой регулирования должна была стать суточная мера отпуска товаров в московских магазинах. Устанавливались следующие нормы выдачи товаров «в одни руки»: хлеба – 2 кг, муки – 1 кг, мяса – 1 кг, колбасных изделий – 500 г, рыбы – 2 кг, масла животного – 300 г, яиц – 5 штук, сахара – 500 г, сыра – 200 г[35]. По группе непродовольственных товаров нормы составили: нитки – 2 катушки, чулки – 2 пары, обувь – 1 пара, спички – 2 коробки и т.д.[36]

Определенное давление на столичную торговлю могли оказать приезжие: ежедневно в Москву по пригородному сообщению прибывали 460–500 тыс. человек и по дальнему сообщению – еще 20–25 тыс. Чтобы сохранить товарные запасы для москвичей, торговым организациям было рекомендовано переместить сеть магазинов и палаток подальше от вокзалов и рынков[37].

В связи с отменой карточек ожидалось повышение спроса москвичей на различные товары, поэтому под торговлю готовились новые павильоны и палатки, а также освобождались бывшие торговые площади, занятые во время войны не по назначению. Чтобы обеспечить

[32] ЦАОДМ. Ф.4. Оп.22. Д.163. Л.37, 38.

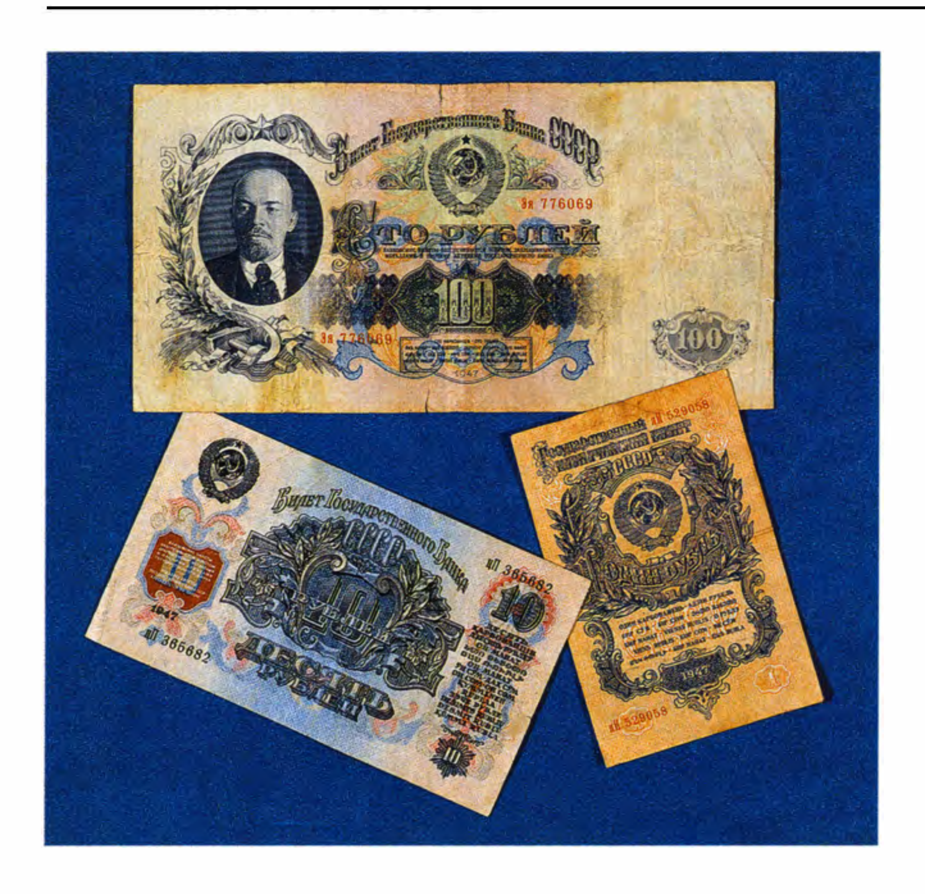
[33] Там же. Д.172. Л.11.

[34] Там же. Л.12.

[35] Там же. Л.3.

[36] Там же.

[37] Там же. Л.10.



Государственные денежные знаки образца 1947 г.

должный контроль за отпуском товаров в магазинах строго по норме, городской комитет партии принял решение о посылке в торговую сеть коммунистов и комсомольцев на постоянную работу – по два-три человека в каждый магазин[38].

Не надеясь на достаточность государственных торговых запасов, Г. М. Попов призывал в связи с предстоящей отменой карточек всемерно поощрять развитие подсобных хозяйств и рабочих огородов, оставшихся с военных времен. Продукция этих хозяйств могла служить своего рода страховочным фондом для населения, в случае если торговля не справилась бы со своими задачами[39]. Чтобы рассеять эти опасения, а также обеспечить успех реформе на показательных площадках Москвы и Ленинграда, 29 ноября 1947 г. принимается специальное постановление Совета Министров СССР «О создании неснижаемых запасов для торговли без карточек в городах Москве и Ленинграде». Согласно этому постановлению к моменту реформы планировалось завезти из других районов, складировать и приготовить к бескарточной торговле в Москве: постных жиров – 2000 т, сахара – 2000 т, мяса – 10 000 т, колбасы – 300 т, масла животного – 500 т, сыра – 300 т, чая – 200 т, муки – 65 т, крупы – 11 000 т, макарон – 500 т, рыбы – 5000 т, мыла – 500 т и т.д.[40] Цены, устанавливаемые в Москве после отмены карточек, должны были представлять собой нечто среднее между нормированной и коммерческой ценами.

На упоминавшемся совещании 28 ноября обсуждался еще один вопрос, закрытый. Суть вопроса не уточнялась, собравшихся просто проинформировали о том, что существует постановление Совета Министров СССР от 25 ноября 1947 г., содержание которого разглашению не подлежит. Однако во исполнение этого постановления партийным и советским органам Москвы следует провести организационно-подготовительную работу, которая заключалась в следующем: открыть в разных районах Москвы к определенному сроку 1160 выплатных пунктов[41]. Однако одно упоминание о выплатных пунктах и тот факт, что информация исходила из финансового управления Москвы, не оставляли никаких сомнений: речь идет об обмене денег. И хотя Попов сделал присутствующим на совещании строгое предупреждение об исключительной секретности полученной информации, вряд ли можно считать случайным то обстоятельство, что дата проведения совещания в МГК, 28 ноября, совпала с началом паники в московских магазинах и сберкассах.

«В последние дни в городе Москве распространились слухи, что в ближайшее время будет произведен обмен существующих денег на новые и что одновременно будут значительно повышены цены на промышленные товары, отпускаемые по плановым ценам,– докладывал министр внутренних дел СССР С. Круглов Сталину.– В связи с этим 28 и 29 ноября в Москве имел место массовый наплыв покупателей в магазины, торгующие промышленными товарами. Особенно увеличился спрос на дорогостоящие товары в комиссионных магазинах [...] В сберегательных кассах образовались очереди вкладчиков, изымающих свои вклады, причем приток вкладов от населения значительно сократился»[42].

Выручка комиссионных магазинов в дни предреформенной лихорадки выросла сразу в несколько раз: если до 25 ноября они продавали товаров стабильно на среднюю сумму 2,2–2,5 млн. руб., то 28 ноября их выручка составила уже 7,4 млн. руб., а 29 ноября – свыше 13 млн. рублей. В трех комиссионных мебельных магазинах имелись в продаже гарнитуры мебели стоимостью 30, 50, 60 и 101 тыс. рублей. К вечеру 29 ноября гарнитуры за 30, 50 и 60 тыс. руб. были уже распроданы, а на гарнитур за 101 тыс. руб., который не продавался в течение трех лет, нашлось сразу четыре покупателя. В Центральном универмаге в середине дня 29 ноября были полностью скуплены меха и меховые изделия, в ювелирной секции – часы и ювелирные изделия, в музыкальной секции – пианино. В декоративной секции ЦУМа, где обычно продавалось в день по два-три ковра, 29 ноября было куплено сразу 60 ковров. В связи с увеличением спро-

[38] ЦАОДМ. Ф.4. Оп.22. Д.172. Л.12.

[39] Там же. Л.15.

[40] *Аксенов Ю., Улюкаев А.* О простых решениях непростых проблем // Коммунист. 1990. № 6. С.24.

[41] ЦАОДМ. Ф.4. Оп.22. Д.172. Л.17.

[42] ГАРФ. Ф.9401. Оп.2. Д.171. Л.332.

са на драгоценности во всех магазинах Ювелирторга были сняты с продажи бриллианты и ценные камни, а также фирменные часы[43].

На следующий день, 30 ноября, на дверях главных универмагов Москвы появились таблички «Закрыто на ремонт» и «Переучет товаров». Собравшиеся перед открытием магазинов покупатели (очереди насчитывали до 300 человек), узнав о закрытии их «на ремонт», разошлись и отправились по другим торговым точкам города. Сделать это было уже не так легко. Так, по Таганскому промторгу в тот день из четырех магазинов был открыт только один, торгующий посудой и другими хозяйственными товарами. За первые же два часа после начала торговли в этом магазине было распродано 20 самоваров, тогда как в обычное время их продавалось по одному-два в день. Аналогичная ситуация наблюдалась на московских рынках. Там тоже усиленным спросом пользовались дорогостоящие товары, в результате чего цены на некоторые из них резко подскочили. Так, на Перовском рынке отрез бостона 28 ноября стоил 2500 руб., а 30 ноября – уже 6500 руб., пальто мужское осеннее – соответственно 1500 и 3000 руб., резиновые боты – 900 и 2000 рублей[44]. Цены на хлопчатобумажные ткани остались прежними. Деньги тратили в основном богатые люди, что касается простого покупателя, то у него просто не было наличных средств, чтобы делать долговременные покупки.

И все-таки атмосфера тех предреформенных дней захватила почти всех, мало нашлось людей, не поддавшихся тогда общему настроению. Тратились не просто накопления и сбережения – некоторые несли в магазин последнее, не надеясь уже на завтрашний день. Город гудел с утра до вечера. Двери ресторанов не закрывались. Иногда на улицах столицы встречались не вполне трезвые граждане, которые, потрясая пачками денег, выкрикивали: «Вот сколько бумаги!» В связи с повышенным спросом в московских продовольственных магазинах были сняты с продажи товары, пригодные для длительного хранения: копчености, сыры, колбасы, масло, чай, сахар, консервы[45].

С начала декабря, когда магазины уже опустели, в сберкассах неожиданно стал отмечаться большой приток вкладов, проводилось также разукрупнение имеющихся вкладов: в народ проникли слухи о льготном порядке обмена денег на счетах в сберкассах. После 14 декабря, когда состоялась реформа и вклады были обменены по льготному курсу, начался обратный процесс перевода их в наличность. Понятно, что в этой своеобразной биржевой игре, как считает, например, экономист А. Улюкаев, участвовали, и неплохо погрели на этом руки, отнюдь не рядовые рабочие, колхозники и служащие, а люди, во-первых, очень богатые, а во-вторых, хорошо информированные[46].

Утром 15 декабря московские магазины преобразились. На прилавках появились товары, которые раньше можно было встретить разве что в коммерческой торговле. Однако цены «кусались», на многие потребительские товары повышенного спроса, вопреки ожиданиям, они были выше и довоенных, и отмененных пайковых цен. Государственные чиновники, которым было поручено наблюдать за ходом торговли в первые дни после отмены карточек, отмечали, что москвичи приходят в магазины в основном, чтобы посмотреть, спросить цены, и часто уходят без покупок. Уже в течение первого дня торговли без карточек определилась группа товаров повышенного спроса. Среди продовольственных товаров лидировали сахар, крупа, растительное масло[47]. В промтоварных магазинах лучше всего шла резиновая обувь, особенно галоши, продажа которых составила главную выручку по всем крупным универмагам столицы. Один Москворецкий универмаг продал за день 1500 пар галош (для сравнения: кожаной обуви – только 120 пар)[48]. В некоторых районах Москвы срочно ввели лимит на продажу галош. Опасались большого наплыва покупателей из деревни, что могло нарушить картину показного изобилия в московских магазинах.

Некоторое беспокойство московским властям в связи с проведением реформы доставили фальшивомонетчики. 15 декабря в разных местах Москвы были попытки расплатиться фальшивыми деньгами. Как правило, подделки были весьма грубой работы и виновные

[43] ГАРФ. Ф.9401. Оп.2. Д.171. Л.333–335.

[44] Там же. Л.343–347.

[45] Там же. Л.254.

[46] *Аксенов Ю., Улюкаев А.* Указ. соч. С.83.

[47] ЦАОДМ. Ф.4. Оп.22. Д.172. Л.35.

[48] Там же.

В отделе шелковых тканей в Московском Ленинском универмаге. 1948 г.

В гастрономе № 2 по улице Горького. 1951 г.

задерживались на месте. Однако выброс фальшивых денег имел в городе лишь единичный, эпизодический характер.

Особые условия, в которых проводились обмен денег и отмена карточек в Москве и Ленинграде, естественно, не распространялись на другие регионы страны. Там уже через несколько дней торговли без карточек возник товарный кризис: даже в результате обмена денег и потери населением части своих сбережений платежеспособный спрос оказался выше, чем объем товарной массы. Не хватало товаров первой необходимости: хлеба, муки, масла. Около магазинов выстраивались многочасовые очереди, люди открыто выражали свое недовольство. В результате местные власти вынуждены были пойти на восстановление нормированной системы снабжения в виде карточек, заборных книжек, специальных пропусков. Отмена карточек в известном смысле осталась в истории столичным феноменом.

4. «ОХОТА НА ВЕДЬМ»: ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ КАМПАНИИ КОНЦА 40-х – НАЧАЛА 50-х гг.

В цепи политических событий первых послевоенных лет не так легко выделить московскую тему. Политику попрежнему творили в Москве, в том числе и на местном «материале». В столице зарождались и проходили апробацию все политические кампании 40–50-х гг.: организация «судов чести», преследование «безродных космополитов», проведение так называемых «творческих дискуссий» по проблемам философии, биологии, языкознания, фабрикация дела на «врачей-вредителей» или борьба с инакомыслием в среде молодежи. Главным объектом нападок становилась интеллигенция, которая после войны не раз давала властям повод усомниться в своей верноподданности. Речь не шла о формировании какой-либо серьезной оппозиции правящему режиму – подобные идеи владели лишь одиночками, но прошедшая война принесла с собой новые настроения и надежды. «Как я помню, и в конце войны, и сразу после нее, и в сорок шестом году,– вспоминал писатель К. М. Симонов,– довольно широким кругам интеллигенции [...] казалось, что должно произойти нечто, двигающее нас в сторону либерализации [...] послабления, большей простоты и легкости общения с интеллигенцией – хотя бы тех стран, вместе с которыми мы воевали против общего противника [...]. В общем, существовала атмосфера некой идеологической радужности [...]»[49]. Подобные настроения интеллигенции не только не встретили понимания в верхних эшелонах власти, но и вызвали самое решительное противодействие: в стране был объявлен «крестовый поход» против явления, которое советские идеологи посчитали «врагом № 1». Называлось это явление «низкопоклонством перед Западом».

Впервые мысль о «низкопоклонстве» прозвучала в постановлении ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» (август 1946 г.), которое можно рассматривать как первый симптом начавшейся идеологической реакции, направленной на подавление либеральных настроений интеллигенции. Однако широкий размах кампания борьбы с влиянием Запада приобретает только летом 1947 г. в связи с делом профессоров-биологов Н. Г. Клюевой и Г. И. Роскина.

Клюева и Роскин работали в области биотерапии раковых опухолей. Результатом их исследований стала разработка медицинского препарата круцина (КР), обладавшего противоопухолевой активностью. Ученые подготовили к изданию рукопись книги, которую предполагалось опубликовать параллельно в СССР и США. Первоначально работа Клюевой и Роскина нашла поддержку со стороны секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Жданова, в частности, по линии сотрудничества с американскими учеными. Однако специального решения ЦК ВКП(б) по этому вопросу (о передаче рукописи книги и препарата американской стороне) принято не было, что впоследствии послужило формальным поводом для обвинения ученых в «антипатриотических и антигосударственных поступках». Смысл обвинений сводился к тому, что ученые якобы лишили советскую науку приоритета в открытии препарата против онкологических заболеваний и тем самым нанесли ущерб государственным интересам Советского Союза.

16 июля 1947 г. ЦК ВКП(б) принял специальное закрытое письмо «О деле

[49] *Симонов К.* Глазами человека моего поколения // Знамя. 1988. № 3. С.49.

профессоров Клюевой и Роскина», в котором говорилось уже не об отдельном событии, а о целом явлении.

Письмо ЦК констатировало «наличие среди некоторой части советской интеллигенции недостойных для наших людей низкопоклонства и раболепия перед иностранщиной и современной реакционной культурой буржуазного Запада»[50]. «Наука в России всегда страдала от этого преклонения перед иностранщиной,– утверждалось в письме ЦК. – Неверие в силы русской науки приводило к тому, что научным открытиям русских ученых не придавалось значения, в силу чего крупнейшие открытия русских ученых передавались иностранцам или жульнически присваивались последними. Великие открытия Ломоносова в области химии были приписаны Лавуазье, изобретение радио великим русским ученым Поповым было присвоено итальянцем Маркони, было присвоено иностранцами изобретение электролампы русского ученого Яблочкова и т.д.»[51] Чтобы избежать подобных фактов в дальнейшем, ЦК ВКП(б) намеревался усилить меры по «воспитанию» советской интеллигенции. В качестве новой «острой и действенной» формы этой, так сказать, «воспитательной работы» предлагались «суды чести», постановление о создании которых было принято незадолго до этого – 28 марта 1947 г.

Прототипом этих «судов чести» были офицерские «суды чести», которые практиковались в российской императорской армии с целью укрепления дисциплины и повышения ее боеспособности. Новые «суды чести» призваны были бороться с инакомыслием в обществе и дисциплинировать государственный и партийный аппарат, т.е. использовались как форма контроля за умонастроениями и поведением интеллигенции и работников аппарата. «Суды чести» были выборными органами, а их полномочия ограничивались вынесением обвиняемому общественного порицания или общественного выговора, они могли передать дело следственным органам. «Суды чести» избирались на основе голосования из числа сотрудников организации или учреждения, где они образовывались, сроком на один год. Постановление ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР следующим образом определяло полномочия этих новых органов: «На суды чести возлагается рассмотрение антипатриотических, антигосударственных и антиобщественных поступков и действий, совершенных руководящими, оперативными и научными работниками министерств СССР и центральных ведомств, если эти поступки и действия не подлежат наказанию в уголовном порядке»[52]. Всего с апреля по октябрь 1947 г. «суды чести» были избраны в 82 министерствах и центральных ведомствах[53]. Большинство министерств и научных институтов располагалось в Москве, поэтому именно столица превратилась в главный полигон для испытания этой новой формы «воспитательной работы», придуманной кремлевскими идеологами.

Первый «суд чести» состоялся в Министерстве здравоохранения СССР над профессорами Клюевой и Роскиным. Суд проходил три дня, с 5 по 7 июня 1947 г., и вынес решение: за «антипатриотические

[50] Закрытое письмо ЦК ВКП(б) «О деле профессоров Клюевой и Роскина». 16 июля 1947 г. // Кентавр. 1994. № 2. С.68.

[51] Там же.

[52] Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) «О судах чести в министерствах СССР и центральных ведомствах». 28 марта 1947 г. // Источник. 1994. № 6. С.69.

[53] Там же. С.68.

Улица Горького. 1945 г.

и антигосударственные поступки» объявить профессорам Н. Г. Клюевой и Г. И. Роскину общественный выговор[54]. Суд над учеными должен был стать своего рода образцом для проведения подобных судилищ во всех министерствах, научных учреждениях и даже в аппарате ЦК ВКП(б). Новая «воспитательная» кампания задумывалась с размахом. Согласно утвержденному наверху сценарию события должны были развиваться следующим образом: всем сотрудникам министерств и ведомств, научным работникам предстояло обсудить закрытое письмо ЦК «О деле профессоров Клюевой и Роскина», затем найти факты «преклонения перед иностранщиной» в собственных учреждениях, а виновных предать «суду чести». Дальше началось самое интересное.

Собрания по обсуждению закрытого письма, действительно, состоялись практически во всех министерствах и ведомствах, во многих из них были даже найдены необходимые ЦК примеры «низкопоклонства». Если судить по отчетам о проведенных собраниях в научных организациях (прежде всего, в институтах и отделениях Академии наук), то там в качестве главного «криминала» выступали факты использования советскими учеными иностранных источников и публикации своих работ на иностранных языках. Приведем одно из типичных обвинений (Отделение технических наук АН СССР): «В 1946 г. ... выпущена книга В. В. Соколовского «Теория пластичности», которая содержит 22 страницы английского текста; предисловие автора на русском и английском языке, суммарное изложение каждой главы дано на английском языке и даже оглавление книги переведено на английский язык. Показательно, что автор книги В. В. Соколовский послал свой труд английскому ученому Фольку Одвисту; последний в ответ на эту любезность прислал Соколовскому свою брошюру на английском языке, причем в тексте этой брошюры и в сопроводительном письме, конечно, нет ни одного русского слова»[55].

Подобные обвинения могли бы показаться курьезом, но люди, уполномоченные контролировать развитие кампании борьбы с «низкопоклонством», относились к своей миссии более чем серьезно: они внимательно просматривали научные журналы и подсчитывали в них количество страниц, опубликованных на иностранных языках, проверяли соотношение между ссылками на отечественных и зарубежных авторов. Недовольство ЦК ВКП(б), и в частности секретаря ЦК А. А. Кузнецова, вызвало решение группы советских физиологов во главе с академиком Л. А. Орбели делать свои доклады на Всемирном конгрессе физиологов в Лондоне на английском языке[56]. К фактам «преклонения перед иностранщиной» отнесли также использование советскими учеными в своей работе достижений и опыта иностранных коллег, применение импортных сырья и материалов для экспериментов вместо отечественных.

Не все, однако, соглашались с такой постановкой вопроса. «Использование достижений науки и техники других государств нельзя рассматривать как раболепие перед иностранщиной» – такова была мысль нескольких выступавших на собрании во Всероссийском союзе кооперации инвалидов[57]. А ученый-физик В. Л. Гинзбург на партийном собрании в Физическом институте им. П. Н. Лебедева объяснял, что советские ученые часто просто не имеют в своем распоряжении необходимой экспериментальной базы, прежде всего приборов, и поэтому вынуждены использовать зарубежную технику. «Чем крепче, чем шире и мощнее будет наша наука, тем меньше будет оснований для этого (т.е. для использования импортной экспериментальной базы.– *Авт.*),– говорил Гинзбург.– Нужно учитывать науку других стран, относиться к ней с уважением. Но когда ты сам силен, ты раньше всего смотришь на самого себя, думаешь о себе, а не о других»[58].

Многие ученые поддержали идею о необходимости оперативного внедрения отечественных изобретений и открытий. Но в этом вопросе, считал, например, академик С. И. Вавилов, еще нужно достичь соглашения и понимания между учеными и производственниками, руководителями промышленности. «Хорошо известно,– говорил ученый,– что в большинстве случаев советские работы внедряются только после того, как становится известно, что аналогичное сделано где-либо за границей. После этого начинают внедрять, торопятся, переходят к скоростным методам»[59]. Подобные факты свидетельствуют о том, что ученые пытались уклониться, насколько это было возможно, от необходимости искать в своих рядах людей, совершивших «антипатриотические и антигосударственные поступки», и стремились привлечь внимание властей к действительным проблемам и нуждам науки. Однако так происходило далеко не во всех научных учреждениях, и нередко партийные собрания по обсуждению закрытого письма ЦК превращались в сведение личных счетов.

По-разному реагировали участники партийных собраний на сам факт «суда чести» над Клюевой и Роскиным и по-разному выражали свое отношение к решению «суда». В научных учреждениях обсуждение этого вопроса прошло в основном в русле ритуального одобрения, без лишних эмоций. Были случаи, когда ученые отказывались принимать участие в организованной травле своих кол-

[54] Решение суда чести Министерства здравоохранения Союза ССР. 7 июня 1947 г. // Кентавр. 1994. № 3. С.114.

[55] РГАСПИ. Ф.17. Оп.122. Д.262. Л.205.

[56] Там же. Оп.121. Д.572. Л.141.

[57] Там же. Ф.17. Оп.122. Д.270. Л.8.

[58] Там же. Д.262. Л.33.

[59] Там же. Л.45.

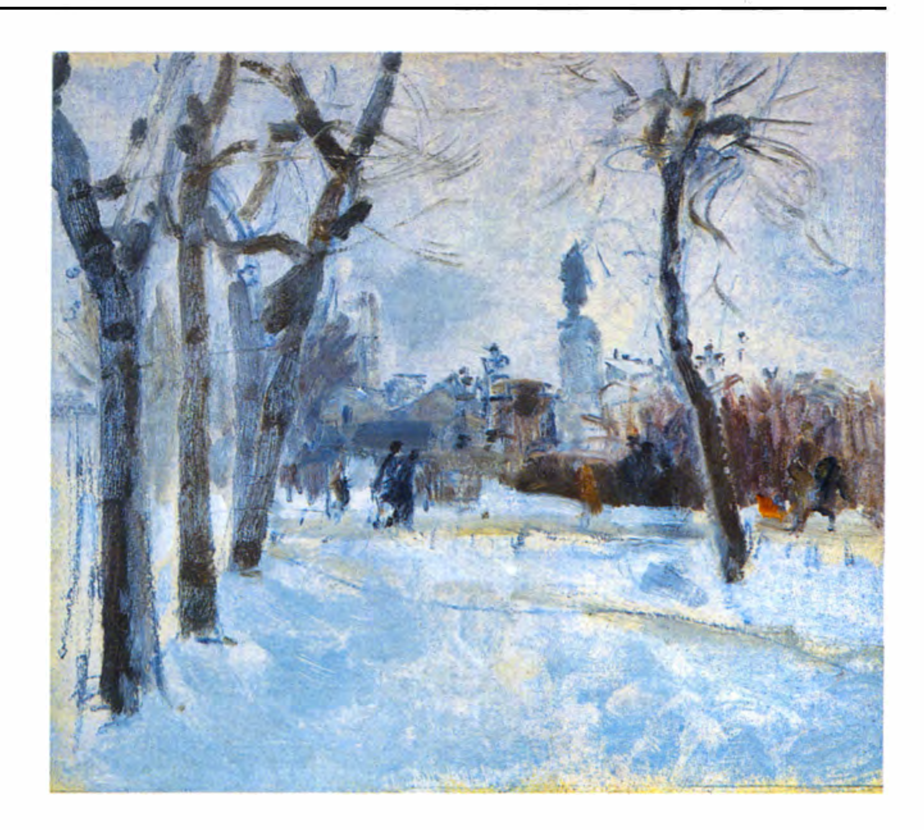
лег. Институт цитологии, генетики и эмбринологии АН СССР, например, не представил к награждению медалью «В память 800-летия Москвы» профессоров Н. П. Дубинина и И. А. Рапопорта, поскольку они не выступили против Клюевой и Роскина.

В некоторых же министерствах и ведомствах характер обсуждения скорее напоминал реакцию уличной толпы. На партийном собрании в Министерстве торговли СССР после ознакомления собравшихся с приговором «суда чести» в отношении профессоров-медиков в зале раздавались реплики: «Мало!», «Выговор? Только?!», «Безобразие какое! Надо дать им лет по двадцать заключения – пусть работают. Как они могли обмануть товарища Сталина?»[60]. Мысль о том, что Клюевой и Роскину «мало дали», звучала и на других партийных собраниях[61].

Как и полагалось по задуманному сценарию, в некоторых министерствах и научных учреждениях сразу после обсуждения закрытого письма приступили к выборам «судов чести». Но не везде. В Министерстве авиационной промышленности «суд чести» выбирать не стали, поскольку министр М. В. Хруничев и руководители парторганизации министерства считали, что у них нет дел, которые находятся в компетенции «судов чести»[62]. Аналогичным путем пошли руководители министерств геологии, вооружения, связи, электропромышленности и Главсевморпути. Другие заняли выжидательную позицию. В Министерстве рыбной промышленности восточных районов «суд чести» был создан, но к работе не приступал, поскольку его председатель высказывался в следующем духе: «Мы подождем, пока накопится опыт работы «судов чести» у других министерств»[63].

Такое поведение руководителей центральных ведомств не могло не настораживать главных инициаторов кампании по «воспитанию» интеллигенции. «Мне кажется,– говорил на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) А. А. Кузнецов,– что в реализации закрытого письма ЦК мы встречаем сопротивление. Хочется признавать это или не хочется, но это факт: мы встречаем сопротивление и со стороны партийных руководителей на местах и со стороны хозяйственных руководителей. То, что товарищи не хотят организовывать «суд чести», означает, что они сопротивляются той новой форме воспитания интеллигенции, которую установил ЦК...»[64] Министры авиационной и электропромышленности вместе с секретарями парторганизаций этих министерств были вызваны в ЦК для необходимых объяснений. В течение октября – ноября 1947 г. ЦК организовал ряд проверок хода реализации закрытого письма и работы «судов чести». Только после такого нажима дело наконец сдвинулось. «Министерства преодолели пассивность ... и от обсуждений встали на путь практической работы в этой области,– подводила итог одна из проверок.– «Суды чести» в министерствах выведены из пассивного состояния»[65]. С момента принятия закрытого письма ЦК прошло четыре месяца. Однако тот первый «сбой» не прошел бесследно. Власти впервые после войны столкнулись с проявлением «непослушания», что особенно примечательно, внутри такого социального слоя, который считался абсолютно лояльным. Попытка организовать поход против инакомыслия в среде интеллигенции и госслужащих, опираясь на внутреннюю поддержку этого слоя, не принесла желаемого эффекта: «суды чести» были непопулярны. Это во многом решило их дальнейшую судьбу. Постановлением Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 7 июля 1948 г. полномочия «судов чести» были продлены еще на один год. По истечении этого срока они больше не переизбирались. Сталин, по-видимому, утратил интерес к этой форме «воспитательной работы». Однако именно «суды чести» вместе с другими идеологическими кампаниями 1940-х гг. подготовили почву для перехода от превентивных мер борьбы с общественным инакомыслием к политике репрессий.

Репрессивная волна, прошедшая по Москве в конце 1940-х – начале 1950-х гг., напомнила современникам об аналогичных событиях 30-х: увольнениях, арестах, высылках. Вместе с тем послевоенные репрессии отличались от практики предвоенных лет. Если в 1930-е гг.



Пушкинская площадь. Художник Л. Хорошкевич. 1948 г.

[60] РГАСПИ. Ф.17. Оп.122. Д.271. Л.21.

[61] Там же. Д.272. Л.21.

[62] Там же. Д.269. Л.51.

[63] Там же. Д.272. Л.29.

[64] Там же. Оп.121. Д.640. Л.40.

[65] Там же. Оп.122. Д.269. Л.187, 188.

Завершение строительства жилого дома на Смоленской площади. Архитектор И. Жолтовский. Начало 1950-х гг.

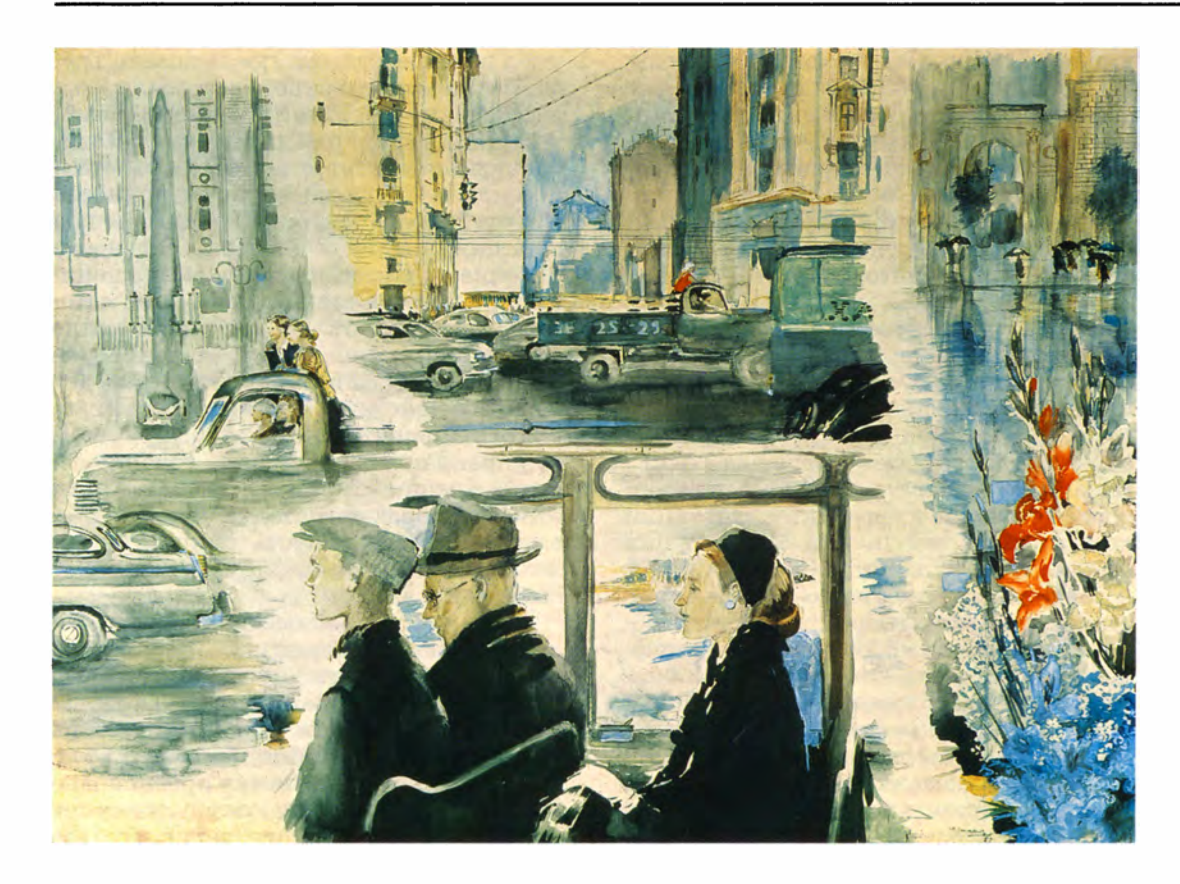
власть открыто боролась с теми, кого называли «врагами народа» (достаточно вспомнить в этой связи большие показательные процессы над представителями оппозиции), то после войны политические судебные процессы, связанные с борьбой за власть внутри элиты, а также организованные по другим мотивам, приобретают более замкнутый характер. Репрессии послевоенного времени не были такими массовыми, как в 1937–1938 гг., и не всегда проводились в крайних формах, но увольнения по политическим и идеологическим мотивам постепенно становились нормой жизни. Другой отличительной чертой послевоенных репрессий было преследование людей по национальному признаку, и прежде всего антисемитизм.

Первые проявления антисемитизма как новой государственной политики были отмечены сразу после окончания войны. Объектами критики ЦК ВКП(б) стали тогда Советское информационное бюро (Совинформбюро) и его начальник, заместитель министра иностранных дел СССР С. А. Лозовский. В сентябре 1945 г. и в июле 1946 г. Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) организовало две проверки работы Совинформбюро, которое было подвергнуто весьма серьезной критике за «упущения в кадровой работе». Эти «упущения» в числе прочих недостатков выразились в «недопустимой концентрации евреев»[66]. Лозовский был освобожден от своей должности, а в Совинформбюро началось увольнение сотрудников «по национальному признаку». Это были только первые шаги кампании, которая наберет полную силу в течение 1948–1949 гг., когда по всей стране будет организована борьба с так называемым «космополитизмом».

Обвинения в «космополитизме» придут на смену не вполне оправдавшей себя, с точки зрения властей, кампании борьбы с «низкопоклонством перед Западом», в известном смысле «конкретизируя» последнюю. «Космополитизм» выступал как своего рода «высшая форма низкопоклонства», как полный разрыв с интересами отечества. Кроме того, в отличие от кампании борьбы с «низкопоклонством», которая не имела четко выраженного объекта нападения (в грехе «преклонения перед иностранщиной» мог быть обвинен кто угодно), круг «безродных космополитов» был очерчен довольно ясно. Об этом нигде официально не заявлялось, но современники прекрасно понимали, о ком идет речь: в роли «безродных космополитов» выступали советские евреи.

В развитии всей антисемитской кампании переломным стал 1948-й – год образования самостоятельного государства Израиль. Именно в этот год произошло убийство признанного еврейского лидера, председателя Еврейского антифашистского комитета (ЕАК) С. М. Михоэлса. Тогда же начались первые аресты среди членов ЕАК. Чтобы создать видимость «сионистского заговора», в Министерстве государственной безопасности СССР

[66] *Костырченко Г.* В плену у красного фараона. Политические преследования евреев в СССР в последнее сталинское десятилетие. Документальное исследование. М., 1994. С.60, 61.



Москва. Садовое кольцо. Художник Ю. Пименов

одновременно с главным делом, связанным с ЕАК, велась фальсификация и разработка других, «малых дел» (всего около 70), которые должны были продемонстрировать наличие целой сети сионистских организаций – в государственных учреждениях, промышленности, науке и т.д. В феврале 1950 г. в поле зрения органов МГБ попали руководители автомобильной промышленности: так началась фабрикация «дела ЗИСа». На Московском автомобильном заводе были арестованы 48 человек, из них 42 еврея. Арестованные обвинялись в создании на заводе «антисоветской еврейско-националистической группы» во главе с бывшим помощником директора завода А. Ф. Эйдиновым. Из числа арестованных по «делу ЗИСа» 9 человек были приговорены к расстрелу, остальные получили максимальные, до 25 лет, сроки заключения[67].

Начиная с 1949 г. прошла кадровая чистка во всех министерствах и ведомствах, научных организациях, редакциях газет и журналов: отовсюду изгоняли евреев. Чистке по национальному признаку было подвергнуто даже такое ведомство, как Министерство государственной безопасности. К весне 1952 г. было закончено следствие по делу Еврейского антифашистского комитета, а с мая по июль 1952 г. в Москве прошел процесс над участниками «дела ЕАК». Все участники этого процесса, за исключением одной обвиняемой, были приговорены к расстрелу.

Однако с завершением серии «дел», связанных с процессом над членами Еврейского антифашистского комитета, кампания по преследованию евреев не завершилась. Ее заключительным этапом стало «дело врачей», призванное, по замыслу организаторов, вскрыть заговор кремлевских медиков против руководителей партии и страны. «Дело врачей» – единственное в цепи послевоенных «дел», которое было предано широкой публичной огласке. Сообщение об аресте группы врачей, названных «убийцами в белых халатах», «врачами-вредителями», было опубликовано в газете «Правда» 13 января 1953 г. Не все арестованные врачи были евреями, однако, как подчеркивалось в сообщении, «большинство участников террористической группы ... были связаны с международной еврейской организацией «Джойнт»[68]. «Врачи-вредители» обвинялись в сознательно неправильном лечении руководителей страны, в том, что они способствовали смерти первого секретаря Московского комитета партии А. С. Щербакова в 1945 г. и секретаря ЦК А. А. Жданова в 1948 г., а также готовили аналогичные «террористические акты» в отношении других высших государственных лиц.

Кампания борьбы против «безродных космополитов» приносила свои плоды. Конечно, далеко не все поверили в заговор «убийц в белых халатах», но массовая реакция москвичей на «дело врачей» была весьма показательной. Смертной казни для врачей требовали

[67] *Костырченко Г.* Указ. соч. С.264.

[68] Правда. 1953. 13 января.

военнослужащие и домохозяйки, школьники и пенсионеры. Многие из этих людей даже не считали себя антисемитами. «Я простой рабочий и не антисемит,– объяснялся на этот счет рабочий московского завода «Динамо».– Но скажу прямо, давно евреев гнать надо из всех медицинских учреждений, аптек, больниц, домов отдыха, санаториев – это, так сказать, места засилья евреев, да еще торговля... Одним словом, надо почистить этих людишек»[69].

Приходили в газеты и анонимные письма, вроде такого: «Мы, все жильцы дома, были страшно возмущены, когда прочитали в «Правде» сообщение ТАСС... Не пора ли разбирать национальный вопрос, в том числе и еврейский, с позиций построения коммунизма. Мешают они строить коммунизм? Да! С этих позиций и еврейский вопрос надо решать. Удалить их из крупных городов – много сволочей лишних...»[70] Были осуждающие врачей письма-отклики и от представителей еврейской национальности, обращенные к «честным евреям мира» с призывом «клеймить позором убийц», «американских наемников»[71]. Слухи – один нелепее другого – ходили в то время по Москве. Обыватели делились друг с другом «страшными» подробностями: будто бы фармацевты в московских аптеках готовят отравленные лекарства и распространяют в таблетках вирусы сибирской язвы, тифа и рака; будто бы в магазины уже выпустили партию зараженных различными болезнями мышей, а в родильных домах действует целая группа евреев-вредителей[72].

О состоянии общественной атмосферы начала 50-х гг. в связи с «делом врачей» вспоминал один из участников этого дела, известный советский патологоанатом профессор Я. Л. Рапопорт: «В обывательской среде распространялись слухи один нелепее другого, включая «достоверные» сведения о том, что во многих родильных домах были умерщвлены новорожденные или что некий больной умер непосредственно после визита врача, тут же, естественно, арестованного и расстрелянного. Резко упало посещение поликлиник, пустовали аптеки. В Контрольный институт, где я тогда работал, пришла молодая женщина и принесла для исследования пустой флакон из-под пенициллина. Ее ребенок был болен воспалением легких, и после приема пенициллина его состояние, по словам матери, резко ухудшилось. Аллергические реакции на антибиотики – явление достаточно частое, но она приписала эту реакцию действию яда, якобы содержащегося в пенициллине, заявив при этом, что прекращает какое-либо лечение ребенка вообще. Когда же я сказал, что этим она обрекает ребенка на гибель, то в ответ услышал: пусть умирает от болезни, но не от яда, который я даю ему своими руками...»[73]

Конечно, подобные настроения владели далеко не всеми, и многим евреям удалось избежать преследований и увольнений благодаря поддержке и защите своих русских коллег. Несмотря на то что вся кампания борьбы с «безродными космополитами» организовывалась и направлялась сверху, не существовало специального решения ЦК, прямо указывающего на так называемый «пятый пункт» как основу для увольнений. Более того, отделы кадров вынуждены были изобретать всяческие надуманные предлоги для увольнения евреев, чтобы не быть уличенными в преследовании сотрудников своих учреждений по национальному признаку. Это обстоятельство не могло изменить ситуацию кардинально, но давало некоторую свободу маневра людям, обладавшим здравым смыслом и элементарным понятием о правах человека. Поэтому, когда после смерти Сталина антисемитская кампания наконец прекратилась, а арестованные медики получили свободу, в обществе эти события были восприняты как добрый знак, как начало позитивных перемен.

[69] Российский государственный архив новейшей истории (далее РГАНИ). Ф.5. Оп.16. Д.602. Л.17.

[70] Там же. Л.32–34.

[71] Там же. Л.30.

[72] ЦАОДМ. Ф.4. Оп.81. Д.4. Л.7; Д.22. Л.124.

[73] *Рапопорт Я.* Воспоминания о «деле врачей» // Дружба народов. 1988. № 4. С.224.

X

МОСКОВСКАЯ «ОТТЕПЕЛЬ» (1953–1964)

1. КОГДА УМЕР СТАЛИН...

Март 1953 г. надолго врезался в память очевидцев. Казалось, будто вся Москва вышла на улицу, устремленная к Колонному залу в едином порыве великого прощания. Умер Сталин. Миллионы людей переживали эту утрату, как трагедию, которая для многих москвичей обернулась сотнями утрат. «Дыхание десятков тысяч прижатых друг к другу людей, поднимавшееся над толпой белым облаком, было настолько плотным, что на нем отражались и покачивались тени голых мартовских деревьев,– напишет потом Е. А. Евтушенко, оказавшийся в многотысячной толпе на Трубной площади.– Это было жуткое, фантастическое зрелище. Люди вливались сзади в этот поток, напирали и напирали. Толпа превратилась в страшный водоворот. Вдруг я почувствовал, что иду по мягкому. Это было человеческое тело. Я поджал ноги, и так меня понесла толпа. Я долго боялся опустить ноги. Толпа все сжималась и сжималась. Меня спас только мой рост. Люди маленького роста задыхались и погибали. Мы сдавлены с одной стороны стенами зданий, с другой стороны – поставленными в ряд военными грузовиками»[1].

Люди шли к Колонному залу, где был установлен гроб с телом Сталина. «Я стоял с писателями в почетном карауле,– вспоминал И. Г. Эренбург.– Сталин лежал набальзамированный, торжественный – без следов того, о чем говорили медики, а с цветами и звездами. Люди проходили мимо, многие плакали, женщины поднимали детей, траурная музыка смешивалась с рыданиями. Плачущих я видел и на улицах. Порой раздавались крики: люди рвались к Колонному залу. Рассказывали о задавленных на Трубной площади. Привезли отряды милиции из Ленинграда. Не думаю, чтобы история знала такие похороны»[2].

В течение нескольких месяцев после смерти Сталина в Центральный Комитет партии, редакции газет и местные органы власти поступали тысячи писем и телеграмм с выражением самых искренних соболезнований и непременным требованием увековечить память ушедшего вождя. Среди наиболее часто встречавшихся предложений главное место занимала идея сооружения Пантеона, ради воплощения которой даже предлагалось несколько «расширить» Красную площадь за счет сноса части Кремлевской стены, здания бывших Верхних торговых рядов (ныне – ГУМ) и некоторых других архитектурных памятников. Встречались предложения переименовать Москву в город Сталин, учредить орден Сталина, открыть музеи Сталина в разных городах страны, создать книги и кинофильмы о вожде. Высказывались и совсем оригинальные идеи о сооружении в память о Сталине «фонтана слез», об учреждении и присвоении Сталину звания Герой политического труда или об отказе от празднования женщинами праздника 8 Марта и перенесении его на другой день – подальше от печальной даты[3].

Но что-то уже сдвинулось с мертвой точки, хотя тогда, в первые мартовские дни 1953 г., наверное, никто не мог сказать, что именно. На следующее утро после похорон американский журналист Г. Солсбери, проходя мимо Колонного зала, увидел, как двое рабочих при слабом свете фонарей снимают со стены 20-метровый портрет Сталина. Он выскользнул у них и повис, перекосившись, над улицей. «Эй, поосторожней!» – крикнул кто-то. «Ничего,– отозвался другой голос.– Эка беда! Да он уже никому больше не понадобится»[4]. Так начиналась новая эпоха, точнее, ее предчувствие. Начиналась «оттепель».

В памяти современников «оттепель» связана прежде всего с процессом реабилитации – освобождением политических заключенных и возвращением честного имени погибшим. Комиссия по реабилитации начала свою работу в начале 1954 г. Сначала предполагалось все

[1] Цит. по: Неделя. 1989. № 19.

[2] *Эренбург И.* Собр. соч. В 9 т. Т. 9. М., 1931. С. 731.

[3] РГАНИ. Ф.5. Оп.16. Д.539а. Л.6–16.

[4] *Солсбери Г.* Москва, 1953-й // За рубежом. 1990. № 37. С.18.

закончить за восемь месяцев и доложить результаты в ЦК КПСС. Это означало, что даже в верхах не вполне представляли себе сложность и масштабы этого процесса. Основная работа по реабилитации развернулась уже после XX съезда партии, т.е. в 1956 г. В Москве в течение 1956–1958 гг. парткомиссией и бюро МГК было рассмотрено в общей сложности 3692 персональных дела коммунистов, ожидающих реабилитации. Восстановлено в партии было тогда 980 человек и реабилитировано посмертно 2415 человек (92% от общего количества поданных заявлений). Парткомиссия отказала в реабилитации 297 человекам, главным образом, по причине так называемой «активной антисоветской деятельности» (в число «отказников» попали прежде всего люди, поддерживавшие в свое время Л. Д. Троцкого, Г. Е. Зиновьева и других лидеров оппозиции)[5].

Среди 3692 московских коммунистов, осужденных по политическим мотивам, дела которых рассматривались парткомиссией, партийные работники составляли 5% (185 человек), советские работники – 33,3% (1225 человек), хозяйственные руководители разного ранга – 36,4% (1344 человека), военнослужащие – 4,6% (172 человека), сотрудники судебно-следственных органов – 2,5% (92 человека), профсоюзные работники – 1,1% (40 человек), комсомольские работники – 0,2% (8 человек)[6].

9 августа 1956 г. и 4 января 1957 г. ЦК КПСС принял постановления, в которых обязал партийные организации разобрать по месту жительства дела коммунистов, исключенных и выбывших из партии в связи с пребыванием в плену и на временно оккупированной территории в годы Великой Отечественной войны. В Московском комитете партии в связи с этим было рассмотрено 767 дел, восстановлено в партии 677 человек[7].

Уже примерно через год после смерти Сталина в Москву стали возвращаться первые реабилитированные. Сначала единицы, потом все больше и больше: среди них были не только москвичи, но и те, кто по вековой традиции шел в Москву «за правдой». Тогда еще не знали слова «реабилитированный», но эти бывшие заключенные почти с первого взгляда отличались от тех, кто вернулся в Москву год назад – по амнистии. Рассказам о лагерной жизни верили и не верили, но их слушали. Эти рассказы, как правило, не выходили за пределы самого близкого семейного круга: страх продолжал жить, и еще никто из вернувшихся не знал, сколь долговечна дарованная свобода.

Для большинства москвичей начало процесса реабилитации вообще прошло незамеченным. Но в московской жизни первых послесталинских лет были и такие события, которые запомнили все. В 1954 г. открылся Кремль – таинственный замок-крепость, где обитали вожди, должен был стать музеем, местом прогулок и отдыха для жителей Москвы и ее гостей. К помпезному кремлевскому новогоднему празднику для детей прибавился совершенно неожиданный, хотя тоже кремлевский – Елка в Тайницком саду, в котором были устроены самые разнообразные развлечения: огромные горки, ледяные лабиринты и т.п. Все это

[5] ЦАОДМ. Ф.4. Оп.106. Д.9. Л.171.

[6] Там же. Л.173.

[7] Там же. Л.174.

У гроба И. В. Сталина в Колонном зале Дома Союзов. Слева направо: Н. С. Хрущев, Л. М. Каганович, Н. А. Булганин, К. Е. Ворошилов, В. И. Сталин, С. И. Аллилуева, С. К. Тимошенко, Л. П. Берия, Г. М. Маленков. Март 1953 г.

было очень необычно. Необычным было и совместное обучение мальчиков и девочек, на которое перешли московские школы.

В столичной жизни в это время встречались «странности» и совсем другого порядка. Постепенно со страниц газет – центральных и московских – стало исчезать имя Сталина. Во всех учреждениях, школах, в цехах предприятий еще висели его портреты, стояли гипсовые бюсты, но победные фанфары вокруг заслуг «вождя и учителя» звучали все глуше и глуше, пока не смолкли совсем. Подобный поворот событий вызвал в московском обществе сложную реакцию. Кто-то увидел в этом умолчании добрый знак, кто-то почувствовал себя уязвленным. Среди последних были не только сталинисты.

В канун 8 марта 1954 г. (прошел год со дня смерти Сталина) в студенческом общежитии на Стромынке по давней традиции к женскому дню показывали фильм «Член правительства». В фильме есть финальная сцена, когда в огромный зал под гром аплодисментов собравшихся входит Сталин. И вот, когда Сталин появился на экране, зрительный зал встал и зааплодировал. Для этих ребят Сталин не был кумиром, во всяком случае, тот поступок был вызван другими чувствами: контраст между прежней шумихой, окружавшей имя вождя, и внезапным умолчанием без какого бы то ни было объяснения был настолько искусствен, что казался безнравственным.

«Когда имя Сталина исчезло со страниц газет, а потом очень быстро появилась формулировка «культ личности», то этим было как-то задето нравственное чувство, чувство справедливости,– рассказывал И. А. Дедков, в то время студент МГУ, позднее известный журналист и критик.– Как же так? То он заполнял собой все газеты, все на него молились. И кто в первую очередь молился? Все эти «начальники», руководители страны. Почему вы раньше кричали «ура!», а теперь молчите? В общем это было сделано как-то безнравственно. Не по-человечески»[8].

Признаки нового угадывались и в оживлении литературной жизни Москвы. Начиная с 1954 г., после нашумевших литературно-критических статей, внимание читающей публики было приковано к «Новому миру». Этот журнал стал символом «оттепели», а его читатели по всей стране образовали своего рода литературную партию, точнее, сообщество единомышленников – со своими нравственными и художественными принципами, со своей политической позицией.

Москва стала местом рождения нового театра: в 1956 г. открылся театр-студия «Современник». Этот год можно в известном смысле считать и годом рождения московского авангарда как самостоятельного художественного направления: тогда возникла Лианозовская группа художников.

Но чаще всего 1956 г. связывается с XX съездом КПСС и с началом официального развенчания Сталина. После закрытого доклада Н. С. Хрущева на съезде «О культе личности и его последствиях» по Москве уже на следующий день поползли слухи. «Повсюду говорили о Сталине: в любой квартире, на работе, в столовых, в метро,– вспоминал И. Г. Эренбург.– Встречаясь, один москвич говорил другому: «Ну, что Вы скажете?...» Он не ждал ответа: объяснений прошлому не было. За ужином глава семьи рассказывал о том, что услышал на

Посетители на территории Московского Кремля. 1955 г.

Московский Кремль

[8] Цит. по: *Зубкова Е.Ю.* Общество и реформы. 1945–1964. М., 1993. С.132.

Главный редактор «Нового мира» А. Т. Твардовский

Доклад Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС. 1956 г.

Зал заседаний XX съезда КПСС

собрании. Дети слушали. Они знали, что Сталин был мудрым, гениальным... и вдруг они услышали, что Сталин убивал своих близких друзей... что он свято верил в слово Гитлера, одобрившего пакт о ненападении. Сын или дочь спрашивали: "Папа, как ты мог ничего не знать?"»[9]

Доклад Хрущева сначала читали на партийных собраниях московским коммунистам, затем с его содержанием была ознакомлена и более широкая общественность Москвы. Город кипел: шли собрания, дискуссии, неформальные обсуждения. Не обошлось и без критических выступлений в адрес Хрущева и других руководителей из бывшего сталинского окружения. На собрании в Институте мировой литературы Академии наук СССР один из выступавших говорил: «Мне кажется, что вследствие исторических причин в партийном и государственном аппарате имелась прослойка людей, которым был выгоден культ личности, которые «ехали» на этом. Теперь они произносят высокие слова и думают о том, как в этой ситуации удержаться... Если все эти люди останутся на своих местах, если ничего с ними не произойдет, если им будет доверено проведение решений XX съезда в жизнь, то это будет самообман с нашей стороны»[10]. Подобные высказывания звучали и на других собраниях. В Институте востоковедения, например, «антипартийным» было признано следующее заявление: «Доклад Хрущева о культе Сталина был преподнесен как дополнительный, второстепенный вопрос и даже не обсуждался. В докладе слишком много эмоций и личных выпадов и ни слова о собственной ответственности, ответственности Политбюро за положение, которое сложилось в партии, за репрессии и расстрелы. Хрущев проявил трусость, уйдя от этой ответственности. Неискренни были Молотов, Микоян и другие, говоря на XIX съезде одно, а на XX – другое. Они не заслуживают доверия, готовы на все ради своего благополучия. Необходимо провести в партии дискуссию по культу личности и подвести ее итоги на внеочередном съезде КПСС»[11].

Усиливалось брожение в среде московского студенчества. Лидером этого

[9] *Эренбург И.* Люди, годы, жизнь // Огонек. 1987. № 24.

[10] Цит. по: *Барсуков Н.А.* Оборотная сторона «оттепели» // Кентавр. 1993. № 4. С.132.

[11] Там же. С.136.

движения «непослушания» был тогда Московский университет. Студенты на своих собраниях помимо обсуждения волновавшего тогда всех вопроса о культе личности требовали пересмотра учебных программ, студенческого самоуправления, увольнения наиболее одиозных преподавателей. Отдел школ и вузов горкома партии регулярно информировал первого секретаря МГК Е. А. Фурцеву о настроениях московского студенчества. Главное не дать им объединиться в единый студенческий поток – следовала резолюция секретаря горкома[12].

Во избежание стихийных выступлений ЦК КПСС принял решение временно чтение доклада Хрущева прекратить. Возможно, этим все дело и ограничилось бы, но события, происходившие в это время за пределами СССР, резко изменили отношение властей к развитию внутриполитических процессов. Началась революция в Венгрии, подавленная в результате советского военного вмешательства. «Венгерский синдром» стал после этого для советских руководителей неизлечимым недугом: теперь любое проявление инакомыслия воспринималось ими как угроза «контрреволюции». Под таким углом зрения рассматривались теперь и поведение студентов, и настроение московской интеллигенции. 19 декабря 1956 г. ЦК КПСС принял закрытое письмо «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов». Объясняя брожение умов в стране происками империалистической пропаганды, письмо заканчивалось довольно характерной фразой: «ЦК КПСС с особой силой подчеркивает, что в отношении вражеского охвостья у нас не может быть двух мнений по поводу того, как с ним бороться. Диктатура пролетариата по отношению к антисоветским элементам должна быть беспощадной»[13].

Напуганные венгерскими аналогиями, московские идеологи теперь везде искали признаки «кружков Петефи». По этой причине был закрыт в 1957 г. альманах «Литературная Москва» и началась кампания проработок, призванная усмирить московскую, и не только московскую, интеллигенцию. Однако запреты не всегда оказывались действенными. 1 октября 1957 г. на московском телецентре была предпринята первая попытка выхода в «прямой эфир». Это был телевизионный «Вечер веселых вопросов» (прообраз КВН), проведенный в Доме культуры МГУ. Программа привела в ужас московские власти. По распоряжению Фурцевой директор телецентра был снят с работы, а вместе с ним – еще 30 человек, участвовавших в подготовке программы.

А еще раньше, в январе 1957 г., «взбунтовались» работники московских театров: на совещании в Московском городском комитете партии руководству Москвы и Министерства культуры пришлось тогда выслушать немало критики в свой адрес. Печально известная встреча Хрущева с творческими работниками в мае 1957 г. в немалой степени была «спровоцирована» поведением московской интеллигенции, а в ее организации Московский горком сыграл далеко не последнюю роль.

Трижды Герои Советского Союза: А. И. Покрышкин, Маршал Советского Союза Г. К. Жуков и И. Н. Кожедуб. 1945 г.

В течение 1957 г. происходили большие перемены и в высших эшелонах власти. Не все из них нашли какой-либо отклик у москвичей. Например, по поводу устранения от власти в июне 1957 г. членов так называемой «антипартийной группы» – Г. М. Маленкова, В. М. Молотова, Л. М. Кагановича – москвичи больше недоумевали, не очень понимая суть происходящего. Если же говорить о событии, которое действительно задело москвичей, то таковым можно считать отставку маршала Г. К. Жукова с поста министра обороны. В октябре 1957 г. пленум ЦК КПСС принял постановление «Об улучшении партийно-политической работы в Советской Армии», в котором деятельность министра была подвергнута самой жесткой критике. Жукова обвинили в том, что он «хотел оторвать армию от партии», «потерял партийную скромность, которой учил нас Ленин»[14]. В газете «Правда» появилась статья маршала И. С. Конева, ставшая как бы «фактическим подтверждением» выдвинутых в адрес Жукова обвинений. Постановление ЦК и статья Конева активно обсуждались в Москве, особенно в среде бывших фронтовиков. И дело здесь было даже не в сомнениях относительно достоверности опубликованного «компромата» и не в политической подоплеке самого факта отставки. Демарш, предпринятый Хрущевым против Жукова, многие современники восприняли как

[12] *Таранов Е.В.* Первая дама Москвы (Штрихи к портрету Е.А. Фурцевой) // Кентавр. 1993. № 1. С. 104.

[13] РГАНИ. Ф.89. Перечень № 6. Док. 2. Л.12.

[14] КПСС в резолюциях. Т. 9. М., 1986. С.210.

оскорбление памяти погибших в минувшей войне, как личное оскорбление. В сознании большинства людей Жуков был неотделим от победы, он стал ее живым символом, героем-освободителем. Маршал был, пожалуй, самой популярной фигурой в послесталинском руководстве страны – это реальность, которую трудно было оспорить.

Информаторы ЦК КПСС отмечали неожиданно высокую активность коммунистов на собраниях в московских коллективах, где проходило обсуждение решения ЦК относительно Жукова. Бывшие фронтовики устраивали и стихийные, импровизированные собрания, писали письма в Центральный Комитет партии и лично Хрущеву, в которых просили «разобраться», «не рубить с плеча», направляли телеграммы со словами поддержки теперь уже опальному маршалу. Ряд партийных организаций приняли специальное решение о своем несогласии с постановлением пленума ЦК (в их числе Мосгорфинуправление, школа № 293, завод деревообрабатывающих станков, ТЭЦ-11, таксомоторный парк № 8, несколько строительных управлений и другие организации города)[15].

Полковник в отставке Толкачев говорил на собрании: «Жуков – хороший комиссар, и я не верю, что он делал то, в чем его обвиняют. В ЦК нет согласованности, и идет борьба за портфели»[16]. Ему как бы вторил мастер Пчелинцев: «Жуков всеми уважаемый человек. Он отстоял Москву. Хрущев выдвигает своих подхалимов и насаждает свой культ личности. Райкомы партии поддерживают ЦК КПСС, так как боятся за свои места»[17]. На собрании в ГОСНИИ-642 бывший разведчик, кавалер многих орденов Калинин после своего выступления в защиту Жукова бросил партийный билет на стол президиума. И подобный случай был не единичным: коммунисты, не согласные с решением об отставке Жукова, в знак протеста отправляли свои партбилеты в райкомы, оставляли их в парткомах своих предприятий. Жукову это, правда, не помогло, но Хрущев с тех пор много потерял в глазах москвичей.

Так заканчивался 1957 год.

2. МОСКВА ФЕСТИВАЛЬНАЯ

После встречи Хрущева с московской интеллигенцией в мае 1957 г. присутствовавший на ней А. Т. Твардовский в своем дневнике грустно подытожил: «Рассеянье последних иллюзий»[18]. Для подобного вывода у Твардовского были все основания, подтвержденные затем в десятках конкретных санкций по отношению к писателям, поэтам, художникам. Все эти события, казалось, демонстрировали окончательную победу консервативной волны. С данной очевидностью уже можно было бы смириться, если бы не переменчивость «оттепели». И тогда в грустный контекст 1957 г. не вписывается, по крайней мере, одно событие – VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов.

Эмблема VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве. 1957 г.

Столица еще не знала подобных торжеств, за исключением, пожалуй, празднования 800-летия города в 1947 г. Подготовка к фестивалю шла на самом высоком уровне, и в его организации было задействовано много инстанций – от московских до общесоюзных. Существовала и утвержденная по всем советским правилам программа фестиваля. Но не об этой – официальной – стороне сейчас речь. Московский фестиваль стал тем самым событием, которое на несколько дней сделало Москву открытой для мира. И это важно, но, может быть, самое главное заключалось в том, что фестиваль открыл «большой мир» и для москвичей. Программа фестиваля, запланированная и согласованная заранее, явно не «стыковалась» с новой идеологической ситуацией, сложившейся к этому времени. Только такой «нестыковкой» и можно объяснить тот очевидный факт, что идеологи страны, стремившиеся оградить советскую молодежь от влияния Запада, сами подготовили мероприятие, которое впервые предоставило московской молодежи широкую возможность соприкоснуться с современной западной культурой.

К фестивалю готовились заранее. За короткое время в городе были покрыты новым асфальтом улицы, отремонтированы и подкрашены фасады домов. В Москве царили чистота и порядок, непривычные в будничные дни. Столь же необычным было и праздничное оформление городских улиц: красные знамена дополнили разноцветными, а традиционные серп и молот заменили многочисленными воспроизведениями «Голубя мира» Пабло Пикассо. У организато-

[15] ЦАОДМ. Ф.4. Оп.104. Д.11. Л.211.

[16] Там же.

[17] Там же.

[18] *Твардовский А.Т.* Из рабочих тетрадей // Знамя. 1989. № 8. С.127.

«Навстречу празднику юности и мира». Плакат. Художник Н. Смоляк. 1957 г.

Москвичи приветствуют участников Всемирного фестиваля молодежи и студентов. 1957 г.

ров фестиваля возникла тогда идея в день открытия выпустить в московское небо сразу несколько десятков тысяч голубей. Однако для реализации столь эффектного зрелища городских голубей было явно недостаточно. Чтобы выйти из положения, председатель Моссовета Н. И. Бобровников собрал у себя председателей исполкомов всех московских районов и дал указание в каждом районе Москвы построить дополнительно по пятнадцать–двадцать голубятен. Тем, кто сумеет перевыполнить задание, были обещаны специальные премии. Московские голуби стали украшением фестиваля. Но он завершился, и подобное «украшение» очень быстро превратилось в серьезную городскую проблему: голубей в городе стало слишком много. Московская пресса, не так давно с умилением восхищавшаяся «пернатыми братьями», теперь называла голубей не иначе как «птицами-паразитами», и не без основания.

Голубиная история – курьез, и запомнился фестиваль, конечно, не только впечатляющим полетом голубей над Лужниками. В его программе вообще было много неожиданного. Как, например, сразу три художественные выставки: Международная мастерская пластического искусства в Центральном парке культуры и отдыха им. М. Горького, ретроспектива работ П. Пикассо, выставка в «Сокольниках». На выставке в Парке им. М. Горького было представлено 4500 работ современных зарубежных художников из 52 стран мира – настоящая панорама абстрактной живописи. «Возможно, с сегодняшней точки зрения та выставка не была первоклассной,– вспоминает присутствовавший на ней Ю. Соболев.– Но сам дух свободной коммуникации, всеобщей раскованности, который царил там; сам факт того, что на стенах висели картины, которые у нас в стране мы до этого не видели и в принципе не могли видеть,– все это оказалось очень важным»[19].

В дни фестиваля был объявлен конкурс на лучшую картину. Первую премию конкурса – Золотую медаль – председатель международного жюри мексиканский художник Сикейрос вручил молодому московскому художнику Анатолию Звереву, работы которого до этого могли видеть только друзья, а сам он, отчисленный из Училища им. 1905 года, подрабатывал покраской заборов[20].

Московский фестиваль в известном смысле реабилитировал до того почти полуподпольный джаз. В Москву приехали англо-американский квинтет Дж. Элисона, итальянский диксиленд, польская группа К. Комеды и др. Тогда же был организован небольшой фестиваль джазовой музыки.

Все эти события, ошеломившие московскую молодежь, создавали особую атмосферу фестиваля. Это был настоящий праздник. Праздник узнавания и праздник общения. «Город гудел и днем, и ночью,– делится своими воспоминаниями о тех днях известный джазовый музыкант А. Козлов.– По Москве толпами ходили иностранцы. Среди них было много американцев. Мы были поражены – они не имели ничего общего с теми,

[19] Цит. по: «Другое искусство». Москва, 1956–1976: К критике художественной жизни. Т.1. М., 1991. С.38.

[20] Там же. С.42.

кого мы знали по карикатурам из «Крокодила» и рисункам Бидструпа. Те – либо толстяки с сигарой в зубах во фраке и цилиндре, либо заросшие грязью бродяги в дырявых штанах и помятой шляпе. А эти – какие-то совсем другие – простые, доброжелательные, улыбчивые ребята, все коротко стриженные, крепкие, в синих штанах, которые, как мы узнали позже, называются джинсы»[21].

Многие участники тех событий оценивали позднее московский фестиваль как своего рода поворот в развитии собственного мироощущения: произошло соприкосновение с иной культурой, сама идея множественности моделей мира, отраженная в разнообразии художественных стилей, резко контрастировала с привычной монокультурой мысли и удручающим однообразием официального советского искусства. И если политическое значение фестиваля очень скоро стало лишь достоянием пропаганды, дух его еще многие годы оказывал влияние на развитие неформальной жизни Москвы.

3. НЕФОРМАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ СТОЛИЦЫ

Так уж случилось, что история «оттепели» традиционно связывается с началом политической либерализации, возвращением реабилитированных, с XX съездом партии. При этом как-то забывается, что «оттепель» – событие не только политическое, поскольку либерализация, изменившая общественную жизнь в стране, не оставила в стороне и жизнь частную. Здесь тоже происходили большие перемены. Зарождались новые формы общения между соседями и друзьями, то, что позднее назовут «московской кухней» и что точнее определить как социум дружеского круга.

В московских компаниях сложился даже особый стиль общения. Собирались за столом, пели (обычно под гитару), танцевали – и говорили, говорили. Тогда по Москве ходило множество анекдотов – тоже признак времени, их пересказывали друг другу, не опасаясь получить за это срок. В каждой компании были свои любимые рассказчики, как был и свой певец, и свои любимые песни. Это были странные песни: их нельзя было услышать по радио и их не исполняли со сцены, но знали все. Ю. Даниель назвал как-то те первые послесталинские годы «временем блатных песен»: «Медленно и постепенно они просачивались с Дальнего Востока и с Дальнего Севера, они вспыхивали в вокзальных буфетах узловых станций. Указ об амнистии напевал их сквозь зубы. Как пикеты наступающей армии, отдельные песни мотались вокруг небольших городов, их такт отстукивали дачные электрички, и, наконец, на плечах реабилитированной 58-й они вошли в город. Их запела интеллигенция; была какая-то особая пикантность в том, что уютная беседа о «Комеди францез» прерывалась меланхолическим матом лагерного доходяги, в том, что бойкие мальчики с филфака толковали об аллитерациях и ассонансах окаянного жанра»[22].

Потом в московские компании пришли другие песни. Это были даже не песни, а пение стихов под гитару. Среди поющих поэтов сразу появились московские кумиры: Булат Окуджава, Юрий Визбор, Новелла Матвеева... Записи их песен расходились быстро благодаря только что появившимся магнитофонам. Стихи многократно перепечатывались на машинке, с этого, собственно, и начался «самиздат».

По свидетельству современников, в «самиздате» Москвы в конце 50-х – начале 60-х гг. господствовали именно стихи. Это были прежде всего стихи забытых, запрещенных поэтов – М. И. Цветаевой, А. А. Ахматовой, Н. С. Гумилева, О. Э. Мандельштама и др. «Увлечение поэзией стало знамением времени,– напишет потом Л. М. Алексеева.– Стихами болели тогда люди, ни прежде, ни позже поэзией и вообще литературой особенно не интересовавшиеся... По всей Москве в учреждениях и конторах машинки были загружены до предела: все, кто мог, перепечатывал для себя и для друзей – стихи, стихи, стихи... Создалась молодежная среда, паролем которой было знание стихов Пастернака, Мандельштама, Гумилева»[23].

Становились популярными вечера поэзии – и организованные и импровизированные, участвовать в которых не всегда было безобидно: часто за чтение «безыдейных» стихов получали выговор, например, по комсомольской линии. Иногда случались и более серьезные последствия. В июне 1958 г. в Москве был торжественно открыт памятник Владимиру Маяковскому. После завершения официальной церемонии, на которой выступали запланированные поэты, начали читать стихи желающие из публики, в основном молодежь. Участники той памятной встречи стали собираться у памятника регулярно и читать стихи, пока власти не запретили эти чтения. Запрет действовал какое-то время, но потом встречи возобновились. Пытаясь помешать собраниям, милиция оцепляла памятник и не пропускала к нему желающих, иногда дело доходило до драк. Студенты, задержанные милицией и дружинниками, обычно исключались из института, их потом не принимали на работу. У завсегдатаев чтений на площади Маяковского периодически проводились обыски.

[21] Цит. по: «Другое искусство»... Т.1. С.292.

[22] *Даниель Ю.* Говорит Москва. М., 1991. С.100.

[23] *Алексеева Л.М.* История инакомыслия в СССР. Москва–Вильнюс, 1992. С.196.

Памятник В. В. Маяковскому. Скульптор А. Кибальников. 1958 г.

Булат Окуджава. 1960-е гг.

14 апреля 1961 г., когда вся Москва встречала космонавта Юрия Гагарина, у памятника Маяковскому проходил митинг по случаю дня гибели поэта. Как вспоминает участник того митинга В. Осипов, «вначале была речь, в которой перечислялись жертвы репрессий Сталина. Потом стали выступать поэт за поэтом. Когда дошла очередь до Анатолия Щукина и тот начал читать, толпа подоспевших дружинников взревела «Бей его!»... Мы защищали его, как могли. Людской ком докатился до витрины кинотеатра «Москва», и здесь Щукин был сдан милиционеру. Одновременно был схвачен и я. Нас «закинули» в легковую милицейскую машину. На следующий день судья приговорил Щукина «за чтение антисоветских стихов» к пятнадцати суткам лишения свободы, а меня – «за нарушение общественного порядка» и «нецензурную брань» – к десяти суткам. Всю жизнь я – убежденный враг хамья... поэтому меня особенно возмутило клеветническое обвинение»[24].

Начавшись как поэтические чтения, встречи у памятника Маяковского в течение 1958–1961 гг. все более приобретали политическую окраску. Последняя из них состоялась осенью 1961 г., когда были арестованы несколько наиболее активных участников собраний по обвинению в «антисоветской агитации и пропаганде».

Но традиция устной поэзии на этом не закончилась. Ее продолжили вечера в Политехническом музее. Там тоже выступали в основном молодые поэты: Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский, Белла Ахмадулина, Роберт Рождественский. В отличие от встреч у памятника Маяковскому, вечера в Политехническом обходились, как правило, без «политики», во всяком случае, до тех пор, пока свободная поэзия могла считаться «не политикой».

Несмотря на общее увлечение поэзией, литературные пристрастия московской публики этим отнюдь не ограничивались. Интеллектуальный голод прошедших десятилетий при первой же возможности более открытого чтения породил литературную всеядность. Конечно, в среде молодежи не обошлось и без моды, и в этом плане безусловными лидерами сезона «оттепели» были Э.-М. Ремарк и Э. Хемингуэй. И все-таки это был процесс вхождения в мировую литературу, которая в восприятии наших соотечественников действительно становилась мировой. «Читали запоем вновь открытого Достоевского,– пишет об этом времени Г. Маневич,– в самиздатовских переводах – Ф. Кафку и А. Камю, Т. Манна и Г. Бёлля, К. Гамсуна и Э. Хемингуэя, Вл. Соловьева и З. Фрейда, Ф. Ницше и Н. Бердяева, А. Платонова и М. Зощенко, В. Розанова и А. Ремизова. Так возникали союзы посвященных. Люди находили друг друга в библиотечных «курилках» Ленинки и Исторички, где в

[24] Цит. по: Оттепель. 1960–1962. Страницы русской советской литературы. М., 1990. С.475.

Белла Ахмадулина на вечере поэзии во Дворце спорта Центрального стадиона им. В. И. Ленина. 1962 г.

Участники V молодежного фестиваля джазовой музыки в Москве. 1965 г.

Андрей Вознесенский. 1962 г.

конце 50-х можно было читать книги, позднее попавшие в "спецхран"»[25].

Литературные пристрастия задавали тон общению в московских компаниях. Знакомство с «подпольной» живописью вводило в круг особо посвященных. Представители неофициального искусства не имели тогда возможности публично выставлять свои работы, поэтому увидеть их картины можно было только на импровизированных, так называемых «домашних» выставках, организованных на частных квартирах. Так создавались московские «салоны». Московский художественный авангард еще долгое время оставался преимущественно салонной живописью, чего нельзя, например, сказать о другом жанре «подпольного» искусства – музыке.

Московской музыкой 60-х гг. был, несомненно, джаз. Выходом джазовой музыки из подполья можно считать создание в 1956 г. молодежного эстрадного оркестра ЦДРИ под руководством Ю. Саульского – первого советского джазового ансамбля, целиком состоящего из импровизаторов. В начале 60-х гг. в Москве появились первые молодежные кафе-клубы, где играли джаз. Московские кафе-клубы – само по себе явление замечательное, по-своему отразившее дух Москвы конца 50-х – начала 60-х гг.

В 1956 г. открылось кафе «Артистическое»; здесь собирались артисты (главным образом находящегося по соседству Московского Художественного театра), а также художники, журналисты. Как рассказывает Ю. Соболев, «постепенно вокруг «Артистического» стала образовываться некая богемная культурная среда... Кто только сюда ни приходил! От искусствоведов и журналистов, от Булата Окуджавы, который пел здесь свои песни, до валютных проституток. Эти «экзотические» посетительницы кафе нас уважали, поскольку мы писали им на английском и французском фразы, которые они произносили своим клиентам. Это было настоящее кафе-клуб с подлинным духом Москвы конца 50-х – начала 60-х годов»[26].

В 1961 г. появились три новых кафе – «Молодежное», «Аэлита» и «Синяя птица», чуть позднее – «Печора» и «Рита». В кафе «Молодежное» стали работать два лучших ансамбля московского джаз-клуба – квинтет А. Козлова и квартет Е. Геворкяна. А в 1962 г. в Москве прошел первый фестиваль джазовой музыки. Джаз – «музыка для стиляг» – становится все более популярным и любимым москвичами.

Неформальная жизнь Москвы конца 50-х – начала 60-х гг. была, несомненно, намного интереснее ее официального фасада. Подверженная тоже влиянию разрешений-запретов, частым колебани-

[25] Цит. по: «Другое искусство»... Т. 1. С. 15.

[26] Там же. С. 67.

ям политической конъюнктуры, она все-таки была более свободной от этих колебаний. Московская «оттепель» – это, прежде всего, атмосфера дружеского круга, дух московских компаний, которые стали последним прибежищем нового ощущения свободы, оставшегося на память от недолговечной весны Хрущева.

4. «ВЕЛИКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ»: РАДОСТИ И ПРОБЛЕМЫ

Жизнь столицы в 50-е и 60-е гг. была богата событиями – радостными и печальными, официальными и стихийными.

Причем «официоз» и стихия очень часто перекрещивались, наслаивались друг на друга, создавая у современников ощущение карнавала, как это было, например, 14 апреля 1961 г.– в день, когда москвичи встречали Юрия Гагарина. Подлетая к Москве, писал первый космонавт Земли, «я посмотрел вниз и ахнул. Улицы Москвы были запружены потоками народа. Со всех концов столицы живые человеческие реки, над которыми, как паруса, надувались алые знамена, стекались к стенам Кремля»[27]. После торжественной встречи во Внуковском аэропорту кортеж автомашин направился на Красную площадь. «В начале Ленинского проспекта – уже людская плотина... Юрий встал с сиденья, поднял руку, люди ловили его взглядами, хлынув с тротуаров на газоны, на мостовую, забирались на крыши домов. И так до самых Кремлевских стен, до Мавзолея»[28].

Что же больше всего запомнилось москвичам из тех десяти лет, прошедших со дня смерти Сталина до отставки Хрущева? Почти все современники в качестве таких памятных вех отмечают похороны Сталина, полет Гагарина, обмен денег в 1961 г. И конечно же, переезд в новые квартиры. Новоселье превратилось в общемосковское событие, всколыхнувшее и в который раз перемешавшее многомиллионный город. Это были времена прощания с Москвой бараков и полуподвалов, с Москвой коммуналок, общих кухонь и тесного соседского мира. Ностальгия по утраченному пришла позднее: забылись кухонные разборки, дворовые драки, мелкие интриги и сплетни. Остались в памяти соседская взаимовыручка, совместные праздники, общие печали. Но тогда, на излете 50-х, обретение отдельной – собственной, как ее называли,– квартиры, казалось подарком судьбы. Новоселы, правда, несколько недоумевали по поводу низких потолков, не вполне удобной планировки своего жилища, маленьких кухонь и совмещенных санузлов. Но тем не менее переселение было праздником, а массовый характер события превратил его в «великое переселение». Московские острословы быстро придумали новым кварталам пятиэтажных домов название «хрущевки», «хрущобы», увековечив таким образом память об их отце-основателе. И что бы ни думали мы сегодня, это не самая плохая память.

За точку отсчета можно взять лето 1953 г. Тогда секретарь Московского комитета партии Н. А. Михайлов направил в Совет Министров СССР специальную записку, в которой говорилось: выполнение 10-летнего плана строительства в Москве «осуществляется министерствами и ведомствами с большим напряжением». В качестве причин создавшейся

Юрий и Валентина Гагарины. 1963 г.

Памятник Ю. А. Гагарину. Скульптор П. Бондаренко. 1980 г.

[27] *Гагарин Ю.А.* Дорога в космос. Записки летчика-космонавта СССР. М., 1961. С.180.

[28] *Степанов В.А.* Юрий Гагарин. М., 1987. С.276, 277. (Жизнь замечательных людей).

Вручение ордеров на квартиру рабочим завода им. И. А. Лихачева. 1963 г.

Переезд на новую квартиру в Новых Черемушках. 1950-е гг.

ситуации назывались слабые мощности строительных организаций, отсутствие современных строительных механизмов, а главное – нехватка строительных рабочих, вследствие чего министерства и ведомства «вынуждены прибегать в конце года к завозу в Москву рабочей силы с периферии»[29].

Это была правда, но Михайлов умолчал о том, что жилищное и культурно-бытовое строительство в Москве осуществляли 55 министерств и ведомств через 94 строительные организации с общим числом строительных рабочих 62 375 человек. Выработка на рабочего в день колебалась от 75 руб. (Министерство молочной промышленности) до 132 руб. (Мосгорисполком)[30]. Вероятно, в организационной неразберихе, ведомственной распыленности таились и срывы сроков, и дороговизна строительных работ, и их низкое качество на ряде объектов. Но все просчеты были свалены строителями на индивидуальные проекты, их сложность и невозможность применить механизацию.

Суть дела заключалась, конечно, не в проектах. Еще в конце 40-х гг. при разработке Генерального плана реконструкции Москвы было предусмотрено объединение в один центр всех архитекторов и проектировщиков, а нескольким КБ и заводам поручено создание новых строительных механизмов. И рабочую силу предполагалось завезти со всей страны, подготовив для этого соответствующую базу. Недалеко от Москвы, в районе Мытищ, намечено было построить целый жилой массив из 200–300 домов исключительно для строительных рабочих – сооружений упрощенного типа (малогабаритные квартиры, совмещенные санузлы, маленькие кухни) общей площадью около 500 тыс. кв. м. От этого района предполагалось провести трамвайную или автобусную линию и ежедневно возить рабочих на строительные объекты Москвы. Специальная группа архитекторов разрабатывала проекты жилых домов с крайне простым и дешевым оснащением. Предложены были и здания-коробки магазинов, кинотеатров, столовых. Такие городки планировались как «спальные», временные пристанища для приглашенной на строительство столицы рабочей силы.

План этот был окончательно принят в 1947 г., одобрен через год. В июле 1953 г. появилось постановление Совета Министров СССР «О строительстве жилых домов для строительных рабочих в г. Москве». Уточнена была площадь такого жилья – 608,3 тыс. кв. м и общее количество малометражных домов – 283[31]. Все 600 тыс. кв. м не должны были включаться в план Москвы по жилью, так как строить дома предполагалось за ее пределами.

Но это говорилось в середине 1953 г. А в сентябре того же года первым секретарем ЦК КПСС стал Н. С. Хрущев. Выступая перед избирателями Калининского района, он пообещал москвичам: скоро каждая семья получит новую квартиру. И началось интенсивное строительство пятиэтажных домов упрощенного типа. Путь к достижению заветной цели казался простым, а главное – дешевым. Архитекторы пытались возражать. Но Хрущев настаивал, упрекая архитекторов в пренебрежении «нуждами трудящихся»: «Людям не нужны красивые силуэты – им нужны квартиры».

Поддержанные самим Хрущевым, сторонники скоростного строительства развернули работу в столице. Целые кварталы пятиэтажных блочных домов – безликие коробки – стали воздвигаться во всех районах, включая и заповедные зоны старой Москвы. «Хрущевки» по-

[29] ЦАОДМ. Ф.4. Оп.88. Д.2. Л.157.

[30] Там же. Л.138.

[31] Там же. Л.167.

явились в Сокольниках, просторном Измайлове, на Палихе, у Шереметьевских прудов (пруды, правда, осушили). Уродовался городской пейзаж, исчезали заповедные уголки, делавшие Москву неповторимым городом. Уходили «Сиреневая слобода», «Черемуховый рай», «Соколиная роща», «Княжий спуск», «Собачья площадка».

Ревизия архитектурных планов и решений между тем продолжалась. По оригинальному проекту достраивалось в 1950–1952 гг. здание МВТУ им. Н. Э. Баумана. Все там было, как говорится, по высшему классу: просторные аудитории, лаборатории, общежития. После 1953 г., когда началась борьба с «излишествами», «чрезмерным увеличением площадей», проект здания училища «удешевили». Сократили ассигнования на 30%, потом еще на 50%[32]. И если мы видим какую-то незаконченность в монументальных сооружениях Московского технического университета, то в этом нет вины архитекторов.

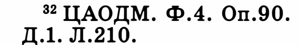
Число квадратных метров жилья росло. Если в 1946–1950 гг. было построено жилых домов общей площадью 2,3 млн. кв. м, то в 1951–1955 гг.– 7,5 млн. кв. м[33]. Темпы действительно до сих пор невиданные, но квадратные метры жилья в Москве были «неодинаковы». Квартиры в доме на Кутузовском проспекте и пятиэтажке в Дорогомилове, даже имеющие одинаковый метраж, существенно отличались друг от друга. Если во всех странах мира жилье делилось на три категории (по удобству, местоположению, категории дома), то в нашей стране для его оценки существовала одна статистическая единица, введенная в 1953 г.,– квадратный метр жилой площади. И норма – 9 кв. м на человека.

Уже в 1954 г. появились сообщения о нарушениях в распределении жилья. Дело в том, что из лучших побуждений, но без учета реальной ситуации Хрущев широким жестом пообещал жилье каждому москвичу – независимо от времени его проживания в городе, трудового вклада, состава семьи и т.п. Просто – каждому, имеющему московскую прописку.

Такой подарок был желанным для москвичей, но не по силам городскому бюджету. Быстро строились дома-клетушки, быстро заселялись кем угодно, а в очередь на получение жилья становились новые тысячи москвичей. Правдами и неправдами старались люди закрепиться в столице (фиктивный брак, прописка престарелых родителей, закрепление после окончания вуза, воинской службы и т.п.). Москва росла как на дрожжах. По всем швам расползались демографические планы и прогнозы.

О том, что и архитекторы, и коренные жители Москвы не мирились с уродованием города, говорят многочисленные письма в горком партии, Моссовет, в правительственные органы. Некоторые из них прорывались на страницы печати, сбивая тон бравурных маршей. Но повторяющееся, как заклинание, «снижение себестоимости строительства» укрощало самых ретивых.

11 мая 1954 г., через три года после утверждения Генерального плана и через год после смерти его покровителя – Сталина, встретились в здании МГК партии архитекторы столицы. А встретившись, опять заспорили о приоритетах в застройке Москвы. Председательствовал



[32] ЦАОДМ. Ф.4. Оп.90. Д.1. Л.210.

[33] Москва в цифрах за годы советской власти (1917–1967 гг.). М., 1967. С.44.

Строительство жилых домов на Кутузовском проспекте. 1950-е гг.

Свадьба на завтрашней улице. Художник Ю. Пименов. 1962 г.

на совещании секретарь МГК по строительству В. Ф. Промыслов.

Суть многих выступлений сводилась к тому, что следует покончить с «неэкономным строительством» и окончательно перейти к «потоку». И, как следствие, по настоянию хорошо организованной группы сторонников потока, «рассадник консерватизма» – Управление проектирования высотного строительства было передано другим организациям. Инициаторы поспешили закрепить победу и тут же обратились в правительство с предложением о «некоторых изменениях», а на деле – о сплошной корректировке 10-летнего плана реконструкции Москвы 1951–1960 гг. Все изменения касались строительства домов улучшенного типа, высотных зданий, которые были заложены ранее и строились на улице Горького, Кутузовском проспекте и в других местах. Предполагалось сосредоточиться на возведении пятиэтажных домов, причем не только в отдаленных районах. Сторонники прежнего Генерального плана выступили с компромиссным решением: строить дома параллельно, пока есть фонды, материалы, строительные бригады, и по индивидуальным, и по типовым проектам. Но к ним не прислушались. В Моссовете подчеркнули: «Все средства перебросить на панельные дома. Эти предложения поддержаны ЦК и лично товарищем Хрущевым»[34].

После совещания по прямому указанию Н. С. Хрущева все строительные управления Москвы перешли на типовое строительство. Но в это время в стадии завершения находились жилые дома, начатые год-два назад (на них приходилось около половины плана жилищного строительства 1955 г.). Решение пришло быстро: у строек вчерашнего Генплана отобрали материалы и фонды, начался простой десятков строительных бригад. Бюро МГК приняло постановление о переводе этих бригад на пятиэтажки, а другие объекты были сняты с финансирования. Работники Главного архитектурно-планировочного управления Москвы просили дать возможность завершить последние этажи ряда домов на Комсомольском проспекте, Кутузовском и в других местах, но безуспешно[35] (дома все-таки достроили после того, как в Совет Министров представили смету, во сколько обойдется замораживание объектов).

К концу 1954 г. было закончено формирование «Главмосстроя». От министерств и ведомств в его распоряжение перешли 54 треста, 193 строительно-монтажных управления[36]. Отряд строителей Москвы составил 100 тыс. человек.

Накануне XX съезда КПСС в Москве подводились первые итоги осуществления новых планов. В докладе первого секретаря МГК Е. А. Фурцевой на городской партийной конференции говорилось, что на строительство жилья, развитие и реконструкцию всех отраслей городского хозяйства за пятилетку (1951–1955) израсходовано свыше 20 млрд. рублей[37]. Не уточнялось, правда, что такие огромные деньги были выделены еще раньше под Генеральный план, на сооружение домов улучшенного типа, строительство новых школ и больниц (план по их вводу был выполнен на 50%).

Изъяны нового строительства отмечались и официально признанной группой архитекторов. Вот что писал ежегодник «Советская архитектура» в начале 1958 г.: «Юго-Западный район – крупнейшая стройка Москвы. В 1952–1957 гг. здесь сдано в эксплуатацию около 800 000 кв. м жилой площади... Застройка ведется комплексно по типовым проектам... К числу недостатков застройки относятся однообразная планировка кварталов в виде групп замкнутых дворов и плотная застройка по красным линиям»[38]. Однако, несмотря на эти робкие признания, железобетонный поток все больше захлестывал Москву.

Огромный коллектив «Главмосстроя» возглавил В. Ф. Промыслов. Еще вчера он ратовал за сталинский Генеральный план, высотные здания, индивидуальные проекты (был одним из создателей этого плана), но теперь «от всей

[34] ЦАОДМ. Ф.4. Оп.91. Д.4. Л.124.

[35] Там же. Оп.102. Д.3. Л.46.

[36] Там же. Оп.91. Д.1. Л.59.

[37] Там же. Оп.102. Д.3. Л.43.

[38] Москва строится (Семь новелл об архитектуре Москвы). М., 1983. С.72, 73.

души» приветствовал строительство в заповедных местах пятиэтажных «хрущевок». О том, как идет их строительство, Промыслов еженедельно докладывал Н. С. Хрущеву. Выступая на XII городской партийной конференции в январе 1956 г., Промыслов заверял присутствовавшего на ней первого секретаря ЦК КПСС: если раньше строили в Москве по «завихренным» индивидуальным проектам, то «теперь этой ошибки делать не будем», «Москва переходит полностью на типовое проектирование и строительство»[39]. Промыслова поддержал Хрущев: «А первое время везде были оппоненты, которые выступали против перехода на железобетонное строительство. Пожалуй, все вы тут были против. А теперь понюхайте, чем это пахнет». И тут советский лидер показал всему залу кулак[40].

Самое интенсивное строительство жилья началось в Москве в 1956 г., после XX съезда партии. В специальном постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР о развитии жилищного строительства предусматривалось за 10–12 лет, к 1970 г., решить в СССР, и в первую очередь в Москве, жилищную проблему.

Как ожерелье, вокруг Москвы, даже в зонах отдыха, встали домостроительные комбинаты, цементные заводы. Песок брали с берегов Оки, камень на щебенку – в заповедных местах близ Москвы (возить ближе – значит, дешевле). Тут схватились за голову экологи и краеведы. Но вдохновленный поддержкой правительства, Мосгорисполком принял новое решение – построить показательный жилой квартал из блочных домов. Чтобы ускорить дело, району города, который согласится разместить у себя такой квартал, были обещаны определенные льготы в виде увеличения фонда жилья, оборудования его встроенной мебелью и т.д. Райисполкомы, чтобы получить для очередников дополнительные квадратные метры, наперебой предлагали свои услуги. Районные архитекторы протестовали, пытались отговорить «отцов города» от массового тиражирования блочного однообразия. Но их просто отстранили от участия в кампании: дома возводились без подписи архитектора на плане застройки.

Москва росла вширь. Строились новые микрорайоны. На месте пригородов столицы, подмосковных деревень поднимались ровные и невыразительные, похожие на казармы, кварталы: Черемушки, Текстильщики, Зюзино... Только в 1956 г. было построено 1374 тыс. кв. м жилья. Новоселье отпраздновали 27 тыс. семей рабочих, 20 тыс. семей служащих, инвалидов войны – всего более 200 тыс. человек.

Получили жилье и владельцы домов в пригородах Москвы, на участках которых выросли жилые кварталы. Правда, и здесь не обошлось без «экономии». Раньше каждому владельцу в качестве компенсации после сноса дома выплачивали 10–20 тыс. руб. и одновременно предоставляли квартиру в Москве. Но Комитет по строительству посчитал, что это хоть и справедливо, но накладно. В июне 1957 г. вышло правительственное постановление: владельцу дома, сада после сноса предоставлялось жилье в Москве или земельный участок в Подмосковье без каких бы то ни было денежных компенсаций.

Кульминацией, расцветом блочно-панельного строительства в Москве стал 1957 год. К этому времени кое-как были закончены стройки по индивидуальным проектам и строители целиком перешли на «поток». Пионеров этого дела щедро наградили: 2260 строителей Москвы получили ордена и медали, а 12 лучших стали Героями Социалистического Труда.

Но не только торжествами по поводу правительственных наград строителям ознаменовался этот год. Не успели затихнуть овации на страницах газет в честь героев строителей, как руководители города направили в Совет Министров СССР письмо, в котором просили «для выполнения напряженного плана установленного Н. С. Хрущевым строительства разрешить ввести 2 часа сверхурочных работ»[41]. А. Б. Аристов, секретарь ЦК, курирующий Москву, поинтересовался у Фурцевой мнением рабочих на этот счет. «Не беспокойтесь,– ответила Фурцева,– это единодушное решение. Мы провели партийно-профсоюзные активы в коллективах. Да и заработок у людей прибавится».

Что касается единодушия, то уже на другой день после введения сверхурочных

[39] ЦАОДМ. Ф.4. Оп.102. Д.1. Л.150.

[40] Там же.

[41] Там же. Оп.104. Д.3. Л.159.

Строительство домов на Ленинском проспекте. 1950-е гг.

на стол председателя ВЦСПС В. В. Гришина легло письмо возмущенных строителей с протестом против вопиющего нарушения законов о труде. Но Гришин поддержал московские власти. Сверхурочные работы были узаконены, только заработная плата осталась на прежнем уровне.

Кварталы блочных, железобетонных домов по указанию правительства появлялись и в других городах страны. В Москву ехали за опытом, помощью и поддержкой в деле ускорения решения жилищной проблемы из Ленинграда, Ярославля, Киева, Еревана, Тбилиси... «Черемушки» получили всесоюзную «прописку» (иначе денег на жилье просто не давали).

Заботясь таким образом о строительстве жилья для народа, сами руководители партии и правительства, верхушка Моссовета предпочитали жить в домах «сталинской» постройки. До сих пор кварталы на Кутузовском и Комсомольском проспектах, Фрунзенской набережной, где высятся дома из розового туфа, считаются престижными. Такой по Генплану должна была стать вся Москва.

В 1959 г. уже 1 млн. кв. м жилой площади Москвы приходился на пятиэтажки. Вступили в строй новые Хорошевский и Расторгуевский домостроительные комбинаты.

В записке, направленной Н. С. Хрущеву, В. Ф. Промыслов докладывал, что в 1960 г. пятиэтажные дома дадут 2,5 млн. кв. м жилья (две трети всего строительства), потолок в квартирах в целях экономии опустится с 3 до 2,5 м, а в девятиэтажных домах будет один лифт вместо двух (в пятиэтажных лифт вообще не предусматривался)[42].

Казалось, цель уже близка: в Москве был период, когда строительство жилья стало постепенно обгонять прирост населения. Этот перелом наступил в 1956 г. Механический прирост населения столицы прекратился, выезд стал больше, чем приезд. В 1956 г. на 11 тыс. человек больше выехало из города, чем приехало; в 1957 г.– на 19 тыс. В это время жилья было построено: в 1957 г.– 1,8 млн. кв. м, в 1958 г.– 2,4 млн. кв. м. В 1959 г. выехало из города на 2 тыс. человек больше, чем приехало, а жилья было построено уже 2,7 млн. кв. м. Тогда же были освобождены подвалы, в которых проживали тысячи семей. План на 1960 г. уже составлял около 3 млн. кв. м жилой площади.

Но дело было не только в приросте квадратных метров. После обращения в мае 1956 г. советского правительства к молодежи с призывом начать освоение новых районов Сибири, Севера, Дальнего Востока по комсомольским путевкам из Москвы только в 1956 г. в Норильск, Братск, Магадан, на строительство Западно-Сибирского комбината выехали десятки тысяч юношей и девушек[43]. Кроме того, согласно приказу Министерства высшего образования СССР, все выпускники, окончившие вузы столицы, получали назначение только на периферию. Такой массовый отток молодежи из города в некоторой степени смягчил остроту жилищной проблемы.

Вместе с тем в школах дети по-прежнему занимались в две и три смены. По нормам на тысячу жителей полагалось 70 мест в детских учреждениях, а имелось всего 30. В городе было мало больничных коек, крайне недоставало кинотеатров. Остро стояли проблемы отопления и освещения столицы. По этому поводу, например, на XIV городской и районных партконференциях в 1959 г. было высказано немало критических замечаний в адрес Моссовета и его управлений. Отмечалось, что наблюдается перекос в развитии города – брошены все силы и средства на возведение жилья, а планы строительства лечебных учреждений, школьных зданий в Москве из года в год систематически проваливаются. Так, за первое полугодие 1959 г. план по строительству школ был выполнен на 85,4%, детсадов и яслей – на 76,1%, объектов общественного питания – на 78,3% и т.п.[44] Практику так называемого остаточного финансирования образования, здравоохранения и культуры никто пока менять не собирался. Сначала строили заводы, жилье, а потом «все остальное», т.е. школы, больницы, театры и библиотеки.

В конце 50-х гг. темпы промышленного и жилищного строительства в Москве достигли наивысшей точки, но победный марш градостроителей не мог звучать долго. И хотя газеты, телевидение, радио звали вперед, в этой отрасли начался закономерный спад. Первым дал сбой городской бюджет. Не рассчитали финансовых затрат, и перерасход составил более 20%. А отсутствие средств привело к тому, что не был выполнен план промышленного строительства 1960 г. Заказчики-министерства, ведущие реконструкцию предприятий, закрыли кредиты и грозили штрафными санкциями. Эта волна перекинулась на жилищное строительство. Начались перебои с поставками стройматериалов, «полетели» графики строительства, неделями простаивали целые бригады. Начался отток рабочих из строительного комплекса.

Отставало строительство Московской кольцевой автомобильной дороги, так необходимой городу, станций экологической очистки и по-прежнему школ и детских садов. Из общего числа введенных в строй жилых зданий только половина получила в 1959 г. оценку «хорошо». Из-за низкого качества строительства, плит, столярки, больших простоев техники, низкого уровня механи-

[42] ЦАОДМ. Ф.4. Оп.111. Д.3. Л.42.

[43] Очерки истории Московской организации ВЛКСМ. М., 1976. С.514.

[44] ЦАОДМ. Ф.4. Оп.111. Д.10. Л.157.

Новостройки в районе Свиблово. 1963 г.

зации отделочных работ резко упал престиж прославленного Мосстроя.

Тогда возникли сомнения в реальности намеченных планов. Решили все еще раз просчитать. Группа специалистов по поручению МГК взялась за составление прогноза развития Москвы на перспективу, т.е. нового Генерального плана. Выводы рабочей группы были такими: к 1981 г. общая численность населения за счет естественного прироста не увеличится (на 1 января 1961 г. население Москвы составляло 6 млн. 208 тыс. человек). Общее количество занятых во всех отраслях народного хозяйства должно было сократиться на 150 тыс. человек и составить 3 млн. 680 тыс. Кроме того, предлагалось увеличить численность работников сферы обслуживания, вывести из Москвы более сотни научно-исследовательских институтов[45].

Ни один из этих прогнозов впоследствии не подтвердился: к 1981 г. населения столицы стало больше на 2 млн. человек, число работающих в различных отраслях не уменьшилось, а увеличилось на 20%, выросла численность студентов – с 586 тыс. до 632 тыс. А Москва все продолжала строить пятиэтажки, даже невзирая на то что в горком партии и Моссовет потоком шли письма. Москвичи жаловались: строят плохо – в домах трещины, выходит из строя отопление, жить неудобно, тесно («зачем нам такие клетушки?»). Архитекторы (и не только московские) утверждали, что искажается облик красивейшего города мира.

По поводу целесообразности строительства в таком городе, как Москва, низкоэтажных и некомфортабельных домов среди специалистов – архитекторов и строителей – никогда не было единодушия. Но считалось, что идея строительства пятиэтажек исходит непосредственно от Хрущева, поэтому сторонники «экономии на метрах» использовали его имя в качестве главного аргумента против доводов своих оппонентов.

Что касается самого Хрущева, то в этом вопросе со временем он становился все менее настойчивым. Первый секретарь Московского комитета партии Н. Г. Егорычев вспоминал, как однажды между ним и Хрущевым состоялся такой диалог. «Есть у меня к Вам большая претензия,– начал разговор Хрущев.– Вы строите пятиэтажные дома. Вы понимаете, что вы – расточители: землю тратите, удобств не даете?» Егорычев пытался возражать: «Я понимаю, Никита Сергеевич, но это не моя идея – строить пятиэтажные дома. Более того, я даже могу Вам сказать, что я всегда критически к этому относился». Хрущев внимательно посмотрел на собеседника: «Вы на что намекаете? Что это моя идея?» Возникла пауза. «Хорошо,– наконец проговорил Хрущев,– но Вы должны понять, что ведь начали строить пятиэтажные дома, потому что была угроза атомной войны. Мы были с Булганиным в Англии, мы видели, что больше трех этажей там дома не строят. Мы тоже решили. Это раз. А во-вторых, денег у нас не было»[46].

[45] ЦАОДМ. Ф.4. Оп.124. Д.39. Л.98, 99.

[46] Центральный московский архив документов на специальных носителях (ЦМАДСН). Коллекция фонодокументов.

Москва строится. Художник В. Васильев. 1966 г.

Разговор этот происходил в 1964 г., и к тому времени в Москве уже почти отказались от строительства пятиэтажек: на их долю в новом строительстве приходилось не более 18%, остальные дома были повышенной этажности – девять этажей и более. При этом надо отметить, что панельные девятиэтажные дома по уровню комфортности квартир лишь немногим отличались от пятиэтажек. С 1965 г. в Москве от строительства домов в пять этажей отказались вовсе.

Но Хрущева беспокоила судьба уже построенных домов. В этой связи ему как-то пришла идея «надстроить» пятиэтажки еще пятью этажами и сделать в них лифты. Хрущев, похоже, весьма болезненно относился к своему просчету с московскими пятиэтажками. Однажды из-за этого у него возник конфликт с председателем Моссовета Н. А. Дыгаем. На одном из совещаний Дыгай обратился к Хрущеву с просьбой разрешить московским властям повысить этажность нового строительства. Как вспоминает присутствовавший на том совещании Д. Г. Квок, Хрущев мгновенно впал в неистовство, стал кричать: «Теперь понятно, кто распространяет слухи, что я зациклился на пятиэтажках, кто прозвал их «хрущобами». Мне давно говорят, что Дыгай ведет себя в Москве как наместник. Я его на эту должность поставил – я и сниму!»[47]

В это время жилищное строительство в Москве велось в основном на новых территориях, в пределах Московской кольцевой автодороги. Идея создания МКАД возникла давно, до этого город практически не имел объездных путей, и весь поток транзитного транспорта устремлялся через столицу. Проект кольцевой автодороги был утвержден в 1950 г. (автор – В. Б. Завадский), а ее строительство началось только в 1960 г.

Вместе с возникновением новых жилых кварталов и улиц появилась еще одна проблема – их надо было как-то называть. В 60-е гг. произошел своего рода топонимический взрыв. Сначала этот процесс развивался практически бесконтрольно, в результате в пределах Москвы можно было встретить 800 одноименных названий улиц: 20 Советских, 19 Московских, 18 Центральных, 17 Школьных, 15 Пионерских и т.п. Активно использовались для новых городских адресов имена Маркса, Энгельса, Ленина, не забыли про русских классиков (улиц Пушкина оказалось 11)[48]. В результате сбивались с пути машины «Скорой помощи», пожарные приезжали не туда, куда надо, а почтальоны не находили адресатов. Потом за дело взялись географы и краеведы, и положение было выправлено. Возникла идея географической «привязки» новых названий: на юге появилась Ялтинская улица, на северо-западе – Таллинская, на западе – Минская и т.д.

«Великое переселение» 50–60-х гг. изменило облик столицы. По сути, возникла новая городская социокультурная среда, переменился сам уклад жизни москвичей. В процессе переезда разделялись семьи, утрачивались традиционные соседские связи. Семья стала более автономной. Привыкшие к совместной жизни на небольшом пятачке общего двора, бывшие соседи встречались теперь только по праздникам, а потом – еще реже. С расширением границ города процесс обособления частной жизни москвичей принял необратимый характер. В данном случае Москва находилась в русле развития общемировых тенденций трансформации образа жизни горожанина. Но типовое строительство внесло в этот, в общем, закономерный процесс характерный штрих: москвич на новом месте переставал чувствовать себя москвичом, привязанным к конкретной улице, дому, двору. Как было раньше? Жители Сретенки ощущали себя жителями Сретенки, ребята с Чистых прудов считали это место «своим», а обитатели арбатских переулков отличали себя от тех, кто жил на Сухаревской. У каждого был свой московский мир, свой круг общения и свои заповедные места. Человек был неотделим от этого мира, он врастал в него – и тогда рождалась поэзия московских улиц. Старый Арбат Булата

[47] *Квок Д.* Год рождения – двадцать четвертый. М., 1993. С.74.

[48] *Ефремов Ю.* Поэма московских имен // С любовью и тревогой. М., 1990. С.157.

Окуджавы, Охотный ряд и Сретенка Юрия Визбора, Большой Каретный Владимира Высоцкого.

Новый московский мир был – увы! – безлик. Чем отличался новосел Черемушек от своего собрата в Медведкове или Тушине? У них скорее было больше общего, а точнее, одинакового: квартира, дом и ежедневные транспортные баталии в переполненных автобусах. Настоящая Москва отдалилась от москвича, образовался разрыв между человеком и его городом, осталось казенно-нейтральное – место жительства. Единственной зацепкой за прежнюю Москву оставался Центр. Что значит Центр города для москвича, объяснила одна старая москвичка: «Для одних Центр – это престижный район, для любителей культурных программ, центральных магазинов – удобный. Для меня – это продолжение моего существа. Да, он шумный, сутолочный, душный, в отдельных местах с минимальной растительностью (с «одним легким»), но и я не лишена недостатков»[49].

Многие москвичи, уже после переселения в новые районы, стремились сохранить живую связь со своим старым городом – приезжали в центр, гуляли по его скверам и улочкам. Но следующее поколение москвичей выросло уже в новой городской среде – «без рода, без племени». И это огромная проблема для Москвы. Городу еще предстоит вернуть себе своих жителей.

5. МОСКОВСКИЙ СОВНАРХОЗ

Реорганизации и реформы хрущевского десятилетия задумывались и начинались в столице. В Москве проходили апробацию самые смелые и невероятные идеи советского лидера, а отсюда уже тиражировались по другим регионам огромной страны. Так случилось и в 1957 г., когда была предпринята одна из самых значительных за послевоенный период попыток реформировать систему управления экономикой. В основе реорганизации лежала идея децентрализации этой системы, или, как тогда говорили, приближения управления непосредственно к производству.

Еще в июле 1955 г. на пленуме ЦК говорилось о том, что в министерствах, ведомствах и на предприятиях существует много лишних, параллельно действующих звеньев. Штаты административного управленческого персонала все еще велики, вследствие этого аппарат управления не гибок, в значительной мере оторван от производства, отвлекает большое количество работников от участия в создании материальных ценностей. Положение московской промышленности, как и в целом по стране, было критическим. Выступая в МГК партии на совещании по итогам XX съезда КПСС, представители промышленных предприятий Москвы с тревогой говорили о неритмичности поставок, низкой культуре производства, слабом материально-техническом снабжении. Станкозавод «Красный пролетарий» из-за нарушения поставок только в январе и феврале 1956 г. простоял более 2200 часов, о том же били тревогу на заводе им. Владимира Ильича[50].

Необходимо было менять порядок и режим поставок, так как дело доходило до курьезов: Станколит свое литье направлял на Урал, а такую же продукцию литейщики Урала и Сибири посылали в Москву; Московский электромеханический завод получал электропровод с Украины, а не с «Москабеля», соседнего завода и т.п.

Хозяйственники предлагали расширить кооперацию, повысить зарплату рабочим, сетовали на недостатки планирования. Директор фабрики им. Баумана заявил: «До сих пор Министерство легкой промышленности планирует валовую продукцию, не вытекающую из обсчета плана по натуре. Это приводит к тому, что если предприятие даже выполняет план по натуре на 100% и строго в ассортименте, оно не выполняет план по валовой продукции»[51].

На совещаниях, в которых участвовали руководители предприятий, строек, специалисты государственных учреждений, шел поиск оптимальных хозяйственных решений.

В феврале 1957 г. пленум ЦК принял решение о ликвидации отраслевых министерств и создании вместо них территориальных органов управления промышленностью – советов народного хозяйства (совнархозов). При этом отмечалось, что ведомственность в руководстве промышленностью и строительством приводит к ослаблению и нарушению нормальных территориальных связей между предприятиями разных отраслей промышленности, расположенными в одном экономическом районе, нередко мешает оперативно решать хозяйственные вопросы, оптимально использовать имеющиеся ресурсы и т.д.

В мае 1957 г. сессия Верховного Совета СССР, обсудив решения пленума ЦК КПСС, приняла «Закон о дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством». В соответствии с ним была разработана новая структура управления в создаваемых Московском городском и Московском областном экономических районах.

Совнархоз Московского (городского) экономического района получил в свое подчинение 426 крупных предприятий основных отраслей производства

[49] Цит. по: *Коган Л.Б.* Быть горожанами. М., 1990. С.161.

[50] ЦАОДМ. Ф.4. Оп.99. Д.1. Л.90–98.

[51] Там же.

с численностью работающих 684 тыс. человек и объемом валовой продукции 57 млрд. руб. (75% всей валовой продукции московской промышленности). Остальные 500 предприятий (180 тыс. человек) оставались в ведении госкомитетов Совета Министров и других учреждений[52].

В каком состоянии находилась промышленность Москвы перед созданием совнархоза? По официальным итогам 1956 г. государственный план город выполнил досрочно. Сверх плана страна получила 17 тыс. т стали и проката, почти 1000 автомобилей, 642 высокоточных металлорежущих станка, 5 тыс. электромоторов, 850 тыс. м шерстяных тканей, 769 тыс. пар кожаной обуви и много других изделий. Более 73% прироста продукции обеспечивалось за счет увеличения производительности труда. В Московской области выпуск промышленной продукции превысил уровень 1950 г. на 80%, а довоенный – более чем в три раза.

В действительности экономическая ситуация была более сложной и противоречивой, чем по официальным рапортам. Резервы производства использовались плохо. На заводах, подчиненных разным министерствам, дублировалось изготовление некоторых видов продукции. Обособленные мелкие участки по выпуску болтов, гаек, винтов были организованы на 40 московских заводах. Сверхнормативные запасы на предприятиях оценивались в немалую сумму – более 700 млн. рублей.

100 московских заводов и фабрик не выполняли план и по валу, и по производительности труда, и по себестоимости.

На это были свои, «московские», причины – крайне устаревшее оснащение цехов. На предприятиях Москвы имелось 240 тыс. единиц еще довоенного металлорежущего, кузнечно-прессового, литейного, транспортного оборудования. За 1945–1955 гг. было модернизировано всего 6000 единиц, т.е. 2,5%.

Специалисты и рабочие видели, что новая реорганизация – определенный шаг вперед, отход от громоздкой бюрократической системы. В Министерстве угольной промышленности, например, пришли к выводу, что «аппарат наш очень громоздкий и сложный». Ведомственные барьеры стали тормозом в решении многих вопросов развития, их надо было ликвидировать[53].

Высказывались и другие мнения: надоела неразбериха – сегодня объединяемся, создаем новые министерства и управления, завтра разъединяемся и упраздняемся. Опытные управленцы добавляли: к решению тех планов, которые перед нами стоят, мы не готовы. Значит, будем скоро отменять и комитеты, и совнархозы[54]. «Нет уверенности, что эта перестройка принесет желаемые результаты и пользу,– говорилось в одном из писем, направленных в МГК партии.– Не получилось бы так, как это было при объединении министерств. Растеряем кадры и вернемся к прежнему»[55].

Инициаторов создания совнархозов можно было обвинить между тем в чем угодно, только не в медлительности. Уже через четыре месяца после февральского пленума ЦК КПСС в Москве было ликвидировано 58 министерств и несколько центральных ведомств. Это стало для кого проблемой, а для кого и трагедией. Если обслуживающий персонал смог сразу же найти работу, то многие специалисты высокой квалификации, приглашенные в свое время в Москву с периферии, остались просто не у дел. Например, из Министерства путей сообщения было уволено сразу 1000 человек, из других – по 350–400 человек. Люди осаждали приемные Совета Министров, ЦК, горкома партии, требовали решения своей судьбы. На собрании в Москворецком районе просили довести до сведения ЦК КПСС, что все эти реорганизации, которые проводятся из года в год, «являются ножом в спину советской власти», так как люди хотят жить без постоянной угрозы остаться безработными.

Но изменения шли уже полным ходом. И коснулись они не только промышленности. Горком партии настаивал на выводе из Москвы 51 научно-исследовательского института. Кроме того, рассматривалось предложение о сокращении числа вузов столицы с 57 до 38, чтобы уменьшить количество студентов со 156 тыс. до 90 тыс. В этот список попали Московский институт цветных металлов и золота, Геолого-разведочный институт, Московский горный институт, Московский институт инженеров водного транспорта, Институт пищевой промышленности. Н. С. Хрущев особенно настаивал на выводе из Москвы Сельскохозяйственной академии им. Тимирязева – «с городского асфальта на просторы полей».

Программа создания совнархозов в основном была подчинена интересам развития промышленного комплекса города, социально-культурные проблемы Москвы и ее жителей занимали в ней последнее место, в этом смысле совнархозовская перестройка не смогла переломить традицию. Так, в 1962 г. центральные государственные капиталовложения Московского городского совнархоза (МГСНХ) составляли почти 200 млн. рублей. Они в основном распределялись следующим образом: 98% – на промышленное строительство, 1,1% – на жилищное, 0,2% – на строительство детских учреждений, 0,1% – на коммунальное строительство, 0,7% – на культуру[56].

Первый год работы Московского совнархоза ознаменовался остановкой мя-

[52] ЦАОДМ. Ф.4. Оп.106. Д.2. Л.20, 21.

[53] Там же. Оп.104. Д.3. Л.25.

[54] Там же. Л.26.

[55] Там же. Л.125.

[56] XXII съезд КПСС. Стенографический отчет. Т. 1. М., 1962. С.261.

сокомбината, так как втрое уменьшилась поставка мяса в Москву, прежде всего из Нечерноземья. В январе – марте 1958 г. полностью прекратилась продажа свежего охлажденного мяса и кулинарных изделий. МГК КПСС направил тревожную записку в ЦК – в торговую сеть поступило мясо из государственного резерва[57]. Перебои в торговле не могли не вызвать недовольства москвичей. Столь же непопулярным было решение о повышении цен на водку и другие алкогольные напитки, а также объявление о временном прекращении выплат по Государственным займам. Много критических высказываний в адрес руководства и союзной власти можно было прочитать на избирательных бюллетенях в день выборов в Верховный Совет СССР 16 марта 1958 г.

Работа в новых условиях между тем продолжалась. Москвичи читали в «Правде», что в 1959 г. на предприятиях города был проведен общественный смотр технического уровня выпускаемой продукции, 70% устаревших машин, станков, приборов, выявленных в ходе смотра, заменены новыми. Но эта цифра, названная П. Н. Демичевым на XXII съезде партии, была значительно преувеличена. На самом деле в результате смотра, проведенного в 1959 г. на предприятиях СНХ, было признано необходимым заменить новыми, более совершенными, около 3 тыс. машин, приборов, изделий из материалов и свыше 2 тыс. модернизировать, а это намного меньше названных 70% .

Модернизацию нужно было начинать с активизации конструкторской мысли, изучения новейшего мирового опыта. Потребовалась организация новых лабораторий, научных центров, конструкторских бюро. К работе в этих учреждениях было привлечено в 1959 г. 2600 научных и инженерно-технических работников, в 1960–1962 гг.– около 16 тыс.[58] В Москве стало увеличиваться число научно-исследовательских институтов, конструкторских бюро. И если еще недавно предлагалось вывести из столицы несколько НИИ, то теперь МГК просил у правительства: в целях ускорения внедрения достижений науки и техники, автоматизации и механизации предприятий, цехов, участков, создания новых машин и приборов образовать 29 СКБ по проектированию и освоению новых изделий и средств автоматизации, 3 технологических института.

И опять не было просчитано оптимальное решение. На совещании руководителей и секретарей парткомов НИИ г. Москвы и Московской области в феврале 1960 г. уже говорилось о том, что растет число ведомственных научно-исследовательских институтов, нужных и ненужных, организованных по чересчур детализированным проблемам. Создавалось большое количество совнархозовских учреждений, институтов, проблемных лабораторий при вузах и других ведомствах. Шло попросту разбазаривание научных кадров[59].

Испытание легковых автомобилей «ЗИЛ-111» в экспериментальном цехе Автозавода им. И. А. Лихачева. 1959 г.

На совещании обсуждались предложения о перестройке существующей научно-производственной структуры. Предлагалось больше укреплять связь НИИ с производством, создавать при научно-исследовательских организациях производственные предприятия (по типу «хозяйства» С. П. Королева), чтобы они участвовали в разработке идей, проводили эксперимент: НИИ – завод. По сути, речь шла о создании научно-производственных объединений. Но тогда эта идея не нашла поддержки ни в ЦК КПСС, ни в правительстве.

Остро критиковался на совещании Мосгорсовнархоз как существенный тормоз на пути развития новой техники, научно-технического прогресса. Система совнархозов хорошо решала узкие производственные задачи на налаженных предприятиях, но когда дело касалось модернизации производства, внедрения научных достижений, новой технологии, все упиралось в финансирование, которое на эти цели не предусматривалось.

Совещание вел секретарь МГК КПСС П. Н. Демичев, бывший до этого помощником Н. С. Хрущева, химик по образованию. Он многое перенял у своего бывшего патрона, например, манеру поучать подчиненных. На совещании собрались известные специалисты, ученые и конструкторы (С. П. Королев, В. П. Глушко, В. Н. Челомей, В. П. Бармин). Выступили 12 человек. Но Демичев 76 раз (!) перебивал выступавших репликами, замечаниями, поучениями. Он упрекал присутствующих «технарей», среди которых добрая половина состояла из академиков и докторов наук, в плохом знании марксистской философии, в «отсутствии

[57] ЦАОДМ. Ф.41. Оп.106. Д.2. Л.12.

[58] Там же. Ф.4. Оп.119. Д.2. Л.42.

[59] Там же. Оп.124. Д.5. Л.68.

Группа сотрудников Экспериментального НИИ металлорежущих станков у испытательного стенда. 1959 г.

научного подхода» при составлении планов и работе с кадрами.

Московский городской совнархоз был крупнейшим в стране. Здесь производилось 30% всех автомобилей (в том числе 60% легковых), 35% – подшипников, 65% – станков-автоматов. С 1959 г. стали выпускать сельскохозяйственные машины (самосвалы, тягачи, прицепы), торговое, рыночное, химическое и другое оборудование.

В целом в городском совнархозе числилось к 1960 г. 380 предприятий 32 отраслей с численностью работающих 735 тыс. человек. Они выпускали продукцию на 70 млрд. рублей[60].

Следует сказать, что «комплектование» московской промышленности в новых условиях проходило не без трений. В 1960 г. председатель Мосгорсовнархоза В. Н. Доенин предложил избавиться от мелких предприятий пищевого профиля (малые колбасные заводы и т.п.) и производить продукцию на крупных предприятиях совнархоза. Н. И. Бобровников – председатель Моссовета – резко возражал против этого. Кроме того, городу был передан ряд предприятий легкой и пищевой промышленности из Московской области. Хлопот прибавилось, так как они не выполняли план и нужно было налаживать их нормальную работу. Да и область неохотно расставалась со своими фабриками. «Наметились опасные тенденции со стороны облсовнархоза и горсовнархоза,– говорил П. Н. Демичев,– разрыв традиционных связей по кооперации между городом Москвой и областью... Всегда московская областная промышленность развивалась как соподчиненная. Электростальский завод, например, построен прежде всего для того, чтобы обеспечивать заводы г. Москвы. Сейчас наблюдается тенденция разрыва этой связи»[61].

По инициативе Н. С. Хрущева в Москве продолжала бурно развиваться строительная индустрия, за счет реконструкции предприятий росли квадратные метры «хрущевок». В 1961 г. в МГК поступило письмо от руководителей МГСНХ с просьбой передать совнархозу всю строительную индустрию Москвы. Предложение мотивировалось тем, что промышленное строительство отстает, задерживаются пуск новых цехов, расширение заводов и т.п. Но ведомственные барьеры были несокрушимы. Им ответили: «Госплан и Совет по координации экономических районов Центра считают нецелесообразным передачу промышленного строительства из Главмосстроя в систему Мосгорсовнархоза, так как большую часть объема промышленного строительства осуществляют комитеты министерств и ведомств»[62].

Совнархозы задумывались как управленческая структура, которая будет способствовать техническому перевооружению промышленного производства: его механизации, автоматизации, обеспечению новыми технологиями. В реальности из этой идеи мало что получилось. В московской промышленности в начале 60-х гг. более 40% производственных операций выполнялось вручную. В особенности слабо механизированы были слесарные, сборочные и контрольные операции. Например, в 1960 г. из 83 тыс. слесарей, в том числе работающих на

[60] ЦАОДМ. Ф.4. Оп.119. Д.6. Л.61.

[61] Там же. Л.67.

[62] Там же. Оп.124. Д.39. Л.6, 19.

сборке, 60 тыс. выполняли работу вручную. Огромные затраты ручного труда отмечались на внутризаводской транспортировке и погрузочно-разгрузочных работах. Только в промышленности МГСНХ этими операциями занимался каждый пятый рабочий[63].

Собрание актива городской парторганизации, проходившее после июньского пленума ЦК в 1959 г., постановило: в течение двух лет вдвое сократить объем ручного труда в промышленности. Решено было снять с производства устаревшие машины, станки, оборудование, выпускаемые московской промышленностью, и заменить их современными. Планы ставились грандиозные. Только в 1960 г. надо было снять с производства 1200 устаревших видов продукции и освоить серийный выпуск 1100 новейших конструкций оборудования.

Но эта программа осталась неосуществленной. Конструкторы не смогли предложить оригинальных технологий и изделий. Было освоено только 530 новых образцов оборудования, среди них 40 новых автоматических линий, представляющих собой комплексы высокопроизводительных машин и механизмов, станки с программным управлением и экранной оптикой, ЭВМ. Надо отметить, что ряд изделий не имел аналогов в мире. Но таких оказалось немного, а главное, они были внедрены в производство только через 5–7 лет, когда за рубежом подобные машины и станки уже уверенно использовались в промышленности.

Об этом камне преткновения – сроках внедрения в производство новых изобретений и технологий – заходил разговор почти на каждом московском партийно-хозяйственном активе. Критиковался, например, проектный монополист – Государственный институт по проектированию металлургических заводов (ГИПРОМЕЗ), располагающий самыми квалифицированными специалистами, который по 8–10 лет проектировал цеха для трубной промышленности, 10 лет готовил проект реконструкции Магнитки.

Об уровне технической культуры свидетельствовал тот факт, что на предприятиях Москвы при обработке деталей ежегодно уходило в стружку почти полмиллиона тонн металла – четверть потребляемого количества.

Бичом производства был брак – из-за грубых нарушений технологической дисциплины, низкого качества работы. «Московская правда» била тревогу: 40% телевизоров «Рубин-102» в первые же дни отказывали в работе; 2-й Московский часовой завод уже в начале года получил 62 тыс. рекламаций на часы; имелись серьезные претензии к автомобилям ЗИЛа, упало качество строительства. Потери от брака только в первом полугодии 1960 г. составили более 100 млн. рублей.

Совнархозы в организации управления производством явились значительным шагом вперед, но они не смогли сломать ведомственные барьеры. Например, в 1960 г. на авиационных и оборонных предприятиях Москвы и области проводились интенсивные работы по техническому совершенствованию производства.

[63] ЦАОДМ. Ф.4. Оп.119. Д.8. Л.61.

В одном из цехов завода «Компрессор». 1960-е гг.

Производство домашних холодильников на Автозаводе им. И. А. Лихачева. 1960-е гг.

Универмаг «Москва». 1962 г.

На новых предприятиях все шире стали использоваться агрегатные станки и автоматические линии, комплектуемые из прогрессивных стандартных узлов. Применение таких узлов позволяло самим предприятиям разрабатывать новые конструкции станков и линий, осуществлять переналадку производства. Подобная технологическая новинка в 6–8 раз сокращала сроки и в 2–3 раза стоимость создания специализированного оборудования. Появлялись и внедрялись новые машины, приборы и приспособления, максимально механизировались и автоматизировались технологические процессы даже при мелкосерийном производстве. МГК партии направил 22 августа 1960 г. в ЦК записку по этому вопросу с просьбой дать «добро» на внедрение новых технологий на «гражданских» предприятиях[64].

Отечественная космическая техника, заводы типа «Хроматрон» благодаря новым технологиям вырвались далеко вперед. Вскоре на использование новых технологий и оборудования перешли все зарубежные фирмы. Но в СССР и в Москве такого общего поворота не произошло. Запланированные для внедрения новых технологий 30 ведущих машиностроительных предприятий Московского совнархоза, такие как заводы «Калибр», им. Владимира Ильича, «Борец» и др., не смогли их применить. Они их просто не получили. Помешала замкнутость совнархозов. В результате в Москве «оборонка» применяла прогрессивные стандартные узлы и элементы, в это же время СКБ в Минске разрабатывало для однотипных станков одни узлы, в Харькове – другие, а Уральский совнархоз – третьи. Список подобных примеров можно продолжить.

В мае 1960 г. коллектив сотрудников Государственного химического проектного института разработал новый метод проектирования с применением масштабных моделей и макетов технологической аппаратуры, строительных конструкций, инженерных коммуникаций[65]. Бюро Сталинского РК КПСС одобрило работу коллектива, помогло запатентовать оригинальную разработку. Была подготовлена обстоятельная записка МГК партии в Государственный комитет по науке и технике. Там документ рассматривали два года. До внедрения дело так и не дошло.

Итак, начала действовать новая структура, но не была развита система взаимосвязей, взаиморасчетов; изменились условия работы, хотя остались незыблемыми принципы оплаты труда. Бывший министр И. А. Бенедиктов, говоря об оплате труда, отмечал: «Конструкторы новой техники получали намного больше, чем рабочие, а также служащие непроизводственных отраслей. В начале 50-х годов, помнится, профессор университета получал за 1000 рублей, в то время как уборщица – 30, и все это считалось в порядке вещей»[66]. Сложившаяся система оплаты по труду поощряла талантливых, заставляла многих совершенствоваться в своем мастерстве. Именно тогда были изобретены новые станки, оригинальные конструкции машин, космические корабли. Научные школы в СССР были одними из самых престижных в мире. «Однако,– продолжал И. А. Бенедиктов,– Хрущеву, который всегда перебарщивал по части популистских настроений, такой подход показался «социально несправедливым» и «несоциалистическим». Под его давлением начался пересмотр тарифных ставок в направлении ликвидации «нео-

[64] ЦАОДМ. Ф.4. Оп.119. Д.2. Л.118.

[65] Там же. Д.11. Л.70.

[66] Молодая гвардия. 1989. № 4. С.57.

правданных различий» в оплате труда»[67]. Уравниловка воцарилась во всех отраслях промышленности и сельского хозяйства, начался отток способных людей из отраслей, определяющих темпы научно-технического прогресса, в загоне оказался инженерно-конструкторский корпус.

Приближение управления к производству было, несомненно, благом для Москвы и Московской области: оперативно и четко начали решаться многие хозяйственные вопросы. Но оборотной стороной этого процесса стало ослабление связей с другими регионами и совнархозами. Для координации работы совнархозов в 1960 г. было принято решение о создании сначала трех республиканских Советов народного хозяйства (в России, на Украине, в Казахстане), а затем, в 1962 г.,– Всесоюзного Совета народного хозяйства (ВСНХ). Одновременно расширялась власть централизованных Госплана и Госснаба. По сути, уже тогда начала восстанавливаться прежняя, централизованная система, которая не позволила полностью использовать потенциал территориального управления экономикой. Уже через пять лет после создания Московского совнархоза в 1962–1963 гг. фондоотдача московской промышленности снизилась на 2,8%. Это объяснялось рядом причин: недоиспользованием имеющегося оборудования (слабая связь с другими СНХ), низким коэффициентом сменности по ряду предприятий, медленным освоением вновь вводимых мощностей и общей бедой – текучестью рабочих кадров.

В то же время, используя большие возможности, открывшиеся при переходе на территориальное управление промышленностью, МСНХ начал вести активную работу по улучшению специализации и профилирования предприятий, централизации производства. Мероприятия по специализации, осуществленные в 1958–1962 гг., затронули 75% предприятий, был получен экономический эффект, исчисляемый в 92 млн. руб. (в новых ценах). Это было весьма перспективное направление. Однако дальнейшие мероприятия по специализации промышленности в 1963–1965 гг. не были осуществлены, так как приход нового руководства в 1964 г. перечеркнул не только ряд политических, но и хозяйственных планов. Таковой была судьба всех совнархозов.

[67] Молодая гвардия. 1989. № 4. С.57.

XI

ОТ «ЗАСТОЯ» К «ПЕРЕСТРОЙКЕ» (1965–1985)

1. НОВЫЙ ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПЛАН И ГОРОДСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

В октябре 1964 г. завершилась эпоха Хрущева. Конец бурного десятилетия оказался на удивление спокойным, даже каким-то будничным. Недавно всесильный «человек № 1» своими ближайшими соратниками был просто отправлен на пенсию – «по состоянию здоровья», а чуть позже в печати появились далеко не всем понятные формулировки о волюнтаризме, игнорировании экономических законов развития и прочих вещах, в которых обвинялся руководитель партии и страны. Никто не вышел на улицы в знак протеста, никто не возмутился, хотя те, кто снимал Хрущева, всерьез опасались открытых выступлений. Призванные руководить, они попрежнему плохо знали свою страну, свой народ, который не потерял еще веру в вождей окончательно, но уже давно жил своей жизнью. Вожди делали вид, что управляли, народ с неменьшим успехом имитировал законопослушность.

Советские идеологи всегда испытывали слабость к красивой фразе, лозунгу. Но по сумме пустых фраз и невыполнимых лозунгов 70-е побили все рекорды. Достаточно вспомнить рассуждения о том, что «экономика должна быть экономной», а пятилетка – «эффективной и качественной». Из этой же серии – лозунг о превращении Москвы в «образцовый коммунистический город». Видимо, к тому времени даже у самых розовых романтиков и оптимистов иллюзии относительно построения коммунизма в масштабах отдельно взятой страны рассеялись окончательно. Наивно было бы предполагать, что кто-то еще надеялся на воплощение этой идеи в «отдельно взятом городе». Но уже появился вкус к фразе, брошенной в никуда и ни к чему, кроме развития наглядной агитации, не обязывающей. Так было в 1971 г., когда с трибуны XXIV съезда партии новый генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев пожелал столице стать «образцовым коммунистическим городом». И запестрели на улицах Москвы призывные плакаты, агитирующие москвичей за ударный труд и чистоту городских улиц.

Однако у города были свои проблемы, не имеющие никакого отношения к очередной идеологической кампании. Это, в первую очередь, проблема жилья, которая по-прежнему оставалась нерешенной. Во многих городских школах дети, как и раньше, учились в две, а иногда и в три смены. Не хватало детских садов. Новые районы испытывали острую нужду не только в школах и детских садах, но и в магазинах, предприятиях бытового обслуживания, медицинских учреждениях. Промышленные предприятия продолжали отравлять городскую атмосферу. Не иссякали жалобы москвичей на работу городского пассажирского транспорта. Администрация предприятий сетовала на нехватку рабочих рук. Кроме того, Москва «старела», возможность превращения ее в «город пенсионеров» уже тогда становилась реальностью. Эти проблемы надо было решать, причем на основе комплексной программы развития города на перспективу.

Последний Генеральный план развития столицы был утвержден в 1949 г. За 20 лет многое изменилось, поэтому в конце 60-х гг. началась работа по составлению нового Генерального плана. Его проект был обсужден и одобрен на заседании Московского городского комитета партии 7 января 1969 г., а после доработки утвержден ЦК КПСС и Советом Министров СССР 3 июня 1971 г. После этого Генеральный план развития Москвы стал законом, определившим основные направления городской политики на ближайшие 25–30 лет (за исходный уровень брался 1961 г.).

Генеральным планом 1971 г. предусматривалось такое развитие градообразующей базы Москвы (т.е. промышленности, научных учреждений, проектных организаций, учебных заведений, админист-

ративных и общественных организаций и т.д.), которое не допускало дальнейшей концентрации промышленного производства в Москве и ее пригородах. Прирост промышленной продукции предполагалось обеспечить за счет технического перевооружения предприятий, модернизации промышленного оборудования, роста производительности труда (6–7% ежегодно), без увеличения численности занятых в производстве. Промышленные предприятия и производства, вредные с точки зрения экологии, должны были быть выведены за пределы городской черты.

Численность населения Москвы планировалась в границах, не превышающих 7,5 млн. человек, а потребность города в кадрах определялась как 4,1–4,2 млн. человек (из них 805 тыс. человек намечалось занять в промышленности, 815 тыс.– в научных учреждениях и опытных производствах, 150 тыс.– в административно-хозяйственных организациях и 150 тыс.– на строительстве).

К началу 90-х гг. предполагалось решить в городе жилищную проблему, предоставив каждой московской семье отдельную квартиру в расчете 12–15 кв. м на человека. Для этого предстояло построить и заселить 55 млн. кв. м жилой площади[1].

Прошло 11 лет, и 18 марта 1982 г. московские власти отчитывались перед ЦК КПСС о ходе выполнения Генерального плана. Программа по вводу жилья, как она намечалась планом, была к тому времени близка к завершению: всего за 1971–1981 гг. в Москве было сооружено домов общей площадью 52,5 млн. кв. м. Строительство велось по-прежнему на окраинах, где возникли новые жилые районы,– Бибирево, Отрадное, Орехово-Борисово, Строгино, Марьино и др. Дома, построенные по новым проектам, были уже повышенной этажности, с более высоким уровнем комфорта (просторные кухни, удобная планировка).

В городе появились новые школы, рассчитанные на 260,6 тыс. учащихся, и поликлиники (101,5 тыс. посещений в смену). Увеличилась также сеть предприятий торговли, общественного питания, бытового обслуживания. За 10 лет было сооружено 47 км линий метрополитена, открыто 26 новых станций (метро, наконец, пришло в отдаленные районы), 390 км дорог и магистралей, 12 мостов и путепроводов, 109 подземных пешеходных переходов[2].

Но многие проблемы, поставленные Генеральным планом 1971 г., оставались нерешенными. Уже в ходе реализации плана возникли диспропорции и наметились главные «болевые точки»: население и промышленность. Демографическая и социальная ситуация в Москве складывалась таким образом, что городская промышленность испытывала постоянный недостаток рабочих рук. В результате рост населения Москвы превзошел все прогнозы. К началу 80-х гг. численность жителей столицы превысила 8 млн. человек. В итоге жилищная программа была сорвана: намеченные темпы жилищного строительства уже не могли удовлетворить потребности всех нуждающихся в жилье. В 1981 г. в очереди на улучшение жилищных условий находилось 2 млн. человек[3]. В Москве по-прежнему не хватало школ, детских садов, предприятий бытового обслуживания. Обеспеченность жителей города предприятиями торговли и общественного питания, медицинскими и детскими дошкольными учреждениями к началу 80-х гг. составила только 50–60% от нормативной, а в отдельных районах Москвы этот показатель был еще ниже[4].

Н. С. Хрущев на даче. 1964 г.

Л. И. Брежнев. 1964 г.

[1] ЦАОДМ. Ф.4. Оп.160. Д.22. Л.37–44.

[2] Там же. Л.45.

[3] Там же. Л.45.

[4] Там же. Л.46.

Площадь Белорусского вокзала (ныне площадь Тверской заставы). 1977 г.

Жилые застройки в Ждановском районе. 1982 г.

Несмотря на запреты в городе продолжалось строительство новых предприятий. Всего за 10 лет министерствами, «в порядке исключения», было получено разрешение на строительство в Москве промышленно-производственных объектов общей площадью 480 тыс. кв. м[5]. Не удалось также выполнить планы по выводу из города вредных производств: 273 предприятия, признанные экологически вредными или отнесенные к категории непрофильных, оставались в Москве.

Генеральным планом развития Москвы предусматривалось осуществить меры по техническому перевооружению предприятий столичной промышленности. Уже в начале 60-х гг. эта проблема стояла достаточно остро, и положение медленно изменялось к лучшему. В 1969 г., например, авторитетная комиссия констатировала: «Технический уровень многих заводов и фабрик города ниже современных требований. Значительная часть действующего оборудования устарела и имеет низкую производительность. На машиностроительных заводах до 20% металлорежущих станков находится в эксплуатации свыше 25 лет, большое количество оборудования текстильных фабрик используется более 50 лет»[6]. Уровень механизации работ в московской промышленности был признан очень низким: в 1969 г. 43,5% промышленных рабочих фактически занимались ручным трудом (тогда этот вид труда называли несколько завуалированно – «не при машинах и механизмах»).

Подобный уровень механизации требовал дополнительного привлечения рабочих рук. Собственных трудовых ресурсов для восполнения этого дефицита Москве не хватало: уже к концу 60-х гг. занятость в общественном производстве трудоспособного населения города составляла 98%[7]. Администрация предприятий с середины 60-х гг. все чаще стала практиковать использование сверхурочных работ (количество которых возросло с 1965 по 1969 г. с 14 до 25 млн. человеко-часов)[8].

Перестройка работы московской промышленности на новой технологической и технической основе, безусловно, если бы не ликвидировала проблему дефицита трудовых ресурсов полностью, то хотя бы сняла ее остроту. Но существовал и более простой способ решения возникшей проблемы – привлечение дополнительных рабочих рук, который казался и более дешевым. На самом деле именно в этих «простых» расчетах заключалась одна из самых серьезных ошибок городских властей, породившая такое явление, как «лимит». В данном случае речь идет не о самом порядке набора рабочих кадров по специально выделенному лимиту, а о большой социальной проблеме города, разделившей его жителей на две категории – «своих» и «чужих», «москвичей» и «лимитчиков».

В самом факте привлечения иногородних жителей на работу в Москву не было ничего необычного. С конца прошлого века миграция обеспечивала значительный, а в отдельные периоды и основной прирост численности населения столицы. Вместе с тем уже с конца 1950-х гг. доля уроженцев Москвы в составе ее населения резко увеличивается: по данным переписей, в 1902 г. уроженцы Москвы составляли 27,6% общей численности жителей столицы, в 1926 г.– 33%, а в 1979 г.– 51,5%[9]. Мигранты формировали главным образом столичный рынок неквалифицированного и малоквалифицированного труда, т.е. заполняли те рабочие места, которые москвичам представлялись непривлекательными.

В 50-е и 60-е гг. повысился престиж научного труда, в результате научная деятельность стала одной из предпочтительных сфер занятости для московской молодежи. Так, в сфере науки и научного

[5] ЦАОДМ. Ф.4. Оп.172. Д.155. Л.45.

[6] Там же. Оп.173. Д.57. Л.9.

[7] Там же. Л.10.

[8] Там же.

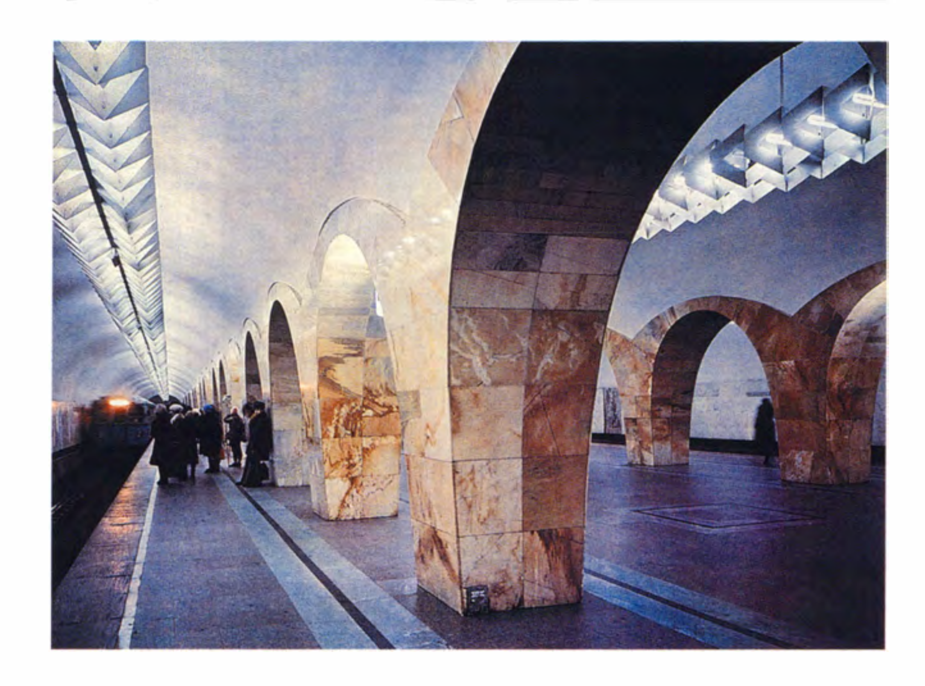
[9] Население Москвы. Прошлое, настоящее, будущее. М., 1993. С.63.

обслуживания было занято 62,2 тыс. молодых москвичей в возрасте от 16 до 20 лет. В то же время в строительных организациях работало только 18 тыс. молодых людей этого возраста, в торговле – 22 тыс., в общественном питании – 8,4 тыс. человек[10]. Незанятые рабочие места заполняли иногородние. Главными сферами применения труда мигрантов в 60–70-е гг. были промышленность и строительство. Набор иногородних рабочих на московские предприятиях проводился в порядке выделения так называемого лимита на временную прописку (отсюда понятия «лимит», «лимитчики»). В списках на выделение лимита для прописки иногородних рабочих постоянно лидировали Автозавод им. И. А. Лихачева и Главмосстрой. С конца 60-х гг. привлечение рабочих по лимиту стало абсолютной нормой для большинства московских предприятий. Отменили лимит лишь в 1987 г., т.е. через 20 лет, сохранив при этом за рядом организаций (Метрострой, АЗЛК, ЗИЛ и др.) право на дополнительный набор рабочей силы. Но за эти 20 лет лимит успел изменить социальное лицо города.

В конце 1975 г. большая и авторитетная комиссия горкома партии и Моссовета изучала вопрос использования на предприятиях и в организациях иногородних трудящихся и других категорий работников, привлеченных на работу в Москву. Была проведена проверка 700 московских предприятий и организаций различных отраслей. Выводы комиссии представляли несомненный интерес.

Решениями Исполкома Моссовета в 1972–1974 гг. были установлены лимиты на временную прописку иногородних рабочих общей численностью не более 238,8 тыс. человек. Привлечено было на стройки, предприятия, в некоторые организации и прописано в Москве за этот период 160,7 тыс. человек (68,4% от лимита). Выбыло за три года 48 тыс. иногородних рабочих. По профессиональному составу иногородние рабочие характеризовались следующим образом: больше половины (51%) до приезда в Москву имели квалификацию и производственный стаж; пятую часть (19%) составляли демобилизованные из армии воины; 17% получили профессии в московских ПТУ и были оставлены в Москве; 12% поступили на работу после школы. Более 92% рабочих, привлеченных по лимиту, составляла молодежь до 30 лет (из них мужчины – 51%). Половина иногородних ранее проживала в сельской местности, 19% – в поселках городского типа и 32% – в различных городах страны.

Иногородние рабочие использовались для замещения дефицитных профессий – станочников, слесарей, монтажников, плотников, каменщиков, ткачей, прядильщиц и т.п.



Станция метро «Кузнецкий мост». Архитекторы Н. Алешина, Н. Самойлова. 1975 г.

Нуждаясь в рабочей силе, город вместе с тем относился к ней не по-хозяйски. Московские власти не слишком заботились о закреплении на предприятиях квалифицированной рабочей силы, поскольку знали, что Совет Министров утвердит любое число вновь приглашенных рабочих. Всего за 1971–1974 гг. только по группе проверенных предприятий было уволено 66 тыс. (около 40%) принятых. Определенной потерей был уход с предприятий 13,6 тыс. (41,3%) иногородних рабочих – недавних выпускников ПТУ[11]. Все это сказывалось на ритмичности работы строек и предприятий. Проблема «лимиты» превращалась в хроническую болезнь города.

Вопрос об использовании иногородних рабочих возникал и в последующие годы. Несмотря на абсолютный прирост в 1971–1975 гг. занятых в народном хозяйстве рабочих и служащих почти на 334 тыс. человек, большинство отраслей имели дефицит рабочей силы – так было записано в документе, направленном из Моссовета в Совет Министров летом 1976 г. Тогда общий недокомплект кадров на

[10] ЦАОДМ. Ф.4. Оп.160. Д.32. Л.11.

[11] Там же. Оп.183. Д.43. Л.125–127.

Савеловская эстакада – транспортная развязка у Савеловского вокзала. 1970-е гг.

Главный конвейер на Автомобильном заводе им. И. А. Лихачева. 1979 г.

Московские строители. 1970-е гг.

московских предприятиях оценивался в 105 тыс. человек. Из-за сложившейся демографической ситуации в городе был низок естественный прирост. Поэтому произошли также отрицательные изменения в возрастной структуре трудоспособного населения. Уже к концу 80-х гг. Москва принадлежала к самым «старым» городам страны.

Исходя из сложившейся обстановки, Госплан разработал расчетный баланс трудовых ресурсов на 1976–1980 гг. Он оказался неутешительным. Дополнительная потребность в рабочих и служащих на этот период определялась уже в количестве 1 млн. 409,5 тыс. человек, а необходимый прирост численности работающих – 202 тыс. Проблема оказалась нерешенной, так как предусмотренные новым балансом источники трудовых ресурсов и на сей раз не обеспечивали полной потребности города в рабочих кадрах.

Экономисты предлагали закрыть несколько однопрофильных предприятий, вывести из столицы экологически вредные производства, что позволило бы перераспределить трудовые ресурсы. В этом случае, однако, пришлось бы смириться с временным сокращением объемов производства. Московские власти предложение экономистов не приняли, вместо этого была создана очередная комиссия по вопросам трудовых ресурсов.

На заседании Комиссии по социально-экономическим проблемам развития Москвы в декабре 1979 г. при рассмотрении вопроса о нехватке трудовых ресурсов пришли к выводу, что в Москву для нормального функционирования города нужно ежегодно ввозить до 115 тыс. иногородних рабочих разных специальностей. Привлечение одного иногороднего работника стоило Москве около 20–30 тыс. рублей. Это означало, что, приглашая 100 тыс. человек, город брал на себя обязательство затратить на обеспечение их жильем и другими социальными услугами примерно на 3 млрд. рублей.

Предлагалось акцентировать внимание на приглашение в Москву только молодежи, заканчивающей ПТУ, а остальные кадры получать путем высвобождения их из других отраслей экономики города за счет автоматизации и механизации производства, ликвидации и вывода из Москвы вредных производств. Много рабочего времени терялось из-за административных отпусков, опозданий, прогулов, больничных листов. Потери рабочего времени в перерыве после увольнения и до устройства на работу составляли в среднем 26 дней. За год, по минимальной оценке, они были равны годовому фонду рабочего времени 50 тыс. рабочих и служащих.

Обсуждалась возможность сокращения в Москве численности некоторых категорий работников, среди них: промышленно-производственного персонала – на 6,5–7%; персонала, занятого на строительно-монтажных работах,– на 2,5–3%; работников науки, научного обслуживания, проектно-конструкторских организаций – на 3,5–4%; прочих – на 1%. За счет такого сокращения предполагалось высвободить 100 тыс. человек[12].

27 апреля 1982 г. была разработана и направлена в ЦК КПСС записка горкома партии и Мосгорисполкома о целевой комплексной программе повышения эффективности труда и экономного использования рабочей силы в народном хозяйстве Москвы на 1981–1985 гг. (программа «Труд»).

Экономисты Госплана рассчитали, что численность населения в трудоспособном возрасте в предстоящем пятилетии сократится на 220 тыс. человек. При сохранении тенденции развития экономики и темпов роста занятости, имевших

[12] ЦАОДМ. Ф.4. Оп.172. Д.111. Л.4, 5.

место в 70-е гг., в 1981–1985 гг. потребуется уже привлечение в народное хозяйство Москвы дополнительно более 500 тыс. иногородних ежегодно. Специалисты пришли к выводу, что «обеспечение потребности города в рабочей силе в основном за счет механического притока населения в дальнейшем не представляется целесообразным»[13].

Это был один из первых официальных документов, обосновывающих необходимость отказа от исполнения лимита в столь массовых масштабах за счет мер по сокращению численности занятых. Общая экономия труда в расчете на 1985 г. должна была составить более 300 тыс. человек, в том числе в промышленности – 175 тыс., в строительстве – 34 тыс., на предприятиях транспорта и связи – около 24 тыс., в науке – 17 тыс. человек, в сфере обслуживания – 51 тыс. В промышленности и науке было определено абсолютное сокращение численности занятых соответственно на 30 тыс. и 6 тыс. человек[14].

Но эти расчеты не оправдались. Москва оставалась промышленным мегаполисом. Привлечение иногородней рабочей силы, особенно для работы в промышленности и строительстве, продолжало практиковаться, причем в увеличивающихся масштабах. В 1976 г. на московских предприятиях доля иногородних составляла около 25% занятых, в 1978 г.– 30,6%, в 1980 г.– 32,8%. На отдельных предприятиях на долю рабочих, набранных по лимиту, приходилось более половины общей численности занятых, в строительстве – до 75%[15].

Население Москвы продолжало увеличиваться главным образом за счет механического прироста (в середине 70-х гг. приезжие обеспечивали до 80% прироста населения столицы). У 200 супружеских пар, проживающих в Москве, рождалось в среднем только 150 детей. «Сложившаяся обстановка требует принятия эффективных мер по увеличению рождаемости» – к такому выводу пришел пленум горкома в 1975 г.[16] Московские социологи провели обследование на 11 московских предприятиях с целью выяснить отношение занятых на производстве женщин к проблеме планирования количества детей в семье. 60% считали идеальной семьей ту, в которой двое детей, 30% – три ребенка, и только для 3% опрошенных женщин образ идеальной семьи был связан с рождением одного ребенка. В действительности 64% опрошенных женщин имели по одному ребенку, 18% – по двое детей, 17% вообще не имели детей[17]. Идеал был пока далек от реальности. Уровень бытового сервиса в городе был таким, что не позволял женщинам успешно сочетать работу с материнством, а оставить работу и полностью посвятить себя воспитанию детей могли немногие.

Московские власти смотрели на проблему лимита прежде всего с точки зрения развития экономики города, его социальной сферы. Мало кто задумывался тогда о психологических издержках постоянного вовлечения в городскую среду такого большого количества пришлых людей. Для них неизбежно возникали сложные проблемы адаптации к новым условиям жизни, «вживления» в городской организм. Те, кто работал в Москве по лимиту, отнюдь не представляли собой некую однородную массу: одни приехали сюда просто в поисках работы, другие добивались для себя «места под солнцем». Несмотря на потребность в рабочих руках иногородние не были в Москве желанными гостями. Москвичи смотрели на них как на временных соседей, а пришлые (во всяком случае, большинство из них) стремились во что бы то ни стало закрепиться в городе, получить статус москвича. Столица была точкой притяжения, где, казалось, можно было решить все жизненные проблемы. В 70-е гг. Москва и, может быть, еще Ленинград являли собой островки относительного благополучия, во всяком случае благополучия материального. Со всех концов страны, а тем более из близлежащих областей в Москву устремлялся поток людей – за продуктами и другими товарами, которых в провинции просто не было. Г. Х. Попов (мэр города с июня 1991 г. по июнь 1992 г.) назвал как-то Москву «всесоюзным распределителем», и это было действительно так. В этих условиях мысль о московской прописке для многих становилась заветной мечтой. Ради обретения этой прописки люди, особенно молодежь, готовы были выполнять самую непрестижную

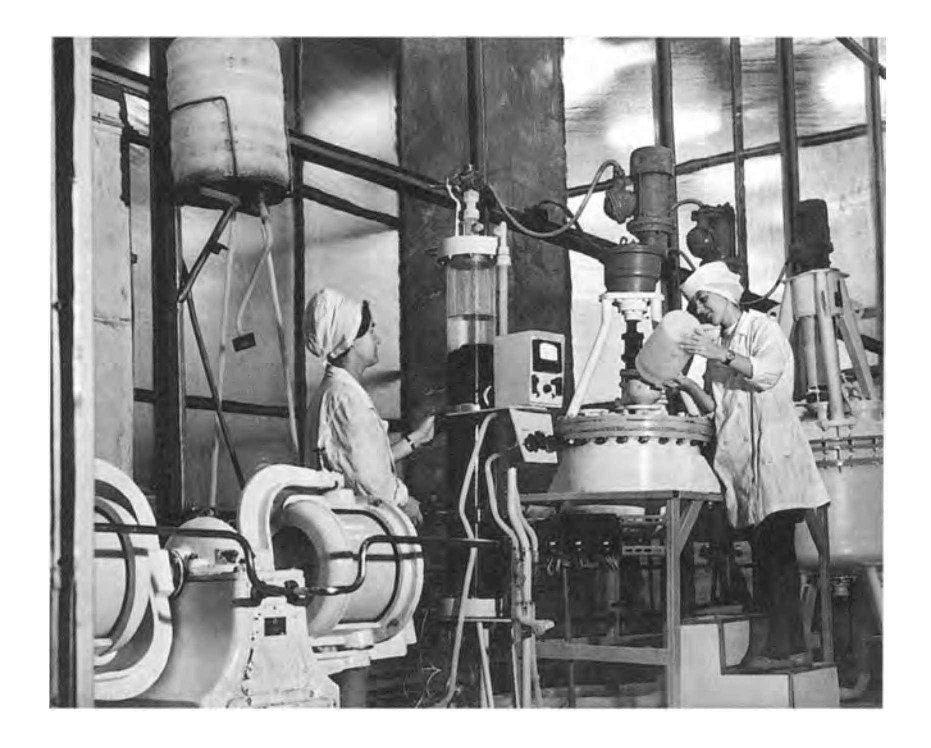
[13] ЦАОДМ. Ф.4. Оп.172. Д.155. Л.125.

[14] Там же. Л.126.

[15] *Давидович А.Я., Косаев А.Г., Подольная М.Н.* Привлечение и рациональное использование иногородних рабочих // Социологическое исследование. 1981. № 4. С.123–128.

[16] ЦАОДМ. Ф.4. Оп.183. Д.5. Л.8.

[17] Там же. Л.47.



В одном из цехов завода «Хроматрон». 1970-е гг.

Гостиница «Россия». Руководитель авторского коллектива архитектор Д. Чечулин. 1964–1968 гг.

работу, трудиться в тяжелых условиях. Но, получив постоянную прописку, новые москвичи, как правило, часто покидали свои рабочие места. Поскольку условия труда на промышленных предприятиях столицы и в строительстве изменялись крайне медленно, проблема нехватки рабочих рук для них была хронической. Возможность решать эту проблему за счет лимита разлагала администрацию предприятий, негативно сказывалась на уровне трудовой дисциплины: уволенный за прогулы, пьянство и прочие проступки рабочий всегда мог устроиться на соседнем предприятии. (Объявления типа «Требуется...» украшали стены и заборы практически всех московских заводов и строек.) И такое положение было не только в промышленности и строительстве.

Московская милиция, например, тоже перестала быть «московской». Бывший первый заместитель министра внутренних дел СССР Ю. М. Чурбанов рассказывал: «Если внимательно посмотреть и проанализировать состав московской милиции, то ведь она (если опять же говорить о ее низовом аппарате) почти целиком и полностью состояла из «лимиты»... Накануне демобилизации в части Московского военного округа выезжали наши кадровики-вербовщики и за какие-то «коврижки» – прописка, квартира – вербовали в Московскую краснознаменную милицию. Чаще всего у людей, которых они брали на работу, не было за душой по отношению к Москве и москвичам ничего святого. Они устраивались, прописывались, приобретали жилье, а после этого всеми правдами и неправдами старались сделать какой-нибудь некрасивый проступок, чтобы «вылететь» из органов. Дискредитировали себя, но и, конечно, в первую очередь дискредитировали милицию. Конечно, мы набирали «лимиту» и «посланцев трудовых коллективов» не от хорошей жизни, другими словами – не хватало денег; в этом плане у нас не было как воздух необходимых нам государственных решений»[18].

Конечно, в утрате былого престижа органами правопорядка были виновны не одни лимитчики. Само появление термина «лимит» связано с крупными просчетами в экономической и социальной политике.

Городская культура формируется десятилетиями и столетиями, и не может быть Москвы без москвичей, как не может быть москвича без любви к своему городу. А это возникает не сразу и не вдруг, даже факт рождения в Москве – еще не гарантия, что она станет для человека своим городом, а не просто средой обитания. Это не всегда понимали городские власти, отправляя коренных москвичей, всю жизнь проживших в старом центре Москвы, «на поселение» в Бибирево или Солнцево, превращая город в мегаполис, гигантский спрут. Новое жилищное строительство велось на окраинах, а тем временем уже в обжитых районах зарастали травой пустыри, множились промышленные постройки, отнюдь не украшавшие облик столицы. Но главное – разрушался Центр, исчезал колорит московской старины, подрубались исторические корни Москвы.

[18] *Чурбанов Ю.М.* Я расскажу все, как было... М., 1993. С.115.

2. СУДЬБА МОСКОВСКОЙ СТАРИНЫ

Когда строили после войны высотные здания в разных районах столицы, одно, самое большое, было предложено возвести в Зарядье. Противниками застройки уникальной набережной Москвы-реки рядом с Кремлем выступили самые известные ученые страны, видные историки, архитекторы и искусствоведы. Сталин, вручив премию своего имени за удачный архитектурный проект здания в Зарядье, строить его там запретил. Но пришел к власти Хрущев и дал «добро» на сооружение другого гигантского здания напротив Кремля – гостиницы «Россия». Новый лидер нашел необходимые аргументы: «Эту гостиницу построим для депутатов Верховного Совета. Им недалеко будет идти пешком на сессии в Кремль».

Площадку начали готовить к строительству, убирали домики, расчищали приречную дубраву, вели планировку фундамента. Хрущева сменили. Академики и искусствоведы, архитекторы и писатели обратились за помощью к новому генсеку, Брежневу. Предлагали на этом месте разбить Народный парк для москвичей, устроить музей быта горожан, картинную галерею, но Леонид Ильич поддержал идею Хрущева. И гостиницу «Россию» построили. Правда, была несколько уменьшена ее этажность, чтобы эта глыба не нависала над Красной площадью.

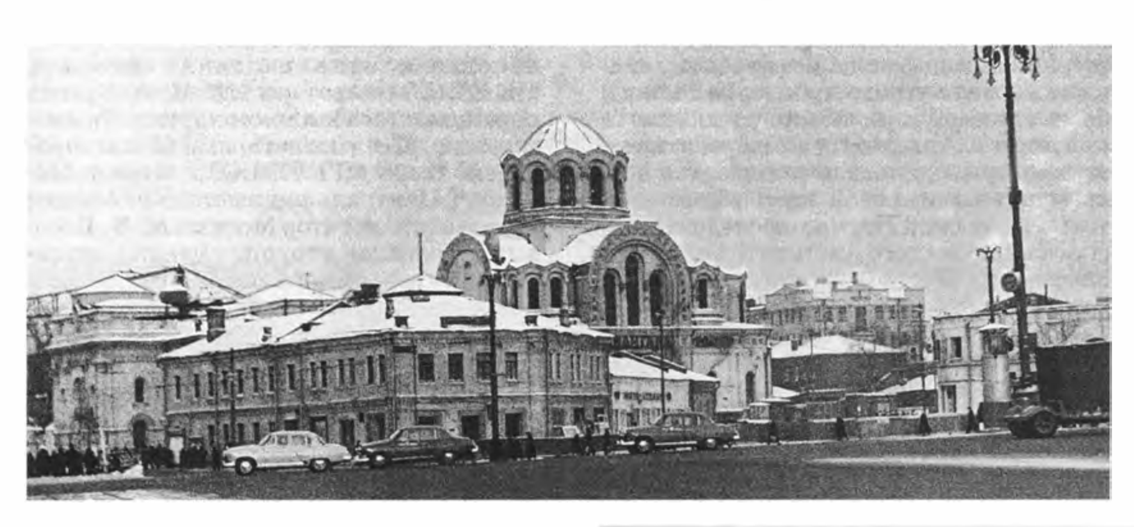
Чуть раньше возвели Кремлевский Дворец съездов. Из-за этого инородного тела Московский Кремль был исключен ЮНЕСКО из списка архитектурных шедевров мировой культуры.

В 1967 г. в Москве сменилась партийная власть. Первым секретарем горкома стал В. В. Гришин. С его приходом начался новый этап так называемой «реконструкции» столицы. В мае 1972 г. намечался приезд в Москву президента США Р. Никсона. Все знали, что он любит ходить по людным местам и интересоваться архитектурой и историческими достопримечательностями.

Готовясь к встрече высокопоставленного гостя, поехали «отцы города» – В. В. Гришин и В. Ф. Промыслов – по Москве. Проезжают мимо Тургеневской библиотеки. «А это что за развалина?» – полюбопытствовал Первый. И судьба старинного дома XVIII в. была решена. Далее – Якиманка (в те годы улица Димитрова): церковь Казанской иконы Божией Матери, в которой размещался кинотеатр «Авангард», богадельня церкви Иоанна Воина – старинные архитектурные памятники города. В первомайскую ночь вместе с праздничным фейерверком обе взлетели на воздух[19].

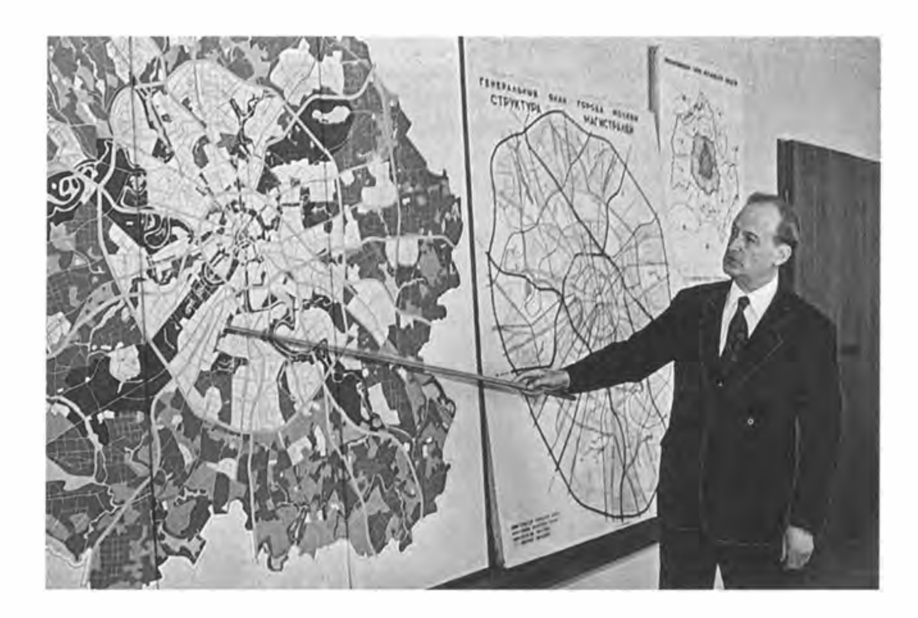
Нельзя сказать, что жители города безучастно наблюдали за тем, как на их глазах исчезает старая Москва. В письмах, направленных в ЦК КПСС, Президиум Совета СССР и другие высокие инстанции, они высказывали свое несогласие с безоглядным разрушением исторической архитектуры города, предлагали собственные планы реконструкции и застройки Москвы. Автор одного из таких писем рассуждал следующим образом: «Слышали ли Вы когда-нибудь, чтобы архитектурно-планировочное

[19] Столица. 1991. № 3. С.38, 39.



Октябрьская (ныне Калужская) площадь. В центре – церковь Казанской иконы Божией Матери. 1960-е гг.

Снос домов по улице Димитрова (ныне улица Якиманка). 1970 г.



Главный архитектор Москвы М. В. Посохин. 1974 г.

управление Моссовета опубликовало подробный отчет, из которого можно было бы узнать, сколько истрачено денег на проектирование, а затем на строительство гостиницы «Россия» или какого-нибудь дома на улице Горького, проспекте Калинина и других улицах; сколько стоит снос домов, стоявших на том месте, и постройка для выселенных оттуда жильцов новых зданий. Таких отчетов мы не знаем. Нужно покончить с положением, когда москвичи видят лишь свершившиеся факты. Все проекты, планы московских градостроителей должны быть вынесены на обзор, суждение и критику»[20]. Архитекторам и проектировщикам приходилось отвечать на подобные претензии в свой адрес. Руководитель мастерской Научно-исследовательского и проектного института Генерального плана Москвы С. Матвеев в своем письме, направленном в Президиум Верховного Совета СССР, признав необходимость развития «контактов с населением», в то же время отмечал: «Значительная часть весьма уважаемых деятелей культуры и искусства, многие представители советской интеллигенции искренне убеждены в том, что старая Москва в ее предреволюционных границах сложилась как законченный и прекрасный город, выражающий величие русского народа. Вмешательство в планировку и застройку этой части Москвы в предыдущие 50 лет советской власти [...] представляется им кощунством, антинародным делом [...] В этих суждениях, в пренебрежительном отношении к современной и будущей архитектуре нетрудно разглядеть отголоски взглядов русских славянистов 60–80-х годов прошлого века [...] К сожалению, имея «зеленую улицу» в прессе, ведущие представители этой группы критиков [...] сеют антинародные «теорийки», сбивающие с толку часть жителей города и туманящие головы отдельным творческим работникам, особенно из числа молодежи»[21]. Так что диалога градостроителей с общественностью не получилось. Информируя московские власти о большом количестве писем, поступающих от москвичей в приемную Президиума Верховного Совета СССР, его председатель Н. В. Подгорный просил В. В. Гришина и В. Ф. Промыслова специально заняться рассмотрением этого вопроса[22].

А «реконструкция» Москвы между тем продолжалась. В письме, направленном в ЦК, Гришин и Промыслов испросили разрешения на снос домов на проспекте Маркса, Боровицкой площади и Манежной улице, расположенных непосредственно у Кремля при въезде в Боровицкие ворота. В письме ни слова не говорилось об исключительной архитектурной ценности этих домов постройки XVI–XVII вв., стоявших еще при Иване Грозном, о ландшафтной исключительности Боровицкого холма, а только упоминалось, что дома стары, без удобств и в них коридорная система. Да и выселить нужно было всего 93 семьи (226 человек)[23]. Сказано – сделано.

Однако после сноса старинных домов в Центре в редакции газет, журналов, в горком партии опять посыпались письма возмущенных москвичей. Группа деятелей науки и культуры столицы – среди них С. Ф. Бондарчук, А. В. Свешников, Т.А. Милашкина, В. А. Атлантов – направила одно из таких писем в ЦК КПСС. Секретарь ЦК М. А. Суслов переправил его в горком партии. Там состоялись беседы с авторами писем, проведено бюро МГК КПСС, а затем в Манеже, в Центральном выставочном зале, главный архитектор Москвы М. В. Посохин встретился с группой ученых столицы, проинформировал их о планах реконструкции и застройки Центра, заверил, что ни один камень не будет вынут из зданий, представляющих историческую ценность. Результатом этих встреч и совещаний стали создание в Центре Москвы заповедных зон с особым режимом застройки, корректировка некоторых положений Генерального плана. Тогда же Градостроительный совет был дополнен представителями Общества по охране памятников, деятелями искусства и учеными. Всего в 1973 г. было создано девять заповедных зон: Китай-город, Волхонка и Остоженка, Арбат, улицы Герцена и Воровского, Петровка и Кузнецкий мост, улица Кирова, улицы Хмельницкого и Чернышевского, Замоскворечье, Заяузье.

Страсти как будто улеглись. Однако в апреле 1973 г. Гришин и Промыслов направили в ЦК новую записку: «О проектных предложениях по застройке центральной части г. Москвы, ее отдельных улиц, магистралей и площадей». В ней шла речь уже о ликвидации

[20] ЦАОДМ. Ф.4. Оп.173. Д.90. Л.87.

[21] Там же. Л.91, 92.

[22] Там же. Л.84.

[23] Там же. Оп.172. Д.16. Л.63.

арбатских улочек, площадок, о перестройке улицы Димитрова, улицы Калинина, о «прорезке» Новокировского проспекта и проспекта Маркса. «Из 6200 жилых домов в центре города 4960, или 80%, построены до 1917 года, здания ветхие с большим износом»,– говорилось в записке, а далее перечислялось, сколько будет снесено «ветхих» зданий. При новом строительстве должны были исчезнуть маленькие арбатские кафе, магазинчики, булочные, парикмахерские, а при «прорубании» Новокировского проспекта – целый массив старой застройки[24]. К записке прилагались альбомы, расчеты и схемы – и ни одного письма протестующих москвичей. А письма в это время буквально потоком шли в редакции газет и Мосгорисполком. В Москве у отдельных старинных домов в Лефортове, на Арбате, в Замоскворечье, на Ордынке дежурили добровольцы, чтобы не дать их разрушить. Но к голосу общественности уже никто не прислушивался. Люди стояли у дома Лефорта, а в это время ломали другие. В 1973 г. был разобран памятник архитектуры и культуры – дом С. В. Рахманинова на Воздвиженке. Моссовет принял неожиданное решение: разобрать и «воссоздать при возможности в каком-либо ином месте города...»

Обстановка тем временем накалялась. Конфликт между общественностью столицы и «отцами города» вызывал беспокойство у кремлевских руководителей. Чтобы предотвратить развитие ситуации в нежелательном для себя направлении, 30 июня 1973 г. Гришин и Промыслов направили в ЦК КПСС и Совет Министров СССР большую записку «О качестве строительства в Москве». Она была весьма самокритична. В записке осуждалось (давно осужденное) строительство пятиэтажных домов и сообщалось, что в Москве их уже не строят. Признавалось, что проектирование новых жилых районов и их планировка не отвечают современным градостроительным требованиям, что в них мало объектов торговли, культурно-бытового назначения. Но положение будет исправлено, обещали авторы. Начато строительство каркасно-панельных жилых домов из унифицированных изделий единого каталога общей площадью 200 тыс. кв. м. Заложены фундаменты, ведется строительство образцового перспективного жилого района на 20 тыс. жителей на территории Чертаново-Северное. Уделяется внимание отделке домов, фасадов и т.д. и т.п. Но о главном – о промахах в реконструкции Центра, о жалобах и письмах москвичей в записке не было сказано ни слова.

Правительство рассмотрело записку, и А. Н. Косыгин дал распоряжение подготовить соответствующее постановление «О мерах по дальнейшему улучшению качества строительства и застройки г. Москвы». При подготовке этого документа в него был включен один новый пункт – о сохранении и восстановлении Центра. Руководители горкома и Мосгорисполкома попросили у правительства дополнительные ассигнования на развитие дорог и водоснабжения, поставили вопрос о пересмотре стоимости квадратного метра жилья, об особом снабжении Москвы стройматериалами и т.п. Все это, конечно, шло на пользу городу. Но в то же время московские власти по-прежнему отказывались признать, что «реконструкция

[24] ЦАОДМ. Ф.4. Оп.172. Д.26. Л.99, 101.

Район Арбата накануне сноса. 1963 г.

Яузские ворота. Художник И. Сорокин. 1979 г.

Петровские ворота. Художник И. Сорокин. 1978 г.

сложившейся части города ведется при недостаточной увязке с исторически сложившейся сохраняемой застройкой»[25], решительно отметали всю критику в свой адрес, если дело касалось сноса ряда домов исторического Центра.

Жители столицы между тем выступили против разрушения Арбата, Замоскворечья, других старых уголков Москвы. В Политбюро снова был обсужден Генеральный план реконструкции и строительства Москвы, указано на серьезные его изъяны. Однако в марте 1974 г. МКГ и Моссовет направляют новое письмо в ЦК с просьбой рассмотреть проект перепланировки Центра Москвы в пределах Садового кольца, делая упор на то, что здесь расположен наиболее старый жилой фонд Москвы и мало зеленых насаждений, парков, скверов и т.п.[26] И опять московские власти не учитывают мнение жителей столицы, не пытаются найти оптимального решения, примиряющего московскую старину с современными городскими проблемами. Предлагают только снести и расчистить площадку для будущего строительства. Пока шла переписка, здания «с большим процентом износа» исчезали с карты Москвы.

Среди специалистов-градостроителей тоже не было единства в подходах к реконструкции Центра Москвы. Подобное расхождение мнений – нормальная ситуация в любой сфере творчества, но в данном случае речь шла не просто о теоретических разногласиях, а о судьбе города и его исторических памятников. В 60–70-е гг. на градостроительную политику решающее влияние оказывала точка зрения, согласно которой историческая застройка Москвы сложилась в основном за последние 100–120 лет, «в эпоху упадка и кризиса архитектуры капиталистического периода». Отсюда следовал вывод: эту застройку можно полностью не сохранять, оставить только отдельные фрагменты в пределах заповедных зон. Часть архитекторов, реставраторов и историков стояли на противоположной позиции и требовали максимально сохранить историческую застройку в пределах Садового кольца и на отдельных участках за его границами. Пока этот вопрос не был решен, предлагалось временно законсервировать историческую застройку, не вести в Центре никаких строительных работ, кроме реставрационных и ремонтных[27].

У сторонников той и другой точек зрения были свои аргументы, и, наверное, не стоит смотреть на тот конфликт исключительно как на противостояние «разрушителей» и «хранителей» московской старины. Бесспорно одно: реконструкция Центра, как она проводилась в 60-е – начале 80-х гг., не решила городских проблем. Новое массовое строительство по-прежнему велось на окраинах, а Центр «расчищался» для элиты: возводилась гостиница «Россия», «прорубался» Калининский проспект («дорога в Кремль»), строились комфортабельные дома в престижных, «исторических» районах.

В 1976 г. в Москве начала действовать Центральная комиссия по вопросам сохранения и сноса зданий в тех зонах города, на которые был распространен особый градостроительный режим (главным образом, в пределах Садового кольца). За 10 лет своей работы комиссия рассмотрела около 1800 предложений по сносу различных строений и в 950 случаях отказала в разрешении на снос[28].

В 1984 г. отдел строительства ЦК КПСС подготовил докладную записку, специально посвященную вопросу реконструкции и застройки старой части Москвы. В ней жалобы москвичей и критика в адрес Главного архитектурного управления города были признаны обоснованными: говорилось о разрушении исторической застройки, об уничтожении памятников архитектуры под видом сноса

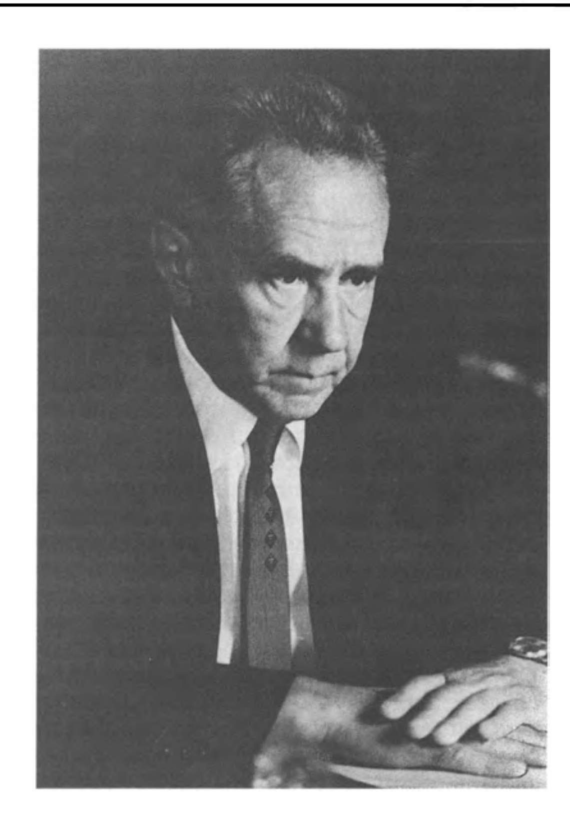
[25] ЦАОДМ. Ф.4. Оп.172. Д.28. Л.145.

[26] Там же. Д.37. Л.151–154

[27] *Ранинский Ю.* Заповедные зоны. Трудности формирования // Строительство и архитектура Москвы. 1978. № 9. С.24.

[28] ЦАОДМ. Ф.4. Оп.172. Д.231. Л.148.

ветхих строений, о передаче под служебные цели жилищного фонда Москвы и других проблемах. На основе этой записки в 1984 г. было издано постановление ЦК КПСС «О фактах необоснованного сноса добротного жилого фонда в г. Москве». 30 января 1985 г. горком докладывал в ЦК о работе, проделанной в этом направлении. Только за год, с 1983-го по 1984-й, снос строений в городе уменьшился в 1,5 раза[29]. К 1985 г. в Москве на государственном учете и охране находилось 12 тыс. сооружений и объектов, имеющих историко-архитектурную ценность, в их числе 2,5 тыс. памятников истории, культуры и архитектуры и около 9,5 тыс. зданий и сооружений, формирующих застройку центральной части города[30]. Это было начало. Основные работы по реконструкции исторического Центра столицы развернулись уже после 1985 г., когда изменилась ситуация не только в столице, но и в стране.



А. Н. Косыгин

3. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕФОРМА 1965 г.: МОСКОВСКИЙ РАКУРС

Со сменой руководства в Кремле в 1964 г. период реформ в стране не закончился. Экономика постепенно теряла высокие темпы развития, набранные в 50-е гг. Еще во времена Н. С. Хрущева была начата экономическая дискуссия, участники которой предлагали различные рецепты оздоровления экономической ситуации. В политическом и обыденном лексиконе замелькали непривычные слова «прибыль», «рынок». Главное, о них говорили как о вещах не только приемлемых (а не «буржуазных», «чужих», «враждебных»), но и, возможно, спасительных. Рынку, правда, повезло гораздо меньше: тогда он так и не дождался своей полной реабилитации в глазах советских идеологов. Но вопросы прибыли, а вместе с ними и экономического стимулирования деятельности предприятий обсуждались всерьез. Потом приступили к практическим шагам. В течение 1964–1965 гг. более чем на ста предприятиях страны были проведены эксперименты, проверены отдельные элементы предлагаемой учеными реформы. В числе этих предприятий более половины оказались московскими.

Итоги экономической дискуссии и результаты эксперимента в промышленности и строительстве были обобщены в сентябре 1965 г. на пленуме ЦК КПСС. На нем впервые официально, с партийной трибуны признавалось, что серьезным недостатком в управлении народным хозяйством является превалирование административных мер над экономическими. Об этих же проблемах говорили на совещании в МГК и МК КПСС в июне 1965 г. директора промышленных предприятий Москвы и области. В сентябре, накануне пленума ЦК КПСС, собрались на конференцию в горкоме партии ведущие ученые-экономисты. Они обсуждали «предварительный документ» по реформе, предложенный группой экспертов правительства. Московские экономисты, просчитавшие документ правительства по одной Москве (ЗИЛ, «Калибр», МЧЗ-1 и т.д.), спрашивали на конференции: если предприятия, поставленные на условия хозрасчета, получат прибыль, как они ее реализуют? Ведь должен быть рынок, обеспеченный материалами и ресурсами, а его нет, но зато есть Госснаб. Ресурсы и фонды распределяются только в этом учреждении. К тому же возрождающиеся после совнархозов министерства оказывались абсолютно незаинтересованными в самостоятельности предприятий.

Участники конференции, одобряя в целом идеи реорганизации, настаивали на значительном увеличении зарплаты рабочим и инженерно-техническим работниками (ИТР), предлагали платить премии, зарплату не за отдельные операции, а за конечный продукт. Высказывалось предложение удвоить зарплату не к 1970 г., как предусматривалось экспертами правительства, а гораздо ранее. «Любой документ, который исходит из нынешнего уровня зарплаты, которая к 1970 г. вырастет всего на 5–7 процентов, не решает всей проблемы»,– говорили ученые[31].

Предложения экономистов не были приняты ни в МГК, ни в ЦК, не говоря

[29] ЦАОДМ. Ф.4. Оп.172. Д.209. Л.57, 58.

[30] Там же. Д.231. Л.149.

[31] Там же. Оп.138. Д.7. Л.51.

[32] ЦАОДМ. Ф.4. Оп.138. Д.2. Л.24.

[33] Там же. Л.26, 27.

уже о Совете Министров (к ним вернулись лишь через 20 лет). Был принят заранее подготовленный правительством документ.

На сентябрьском (1965 г.) пленуме ЦК КПСС А. Н. Косыгин в своем докладе, по сути, поставил две главные проблемы: предложил отказаться от вала (оценки деятельности предприятий по показателю валовой продукции) и использовать вместо него такой показатель, как объем реализации готовой продукции. Кроме того, пленум санкционировал новую перестройку управленческих структур: создание министерств и ликвидацию совнархозов.

Однако в ходе выполнения решений пленума вездесущий, а главное, привычный «вал» тронуть побоялись – слишком уж въелся он в экономический организм и изживать его нужно было не один год. Другое дело – министерства, их восстанавливали быстро.

Ликвидировали совнархозы почти с той же поспешностью, с какой их создавали, и это несмотря на то что работали предприятия, шло строительство, требовались координация и бесперебойное снабжение. На слабые возражения, что новая реорганизация усилит диктат центра, преобразователи дружно отвечали, что ошибки прошлого учтены и уж непременно будут «расширены права предприятий».

На совещаниях, в печати требовали ускорить перестройку управления промышленностью, «не затягивать этот вопрос до нового года». Резко сократилась целевая переписка – заводы и фабрики уже не считали нужным обращаться в совнархозы, полагая, что решать кардинальные вопросы надо будет с новыми министерствами[32].

Специалисты и ученые интересовались у партийных секретарей: «Нужно ли так спешить с ломкой мобильных и гибких совнархозов? Министерства – пройденный этап, это возврат к старому. Почему не писали и не говорили раньше о таком отставании нашей промышленности? Чем объяснить наши промахи в планировании?»[33] И почти на всех собраниях и активах возникал один и тот же вопрос: «Будет ли изменена Программа партии и некоторые ее положения, хотя бы в части непродуманного и нереального 20-летнего срока перехода к коммунизму?»

Эти вопросы оставались без ответа. Период дискуссий и сомнений кончился. Началась реформа.

Проведение ее в жизнь стало первоочередной задачей всех партийных организаций Москвы и Московской области. В партийно-правительственном постановлении «О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства» были предусмотрены прогрессивные для того времени меры, призванные поднять эффективность производства. Суть реформы заключалась в новом подходе к оценке деятельности предприятий – по реализованной продукции, полученной прибыли и выполнению договорных поставок. Нужно сказать, что реформа придала определенный импульс экономическому развитию страны: она на какое-то время развязала инициативу предприятий, стимулировала появление производственных объединений, внутри которых на более высоком уровне решались вопросы технического перевооружения, совершенствования организации труда и производства, социальные проблемы.

Сборка самолета «Ил-18». 1965 г.

Долгое время экономисты называли восьмую пятилетку (1966–1970) «золотой», самой удачной по важнейшим социально-экономическим параметрам за последний период. Исследования, основанные не на данных официальной статистики, а на методе альтернативных оценок, опровергли эту точку зрения: темпы и эффективность производства в восьмой пятилетке продолжали снижаться, как снижались они в начале 60-х гг.[34] Реформа 1965 г. не смогла переломить эту тенденцию.

Плоды очередной перестройки первыми испытали на себе московские предприятия. Об этом свидетельствует записка горкома, направленная 14 марта 1966 г. ЦК КПСС: «В последнее время в связи с переходом к отраслевому принципу управления промышленностью, возвращением от СНХ к министерствам наблюдаются отдельные случаи снижения внимания хозяйственных организаций к развитию межотраслевых производств – заготовительных (литья, поковок, штамповок, сварных конструкций), средств механизации, тары, ремонтных и т.п. В частности, созданное в свое время в г. Москве Управление межотраслевых предприятий ликвидировано, а хорошо налаженная система централизованного производства и снабжения промышленности города приспособлениями, оснасткой, пресс-формами нарушается»[35]. МГК предлагал в порядке исключения, как жизненную для города необходимость, «сохранить нетронутыми эти формы работы предприятий межотраслевого назначения».

Ответа на свое предложение горком не получил. Правительству было не до таких «мелочей»: полным ходом шел процесс создания новых министерств, управлений и комитетов. Затем начали делить предприятия. Потом потребовали от них планы-предложения. Далее стали распределять фонды и деньги. Переход на новую систему управления затянулся на полтора года.

На совещании в МГК КПСС у представителей предприятий спросили: «Чувствуются ли изменения в производстве против того, что было при совнархозах?» «Да, чувствуются,– следовал ответ,– в худшую сторону. Сейчас не всегда оперативно решаются вопросы. Много согласований. Раньше, при совнархозе, было легче»[36].

Можно было проигнорировать высказывания с мест, но нельзя было отмахнуться от отчетных документов. Они же свидетельствовали: повсюду начали падать производственные показатели.

Административная ломка в ходе экономических преобразований стала существенным тормозом для хозяйственной реформы, как будто новейшее оборудование, технологическую оснастку грузили на громоздкий, старый пароход. В итоге произошло не предвиденное ни одним экономистом: объявленная, например, реформой экономическая самостоятельность предприятий и сокращение числа утверждаемых сверху показателей были решительно отвергнуты министерствами. Самостоятельность огораживалась прочным финансовым частоколом. Сработало присущее советской экономической системе стремление к монополизму.

Утвержденный план предприятия провозглашался законом, но его корректировка в пользу министерств стала почти нормой. Некоторые райкомы столицы и горкомы области попытались взять под контроль графики выполнения планов, договорных обязательств: из протоколов заседаний бюро райкомов тех лет видно, что каждый второй вопрос так или иначе касался выполнения планов предприятий, поставки оборудования, сырья, хода реформы. Райкомы в общем занимались не своим делом, тем более что партийный нажим все равно не помогал – практика корректировки планов в сторону их уменьшения стала почти повседневной.

Снижение планки требовательности со стороны правительственных органов в погоне за благополучными отчетами, премиями, наградами сплошь и рядом вело к невыполнению договорных обязательств. Работать качественно было попрежнему невыгодно. Пресса широко пропагандировала почин московских предприятий выпускать продукцию под девизом «Московское – значит отличное». Но почин так и остался красивой фразой, поскольку повышение качества продукции и выполнение более высоких плановых заданий ущемляли интересы предприятий и отраслей. В результате падала конкурентоспособность изделий московской промышленности.

Через год после сентябрьского пленума ЦК было решено изменить на предприятиях систему планирования и экономического стимулирования. Как отметил один из специалистов, «мы опоздали с этой реформой, как минимум, на год». В Москве вводился эксперимент на 43 предприятиях. 11 октября 1966 г. в МГК КПСС у секретаря горкома Л. А. Борисова собрали специалистов, чтобы обсудить первые итоги эксперимента. На встрече говорили о том, что в стране нет хорошей экономической службы, а в Москве не найти и десяти начальников финансовых отделов с высшим образованием. Вновь поднимался вопрос о необходимости предоставить больше хозяйственных прав коллективам предприятий, ликвидировать уравниловку в оплате труда.

Выступавший на том совещании известный экономист А. Я. Бирман заявил: «Никакой реформы нет. Если проводится реформа, то должно быть налицо

[34] *Ханин Г.И.* Динамика экономического развития СССР. Новосибирск, 1991. С.191, 192.

[35] ЦАОДМ. Ф.4. Оп.140. Д.1. Л.47.

[36] Там же. Д.9. Л.25.

Электроламповый завод. Общий вид монтажного цеха радиоламп. 1967 г.

изменение всей обстановки на предприятиях [...] Действительно, рабочее собрание должно влиять на производство, но это никем не принимается во внимание [...] упущена общественная, социальная сторона этой реформы. В вопросах о поощрениях ведется несерьезный разговор. В среднем по предприятиям, которые перешли на новую систему, за 1 полугодие было на одного рабочего начислено 2 р. 50 копеек, 45 копеек в месяц. Это – несерьезный разговор»[37].

Министерство финансов предъявляло свои претензии к московским предприятиям: по мнению этого ведомства, некоторые из них чересчур увлеклись увеличением поощрительных фондов и слишком большую долю прибыли использовали на премирование рабочих[38].

Вспоминались на совещании в горкоме партии еще недавно вызывавшие столько претензий совнархозы. Теперь говорили о преимуществах этой формы управления: «...в совнархозе было проще, экономнее. Совнархоз мог маневрировать своими фондами, передавать с завода на завод. Сейчас этого права нет. Нужно через многочисленные инстанции, территориальные управления этот вопрос решать. ...В экономике сделан добрый шаг назад»[39].

Как свидетельствовали первые итоги, реформа 1965 г. не принесла того эффекта, на который рассчитывали ее инициаторы. Проведенное в 1966–1967 гг. повышение цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию и выравнивание уровней рентабельности отдельных отраслей оказали краткосрочное стимулирующее воздействие на экономику (особенно на аграрный сектор), но не более. Задуманное расширение хозяйственных прав предприятий не удалось; воссозданные в 1965 г. отраслевые министерства, несмотря на ряд принятых правительственных решений, быстро восстановили свой всеобъемлющий контроль над производством, снабжением и сбытом. Буквально через два года после начала реформы на большинстве промышленных предприятий планируемая министерствами «обязательная номенклатура» уже охватывала весь выпуск продукции.

Летом 1967 г. в МГК КПСС была проведена экономическая конференция на тему: «Хозрасчет в условиях новой системы планирования и экономического стимулирования». Председательствовал на ней все тот же секретарь горкома по промышленности Л. А. Борисов. В своем докладе он отметил, что итоги работы за 1966 г. тех 43 предприятий, которые перешли на новую систему планирования и экономического стимулирования, вдвое выше, чем в среднем по Москве, но этот результат почему-то не стал примером для остальной тысячи предприятий. «У нас известны факты,– говорил Л. А. Борисов,– когда системы хозрасчета гибли лишь потому, что внедрение самой системы обходилось гораздо дороже, чем получали экономический эффект от внедрения этой системы»[40]. И снова выступавшие на конференции специалисты поднимали вопрос о несовершенстве системы оплаты труда на предприятиях. «Интересное дело получилось,– заметил экономист Л. М. Гатовский,– на предприятиях (завод им. И. А. Лихачева и др.) 32 процента премий прибавлены были к должностным окладам инженерно-технических работников. У рабочих осталось почти без изменений...»[41]

Рабочий от реформы практически ничего на получил – эта мысль звучала во многих выступлениях. При переходе на новую систему экономического стимулирования была проведена целая серия совещаний – в МГК, по районам, отраслям. Обсуждали проблему ученые, директора и главные инженеры заводов, экономисты предприятий, финансисты. У горкома партии и райкомов работы оказалось невпроворот. Но не дошли до одной категории – до рабочих. Не разъяснили им существа новшеств, не посоветовались.

Оказались в стороне и министерства. За них решали, изменяли, распределяли. Главное, они не отвечали за ход преобразований, передав все полномочия горкому партии, не несли никакой административной, не говоря уже о материальной, ответственности. А нарушения

[37] ЦАОДМ. Ф.4. Оп.140. Д.9. Л.2.

[38] Там же. Л.32.

[39] Там же. Л.39.

[40] Там же. Оп.142. Д.12. Л.6.

[41] Там же. Л.33.

поставок фиксировались в министерствах, и эти нарушения становились бичом народного хозяйства.

Со всей неприглядностью проявила себя практика припрятывания резервов. Завод, фабрика по правилам должны были иметь месячный запас сырья, остальное предписывалось поставлять на другие предприятия. Но на рудных дворах «Серпа и молота», складах «Трехгорки» хранилась годовая или бо́льшая норма сырья. И никакие выговоры и штрафы не могли заставить руководителей предприятия избавиться от этого запаса. Кроме того, появились также трудности в реализации продукции. Бедны были фонды развития производства. А станки необходимо было менять, цеха реконструировать.

Почти каждый из выступающих на конференции сетовал на то, что нет в московской промышленности знающих экономистов. Задавался вопрос: «Куда уходят выпускники-экономисты из технических вузов и специализированных институтов? Спешили проводить реформу, а не подумали о том, кто ее будет проводить». О наболевшем говорил директор Комбината твердых сплавов Новгородов: «Возрастает вес технического прогресса. Возникла не только заинтересованность, но и необходимость внедрения всех достижений науки и техники. В настоящее время мы берем у институтов не внедренные, даже не законченные, но перспективные работы и внедряем. Но практически внедрять нечего. Плохо мы в свое время поддерживали изобретателей [...] Фонд освоения новой техники составляет по комбинату 100 тысяч рублей. Но для проведения крупных мероприятий по внедрению новой техники это совершенно недостаточно. Фонд премирования за новую технику – 14 тысяч рублей, но даже гроши не доверяют предприятию. Мы отчисляем их министерству, а потом исписываем горы бумаги, чтобы их получить и кого-то поощрить [...]»[42]

Это была не первая и не последняя конференция по проблемам экономической реформы, на которой высказывались дельные и перспективные идеи. Но итоги обсуждения практически ничего не меняли в реальной экономической ситуации. Погоня промышленности за прибылью приводила между тем к безудержному росту цен на все материальные ресурсы и услуги. Это негативно сказывалось прежде всего на работе наукоемких отраслей, энергетики.

Со временем о самой реформе стали говорить все меньше. Московские власти в этом общем процессе не были исключением, и не случайно. Как вспоминает бывший председатель Госплана Н. К. Байбаков, и в Политбюро не было единства по отношению к перспективам экономической реформы. Н. В. Подгорный, например, высказывался в таком духе: «На кой черт нам эта реформа? Мы что, плохо развиваемся, что ли?»[43] А. Н. Косыгин пытался ему возражать, но все чаще оставался в одиночестве.

В низовых организациях, в частности в Московском горкоме, первоначальный энтузиазм по внедрению реформы (требование с парткомов ежеквартальных отчетов, многочисленные совещания по обмену опытом) сменился обязательным упоминанием о ней в докладах, а затем о реформе как об очередном рутинном мероприятии просто забыли. Известно, что первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин, затронув вскользь проблемы экономической реформы на XIX городской партийной конференции в 1968 г., в дальнейшем о ней уже не вспоминал ни в одном из своих выступлений[44]. То же можно сказать о партийных работниках области. Московские власти реформа больше не интересовала.

В конце 1969 г. А. Н. Косыгин созвал расширенное совещание экономистов, плановиков, ученых и хозяйственников. Вопрос поставил один: как быть с реформой?

Целый день совещались лучшие умы страны, говорили о диктате министерств, необходимости «добить» вал, ввести рыночные отношения и развязать руки коллективам предприятий в планировании и распределении конечного продукта как непосредственным его производителям. Яркие мысли, оригинальные предложения звучали во многих выступлениях, в которых не только шла констатация существующего положения, но и предлагались перспективные, новые подходы. Воспринималось все это членами правительства во главе с А. Н. Косыгиным с огромным энтузиазмом. Глава правительства вечером позвонил Брежневу и рассказал о совещании, отметил самые запоминающиеся выступления. Реакцию Леонида Ильича участники совещания ощутили на себе уже на другой день[45].

В ответ на самые смелые и конструктивные выступления из президиума все чаще звучали упреки в «нарушении законов социалистической экономики», «отходе к капитализму» и прочих «грехах». Ситуация менялась действительно быстро.

Нечто подобное произошло с группой московских экономистов, которые подготовили записку о перспективах развития советской экономики. Ученые писали о том, что необходимо планировать темпы роста национального дохода, нормально и сбалансированно развивать народное хозяйство. Записку направили в ЦК КПСС. Она попала к М. А. Суслову. Авторов вызвали в ЦК и поговорили с ними. После этого желание писать что-либо в подобном духе ни у кого из участников беседы долгое время не возникало... Период реформ закончился.

[42] ЦАОДМ. Ф.4. Оп.142. Д.12. Л.63, 65.

[43] Цит. по: *Байбаков Н.К.* Сорок лет в правительстве. М., 1993. С.112.

[44] *Гришин В.В.* Избранные речи и статьи. М., 1979. С.101.

[45] Из беседы с К.Т. Мазуровым в 1988 г. кандидата исторических наук Л.А. Опенкина.

4. ФАСАД И ИЗНАНКА СТОЛИЧНОЙ ЖИЗНИ

В 1972 г. ожидались большие торжества: приближалось 50-летие образования СССР. Москва, как всегда, находилась в центре юбилейных приготовлений. Для благоустройства столицы к празднику городские власти обратились в правительство с просьбой о дополнительных ассигнованиях. 25 млн. руб. предполагалось затратить непосредственно на подготовку к юбилею – косметический ремонт зданий, озеленение, уборку улиц, праздничное оформление и т.п. «Под юбилей» руководство города надеялось также получить средства на развитие сферы медицинского и культурного обслуживания населения Москвы, из них 29 млн. руб. планировалось направить на строительство больниц, 24–26 млн.– на реконструкцию киностудии «Мосфильм»[46]. Тогда же было начато строительство двух заводов по производству твердокопченых колбас с использованием западной технологии (под эту статью расходов Совет Министров выделил валютные средства).

Подготовка к юбилею шла своим чередом: газеты, радио и телевидение прославляли «нерушимую дружбу народов СССР» и Москву – «главный оплот» этой «нерушимой дружбы». На самом деле ситуация в многонациональной столице была совсем не простой. Московский комитет партии летом 1972 г. докладывал в ЦК КПСС об «отдельных негативных явлениях, имеющих место в общественной жизни Москвы». В числе этих негативных явлений в первую очередь называлось движение московских евреев за выезд в Израиль. В 1970 г. приглашения на переезд в Израиль получили 282 москвича еврейской национальности, а в 1971 г.– уже 1600[47]. Посчитав, что такой «исход евреев» из страны нанесет урон ее престижу, правительство ужесточило порядок оформления выездных документов, а местные органы задерживали их выдачу. Многим евреям под разными предлогами вообще отказывали в праве на выезд за пределы СССР (чаще всего в «интересах государственной безопасности»). Были случаи, когда на предприятиях и в учреждениях Москвы лиц, подавших заявления на выезд, просто увольняли. Подобное поведение властей только усугубляло ситуацию. Западная пресса начала кампанию в защиту советских евреев и стала публиковать факты об ущемлении прав человека в СССР. Накануне юбилея такая международная огласка для советского руководства была, естественно, крайне нежелательной. Однако политика в отношении «еврейского вопроса» не менялась.

Среди московских евреев существовала традиция в дни празднования еврейской Пасхи собираться у здания Московской хоральной синагоги на улице Архипова (ныне Б. Спасоглинищевский пер.). Горком партии и КГБ в своих сводках оценивали роль синагоги как главного очага распространения сионистских настроений. В апреле 1972 г. московская милиция предприняла попытку разогнать собравшихся у синагоги. В последующие годы подобные инциденты повторятся.

Однако в преддверии юбилея образования СССР московские власти беспокоило не только поведение евреев. Националистические тенденции партийные идеологи обнаружили и в поведении русской интеллигенции. «Под видом пропаганды русского национального искусства,– докладывал главный цензор страны, бдительный Главлит,– по существу протаскивается идея великодержавного шовинизма. Писатели и критики в своих печатных трудах отрицают национальный характер всего современного, воспевают «Русь изначальную», не тронутую «суетой»[48]. Основательно раскритиковали тогда ежегодник «Глобус-71», выпущенный издательством «Детская литература», за преклонение перед стариной, древнерусскими памятниками, церквами и соборами.

В предъюбилейные месяцы действительно увидели свет книги, альбомы, путеводители, посвященные русской старине. И в этом не было ничего удивительного, если, конечно, не считать стремление к изучению своего прошлого чем-то исключительным. Другое дело, что иногда это познание превращалось в умиление патриархальностью, сводилось к рассуждениям о некой «тайне народа», его скрытых и явных врагах, «разлагателях национального духа». В «Литературной газете» появилась статья А. Н. Яковлева, тогда одного из руководителей отдела пропаганды ЦК КПСС, под довольно характерным заголовком – «Против историзма». В ней ностальгия по «сусальной деревенской Руси» была названа «опасной идейной позицией». Статья вызвала тогда в Москве широкий резонанс и весьма неоднозначную реакцию: кто-то расценил ее как выпад против формирующегося русского национального самосознания, кто-то признал, что автор статьи если не по духу, то по сути прав.

Дискуссии и обсуждения в московских интеллектуальных кругах не проходили мимо внимания городских властей, которые пытались управлять ходом развернувшейся полемики. На пленуме МГК КПСС 2 июня 1972 г., посвященном подготовке к празднованию 50-летия образования СССР, были даны общие установки по усилению коммунистического воспитания трудящихся. Идеологам Москвы нужно было «пройти между Сциллой и Харибдой»: как-то пригасить «еврейский вопрос» и не вызвать волну

[46] ЦАОДМ. Ф.4. Оп.172. Д.16, Л.10, 29, 33.

[47] Там же. Л.149.

[48] Там же. Л.150.

антисемитизма и шовинизма. Что касалось издательств и редакций, то там были проведены соответствующие чистки и перестановки. Бюро МГК рассмотрело вопрос о работе издательства «Московский рабочий» и вынесло решение о необходимости укрепить его руководство. Определенная работа была проведена в творческих союзах, других издательствах, редакциях газет и журналов. В отчете партийной комиссии при МГК КПСС за 1972 г. сообщалось, что был рассмотрен ряд персональных дел коммунистов, проявивших политическую незрелость и ведущих антисоветскую деятельность.

Накануне юбилейных торжеств московские власти усилили свое внимание к тем категориям и группам населения, которые, согласно терминологии тех лет, вели «антиобщественный образ жизни». Не упустили из виду даже новоявленных хиппи. Сторонников этого течения в Москве, по официальным данным, отыскалось немного – всего 243 человека. Среди них были люди без определенных занятий, наркоманы (почти 50% хиппи состояли на учете у нарколога, проходили курс лечения). Все они были взяты на учет административными органами, с каждым, а также с их родителями проводились беседы в исполкомах районных Советов, райкомах комсомола.

В ходе бесед, как говорилось в отчете, только 10% из этих молодых людей заявили о приверженности движению хиппи, а большинство просто увлекалось западной модой. Многие из участников группы были устроены на предприятия, где над ними взяли шефство комсомольцы, часть молодых людей призывного возраста была призвана на военную службу.

Дошла очередь до проституток. 555 представительниц этой в то время еще весьма экзотической для Москвы профессии были взяты на учет органами милиции, из них: 244 – помещены на стационарное лечение, 110 – арестованы за совершение различных преступлений и за мелкое хулиганство, 18 – выбыли из Москвы, 69 – подлежали удалению из города («за 101 километр»), за поведением 49 женщин по месту жительства и работы устанавливалось наблюдение[49].

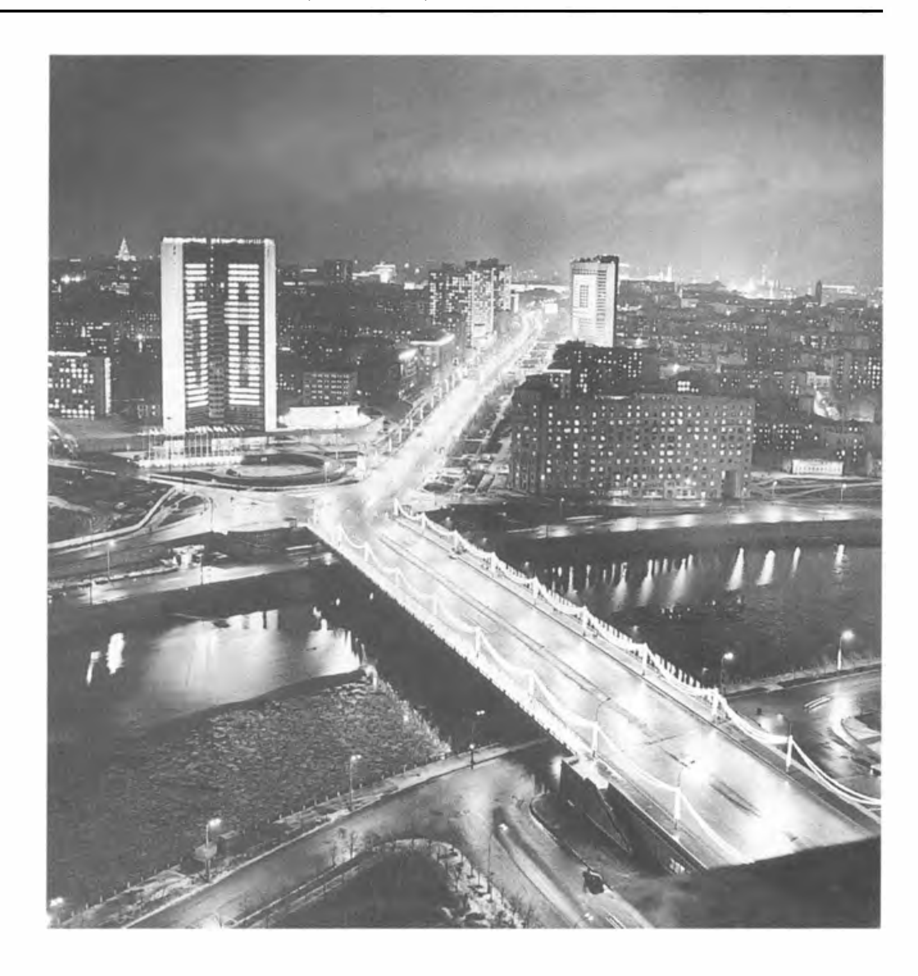
Была усилена работа с лицами, уклоняющимися от общественно-полезного труда, выявлено 2385 тунеядцев (1279 – трудоустроено, 513 – привлечено к уголовной ответственности). Обнаружено было 2809 нарушителей паспортного режима, из них: 301 – арестован, 1265 – поставлены под административный надзор[50].

26 мая 1972 г. в стране началась очередная, третья по счету, антиалкогольная кампания (появилось письмо ЦК КПСС «Об усилении борьбы против пьянства и алкоголизма»). Как информировал Мосгорисполком о ходе этой борьбы, в городе было учтено 46 884 человека, больных алкоголизмом (в 1967 г.– 35 307). В течение 1972 г. в отделения милиции было доставлено 366 тыс. человек в нетрезвом состоянии (в 1971 г.– 1343 тыс.)[51].

Порядок в городе обеспечивали не только сотрудники милиции, но и участники добровольных народных дружин (ДНД). Привлечение общественности Москвы к борьбе с нарушителями порядка и уголовными элементами сказалось в целом и на результатах работы правоохранительных органов. Общая преступность в 1972 г. сократилась на 4%, особо опасные преступления – на 10,3%, преступность среди несовершеннолетних – на 10%[52].

Интересовались власти и поведением вполне законопослушных граждан. Оргтодел горкома в этой связи информировал: «...в последнее время в Москве усиленно распространяются анекдоты, дискредитирующие Чапаева, Буденного, Ворошилова, Дзержинского. Считаем, что необходимо решительно бороться с этим отвратительным явлением». Но боролись, видимо, не очень решительно, потому что анекдот стал уже вездесущим спутником столичной жизни.

Как видим, накануне юбилея политическая и социальная чистка города проводилась основательно.



Вид на вечернюю Москву со стороны гостиницы «Украина» в дни празднования 50-летия образования СССР. 1972 г.

[49] ЦАОДМ. Ф.4. Оп.172. Д.19. Л.153.

[50] Там же.

[51] Там же. Д.29. Л.19.

[52] Там же.

Спортивный комплекс «Олимпийский» на проспекте Мира. 1980 г.

Юбилейные торжества прошли спокойно. Москвичи в эти дни получили еще одну возможность порадоваться чистоте столичных улиц, их праздничной освещенности, отсутствию хулиганов и пьяных. Заботиться о «фасаде» московские власти всегда умели.

Ситуация повторилась через восемь лет, в 1980 г., когда Москва готовилась к приему гостей Олимпиады. За пять лет, предшествующих проведению игр, в столице появились новые спортивные сооружения: спортивный комплекс «Олимпийский» на проспекте Мира, конноспортивная база в Битцевском парке, крытый велотрек в Крылатском. Для гостей Олимпиады были специально построены Олимпийская деревня, семь гостиниц на 23,2 тыс. мест и 20 общежитий на 19 тыс. мест[53]. Свои первые Олимпийские игры страна готовилась встретить с размахом.

Москвичи, оставшиеся в те совсем не жаркие июльские дни в столице, потом долго вспоминали атмосферу олимпийских недель. Москва на несколько дней буквально преобразилась: исчезли толпы приезжих, снующих по столичным магазинам и скупающих все подряд, в самих магазинах появились товары, которые еще недавно трудно было достать. В московском метро диктор объявлял остановки сначала на русском, а затем – на английском языке; по улицам города гуляли группы иностранных гостей. Вопреки ожиданию, их было не так много. Спортсмены и туристы из многих стран на Московскую олимпиаду просто не приехали. И это был ощутимый удар по престижу страны, как бы ни оправдывались потом кремлевские идеологи.

После Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинки, 1975 г.), на котором Советский Союз вместе с другими странами подписал его Заключительный акт, на Западе стали говорить о возможности некоторой либеральной трансформации советского режима, в первую очередь в деле прав человека. Но преследования диссидентов внутри страны, жесткий идеологический диктат, а главное, начало афганской войны рассеяли эти иллюзии. В знак протеста против ущемления прав человека в СССР и вторжения советских войск в Афганистан ряд стран приняли решение бойкотировать Олимпиаду-80. Отказались от участия в Олимпийских играх команда США, в английском парламенте был создан специальный антиолимпийский комитет, в Бельгии возник «Комитет-80», который требовал освобождения политических заключенных в СССР. Комитет «Олимпийские игры и права человека» был организован голландскими парламентариями.

В Москве подобный демарш мировой общественности трактовался не иначе как «идеологическая диверсия» и «происки империалистических кругов». Комитет государственной безопасности принял специальные меры, чтобы не допустить приезда в столицу под видом участников и гостей Олимпиады идеологических «диверсантов» и прямых террористов. Международный терроризм к тому времени уже заявил о себе, и опасения возможных террористических актов нельзя считать исключительно выдумкой КГБ. Меры безопасности против терроризма принимают спецслужбы всех стран, где организуются подобные мероприятия, но в период подготовки к Олимпийским играм 1980 г. советские спецслужбы под видом борьбы с терроризмом практически закрыли дорогу в Москву каждому, кто мог быть заподозрен в нелояльности к советскому режиму.

В мае 1980 г. председатель КГБ СССР Ю. В. Андропов докладывал в

[53] ЦАОДМ. Ф.4. Оп.172. Д.116. Л.83, 84.

ЦК КПСС о мерах, принятых его ведомством и «направленных на обеспечение безопасности Олимпийских игр, выявление и срыв готовящихся враждебных акций»[54]. Был подготовлен альбом с фотографиями трех тысяч участников известных террористических групп – для ориентировки сотрудников КГБ на всех контрольно-пропускных пунктах въезда в страну. Одновременно был закрыт путь в Москву 6 тыс. иностранцев, которые, как полагал Андропов, «представляют опасность с точки зрения возможного осуществления враждебных акций во время Олимпиады», и работа «по выявлению иностранцев указанной категории» продолжалась[55].

Но опасались не только иностранцев. Как свидетельствовала записка, исходящая уже из Министерства внутренних дел СССР, власти беспокоились также относительно поведения некоторых советских граждан – «террористически настроенных лиц, уголовников-рецидивистов, психически больных людей с бредовыми идеями»[56]. Руководители МВД докладывали: в Москве проживают 4 тыс. «психически больных людей с агрессивными намерениями», а всего в городе состоят на учете 280 тыс. психически больных. Попавших, таким образом, в «группу риска» на время Олимпиады постарались либо изолировать, либо поставить под наблюдение.

«Наблюдателей» в те дни в Москве хватало. Непосредственно на олимпийских объектах было занято 8525 человек, или 30% от штатной численности московской милиции[57]. На помощь столичным органам охраны правопорядка дополнительно направили еще 37 116 человек из территориальных подразделений и учебных заведений МВД СССР. Чтобы сотрудники милиции и внутренних войск не слишком бросались в глаза, только часть из них несли свою службу в униформе, а остальные были в гражданской одежде. И, надо признать, порядок в городе на период проведения Игр был образцовым. Никаких террористических актов не последовало. Однажды только какие-то «шутники» позвонили в милицию и сообщили, что заминирован метромост на Ленинских горах. Взрывное устройство искали при помощи собак, но так и не нашли. Через семь часов после злополучного звонка движение поездов на линии полностью возобновилось.

По-настоящему чрезвычайным в те дни стало совсем другое событие, не имеющее никакого отношения к Олимпиаде. 25 июля 1980 г. умер Владимир Высоцкий. Пройдет совсем немного времени – и все заговорят о «великом поэте», «гениальном артисте», начнут издаваться сборники стихов (которых поэт так и не дождался при жизни) и вполне легально будут выходить альбомы его песен. А тогда в «Вечерней Москве» появился крошечный некролог, просто и буднично извещавший о кончине «артиста Театра на Таганке». Никакой другой официальной информации не последовало, однако трагическая весть быстро облетела Москву. В день похорон, 28 июля, у здания театра, где долгие годы работал Владимир Высоцкий, собрались его друзья, поклонники. От театра до Ваганьковского кладбища артиста в последний путь провожала большая процессия. Шествие сопровождала конная милиция, людей подгоняли, но тем не менее обошлось без эксцессов. Власти все еще делали вид, что ничего экстраординарного не произошло. Газеты продолжали информировать о спортивных рекордах, этим же было занято телевидение, и по-прежнему ни слова, ни кадра о печальном событии. Люди и власть – они снова были далеки друг от друга.

В 70-е гг. в лексиконе политических лидеров появилась одна расхожая формулировка: что бы ни задумали, теперь осуществлялось «по просьбе трудящихся» – это и антиалкогольная кампания, и повышение цен на так называемые «предметы роскоши». Повысив в 1981 г. цены на золото, хрусталь, ковры и некоторые другие престижные товары, власти, вероятно, рассчитывали сыграть на чувстве неприязни «простого народа» к новоявленным «буржуям», которые главным

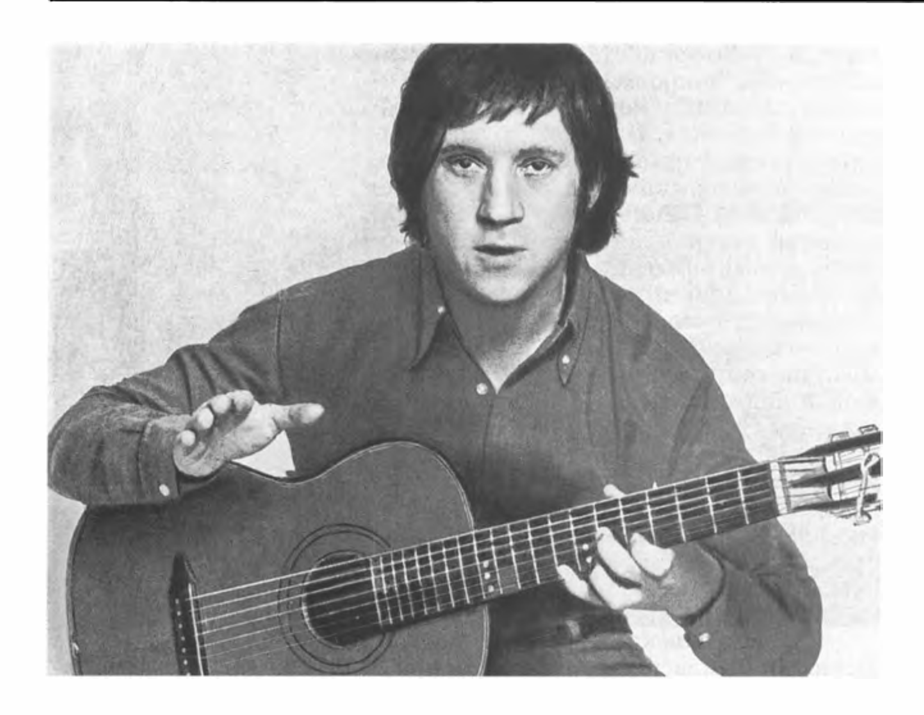
[54] ЦХСД.Ф.89. Перечень 25. Док. 59. Л.2.

[55] Там же.

[56] Там же. Док. 60. Л.2.

[57] Там же. Л.3.

Открытие Олимпийских игр на Центральном стадионе им. В. И. Ленина. 1980 г.



Владимир Высоцкий

образом и пользовались предметами роскоши. При этом, правда, они не учли одного обстоятельства: первыми «буржуями» в сознании большинства давно были сами представители власти, а также торговые работники, которых основная масса населения воспринимала не иначе как жуликов. И не без основания. Факты коррупции в высших эшелонах власти, сращивания партийных чиновников с торговой мафией были постоянной темой московских разговоров.

В 1983 г. на всю Москву прогремело дело торговых работников. 14 апреля «Московская правда» опубликовала сообщение Московской прокуратуры о том, что за хищения товаров и взяточничество в крупных размерах к уголовной ответственности привлечены директор гастронома № 1 («Елисеевский») Ю. Соколов, его заместитель И. Немцов и четверо заведующих отделами. В конце года они были приговорены к большим срокам лишения свободы, а главный обвиняемый – Ю. Соколов – к расстрелу. Вслед за работниками «Елисеевского» были арестованы заместитель Главторга А. Петриков, директор ГУМа Б. Тверитинов, директор гастронома «Новоарбатский» В. Филиппов и еще несколько весьма влиятельных работников столичной торговли[58]. Наконец, дошла очередь до «непотопляемого» начальника Главторга – Н. Трегубова. Этим громким делом занимались следователи КГБ, и проходило оно под контролем Ю. В. Андропова, который к тому времени занял высший пост в руководстве страны. Арестованные по делу Главторга признали себя виновными в попустительстве хищениям и взяткам, но от дальнейших показаний, которые могли бы вывести следствие на самый верх, отказывались. Откровеннее других был Ю. Соколов, и, как шептались тогда в Москве, скорее всего за свою откровенность поплатился суровым приговором.

А потом началась другая, организованная новым генсеком кампания: борьба за наведение дисциплины и порядка в Москве. На улицах столицы стали выявлять праздно шатающихся граждан, отлынивающих от лекций студентов и прочих лиц, не занятых в дневное время каким-либо общественно-полезным трудом. Андропов надеялся таким странным образом дисциплинировать общество и, что удивительно, почти не встречал протеста, не было даже недоумения. Правда, московские интеллектуалы не упустили случая поиронизировать над идеями нового лидера по «укреплению дисциплины», но в целом Андропов даже в этих кругах (за исключением диссидентов) пользовался уважением.

5. МОСКОВСКИЕ ВОЛЬНОДУМЦЫ

Москва всегда находилась в центре жизни страны, поэтому москвичи первыми ощущали на себе перемены политической погоды. Иллюзии «оттепели» уходили в прошлое, а вместе с ними и надежды на обретение свободы слова, творчества, мысли. Осенью 1965 г. столичные круги интеллигенции облетела весть: арестованы писатели Андрей Синявский и Юлий Даниэль. Арестованы за публикацию своих произведений за рубежом без разрешения на то соответствующих инстанций, что в те времена считалось явным криминалом. Еще не забыта была история травли Бориса Пастернака, чей роман «Доктор Живаго» также появился на Западе, но тогда, в 1958-м, дело до ареста не дошло. Сам факт, что в отношении Синявского и Даниэля были применены столь чрезвычайные санкции, говорил о многом: власти не намерены были больше мириться с вольнодумством в среде интеллигенции, тем более интеллигенции столичной.

Неизвестно, как развивалось бы дальше дело Синявского и Даниэля, но неожиданно для советского руководства оно получило широкую международную огласку. Многие наши соотечественники узнали об аресте писателей через западные радиостанции, работавшие на Советский Союз. По поводу дальнейшей судьбы арестованных в Москве ходили самые разные слухи и предположения; никто не знал, когда состоится суд и каков будет приговор. Открыто протестовать против произвола властей пока никто не решался. Заговор молчания был нарушен 4 декабря, накануне Дня Советской конституции. Тогда в Московском

[58] *Раззаков Ф.И.* Бандиты времен социализма. Хроника российской преступности. 1917–1991. М., 1996. С.218.

университете и нескольких столичных вузах появились листовки с текстом «Гражданского обращения», призывающие выступить с акцией протеста в поддержку Синявского и Даниэля. Местом демонстрации была выбрана площадь Пушкина.

«В прошлом беззакония властей стоили жизни и свободы миллионам советских граждан. Кровавое прошлое призывает к бдительности в настоящем,– говорилось в «Гражданском обращении».– У граждан есть средства борьбы с судебным произволом, это – «митинг гласности» [...] Во время митинга необходимо строго соблюдать порядок. По первому требованию властей разойтись – следует расходиться, сообщив властям о цели митинга»[59]. Автором обращения был А. Есенин-Вольпин, уже дважды до этого подвергавшийся заключению в психиатрическую больницу за свою литературную деятельность, признанную властями «антисоветской».

Вечером 5 декабря 1965 г. у памятника Пушкину действительно собрались участники митинга. По разным свидетельствам, их было от нескольких десятков до 200 человек. Демонстранты держали в руках транспаранты: «Требуем гласности суда над Синявским и Даниэлем!» и «Уважайте Советскую конституцию!» Несколько участников митинга были сразу же задержаны, но через несколько часов их отпустили. После этой акции в ряде вузов Москвы последовали исключения студентов (именно они были главными участниками демонстрации у памятника Пушкину).

Дело двух писателей получило слишком широкую огласку, поэтому 5 января 1966 г. секретариат ЦК КПСС принял решение о проведении открытого судебного процесса над Синявским и Даниэлем[60]. Вокруг этого дела власти пытались сформировать соответствующее общественное мнение: в прессе началась публикация материалов разоблачительного характера, осуждающих «отщепенцев». И надо признать, что эта кампания прошла не без успеха – советское общество с большим трудом преодолевало в себе комплекс «врага». Однако далеко не все поверили тогда доводам официальной пропаганды. Например, в марте 1966 г., во время Московской областной комсомольской конференции, один из делегатов сказал, что вряд ли будет правильным осуждать Синявского и Даниэля, если никто не видел и не читал их «крамольных» произведений. Выступивший тут же, на конференции, был исключен из комсомола, а первый секретарь ЦК ВЛКСМ С. П. Павлов даже рекомендовал передать его дело на рассмотрение в соответствующие органы[61].

Несмотря на усилия пропаганды, во многом вопреки этим усилиям, в стране, главным образом в Москве, набирала силу кампания поддержки Синявского и Даниэля. В декабре 1965 г. – феврале 1966 г., т.е. за время, прошедшее от ареста до суда над писателями, в защиту обвиняемых появилось 22 петиции, подписи под которыми поставили 80 человек, в том числе 60 членов Союза писателей[62].

Суд над Синявским и Даниэлем состоялся в Москве в феврале 1966 г. Его «открытость» была довольно своеобразной, поскольку в зал, находящийся под охраной милиции, пропускали людей только по специальным удостоверениям. Остальные, в том числе друзья подсудимых, сочувствующие, а также иностранные корреспонденты вынуждены были по нескольку часов стоять на улице. Суд продолжался четыре дня, после чего был вынесен приговор: Андрей Синявский получил семь, а Юлий Даниэль – пять лет лагерей строгого режима.

Процесс над Синявским и Даниэлем проходил на фоне резкого изменения всей общественной атмосферы в стране. В Москве эти перемены были особенно ощутимы. Усилилось давление цензуры, в печати все чаще стали появляться публикации, осуждающие идеологические поблажки хрущевских лет, отчетливо наметилась тенденция к ресталинизации. Московская интеллигенция пыталась протестовать против возврата к прошлому. В ЦК КПСС, Верховный Совет, редакции центральных газет и журнал «Коммунист» шли письма-обращения, письма-протесты. Они были индивидуальными и коллективными, а в числе участников этой кампании находились известные ученые, писатели, деятели искусства: А. И. Солженицын, А. Д. Сахаров, Л. К. Чуковская, Л. З. Копелев, Р. А. Медведев и др. Подписавших

К. И. Чуковский и А. И. Солженицын. 1969 г.

[59] Цит. по: *Алексеева Л.М.* История инакомыслия в СССР. Новейший период. М., 1992. С.202.

[60] Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX века. М., 1996. С.239.

[61] Там же.

[62] Там же.

подобные письма-обращения («подписантов») исключали из партии, увольняли с работы. Кто-то из них потом «признал ошибки», кто-то встал в ряды нарождающегося правозащитного движения. Но каким бы ни был индивидуальный выбор, та кампания в защиту Синявского и Даниэля все-таки много значила для изменения мироощущения отечественной интеллигенции, возвращения самой себе чувства профессионального и человеческого достоинства. Позднее историк Л. М. Баткин напишет: «Очень уж грустен жанр тогдашних протестующих писем по начальству, с неизбежными демагогическими оборотами под занавес, т.е. с попыткой использования того, что формально возглашала оттепельная «партийность». Сочинение писем в такой адрес требовало соблюдения хотя бы минимальных правил игры. Была иллюзия, будто подобные петиции могут смягчить удар [...] Вся волна «подписантов» в конце 60-х гг.– из этой же странной и разнородной смеси бессилия, чего-то вроде скептической надежды, желания сделать какой-то жест и тем сохранить толику самоуважения, словом, из бунта на коленях»[63]. И все-таки, когда человек ставил свою подпись под коллективным обращением или пытался индивидуальной апелляцией в ЦК отвести удар от своего коллеги,– по тем временам это был поступок. Слишком высока была цена и далеко не всем ясна целесообразность открытого протеста, чтобы рассчитывать на массовость подобного явления. Открытый протест стал уделом одиночек.

25 августа 1968 г. на Красной площади состоялась акция протеста против ввода войск Варшавского Договора в Чехословакию, в которой участвовало всего 7 человек (Константин Бабицкий, Лариса Богораз, Наталья Горбаневская, Павел Литвинов, Вадим Делоне, Владимир Дремлюга и Виктор Файнберг). Практически сразу после начала акции они были арестованы, а в октябре 1968 г. состоялся суд, приговоривший ее участников к разным срокам лишения свободы, ссылке, заключению в психолечебницу. Участники акции на Красной площади были не единственными, кто протестовал против вооруженного вторжения в Чехословакию. Так, в вестибюле здания физического факультета Московского университета появился плакат с осуждением вмешательства СССР в дела суверенного государства. До того как плакат был сорван сотрудниками охраны, его успели подписать четверо человек. Инициатор этой акции – выпускник университета Владимир Карасев был отправлен в психолечебницу[64]. В ночь на 22 августа неизвестными лицами в Москве были разбросаны листовки, протестующие против вооруженного вторжения.

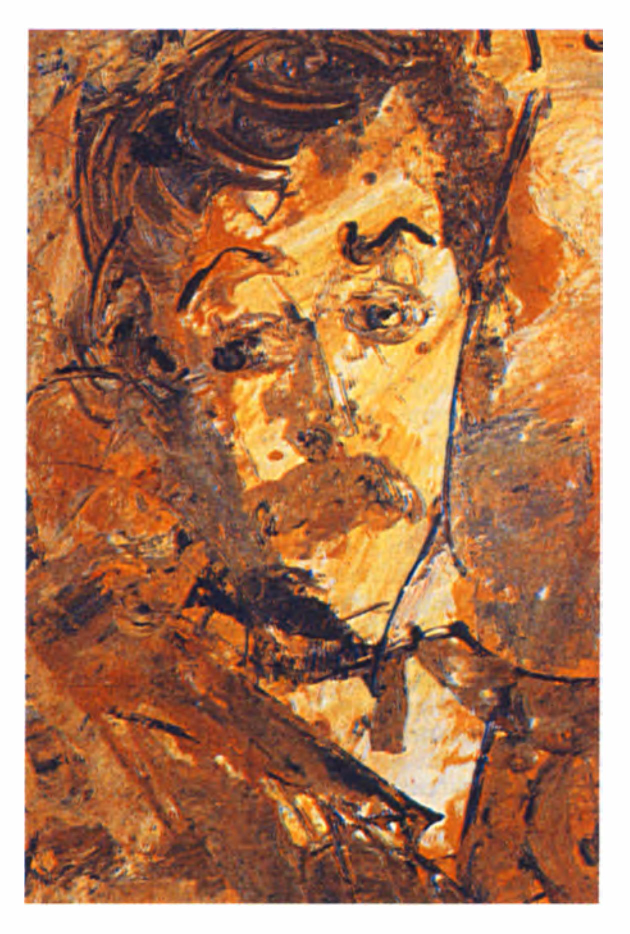
После чехословацких событий наступление реакции приобрело уже необратимый характер, особенно очевидный в сфере идеологии. Достаточно показательна в этом смысле судьба отечественной исторической науки, форпостом которой в те годы был Институт истории СССР в Москве. На волне «оттепели» в развитии исторического знания происходили весьма примечательные перемены. Историки получили возможность работать в архивах, хранящих документы советской эпохи. Потом архивы, правда, снова закрыли, но и увиденного было достаточно, чтобы кое-что понять и начать переосмысливать. Творческий поиск наметился и в области методологии исторических исследований: в Институте истории был образован специальный сектор для изучения методологических проблем, который возглавил М. Я. Гефтер. Работа этого подразделения всегда вызывала беспокойство идеологических наблюдателей в ЦК, призванных контролировать развитие исторического знания (ведь до сих пор главным «теоретическим штабом» страны для всех наук считался ЦК КПСС). Как только началась идеологическая реакция, отправной точкой которой условно можно считать 1968 г., сектор Гефтера был ликвидирован. Такова была судьба всех поисков, идущих вразрез с официальной доктриной.

Тогда же было разгромлено так называемое «новое направление» в развитии истории Октябрьской революции. Его представители – А. М. Анфимов, П. В. Волобуев, М. Я. Гефтер, И. Ф. Гиндин, А. Я. Грунт, К. Н. Тарновский – пытались более корректно, чем это было принято до сих пор, посмотреть на проблему истоков и предпосылок Октября, оценить степень зрелости российского капитализма. По тем временам это было почти равносильно ревизионизму. Еще раньше, в 1966 г., настоящей травле подвергся А. М. Некрич за свою книгу о Великой Отечественной войне – «1941. 22 июня», а в 1967 г. историк был исключен из партии (в 1976 г. он эмигрировал из Советского Союза). В число «опасных», с точки зрения партийных идеологов, попадали и совсем далекие от современности и даже от российской истории сюжеты. В 1970 г. в «проработку» попала книга А. Я. Гуревича «Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе». Заседание, на котором специально отобранные коллеги должны были организовать обсуждение книги Гуревича, как вспоминает Л. М. Баткин, «было окружено обстановкой такой таинственности», словно на нем речь шла «не об эволюции древних скандинавов, а о новом стратегическом оружии»[65]. Дело было не в сути научной проблемы – шел организованный процесс целенаправленного уничтожения какой бы то ни было свободы мысли и свободы творчества. И коснулся этот процесс не только науки.

[63] *Баткин Л.М.* О том, как А.Я. Гуревич возделывал свой аллод // Одиссей. Человек в истории. 1994. М., 1994. С.10.

[64] *Алексеева Л.М.* Указ. соч. С.214.

[65] *Баткин Л.М.* Указ. соч. С.11.



А. Зверев. Автопортрет. 1968 г.

О. Рабин. Российский мотив. 1975 г.

22 января 1967 г. в клубе «Дружба» на шоссе Энтузиастов состоялась выставка абстрактной живописи. В ней приняли участие 12 художников, в основном представители Лианозовской школы: семейство Кропивницких, А. Зверев, О. Рабин. Специального разрешения на проведение этой выставки ее инициаторы и участники не получили, но информация, распространенная по дружеским каналам, сразу сделала ее заметным событием неформальной жизни Москвы. Как вспоминает Г. Маневич, «зал к моменту открытия заполнился до отказа, а народ все прибывал. Сейчас представляется фантастической оперативность дружеской информации, в морозный, пасмурный день поднявшей такое количество народа на выставку 12 «подпольных» художников. И не только ее смотреть, ибо при таком столпотворении увидеть что-либо совершенно невозможно, сколько выразить солидарность с художниками. Такого рода выставки и порождали ситуацию коллективного хеппенинга, вызванного к жизни социальными условиями тотальной несвободы»[66]. Уже через два часа после начала работы выставка, квалифицированная властями как «идеологическая диверсия», была закрыта. Директор клуба «Дружба», приютивший «диверсантов», лишился работы.

В сентябре 1974 г. московские художники-нонконформисты решили провести выставку своих работ на открытом воздухе (несмотря на неоднократные обращения к властям города, им так и не предоставили помещение для выставки). Импровизированным выставочным залом должен был стать пустырь на Юго-Западе Москвы, расположенный на пересечении улиц Профсоюзной и Островитянова. 15 сентября выставка открылась, но скоро на пустыре появились бульдозеры и странного вида «представители общественности», намеревавшиеся начать работы по «озеленению». Выставка была разгромлена: картины попали под бульдозеры, их втаптывали в грязь, а «представители общественности» избивали художников и посетителей выставки. Среди избитых оказались и иностранные корреспонденты. Информация о «бульдозерной выставке» попала в иностранную печать, дело приняло нежелательный для московских властей оборот. Возможно, чтобы избежать дальнейших эксцессов, они все-таки санкционировали новый показ картин в Измайлове, который состоялся через две недели после инцидента на Юго-Западе.

Усиление идеологического контроля стимулировало развитие «самиздата», политического и литературного, который стал последним прибежищем для тех, кто не смог смириться с насаждением единомыслия и искал свободы самовыражения. В московском «самиздате»

[66] «Другое искусство», Москва, 1956–1976 гг.: К критике художественной жизни. Т. 1. М., 1991. С. 149.

появился исторический сборник «Память», анонимная редакция которого своей первоочередной целью считала «сбор исторических свидетельств и публикацию их... введение в оборот – научный и общественный». Главное внимание составители «Памяти» уделяли советской истории, информация о которой была наиболее закрытой и недоступной.

В конце 70-х гг. увидел свет первый выпуск «самиздатовского» литературно-публицистического журнала «Поиск», а несколько раньше появился литературный альманах «МетрОполь». В числе его составителей – В. П. Аксенов, А. Г. Битов, Вен. В. Ерофеев, Ф. А. Искандер, Е. А. Попов, а его авторами стали В. С. Высоцкий, Б. А. Ахмадулина, А. А. Вознесенский. Все они потом подверглись соответствующей «проработке», особо упорствующие лишались договоров с издательствами, гонораров, вообще средств к существованию. Ситуация была общей для всех, чье творчество по каким-либо причинам не устраивало власти. Часто у человека, попавшего в «черный список», не оставалось иного выбора, кроме эмиграции. В 1974 г. страну покинули А. А. Галич и В. Е. Максимов, в 1975-м – В. Н. Войнович, в 1977-м – В. П. Аксенов...

Москва стала городом, в котором возникло советское правозащитное движение. В 1968 г. появился первый выпуск «Хроники текущих событий», «самиздатовского» бюллетеня, рассказывающего о фактах нарушения прав человека в СССР. В 1970 г. в Москве был организован Комитет прав человека в СССР, а в 1976-м начала свою деятельность Московская Хельсинкская группа (руководитель Юрий Орлов). В конце 70-х гг. последовали интенсивные аресты в среде московских правозащитников. В 1980 г. попали в заключение 23 москвича, к концу 1981 г.– еще 11. Это были самые опытные и авторитетные участники правозащитного движения[67]. Продолжала выходить «Хроника текущих событий», ей на смену пришел альманах «Вести из СССР», но в целом правозащитное движение в Москве переживало период спада.

В середине 80-х гг., когда начала коренным образом меняться ситуация в стране, инакомыслие, наконец, получило свободу самовыражения. Однако без духовных поисков 70-х гг. трудно представить себе тот процесс, который впоследствии назовут гласностью. Также вряд ли следует считать случайностью, что именно Москва оказалась в эпицентре движения духовного «непослушания», с которого, возможно, и началась эпоха М. С. Горбачева.

[67] *Алексеева Л.М.* Указ. соч. С.277.

XII

КУЛЬТУРА ПОСЛЕ ВОЙНЫ: ДРЯХЛЕНИЕ ИДЕОЛОГИИ И ТРУДНЫЙ ПОИСК НОВОГО СОДЕРЖАНИЯ

1. КЛИМАТ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ: «ЗАМОРОЗКИ» И «ОТТЕПЕЛИ»

Победа в войне стала важнейшим событием духовной жизни москвичей и всей страны. Колоссальное напряжение сил сменилось светлыми надеждами на возвращение приоритетов мирного бытия: воссоединения и создания семей, улучшения материального положения, ликвидации многочисленных ограничений, установления нормального соотношения между рабочим временем и отдыхом, расширения возможностей образования и т.п. Новым и очень сильным качеством духовной жизни стал рост самосознания и чувства собственного достоинства людей. Они понимали, что победа добыта их самоотверженностью, и рассчитывали на достойное отношение к себе со стороны властей.

Не меньшее значение имело и достигнутое в конце войны понимание цивилизованности частной повседневной жизни. Прорванный штыками солдат-победителей «железный занавес» позволил познакомиться с бытом европейских народов. Сравнение было горьким: оно оказалось не в пользу отечества. Многие пропагандистские мифы довоенных времен рухнули. Все это давало пищу для непривычных многим размышлений и стихийно возникавшего желания изменить к лучшему жизнь на родине.

Так просвещенные войной победители становились потенциальной угрозой общественному строю, который они героически отстояли. Правда, подавляющее большинство еще не осознавало этого. Напротив, культ Сталина достиг апогея. Но молчать, видя несуразности бытия, эти молодые и уверенные в себе солдаты еще не научились.

Однако многоопытная власть умела чувствовать и уничтожать крамолу в зародыше. Еще в конце войны, когда армия перешагнула государственную границу, последовала серия мер, упреждающих возможную оппозицию. С одной стороны, развернулись новые репрессии. Население ГУЛАГа все больше стало пополняться недавними солдатами и офицерами, «перемещенными лицами», а также военнопленными. Многие москвичи могли видеть их на «спецстройках» города. С другой стороны, в массовой пропаганде с лета 1944 г. все больше стала доминировать линия на разоблачение «буржуазной идеологии», «индивидуализма», «потребительства» и т.п. В серии специальных постановлений ЦК ВКП(б) были даны строжайшие указания местным партийным органам о необходимости пресекать «распространение лживых слухов», усилить руководство «работой писателей и деятелей искусства», контролировать «репертуар учреждений искусства», организовать работу «по идейно-политическому воспитанию интеллигенции» и т.д.[1] Речь, таким образом, шла о тотальной идеологизации культуры. Деятельность каждого учреждения и каждого работника оценивалась не только по существу, но и с точки зрения «идеологической выдержанности». Май 1945 г. не оправдал надежд на «потепление» политического режима.

Мощный, разветвленный и агрессивный («наступательный») аппарат пропаганды находился под повседневным контролем и руководством специализированных отделов и секторов ЦК партии и местных партийных органов. Они давали прямые, непосредственные указания редакциям средств массовой информации, руководству учреждений искусства, народного образования, науки.

Решающую роль играла общественно-политическая пресса. В Москве были сосредоточены издания всех центральных общеполитических и отраслевых газет. Накануне войны (1940) вместе с городскими, областными и низовыми их было 314. В 1945 г. осталось 117 газет. Снизился с 10 млн. до 4 млн. экземпляров и разовый тираж. В дальнейшем увеличение числа изданий происходило медленнее, чем восстановление тиража.

[1] См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 6. М., 1971. С.114, 115, 126 и др.

В 1950 г. в Москве издавалось 156 газет с общим разовым тиражом 10 млн. экземпляров[2]. В этих цифрах нет иной логики, кроме аппаратно-партийной. Сокращение или увеличение органов печати зависело не столько от потребностей читателя и инициативы журналистов, сколько от решений партийного руководства. По сути, вся пресса представляла собой единый массово-политический орган, управлявшийся одной «редакцией» – Отделом печати ЦК ВКП(б). Именно он определял задачи, тиражи, кадровый состав этого гигантского механизма информации, ежедневно внедрявшего в сознание людей лозунги, мифы, проклятия и восхваления.

Как и вся общественная жизнь, печать имела строгую иерархическую структуру. Главную роль играла газета «Правда» – центральный орган ЦК ВКП(б). Свой рабочий день тысячи руководителей московских учреждений и «политические активисты» начинали обычно с внимательного изучения передовой статьи этой газеты. Ее чтение было своего рода ритуалом, подобно утренней молитве. Но для этих людей оно имело практическое значение, давая единую установку на день. В скучных и, на неискушенный взгляд, маловыразительных строках (а чаще «между строк») они искали «злобу дня» в буквальном смысле этих слов, стремясь предугадать, грозит ли им сегодняшняя ситуация опасностью и откуда. Люди, не пережившие все это непосредственно, с трудом поверят в то, что это было именно так.

В середине 1946 г. был создан новый специализированный орган для регулирования политико-воспитательной работы – ежедекадная газета Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) «Культура и жизнь». Она задумывалась как идеологический рупор высшего партийного руководства. Все идеологические кампании против «аполитичности» и «безыдейщины», «формализма», «безродных космополитов» и «буржуазного ревизионизма» планировались и начинались этой газетой. Ею задавалось не только содержание, но и безапелляционный, грубый, разносно-«зубодробительный» стиль «критики». Трудно переоценить зловещее значение этого печатного органа и огромный ущерб, нанесенный им развитию культуры.

Широко использовались в пропаганде радио и телевидение. Помимо общих программ после войны велись специальные передачи для москвичей, организованные Московским радиокомитетом (программа «Московские известия на радио» и др.). Их содержание определял Московский комитет партии. Основной акцент делался на пропаганду «производственных побед московских фабрик и заводов» и «трудовых подвигов москвичей». Информационная ценность сообщений была невысока. Главную задачу МГК партии формулировал так: «Повысить идейно-политический уровень передач»[3].

Аналогичным образом строилась и работа телевидения. Начавшееся в 1939 г. регулярное вещание в годы войны прекратилось. Но с декабря 1945 г. Московский телецентр первым в Европе возобновил передачи. В 1951 г. была создана Центральная студия телевидения и началось ежедневное вещание. Приоритеты здесь были те же. Партийное собрание студии в сентябре 1951 г. постановило: «Особое внимание должно быть обращено на раздел (имеется в виду осуществление.– *Авт.*) общественно-политических передач».

Максимально используя для укрепления своей власти технические средства информации, большевики никогда не забывали, что наиболее действенной является непосредственная устная агитация, которая в состоянии учитывать сиюминутную ситуацию. При всей сложности унификации такой массовой работы партия за многие годы выработала четкий порядок ее организации, призванной обеспечить безусловное господство коммунистических идей. В разветвленном аппарате партийных органов – от ЦК до парткомов на предприятиях – создавались специализированные отделы агитации и пропаганды. Под их непосредственным руководством в Москве, как и в других городах, действовали сотни домов политического просвещения, клубов, агитпунктов. В 1947 г. в столице было создано Всесоюзное общество политических и научных знаний. В двусмысленности названия (разграничение понятий политической и научной информации) проявилась идеологическая предвзятость задачи. Общество имело отделения по всей стране и занималось лекционной пропагандой. В 1950 г. в рамках общества образовалась Московская городская организация. Формально эти структуры (как и возникшее позже Агентство печати «Новости», реорганизованное из Совинформбюро) были общественными, действовали на основе самоокупаемости. Но оперативный контроль, как и во всех других случаях, осуществлялся партией.

Таким образом, механизм коммунистической пропаганды был и очень разветвленным, и жестко централизованным, что долгие годы обеспечивало ему большую силу. Однако по мере девальвации коммунистических идей сила превращалась в слабость, централизация – в формализм, приводивший к обратным для целей коммунистической идеологии результатам.

Поскольку пропаганда была не в состоянии объяснить, почему «горизонты коммунизма» отодвигались все дальше по мере «успешного движения» к ним,

[2] Москва: Развитие хозяйства и культуры города. Статистический сборник. М., 1958. С.110.

[3] См.: Во главе культурного строительства. Московские коммунисты – организаторы и руководители культурного строительства в столице. Сборник документов. Кн.2. М., 1985. С.411.

в практику идеологической работы все чаще входили грубые окрики, а нередко и преследования вместо ответов на «провокационные вопросы». Убеждение подменялось агрессией.

Консерватизм ортодоксально-коммунистических предписаний порождал сомнения в них, особенно у молодежи. Наиболее образованные и пытливые ее представители начинали самостоятельно, вне рамок стандартных установок, искать решение проблем новой эпохи. Так, поначалу незаметно, казалось бы на пике своих успехов, начинала терять свою привлекательность коммунистическая идея – удивительно сильный и яркий феномен второй половины XIX – первой половины XX в. В «монолитном» советском обществе нарастал, таким образом, фундаментальный кризис доверия.

Этот процесс вышел на поверхность уже после смерти Сталина в марте 1953 г. По своему значению в духовной жизни общества новый период – «оттепель» – сравним с первыми послевоенными годами, когда были сильны надежды на скорые перемены.

Партийным боссам само понятие «оттепель» не очень импонировало – за этим виделись неуправляемые процессы, стихия. Однако однажды выпустив джина из бутылки, его уже трудно было загнать обратно. Так случилось после XX съезда партии. Начав с разоблачения сталинизма в 1956 г., уже через год Хрущев сделал первый шаг назад. Последовала серия так называемых исторических встреч с интеллигенцией, которые у многих рассеяли иллюзии относительно истинных намерений советского руководства.

Но «оттепель» в политике, как и в природе, оказалась весьма переменчивой, она совместила несовместимые процессы и события: травлю Б. Л. Пастернака и «высочайшее» разрешение печатать А. И. Солженицына («Один день Ивана Денисовича»), появление новых идей в кинематографе, театре и запрет только что «разрешенных» кинофильмов и спектаклей.

Во времена «оттепели» культура впервые за долгие годы, начиная с 1917 г., попыталась противопоставить себя идеологии. И делала это при помощи присущих ей средств, на языке, понятном для посвященных и весьма раздражающем «начальство», в том числе и чиновников от культуры. Идеология не отступала, пытаясь по-прежнему руководить процессом художественного творчества. Исход противостояния был известен, и в этом смысле мало что изменилось по сравнению со сталинскими временами. Однако то, что раньше неминуемо заканчивалось трагедией, теперь нередко обращалось в фарс. Известный эпизод с художественной выставкой в московском Манеже (1963) – возможно, самый яркий, но не единственный эпизод в этом ряду.

В духовной жизни столицы инерция «оттепели» сохранилась значительно дольше, чем в политике. Даже в конце 60-х – начале 70-х гг., когда стали вполне очевидны намерения нового руководства страны во главе с Л. И. Брежневым жить дальше, ничего не меняя, московские интеллектуалы еще пытались противостоять наступлению охранительной идеологии. Они были в числе тех 80 деятелей культуры, которые поддержали А. И. Солженицына, выступившего в 1967 г. с письмом-обращением в адрес IV съезда советских писателей. Главный смысл письма сводился к идее полного отказа от цензуры, от какого бы то ни было регламентирования процесса творчества. Солженицын в то время уже находился в «черном списке» у партийных идеологов и выступить в его защиту или участвовать в другой аналогичной акции означало сделать первый шаг к конфронтации с властями. На такой поступок могли решиться немногие. Единицы выбрали для себя путь прямого противостояния (диссиденты), другие предпочли позицию неучастия, отчуждения от власти, третьи пошли на сделку с ней.

В январе 1969 г. секретариат ЦК КПСС принял постановление «О повышении ответственности органов печати, радио, телевидения, кинематографии, учреждений культуры и искусства за идейно-политический уровень публикуемых материала и репертуара». Это решение требовало от деятелей культуры «более остро с классовых позиций выступать против любых проявлений буржуазной идеологии» и не допускать публикации «идейно-порочных материалов»[4], что означало новое усиление идеологического контроля, государственной цензуры и самоцензуры. Под идеологическим прессингом оказалась не только художественная жизнь Москвы, консервативная волна докатилась до школы, пришла в науку и вузы. И такая ситуация сохранялась вплоть до середины 80-х гг.

Смена политического курса в 1985-м вновь пробудила надежды, дала новый импульс развитию творческой мысли. Москва становилась эпицентром духовного возрождения России. В поисках новой идентичности российское общество пыталось заново осмыслить свое прошлое, ответить на непростые вопросы дня сегодняшнего, угадать будущее. В стране начался процесс формирования иной системы ценностей, иной культуры – в ней прочитывался возврат к традиции и одновременно ее преодоление. Процесс этот не завершен, хотя сегодня именно он определяет смысл и вектор развития нашего культурного бытия.

[4] Цит. по: История советской политической цензуры. Документы и комментарии. М., 1997. С.189.

Типовая средняя школа № 35 Фрунзенского района Москвы. 1953 г.

В химической лаборатории средней школы № 1 Ленинского района Москвы. 1958 г.

2. НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА

Постепенное восстановление довоенных позиций народного образования в городе началось сразу же после Московской битвы и растянулось на ряд лет, особенно в общеобразовательной школе. Если число учащихся сравнялось с довоенным уровнем к началу 50-х гг., то количество школ – лишь во второй половине 50-х. Разрыв в темпах сохранялся и в последующие годы. В результате учебные заведения оказались гораздо больше перегружены, чем в 1940 г., и вынуждены были вести занятия в две, а иногда в три смены. Естественно, что это сказывалось на качестве подготовки, на воспитании и здоровье школьников. Но в целом успехи в восстановлении и росте сети народного образования были несомненны.

Сложнее оценить эффективность работы общеобразовательной школы. Динамизм развития науки и техники в новую эпоху требовал не просто воспроизведения довоенной модели образования, а качественного обновления всего учебного процесса: его содержания, технологий, учебников, повышения квалификации учителей и т.п. Именно здесь коренилась скрытая за парадной статистикой главная трудность. Если перед войной, пережив ряд потрясений, общеобразовательная школа в конце концов стала давать своим выпускникам знания, в целом отвечавшие тогдашним требованиям специальных учебных заведений, то после войны, когда эти требования выросли, школа подошла к их удовлетворению лишь к началу 60-х гг. Именно на этом рубеже полностью завершилось восстановление прерванного войной процесса развития советской общеобразовательной школы.

Школа – живой организм, она не просто ячейка общества, но и своеобразный барометр его состояния, чутко реагирующий на перемены общественного климата. Когда после смерти Сталина наметились первые признаки «оттепели», школа не могла оказаться в стороне от процесса обновления. Внешне она сначала почти не изменилась – прежними оставались учебные программы, внутренняя структура, принципы школьной жизни. Но в школу пришел новый дух, у педагогов появилась тяга к новациям, поиску, эксперименту. Вспоминались педагогические опыты 20-х гг., тиражировались идеи В. А. Сухомлинского, имя которого становилось очень популярным[5].

В 1954 г. московские школы перешли на совместное обучение мальчиков и девочек, т.е. вернулись к довоенной практике. Стали открываться группы продленного дня для детей младших классов, за которыми некому было присмотреть дома. С 1960 г. большинство школ Москвы либо полностью перешли на эту систему (т.е. работали по принципу продленного дня), либо имели такие группы. В 1954/55 учебном году в школах началось внедрение новых учебных программ, смысл которых заключался в усилении внимания к трудовому воспитанию школьников. Для учащихся 1–4-х классов вводился обязательный урок труда, 5–7-е классы проходили практические занятия в мастерских, а для обучения старшеклассников были организованы производственные бригады[6]. Однако окончательное оформление эта идея получила четыре года спустя, в 1958 г., когда был принят Закон о школе.

Инициатором реформы общеобразовательной школы выступил Н. С. Хрущев, который руководствовался, в общем, прагматическими соображениями.

[5] *Днепров Э.Д.* Четвертая школьная реформа. М., 1994. С.49.

[6] Народное образование в СССР. М., 1985. С.74.

На производстве не хватало образованных специалистов и просто грамотных рабочих (многие недоучились во время войны). С другой стороны, выпускники полной средней школы ориентировались главным образом на получение в дальнейшем высшего образования и не стремились пополнять ряды рабочего класса. «Школа отстала от жизни» – таков был вывод Хрущева. 12 ноября 1953 г. вышло соответствующее постановление ЦК КПСС, а 24 декабря Верховный Совет СССР принял закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР». Отныне школа должна была развиваться как общеобразовательная, трудовая и политехническая, а вместо 7-летнего вводилось обязательное 8-летнее образование. Главная же идея реформы сводилась к тому, что все подростки в возрасте 15–16 лет должны были в обязательном порядке соединять обучение с производительным трудом. Срок пребывания в школе с этой целью увеличивался на один год.

Основные принципы будущей реформы по только что сложившейся традиции были вынесены на «всенародное обсуждение». Правда, организаторы этого мероприятия отвели на него всего один месяц, а средства массовой информации, со своей стороны, практически не допускали никаких критических высказываний по поводу реформы. Голоса ее критиков таким образом не были услышаны.

А Хрущев тем временем предавался воспоминаниям. «Люди моего поколения,– говорил он,– хорошо помнят пору рабочих факультетов, когда парни и девушки совмещали учение и труд. Восемь часов в цеху да столько же за книгой»[7]. Партийный лидер при этом ни словом не обмолвился об эффективности подобного совмещения и, по-видимому, «забыл», что ему самому после такой подготовки ни за что бы не удалось поступить в Промакадемию без помощи влиятельного Л. М. Кагановича[8].

Реформа 1958 г., поставив задачу связать школу с жизнью (а под жизнью в данном случае подразумевалось производство), одновременно отдалила среднюю школу от высшей. Для того чтобы поступить в вуз, требовался двухгодичный трудовой стаж. Выпускники школ, стремящиеся получить высшее образование, устраивались на работу куда-нибудь, лишь бы заработать пресловутый стаж. В результате все были в проигрыше: производство, которое могло рассчитывать только на временных работников, и вузы, вынужденные мириться со снижением уровня знаний своих абитуриентов.

С идеей политехнической подготовки выпускников школ тоже ничего не вышло. У школьников не было права выбора профессии. Обычно профиль производственного обучения определялся довольно случайно – по предприятию, которое шефствовало над школой. Не было сделано никакого прогноза потребностей народного хозяйства в тех или иных профессиях, что могло придать реформе хоть какой-то смысл. Большинство выпускников и не помышляли в дальнейшем работать по специальности, которую они получили в школе.

[7] Цит. по: Документы и материалы по перестройке школы. М., 1960. С.15, 16.

[8] *Каганович Л.М.* Памятные записки. М., 1996. С.565, 566.

Ученики 2-го «А» класса школы-интерната № 47 г. Москвы на уроке русского языка. 1988 г.

Первоначально у Хрущева была идея вообще сделать основным типом учебных заведений этого уровня вечернюю школу и пропустить через нее буквально каждого подростка. «Сначала нужно испытать его на вечерних занятиях без отрыва от производства,– говорилось в записке Хрущева, направленной в ЦК КПСС.– В этом деле не должно быть никаких исключений»[9]. К счастью, в Закон о школе это нововведение не вошло и «испытание на прочность» советских школьников не состоялось.

Закон о школе был един для всех. Он не учитывал ни реальных потребностей регионов в специалистах той или иной квалификации, ни национальных особенностей, был одинаково обязателен для школы городской и сельской. В Москве, где общеобразовательный уровень выпускников был традиционно более высоким, чем в целом по стране, и значительная часть окончивших школу стремилась продолжить свое образование, негативные последствия профессионализации школы оказались особенно ощутимыми. Не случайно московские педагоги были в числе первых, кто выступал за освобождение общеобразовательной школы от несвойственных ей функций.

В августе 1964 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление, которое восстанавливало прежние принципы обучения в средней школе. Но реорганизация 1958 г. была далеко не последней. В 60-е гг. принимались решения, которые оказали благоприятное влияние на развитие школы. После постановления Совета Министров «Об улучшении изучения иностранных языков» (май 1961 г.) в Москве появилось несколько спецшкол с углубленным преподаванием иностранных языков. В 1963 г. Совет Министров Российской Федерации постановил считать целесообразным, чтобы школьники изучали иностранные языки в следующем соотношении: 50% училось английскому языку, 20% – французскому, 20% – немецкому, 10% – испанскому и другим языкам[10] (до войны 80% школьников изучало немецкий язык).

Не прошла мимо школы и увлеченность в 60-х гг. коммунистической идеей. Тогда много говорили об общественном воспитании, о возрождении принципов коммуны и прочих атрибутах «коммунистического быта». На этой волне стали возникать школы-интернаты, где дети должны были не только учиться, но и жить, причем речь шла не о детях-сиротах или тех, кто по разным обстоятельствам не мог постоянно жить дома (например, у кого родители были в отъезде или школа находилась далеко от дома, что для Москвы было исключительным явлением). Непродуманность этой идеи была настолько очевидной (никакая школа не в состоянии заменить ребенку семью), что число интернатов, открытых в столице в 60-е гг., впоследствии сильно сократилось: в 1965 г. их было 57, а в 1975-м – 36, в два раза за эти десять лет уменьшилось и число учащихся в них – с 26 до 13 тыс. человек[11].

В 1968 г. московские школы облетело новое слово – «эксперимент». На этот раз очередь дошла до начальной школы, качество работы которой перестало соответствовать новым требованиям научно-технического прогресса. Были разработаны новые программы, новые учебники, совершенствовалась методика обучения младших школьников. Но подобная школа нуждалась и в новых учителях, а таких учителей не хватало. Потребовались годы, чтобы эта система стала нормой. Кстати, дети адаптировались к ней гораздо быстрее, чем родители, которые слишком хорошо помнили, что их учили «не так».

О реформе общеобразовательной школы снова заговорили в 80-х гг. 10 апреля 1984 г. пленум ЦК КПСС принял постановление «Об основных направлениях реформы общеобразовательной и профессиональной школы», а два дня спустя сессия Верховного Совета СССР утвердила основные принципы новой реорганизации. Для педагогов эти решения были как снег на голову. Впрочем, недоумевали не только учителя. А. В. Петровский, президент Российской академии образования, вспоминает: «Как мне рассказывал тогдашний министр просвещения М. А. Прокофьев, вернувшись после короткого заседания пленума ЦК, во время обеденного перерыва члены Политбюро посоветовались и решили объявить пленуму о необходимости очередной школьной реформы. Каковы цели и содержание этого нового поворота в образовательной политике, умный и опытный министр... на первых порах вообще не мог взять в толк»[12].

Когда были опубликованы документы по новой школьной реформе, выяснилось, что она если не в целом, то по главной направленности очень напоминает хрущевскую. Снова речь шла о трудовом обучении школьников: учащиеся младших классов должны были овладеть «необходимыми в жизни элементарными приемами ручной работы», выращивать сельскохозяйственные растения и ремонтировать учебно-наглядные пособия; старшеклассникам, начиная с 8-го класса, предстояло овладевать «одной из массовых профессий» в составе ученических производственных бригад[13]. В самом принципе трудового воспитания школьников нет ничего, что наносило бы ущерб общеобразовательной подготовке,– все дело в приоритетах и в способности школы правильно организовывать труд детей и подростков. Иначе эта идея превращается в свою противоположность, а

[9] Цит. по: Документы и материалы по перестройке школы. С.41.

[10] Народное образование в СССР. М., 1985. С.74.

[11] Москва в цифрах. 1917–1977 гг. Сборник статей. М., 1977. С.136.

[12] Цит. по: *Днепров Э.Д.* Указ. соч. С.6.

[13] Реформа общеобразовательной школы. Сборник документов и материалов. М., 1986. С.5, 6.

вместе с тем страдают и школа, и качество обучения школьников.

Что касается судьбы школьной реформы образца 1984 г., то «умерла» она не только по причине своей невнятности и непродуманности. Просто пришли другие времена, которые потребовали от школы не «латания дыр», а принципиального пересмотра всей школьной политики. На пороге был 1985 г.

Общество вступило на путь решительных перемен, и школа неизбежно оказалась втянутой в водоворот новых событий и дел. Все больше педагогов выступали с идеями о необходимости коренной перестройки школьной системы и принципов работы школы. Речь шла прежде всего о преодолении ведомственного взгляда на образование: школа не столько народнохозяйственная отрасль, сколько важнейшая, определяющая сфера общественной жизни,– убеждали своих оппонентов инициаторы реформы образования[14]. Работа над Концепцией будущей реформы велась в течение 1987–1988 гг., тогда же были сформулированы ее основные принципы: демократизация и гуманизация образования; динамичный, мобильный, опережающий характер образовательного курса; открытый характер образовательной политики; отказ от унификации образовательного процесса, единых учебников и учебных программ; дифференциация образования (обеспечение полифоничности школы и права ребенка на выбор образования)[15].

29 июля 1988 г. Концепция общего среднего образования была одобрена Госкомитетом СССР по народному образованию, а в конце года она обсуждалась на Всесоюзном съезде работников образования и была принята. Однако механизм реализации реформы в Российской Федерации удалось запустить лишь в 1990 г., а по-настоящему к ней приступили только после 1991 г. Развитию реформы способствовала также спонсорская поддержка, прежде всего финансирование фондом Дж. Сороса работ по созданию новых учебников и учебных программ. В отличие от реформ образования прошлых лет, проводившихся как одномоментный акт, новая перестройка изначально ориентировалась на плавный, инновационный тип реформирования образования. Другое дело, что не всегда задуманное удавалось реализовывать на практике.

Первое, с чем столкнулась школа в 90-е гг., была проблема финансирования. Учителя месяцами не получали зарплату, у школы не хватало денег на текущий ремонт, закупку учебников, мебели, оборудования. В Москве ситуация была более благоприятной, но нехватка учителей со временем стала хронической и для столичных школ. Началась коммерциализация образования – появились школы для «богатых» и для «бедных».

Член-корреспондент АН СССР Е. Е. Милановский беседует после занятий со студентами второго курса геологического факультета МГУ. 1980 г.

Московская государственная школа теряла свой былой престиж. Конечно, были исключения, но они не меняли общей картины. Если раньше столичная школа в общем обеспечивала своих выпускников знаниями, достаточными для поступления в вуз, то теперь прибегать к услугам репетиторов стало нормой. Обычным явлением считается, когда в ряде школ не преподается несколько общеобразовательных предметов вообще, и как следствие, снижается образовательный уровень выпускников. Многие московские вузы в 1997 г. были вынуждены организовать обучение своих студентов русскому языку, поскольку даже выпускники столичных школ на вступительных экзаменах не могут написать не только сочинение, но и обычный диктант.

Все это – тревожные сигналы. Последняя реформа образования привнесла в жизнь московской школы много позитивного: став действительно полифонической, она существует как государственная и частная, педагоги получили право выбора учебников и программ, из школы ушел «казарменный» дух, ее выпускники сегодня по своему образу мышления, отношению к жизни – уже другие люди, отличающиеся от своих сверстников конца 80-х гг. Но школа, прежде всего государственная общеобразовательная, школа «для всех», до сих пор находится в критическом состоянии, и преодоление этого кризиса является проблемой общенационального значения.

Система образования развивается по закону сообщающихся сосудов. Поэтому аналогичные проблемы переживает сегодня и высшая школа. Она, в отличие от школы общеобразовательной, за послевоенный период претерпела довольно незначительные изменения. Реальные перемены начались лишь в конце 80-х гг. Сначала по Москве прокатилась волна переименований – почти все высшие учебные

[14] *Днепров Э.Д.* Указ. соч. С.65.

[15] Там же. С.65, 75.

заведения столицы получили ранг академий и университетов. Появились новые институты, колледжи, университеты, работающие, как правило, на коммерческой основе. Государственные вузы также открыли сеть платных факультетов и отделений, для большинства из них это было единственным средством выжить в условиях рынка. Но за все приходится платить: получение престижных специальностей оказалось фактически недоступным для молодых людей с низким уровнем доходов. А это значит, что право на образование, гарантированное Конституцией России, для многих остается нереализуемым. Если подобная тенденция сохранится и в дальнейшем, то серьезные проблемы ожидают не только среднюю и высшую школу, но и науку, в которой окажется нарушенной естественная смена поколений.

* * *

Послевоенный период – важный и сложный этап в развитии отечественной науки, центром которой была Москва. Почти сразу после победы над фашистской Германией, 16–17 июня 1945 г., в Москве прошли торжественные заседания, посвященные 220-летнему юбилею создания Академии наук. На юбилейную сессию АН СССР прибыли 123 ученых из 19 стран. Через месяц после юбилейных торжеств состоялись выборы нового президента Академии наук, им стал академик С. И. Вавилов.

2 февраля 1946 г. произошло еще одно примечательное событие в научной жизни столицы. Впервые в Москве состоялось годичное собрание Академии наук СССР, и таким образом была восстановлена прерванная в 1934 г. более чем двухвековая традиция ежегодного подведения итогов научной и организационной деятельности академических учреждений.

Для создания более благоприятных условий для научной работы Совнарком СССР 6 марта 1946 г. принял постановление о повышении заработной платы деятелям науки и научным работникам и об улучшении их материально-бытовых условий[16].

Вместе с тем забота государства о развитии науки была избирательной – в послевоенные годы несомненный авторитет отдавался физике, химии и механике, т.е. отраслям, работающим на интересы военно-промышленного комплекса. После атомной бомбардировки Соединенными Штатами японских городов Хиросима и Нагасаки в августе 1945 г. в лаборатории № 2 АН СССР активизировались работы над атомным проектом. Был собран физический реактор, на котором 25 декабря 1946 г. под руководством И. В. Курчатова впервые в СССР удалось осуществить цепную ядерную реакцию, а спустя три года, 29 августа 1949 г., в СССР было проведено первое испытание атомной бомбы.

В первые месяцы после окончания войны наметилась тенденция к расширению международного научного сотрудничества. Улучшилось поступление научной литературы, было провозглашено создание советского международного научного журнала, активизировалось участие советских ученых в международных научных организациях и в международных научных конгрессах и т.п. Но это продолжалось недолго.

В 1946 г. в стране началась кампания, проводившаяся под лозунгами «утверждения советского патриотизма» против «тлетворного влияния Запада», за «перевоспитание» советской интеллигенции. Кампания приобрела массовый характер после принятия в марте 1947 г. постановления Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) «О судах чести в министерствах и центральных ведомствах», издания новых законов о государственной тайне и секретности, проведения в июне 1947 г. философской дискуссии с критикой книги начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) академика Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии», рассылки и обсуждения «Закрытого письма ЦК ВКП(б) по делу профессоров Н. Г. Клюевой и Г. И. Роскина» от 16 июля 1947 г.[17]

Ни одно научное учреждение Москвы не осталось в стороне от этой кампании. В 1948 г. на сессии ВАСХНИЛ, обсуждавшей вопрос «О положении в биологической науке», был учинен разгром генетики. В докладе академика Т.Д. Лысенко, отредактированном И. В. Сталиным, генетика объявлялась «буржуазной» и реакционной лженаукой. Видные советские генетики вынуждены были оставить свои кафедры, лаборатории, институты – в отечественной биологической науке на долгие годы утвердился диктат Лысенко и его последователей.

Но биологией дело не ограничилось. Слабо подготовленные, полные карьеристских устремлений группировки под прикрытием лозунгов о сближении теории и практики и о борьбе с идеализмом стремились захватить лидирующее положение на многих направлениях научных исследований. Так называемые дискуссии (а на деле – расправа с инакомыслящими и просто оппонентами) были развязаны в математике и химии, геологии и космологии, физиологии и языкознании, в политической экономии и других науках. На рубеже 40–50-х гг. дважды предпринимались попытки развернуть кампанию за идеологическую «чистоту» в отечественной физике, были разработаны конкретные планы «борь-

[16] Правда. 1946. 7 марта.

[17] Подробно о развитии кампании по борьбе с «низкопоклонством перед Западом» было рассказано в гл. IX.

Первая в мире атомная электростанция в Обнинске. 1954 г.

Академик И. В. Курчатов на трибуне XXI съезда КПСС. 1959 г.

бы против идеалистических шатаний» ученых. Лишь возраставшее влияние физиков-атомщиков сорвало эти планы.

Изменение общественной атмосферы в стране после смерти Сталина способствовало активизации научной жизни. В Москве прошли многочисленные совещания и конференции, посвященные различным вопросам развития науки и техники. Особый резонанс получила сессия Академии наук СССР, обсуждавшая проблему мирного использования атомной энергии. Она состоялась 1–5 июля 1955 г. в присутствии ученых из 23 стран мира, правда, без участия США, Англии и Франции, которые не прислали своих представителей.

Эта сессия Академии наук в Москве была первой международной конференцией, на которой советские ученые-атомщики выступали с открытыми докладами.

Наиболее ярко успехи советской науки в послевоенное время выражены в становлении и развитии космонавтики. И хотя запуски проводились далеко от Москвы, именно в столице жили конструкторы космических систем, имена которых тщательно скрывались. Здесь выполнялись основные расчеты и принимались решения о будущих полетах. 4 октября 1957 г. был произведен запуск первого искусственного спутника Земли, и москвичи, как и миллионы людей на планете, пытались разглядеть на небе быстро перемещающуюся рукотворную звездочку.

Вторая половина 50-х гг.– время международного признания выдающихся достижений советской науки. В 1956 г. впервые за годы советской власти химик академик Н. Н. Семенов был удостоен Нобелевской премии, а в 1958 г. Нобелевскую премию по физике получили И. Е. Тамм, И. М. Франк и П. А. Черенков. Все они жили и работали в Москве.

Становилось очевидным, что в ряде областей советская наука и техника вышли на первое место в мире. Но были сферы научной деятельности, где мы попрежнему отставали от общемирового уровня. Особенно это чувствовали на себе ученые-обществоведы, вынужденные в своей работе постоянно оглядываться на очередные идеологические установки.

Широкий резонанс получила в 1965–1966 гг. продолжительная дискуссия в Институте истории АН СССР о причинах падения престижа исторической науки. Ученые говорили о недопустимости свертывания работ по ранее «запретным» темам истории советского общества, о противостоянии попыткам ресталинизации, о вновь появившейся «фигуре умолчания» в отношении многих известных исторических личностей и т.п. Попытка опубликовать некоторые материалы дискуссии по проблемам развития исторической науки также не увенчалась успехом[18].

Деятельность научных работников все более стала оцениваться по критериям их политической «благонадежности». Наиболее ярко это проявилось в отношении академика А. Д. Сахарова. В 1968 г. им была подготовлена статья «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе»[19].

[18] См.: *Курносов А.А.* Неопубликованная статья В.П. Данилова и С.И. Якубовской «О фигуре умолчания в исторической науке» // Археографический ежегодник. 1992. М., 1994. С.324–326.

[19] См.: *Сахаров А.Д.* Тревога и надежда. М., 1990. С.11–47.

Модель искусственного спутника Земли в павильоне «Космос» на ВДНХ (ныне Всероссийский выставочный центр)

Генеральный конструктор С. П. Королев

После выхода ее в «самиздате» и опубликования за границей А. Д. Сахаров был отстранен от работы и лишен возможности заниматься научной деятельностью.

В марте 1971 г. ученый направил Л. И. Брежневу «Памятную записку», ставшую подлинной программой диссидентского движения в СССР. В ней в качестве первоочередных мер предлагалось: проведение общей амнистии политзаключенных; обеспечение гласности суда по политическим делам; запрещение использования психиатрии в политических целях; разработка и гласное обсуждение закона о средствах массовой информации. 21 февраля 1972 г. Секретариат ЦК КПСС принял решение «Об исключении имени академика Сахарова в официальных публикациях советской прессы»[20]. В 1975 г. он был удостоен звания лауреата Нобелевской премии мира, а в январе 1980 г. лишен всех правительственных наград, званий трижды Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской и Государственной премий и выслан в г. Горький. Известны имена и других московских ученых, участвовавших в правозащитном движении, среди них математики Т. Великанова и А. Лавут, биолог С. Ковалев, экономист В. Красин, лингвист Т. Ходорович, искусствовед Ю. Мальцев и др.

Количественный рост численности научных работников в 60–70-е гг., организация новых научно-исследовательских институтов, расширение сети вузов несомненно способствовали увеличению исследований и разработок во многих отраслях науки и техники. Однако вмешательство в науку, неверно избранная стратегия в важнейших отраслях научно-технического прогресса не содействовали качественному росту научных достижений.

С объявлением в стране «перестройки», казалось, положение начало меняться. Был провозглашен курс на ускорение социально-экономического развития, который должен был основываться на использовании новейших достижений научно-технического прогресса. Но Чернобыльская трагедия нанесла сокрушительный удар по воспитывавшейся десятилетиями вере в благотворное влияние прогресса науки и техники. Впервые пришлось усомниться в успехах отечественной атомной физики, которая до этого была предметом национальной гордости.

В начальный период «перестройки» сильно пошатнулся и престиж советской исторической науки. Историки явно не успевали за развитием общественных процессов, которые набирали силу в связи с провозглашением принципов гласности и демократизации. Общество вступило на путь преодоления прошлого, открывая для себя «белые пятна» и «черные дыры» истории. Это был настоящий исторический «бум»: любая публикация на сенсационную историческую тему немедленно попадала в фокус общественного интереса. А сенсацией могло стать буквально все – от упоминания ранее запрещенных имен до риторического вопроса: а тот ли социализм мы построили? В интеллигентных кругах считалось правилом хорошего тона рассуждать об альтернативах исторического выбора и ругать «тоталитаризм» (кстати, само понятие вошло в обиход именно тогда).

[20] Власть и оппозиция. С.266.

Переломными в этом процессе стихийных поисков «исторической правды» стали 1987–1988 гг., когда появилась серия профессиональных публикаций, посвященных актуальным проблемам истории, чуть позднее вышли первые сборники: «Иного не дано», «Осмыслить культ Сталина», «Историки спорят». В сентябре 1987 г. была создана Комиссия по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями 30–40-х и начала 50-х гг. Результаты работы Комиссии регулярно публиковались на страницах журнала «Известия ЦК КПСС». В конце 80-х – начале 90-х гг. были переизданы труды русских ученых-философов, историков, экономистов и др., которые давно осели в специальных хранилищах и были недоступны не только простому читателю, но и профессионалам. После 1991 г. открылись архивы, началась работа по рассекречиванию архивных фондов. Все это создало принципиально иную ситуацию в исторической науке, которая впервые после 1917 г. получила возможность развиваться именно как наука, а не как приложение к официальной идеологии.

Перемены затронули и сферу управления наукой. В Российской Федерации, например, вообще не было «своих» научно-организационных структур, они подменялись общесоюзными. После провозглашения 12 июня 1990 г. государственного суверенитета России такие структуры пришлось создавать. Одним из первых в июне 1990 г. был принят Закон РСФСР об учреждении Российской академии наук (РАН).

Первые годы деятельности РАН проходили в условиях жесточайшего финансового кризиса. В 1992 г. Центр исследований и статистики науки совместно с Институтом социологии провели обследование 10 ведущих институтов РАН и получили следующие результаты: около 50% опрошенных руководителей оценили уровень обеспеченности финансовыми ресурсами как разрушительный, почти 40% – как низкий; в 10 раз сократилось поступление оборудования и приборов (по сравнению с 1990 г.); в 1,5 раза увеличилась текучесть научных работников; в 1,8 раза снизилась закупка книг; в 6,8 – закупка книг на валюту; в 2,6 – подписка журналов на валюту; в 3,5 раза – участие научных сотрудников в международных симпозиумах и конференциях.

Со становлением и развитием Российского фонда фундаментальных исследований и Российского фонда гуманитарных исследований, а также с привлечением спонсоров – отечественных и зарубежных организаций и лиц положение несколько выправилось, но еще остается крайне сложным. И московская наука не является здесь исключением.

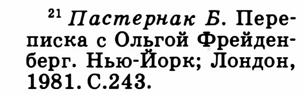
3. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА

«И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прошлое прошло» (Откр. 21,4).

Этот оптимистический фрагмент из Апокалипсиса Б. Л. Пастернак сделал эпиграфом к рукописному варианту первых глав романа «Доктор Живаго», над которым работал зимой 1945/46 г. Над текстом – крупный размашистый заголовок: «Смерти не будет». Он понятен: шли первые месяцы после войны. Не меньшее значение имели последние слова цитаты: «...прошлое прошло». Их сокровенный смысл для Пастернака состоял в том, что вместе с войной уходила и породившая ее эпоха. Понять это мог тогда только художник-мыслитель, несмотря на то что колесо истории после войны продолжало еще двигаться по инерции.

Одухотворенные победой люди жаждали мира, а значит, и свободы. Но ведущие художники, как и ученые, понимали, что свобода – не столько дар властей, сколько результат духовной стойкости. Тот же Пастернак в одном из писем осенью 1946 г. очень четко сформулировал это: «...нельзя до бесконечности откладывать свободного выражения настоящих своих мыслей»[21].

Это стремление, глубоко выношенное художниками, буквально вырвалось наружу после войны. Характерно неожиданное, казалось бы, выступление Мариэтты Шагинян на партийном собрании Союза советских писателей 21 августа 1945 г. по дежурному и далекому от интересов писателей вопросу – информации о решении Краснопресненского райкома ВКП(б) города Москвы по поводу приема


[21] *Пастернак Б.* Переписка с Ольгой Фрейденберг. Нью-Йорк; Лондон, 1981. С.243.

Академик А. Д. Сахаров на сессии Верховного Совета СССР. 1989 г.

А. А. Ахматова и Б. Л. Пастернак. Москва. 1946 г.

в партию в течение первого полугодия. Не коснувшись ни этих решений, ни деятельности парторганизации ССП, известная писательница открыто заговорила о том, что было очевидно и мучило многих, но полностью игнорировалось официальной пропагандой,– о бедственном материальном положении народа, о резкой имущественной дифференциации в обществе, об эксплуатации на заводах детского труда, о зреющем в рабочей среде социальном протесте. Она рассказала о «рабочем бунте» на одном из заводов Урала (с участием рабочих-коммунистов), о том, что на Алтае «обкомы, райкомы обжираются, жрут пайки рабочих, а рабочие голодают, ходят как тени, усталые, истощенные». Сравнивая реальное положение с верноподданническим, пропагандистским приукрашиванием современности советскими писателями, Мариэтта Шагинян призвала их подняться против этих «жутких вещей», правдиво изображать жизнь, истинное отношение трудящихся к тому, что происходит.

Выступление произвело впечатление разорвавшейся бомбы. Но характерно, что с осуждением «возмутительного и непартийного» поведения писательницы выступили лишь секретарь ССП Д. А. Поликарпов (партийный функционер, направленный из аппарата ЦК ВКП(б) на «организационную работу» с писателями) и секретарь райкома партии Н. Г. Ликовенков. Собрание же отозвалось на выступление коллеги аплодисментами, а кое-кто поддержал его публично[22].

В известной мере этот факт расценивался художественной интеллигенцией Москвы как лакмусовая бумажка: по довоенным нормам безнаказанно он пройти не мог. Однако на поверхности все оставалось относительно спокойно, хотя тревожная информация поступала во все властные инстанции.

Между тем «бунт» деятелей культуры против партийного диктата разрастался. Его новая вспышка была связана с резким недовольством писателей грубостью партийного наместника в ССП Поликарпова. Воспользовавшись его несколько пошатнувшимся положением в номенклатуре, заместитель редактора журнала «Знамя» А. К. Тарасенков в письме на имя Г. М. Маленкова – новой восходящей звезды в ближайшем окружении Сталина – констатировал 19 марта 1946 г., что «тов. Поликарпов ведет себя так, как будто он – полновластный диктатор», а беспартийный председатель Союза Н. С. Тихонов боится его, считая «каким-то особенно доверенным комиссаром», установившим «режим террора». Будучи сам опытным «царедворцем», Тарасенков так построил свое письмо, будто Поликарпов нарушает своей деятельностью партийный стиль общения с писателями и тем самым претендует на автономию в руководстве писательской организацией. Разумеется, это был удар ниже пояса, что вполне соответствовало нравам номенклатурной среды.

Логика событий, казалось, приобретала необратимость. На закрытом партийном собрании ССП, посвященном «ходу выполнения» постановления ЦК партии «О литературной критике», принятого еще в 1940 г., ряд писателей подвергли критике «административные методы руководства» Правления ССП в целом, и особенно Поликарпова. Ему, в частности, припомнили фразу, ставшую крылатой: «“Литературная газета” – орган не направленческий (отраслевой.– *Авт.*), а правленческий». Борис Пастернак называл ее точнее – «полицейской газетой».

Судьба Поликарпова была решена: 3 апреля 1946 г. он был снят с должности секретаря ССП решением Оргбюро ЦК ВКП(б). Впрочем, его тут же направили на «учебу» в Высшую партийную школу, затем – в аспирантуру Академии общественных наук при ЦК, а несколько позже вновь вернули к руководству в еще более высокой должности: заведующим Отделом культуры ЦК КПСС (с октября 1955 г.).

Казалось, что партийное руководство уступает, тем более что в это же время было отменено постановление ЦК от 2 декабря 1943 г. «О контроле над литературно-художественными журналами».

Однако впечатление было обманчивым. В ЦК партии накапливались материалы для новых ударов по свободе художественного творчества: докладные записки о «безыдейных» произведениях поэтов и писателей Н. Н. Асеева, И. Л. Сельвинского, К. И. Чуковского, М. М. Зощенко и др. 13 апреля 1946 г.

[22] «Литературный фронт». История политической цензуры 1932–1946 гг. Сборник документов. М., 1994. С.171–174.

Сталин резко высказался на Политбюро против автономии писателей.

Объектами критики стали тогда «толстые» журналы. Сталин назвал худшим из них московский «Новый мир», а на второе место среди «штрафников» поставил ленинградскую «Звезду»[23]. В подготовленном позднее постановлении ЦК ВКП(б) «О журналах "Звезда" и "Ленинград"» (август 1946 г.) речь шла уже только о ленинградских журналах, и под огонь критики попали в первую очередь ленинградские литераторы А. А. Ахматова и М. М. Зощенко. Подобное смещение места действия вряд ли можно назвать случайностью, хотя определили его отнюдь не литературные пристрастия партийных боссов. Главную роль в истории с журналами сыграл фактор личного соперничества в ближайшем окружении Сталина – между Ждановым и его «ленинградской группой», с одной стороны, и Маленковым – с другой.

Что касается самого Сталина, то ему, по-видимому, было не так важно, кто конкретно окажется в роли «козлов отпущения»: постановление о журналах принималось с дальним прицелом. Это решение по сути положило начало кампании по усмирению интеллигенции, которая продолжалась все послевоенные годы, вплоть до смерти Сталина. Примечательно, что объектами идеологической травли были выбраны не просто ленинградские литераторы, но люди, чьи имена стояли в первом ряду отечественной литературы. То, что подобный выбор возводился в принцип, подтвердили все последующие кампании – в музыке, кинематографии, науке. Сергей Эйзенштейн, Дмитрий Шостакович, Сергей Прокофьев... Список можно продолжить.

Вслед за постановлениями о журналах в том же 1946 г. появились два других – «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» и «О кинофильме "Большая жизнь"», выдержанных в духе первого решения. Постановление о музыке, осуждающее так называемое формалистическое направление в музыкальной культуре, было издано позднее – в феврале 1948 г. Примечательно, что все эти решения, принимаемые, казалось бы, по специальным вопросам, выносились на широкое, почти всенародное, обсуждение. Кампании проводились с размахом. Поэтому после обнародования постановления ЦК ВКП(б) «Об опере «Великая дружба» В. Мурадели» слесарь московского завода «Динамо» мог сделать такое заявление: «Я не знаток музыки, но произведения композитора Чайковского всегда слушаю с большим удовольствием. Музыка же Шостаковича, Прокофьева, Шебалина среди рабочих успехом не пользуется. Меня крайне удивило восхваление музыкальных произведений Шостаковича. Ведь когда по радио передают что-нибудь

Д. Д. Шостакович. 1946 г.

из его произведений, то радиослушатели выключают репродукторы, так как не хватает терпения слушать эти оглушительные звуки»[24]. Другие «люди из народа» осуждали композиторов Прокофьева, Шостаковича, Мурадели за то, что их музыка... якобы сродни американскому джазу (хотя, поскольку джаз тогда был под запретом, мало кто знал, что представляет собой эта музыка, просто само слово «джаз» было символом чего-то неправильного, «не нашего», а следовательно, порочного).

Так рассуждала непросвещенная публика. Однако и в профессиональной аудитории можно было услышать не менее категоричные суждения. «Отдельные работники искусства, студенты музыкальных учебных заведений,– говорилось в докладной записке, составленной в аппарате ЦК ВКП(б),– высказывают пожелания о запрещении исполнения произведений Прокофьева, Хачатуряна, Шебалина и других композиторов-формалистов». Группа студентов Московской консерватории предлагала отказаться от симфонической музыки, а центр тяжести перенести на народное творчество. «Да здравствует хор Пятницкого,– говорили они,– а прочую музыку – долой!»[25] Даже в ЦК подобные высказывания были расценены как «крайности», вместе с тем само возникновение столь агрессивных и невежественных взглядов независимо от того, какой аудитории они принадлежали, весьма характерная черта времени.

Впрочем, далеко не все пошли тогда по пути «поддерживаем и одобряем». С. Т. Рихтер, например, отказался выступать в концерте, когда работники филармонии предложили ему исключить из

[23] *Бабиченко Д.Л.* Писатели и цензоры. Советская литература 40-х гг. под политическим контролем ЦК. М., 1994. С.117.

[24] РГАСПИ. Ф.17. Оп.122. Д.306. Л.9.

[25] Там же. Л.14.

программы «формалистическую» сонату Д. Д. Шостаковича, друзья и совсем незнакомые люди выражали свое сочувствие опальным композиторам. Но переломить общую тенденцию эти поступки, конечно, не могли.

Не обошла стороной деятелей культуры и начатая в конце 40-х гг. антисемитская кампания. Ее основные направления и принципы обсуждались на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) 24 января 1949 г. Сигналом к началу тотальной чистки должна была послужить атака на театральных критиков, причисленных к категории «безродных космополитов». Спустя несколько дней в «Правде» появилась статья под характерным заголовком «Об одной антипатриотической группе театральных критиков», а вслед за ней начались увольнения среди не только театральных критиков, но и литературоведов, журналистов. Главной причиной увольнений был пресловутый «пятый пункт» анкеты, хотя официально об этом нигде не упоминалось. В ноябре 1949 г. был закрыт Московский государственный еврейский театр якобы «в связи с его нерентабельностью»[26] (художественный руководитель театра С. М. Михоэлс погиб в результате организованной советскими спецслужбами автокатастрофы в январе 1948 г.).

В 1951 г. Отдел пропаганды и агитации ЦК запретил к постановке на сцене филиала Большого театра оперы К. Сен-Санса «Самсон и Далила», усмотрев в ней «библейско-сионистские черты»[27]. Основательной «чистке» подверглись столичные филармония, консерватория, Третьяковская галерея и даже Московский цирк. В марте 1952 г. состоялась расправа с активистами Еврейского антифашистского комитета, среди которых были и деятели культуры (поэты Л. М. Квитко, И. С. Фефер, П. Д. Маркиш, Д. Н. Гофштейн, артист В. Л. Зускин).

В конце 40-х – начале 50-х гг. художественная жизнь Москвы будто замерла. Работали театры, издавались книги, выходили кинофильмы, но в этот период не было создано ничего принципиально нового ни в искусстве, ни в литературе, ни в кинематографе. Пожалуй, единственным прорывом на общем фоне выжидательного однообразия стала публикация очерков В. В. Овечкина «Районные будни», начатая в девятом номере «Нового мира» за 1952 г. Затем их перепечатала «Правда». Общественный резонанс этих публикаций был огромным: номера газеты передавались из рук в руки, а о самих очерках люди отзывались даже не как о литературе, а как о политическом поступке, что-то вроде открытого письма в ЦК[28]. И в общем были правы. На материалах одного района Овечкин рассуждал о проблемах страны, говоря о сельском хозяйстве, поднимал вопросы общегосударственного, общенационального значения. Его очерки стали первой ласточкой грядущих в стране перемен.

Однако пока читатели ломали копья в спорах вокруг «Районных будней», а некоторые партийные работники призывали привлечь автора к ответу за «очернительство», подспудно рождалась уже иная, еще более смелая литература. В начале 50-х гг. приступил к задуманному роману «Не хлебом единым» В. Д. Дудинцев. «Тогда еще был жив Сталин,– вспоминал он много позднее.– Я писал и боялся, что меня посадят. Боялся, но выработал шифр для тайных записей. Я был качественно свободен»[29].

В марте 1953 г. все действительно начало меняться. Конечно, не сразу, но уже со второй половины 50-х гг. можно говорить о начале расцвета культурной жизни в столице. Театр, литература, живопись, музыка, кино – везде появлялись новые имена, смелые эксперимен-

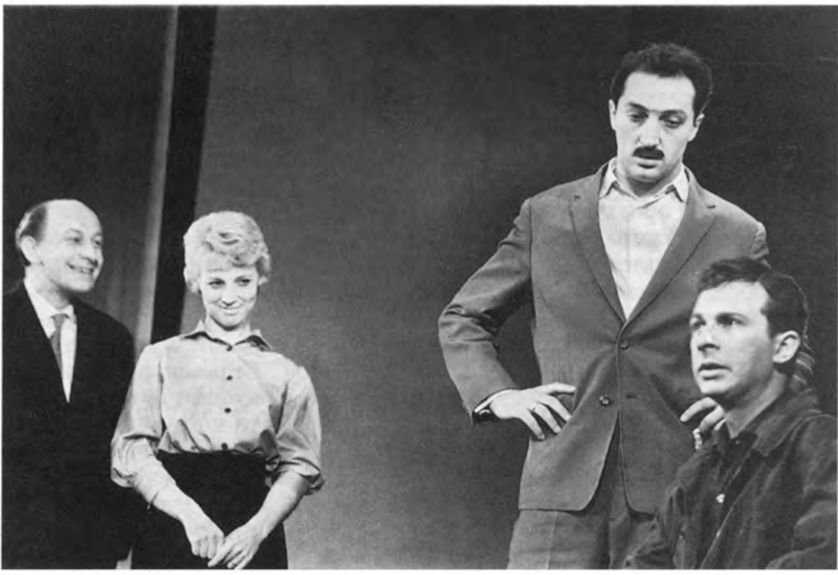
[26] *Костырченко Г.В.* В плену у Красного фараона. Политические преследования евреев в СССР в последнее сталинское десятилетие. Документальное исследование. М., 1994. С.166.

[27] Там же. С.225.

[28] *Атаров Н.С.* Дальняя дорога: Литературный портрет В. Овечкина. М., 1977. С.114.

[29] *Дудинцев В.* Образ свободы // Литературная газета. 1991. 8 мая.

Здание театра «Современник» на площади Маяковского. 1970 г.



Сцена из спектакля театра «Современник» «По московскому времени», пьеса Л. Г. Зорина. В ролях: Е. А. Евстигнеев – Ларин, А. Б. Покровская – Тоня, М. М. Козаков – Рамазанов, И. В. Кваша – Звавич. Апрель 1962 г.

ты, а споры об искусстве стали излюбленной темой московских разговоров. На глазах у москвичей рождалась новая художественная эстетика, и они были не просто наблюдателями этого процесса, но и его непосредственными участниками. Возникли литература и искусство, которые требовали не просто публики, но диалога с читателем и зрителем.

В 1956 г. в Москве открылся новый драматический театр «Современник», ядро которого составили выпускники студии МХАТа. Главным режиссером театра стал молодой актер О. Н. Ефремов. Название театра в известном смысле определило и его направленность: на сцене «Современника» шли пьесы современных советских драматургов В. С. Розова, А. М. Володина, М. М. Рощина, Л. Г. Зорина, по-новому зазвучала русская и зарубежная классика.

Вслед за «Современником» в 60–70-х гг. в Москве возникли Театр драмы и комедии на Таганке, Московский молодежный театр-студия на Красной Пресне, Московский камерный музыкальный театр и др. Главное, у каждого творческого коллектива было свое лицо.

Театр на Таганке под руководством Ю. П. Любимова предложил иное видение сценического пространства, организации театрального действа. В 1965 г. театр показал премьеру «10 дней, которые потрясли мир». Спектакль начинался прямо на улице: у входа в театр были развешаны революционные знамена, зрителей встречали матросы, солдаты, которые играли на гармошке, пели песни. Действие продолжалось в фойе театра, затем перетекало в зрительный зал. В фойе висели три ящика – черный, желтый и красный, куда зрители после спектакля опускали свои билеты и таким образом оценивали увиденное. Бывать на Таганке среди московской интеллигенции считалось за правило, хотя билеты на некоторые спектакли приходилось доставать буквально «с боем».

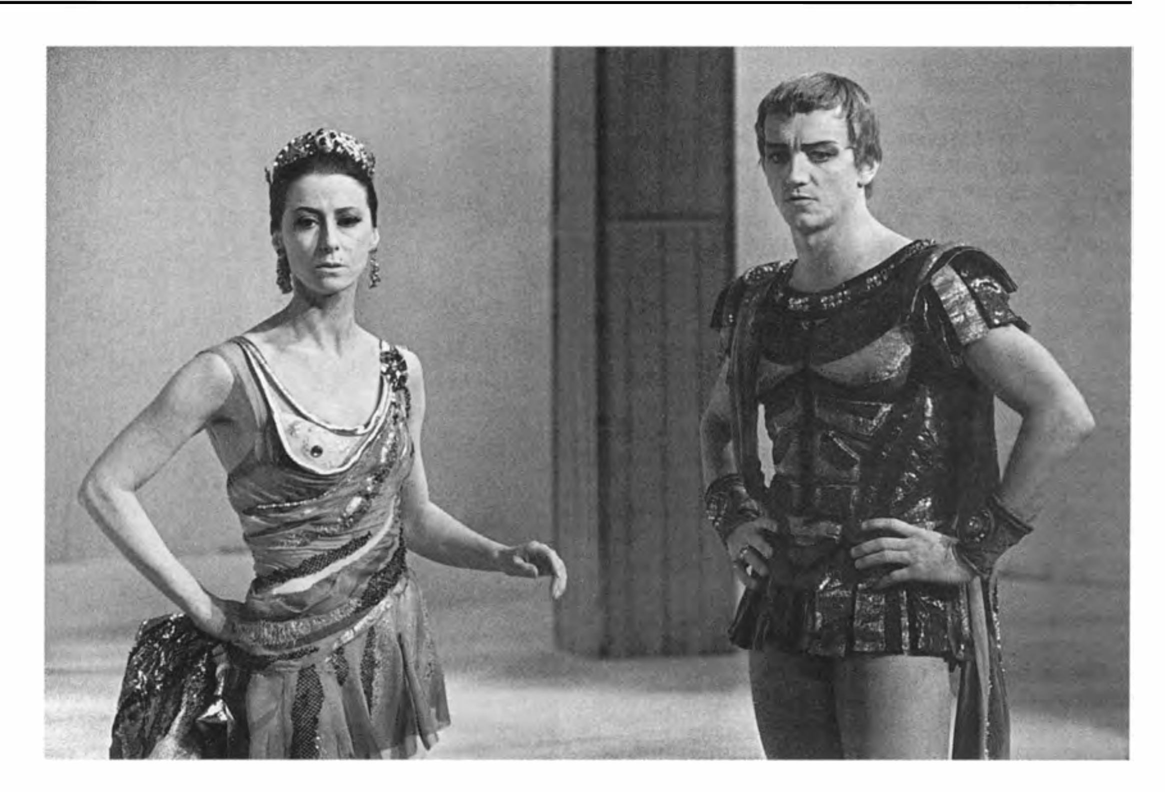
Столь же популярным у московской публики стал Театр им. Ленинского комсомола (или просто Ленком), особенно после прихода туда в качестве главного режиссера М. А. Захарова.

Используя разнообразные выразительные средства, театр синтезировал во многих спектаклях музыку, танец, пение и драматическое действие, создавая глубоко волнующее зрелище,– «Юнона и Авось» (А. А. Вознесенский, композитор А. Л. Рыбников), «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты» (Пабло Неруда, композитор А. Л. Рыбников), «Тиль» (Г. Горин, композитор Г. И. Гладков).

Временем нового подъема балетного искусства стали 60–70-е гг. На сцене Большого театра состоялся ряд премьер. Традиционный классический репертуар, в котором в прежние годы блистали и покоряли публику своим одухотворенным мастерством Г. С. Уланова и О. В. Лепешинская, был потеснен постановками новых балетных спектаклей. Это было связано прежде всего с именем главного балетмейстера театра Ю. Н. Григоровича. Революцией в танце стали балетные спектакли, поставленные и исполненные М. М. Плисецкой на музыку Р. К. Щедрина («Кармен-сюита», «Анна Каренина», «Дама с собачкой», «Чайка»).

Палитра музыкальной жизни Москвы была очень разнообразной. В 60-е гг. наконец вышел из подполья джаз, открылись молодежные кафе, где играли джазовые ансамбли. Была реабилитирована и электронная музыка. В 1966 г. при фирме грамзаписи «Мелодия» открылась Экспериментальная студия электронной музыки под руководством Е. А. Мурзина. Студия развивала идеи А. Н. Скрябина о создании синтеза искусств, цветомузыки. Вокруг студии объединились молодые композиторы А. Г. Шнитке, Э. В. Денисов, С. А. Губайдуллина, ее эксперименты поддерживал Д. Д. Шостакович. Студия фактически прекратила свое существование в 1975 г. после смерти Мурзина.

Г. С. Уланова в роли Джульетты в балете С. С. Прокофьева «Ромео и Джульетта». Государственный академический Большой театр. 1953 г.



М. М. Плисецкая и М. Э. Лиепа на репетиции балета А. И. Хачатуряна «Спартак» в постановке Ю. Н. Григоровича. Государственный академический Большой театр. 1975 г.

Т. Е. Самойлова в фильме М. К. Калатозова «Летят журавли»

Разительные перемены происходили в искусстве кинематографа, и студия «Мосфильм» находилась в центре этого процесса, хотя новаторам кино было весьма непросто отстаивать свои идеи, свои эстетические принципы. Появилась целая серия картин, которые в то время так и не дошли до зрителя (остались «на полке») или были выпущены на экран сильно измененными «по идеологическим соображениям». И все-таки это было новое кино: «Застава Ильича» и «Июльский дождь» М. М. Хуциева, «Летят журавли» М. К. Калатозова, фильмы Ю. Я. Райзмана, Е. И. Габриловича, А. Г. Германа и других талантливых режиссеров. Неважно, на какой студии они создавались, но они были частью культурной жизни Москвы.

Новым веянием времени явилось создание «кино не для всех». Самой яркой и талантливой фигурой этого направления в кинематографе был Андрей Тарковский. Его ленты «Иваново детство», «Андрей Рублев», «Зеркало» получили широкую известность и стали значительным явлением мирового кинематографа. Правда, чиновники от культуры не только не смогли по справедливости оценить режиссера, у них не хватало даже такта просто не мешать ему. Фильм «Андрей Рублев» был закончен Тарковским в 1966 г., а выпущен на экран лишь в 1971 г., причем для этого потребовалось специальное решение Отдела культуры ЦК КПСС [30].

Впрочем, подобная практика была скорее правилом, нежели исключением. «Сомнительными», с точки зрения официальной идеологии, могли показаться не только фильмы с «непонятной» эстетикой или затрагивающие спорные исторические или какие-либо другие проблемы (по этой причине, например, не пускали на экран или уродовали фильмы о Ленине, о войне, о жизни колхозной деревни и т.д.). Даже режиссеры, снимающие комедии, сталкивались с аналогичными проблемами. Так, практически каждая комедия Э. А. Рязанова на пути к зрителю имела свою непростую историю взаимоотношений с чиновничьим аппаратом. Такой, казалось бы, безобидный фильм, как «Человек ниоткуда» (1961), вышел на широкий экран лишь 30 лет спустя.

[30] История советской политической цензуры. Документы и комментарии. М., 1997. С.206.

По-своему отразились 60–80-е гг. на развитии литературы. Москва всегда была центром литературной жизни: многие писатели и поэты жили в Москве, другие публиковали свои произведения на страницах московских журналов, их книги выходили в столичных издательствах. Кроме того, в Москве находились главные писательские организации.

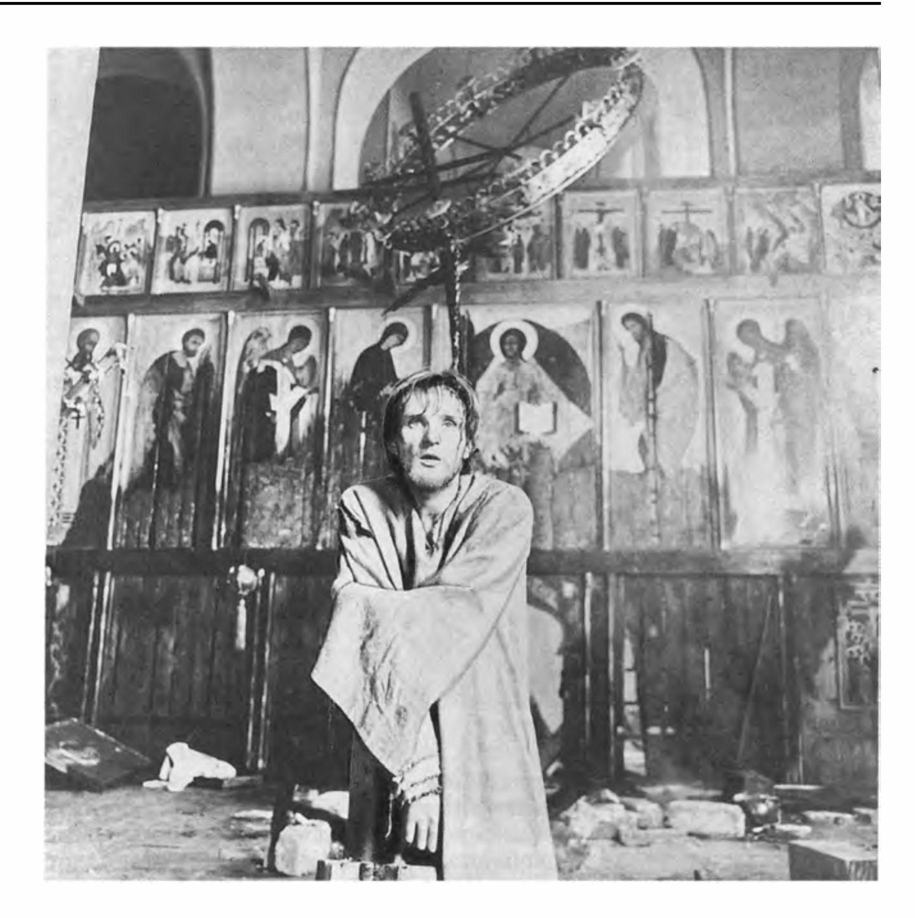
Первый литературный «бум» пришелся на годы «оттепели». В начале 1956 г. увидел свет альманах «Литературная Москва. Литературно-художественный сборник московских писателей». В редколлегию этого издания вошли М. И. Алигер, А. А. Бек, Г. С. Березко, В. А. Каверин, Э. Г. Казакевич, А. К. Котов, К. Г. Паустовский, В. А. Рудный, В. Ф. Тендряков. Один из основателей альманаха, Эммануил Казакевич, так охарактеризовал принципы работы редколлегии: «Работали дружно, сплоченно, бесплатно. Энтузиазм, как на субботнике. [...] Принцип работы: коллективность и демократизм. Все читают, дают отзывы и замечания. [...] Бережное отношение к авторскому замыслу и авторской словесной ткани, без опостылевшего нам навязывания своих точек зрения»[31].

Примечательным фактом стало создание в 1955–1957 гг. 27 литературно-художественных журналов – как новых («Москва», «Юность», «Дружба народов», «Вопросы литературы»), так и возрожденных («Молодая гвардия», «Иностранная литература»). И это тоже способствовало «нагреву» литературной и общественной атмосферы в столице: в частности, именно на страницах «Юности», руководимой В. П. Катаевым, публиковали свои первые произведения молодые поэты, писатели, критики: В. П. Аксенов, А. Г. Битов, Е. А. Евтушенко, А. А. Вознесенский, Р. И. Рождественский, С. Б. Рассадин...

Немаловажным было и расширение литературных горизонтов благодаря изданию некоторых произведений прежде «опальных» писателей: И. А. Бунина, А. П. Платонова, М. А. Булгакова, М. И. Цветаевой, репрессированных И. Э. Бабеля, А. Веселого и др. Своеобразным пиком в нарастании «оттепельных» тенденций оказались 1961–1962 гг., когда вышли «Звездный билет» В. П. Аксенова, «Суд» В. Ф. Тендрякова, «Тишина» Ю. В. Бондарева, «Вологодская свадьба» А. Я. Яшина, первая книга стихов А. А. Тарковского, «Один день Ивана Денисовича» А. И. Солженицына.

Такая творческая атмосфера объяснялась общим состоянием общественно-литературной ситуации, своеобразной ее пульсацией, столкновением партийного диктата и горячих животворных порывов творческой интеллигенции.

Едва после XX съезда начался активный напор смелых незаурядных произведений, партийное руководство сочло необходимым вмешаться в ход литературной жизни. Была проведена «историческая» встреча с писателями, где взяли под партийную защиту «лакировщиков», переименованных Н. С. Хрущевым в «автоматчиков», и объявлены злостными очернителями те, кто якобы «выискивает в жизни только отрицательные факты и злорадствует по этому поводу, пытаясь охаять, очернить наши советские порядки». Тогда же по решению ЦК был создан Союз писателей РСФСР,



А. А. Солоницын в фильме А. А. Тарковского «Андрей Рублев»

К. Г. Паустовский

[31] *Казакевич Э.* Слушая время. Дневники. Записные книжки. Письма. М., 1990. С.118.

В. П. Катаев

В. П. Аксенов

призванный нейтрализовать роль крупнейшей московской писательской организации, отличавшейся либеральными, свободолюбивыми настроениями.

А спустя пять лет, когда активно утверждались общечеловеческие гуманистические идеи и новые художественные формы, ревнители былой ортодоксии снова ринулись в бой. После скандально известного посещения руководителями партии художественной выставки в Манеже (1962), где был учинен разгром всего «левого» изобразительного искусства, в марте 1963 г. прошла встреча писателей с партийным руководством. Резкой критике на этой встрече подверглись «низкопоклонство перед Западом» И. Г. Эренбурга и В. П. Некрасова, творчество молодой поэтической поросли, якобы вносящей раздор между «отцами» и «детьми». А кроме разгрома романа В. Д. Дудинцева «Не хлебом единым» было предпринято позорнейшее судилище над Б. Л. Пастернаком после присуждения ему Нобелевской премии, запрещен альманах «Литературная Москва», изъят в 1961 г. у В. С. Гроссмана роман «Жизнь и судьба». В 1969 г. снят с должности главного редактора «Нового мира» А. Т. Твардовский; за десятилетие (1958–1969) в журнале были опубликованы почти все значительные произведения «оттепельного» периода, которые составили целую литературную эпоху.

В эти же годы зазвучала в полную силу искренняя и драматичная поэзия фронтового поколения – Б. А. Слуцкого, Ю. Д. Левитанского, К. Я. Ваншенкина, Д. С. Самойлова, М. К. Луконина, до этого не имевших возможности выразить впечатления и чувства, пережитые на войне, которые долгие годы хранила их память. Тему войны в прозе продолжили бывшие офицеры-фронтовики А. А. Ананьев, Г. Я. Бакланов, Ю. В. Бондарев, В. Л. Кондратьев. Их книги назвали «второй волной военной прозы», именно тогда возникло понятие «окопная правда» как обозначение иного видения войны.

Особое место в творческих исканиях 50–70-х гг. заняли «Доктор Живаго» (1957) Б. Л. Пастернака, «Жизнь и судьба» (1960) В. С. Гроссмана, «Архипелаг ГУЛАГ» (1973) А. И. Солженицына. Эти разные по жанровой принадлежности книги – лирический роман, эпопея, художественное исследование – осуществили крупнейший, принципиальнейший прорыв литературной мысли.

Роман Пастернака показал гибельность революции для исторических судеб России, и особенно для российской интеллигенции. А широкий эпический разворот «Жизни и судьбы» Гроссмана представил, что сделала со страной и народом за четверть века тоталитарная власть, каков был масштаб геноцида против собственного народа и в годы коллективизации, и в полосу репрессий, и в военное лихолетье. После долгого и безоглядного оправдания литературой права на «революционное насилие» Пастернак и Гроссман возродили гуманистические, общечеловеческие критерии, а также ставший столь острым в последующие годы вопрос: являются ли насилие над личностью и жестокость издержками «культа личности», извращенными качествами натуры Сталина или неизбежными свойствами революционного слома истории?

Дальнейшее развитие получил исторический и историко-революционный

роман: обществу было важно узнать, насколько органичными оказались исторические предпосылки революции, выявить глубинные течения исторической судьбы русского народа, уяснить социальные и национальные особенности России. Русской национальной жизни были посвящены «Господин великий Новгород» (1970) Д. М. Балашова, «Лики на заре» (1966) В. Ф. Пановой, «Глухая пора листопада» (1968–1970) и «Две пачки писем» (1982) Ю. В. Давыдова и т.д. На протяжении двух десятилетий выстраивалось документально-беллетристическое повествование «Красное колесо» А. И. Солженицына.

Значительную роль в литературной жизни сыграла проза Ю. В. Трифонова; сначала это был цикл «московских» повестей («Обмен», «Долгое прощание»), где сквозь будничные заботы и поступки горожан прозревался «отблеск костра», а затем – романы «Старик», «Время и место», в которых автор старался передать масштабность и опустошительность послеоктябрьского «расчеловечивания».

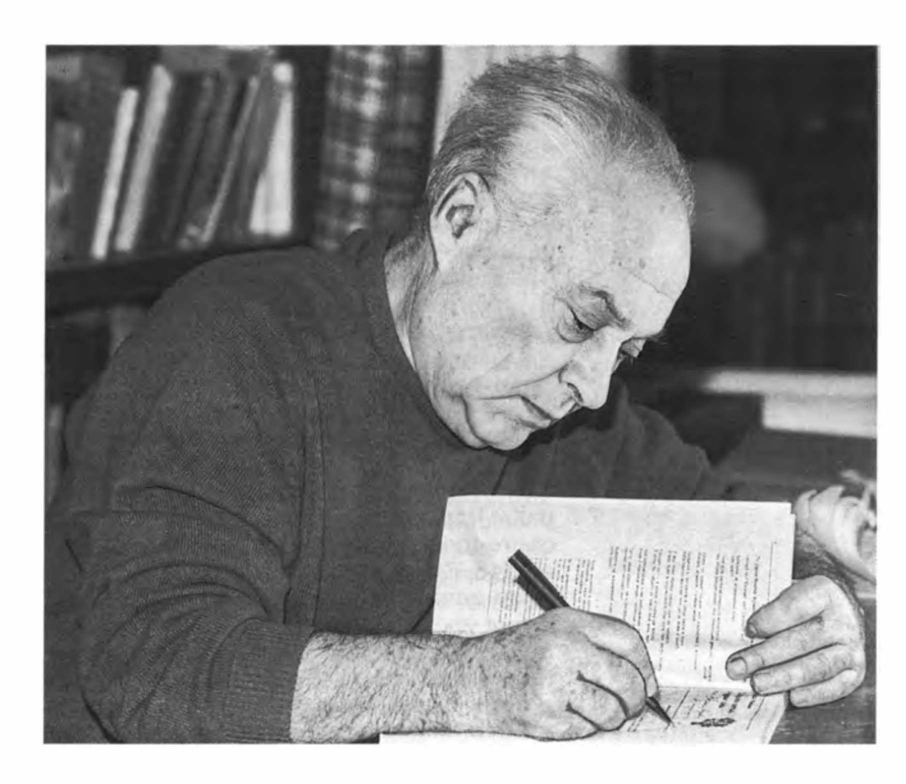
В едином движении литературной мысли 70-х – начала 80-х гг. постепенно усиливалось раздвоение, расщепление текущего процесса. Борьба против диссидентского андерграунда и ужесточение цензуры сильно осложнили развитие литературы, но уже не смогли прервать ее поступательный ход.

Зато какой стремительный порыв взметнул литературу во второй половине 80-х! Так были извлечены прежде запретные романы «Котлован» и «Чевенгур» А. П. Платонова, ранняя сатирическая проза М. А. Булгакова, «Все течет...» В. С. Гроссмана, «Москва – Петушки» Вен. В. Ерофеева, увидела свет поэзия Н. С. Гумилева. Были изданы произведения «диссидентов»: «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина» В. Н. Войновича, «Семь дней творения» В. Е. Максимова, «Остров Крым» В. П. Аксенова, романы Ф. Н. Горенштейна, вся художественная проза А. И. Солженицына, поэзия И. И. Бродского. Извлекли из письменных столов свои ранее отвергнутые произведения «Дети Арбата» А. Н. Рыбаков, «Новое назначение» А. А. Бек, «Белые одежды» В. Д. Дудинцев, «Васька» С. П. Антонов. Вошли в литературный обиход сочинения эмигрантов первой волны – И. С. Шмелева, А. М. Ремизова, М. А. Алданова, Г. И. Газданова, романы В. В. Набокова, поэзия русского «серебряного века». Достоянием читателей стали крупнейшие произведения зарубежной модернистской прозы – Д. Джойса, У. Эко, Х.-Л. Борхеса, социальная сатира «1984» Дж. Оруэлла и т.д.

Все это несравнимо раздвинуло горизонты литературы, изменило вкупе с прозой российского постмодернизма литературный климат. Тиражи «толстых» литературно-художественных журналов выросли во много раз: «Новый мир» – до двух с половиной миллионов, «Знамя» – до миллиона и т.д. Народ торопился насытиться богатством отечественной литературы во всем ее объеме. Литература стала действительно свободной. Это наложило на нее большую ответственность, но и породило немалые трудности. Исчез такой всегда сладостный дух запрета, потаенности, рассосался, свершив свое, «сам-» и «тамиздат», и все увидели тщету и суетность, сиюминутность большинства произведений. А самое главное, литература потеряла столь необходимые ей надежные идейные ориентиры как «социализма с человеческим лицом», так и исконной народной духовности и оказалась в своеобразной идейной невесомости.

Литературу обгоняла более быстрая и острая публицистика Н. П. Шмелева, Ю. Ф. Карякина, Ю. Д. Черниченко. Огромный интерес вызывало издание мемуаров и документов из ранее закрытых архивов: «Окаянные дни» И. А. Бунина, «Несвоевременные мысли» А. М. Горького, «Курсив мой» Н. Н. Берберовой и множество других ценнейших свидетельств минувшей эпохи.

Среди писателей усилились воззрения, запальчиво отвергавшие учительскую роль литературы, сводившие ее значение лишь к самовыражению художника, понятному только избранному узкому кругу. Резко выступая против идеологии и традиций «шестидесятнической» литературы, молодые литераторы торопились противопоставить ей постмодернизм с его замкнутостью на



А. Н. Рыбаков

себя, с его лозунгами: «мир как текст», литература – «это игра», «одиночество самораспятия».

Распространившаяся в начале 90-х гг. «чернуха» Л. С. Петрушевской и других была вызвана не столько интересом к «остренькому», сколько неприятием утверждавшегося в окружающей реальности торжества «чистогана», мздоимства, беззастенчивости. В экономической жизни может главенствовать рынок, рыночники, удачливые предприниматели и купцы, но истинная литература никогда не поэтизировала и вряд ли способна по своему духу поэтизировать таких «победителей». Вслед за русскими классиками она будет проникнута состраданием к бедным, но честным, сирым, но отрешенным от азарта наживы. Только на пути утверждения гуманистических ценностей, «милости к падшим», протеста против эгоизма возможен сегодня новый подъем литературы – нашего духовного национального богатства.

4. ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО И АРХИТЕКТУРА

В годы войны строительство в Москве не прекращалось: возводились станции метро, другие сооружения. В 1944 г. из действующей армии были отозваны все московские архитекторы. Началась работа над новым Генеральным планом развития столицы. В 1947 г. было принято решение о сооружении в Москве нескольких высотных зданий, которые задумывались как опорные точки будущего единого архитектурного пространства города.

Их строительству предшествовали встречи архитекторов с И. В. Сталиным в 1946 и 1947 гг., конкурс и обсуждение проектов в Совете Министров в 1947 г., торжественная закладка высотных зданий в день празднования 800-летия Москвы и выдвижение всех авторов победивших проектов в марте 1949 г. на соискание Государственной премии[32].

Ажурный комплекс зданий МГУ на Ленинских (ныне Воробьевых) горах открывает этот ряд высотных сооружений. Он определил главное направление развития города – на юго-запад от центра, подчинил себе перспективы вдоль Москвы-реки в сторону от Кремля и стал ориентиром при подъезде к столице со стороны Варшавского, Калужского, Можайского шоссе. Университет, построенный в 1948–1953 гг., занимает господствующую точку в топографии города (75 м выше уровня Москвы-реки), кроме того, шпиль, поднявшийся на 310 м, издалека виден при подъезде к Москве. В конкурсе 1947 г. победил проект здания университета, предложенный архитектором Б. М. Иофаном (автор самого известного советского довоенного архитектурного проекта – здания Дома Советов в Москве). Но вскоре Иофан от строительства был отстранен, его проект передали Л. В. Рудневу, который в конкурсе вообще не участвовал. Последний переписал чертежи на свое имя, заменил авторскую группу, а в 1949 г. новый коллектив архитекторов и инженеров за проект московского Университета получил Государственную премию.

За 10 лет, с 1948 по 1957 г., были построены и другие «высотки»: жилой дом на Котельнической набережной (архитекторы Д. Н. Чечулин, А. К. Ростковский), жилой дом на Кудринской площади (архитекторы М. В. Посохин и А. А. Мндоянц), гостиница «Ленинградская» на Комсомольской площади (архитекторы Л. М. Поляков, А. Б. Борецкий), гостиница «Украина» на Кутузовском проспекте (архитектор А. Г. Мордвинов), административное и жилое здание на площади Красные ворота (архитекторы А. Н. Душкин, Б. С. Мезенцев), здание Министерства иностранных дел на Смоленской площади (архитекторы В. Г. Гельфрейх, М. А. Минкус).

Высотные здания Москвы стали задавать тон всему новому строительству, тянули город в высоту. Критика заговорила о «триумфе вертикальных композиций», выражающих «раскрепощение могучих сил». У нового стиля нашлись последователи и в других городах.

Вместе со строительством высотных домов продолжалась работа проектировщиков над созданием крупных панелей, чтобы широким фронтом перейти к индустриальному домостроению.

Первый многоэтажный крупнопанельный дом в Москве был сооружен в 1947–1948 гг. на Соколиной горе (архитекторы В. Богомолов, А. Фукин). В 1948–1951 гг. на Хорошевском шоссе возник целый квартал таких домов (архитекторы М. В. Посохин, А. А. Мндоянц), в 1954–1956 гг. тот же авторский коллектив построил пять шести-восьмиэтажных крупнопанельных зданий в районе Песчаных улиц. Тема крупнопанельного домостроения настойчиво входила в профессиональную жизнь московских зодчих.

В начале 50-х гг. на проспекте Мира был возведен жилой дом – оригинальное масштабное здание старейшины советских архитекторов И. В. Жолтовского. Этот и еще два дома, на Ленинском проспекте и Смоленской площади, стали последними творениями 90-летнего мастера.

Перемены, происшедшие в стране после смерти Сталина, по-своему отразились и на практике градостроительства. О перспективах развития Москвы дискутировали две группы архитекторов. Одни считали, что Москва должна

[32] ЦАОДМ. Ф.3. Оп.119. Д.6. Л.2.

Высотное здание МГУ на Ленинских горах

Вид на Кутузовский проспект и гостиницу «Украина»

стать столицей коммунизма, городом, достойным его жителей – победителей в минувшей войне, а потому – величественным, красивым и удобным для жизни. Другие указывали на страшные потери страны в войне, бедность и отсутствие кредитов и предлагали побыстрее переселить москвичей из бараков и подвалов в новые дома. У сторонников и той, и другой точки зрения были свои резоны и, главное, свои «покровители» на самом верху. Известно, что Н. С. Хрущев был в числе первых, кто отстаивал идею дешевого жилья. Его позиция в конечном счете и решила тогда исход дела.

В речи, произнесенной в 1954 г. на совещании строителей и архитекторов, Хрущев подверг критике архитектуру сталинского периода за ее монументальность, «псевдогероику», не позволяющую ускорить индустриализацию строительных работ. Хрущев считал, что архитектура должна прежде всего учитывать социальные потребности, а потому быть более рациональной, простой, лишенной бесполезной, с его точки зрения, декоративности.

Еще одна атака на «сталинскую архитектурную школу» была предпринята в 1955 г. в статье, появившейся за подписью Хрущева и Булганина в связи со II съездом архитекторов. В ней в резкой форме осуждалась архитектура «свадебных тортов» – украшательство в жилищном строительстве и следовал призыв к борьбе с излишествами такого рода. Позднее было издано постановление по этому вопросу[33].

Началась эпоха типового строительства: быстро возводились полносборные пятиэтажные дома, а время индивидуальных проектов жилой застройки уходило в прошлое. Массовое распространение пятиэтажек позволило снять остроту жилищной проблемы в городе, но архитектурный облик столицы вместе с насаждением типовых «коробок» изменился отнюдь не в лучшую сторону.

В годы четвертой пятилетки (1946–1950) по индивидуальным проектам И. В. Жолтовского, А. К. Бурова, А. Г. Мордвинова, И. А. Голосова и других архитекторов было построено жилых домов общей площадью 2,3 млн. кв. м. В народе их до сих пор называют «сталинскими». Они планировались по всем архитектурным канонам: на одном гектаре застройки 25% пространства занимает жилой дом, 75% – двор с детскими и спортивными площадками[34]. Квартиры в этих домах имеют просторную кухню, большую прихожую, вспомогательные помещения, высота потолка – 3 м 20 см. В начале 50-х гг. в Москве

[33] КПСС в резолюциях... 7-е изд. М., 1960. Ч.4. С.112–122.

[34] ЦАОДМ. Ф.3. Оп.137. Д.152. Л.5.

начался переход на индустриальные методы строительства, появились краны, транспортеры, стала шире применяться техника, новая технология, и за 1951–1955 гг. было построено в три раза больше жилья (7,5 млн. кв. м), чем в предшествующие годы. Но даже такие темпы не могли решить жилищной проблемы.

В то же время только за три года – с 1956 по 1958 г., когда полностью все строительство в городе было переведено на крупноблочное, удалось ввести в строй жилых домов общей площадью 9,7 млн. кв. м. Они были построены по проектам архитекторов М. Артемьева, Б. Браиловского, С. Ханина, инженера В. Логутенко и др. Квартиры в таких домах с проходной комнатой, мизерной кухней, без прихожей, с совмещенным санузлом. Высота потолков – 2 м 50 см.

В начале 1960-х гг. границы города были раздвинуты вплоть до кольцевой автодороги. В это же время началась реконструкция проспекта Калинина на отрезке между Арбатской площадью и Садовым кольцом, осуществленная по проекту группы архитекторов во главе с М. В. Посохиным. Главная идея реконструкции – связать Центр города с Кутузовским проспектом и Можайским шоссе. Были проведены широкомасштабные работы на Арбате (по сути, он был разрушен)[35] и возведен современный комплекс: пять жилых домов-башен поставлены напротив зданий – «открытых книг», предназначенных для министерств и связанных почти километровой стеклянной галереей, где размещены магазины, кафе и рестораны.

Такое вторжение, контрастирующее с масштабом окружения, конечно, вносило разнообразие в его панораму, но вряд ли было оправдано. Новый Арбат вызвал немалые споры и получил устойчивое и меткое прозвище «вставные челюсти Москвы».

В 1967 г. в новоарбатский строй встал кинотеатр «Октябрь», а у Москвы-

[35] Подробно об этом см. гл. XI.

Здание СЭВ (ныне Московская мэрия)

Телевизионная башня в Останкине

реки, напротив гостиницы «Украина», в 1964–1968 гг. по проекту М. В. Посохина, А. А. Мндоянца и В. Я. Свирского было возведено здание Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ) – еще одна «открытая книга» в сторону города.

Новый спортивный комплекс в Лужниках строился в 1954–1956 гг. по проекту группы архитекторов под руководством А. В. Власова, И. Е. Рожина, Н. Н. Улласа. За фантастически короткий срок, 16 месяцев, была осушена немалая (87 га) площадь, расширен парк и построена главная спортивная арена Москвы – «Лужники».

В 1960 г. на севере Москвы, рядом с ВДНХ было начато строительство крупнейшего в Европе телевизионного центра, завершенное в 1967 г. Он включал в себя здание телестудий в виде параллелепипеда (архитекторы Л. И. Баталов, В. В. Жаров и др.) и телевизионную башню высотой 539 м – дерзкую по смелости и невиданную до этого в мире конструкцию инженера Н. В. Никитина и архитекторов Л. И. Баталова и И. Д. Бурдина.

Весьма удачным сооружением считают специалисты, да и жители столицы появившийся в 1958–1962 гг. Дворец пионеров и школьников на Ленинских горах (архитекторы И. А. Покровский, Ф. А. Новиков, В. С. Егерев, В. С. Кубасов и др.). Масштаб горизонтальных, связанных между собой зданий соотнесен с потребностями детей, а интерьер каждого гармонирует с окружающей средой.

В 1964 г. вблизи ВДНХ взметнулся монумент из титана, посвященный покорителям Космоса,– проект М. О. Барща и А. Н. Колчина.

По прошествии времени нельзя сказать, что все, построенное в те годы, было удачным и украсило столицу. И здание Кремлевского Дворца съездов, бесцеремонно вторгшееся в архитектурный ансамбль Кремля, и нависшая над Москвой-рекой глыба гостиницы «Россия», и безликая гостиница «Интурист» у самой Красной площади выглядят чужеродными элементами, нарушающими гармонию общего ансамбля исторического центра Москвы.

К концу 60-х гг. получила развитие застройка города, контролируемая пространственно и более органично увязанная с окружающей средой. Интересен в этом ряду был проект, предложенный группой архитекторов во главе с В. В. Лебедевым при строительстве жилых зданий в Вешняках-Владычино, начатом в 1969 г. Тут было удачно учтено соседство с дворцом конца XVIII в. и парком «Кусково». Для огромного жилого комплекса проектировщики разработали систему закрытых дворов, вокруг которых группировались жилые строения.

Новое строительное решение было использовано при возведении двух экспериментальных домов на Звездном бульваре и на Земляном валу (1965 г., архитектор З. М. Розенфельд). Необычно по замыслу здание большого жилого дома на проспекте Мира, 184 (архитекторы В. С. Андреев и П. Г. Заикин). Его громада облегчена пилонами и сетью балконов, расположенных в шахматном порядке. В конце 60-х гг. был построен «круглый дом» в Матвеевском, а споры о его архитектурных достоинствах и недостатках не утихли до сих пор. Среди наиболее удачных жилых построек этого времени специалисты считают 17-этажные дома на Ленинском проспекте (архитекторы Я. Б. Белопольский, В. Н. Датюк, Р. Г. Кананин, А. Г. Рочегов).

Жилой дом на проспекте Мира

В 70–80-е гг. в Москве появилось несколько оригинальных по архитектуре сооружений: здание ТАСС у Никитских ворот с окнами, напоминающими экран телевизора (1977 г., главный архитектор В. С. Егерев), здание Агентства печати «Новости» – длинный, в два уровня параллелепипед простой и строгой формы (1977–1980 гг., архитекторы проекта И. М. Виноградский, В. К. Антонов, А. С. Дубровский, В. М. Орлов и др.).

Нужно сказать, что функционализм прочно освоился в Москве при строительстве больших исследовательских центров: Онкологического научного центра им. Н. Н. Блохина Российской Академии медицинских наук (1972–1979), спроектированного И. М. Виноградским, В. М. Орловым, В. К. Антоновым, и Кардиологического центра, построенного целиком из сборных элементов (1974–1981) по проекту И. М. Виноградского в соавторстве с Я. Д. Мухамедхановым, М. В. Крышталем, В. К. Легошиным.

Поиск архитектурных решений давал интересные результаты. Особенно это

Здание Детского музыкального театра

Цирк на проспекте Вернадского

сказалось на проектах некоторых театральных зданий. Достроено было здание Центрального театра кукол (сейчас Центральный театр кукол им. С. В. Образцова) на Садовой-Самотечной улице, начатое еще в 30-е гг. (автор Ю. Н. Шевердяев и др.). Уникальные часы с заводными куклами, установленные на фасаде здания, изготовил скульптор Д. П. Шаховской.

Весьма своеобразны здания других театров, построенных в 70-е гг.: новое здание Московского Художественного академического театра (архитекторы В. С. Кубасов и В. С. Ульяшов), Детский музыкальный театр (архитекторы В. Д. Красильников и А. А. Великанов).

По проекту Я. Б. Белопольского и Е. П. Вулыха в 1971 г. было сооружено просторное здание нового цирка на проспекте Вернадского. В 1980 г. завершилось строительство Театра зверей – Уголка им. В. Л. Дурова (руководитель Г. Е. Саевич с группой архитекторов).

Целый комплекс новых спортивных сооружений и квартал жилой застройки – Олимпийская деревня – появились в Москве в связи с проведением в 1980 г. XXII Олимпийских игр (руководитель проекта Е. Н. Стамо).

Жилищное строительство в 70-е гг. шло с большим размахом, вследствие которого возникли проблемы обустройства новых зон и их связи с Центром города. Новые жилые массивы рисковали превратиться в большие спальные районы. С целью хотя бы частичного исправления ситуации проектировались более дробные микрорайоны, одновременно принимались меры по улучшению их обслуживания.

Опытным полигоном, с которого в массовое жилищное строительство Москвы входили многие новые модели зданий, стал экспериментальный район Тропарево, занимающий живописную территорию между Ленинским проспектом и проспектом Вернадского.

В 80-е гг. развернулось строительство домов на основе композиционных объемно-планировочных элементов (КОПЭ) архитекторов А. Г. Рочегова и М. Н. Былинкина, что позволяло радикально решать проблему разнообразия и индивидуализации комплексов жилой застройки. Первый такой комплекс по системе КОПЭ был построен в 1983 г. Это жилой квартал на улице Архитектора Власова, близ старинного Воронцовского парка. Здесь на площади 17 га был создан микрорайон, рассчитанный на 10 тыс. жителей. Его корпуса, имеющие 18–22 этажа, образуют систему прямоугольных двориков. По сути, наше жилищное строительство вернулось к практике создания многофункциональных построек, где первые этажи, неудобные для жилья, заняты предприятиями обслуживания.

В сентябре 1995 г. в отреставрированных Белых палатах на Пречистенке состоялась встреча руководства города с общественностью столицы. Обсуждался один вопрос: что строить в Москве? Оценку целой исторической эпохе дал руководитель департамента строительства В. И. Ресин: «Сегодня мы получили безликую Москву с 36 миллионами квадратных метров пятиэтажек, из которых 20 миллионов надо сносить. Мы получили разрушенный Центр города, разрушенные церкви. Везде в этом деле бал правили не архитекторы, а строительный комплекс и партийные работники. Здесь архитекторы как профессионалы в меньшей степени несут ответственность за все, что произошло, хотя, конечно, тоже приспосабливались».

В Москве начался настоящий строительный «бум». Появившиеся сотни фирм строили свои офисы, банки, гостиницы. Многие здания переделывались, этажи наращивались, все древнее сносилось.

Правительство Москвы поспешило утвердить градостроительный Устав сто-

лицы. Он регламентировал реставрационные работы, запрещал самовольные перестройки, но краны стояли уже на многих улицах и в переулках Центра. Тогда был разработан Генеральный план развития крупнейшего мегаполиса России, тем более что Москва приближалась тогда к своему 850-летию.

У архитекторов столицы большие планы. Предполагается по-новому сформировать площади Садового кольца – Триумфальную, Курского вокзала, Таганскую, Павелецкого вокзала, Серпуховскую. Современное звучание обретет ансамбль площади Тверской заставы с транспортной развязкой. Само Садовое кольцо, которое несет основную транспортную нагрузку города, будет реконструироваться, как только полностью войдет в строй десятиполосная МКАД.

Есть проекты спрятать под землю транспортные артерии, не говоря уже о создании подземных многоярусных паркингов. Например, Тверская видится архитекторам подземной многоярусной улицей. А Новый Арбат превратится в пешеходную зону.

Конечная цель обновления Центра – придать этой территории в пределах Камер-Коллежского вала статус памятника градостроительству.

Простор для архитектурного творчества предоставляют промышленные зоны в Москве. Они занимают 16% городской территории, и половину из них можно освободить для градостроительных целей.

Каким будет наш город? Судя по тому, как интенсивно ведется реконструкция Центра, он будет преобразован. Архитекторы утверждают, что в лучшую сторону.

5. СТУПЕНИ ОВЛАДЕНИЯ НАСЛЕДИЕМ

Общий патриотический подъем, охвативший страну после Победы, возродил интерес к историческому наследию. В 1947 и 1948 гг. появились постановления Совета Министров РСФСР об охране памятников культуры, были созданы Российское и Московское управления охраны исторических и археологических памятников. Ответственность за охрану памятников в столице была возложена на Исполком Моссовета. Новый импульс работе по охране культурного наследия придали юбилейные торжества по поводу 800-летия основания Москвы.

Позднее принималось немало правильных и весьма прогрессивных решений, призванных сохранить исторический облик города. Но, во-первых, эти решения не всегда подкреплялись практикой, а во-вторых, остаточный принцип финансирования культуры во многом сводил на нет хорошие начинания. Поэтому общественности Москвы все время приходилось оставаться в состоянии борьбы за охрану памятников.

Общественно-жилой комплекс «Парк-Плейс» на Юго-Западе Москвы

Ф. Е. Вишневский

Портрет князя С. М. Голицына. Художник В. А. Тропинин. После 1828 г. Музей В. А. Тропинина и московских художников его времени

Знаменательны в этом отношении 1960-е гг., когда московская общественность добилась немалого. Этому предшествовали ее безуспешные попытки помешать строительству гостиничного гиганта в Зарядье, приведшему практически к утрате этой древнейшей части города. Тогда в Московском отделении Союза художников (МОСХ) состоялось первое собрание общественности по охране памятников с участием известных искусствоведов М. В. Алпатова, Н. Н. Воронина, М. А. Деминой и др. Все творческие союзы Москвы образовали комиссии и группы такого же направления[36]. Общие усилия увенчались созданием добровольного Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК). Учредительную конференцию Московского отделения общества 17 февраля 1966 г. открыл художник П. Д. Корин. Несколько месяцев спустя в «Комсомольской правде» (27 июля) появилась его статья «Как гражданин России» – страстный призыв сохранить историческую Москву, отвести угрозу от Кадашей, Китайгородской стены, Бородинского поля, церкви Рождества в Старом Симонове. Корин писал: «Создано общество охраны, но до тех пор, пока все наши люди, и особенно молодежь, не поймут, что памятники старины – свидетели героической истории, носители духовного начала, создания большого искусства, пока каждый человек не научится радоваться им – мы не можем считать задачу решенной».

У истоков этого поистине всенародного движения (более 20 млн. человек входили в ВООПИиК, в Москве в 1980-е гг. насчитывалось более полумиллиона членов) стояли ученые – ректор Московского университета И. Г. Петровский, академики Б. А. Рыбаков и И. В. Петрянов-Соколов, писатели Л. М. Леонов и В. А. Солоухин, художники П. Д. Корин и А. А. Пластов.

Общество в Москве добилось законодательного права согласования с ним сноса или изменения статуса недвижимых памятников, постановки на охрану около одной тысячи памятников истории и культуры, организации с 1967 г. выездных молодежных отрядов в помощь реставраторам (инициаторами тут были студенты физического факультета МГУ).

В 1966 г. открылись для посещений музеи Кремля, в следующем году – выставка Алмазного фонда СССР. В 1969 г. коллекционер Ф. Е. Вишневский стал основателем Музея В. А. Тропинина и московских художников его времени. До этого он был «главным собирателем», консультантом формировавшегося почти на пустом месте Музея А. С. Пушкина. Первым из коллекционеров Вишневский добился постановки на охрану своей художественной коллекции, подарил ее Москве вместе с собственным домом в Замоскворечье и в 1971 г. открыл для города новый прекрасный музей[37].

В том же году на Большой Пироговской был создан Музей-квартира П. Д. Корина с крупнейшим собранием древнерусских икон и полотнами самого художника, в том числе с историческим циклом картин «Уходящая Русь», запечатлевших характерные типы московского монашества и священнослужителей 20-х гг.

В 1960–1970-е гг. было организовано несколько этапных выставок живописи, акварели, прикладного искусства, которые открыли москвичам неведомые ранее богатства национальной культуры.

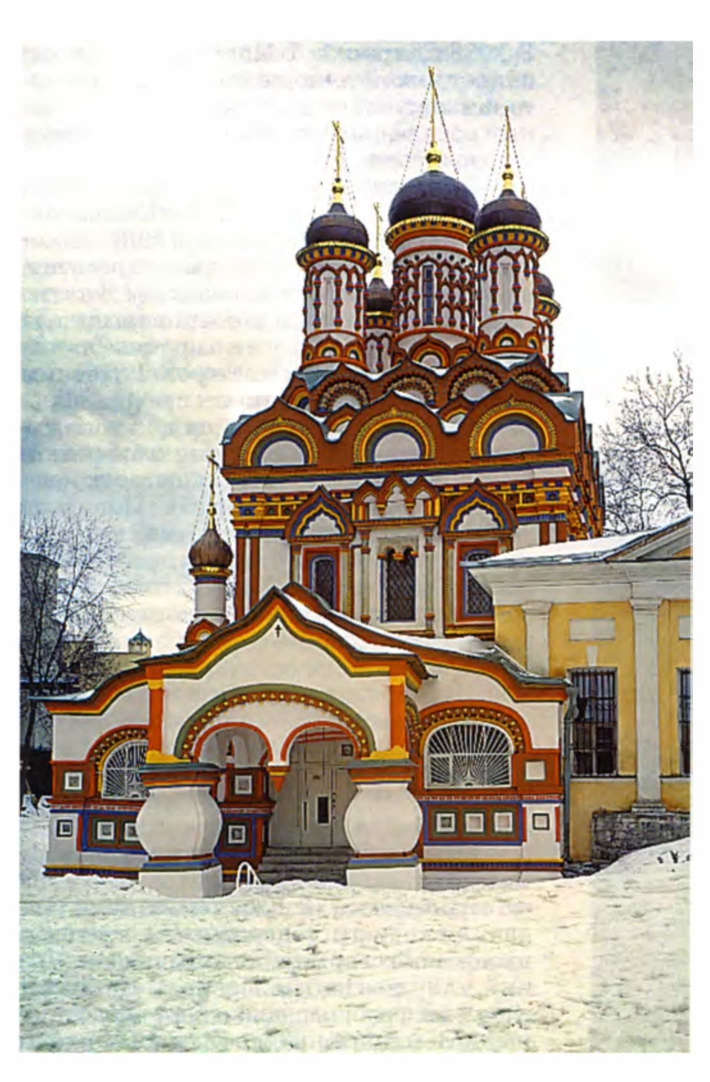
[36] *Рожнова К.А.* Они были первыми // Памятники Отечества. 1988. № 18. С.7–14.

[37] *Кропивницкая Г.* Основатель музея // Наше наследие. 1989. № 1. С.48–56.

В 1969 г. Третьяковская галерея впервые познакомила со всем творчеством А. П. Антропова – замечательного портретиста XVIII в. Открытием стал и показ в 1975 г. неизвестных и забытых портретов XVIII – первой половины XIX в., а также русского акварельного и карандашного портрета первой половины XIX в. Огромный диапазон портретного жанра в русской живописи дополнила в 1976 г. выставка 900 автопортретов из 50 музеев страны. И конечно, откровением для москвичей советского поколения явилась выставка «Живопись домонгольской Руси», на которой экспонировались уникальные образцы иконописи, мозаики, фрески, шитья. Если добавить, что все выставки сопровождались научными конференциями, а также выпуском прекрасно иллюстрированных изданий или каталогов, то можно представить, какой огромный пласт русского искусства стал достоянием культуры и исторической памяти москвичей.

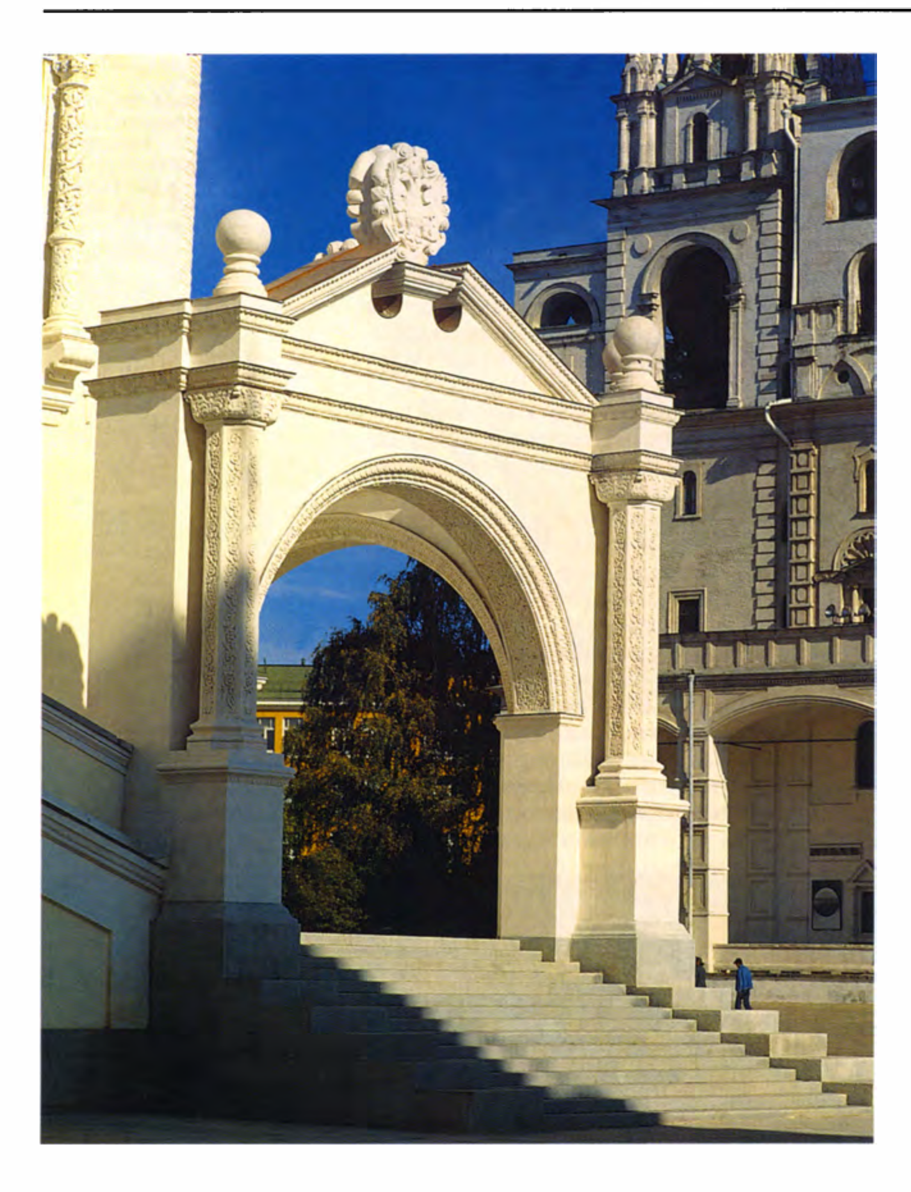
Однако эти отрадные явления не изменили, к сожалению, принципиального отношения властей к проблемам культуры и культурного наследия. Многие инициативы общественности уходили «в песок», не находя понимания в министерских кабинетах. Двадцать лет общественность требовала выселить из церкви Большое Вознесение, где венчался А. С. Пушкин, рядовую контору и организовать там концертный зал; о том, чтобы сделать церковь действующей, в то время не могло быть и речи. Десять лет боролись за открытие в Москве Музея декабристов, шестнадцать лет – за восстановление памятного места захоронения героев Куликовской битвы Осляби и Пересвета в церкви Рождества в Старом Симонове (там работал компрессорный цех завода «Динамо»). Без внимания оставались тревожные сигналы о критическом состоянии зданий практически всех главных культурных центров Москвы: консерватории, Большого, Малого и Художественного театров, Дома Пашкова, Исторического музея – ведь все они были построены в XIX в. (а то и раньше) и требовали реконструкции.

Перемены пришли вместе с общим политическим изменением курса страны, когда, в частности, была провозглашена ориентация на общечеловеческие культурные ценности. Время гласности предоставило возможность открыто



Храм Николы на Берсеневке. XVII в.

Никольский собор и патриаршие кельи Николо-Перервинского монастыря. XVII в.



Красное крыльцо Грановитой палаты. 1491 г. Разобрано в начале 1930-х гг., воссоздано в 1994 г.

говорить об ошибках и просчетах прошлого, об утратах Москвы. Эта тема поднималась на страницах печати, в средствах массовой информации, звучала с научных кафедр и на общественных митингах. В 1986 г. газета «Советская культура» ввела рубрику «О Москве с надеждой и любовью». Одним из первых на страницах газеты выступил Ю. М. Нагибин, затем последовали статьи художника Е. И. Куманькова в «Правде», писателя Л. М. Леонова, беседы с известными деятелями культуры – москвичами в телестудии Останкино.

Сконцентрировать внимание на проблемах культурного наследия помогло создание 12 ноября 1986 г. Советского фонда культуры во главе с Д. С. Лихачевым. Это был новый тип общественного объединения с широкой и четкой структурой во всех республиках, а также в Москве и Ленинграде. Его главную цель выражал девиз: «Сохранять, осваивать, приумножать», свидетельствовавший о понимании ценности наследия и основных направлений его освоения.

В какой же мере отвечала надеждам, прогнозам, пожеланиям общественности культурная жизнь Москвы 80–90-х гг.? Возвращение забытых или отринутых имен – вот самая характерная ее черта.

Вновь засияло над Москвой созвездие имен замечательных русских философов начала XX в.– к нам вернулись книги живших здесь и высланных в 1922 г. Н. А. Бердяева, И. А. Ильина, Н. О. Лосского, Л. П. Карсавина, С. Л. Франка. Российским фондом культуры было восстановлено наследие священника и ученого-естествоиспытателя Павла Флоренского, погибшего в сталинских лагерях.

Изменение отношения государства к церкви повлекло за собой разительные перемены в жизни Москвы. Начиная с 1980-х гг. открылось более 260 храмов, Свято-Данилов и другие монастыри, которые постепенно восстанавливают историю и духовные традиции православной Москвы. В 1990 г. зазвучали вновь московские колокола, а ученые, создав Колокольную ассоциацию, проводят научные конференции, помогая возродить давнее русское искусство звона.

Помимо церковных хоров возникли камерные светские ансамбли, исполняющие духовную музыку XVIII–XX вв. В 1988 г. прошел I Московский фестиваль русской духовной музыки, на котором звучали и древнерусские знаменные распевы, и сочинения современных композиторов[38].

С большим интересом восприняли москвичи выставки работ В. М. Васнецова (1991) и В. Д. Поленова (1993), на которых впервые были широко представлены картины на евангельские сюжеты. Любители живописи заново открыли для себя, казалось бы, уже хорошо известное творчество этих мастеров. Глубоким религиозным художником предстал Васнецов, воспринимавшийся до этого исключительно как художник былинно-сказочного жанра. Подлинным откровением явился цикл картин Поленова «Жизнь Христа», с которым благодаря телевизионным передачам, посвященным этой выставке, познакомилась и многочисленная телеаудитория. Стали доступны знаменитые фресковые росписи М. В. Нестерова в храме Покрова Марфо-Мариинской обители и выполненное им мозаичное изображение Спаса Нерукотворного над западным входом в обитель, а также иконописные работы М. А. Врубеля из собрания вновь открывшейся Третьяковской галереи.

«Широка у нас летопись улиц» – эта московская пословица (точнее, ставшие ею строки поэта М. Дмитриева) наполнилась реальным содержанием вместе с процессом возвращения исконных названий улицам Центра Москвы. Начинался процесс робко, с появления вновь площади Земляного вала, улицы Остожен-

[38] *Бочаров Ю.* «Воспойте, людие...» // Наше наследие. 1989. № 1. С.47.

ки, Хамовнического вала, станции метро «Красные ворота» и Черемушкинского (а не Брежневского) района в 1989 г.

В августе 1994 г. Всероссийский центр изучения общественного мнения провел в 29 муниципальных округах столицы блиц-опрос с целью выявления мнений москвичей. Результаты его показали, что в целом москвичи согласились с идеей вернуть исторические названия центральной части города: «за» проголосовало 58%, «против» – 28%. 25 октября 1994 г. Правительство Москвы приняло постановление «О возвращении исторических наименований, присвоении новых наименований и переименованиях московских улиц», подтверждающее все произведенные в течение 1990–1993 гг. Президиумом Моссовета переименования более 150 улиц, переулков, площадей города.

Этим решением восстанавливалась историческая справедливость – возвращались две трети старых названий улиц в пределах Садового кольца, по существу, исторических памятников, рассказывающих об истории, географии, культуре города. И это было сделано не в ущерб Москве советской, ибо ее карта вмещает ныне около четырех тысяч улиц и переулков, в названиях которых отражены многие стороны жизни советского общества, в то время как возвращенные имена улиц составляют всего 3% от общего числа топонимических московских названий.

Помимо прежних названий московским улицам возвращался и их исторический облик. Благодаря усилиям реставраторов москвичи заново открыли для себя Остоженку и Тверскую, Никольскую и Моховую. Главное, десятки исторических зданий Москвы были спасены от разрушения.

В 1993 г. была утверждена скорректированная комплексная программа «Архитектурное наследие» по охране и использованию недвижимых памятников города до 2000 г. Особое внимание в программе обращалось на реконструкцию исторического Центра, в котором сосредоточено 65% из более чем трех тысяч памятников. К 850-летнему юбилею Москвы было намечено отреставрировать 800 памятников. В 1994 г. работы шли на 184 объектах. При этом новое состояло в том, что в роли основных подрядчиков, проводивших и финансировавших реконструктивные работы, впервые выступали не государственные, а коммерческие организации. Ими были к этому году завершены восстановление Красного крыльца Грановитой палаты Кремля, сооружение комплекса зданий Третьяковской галереи, реставрация гостиницы «Националь», продолжались работы по Дому Пашкова, Большому театру, Историческому музею.

Когда-то, перед первой мировой войной, в Москве проводились архитектурные конкурсы. В 1993 г. правительство столицы организовало конкурс на лучшую реконструкцию зданий в исторической части города. Победителями вышли, в частности, памятник архитектуры – купеческий особняк начала XX в. на Новокузнецкой улице, 40 (инвестор «ЛогоВАЗ»), корпуса каменных бань постройки 1891 г. в Театральном проезде, 3 (фирма «Империал»), здание на Волхонке, 14, где разместился Музей личных коллекций (заказчики – ГМИИ им. А. С. Пушкина и Министерство культуры). Отмечено премией было и воссоздание собора Казанской иконы Божией Матери – памятника в честь освобождения Москвы от поляков, поставленного Д. М. Пожарским на Красной площади в 1630–1636 гг. и снесенного в 1936 г.[39]

Добрые традиции и хорошие дела быстро приживаются и органично входят в жизнь города.

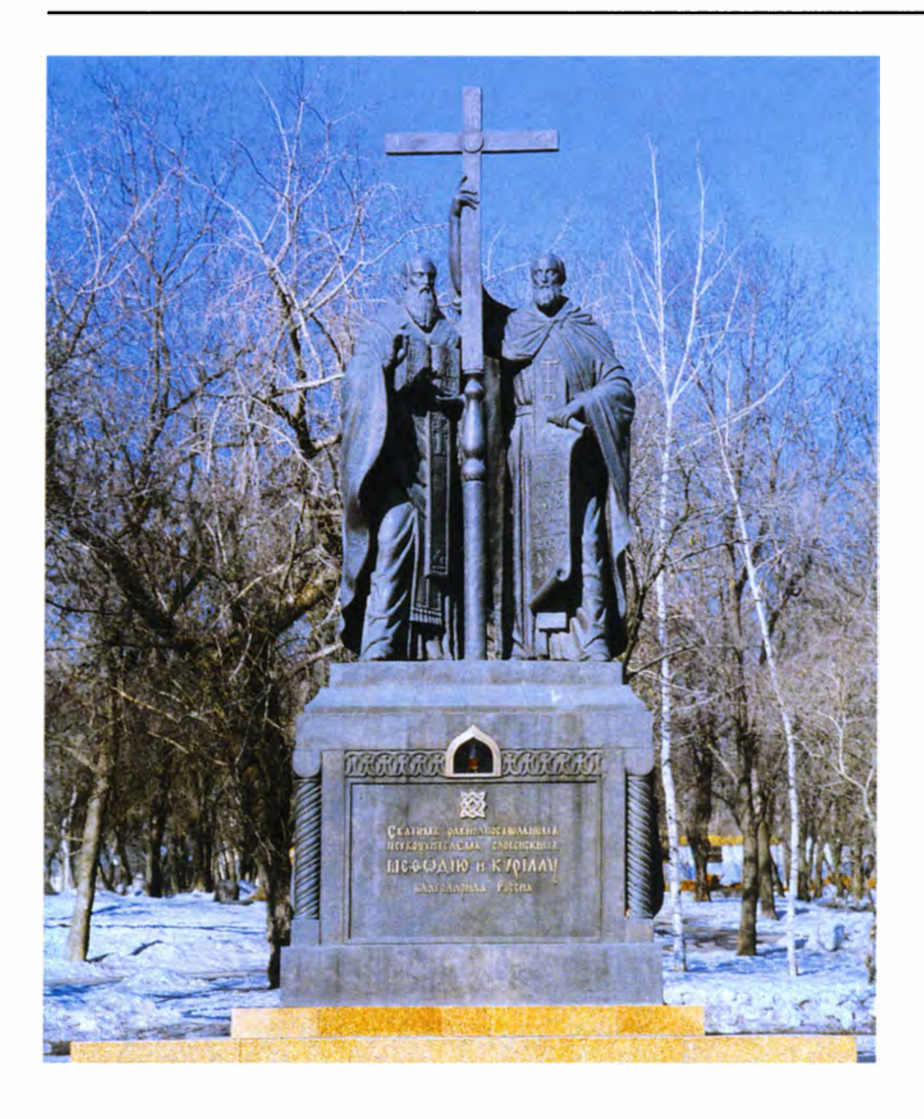
Сложная экономическая ситуация, конечно, создает трудности для сферы культуры, но она же и позволяет вновь обратиться к некоторым традициям сохранения культурного наследия.

Быстро набирает силу движение коллекционирования, одна из старейших форм сохранения многих видов культурного наследия.

В конце 1994 г. на Волхонке открылся Музей личных коллекций – это было знаменательное событие, сравнимое только с рождением Третьяковской галереи. Благодаря новому музею москвичи советских поколений впервые увидели собрание западной живописи С. М. Третьякова – дар городу одновременно с такой же акцией его брата. Собрание все эти десятилетия оставалось в тени и не выставлялось как цельная коллекция. Лучшего свидетельства того, что живы традиции собирательства и меценатства, чем

[39] Москва-1993: реконструкция, реставрация, воссоздание, строительство. Буклет. УГКОИПИК г. Москвы. 1994.

Музей личных коллекций



Памятник Кириллу и Мефодию на Славянской площади. Скульптор В. Клыков. 1992 г.

открытие подобного музея, трудно представить.

С 1988 г. журнал «Наше наследие» под рубрикой «Дар Фонду» и «У бескорыстия есть имена» начал публиковать материалы о дарителях. Фонд культуры ежегодно проводил выставки подаренных предметов, передавая затем их в государственные хранилища – Третьяковскую галерею, Музей изобразительных искусств и другие.

Как будто доброта ждала, чтобы ее востребовали,– таким широким потоком потекли пожертвования Фонду культуры дорогих людям вещей, целых коллекций из Москвы, России, из-за рубежа, в первую очередь от соотечественников. За первые пять лет Фонд получил 620 даров. Мать талантливой, но умершей совсем молодой художницы Нади Рушевой передала несколько тысяч ее рисунков; вдова и дочь Р. Р. Фалька подарили его картины; Т.А. Маврина для ГМИИ им. А. С. Пушкина передала 309 своих работ-иллюстраций к произведениям поэта; О. Г. Верейский подарил свыше 100 работ отца – художника Г. С. Верейского; В. Т. Спиваков в дар музею Армении передал картину К. А. Коровина; дар В. М. Клыкова – скульптура «Сергий Радонежский» была установлена в селе Радонеж в Подмосковье.

К делу возвращения наследия стали в последние годы приобщаться коммерческие структуры, которые приобретают на аукционах вещи, а затем демонстрируют их на выставках в Москве, как, например, «Альфа-банк».

Открылось «второе дыхание» у московской общественности, поскольку теперь можно было в полный голос говорить о культурном наследии, обсуждать проблемы его сохранения и пропаганды, вспоминать московские обычаи, традиции, предлагать формы их возрождения. Возникло много больших и малых обществ, клубов, землячеств, музыкальных и художественных салонов. Были созданы такие молодежные территориальные клубы, как «Лефортово», «Преображенец», «Немецкая слобода». Дворянское собрание, Купеческое собрание также ставили своей задачей возрождение традиций. Общими усилиями проводятся теперь в Москве и День города, и народные гулянья, и театрализованные действа, и благотворительные мероприятия. И наряду с этим – освящение важных построек и начинаний, крестные ходы по праздникам, родительские субботы.

В начале 90-х гг. на государственной охране состояло 2326 памятников Москвы, из них памятников архитектуры – 824, истории и культуры – 285, археологии – 117, монументального искусства – 187, садово-парковых ансамблей – 63. Кроме того, 2118 московских домов охранялись как часть архитектурного наследия[40]. В музеях, архивах и библиотеках города собраны богатейшие сокровища. В названиях московских улиц, как и в градостроительной структуре, и в самом московском пейзаже,– вековая история. История не только Москвы, история и культура России. Еще Н. М. Карамзин считал: «Кто был в Москве – тот знает Россию».

[40] Проблемы реконструкции исторического центра Москвы. М., 1994. С.3.

XIII

НЕОКОНЧЕННАЯ ГЛАВА: КРАХ СОЦИАЛИЗМА И ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ РЕФОРМ (1985–?)

1. МОСКОВСКАЯ ПЕРЕСТРОЙКА: ПЕРВЫЕ ШАГИ

История протолиберальных реформ в России, различного рода «оттепелей» и замыслы преобразований всей советской истории всегда были неразрывно связаны с Москвой.

Столица СССР и РСФСР, а ныне – Российской Федерации, 850-летняя Москва в перестроечные и реформистские годы второй половины 80-х и первой половины 90-х гг. стала не только генератором, но и демонстрационной площадкой для проверки на жизнеспособность новых идей общественного развития, независимо от их векторной направленности.

Особенность исторического отрезка времени, второй половины 80–90-х гг., для Москвы состоит в том, что подчас трудно развести важнейшие факты московской и российской истории, настолько оказались суженными до площади 900 кв. км и вместе с тем резонирующими на всю страну события, происходившие в эти годы в столице.

Московская общественность, население города оказывались свидетелями и участниками практически всех основных событий XX в. Властные органы столицы, как правило, выступали непосредственными исполнителями стратегического «замысла» своих союзных и федеральных коллег.

Правда, это отнюдь не исключало того, что у москвичей по многим вопросам была собственная оригинальная позиция и они могли оказать существенное влияние на позицию центральных ведомств страны.

Москва всегда была предметом особого внимания общероссийских властей, рассматривающих столицу как собственную вотчину, а московский лидер волей-неволей был не только удобным человеком для правящей верхушки, но и, как правило, ее представителем.

Сменившиеся с небывалой быстротой за неполные девять лет семь первых руководителей Москвы олицетворяли каждый собой целые микроисторические эпохи:

Виктор Гришин (1967–1985) – агония «советского застоя»;

Борис Ельцин (1985–1987) – «апрельский курс» социалистической модернизации и гласности, проводимый КПСС во главе с Михаилом Горбачевым;

Лев Зайков (1987–1989) – попытка умерить реформаторские преобразования, придать им более консервативно-технократический характер;

Юрий Прокофьев (1989–1991) – запоздалое стремление реформировать деятельность партийно-государственного руководства на основе новых (состязательных) политических технологий;

Гавриил Попов (1991–1992) – попытка реформаторского прорыва к западным схемам городского управления, построения нового («партнерского») типа взаимоотношений Москвы как региона с федеральным Центром;

Юрий Лужков (с июня 1992 г.) – восстановление роли российской столицы в качестве финансового центра России и действительного союзника и партнера федерального Центра в экономическом управлении страной.

Курс Михаила Горбачева на перестройку, породивший эпоху политического реформаторства в столице и появление в ней Бориса Ельцина в качестве московского лидера, был объявлен в Москве на апрельском пленуме ЦК КПСС в 1985 г.

Внешне официальная политическая жизнь Москвы весь «постапрельский период» 1985 г. ничем не отличалась от привычных стандартов и клише политической активности и хозяйственной деятельности. Функционировала, как и ранее, система комсомольской и партийной политучебы, проводились плановые партийные собрания, по-прежнему сохранялась жесткая позиция по отношению к правозащитному движению, столичные райкомы все так же занимались хозяйственными и социальными вопросами.

Москва в это время находилась под контролем одного из видных представителей брежневской партийной элиты, Виктора Гришина, грозы столичного истеблишмента и патрона московской номенклатуры.

Новому генеральному секретарю ЦК КПСС Михаилу Горбачеву, у которого были весьма напряженные отношения с московским лидером, крайне важно было политически завоевать столицу, привязать к своим кадровым и реформаторским новациям, сделать ее в конечном итоге передовой площадкой реформаторства. Перспектива использования кадровой, интеллектуальной и ресурсной базы Москвы для решения своих политических задач, и в первую очередь для давления на регионы СССР, в качестве пропагандистского и модельного образца – такова была настоятельная потребность Михаила Горбачева и группы его близких союзников в высшем государственном и политическом руководстве страны.

Начиная с лета 1985 г. в номенклатурных кулуарах все чаще отмечалась повышенная критика столицы и столичных дел. Все более нервничал Гришин, требуя от газет давать адекватную информацию и оценки деятельности столичных хозяйственных и партийных кругов, все чаще в райкомы шли «просьбы-требования» со стороны аппарата Московского горкома КПСС организовать показ достижений и передового опыта, дать отпор «критиканам».

24 декабря 1985 г. состоялся пленум Московского городского комитета КПСС, на котором выступил Горбачев, рекомендовавший для избрания на пост первого секретаря Бориса Ельцина, нового и малоизвестного в Москве секретаря ЦК КПСС по вопросам строительства, работавшего до этого первым секретарем Свердловского обкома.

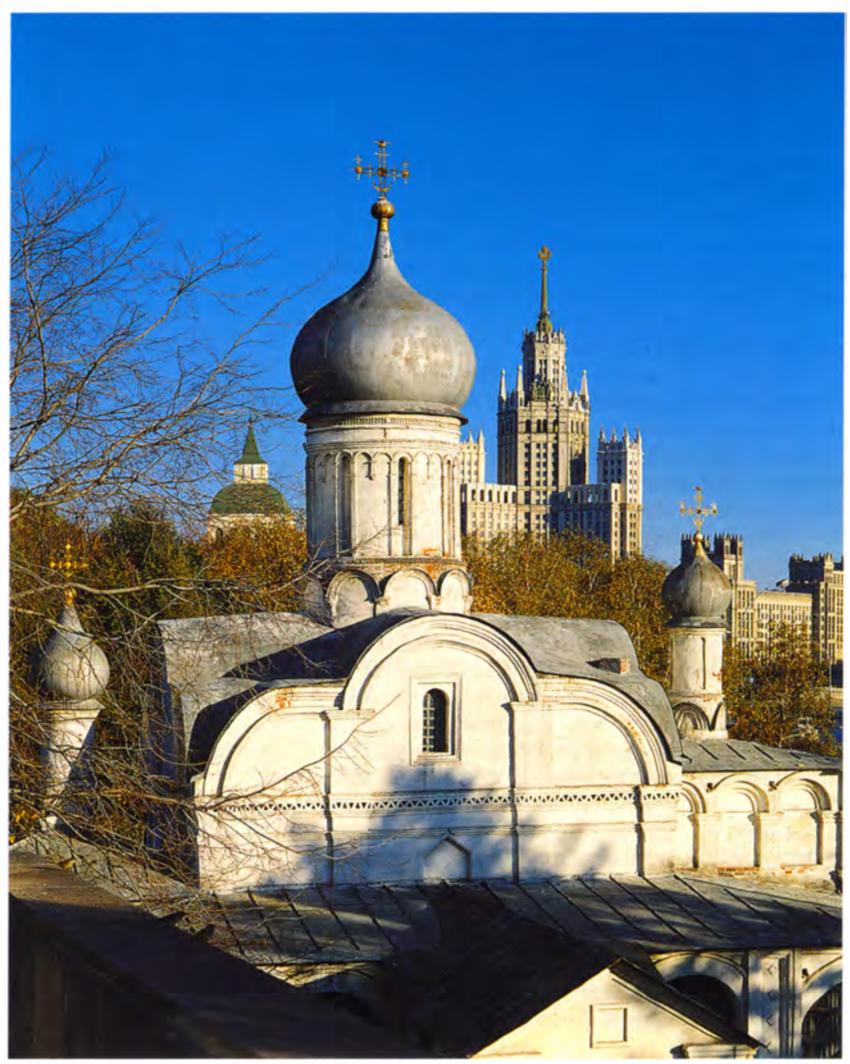
Назначение Бориса Ельцина на столь высокий в партии пост было предопределено необходимостью проведения кадровой «чистки» в городе. Для этого требовался довольно энергичный человек из российской провинции, имеющий опыт руководства как минимум областной парторганизацией, способный без особых комплексов разобраться с «гришинским кадровым заповедником» в Москве, основательно его «почистить» и сделать «своим» для генерального секретаря.

Не исключено, что вообще кадровые назначения в столице предполагалось производить при самом активном участии Орготдела ЦК, которым руководил главный кадровик партии – секретарь ЦК КПСС Егор Лигачев. Борис Ельцин, вспоминая заседание Политбюро 22 декабря 1985 г., на котором его рекомендовали для избрания руководителем столичной парторганизации, пишет: «Я был бы полезнее, работая секретарем ЦК. К тому же в Москве я не знаю хорошо кадры, мне будет очень трудно работать»[1].

Политическая разрядка для большинства партийных работников низового звена и тем более рядовых москвичей оказалась неожиданной. Гром грянул на XXVI отчетно-выборной конференции Московской городской парторганизации КПСС в феврале 1986 г., отчет о которой жители столицы прочитали в «Московской правде». Доклад Ельцина на конференции потряс московскую общественность жесткой и разоблачительной критикой деятельности Гришина и возглавляемой им Московской парторганизации. Этот номер газеты, за которым выстраивались огромные очереди, был мгновенно раскуплен в киосках, вовсю работали ксероксы, «по блату» тиражировавшие доклад Ельцина.

Речь нового Первого не только отличалась от партийной риторики, но и в значительной степени превосходила самые острые выступления Горбачева, а по образности и живости едва ли не стала примером самой яркой официальной партийной публицистики.

Церковь Зачатия Анны что в «углу» (начало XVI в.) и высотное здание на Котельнической набережной



[1] *Ельцин Б.* Исповедь на заданную тему. М., 1990. С.50.

Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев. 1980-е гг.

Б. Н. Ельцин. 1970-е гг.

Основные положения отчетного доклада Московского горкома партии сводились к нескольким пунктам:

– Москва – едва ли не один из основных рассадников политического застоя и рутины;

– в столичном руководстве господствовали все это время кланово-мафиозные отношения и коррупция;

– никаких успехов длительное время практически не было;

– Москва – самая закрытая зона для критики;

– Московская парторганизация в лице ее номенклатурных кадров погрязла в парадности и очковтирательстве, а сам аппарат оторвался от масс и в большей степени оказался занятым обустройством своего собственного благополучия.

Практически весь 1986 г. Ельцин производил смену кадров, занимающих ключевые посты. Так, Виктора Промыслова, председателя Мосгорисполкома, сменил генеральный директор Автозавода им. И. А. Лихачева Валерий Сайкин. Главой московской милиции стал досаафовский генерал Петр Богданов, прокурором – чисто ельцинский выдвиженец – Лев Баранов. На должность первого заместителя председателя Мосгорисполкома, руководителя продовольственного комплекса города пришел Юрий Лужков. Поменялись почти мгновенно руководители отделов горкома партии, что особенно важно, поскольку в традиционной модели власти в Москве именно они выступали главными координаторами всех сторон государственной и хозяйственной жизни столицы.

С весны 1986 г. началась мощная кадровая смена в районном звене и в Мосгорисполкоме. Она продолжалась почти год, в итоге сменилось 60% (23 из 33) первых секретарей райкомов. Самостоятельность Ельцина в кадровых вопросах уже в первые месяцы работы осложнила его отношения с Организационным отделом ЦК КПСС. Характерно, что именно в последующем основным оппонентом Ельцина оказался секретарь ЦК КПСС, курировавший работу Секретариата ЦК и кадровую политику, Егор Лигачев. За этим, очевидно, стояло несогласие Ельцина с позицией лигачевского орготдела в трактовке «кадровой переборки» в Москве, которую столь жестко вел Первый.

Все основные городские акции МГК и его лидера в 1986–1987 гг. были направлены на то, чтобы как можно быстрее заявить о возможности решения главных злободневных социальных проблем Москвы. Большую активность Ельцин придал реформированию московских средств массовой информации, поскольку именно они должны были поддерживать реформаторские усилия первого лица Москвы, формировать его имидж – активного «перестройщика» и политической звезды. Его личным детищем можно считать новый образ «Московской правды», московского радио и телевидения.

Второй проблемой, которой довольно активно занимались МГК КПСС и лично Ельцин, было решение вопроса о лимитчиках. Ему удалось добиться запрета на ввоз в город новой рабочей силы по лимиту, вследствие чего обострились

На площади Революции

отношения Первого с руководителями тех отраслей и предприятий столицы, которые непосредственно зависели от притока рабочих по организованному набору из иных городов. Вместе с тем этот шаг Ельцина получил поддержку коренных столичных жителей, в известной мере страдавших от перенапряжения социальной сферы города.

Третья проблема – попытка ликвидировать дефицит в московской торговле. Серия серьезных акций по пресечению деятельности целой подпольной системы перераспределения дефицитных продуктов и промышленных товаров привела к аресту около 800 человек и привлечению их к уголовной ответственности. Однако именно связь «московской торговой мафии» с высшими слоями союзного и республиканского руководства явилась причиной ожесточенного сопротивления этого слоя, а вместе с тем и серьезного недовольства политикой Ельцина в аппарате центральных ведомств. Уже в конце 1986 г. активность горкома партии в данном направлении была в значительной мере снижена.

Четвертая проблема – борьба с теневым бизнесом в сфере проституции, реализации спиртных напитков, наркомании. По инициативе Ельцина стали практиковаться постоянные ситуационные анализы обстановки в городе, которые представляли в горком руководители Главного управления внутренних дел и КГБ по Москве и Московской области. Наряду с этим развернулась мощная кампания по созданию Советов промышленных предприятий в помощь правоохранительным органам по наведению порядка в столице, проведению постоянных рейдов по трущобам, подвалам домов, дворам в ночное и вечернее время. Несколько месяцев Первый весьма активно занимался этими вопросами, однако со временем кампания затихла, поскольку Ельцина отвлекли иные проблемы.

Пятая проблема – городской транспорт. Горком принял программу ускоренного строительства станций метрополитена (ввод в действие четырех линий), открытия новых автобусных маршрутов и создания гибкого графика работы московских организаций и учреждений. Впервые рабочие стали ездить на работу к 7.30, служащие – к 9 часам и т.д.

Шестая проблема – определение предприятий, которые необходимо было удалить из Москвы, в первую очередь заводов и фабрик, загрязняющих атмосферу столицы. Сопротивление руководителей этих предприятий, составивших единую «антиельцинскую боевую корпорацию» вместе с руководителями отраслей, практически свело к нулю все усилия МГК КПСС и Ельцина в этом направлении. Такой же отпор со стороны чиновников и руководителей центральных органов власти СССР встретили действия Ельцина по выселению из Центра города многочисленных контор и иных объектов управления. Эта кампания проводилась им под флагом реконструкции Центра города, превращения его в заповедную, музейную и культурную зону.

В результате такое вторжение московского главы в сферу компетенции первых лиц государства привело к острому столкновению с аппаратом ЦК и практически всеми основными влиятельными ведомствами страны.

Едва ли не ежемесячно принимались городские программы (всего 26) по различным сторонам жизни города, которые намечалось реализовать в течение двух-трех лет. Однако необеспеченность программ материальными ресурсами и финансами приводила к тому, что они превращались в бумажные проекты, хотя и широко разрекламированные. Ельцин искал выход из положения, тогда и возникла идея об увеличении доли участия всех республик СССР и областей России в социальном обустройстве Москвы для выполнения ею столичных функций.

В результате на московского лидера ополчились региональные руководители, поскольку обеспечение Москвы всегда намного превышало периферийное, а ельцинская энергия создала угрозу еще большего использования ресурсов иных регионов СССР, нежели это было даже во времена Гришина. Попытки первого секретаря МГК КПСС привлекать к партийной ответственности заместителей министров как членов первичных партийных организаций и членов Московской городской организации КПСС, проработки, которые им устраи-

вались на заседаниях Мосгорисполкома (что было невиданно ранее), вызывали постоянное раздражение со стороны союзного и республиканского министерского корпуса, многих секретарей обкомов.

Столь неуемная энергия Ельцина все более и более задевала интересы высших руководителей государства. Желание помогать московскому партийному лидеру охладело довольно стремительно.

В общественной жизни Москвы между тем проходили большие перемены. Резко изменился характер журнальных публикаций, особенно после осени 1986 г., когда была провозглашена политика гласности. Проводником новой линии партии стал тогдашний член Политбюро ЦК КПСС Александр Яковлев. Эта инициатива «сверху» получила широкий отклик и в московских городских средствах массовой информации, и на страницах таких еженедельников, как «Огонек», «Московские новости». Расширение гласности в Москве в это время продемонстрировала публицистика московских толстых журналов – «Нового мира», «Знамени» и «Октября». Безусловно, все эти издания были ориентированы не только на московскую публику, но именно в Москве резонанс от журнального «бума» был особенно ощутим.

Существенным явлением политической жизни столицы в тот период стали появление в течение 1986–1987 гг. новой генерации неформальных сторонников перестройки и реформации и дальнейшая активизация их деятельности. Этих новых «протестантов» назвали «неформалами».

Появление в конце 1986 г. в Москве «неодиссидентского» по духу и клубного по форме организации движения социально-политической самодеятельности знаменовало собой рождение особого вида социальной активности населения.

Возникая как гражданские инициативы «снизу» под лозунгом поддержки перестройки, «неформальные» политизированные кружки и клубы представляли себя на политической сцене в роли союзников центрального политического руководства страны в борьбе против «бюрократического сопротивления реформам», особенно на местах и в ведомствах.

1987 год стал официальным годом рождения «неформального» общественно-политического движения, поскольку сам явился переломным в жизни страны и в ходе обновления общества, его «революционной перестройки», как тогда говорили. События, которые знаменовали легализацию общественно-политической самодеятельности, безусловно, связаны с началом клубной публичной работы ряда московских и ленинградских «неформальных» групп, в частности таких, как московский и ленинградский клубы «Перестройка», столичный Клуб социальных инициатив, историко-политический клуб «Община», семинар «Демократия и Гуманизм», возобновившее свою деятельность Свободное межпрофессиональное объединение трудящихся (СМОТ) и др.

К концу 1987 г. число таких «неформальных» групп в столице выросло в несколько раз, появились первые их объединения, наблюдался рост численности, хотя сами «неформалы» больше ориентировались не на массовый рост, а на привлечение отдельных интересных и активных личностей.

На фоне подобных процессов политическое положение московского лидера, «восходящей звезды перестройки», как именовали Бориса Ельцина в западных СМИ, уже с осени 1986 г. серьезно осложнилось. Все чаще его стали упрекать на Политбюро ЦК КПСС за излишнюю резкость, «слишком популистский стиль личного политического поведения». К моменту проведения январского (1987 г.) пленума ЦК КПСС, на котором были поставлены задачи изменения кадровой политики, Борис Ельцин вступил в конфликт с такими фигурами партийного руководства, как «второй человек» в КПСС Егор Лигачев и бывший глава российского правительства, а к тому времени руководитель Комитета партийного контроля Михаил Соломенцев. К началу весны 1987 г. первый секретарь Московской городской партийной организации оказался в политической и персональной изоляции в руководящих органах партии.

Садовая-Кудринская улица – часть Садового кольца

Автомобильный проезд в верхнем ярусе метромоста через Москву-реку, соединяющего Комсомольский проспект с проспектом Вернадского

Слухи о грозящей отставке Ельцина расползлись по столице. Активизировались «неформалы», которые начали устраивать в преддверии пленума МГК пикеты, вести агитацию с требованием сообщить о судьбе московского лидера, прекратить «информационный апартеид». Говорили о том, что на ряде московских заводов готовятся едва ли не забастовки в поддержку Ельцина. В последующем действительно были отмечены некоторые акции протеста среди студентов МГУ, а также прошло несколько партийных собраний, но отнюдь не на самых крупных заводах Москвы, где были приняты решения, выражающие несогласие с возможным освобождением Ельцина от должности.

Главную кадровую ситуацию в столице Горбачев разрешил после довольно долгих проволочек на пленуме МГК КПСС 12 ноября 1987 г., когда состоялись публичная политическая порка подавшего в отставку московского лидера и снятие его с должности первого секретаря Московского горкома КПСС (хотя после этого кандидатом в члены Политбюро Ельцин оставался еще в течение нескольких месяцев – до февральского пленума ЦК КПСС 1988 г.).

На место Ельцина был избран секретарь ЦК КПСС Лев Зайков, бывший секретарь Ленинградского обкома партии, курировавший в Политбюро и Секретариате ЦК вопросы военно-промышленной политики и ВПК. Выбор Горбачевым Зайкова был определен рядом обстоятельств: во-первых, опыт руководства партийной организацией, аналогичной московской («столичного типа»); во-вторых, авторитет среди промышленных директоров, что было необходимо московскому лидеру, поскольку столица являлась крупнейшим промышленным центром страны; в-третьих, по своим личным качествам Зайков не был столь жёсток и радикален, как Ельцин; в-четвертых, это был с самого начала прихода Горбачева к власти лояльный по отношению к нему человек, что после «ельцинской встряски» для Горбачева было немаловажно.

2. МОСКВА ДО И ПОСЛЕ ВЫБОРОВ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ СССР (НОЯБРЬ 1987-го – ИЮНЬ 1989 г.)

Приход к власти в Москве Льва Зайкова внешне прошел весьма спокойно во многом благодаря строгому исполнению им установки Горбачева на «бережное обращение с кадрами». Вместе с тем Зайков после весьма популярного и непредсказуемого Ельцина казался москвичам типичным советским партийным лидером без особых склонностей к неожиданностям и новациям.

По-иному воспринял Зайкова московский партийный актив, особенно в районном звене, подвергшемся наиболее жестким преследованиям со стороны предыдущего Первого. Нового лидера воспринимали как традиционного обкомовского работника, довольно умеренных взглядов и в целом соблюдающего общепринятые правила аппаратной игры.

Между тем существенные кадровые перемены коснулись только части высших московских партаппаратчиков. Оказались замененными некоторые секретари горкома партии, которых относили к «ельцинской номенклатурной команде» (Юрий Беляков, Илья Писарев и др.).

Через некоторое время в состав секретариата МГК КПСС были избраны новые лица: Юрий Прокофьев, переведенный с должности секретаря Мосгорисполкома; Наталья Андриянова, бывший пер-

вый секретарь Гагаринского РК КПСС; Владимир Кузнецов, бывший первый секретарь Черемушкинского РК КПСС.

Именно Прокофьев, первоначально назначенный секретарем МГК, фактически возглавил всю партийную работу в Москве. Особая роль этого партийного функционера, ставшего в дальнейшем последним главой Московской городской партийной организации при советском политическом строе, определялась целым рядом обстоятельств. Во-первых, знанием им организационно-партийной работы как таковой, поскольку он ранее возглавлял отдел МГК КПСС. Во-вторых, именно Прокофьев оказался одним из наиболее ярых оппонентов Ельцина на последнем этапе пребывания того на высшем московском партийном посту. В-третьих, он обладал также подлинным вкусом к политической деятельности в рамках партийной работы, известной гибкостью мышления и умением вести диалог с массами.

Другими словами, у Прокофьева были практически все те качества, которые отсутствовали у Зайкова, чистого хозяйственника, способного организатора производства, но никак не политического деятеля. Московская партийная элита с видимым желанием со временем все больше пропагандировала образ импозантного и подвижного, с неплохими ораторскими способностями кандидата экономических наук Ю. Н. Прокофьева, нежели Л. Н. Зайкова, что, начиная с 1989 г., породило в отношениях между ними известную напряженность.

В руководстве городом Зайков опирался на ряд наработок, которые были заявлены и так или иначе опробованы еще Ельциным. В их числе – комплексная территориально-отраслевая Программа интенсификации народного хозяйства «Прогресс-95», которая конкретизировала основные направления развития науки и техники, промышленности Москвы в соответствии с потребностями городского хозяйства.

Зайков обещал москвичам в течение трех лет соорудить 45 км линий метрополитена, предоставить каждой московской семье к 2000 г. отдельную квартиру, для чего построить в 12–14-й пятилетках около 49 млн. кв. м жилья.

Так же как и ранее Ельцин, Зайков продолжал высказывать претензии к союзным ведомствам, которые до сих пор не повернулись лицом к Москве. Пожалуй, новым явилось то, что Зайков заявил о необходимости самой широкой поддержки кооперативного движения в Москве (в то время в городе было около 1300 кооперативов). По его оценкам, для удовлетворения потребностей Москвы необходимо было около 10–12 тыс. кооперативов.

При Зайкове была разработана и принята к исполнению Генеральная схема управления народным хозяйством города, в основу которой был положен принцип сочетания отраслевого и территориального управления, поставлены целевые задачи по устранению дублирования в работе служб Мосгорисполкома. Согласно этой схеме, строже разграничивались

На Юго-Западе Москвы

Продукция столичных текстильщиков

На приеме в детской поликлинике

функции советских и хозяйственных органов, предусматривалась значительно большая самостоятельность районного звена городского управления. Не было, правда, найдено полноценного решения относительно управления хозяйственными единицами союзного и республиканского подчинения, которыми традиционно занимались не исполкомы, а райкомы партии, также неся ответственность за выполнение ими планов промышленного производства.

Курс на расширение прав районного звена управления предполагал реализацию трех взаимосвязанных задач: предоставление самостоятельности предприятиям; максимальное развитие элементов хозрасчета; перевод предприятий на самофинансирование.

Таким образом, было заявлено о необходимости увеличения роли финансового инструмента, нежели натурально-ресурсного, в развитии городской экономики. И ныне многие идеи того подхода имеют актуальное значение, более того, практически воплощены в жизнь мэром Москвы Юрием Лужковым.

В целом затраты на три крупные городские программы, такие, как «Прогресс-95», «Здоровье», «Жилье», привели к дефициту городского бюджета в 265 млн. руб., о чем впервые было публично объявлено в ноябре 1988 г. Сформированный на 1989 г. городской бюджет включал почти традиционные для Москвы последних пяти лет цифры: 3 млрд. 965 млн. руб.– по доходам и 4 млрд. 230 млн. руб.– по расходам. Как и ранее, основную роль в доходной части бюджета играли отчисления от прибыли промышленных предприятий – свыше 2 млрд. рублей.

Вместе с республиками Прибалтики, Грузией, Татарией и Свердловской областью Москва являлась участником эксперимента по территориальному хозрасчету, модель которого должна была лечь в основу аналогов по всей территории СССР в 13-й пятилетке[2].

Помимо хозяйственных новшеств в Москве при Зайкове за два года появились и новые элементы партийной работы. Так, под лозунгом «Восстановление в полном объеме прав выборных партийных органов», в первую очередь райкомов и МГК КПСС, были организованы комиссии тех же райкомов партии из числа членов этих органов, при которых работали инструкторские группы, занимавшиеся прогнозированием и анализом. Отраслевые отделы райкомов ликвидировались. Большую популярность получили созданные при райкомах сектора изучения общественного мнения, экономического анализа, анализа текущей политической ситуации. В политическую моду вошли обязательные альтернативные выдвижения на выборах руководителей партийных организаций. Только в 1988 г. на такой основе в Москве уже было избрано более 6,5 тыс. партгрупоргов.

[2] Грозит ли Москве банкротство? Столица зарабатывает сегодня больше, чем тратит // Вечерняя Москва. 1988. 22 ноября.

Однако в действительности черты идеологического и организационного кризиса, начавшие охватывать КПСС и, естественно, ее Московскую городскую организацию, стали проявляться в том, что, несмотря на все структурные новации, практически не удалось добиться повышения реальной политической активности коммунистов и аппарата. И это сказалось позже, когда в значительной степени более подвижные и инициативные «неформалы», организовавшись в политические структуры, сумели все-таки сокрушить коммунистов на выборах в местные органы власти в 1990 г. и обеспечить победу «оппозиционера» Ельцина на президентских выборах в 1991 г.

Начиная с весны 1988 г. в развитии «неформального» политического движения наметился поворот – переход от клубов к созданию народных фронтов. Организационное и политическое оформление Народного фронта в Москве состоялось в апреле – июне 1988 г. в ходе жарких дебатов в преддверии Всесоюзной партийной конференции КПСС, сопровождавшихся митингами в центре столицы – на Пушкинской площади. Тогда же московскими «неформалами» были выдвинуты лозунги: «Горбачева – в Президенты!» и «Ельцина – в Политбюро!». Активнейшим образом пропагандировалась идея восстановления власти Советов народных депутатов в противовес «партийному диктату КПСС и связанной с ней номенклатурной бюрократии».

К концу 1988 г., когда были приняты законы Верховного Совета СССР о проведении выборов в народные депутаты СССР, Московский народный фронт (МНФ) привлек в свои ряды значительное число «неформальных» политиков, стремившихся получить его поддержку в предстоящих предвыборных баталиях. К этому времени в составе МНФ оказалось более полусотни московских «неформальных» групп и клубов общей численностью актива около 1000 человек.

Процесс «неформализации» затронул и московских коммунистов. В апреле 1988 г. образовалась Межклубная партийная группа. Первоначально эти «коммунисты-демократы» лишь требовали реформировать партию и получили покровительство со стороны МГК КПСС, надеявшегося через подобные группы обеспечить свое влияние в «неформальном» оппозиционном движении. Однако «коммунисты-демократы» оказались больше демократами нежели коммунистами. В январе 1989 г. такая группа в Москве раскололась, в результате чего выделился радикальный Московский партийный клуб во главе с доцентами-философами Владимиром Лысенко и Игорем Чубайсом. Тогда же ими была создана Всесоюзная «Демократическая платформа в КПСС», программа которой призывала полностью пересмотреть марксистско-ленинское учение и отказаться от «устаревших идеологических догм». В перспективе именно «Демплатформа» стала основой для формирования антикоммунистической Демократической партии России и социал-демократической Республиканской партии России. В руководство обеих партий пришли люди, принадлежавшие в недавнем прошлом к коммунистической номенклатуре.

Подобного рода группы образовали основу того движения, которое в 1988–1989 гг. в Москве определилось как «демократическая общественность» столицы в лице преимущественно московской интеллигенции, объявившей свою приверженность ценностям демократии,

Делегаты XIX Всесоюзной партийной конференции в перерыве между заседаниями в Кремлевском Дворце съездов. Третий слева Б. Н. Ельцин. 1988 г.

идеям «социалистического плюрализма мнений», «гражданского общества», «рыночной экономики» и «открытого общества».

Особую нишу заняли на этом этапе группы и объединения, выступающие с позиций русского национального возрождения.

Осенью 1988 г. почти все «неформальные» объединения столицы включились в предвыборную борьбу. По линии Московского народного фронта было создано в это время более 26 «общественных избирательных комитетов за демократические выборы» по всем избирательным округам Москвы. Именно эти комитеты развернули работу за созыв полномочных предвыборных собраний избирателей по месту жительства в тех округах, где лидеры «неформалов» сами предполагали избираться. Участие в избирательной кампании партийных властей Москвы оказалось малоэффективным, не хватало новых идей и подлинного пропагандистского и агитационного творчества.

Значительную роль в обострении избирательной борьбы сыграло выдвижение кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР по Пролетарскому избирательному округу Бориса Ельцина, которого активно поддерживали «неформалы». Его главным конкурентом был генеральный директор Автомобильного завода им. И. А. Лихачева Евгений Браков, кандидатура горкома партии. Помимо Ельцина в числе поддержанных «неформалами» кандидатов оказались ставшие к тому времени популярными главный редактор журнала «Огонек» Виталий Коротич, публицист Андрей Нуйкин, ректор Московского историко-архивного института Юрий Афанасьев, профессор-экономист Гавриил Попов, социолог Геннадий Батыгин, прокуроры-следователи по «узбекскому делу» Тельман Гдлян и Николай Иванов.

В результате выборов в апреле 1989 г. из 26 кандидатов от Москвы почти в десятке округов победили кандидаты, выступавшие альтернативно горкомовским и райкомовским кандидатам (Борис Ельцин, Олег Богомолов, Аркадий Мурашев, Сергей Станкевич, Андрей Себенцов и др.). Самым чувствительным политическим ударом для МГК КПСС и лично для Льва Зайкова оказалось избрание Бориса Ельцина народным депутатом СССР с большим отрывом от Евгения Бракова. Таким образом, выборы зафиксировали значительную популярность в столице бывшего «диссидента» из Политбюро.

В 1988–1989 гг. в Москве возникли первые партии. Они, являясь по сути теми же «неформальными» группами крайне небольшой численности, образовались в результате активного самопровозглашения многими клубами и группами своей партийности. В политический оборот довольно интенсивно включается идеологический термин «политический плюрализм» вместо провозглашенного сверху «социалистического плюрализма мнений».

На фоне столь динамичного нарастания активности политических и общественных организаций и объединений,

Митинг демократических сил на Манежной площади. Февраль 1990 г.

Участники демонстрации на Манежной площади. Февраль 1990 г.

альтернативных КПСС и выступающих по существу против нее, прошла очередная смена московского партийного руководства.

Замену Зайкову начали искать уже с лета 1989 г., когда он сам обострил вопрос о необходимости своего ухода с этого поста. Для осуществления контроля над столицей на этом посту в тот момент был нужен больше политик, нежели хозяйственник.

В процессе предварительных поисков назывались разные кандидатуры, однако московский партийный актив выдвинул требование назначить первым секретарем МГК КПСС Юрия Прокофьева. Для Москвы это был едва ли не уникальный случай за последние несколько десятилетий, когда к руководству городом пришел выходец из московской районной партийной номенклатуры (около 10 лет Прокофьев проработал первым секретарем Куйбышевского РК КПСС).

3. ФИНАЛ ВЛАСТИ КПСС В СТОЛИЦЕ: ПОСЛЕДНИЙ ГОД СОВЕТСКОЙ ИСТОРИИ МОСКВЫ (ОСЕНЬ 1990-го – АВГУСТ – СЕНТЯБРЬ 1991 г.)

Новым кандидатом от МГК КПСС на пост председателя Моссовета стал только что избранный первый секретарь МГК КПСС Юрий Прокофьев, которому предстояло участвовать в первых «неформальных» выборах в депутаты Моссовета, т.е. бороться на равных с другими кандидатами за избрание на пост председателя.

Программные взгляды Юрия Прокофьева были изложены им 9 декабря 1989 г. на пленуме Московского горкома КПСС, посвященном приближающимся выборам.

«Расстановка политических сил сложная,– признал Прокофьев.– Мы не драматизируем ситуацию, но и не можем выступать в роли стороннего наблюдателя, лишь фиксирующего взгляды»[3].

Прокофьев решительно высказался за передачу всей полноты власти в столице Моссовету и районным Советам, которые должны будут, на его взгляд, определять перспективы развития экономики и социальной сферы города. Им же было заявлено, что реальной экономической программой МГК КПСС является программа «Прогресс-95», способная выступать в роли реального инструмента городского развития.

Выражая свое отношение к политическим процессам, Прокофьев отметил, что считает изъятие 6-й статьи Конституции СССР о руководящей роли КПСС в обществе вредным. Более того, он заявил о необходимости ее детализации и более четкого определения роли КПСС в политической системе общества. Таким образом, новый московский партийный лидер высказался за сохранение особой роли КПСС. Отказ от 6-й статьи он квалифицировал как единственную цель экстремистов – «устранить КПСС с политической арены, превратить ее в заурядный дискуссионный клуб».

Стратегическую задачу МГК партии Прокофьев видел в том, чтобы немедленно приступить к созданию широкой и близкой по ориентации к КПСС общественной периферии. В этой связи основная политическая линия Московского городского комитета определялась им

[3] О политических тезисах МГК КПСС к выборам в республиканские и местные Советы. Доклад Ю.А. Прокофьева // Московская правда. 1989. 9 декабря.

Первый мэр столицы Г. Х. Попов

как «последовательное осуществление общественно-политического диалога». В рамках этой программы Прокофьев предлагал поддержку горкома в Советах столицы различным политическим, общественным, профессиональным организациям и движениям. В числе потенциальных союзников им были названы клубы избирателей, Объединенный фронт трудящихся. Прокофьев выразил готовность к сотрудничеству с группами социал-демократической ориентации, городскими национально-культурными обществами.

В период с ноября 1989 по май 1990 г. состоялась решительная и последняя избирательная схватка МГК КПСС с Московским объединением избирателей и новым, оказавшимся довольно мощным избирательным блоком «Демократическая Россия» (ДР). Последняя олицетворила собой объединенные силы демократической оппозиции КПСС.

Партийно-политическая коалиция, образованная по инициативе и под крылом Межрегиональной депутатской группы (МДГ) народных депутатов СССР в январе 1990 г., в лице движения «Демократическая Россия» включила в свой состав довольно опытные кадры и обкатанный в предвыборных и митинговых баталиях политический актив, интеллектуалов, разработчиков политических и пропагандистских текстов. К этому необходимо добавить широкое использование МДГ и ДР современных (заимствованных за рубежом) технологий ведения избирательных кампаний. Все это в конечном итоге обеспечило довольно ощутимое организационно-пропагандистское и политико-психологическое преимущество «независимым демократическим кандидатам».

Предвыборная кампания в столице в поддержку «Демократической России» была подкреплена таким историческим экспромтом, как официальное объявление одним из ее лидеров – профессором Юрием Афанасьевым «Февральской революции». На стотысячных митингах 4 и 25 февраля 1990 г., прошедших в Москве одновременно с аналогичными мероприятиями в Ленинграде, требовали углубления процесса демократизации, легализации оппозиции, отставки консерваторов из властных структур. Так был создан серьезный фактор политического напряжения, который позволил обеспечить большую сговорчивость ЦК КПСС и местных органов власти во время первых заседаний избранных республиканских и местных Советов. Однако самое главное – февральская кампания обеспечила высокий уровень публичности и поддержку значительного числа избирателей лидерам ДР во время мартовских выборов в Москве.

Тогда же леворадикальной оппозицией была выдвинута идея «круглого стола» государственно-политических сил с целью формирования в будущем «коалиционного правительства». Ее инициатором стал лидер Социал-демократической партии России Олег Румянцев.

Одновременно по инициативе клуба народных депутатов и избирателей «Россия» зимой 1990 г. был оформлен блок «Российское патриотическое движение», трансформированный во второй половине 1990 г. депутатской группой «Союз» во Всесоюзное народное движение «Союз». Эти объединения – «Демократическая Россия» и «Российское патриотическое движение» – стали основными противоборствующими общественно-политическими группировками в московской избирательной кампании 1990 г.

Число конкурирующих претендентов оказалось довольно значительным – на 498 мест в Моссовете претендовало более 3,5 тыс. кандидатов. В первом туре выборов, состоявшемся 4 марта 1990 г., победили только 35 кандидатов. Еще 428 депутатов определились во втором туре – 18 марта. Активность москвичей при этом была не столь высокой: соответственно 64% и 58% от числа всех избирателей.

Поражение на выборах в марте 1990 г. столичной политической группировки во главе с МГК КПСС было настолько значительным, что буквально шокировало тогдашнее столичное руководство и верхушку ЦК КПСС. В народные депутаты РСФСР по Москве оказались избранными большое число кандидатов от демократической оппозиции, а в Моссовет и райсоветы – более 60% кандидатов от блока «Демократическая Россия». С большим трудом прошел в депутаты Моссовета сам Юрий Прокофьев, а

глава Мосгорисполкома Валерий Сайкин вообще не был избран.

Политическая ситуация в столице изменилась буквально за один день. Характерно, что в аппарате МГК КПСС не рассчитывали на свою победу, однако и такого тяжелого поражения не предполагали. Вслед за этим усилился кадровый кризис столичной организации КПСС. Существенно увеличился выход членов партии из ее состава. Как признавал Прокофьев в конце 1990 г., в течение апреля – декабря сдали свои партбилеты около 90 тыс. человек. Цифра оказалась значительной – 9% от численного состава столичной парторганизации, что превысило количество выбывших за последние два с половиной года.

После выборов 1990 г. создалась критическая ситуация для Московского горкома КПСС, который до этого являлся монопольно властной структурой в столице. Демократическая оппозиция в Москве приобрела возможность опираться на государственные ресурсы, которыми ранее владел только МГК КПСС.

Используя свое политическое преимущество, «Демократическая Россия», обладая 292 мандатами (60%), 18 апреля 1990 г. на первой сессии Моссовета нового созыва избрала председателем Моссовета своего представителя – московского профессора-экономиста, одного из «прорабов перестройки» и интеллектуального лидера демократического движения Гавриила Попова.

Удалось достигнуть компромисса по кандидатуре на пост председателя Мосгорисполкома. Им стал назначенный незадолго до этого исполняющим обязанности главы исполнительной власти, заместитель председателя и руководитель Мосгорагропрома Юрий Лужков.

Лужков не выделялся до этого своей политической активностью, сохраняя нейтральные политические позиции. Не без трудностей, в атмосфере нетерпимости к тому, чтобы руководящие посты в Мосгорисполкоме занимали «номенклатурщики-аппаратчики», Гавриилу Попову удалось выдвинуть Лужкова на пост председателя Мосгорисполкома.

МГК КПСС создал депутатскую группу «Москва», объединившую 90 человек (23% мандатов), возглавил ее второй секретарь МГК КПСС Валерий Шанцев. В число основных политических депутатских групп нового Моссовета вошли «Независимые депутаты» (50 мандатов – 15%) во главе с Игорем Круговых, в большей мере ориентированные на группу «Москва», и группа «Отечество» (4 мандата – 1%).

В итоге в столице установилось реальное двоевластие и двоецентрие. Тем более что большинство министров и сам союзный кабинет были еще подконтрольны ЦК КПСС, а от их отношения зависело довольно многое, в том числе финансирование и ресурсное обеспечение столицы. Руководителями силовых ведомств Москвы продолжали оставаться централизованно назначаемые чиновники. Существенными в этот период оказались кадровые преимущества МГК КПСС и его навыки практического аппаратного и хозяйственного управления. Более того, по мере приближения осени 1990 г. и соответственно нормативных сроков завоза сельхозпродуктов в Москву без опоры на опытные кадры, в первую очередь аппарата МГК КПСС, с проблемами городского хозяйства справиться было не просто.

Ю. М. Лужков

Между тем город продолжали сотрясать «хлебный», «табачный», «водочный» кризисы. На грани гибели оказался выращенный урожай: не удалось в срок обеспечить закладку овощей на зиму. Была парализована работа многих служб городского хозяйства.

Демократический Моссовет до конца года так и не смог овладеть хозяйственной ситуацией в городе, которая усугублялась тем, что и состав Моссовета оставался неутвержденным. В известной мере деморализованными оказались исполкомовские кадры, тяжело пережившие жесткую критику пришедших к власти в столице демократов и угрозы увольнения за принадлежность к аппарату либо к КПСС.

Оставались фактически не разделенными сферы компетенции в системе управления городом. Не было ясности в том, что ожидает городские структуры в 1991 г., поскольку в ноябре не были утверждены городской план и бюджет.

За очень короткий срок МГК КПСС фактически потерял контроль над московским телевидением и радио, поскольку назначение их руководителей перестало зависеть от партийных органов и перешло в ведение Моссовета. Подавляющее большинство московских газет и журналов (включая и центральные издания) выступали с антикоммунистических позиций. Единственной газетой, оставшейся за МГК КПСС, была «Московская правда».

Основные усилия Юрия Прокофьева и его команды оказались нацеленными на реализацию стратегических задач – сохранить партийное имущество в полном объеме и удержать под контролем партии пост Президента СССР. В текущей практике остались преимущественно работа в Советах народных депутатов, создание партийного актива, его подготовка к выборам, которые должны были состояться в 1995 г. В спешном порядке МГК КПСС была разделена собственность районных Советов и партийных органов. Это касалось административных зданий, находившихся в совместном (долевом) ведении.

Демократическая оппозиция, ставшая партией власти после победы на местных выборах в Москве, в лице «Демократической России» и Московского объединения избирателей провела целый ряд консолидационных мероприятий, стремясь не растерять достигнутое политическое и властное преимущество. 14 июня 1990 г. в Москве состоялось Учредительное собрание Оргкомитета по созданию объединенного всероссийского демократического движения. В него вошли народные депутаты РСФСР и СССР из МДГ и парламентской группы «Демократическая Россия». От партий и общественных организаций в нем получили представительство Демократическая партия России, Свободно-демократическая партия России, Демократическая платформа (вне КПСС), Российское христианско-демократическое движение, объединения «Щит», «Апрель», «Мемориал», фонд «Содружество», Московское объединение избирателей. Председателем Оргкомитета был избран энергичный и антикоммунистически настроенный ответственный секретарь МДГ Аркадий Мурашев.

Опорой для московских городских демократов должен был стать новый российский парламент, возглавляемый Борисом Ельциным. Более того, для них было очевидно, что без овладения властью в исполнительных структурах союзного Центра реализовать достигнутый на выборах успех не представляется возможным. Поэтому руководством «Демократической России» была принята стратегия дальнейшего ограничения властных возможностей МГК КПСС наряду с организацией широкого движения, которое должно было бы привести к падению правительства Николая Рыжкова и замене его сторонниками радикальных реформ.

Одновременно команда Ельцина в только что избранном Верховном Совете РСФСР перешла к планомерному фактическому изъятию властных полномочий у союзного Центра, устанавливая особый режим государственного суверенитета на территории РСФСР. Разработка проектов создания российской милиции, органов безопасности, элементов вооруженных сил и другие инициативы были нацелены на эту же задачу.

В дальнейшем встала только одна проблема – ввести в союзные ведомства представителей новой формирующейся российской властной элиты и подготовить момент для национализации союзных ресурсов российскими властями.

Москве в этом процессе отводилась особая роль – установление в столице полного контроля «Демократической России», насыщение структур столичных органов городского управления лояльными к «Демократической России» кадрами. Стратегический проект предусматривал в конечном итоге ликвидацию власти Советов и перевод Москвы в режим президентского управления (последнее, правда, требовало коренного изменения всей схемы городского управления столицей).

Собственно, «московская политическая программа» демократов включала обязательное проведение в 1991 г. реформы городского управления. С этим проектом выступил председатель Моссовета Гавриил Попов, направивший в январе 1991 г. открытое письмо народным депутатам Моссовета и райсоветов, а также всем москвичам «Об укреплении в г. Москве демократически избираемой исполнительной власти и демократического порядка». К нему был приложен проект закона «Об управлении г. Москвой как столицей СССР и РСФСР».

Суть предложений Попова состояла в учреждении института мэра столицы, избираемого прямым голосованием москвичей. Мэр сразу получал возможность стать, по сути, независимой властью, которой была бы подотчетна вся исполнительная структура Москвы. Попов предложил превратить Моссовет в некое подобие съезда народных депутатов и собирать его раз в год для утверждения основных направлений развития столицы. Собственно, оперативный уровень представительной власти предполагалось структурировать в рамках муниципального Совета, в котором будут работать несколько десятков депутатов (тех же председателей комиссий и комитетов Моссовета)[4].

В результате подобного рода действий демократов угроза быстрой потери того политического влияния, кото-

[4] Об укреплении в г. Москве демократически избираемой исполнительной власти и демократического порядка. (Второе открытое письмо председателя Моссовета Гавриила Попова народным депутатам Моссовета и райсоветов, всем москвичам) // Московский комсомолец. 1991. 16 января.

рым еще обладал МГК КПСС, оказалась столь значительной, что коммунисты выдвинули собственный альтернативный законопроект о статусе Москвы и всеми силами пытались заблокировать продвижение проекта Попова.

Однако дальнейший ход событий развивался не в пользу КПСС. Горбачев и Кабинет Министров Валентина Павлова попали под разгромную критику в прессе за январский обмен 1991 г. 50- и 100-рублевых купюр. «Демократической оппозиции» удалось еще более усилить политический нажим на правительство и лично Горбачева после неудачной попытки ввода чрезвычайного положения в Прибалтике. Практически всю весну политическая инициатива в столице принадлежала «Демократической России», сумевшей провести ряд крупных митингов и создавшей штаб поддержки шахтеров, выступивших за уход в отставку Горбачева и нового союзного Кабинета Министров.

Именно в это время, используя политико-психологическое преимущество, команда Ельцина и парламентская группа «Демократической России» добились принятия на съезде народных депутатов РСФСР решения о выборах президента России 12 июня 1991 г. Московская группа «Демократической России», воспользовавшись референдумом 2 марта о необходимости сохранения СССР, провела опрос москвичей о целесообразности выборов мэра столицы и получила поддержку. Выборы мэра были назначены на тот же день, что и президентские выборы. «Демократическая Россия» одержала крупную политическую победу над МГК КПСС, и главным образом потому что последнему не удалось противопоставить эффективную контрпропаганду данной инициативе.

Как и ожидалось, состоявшиеся 12 июня выборы президента России и мэра столицы привели к еще одной победе «Демократической России». Ельцин победил в Москве с большим отрывом от остальных кандидатов. Гавриил Попов и Юрий Лужков были избраны соответственно мэром и вице-мэром столицы.

Политическая победа ельцинской политической группы в Москве была закреплена путем принятия целой серии решений по коренному изменению характера управления городом и соответственно прав распоряжения городской собственностью и бюджетом. В результате появились уникальные функции мэра столицы, которыми никогда московский городской голова, он же в советское время первый секретарь МГК КПСС, не обладал.

Значительное число московских чиновников – руководителей различных городских структур – все более стали склоняться к поддержке Попова и Лужкова, оказавшихся реальными хозяевами города.

Действительно, в течение лета 1991 г. прошло преобразование системы административного управления Москвой. Одним из первых был ликвидирован Мосгорисполком. Вместо него было создано Правительство Москвы во главе с вице-мэром Юрием Лужковым.

Мэр Попов сосредоточил в своих руках распорядительные функции, в то время как правительству были переданы все основные исполнительные функции.

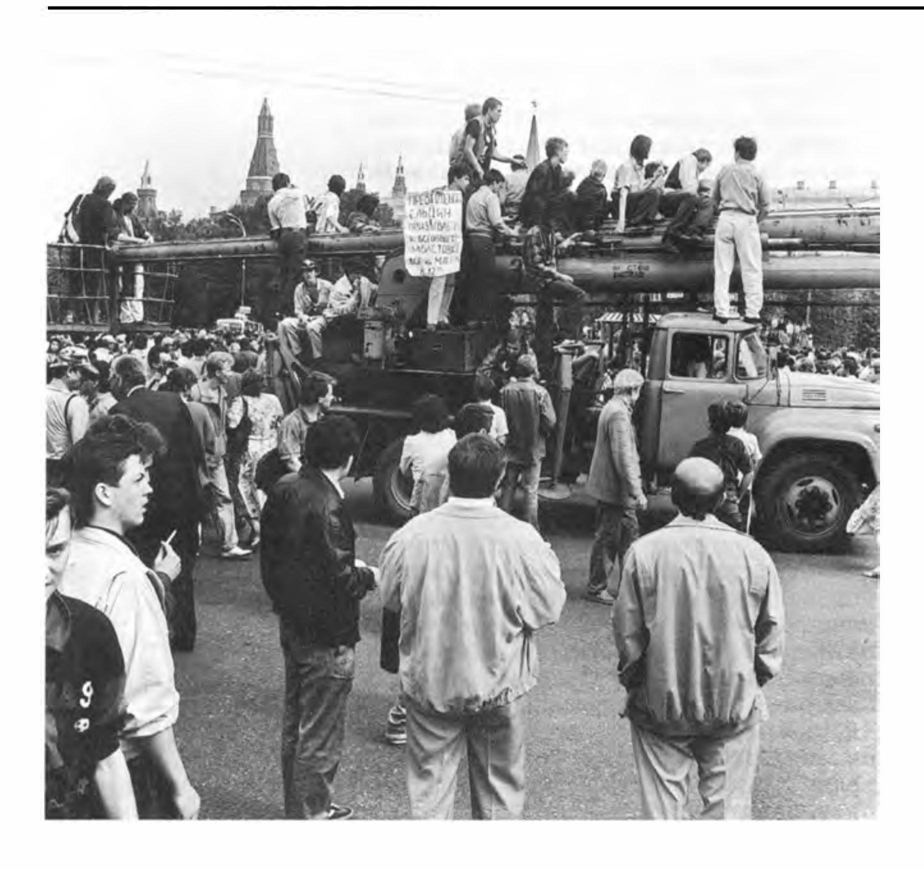
Решениями Президиума Верховного Совета РСФСР от 1 июля 1991 г. мэр получил исключительное право формирования городских органов управления, как территориальных, так и отраслевых.

В результате реформы городского административно-территориального управления были фактически ликвидированы прежние 33 района города. На их месте возникли 10 административных округов во главе с префектами, которые, в свою очередь, делились на 124 муниципальные округа (на базе бывших городских микрорайонов) во главе с супрефектами. После этой реорганизации районные Советы народных депутатов фактически «повисли», не имея под собой адекватной им по территориально-административному делению структуры.

Моссовет оказался оттесненным на второй план политической жизни города, хотя за ним остались право отмены решений мэра, преодолеваемое квалифицированным большинством голосов, и ряд иных прав нормотворческого характера.

Согласно постановлению Моссовета «О мэре города Москвы и порядке его избрания» от 29 апреля 1991 г. в сфере компетенции республиканских органов мэр оказывался подведомственным президенту РФ, в сфере компетенции местных органов – Моссовету. Последний своим решением ограничил право мэра распоряжаться землей и городской собственностью. За представительным органом власти столицы осталось также право выражения недоверия мэру в случае нарушения им законов РСФСР и решений Моссовета. Кроме того, мэр не имел права распускать Моссовет и районные Советы народных депутатов, изменять административно-территориальное деление города. Таким образом, в столице сформировался основной узел противоречий между представительной властью и главой исполнительной власти, которые позже, в 1993–1994 гг., переросли в открытый конфликт.

Новым председателем Моссовета после отставки с этого поста Гавриила Попова был избран глава Бауманского райсовета Николай Гончар, одна из наиболее компромиссных фигур в Моссовете того периода.



Стихийный митинг на Манежной площади. 19 апреля 1991 г.

Указ первого российского президента о запрете деятельности партийных организаций на предприятиях и в учреждениях нанес мощный удар по основным структурам Московской организации КПСС, что на фоне экономического «всевластия» мэра и большинства «Демократической России» в Моссовете стало угрожающим для ее дальнейшей судьбы. В руках МГК, ставшего по сути государственным и политическим представителем союзного Центра в столице, оставались координационные связи с Главным управлением внутренних дел (ГУВД), Управлением КГБ по Москве и области, а также с командованием Московского военного округа. Подведомственная МГК КПСС «Московская правда» начала вести в этот период все более активную пропаганду разоблачения «антисоциальных действий московских городских и республиканских властей», «компрадорской и ликвидаторской политики демократов».

Окончательная развязка политического противоборства между МГК КПСС и новой властью в столице произошла в августе – сентябре 1991 г. Выступление 19–22 августа 1991 г. части союзного государственного и политического руководства, объединившегося в Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП), и его поражение очень быстро привели к вводу реального чрезвычайного положения в городе, разгрому и запрету деятельности Московской городской организации КПСС, конфискации ее имущества.

В самом начале выступления Юрий Прокофьев пытался оказать помощь ГКЧП, однако глава столичного правительства Лужков отказался явиться в МГК КПСС для получения инструкций. Прокофьев попытался договориться с Борисом Никольским – заместителем Лужкова, предложив ему возглавить правительство столицы, однако также получил отказ. Практически ничего более в первый день деятельности ГКЧП

Митинг у «Белого дома». 20 августа 1991 г.

Московский горком КПСС не предпринимал, ожидая указаний из ЦК КПСС и центральных правительственных органов. Однако последние сами бездействовали, тем самым дав возможность мэрии и правительству Лужкова провести активную подготовку к оказанию сопротивления ГКЧП.

Мэрия и правительство столицы обратились к москвичам с призывом принять участие в общественных акциях протеста. Резиденция исполнительной власти на Тверской стала центром проведения митингов. Лужкову удалось добиться поддержки части московских предприятий и снять военное оцепление вокруг здания. Почти весь день 19 и 20 августа представители мэрии и члены московского правительства налаживали контакты с общественными организациями и военными.

Тем временем руководство «Демократической России» сумело во второй половине дня организовать массовые акции протеста, обеспечить общественную охрану мэрии и начало стягивать граждан к площади перед зданием Верховного Совета РСФСР («Белый дом»). Вечером 20 августа мэрия и правительство столицы отказались признать комендантский час, о чем было сообщено военному коменданту города, командующему Московским военным округом генерал-полковнику Н. В. Калинину.

В этот же день Попов и Лужков добились согласия главы союзного Гостелерадио Леонида Кравченко на телевизионный эфир. Съемочная группа прибыла в мэрию, и вскоре была подготовлена получасовая передача, в которой мэр и премьер изложили свою позицию в отношении ГКЧП. Однако выход этой передачи в эфир был задержан – она появилась лишь 23 августа, когда выступление ГКЧП было уже подавлено.

Тогда же, 20 августа, Правительству Москвы удалось наладить горячее питание населения, находившегося возле «Белого дома», организовать строительство заграждений в местах, где могли появиться танки, помочь возобновить работу радиостанции «Эхо Москвы», единственного общемосковского радиотранслятора, постоянно вещавшего о событиях в Москве в пользу сил сопротивления ГКЧП. При совместном участии московского и центрального руководства «Демократической России» началась активная пропагандистская работа с войсками. Не без помощи сотрудников мэрии, в частности Владимира Боксера и Михаила Шнейдера, были организованы военизированные отряды самообороны – «Живое кольцо» и «Август-91».

Московский отряд милиции особого назначения к концу дня 20 августа тоже политически определился, перейдя к полной поддержке Правительства Москвы и взяв на себя обеспечение охраны городских властей.

Вместе с тем столичное городское руководство не смогло организовать забастовку крупных предприятий Москвы и выступления рабочих в поддержку российских властей против ГКЧП. По признанию Лужкова, бастовали только Московская и Российская товарные биржи, а на баррикады в основном вышли представители интеллигенции и молодежь.

Боевые машины уходят от «Белого дома» после подавления августовского путча. 22 августа 1991 г.

В ряде случаев препятствовали забастовкам и председатели райсоветов, налагая на предложения мэрии резолюции типа «Пока не исполнять». К этому времени, опираясь на государственную и административную поддержку мэрии, московские организации «Демократической России» и Московского объединения избирателей развернули общественное движение протеста и сопротивления. В то же время московские власти просили отказаться от забастовок работников торговли, энергетиков и представителей других отраслей городского хозяйства, непосредственно обеспечивающих жизнедеятельность столицы.

Тем не менее к концу дня 20 августа обстановка в городе обострилась, поскольку в органах ГКЧП началось обсуждение вопроса о локализации руководителей сопротивления и применении силы против «Белого дома». Сегодня известно, что, несмотря на давление части военных, министр обороны Дмитрий Язов отказался применить армию для этих целей (в первую очередь, под влиянием главкома воздушно-десантных войск Павла Грачева, поддерживавшего контакты с Ельциным, и главкома ВВС генерала Евгения Шапошникова), соответственно не подчинились и группы спецназа КГБ СССР, прежде всего знаменитая «Альфа».

Планировавшаяся в ночь с 20 на 21 августа операция по захвату «Белого дома» провалилась.

МГК КПСС и связанные с ним политические структуры в период с 21 по 24 августа находились в состоянии полной политической апатии. 22 августа на сессии Верховного Совета РСФСР Михаил Горбачев дал согласие на опечатывание здания ЦК КПСС, которое силами московской милиции произвел Юрий Лужков. В этот же день Гавриил Попов подписал распоряжение о приостановке деятельности МГК КПСС и райкомов, опечатывании их зданий, отключении в них электроэнергии и телефонной связи. 24 августа Горбачев объявил о сложении с себя полномочий генерального секретаря ЦК КПСС, после чего в здания МГК КПСС и ЦК КПСС вошли комиссии Моссовета и Верховного Совета РСФСР для приема дел.

Период двоевластия в столице завершился.

4. МЭРИЯ МОСКВЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1990-х гг.

Жизнь столицы в новых политических условиях оставалась весьма бурной и насыщенной. Помимо того что население Москвы одним из первых испытало все последствия экономических и политических экспериментов, сама деятельность московского городского руководства во многом оказывала существенное влияние на активизацию общественных процессов в городе.

Политическая ситуация в столице в первые два года после осени 1991 г. определялась прежде всего усиливающимся противостоянием российской представительной власти в лице Верховно-

Новое Бутово

го Совета РФ и структур исполнительной власти. В полной мере ее участниками стали не только столичные общественные объединения, средства массовой информации, но и официальные органы власти города – мэрия и Моссовет.

В самом демократическом движении, в первую очередь в «Демократической России», возникли острые противоречия между радикалами, следовавшими своим политическим обещаниям периода советской власти, и умеренными прагматиками, уповавшими на политическую целесообразность. Вследствие этого уже в сентябре – октябре 1991 г. раскололось ядро ДР. Радикалы (московская организация ДР во главе с Ильей Заславским) считали необходимым лишь условно поддерживать Ельцина, критиковать его за «отступление» от демократических принципов. По иным соображениям покинули ДР христианские и конституционные демократы, возглавляемые Виктором Аксючицем и Михаилом Астафьевым: они перешли на позиции «державников», стали твердо отстаивать принцип неделимости Российского государства и все более критиковать Ельцина за «развал СССР».

Однако подлинную мотивацию политической борьбе между властями придало проведение российских экономических реформ по проекту правительства Ельцина – Гайдара. Сам план реформ был обнародован Борисом Ельциным только в октябре 1991 г. на съезде народных депутатов. Им предусматривалось в 1992 г. провести либерализацию цен и торговли, создать рыночную инфраструктуру по сбыту, в максимальной степени легализовать импорт продовольственных и промышленных товаров для населения. Предполагалось проведение приватизации жилья, государственных предприятий, которая должна была превратить широкие массы населения в собственников, создать у них мощный трудовой, накопительский и иные чисто экономические стимулы деятельности. Государство отказывалось от прямого вмешательства в экономику, однако оставляло за собой право проводить жесткую денежно-кредитную политику.

Правительством столицы была принята программа социально-экономического развития Москвы на 1992 г. В ней во многом повторялись основные положения той реформы, которую проводило российское федеральное руководство. Вместе с тем московские власти акцентировали большее внимание на социальных проблемах – защите интересов трудовых коллективов и социально малообеспеченных слоев населения, в первую очередь молодежи, пенсионеров, многодетных и инвалидов.

Согласно новой программе в Москве ускоренными темпами шла приватизация торговли, сферы услуг, автозаправочных станций, мелких и средних предприятий городской промышленности, городского транспорта. Предусматривалась бесплатная приватизация жилья с взиманием налога на собственность (не выше уровня квартирной платы), переход к ускоренному формированию рынка жилья.

Колбасный цех совместного российско-испанского предприятия «КампоМос»

Довольно динамично московское правительство занималось восстановлением межрегиональных и межотраслевых связей, заключением прямых договоров с государствами бывшего СССР и регионами России. За это время была завершена разработка основных направлений градостроительного развития московского региона на период до 2010 г. Предполагалось построить не менее 3 млн. кв. м жилья. Совместно с администрацией Московской области началось проведение в жизнь программы коттеджного строительства, рассчитанной на 10 лет.

Были также приняты первоочередные меры по развитию строительного комплекса столицы. Предусматривалось формирование единого фонда для финансирования научно-технических и градостроительных программ общегородского значения, был введен постоянный экологический мониторинг.

Значительные городские инвестиции были переброшены на программу «Конверсия», обеспечение местной энергетической программы на период до 2000 г. Правительство Москвы приступило к расширению объемов ремонта городских дорог и магистралей. Были введены в эксплуатацию пять АТС в новых микрорайонах, продолжено строительство линий метро.

Активная деятельность по привлечению иностранных инвестиций, при поддержке федерального правительства

Аэропорт «Шереметьево-2»

и президента, развивалась в рамках таких проектов, как строительство заводов по производству кондитерских и хлебобулочных изделий, пива, прохладительных напитков, табачных изделий. Зарубежные инвестиции вкладывались в развитие деловой инфраструктуры столицы в рамках международного сотрудничества (строительство Международного делового центра, Бизнес-центра, Гостинично-делового центра, создание технополиса в Зеленограде и свободной экономической зоны в аэропорту «Шереметьево-2»), в расширение материально-технической базы туризма.

Перечисленные проекты инвестиций не были совершенно новыми. Работа над ними началась еще в 1988–1991 гг., т.е. при коммунистическом руководстве. Однако правительству Лужкова досталось самое сложное – довести эти проекты до практической реализации.

Безусловно, такие программы требовали известной политической лояльности со стороны московской администрации к президенту лично и правительству в целом. Вместе с тем в Москве достаточно сильны были оппозиционные по отношению к президенту настроения, что выразилось в целом ряде конфликтов. Один из первых инцидентов произошел 23 февраля 1992 г., когда в День празднования годовщины Советской Армии силами ОМОН была остановлена демонстрация ветеранов войны и коммунистов с «державниками», которую возглавляли народные депутаты РФ.

Неутвержденным из-за расхождений столичного правительства с Моссоветом оставался городской бюджет на 1992 и 1993 гг.

Самое активное участие принимали мэрия и правительство столицы в организации массовых митингов и собраний в поддержку Ельцина во время острого конфликта президента со съездом народных депутатов в декабре 1992 г. (в частности, такой митинг прошел на Автозаводе им. Ленинского комсомола).

В июне 1992 г. пятый раз подряд подал в отставку московский мэр Гавриил Попов, выражая свое несогласие с некоторыми аспектами проводимых правительством Гайдара реформ. Это решение было вызвано также и рядом иных обстоятельств (в том числе, слишком активным для представителя власти участием в частном бизнесе). Попов, оставшись советником нового городского головы Юрия Лужкова, стал руководителем Международного российско-американского университета и товарищества с ограниченной ответственностью «Фонд развития Международного университета». Вместо него указом президента РФ был назначен исполняющим обязанности мэра с сохранением прежней должности – главы Правительства Москвы – вице-мэр Юрий Лужков. Одновременно согласно президентскому указу он стал главой администрации города. Таким образом, к власти пришел весьма лояльный и довольно близкий Борису Ельцину человек, его давний выдвиженец.

С деятельностью Юрия Лужкова связана текущая история Москвы, период реформ и преобразований, затронувших все сферы жизни города.

Появление Лужкова в 1987 г. на первых должностях в руководстве столицей после работы в Минхимагропроме и Минхимпроме СССР было вызвано кадровыми перестановками, проходившими в Москве во время «чистки» МГК КПСС и столичных органов власти, проводимой Борисом Ельциным в его бытность первым секретарем Московского горкома партии.

В этот период Лужков, занимая должность первого заместителя председате-

ля Исполкома Моссовета и одновременно председателя Московского агропромышленного комитета, тесно сближается с Ельциным. После октябрьского (1987) пленума ЦК КПСС, на котором Ельцин был освобожден от руководства столичной парторганизацией, Лужкова фактически отстранили от работы в Мосагропроме, и он стал заниматься вопросами развития кооперации в Москве. Именно тогда у него появились знакомства с целой плеядой ныне влиятельных российских и московских бизнесменов, многие из которых встали на ноги не без его участия.

В апреле 1990 г., когда лидер московских демократов Гавриил Попов был избран на пост председателя Московского городского совета народных депутатов, Лужков стал председателем Исполкома Моссовета. В 1990–1991 гг. популярность Лужкова в Москве растет, и именно в это время он вновь оказывается в ближайшем окружении Ельцина. Поддержка президента серьезно помогла Лужкову в июне 1991 г., когда их тандем с Поповым одержал победу в первом туре голосования по выборам соответственно вице-мэра и мэра Москвы.

Назначенный после этого премьер-министром московского правительства, Лужков принял активное участие в организации противодействия ГКЧП в августе 1991 г., а затем указом президента СССР Михаила Горбачева он был назначен членом Комитета по оперативному управлению народным хозяйством СССР. Отвечая в этом Комитете за агропромышленный комплекс, торговлю, внешнеэкономические связи и социальную сферу всего СССР, Лужков одновременно продолжал исполнять обязанности главы московского правительства. Вместе с Поповым ему удалось добиться подписания Борисом Ельциным Указа о чрезвычайных полномочиях мэра Москвы в области регулирования народного хозяйства города.

Таким образом, в руках Лужкова оказались сосредоточены три главных поста в исполнительной власти города – мэра, вице-мэра и премьера правительства. Еще больше роль Лужкова как одного из самых близких президенту людей возрастает с декабря 1992 г., когда он начал активно подключаться к политическим кампаниям в поддержку президента в его борьбе с Верховным Советом и съездом народных депутатов.

На VII съезде народных депутатов, состоявшемся в декабре 1992 г., Лужков начинает активно критиковать правительство Егора Гайдара и экономическую программу радикал-демократов. Стремительный рост влиятельности уже на федеральном уровне позволил Лужкову в начале 1993 г. «свернуть» начатую Моссоветом кампанию по выборам нового мэра Москвы (тогда выдвигались 13 человек, в том числе лидер Либерально-демократической партии России Владимир Жириновский) и продолжить исполнение своих обязанностей, закрепив за собой практически единоличное управление столицей.

События 1 мая 1993 г. в Москве, окончившиеся силовым столкновением демонстрантов «Трудовой России» с

Президент СССР М. С. Горбачев, мэр Москвы Г. Х. Попов и вице-мэр Москвы Ю. М. Лужков направляются из здания Моссовета в Кремль. Сентябрь 1991 г.

московской милицией и спецназом, вновь обострили политическую ситуацию в столице. Патронировавший антипрезидентскую деятельность оппозиционеров российский парламент и контролирующий специальные силы безопасности МВД президентский аппарат фактически продемонстрировали друг другу возможности нейтрализации при попытках применения силы. Показательны были также прозвучавшие взаимные обвинения в том, что одна сторона (исполнительная власть Москвы) хотела настроить ОМОН и милицию против тех сил, которые поддерживают парламент, а другая – пыталась дестабилизировать обстановку, использовав против исполнительной власти армию, чтобы в дальнейшем провоцировать беспорядки и добиться отставки всецело лояльного к президенту московского правительства за неспособность контролировать ситуацию в столице и обеспечить безопасность москвичей.

Взаимная «первомайская» демонстрация возможностей силового противоборства вынудила представителей исполнительной власти пойти на компромисс в организации праздничного шествия в День Победы – 9 мая – и допустить некоторые отклонения от заранее оговоренного маршрута. Кроме того, майские события показали способность парламента в определенной мере управлять массовыми уличными антипрезидентскими акциями.

Дальнейшее обострение политического противостояния Верховного Совета и президента Российской Федерации привело к фактическому параличу государственной власти в стране. Президент Ельцин, обладая правом роспуска парламента, издал 20 сентября 1993 г. Указ № 1400 о роспуске действующего Верховного Совета РФ, обосновывая этот шаг положительными результатами проведенного в апреле 1993 г. Всероссийского референдума о доверии к президенту и парламенту (тогда столица в своем большинстве поддержала Бориса Ельцина).

Верховный Совет не подчинился Указу президента, оказал сопротивление, более того, попытался сместить президента с поста, проведя процедуру импичмента и назначив до новых выборов исполняющим обязанности главы государства вице-президента Александра Руцкого.

Большая часть глав администраций в субъектах Российской Федерации отказалась подчиниться решениям парламента, в то время как местные Советы в основном поддержали Верховный Совет.

Безусловную поддержку Ельцину продемонстрировало правительство Черномырдина, который проигнорировал требования депутатов явиться к ним с отчетом (исключение составил министр внешнеэкономических связей Сергей Глазьев, подавший в отставку).

Решающей оказалась позиция Центрального банка России и генерального прокурора РФ, которые встали на сторону президента. Выход Центробанка из-под парламентской опеки еще более укрепил региональные элиты, поддерживающие президента.

Политическое и пропагандистское содействие выразили Ельцину страны «семерки» и ЕЭС, Европарламента и НАТО, признавшие его «особый режим» де-факто, что, скорее всего, оказало значительное влияние на страны СНГ и часть регионов России. На встрече глав государств СНГ 24 сентября в Москве они поддержали Ельцина.

Таким образом, к утру 25 сентября была в целом исчерпана «демонстрационная» модель противостояния президента и парламента, завершилась мобилизация властных ресурсов обеих сторон.

Столичный мэр Юрий Лужков принимал самое активное участие в переговорах администрации президента с руководителями законодательной ветви власти. Достижение нового баланса сил, выход на арену умеренных группировок из обоих лагерей, активизация их посреднических усилий с целью заключения взаимоприемлемого компромисса и в то же время усиление борьбы в попытке привлечь на свою сторону прежде всего региональные элиты и силовые структуры – вот что стало отличительной чертой второго этапа открытого столкновения в российском федеральном Центре.

В политической борьбе в тот момент определяющую роль начали играть не сиюминутные тактические ходы, а умение обеих ветвей власти использовать свои стратегические успехи в сфере конституционного процесса, в области экономической реформы, в организации властных вертикалей. Немаловажное значение имело и наличие политической опоры среди различных кругов промышленно-предпринимательской элиты. На первые позиции по значимости вышли переговорные процессы, сторонниками которых выступали различные центристские силы и часть регионов.

Однако к середине дня 3 октября ситуация резко обострилась. Вышедшая из-под контроля парламентариев радикальная антипрезидентская оппозиция собрала на «всенародное вече» своих сторонников – представителей Фронта национального спасения, движений «Трудовая Россия» и «Трудовая Москва», Российской коммунистической рабочей партии, руководимых И. Константиновым, В. Анпиловым и В. Уражцевым. Колонны митингующих, поддерживаемые делегациями «Трудовой России» из других городов, прорвали кордоны ОМОНа и, встречая лишь слабое сопротивление

солдат и милиции, двинулись к «Белому дому».

Начатая при подходе демонстрантов к резиденции Верховного Совета неизвестными лицами стрельба из гостиницы «Мир» (где располагался штаб МВД по организации блокады «Белого дома»), в результате которой были убиты два солдата, спровоцировала столкновения ОМОНа с митингующими; кольцо блокады вокруг здания было прорвано, и демонстранты соединились с защитниками «Белого дома».

Несколько долгих часов единственной опорой правительства в Москве вне Кремля являлись разрозненные, не имеющие единого руководства и дезориентированные части внутренних войск и ОМОНа. О том, что силовые структуры не спешили поддержать правительство, говорит прозвучавший ночью с 3 на 4 октября призыв первого вице-премьера Егора Гайдара к жителям Москвы прийти к зданию Моссовета, где обосновался штаб мэра города Юрия Лужкова. По разным сведениям в различные точки Москвы от здания московской мэрии было направлено до восьми тысяч дружинников, которые взяли под охрану ИТАР-ТАСС, Центральный телеграф, издательство «Известия» и другие объекты.

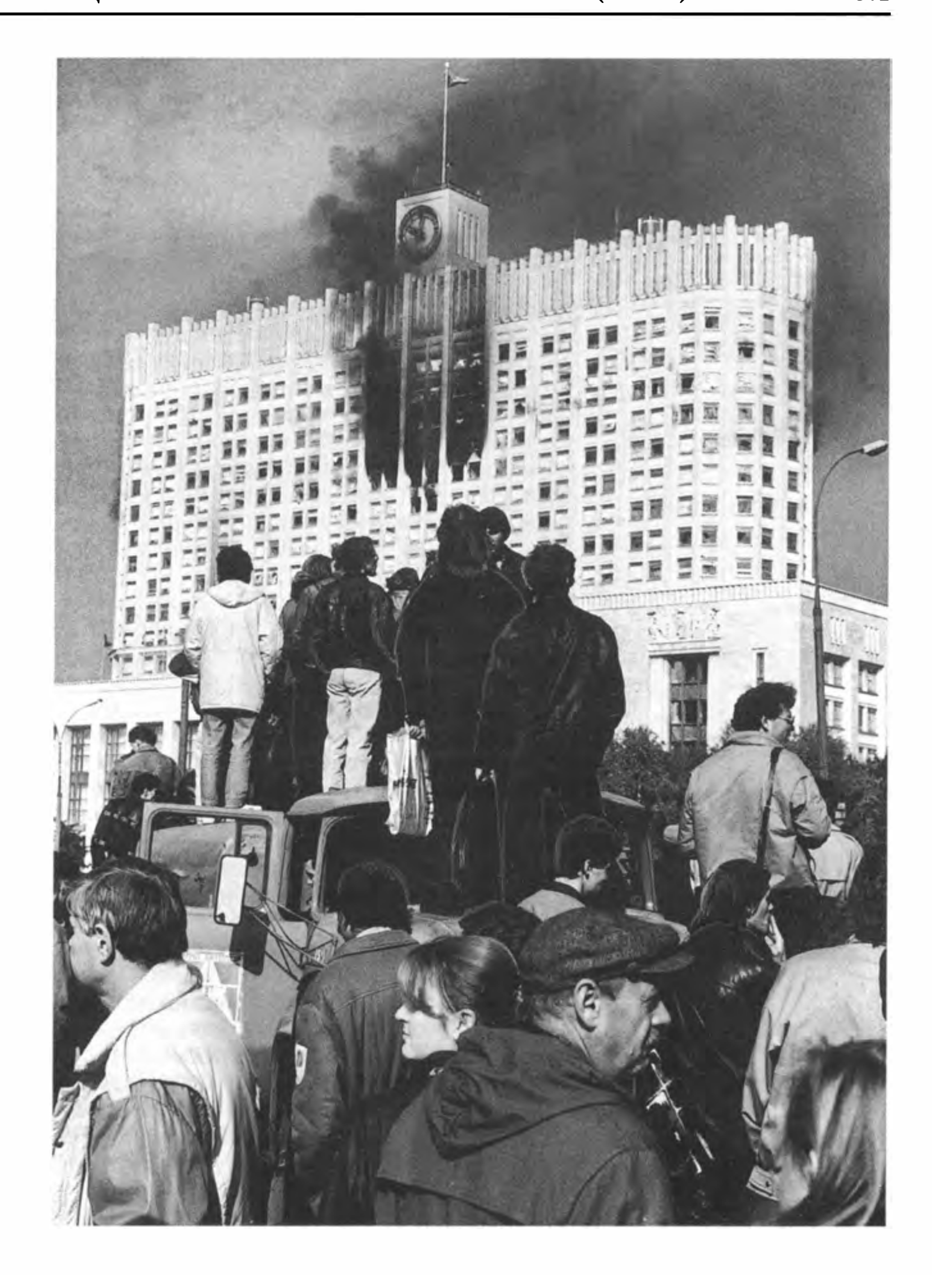
В течение ночи с 3 на 4 октября Ельцину удалось добиться введения в Москву нескольких тысяч военнослужащих и нескольких десятков единиц бронетехники и утром 4 октября дать команду на проведение войсковой операции по штурму здания парламента. Таким образом, за вторую половину дня 3-го и весь последующий день 4 октября произошла резкая смена политической обстановки, приведшая не только к силовому столкновению в столице России, но и в значительной степени обострившая политическую и экономическую ситуацию, что и определило последующие тенденции общественного развития.

Примечательно, что на протяжении 1993–1996 гг. происходило усиление властных возможностей федерального Центра и его влияния на принятие важнейших государственных решений. При этом в полной мере был сохранен традиционно высокий статус руководителя Москвы как лица политически и лично ответственного перед главой государства, входящего в высшую общероссийскую номенклатуру и обладающего широкими административными полномочиями.

Вместе с тем Юрию Лужкову удалось наладить продуктивный диалог с представителями политической оппозиции в столице, следствием чего явилось существенное снижение критики московского мэра последними.

Так, патриотическая оппозиция весьма положительно отнеслась к практическим инициативам Лужкова в реставрации и воссоздании ряда церковных зданий (собор Казанской иконы Божией Матери, храм Христа Спасителя). Активные и постоянные контакты с патриархом Московским и всея Руси Алексием II сформировали мэру имидж защитника интересов Русской православной церкви и России.

Весьма эффективными оказались усилия мэра и возглавляемого им правительства по превращению столицы в кредитно-финансовый и торгово-посреднический центр России и СНГ. Самые значительные финансовые ресурсы страны сосредоточились почти исключительно в 1000 московских банках. Поощрение Юрием Лужковым развития в Москве инфраструктуры валютного и фондового рынка привело к тому, что Москва оказалась вне конкуренции по сравнению с остальными регионами. Более того, московские банки поставили под свой контроль финансовые и фондовые рынки большинства регионов.



У «Белого дома». 4 октября 1993 г.

Вместе с тем подобная активность московского финансового сообщества вызвала серьезное недовольство со стороны российской региональной элиты, обвинившей московские банки и Правительство Москвы в финансовой дискриминации областей и республик.

Другой, не менее значимой стороной деятельности московского мэра, имеющей стратегическое значение, была борьба за право проведения Москвой приватизации по собственной схеме, отличной от федеральной модели, внедряемой вице-премьером правительства, руководителем федеральной программы приватизации Анатолием Чубайсом. Апогеем нового витка обострения разногласий с руководством Госкомимущества по принципиальным вопросам приватизации стало распоряжение мэра в середине 1994 г. о приостановке проведения в столице приватизационных мероприятий. Острая конфликтная ситуация разрешилась фактически в пользу города. Москве было разрешено проводить приватизацию по своей схеме.

Столь значительное увеличение властных и финансовых ресурсов московской команды Юрия Лужкова не устраивало часть лиц из президентского окружения. Большой конфликт произошел в декабре 1994 г., когда служба безопасности президента России блокировала здание московской мэрии (бывшее здание СЭВ) на Краснопресненской набережной, где находится также центральный офис группы «Мост», и опубликовала сообщение о том, что проводится оперативное расследование по делу о коррупции в среде высших московских чиновников. В результате лишились своих постов без согласования с Ю. Лужковым руководители столичной контрразведки Е. Савостьянов, московской милиции В. Панкратов и прокурор Москвы Г. Пономарев. В конечном итоге Юрию Лужкову удалось ликвидировать конфликт, опираясь на поддержку президента Ельцина, но его личное положение в течение двух-трех месяцев оставалось под угрозой.

В общественном мнении образ Лужкова и его правительства формировался в основном за счет двух прямо противоположных источников: с одной стороны, средств массовой информации, выступающих в поддержку акций «отцов города», с другой – резко критических выступлений в оппозиционной печати, а с недавнего времени и в ряде федеральных проправительственных изданий по поводу «распродажи столицы» и других «неправедных деяний» Юрия Лужкова. Однако начиная с середины 1995 г. авторитет мэра стали признавать практически все основные политические силы в столице и волна огульной критики сошла на нет.

Широкую поддержку у жителей Москвы нашли, в частности, инициативы столичного руководства, направленные на наведение порядка в городе, регламентирование уличной торговли, а также меры, нацеленные на снижение криминогенного фона, на борьбу с организованной преступностью, и прежде всего с иногородними криминальными преступными группировками, которые вызывали особую тревогу москвичей.

Получила свое дальнейшее развитие тенденция широкого привлечения московскими властями зарубежных и отечественных инвестиций, ориентирован-

Военная техника перекрывает Калининский проспект. 4 октября 1993 г.

Церковная панихида по погибшим 3–5 октября 1993 г. 13 ноября 1998 г.

ная в первую очередь на сохранение с помощью вложенных капиталов промышленного, социально-бытового и культурного потенциала Москвы.

Проведение такой политики поддерживалось как за счет усилий местных властей по закреплению за московским регионом роли лидера в осуществлении экономических реформ в стране, в создании рыночной инфраструктуры, основанной на формировании рынка ценных бумаг и либерализации ценовой политики, так и за счет объективных факторов, связанных прежде всего с политическим и экономическим статусом столицы. Непосредственно в Москве, в отличие от прочих регионов Российской Федерации, широкое развитие получила строительная индустрия, были развернуты массовые реставрационные работы. Это стало возможным благодаря активной деятельности мэра и правительства по привлечению партнеров на взаимовыгодных условиях.

В начале апреля 1994 г. Правительство Москвы приняло за основу городскую программу по капитальному ремонту жилых домов на 1994–1997 гг., в соответствии с которой в 1994 г. планировалось отремонтировать 2,1 млн. кв. м жилой площади, в 1995-м – 4,154 млн., в 1996-м – 5,645 млн., в 1997-м – 6,155 млн. кв. м. Для справки: на 1 января 1994 г. жилищный фонд Москвы составлял 165,5 млн. кв. м, из них 46,4% находилось в муниципальной собственности, 19,3% принадлежало ведомствам, 10,6% – жилищно-строительным кооперативам и 23,7% являлось собственностью граждан. При этом 95% общего жилого фонда было в удовлетворительном состоянии (с износом до 40%), 4,3% – в неудовлетворительном (с износом от 41 до 60%).

Весной 1994 г. Правительство Москвы предприняло ряд акций, заранее согласованных с финансовыми и коммерческими структурами города и направленных на накопление бюджетных, в том числе валютных, средств Москвы.

Частичную помощь городским властям в содержании неприбыльных сфер инфраструктуры (например, образования) призваны оказывать все юридические лица столицы, занимающиеся по уставу коммерческой деятельностью.

Храм Казанской иконы Божией Матери. 1636 г. Снесен в 1936 г., воссоздан в 1993 г.

Реконструкция Московской кольцевой автодороги

Для них с 1 марта 1994 г. были введены обязательные сборы в размере 1%, которые взимаются с фактически начисленного предприятиями и организациями годового фонда оплаты труда. От уплаты сбора освобождались только образовательные учреждения, предприятия и организации, в которых более 50% работающих составляли пенсионеры и инвалиды, а также специализированные предприятия, оказывающие ритуальные услуги, и детские подростковые клубы.

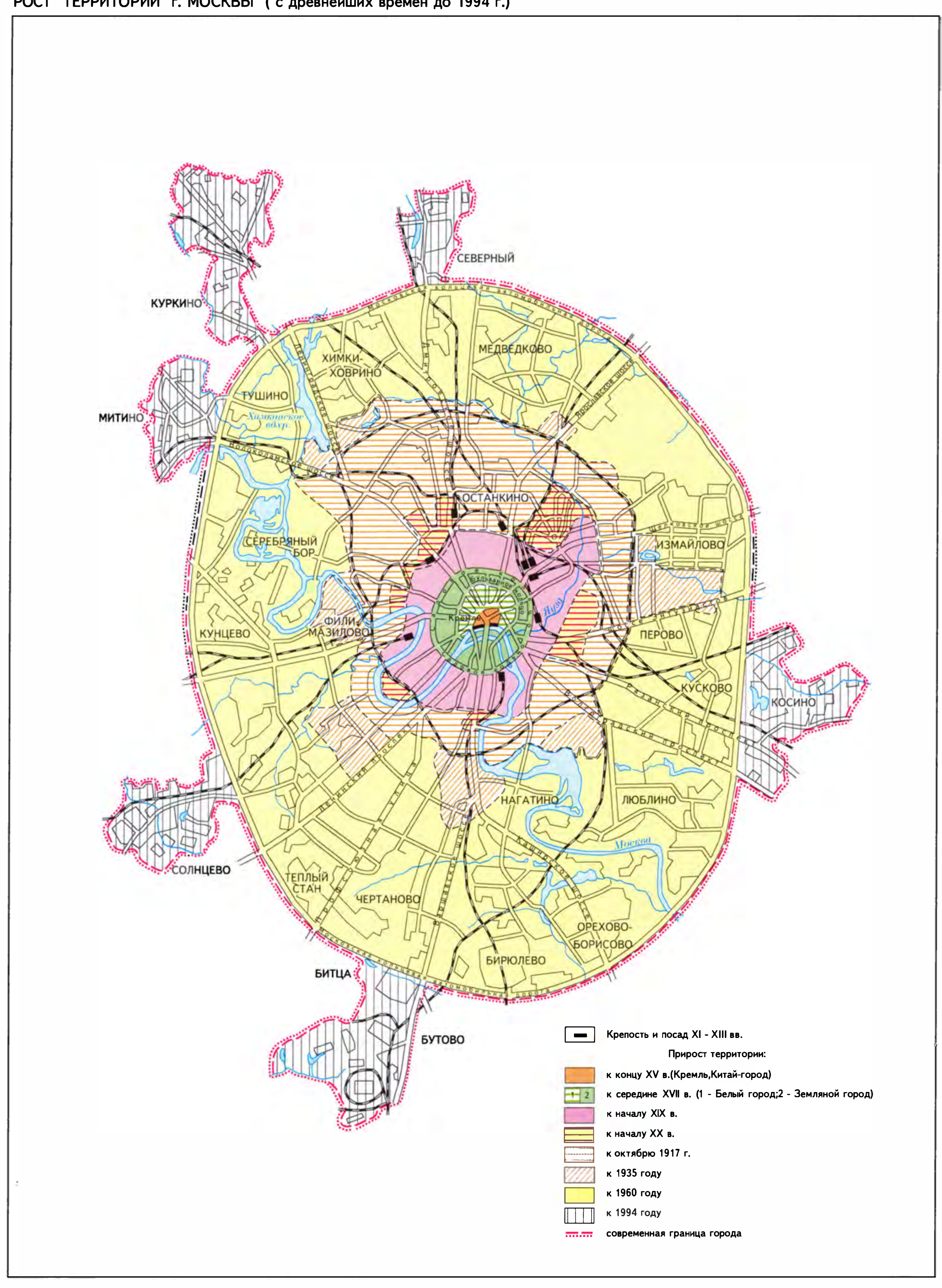
С целью непосредственного пополнения бюджетных, в том числе валютных, средств города была разработана местная туристическая инфраструктура, а также апробирована технология налогового сбора с финансовых и предпринимательских структур. Зимой 1994 г. Московская городская дума приняла внесенный мэром правовой акт о введении в городе туристского сбора и сбора со сделок по купле-продаже валюты. Дума постановила ввести на территории Москвы с 1 января 1994 г. городской туристский сбор в размере 1 доллар США за сутки пребывания в гостиницах, кемпингах, гостевых домах с иностранных граждан-туристов (кроме граждан СНГ), посещающих город самостоятельно, а с 1 января 1995 г.– и организованно, т.е. в составе туристских групп, делегаций и т.п. Этим же постановлением с 1 марта 1994 г. было решено ввести сбор со сделок по купле-продаже валюты, совершаемых на биржах, в размере 0,1% от суммы сделок.

В деле привлечения средств в регион сохранилась ориентация московского руководства на расширение действующих и создание новых объектов финансовой и торгово-посреднической инфраструктуры, соответствующих сервисных и информационных систем, позволяющих Москве использовать свое столичное положение в качестве посредника для организации деловых связей между российскими регионами и зарубежными партнерами (включая страны СНГ). Кроме того, отчетливо проявилось стремление московского мэра Юрия Лужкова вывести город на уровень европейских столичных мегаполисов. Этими причинами было продиктовано и решение мэрии вложить финансовые средства прежде всего в те культурно-сервисные и деловые структуры, которые стали приоритетными для московского правительства, рассчитывающего на получение от них в будущем немалых дивидендов.

Важным являлось также и то, что значительные бюджетные дотации, которые полагались Москве для выполнения столичных функций (на 1995 г. было выделено 13 трлн. руб.), безусловно, привлекали крупнейшие зарубежные и отечественные банки, имеющие возможность использовать их в финансовом обороте, беря на себя функцию по осуществлению части городских программ развития.

Опорными финансовыми структурами московской мэрии и правительства в течение 1993–1994 гг. был ряд коммерческих банков, которые после упорной борьбы в апреле 1994 г. стали специальными уполномоченными банками правительства столицы, в их числе: «Менатеп», Мост-банк, «Национальный кредит», Технобанк, «Столичный» и «Орбита». В начале августа 1994 г. в соответствии с постановлением Лужкова к

РОСТ ТЕРРИТОРИИ г. МОСКВЫ (с древнейших времен до 1994 г.)



названным шести коммерческим банкам, функционирующим в качестве уполномоченных московского правительства, прибавились еще пять: Московский индустриальный банк, Онэксимбанк, ЗелАКбанк, Московское отделение Сберегательного банка РФ и Альфа-банк. Эти банки обслуживали около 300 тыс. юридических лиц по бюджетным счетам, под которые столица получала бюджетные деньги. Однако уже в декабре 1994 г., в ходе большой политической схватки между мэром и рядом политических групп федерального уровня, все счета пришлось вновь перевести в Центральный банк России. Вместе с тем Лужков добился президентского указа на создание специального Муниципального банка столицы, где разместили свои счета московская администрация и ее структуры.

В целом же к 1995 г. в Москве находилось около 1000 коммерческих банков, примерно 500 филиалов, в которых оборачивалось 60% финансового капитала России и на которые приходилось 90% валютного оборота, более 60 торговых, фондовых бирж, несколько десятков крупнейших торговых домов, риэлтерских фирм (суммарно они только в 1995 г. провели свыше 1 млн. 700 тыс. торговых операций, в то время как в 1993-м – только 133 тыс.), больше двух тысяч страховых компаний и другие финансовые структуры. Город действительно стал финансовым сердцем России и смог привлечь различные политические и экономические группировки, стремящиеся если не установить свой политический контроль, то хотя бы завоевать серьезные позиции в различных сферах деловой активности[5].

Столичная мэрия в 1993–1994 гг. активно поддерживала старые и налаживала новые контакты с зарубежными торговыми и финансовыми партнерами. Например, Юрию Лужкову удалось достичь договоренности об установлении водного сообщения между Москвой и Хельсинки, в результате чего было намечено осуществление поставок для москвичей торговыми судовыми караванами финских товаров в обмен на российский сжиженный газ. Реализация такого рода инициативы стала возможной после проведения Москвой необходимых расчетов, по результатам которых оказалось, что газ гораздо дешевле везти морем, чем доставлять по трубопроводу. В итоге с Финляндией был заключен договор, предусматривающий выгодный товарообмен и строительство торговых домов: «Русского купеческого торгового дома» в Хельсинки и финского – в Москве.

В феврале 1994 г. для комплексного привлечения финансовых ресурсов было принято решение об образовании на территории Московского столичного региона еще одной свободной экономической зоны (СЭЗ) – в Домодедове. Домодедовский проект уже включен в список официальных проектов ЮНИДО (организации ООН, занимающейся промышленным развитием).

Оказание посреднических услуг другим регионам страны, сервисное и информационное обеспечение их деятельности, помощь регионам по налаживанию деловых связей на выгодных как для российских, так и для зарубежных партнерах условиях делают Москву привлекательной для заключения с ней долгосрочных деловых соглашений, минуя федеральные органы власти.

Москва к концу 1994 г. заключила торгово-экономические соглашения с 40 регионами России и с 10 государствами ближнего зарубежья. По словам одного из представителей администрации, в целях ускорения реализации межправительственных соглашений и своевременных расчетов между получателями и производителями продукции в странах СНГ Правительство Москвы утвердило 36 коммерческих банков. Осенью 1994 г., во время празднования Дня города, по инициативе Лужкова было заключено рамочное соглашение о комплексном (программного уровня) сотрудничестве с 20 регионами страны.

Значительные и всевозрастающие доходы Москве приносили арендные платежи и ставки земельного налога – классические доходные статьи любых местных органов власти. По данным Москомзема, земельные платежи только в 1994 г. дали городу 15 трлн. руб., что составило 10% от доходной части его бюджета (за 1993 г. от них было получено 27 млрд. руб.). Основную тяжесть этого налога столичное правительство перенесло на инофирмы, банки, коммерческие торговые структуры. Это также касалось организаций, которые, имея «по наследству» большие площади, сдавали их в аренду. Для инофирм годовой тариф был установлен в размере 400 тыс. долларов за гектар.

Москва еще в 1993 г. первой среди российских регионов начала формирование реестра собственности с учетом всех владельцев имущества на территории столицы, опередив в этом даже Госкомимущество, а потому и первой распределив эту собственность.

За то время как городское правительство возглавляет Юрий Лужков, Москва сумела резко вырваться вперед по показателям среднедушевых доходов и потребления, но это привело к растущему отрыву столицы от остальных районов страны и носило уже не только количественный, но и качественный характер, что серьезно обострило ее отношения как с регионами, так и с федеральным Центром. Примером стало сокращение в федеральном бюджете на 1996 г. субвенций Москве, связанных с испол-

[5] См., например: Правительство – город – люди. Серия «Город, люди, информация»//Информационный бюллетень Департамента по делам печати и информации Правительства Москвы. 1996. № 8(57). С.16–19.

нением ею функций федеральной столицы.

Вместе с тем без решения коренных вопросов структурных изменений в базовых отраслях экономики, без формирования соответствующей рыночной среды, без высокотехнологичного труда и завоевания собственной ниши на внешнем рынке Москва, как и вся страна, не может выйти из критической ситуации с промышленностью.

Московскому правительству к середине 90-х гг. не удалось существенным образом профинансировать отрасли, составляющие градообразующую основу столицы. Его главные усилия были направлены на поддержание функционирования хозяйственно-бытового комплекса города. Между тем московский капитал все более сосредоточивался в сфере обращения, отделяясь от производственной сферы; обострялся и инвестиционный кризис.

Расходная и приходная части московского городского бюджета показывали, что столичному правительству было все сложнее изыскивать средства для покрытия просроченных задолженностей населения и поддержания промышленно-строительного комплекса. Довольно низкий по сравнению с московскими ценами уровень доходов москвичей не позволял обеспечить достаточных налоговых поступлений в бюджет.

В результате реформ произошло изменение доли доходов по труду в общем объеме доходов населения, что привело к потере определяющего значения заработной платы в структуре доходов. В Москве уже к 1995 г. и затем уже по всей России шел опережающий рост среднедушевых доходов населения, который вызвал превышение его уровня над размером среднемесячной заработной платы. В столице доходы от различных видов деятельности, не связанных с производством, стали преобладать. В конце 1995 г. среднедушевые доходы уже превысили среднемесячную заработную плату более чем в два раза. Доходы по труду сравнялись с социальными выплатами и за последние три года упали с 58 до 25%. Доходы от финансово-кредитных операций, продажи иностранных валют, предпринимательской деятельности, напротив, увеличились с 30 до 68%[6].

В целом для Москвы к 1996 г. сложилась весьма полярная структура доходов разных категорий населения. По данным исследования Отдела региональных проблем Министерства экономики РФ, 47% жителей столицы находились за чертой бедности, в то время как по России – 27%. Среднедушевые доходы наиболее обеспеченных слоев населения превышали доходы наименее обеспеченных в 31,6 раза (в 1993 г.– в 13,7 раза)[7].

Вместе с тем население столицы в своей массе ориентировалось на расширенные возможности получения доходов, которые в силу своей специфики предоставляла столица ее жителям, по крайней мере тем, кто желал вести активную экономическую деятельность или работать.

Именно эти настроения предопределили поддержку населением Бориса Ельцина и Юрия Лужкова.

Показателем авторитета Лужкова среди москвичей явились результаты выборов мэра города, состоявшихся 16 июня 1996 г.,– более 90% избирателей, принявших участие в выборах, отдали свои голоса Юрию Лужкову. Это говорило о том, что жители Москвы независимо от политических симпатий признали Лужкова в качестве «своего мэра». А подтверждением высокого профессионализма московского лидера в среде своих коллег – глав администраций городов России – явилась победа в конкурсе на звание «Лучший мэр города России».

Бурно развивающийся микрорайон Новокосино

[6] Правительство – город – люди. С.19–21.

[7] Там же.

МОСКВА ОТМЕЧАЕТ 850-ЛЕТИЕ СВОЕГО ОСНОВАНИЯ[1]

Современная Москва – многомиллионный, раскинувшийся на десятки километров город-гигант, в котором древние кварталы и районы новостроек пронизаны стремительными ритмами XX в. 850-летие стало подлинным торжеством Москвы, торжеством всей России, когда к сентябрю 1997 г. город украсился величественными зданиями, восстановленными храмами, обновленными садами и парками. Да и сами москвичи, с радостью встречавшие гостей российской столицы, выглядели в юбилейные дни лучше и красивее.

Но за яркими, праздничными днями 5–7 сентября 1997 г. стояла огромная, долгая и кропотливая подготовительная работа. Она началась с распоряжения мэра Москвы Ю. М. Лужкова «О создании комиссии и подготовке к празднованию 850-летия Москвы», подписанного 14 октября 1992 г.

Положение о Государственной комиссии по подготовке к празднованию 850-летия основания Москвы и ее персональный состав были утверждены 26 января 1995 г. постановлением Российского правительства за подписью В. С. Черномырдина. Председателем Государственной комиссии был назначен Ю. М. Лужков.

На общих заседаниях Государственной комиссии рассматривались наиболее важные вопросы подготовки города к юбилею и организации самого юбилея. Чаще всего обсуждались финансовые проблемы, ход реконструкции и благоустройства юбилейных объектов, выполнение культурной программы и планы проведения центральных мероприятий 5–7 сентября 1997 г. Всего за период с марта 1995 г. по сентябрь 1997 г. было проведено 14 заседаний Государственной комиссии, они носили деловой, конкретный характер, нередко возникала острая полемика, особенно когда решались финансовые проблемы, так как федеральное правительство задерживало обещанные выплаты.

Для оперативного развертывания работ по подготовке к празднованию юбилея распоряжением мэра Москвы в структуре Правительства Москвы 12 августа 1994 г. было создано Управление по организации подготовки к 850-летию основания Москвы. Его начальником был назначен И. Н. Пономарев. На Управление были возложены задачи по разработке распорядительных документов и предложений для Правительства Москвы; координация взаимодействия федеральных органов исполнительной власти, департаментов и комитетов московского правительства, предприятий, организаций и предпринимательских структур; оперативное решение возникающих проблем и контроль за выполнением принятых постановлений.

Ближе к юбилею для решения художественных и практических вопросов при организации главных торжеств в сентябре 1997 г. был создан свой оперативный штаб – Исполнительная дирекция по подготовке и проведению основных мероприятий, посвященных 850-летию основания Москвы (директор О. В. Беликов). В марте 1997 г. Правительством Москвы была принята Программа основных юбилейных мероприятий, в которую вошло около 800 предложений – театрализованные зрелища, всевозможные международные и межрегиональные акции, фестивали, конференции, конкурсы, кинопрограммы и т. д.

Кроме того, в каждом районе столицы, в каждой префектуре были образованы свои комиссии и штабы по выполнению территориальных тематических программ подготовки к празднику.

Ход подготовки постоянно освещался на страницах центральных и особенно городских газет, в которых появились специальные рубрики. Тесное сотрудничество установилось у Управления по организации подготовки к 850-летию основания Москвы с такими информационными агентствами, как «Интерфакс», РИА «Новости», «Постфактум», «Социальная информация»; с газетами «Московская правда», «Вечерняя Москва», «Градские вести», «Твер-

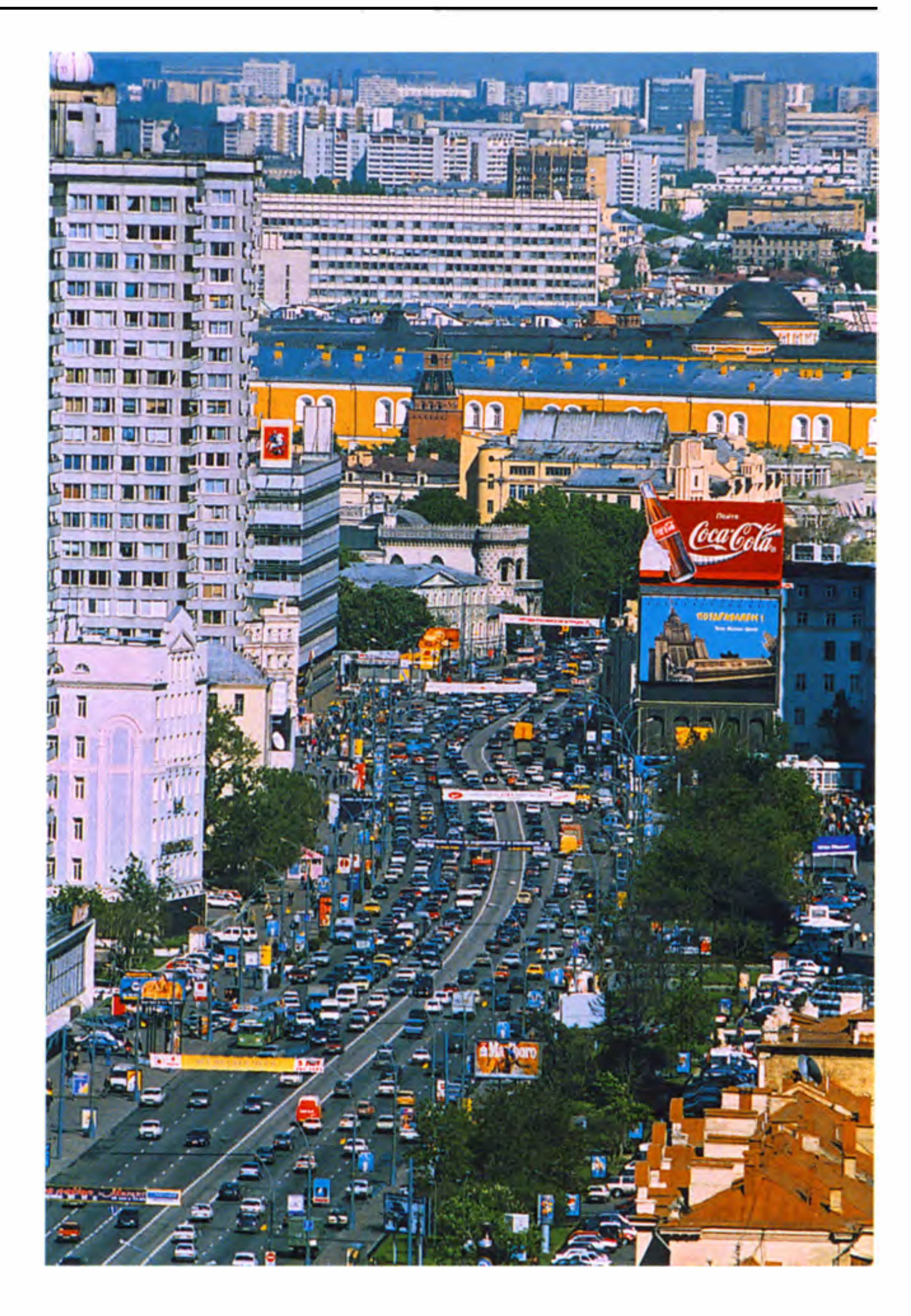
[1] Данная глава написана на основе материалов Управления по организации подготовки к 850-летию основания Москвы при правительстве Москвы, поступивших в Московское городское объединение архивов. После обработки фонд Управления будет передан на хранение в Центральный муниципальный архив Москвы.

ская, 13», «Куранты», «Российская Федерация», «Российские вести». Юбилейные события нашли отражение в журналах: «Моя Москва», «Окно в Москву», «Московский журнал», на страницах десятков других периодических изданий.

8 апреля 1996 г. распоряжением Ю. М. Лужкова на базе редакции журнала «Моя Москва» для координации всей информационно-пропагандистской работы по освещению подготовки юбилейных мероприятий был создан Центр информации «Москва-850». Кроме того, журнал «Окно в Москву» совместно с Управлением по организации подготовки к 850-летию основания Москвы в 1997 г. выпустил 10 номеров юбилейной хроники – «Информационный вестник. События деловой, общественной и культурной жизни города, посвященные 850-летию основания Москвы». Информация о юбилейных событиях регулярно звучала на волнах радиостанций: «Голос России», «Москва», «Надежда», «Маяк», «Юность» и др. Сюжеты о подготовке к юбилею появлялись на ОРТ, ВГТРК, НТВ, на каналах МТК и «ТВ-Центр», «Санкт-Петербург – 5 канал»; эти же телекомпании вели трансляцию с праздничных мероприятий 5–7 сентября 1997 г.

Поистине беспрецедентной была деятельность Правительства Москвы и частных инвесторов в области градостроительства и реставрации. Центр Москвы за три-четыре года, предшествующие празднованию, заметно изменил свой внешний облик. Появилось множество новых зданий, выстроенных как в традициях дореволюционной московской архитектуры, так и в ультрасовременном западном стиле. Комплексная программа строительства и реконструкции объектов в 1996–1997 гг. включала в себя 486 объектов, из которых 160 – новое строительство, а 326 – сооружения, нуждающиеся в реконструкции, реставрации или ремонте. К 1 сентября 1997 г. работы были полностью закончены на 227 объектах, еще на 201 постройке обновили фасады.

Завершилось возведение подземного комплекса «Охотный ряд» на Манежной площади, закончилась реконструкция Государственной Третьяковской галереи в Лаврушинском переулке, выставочного центра в Малом Манеже, здания Сената в Московском Кремле, Большой спортивной арены стадиона в Лужниках, ЦУМа. Была кардинально обновлена значительная часть Московской кольцевой автодороги. Всего в связи с подготовкой к празднованию 850-летия в 1996–1997 гг. в городе были отремонтированы фасады более 1100 зданий (площадью около 4 млн. кв. м), выполнена пескоструйная очистка гранитных набережных площадью 300 тыс. кв. м.



Москва 90-х. Новый Арбат

Полным ходом велась перестройка памятника архитектуры XVIII–XIX вв. – Старого Гостиного двора, занимающего целый квартал Китай-города в 300 метрах от Кремля. Общая площадь этого комплекса составляет 81 600 кв. м, из них в аренду будут сдаваться до 53 000 кв. м, а внутренний двор площадью 11 600 кв. м с крупнейшим в мире светопрозрачным сводом должен стать местом культурно-зрелищных мероприятий, международных выставок и фестивалей. Впрочем, специалисты по охране архитектурного наследия отнеслись к этому проекту весьма настороженно, выступая против модернизации и искажения внешнего вида старинного здания.

В соответствии с Комплексной программой реставрации историко-архитектурного наследия велись работы в

Культурно-деловой центр в Вознесенском переулке

Московский зоопарк после реконструкции

Здание театра «Новая опера» в саду «Эрмитаж»

Большом и Малом театрах, в музее-усадьбе «Коломенское». Были отреставрированы Белые палаты на Пречистенке (превратившиеся в крупный культурно-выставочный центр), комплекс Сандуновских бань, фонтан на Театральной площади, памятники первопечатнику Ивану Федорову, М. В. Ломоносову, А. С. Пушкину, Н. В. Гоголю, П. И. Чайковскому, Н. И. Пирогову и др. Грандиозную работу проделали реставраторы, за 11 месяцев возродив сгоревшие при пожаре великолепные интерьеры особняка З. Н. Морозовой – творение архитектора Ф. О. Шехтеля. В 1996–1997 гг. была осуществлена архитектурно-художественная реставрация шести станций метро: «Комсомольская-кольцевая», «Комсомольская-радиальная», «Белорусская-кольцевая», «Бауманская», «Электрозаводская», «Измайловский парк». Проводилась полномасштабная реставрация Александровского сада, было приведено в порядок Бульварное кольцо (на всем его протяжении обновлены чугунные решетки и фонари), проведен ряд благоустроительных работ в саду «Эрмитаж» и в Ильинском сквере, в скверах у Большого театра и Китайгородской стены, на Театральной, Лубянской и Триумфальной площадях. Начиная с 1993 г. Правительство Москвы стало проводить конкурсы на лучшую работу в области реставрации и реконструкции памятников архитектуры. Всего на 129 памятниках, включенных в Комплексную программу строительства и реконструкции объектов в 1996–1997 гг., за два с половиной года, предшествующих юбилею, было выполнено работ на 3 млрд. 400 млн. рублей.

Издавна облик Москвы был неразрывно связан с ее храмами, их золотыми куполами, радостным или печальным колокольным звоном. Сильно пострадавшие во время гонений на церковь московские храмы с 1950-х гг. начинают понемногу реставрировать и приводить в порядок. Но именно в преддверии 850-летия удалось воссоздать и отреставрировать не отдельные церкви, а возродить привычный облик златоглавой столицы.

И наиболее впечатляющим событием – символом обновляемой столицы – стало стремительно выросшее величественное здание самого большого московского собора – храма Христа Спасителя. Идея его восстановления была выдвинута деятелями русской культуры в 1989 г. Призыв возродить одну из главных московских святынь выглядел тогда скорее смелым порывом, желанием вернуться к историческим истокам, чем реальной возможностью решить грандиозную задачу, а собранные частными лицами по крохам несколько миллионов рублей были вскоре обесценены обвальным падением курса рубля.

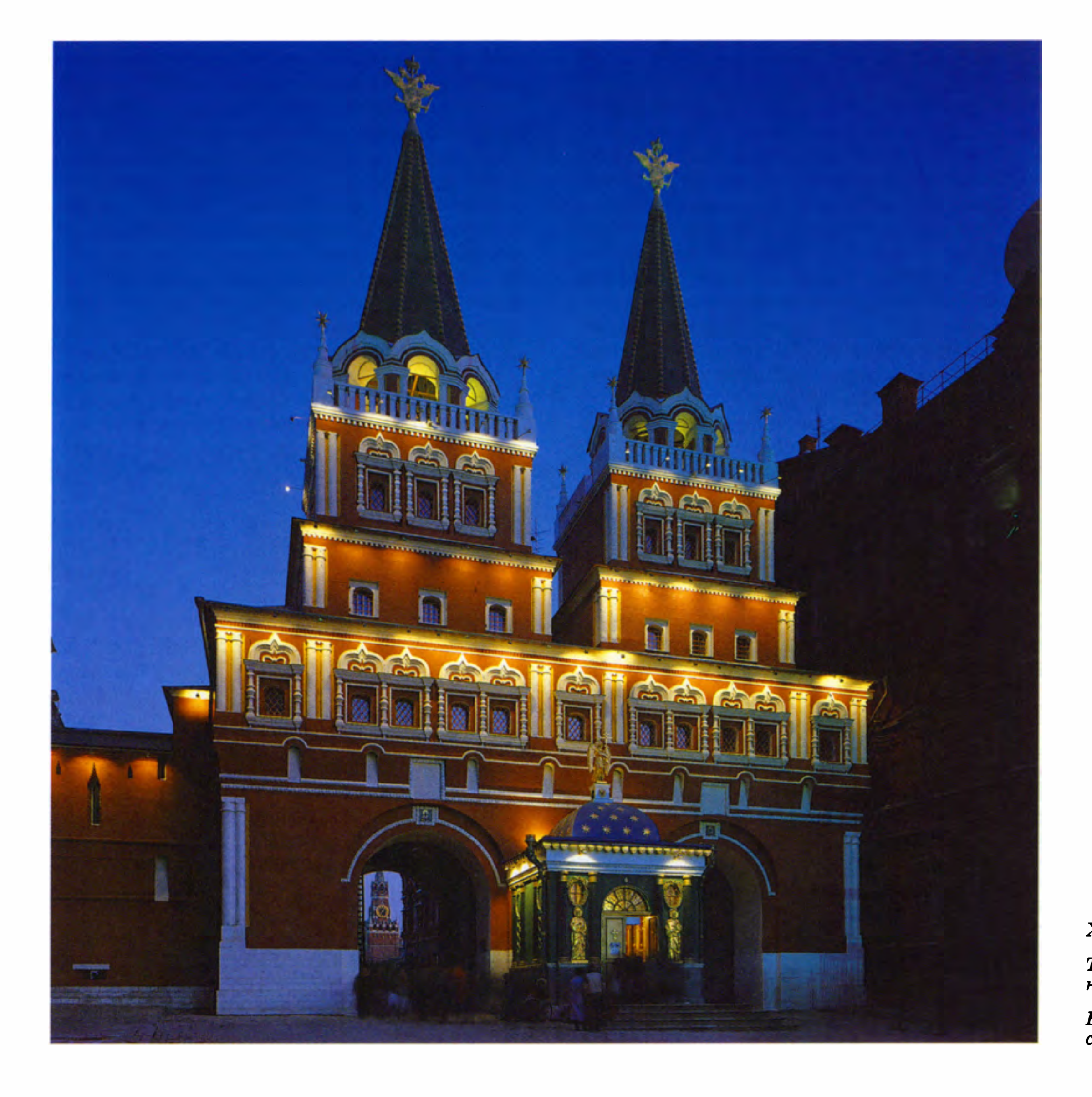
Однако сам замысел стал обретать все больше влиятельных сторонников, и 7 сентября 1994 г. в здании московской мэрии состоялось учредительное собрание Общественного наблюдательного совета по воссозданию храма, председателем которого был избран патриарх Московский и всея Руси Алексий II, вицепредседателем – Ю. М. Лужков. Далее события развивались с нарастающей быстротой: территория была огорожена забором, к концу ноября 1994 г. закончена укладка бетона в плиту основания храма, в декабре строители приступили

к устройству фундамента. На Рождество 7 января 1995 г. крестный ход во главе с патриархом вышел из Боровицких ворот Кремля и направился к строительной площадке на Волхонке, где состоялась торжественная закладка храма.

С апреля 1995 г. началось возведение бетонных стен, а в августе завершилось сооружение нижнего храма. К январю 1996 г. закончилась заливка стен, и главный купол начал покрываться золотыми листами. 28 марта 1996 г. после освящения девятиметровый крест был водружен на главный купол, и собор поднялся во весь свой исполинский рост – почти 103 метра. А 19 июля 1997 г. храм обрел свой голос – в этот день на соборную звонницу был поднят отлитый на заводе АМО ЗИЛ большой тринадцатитонный колокол.

Среди других восстановленных и отреставрированных памятников хочется отметить: Воскресенские ворота с Иверской часовней, собор Богоявленского монастыря, церкви преп. Федора Студита на Большой Никитской улице, Большого Вознесения у Никитских ворот, св. Николая в Звонарях, св. Георгия в Ендове, Троицы в Кожевниках, св. Николая в Голутвине, свв. Флора и Лавра на Зацепе, св. Николая в Кузнецкой слободе, Влахернской иконы Божией Матери в Кузьминках, Никольский собор и патриаршие кельи Николо-Перервинского монастыря, старообрядческий храм св. Николая у Белорусского вокзала. Не были забыты и храмы других конфессий: началось восстановление костела Непорочного зачатия пресвятой Девы Марии на Малой Грузинской улице, обновились соборная мечеть и хоральная синагога.

Одним из важных вопросов при подготовке к празднованию было световое оформление – освещение ночной Москвы. Специально разработанные программы позволили с максимальной выразительностью раскрыть рельефную динамику фасадов, цветовую гамму и архитектурный силуэт многих столичных зданий. Системы архитектурно-художественной подсветки были смонтированы на 249 объектах – на всех вокзалах,



Храм Христа Спасителя

Торговый центр на Манежной площади

Воскресенские ворота с Иверской часовней

Книги, выпущенные к 850-летию Москвы

46 музеях, 44 памятниках, 43 храмовых комплексах, 11 мостах, зданиях ряда министерств, банков, крупных компаний, на Красной и Манежной площадях, на Тверской улице. Удачная, тщательно продуманная подсветка всех центральных площадей, монастырей, храмов, исторических построек и высотных зданий придала городу незабываемый сказочный облик.

В целях координации юбилейной издательской программы в феврале 1995 г. при Правительстве Москвы была организована специальная Комиссия по редакционно-издательской экспертизе изданий, посвященных 850-летию основания Москвы. В нее вошли известные историки, искусствоведы, литераторы, москвоведы, издатели и журналисты. Общий тираж выпущенных в 1995–1997 гг. изданий составил около 600 тыс. экземпляров. Из них был сформирован подарочный фонд Правительства Москвы, часть книг пошла на пополнение фондов библиотек вузов и техникумов Москвы, детских и юношеских районных библиотек.

В дни празднования юбилея, в сентябре 1997 г., при проведении конкурса на лучшую книгу о Москве, объявленного городским правительством, из 17 книг-лауреатов 10 были выпущены в рамках издательской программы Правительства Москвы.

Большой вклад в научно-издательскую деятельность внесло Московское городское объединение архивов, выпустившее более 30 москвоведческих книг и сборников. Среди изданий «Мосгорархива», пользующихся заслуженным успехом у специалистов-москвоведов и всех любителей истории родной столицы, можно отметить: 1-й выпуск «Московского архива», «Москва от губернатора до мэра», биобиблиографические справочники о прошлых и современных исследователях Москвы, «Царские и императорские дворцы», «Москва в начале XX века» и др. За успешную издательскую и выставочную деятельность 22 мая 1997 г. объединение «Мосгорархив» было награждено Дипломом участника подготовки празднования 850-летия основания Москвы.

Таким образом, положение с изданием москвоведческой литературы к сентябрю 1997 г. существенно отличалось от ситуации, о которой справедливо и нелицеприятно говорил 30 марта 1995 г. Ю. М. Лужков: «Громадную работу мы должны выполнить в области издания литературы, в области народного образования, вернуть москвичам историю Москвы, которую мы практически не знаем. Давайте вспомним, что мы лучше знаем – историю Москвы или, например, Древнего Рима. Плохо мы знаем богатейшую и величайшую историю нашего города! И плохо ее и сейчас преподаем в школах...» (из стенограммы заседания Государственной комиссии по подготовке к празднованию 850-летия основания Москвы).

В ходе подготовки к юбилею Московский департамент образования под председательством Л. П. Кезиной приступил к осуществлению целого комплекса важнейших культурно-образовательных программ. Одной из самых перспективных является программа «Восхождение к истокам». Ключевым звеном этой программы стал курс «Москвоведения», включенный с 1994/95 учебного года в Московский региональный базисный план. Москвоведение включает в себя вопросы истории, литературы, культуры, географии, этики, экологии, истории религии. Это отразилось и в тематическом содержании курса: «Москва как арена важнейших исторических событий в истории Отечества», «Москва как крупнейший культурный центр, средоточие духовной жизни», «Город как историко-бытовая среда», «Москва как памятник градостроительства», «Москва как административный и политический центр, столица государства», «Москва в судьбах и лицах» и др. Распоряжением Ю. М. Лужкова от 8 апреля 1997 г. был создан Московский городской совет по москвоведению.

Готовясь к юбилею, учащиеся создавали школьные музеи, проводили краеведческие экскурсии и экологические экспедиции. Среди массовых мероприя-

тий, приуроченных к юбилейной дате, можно выделить фестиваль «Юные таланты Московии». Глубокие познания в истории родного города показали юные москвичи – участники организованной Московским комитетом образования Олимпиады по москвоведению, финальный тур которой прошел 17 мая 1997 г. Начата работа по созданию летописи истории административных округов, уже вышли учебные пособия по истории Северного и Юго-Западного округов. Московское городское объединение архивов выпустило уникальную четырехтомную хрестоматию для учащихся старших классов «История Москвы», которая охватывает историю столицы с древности до наших дней.

Юбилейные планы московского правительства были рассчитаны не только на проведение самого праздника, но и направлены на улучшение повседневной жизни москвичей. Правительство уделяло постоянное внимание строительству и реконструкции жилого фонда, оздоровлению экологической обстановки, вопросам культуры, образования и спорта.

Во всех административных округах проводилась напряженная работа по приведению в порядок зон празднования, ремонту фасадов и тротуаров, ограждению строительных площадок, высадке деревьев и кустарников, благоустройству дворовых территорий. Управление жилищно-коммунального хозяйства и благоустройства создало более 113 тыс. кв. м цветников, провело декоративную обрезку 100 тыс. деревьев, удалило 12 300 сухостойных деревьев. В рамках подготовки к 850-летию Москвы проводилась благотворительная программа «Маленькая Москва» по обустройству детских спортивно-игровых площадок.

Детский городок. 1997 г.

Особый размах в юбилейном 1997 г. принял ежегодный общегородской конкурс «Лучший московский дворик». Нелегко пришлось конкурсным комиссиям (из 32 тыс. московских дворов в конкурсе приняло участие 9 тыс.). Награды присуждались в четырех категориях: «Самый благоустроенный район столицы», «Самый благоустроенный микрорайон столицы», «Лучший московский дворик» и «Лучший московский дворник». Из 500 дворников, принявших участие в соревновании, лучшими были признаны сразу 19 человек, все они получили премии по 7 млн. руб., ценные подарки и двухнедельные путевки на Кипр.

При осуществлении Программы по оздоровлению окружающей среды основное внимание было уделено главной экологической проблеме города – загрязнению воздуха. Удалось снизить выбросы

Московский двор. 1997 г.

Мемориальный комплекс на Поклонной горе

от автотранспорта и промышленных предприятий. Так, в 1996 г. промышленные выбросы снизились почти на 10 тыс. т (при этом практически не произошло спада самого производства, а выработка тепла и электроэнергии на ТЭЦ возросла). Комплекс мероприятий, проведенных на автотранспорте, был направлен на перевод Московского нефтеперерабатывающего завода на производство низкосернистого дизельного топлива (весь муниципальный транспорт, работающий на дизельном топливе, стал использовать низкосернистое топливо), реализацию в Москве бензина, отвечающего исключительно мировым стандартам, установку фильтров нейтрализации отработанных газов на автобусах (такими фильтрами было оборудовано 310 автобусов). Новые «Икарусы», изготовленные Тушинским машиностроительным заводом, были снабжены двигателями, соответствующими европейским нормам. В городе было создано около 500 постов контроля и регулировки автомобилей. Все перечисленные мероприятия позволили стабилизировать рост выбросов от автотранспорта.

Важным направлением в работе по охране окружающей среды явилась борьба с загрязнением водоемов. Удалось решить проблему загрязнения сточных вод и осадка станций аэрации токсичными тяжелыми металлами от гальванических производств. Особое внимание было обращено на очистку Москвы-реки, вдоль ее берегов были ликвидированы десятки свалок мусора и отходов. На шести крупнейших московских предприятиях при финансовой поддержке Мосэкофонда было завершено строительство очистных сооружений.

Для борьбы с экологическими преступлениями в октябре 1996 г. было создано специализированное Главное управление экологической милиции г. Москвы (с отделами в каждом административном округе), которое в тесном сотрудничестве с Москомприродой, санэпидемнадзором и ветеринарной службой начало борьбу за оздоровление городской территории. Только за первые восемь месяцев 1997 г. в девяти округах Москвы было ликвидировано 62 свалки. В июле – августе 1997 г. экологическая милиция помогла Центру государственного санитарно-эпидемиологического надзора в г. Москве провести общегородское медицинское обследование продавцов московских рынков и аттестацию знаний ими правил гигиены.

Что касается самих рынков, то их насчитывалось в столице 217 (33 – сельскохозяйственных, 14 – крупных город-

ских, 89 – малых муниципальных, 81 – мелкооптовый). Перед юбилеем на 185 московских рынках проводились те или иные работы по реконструкции и модернизации.

Интересной новинкой стало появление в Москве динамично развивающейся сети предприятий быстрого питания «Русское бистро», к сентябрю 1997 г. она имела в городе 21 стационарную торговую точку и около сотни передвижных.

Прелюдией к московскому юбилею явился великий всенародный праздник 50-летия Победы в Отечественной войне, центром и символом которого в мае 1995 г. стала Москва. Но и после этой даты, в 1996–1997 гг., Правительство Москвы продолжало поддерживать проведение военно-патриотических мероприятий, устраивало благотворительные праздники, концерты, показы кинофильмов для ветеранов. Особенно яркими были военно-спортивные праздники в Тушине и Внукове, приуроченные к традиционному августовскому Дню Военно-Воздушных Сил. Накануне празднования юбилея совместно с Советом ветеранов 1-й дивизии народного ополчения Москвы на «солдатском» поле у деревни Малеево был открыт памятник москвичам-ополченцам и совершено торжественное перезахоронение останков воинов, погибших на Серпуховском рубеже обороны столицы в октябре – декабре 1941 г.

Несмотря на предпраздничные заботы Москва еще раз подтвердила свой статус одной из спортивных столиц мира – при активном содействии Комитета по физической культуре и спорту Правительства Москвы были успешно проведены самые разнообразные спортивные состязания, спартакиады и турниры. За период с сентября 1995 г. по август 1997 г. в Москве состоялось около 9 тыс. соревнований различного уровня и возрастных категорий. Только в первом полугодии 1997 г. на ремонт и реконструкцию спортивных сооружений было выделено 10 млрд. рублей.

В предъюбилейном сезоне московские спортсмены завоевали 744 золотые, 480 серебряных и 389 бронзовых медалей. За восемь месяцев 1997 г. на высоком уровне были проведены крупные городские соревнования: «Русское Рождество на Воробьевых горах», «Московский лыжный марафон», «Русская зима», «Спорт – экология», «Мир, здоровье, совершенство», 5-я Московская спартакиада среди воспитанников детско-подростковых учреждений, «Московские студенческие игры-97» (свыше 150 тыс. участников), Фестиваль детских танцев на льду и др. Всю первую половину 1997 г. в столице проходила Спартакиада трудящихся Москвы, на муниципальных и окружных этапах в ней приняли участие свыше 300 тыс. москвичей. В финале Спартакиады, 12 июня,

Микрорайон МЖК «Атом»

Юбилейная медаль «В память 850-летия Москвы»

встретились сборные команды всех административных округов города. Спортивные состязания предварял красочный праздник – парад физкультурников и ветеранов спорта, показательные выступления спортивных и художественных коллективов. Во второй половине августа 1997 г. был проведен 4-й Московский международный клубный турнир по хоккею «Кубок Спартака». По распоряжению Ю. М. Лужкова Управление по организации подготовки к 850-летию основания Москвы выделило на оплату питания и размещения его участников 700 млн. рублей. Одним из заключительных предъюбилейных спортивных событий стал прошедший на Большой спортивной арене стадиона в Лужниках товарищеский футбольный матч между сборной России и сборной мира, приуроченный к празднику города и 100-летию российского футбола.

При выполнении Социальной программы защиты москвичей было проведено значительное число благотворительных мероприятий для более чем 1 млн. малообеспеченных жителей столицы: организация бесплатного питания, финансовая помощь, предоставление продуктов питания, оказание льготных и бесплатных бытовых услуг, помощь в ремонте квартир, проведение концертов и экскурсий и т. п. За период с 1995 г. по август 1997 г. на реализацию этой программы было направлено около 325 млрд. руб., включая затраты административных округов из внебюджетных источников в сумме более 135 млрд. рублей.

К примеру, только в 1997 г. Центральный административный округ отремонтировал 324 квартиры малообеспеченных граждан (296 млн. руб.), оказал 33 808 жителям округа бесплатные бытовые услуги (более 700 млн. руб.), выделил на проведение праздничных мероприятий в округе 131 млн. рублей. Большой благотворительный концерт «Москва-850» для детей-сирот из детских домов № 6 и 8 и школ-интернатов № 8 и 24 с успехом прошел во Дворце спорта «Крылья Советов».

Широкий размах в предъюбилейной Москве приняло проведение всевозможных благотворительных концертов и других творческих мероприятий. Вот лишь несколько иллюстрирующих это движение примеров.

По инициативе всемирно известной певицы Ирины Архиповой, игуменьи Серафимы и Российского фонда культуры в Успенском соборе Новодевичьего монастыря прошла серия благотворительных концертов, полученные средства были переданы в фонд возрождения этого монастыря. В концертах приняли участие лучшие исполнители духовных песнопений: Московский академический камерный хор под руководством Владимира Минина, мужской хор «Православные певчие», Академия хорового искусства России, детский хор Новодевичьего монастыря, праздничный мужской хор Свято-Данилова монастыря и др.

6 и 12 мая 1997 г. Государственный духовой оркестр России дал два благотворительных концерта в честь Дня Победы: «Москвичам-ветеранам посвящается» и «Строки, опаленные войной».

20 мая 1997 г. в Малом зале консерватории по благословению патриарха Алексия II прошел благотворительный концерт, средства от которого были направлены на реконструкцию здания Свято-Дмитриевского приюта – детского дома для девочек при общине сестер милосердия 1-й Градской больницы.

Ветераны вспоминали тяжелые бои 1941 г. под Москвой, от стен которой начинался их долгий ратный путь на запад; труженики тыла с гордостью писали о своей героической, на пределе человеческих сил трудовой вахте; участники празднования 800-летия столицы рассказывали о тех далеких и радостных днях своей молодости. Авторы писем присылали новые слова для государственного гимна России, короткие стихи о Москве для праздничного оформления улиц, предлагали устроить прием для старейших жителей Москвы, отмечавших в сентябре 1997 г. 60-летие своей супружеской жизни, давали много других полезных, своевременных, а иногда и курьезных советов.

Не обошлось, конечно, без конкретных жалоб: неухоженные, замусоренные дворы, разбитые подъезды, разоренные детские площадки. Справедливо критиковались и некоторые непродуманные

нововведения. Так, пожилые люди жаловались, что устроенные на остановках общественного транспорта металлические лавочки в холодное время года просто опасны для здоровья. Интересные и оригинальные предложения рассматривались в подразделениях Управления по организации подготовки к 850-летию основания Москвы, письма с конкретными замечаниями пересылали в округа, где недочеты старались по возможности исправить.

Культурная жизнь столицы 1995–1997 гг. была наполнена многочисленными и разнообразными конференциями и выставками, фестивалями и концертами, творческими конкурсами и праздниками на открытом воздухе, посвященными 850-летию Москвы.

В Москве был проведен ряд крупных международных научно-технических форумов: «50 лет информационной эры», Международная конференция по инженерному образованию, 2-й Международный конгресс «Высокие технологии, Москва-850», Международная конференция по использованию достижений науки и техники в развитии городов, 2-й Международный аэрокосмический конгресс и др. С 18 по 21 июня 1997 г. в российской столице прошел один из наиболее престижных международных форумов – 5-я конференция мэров крупнейших городов мира «Крупнейшие города мира на пороге XXI века: ситуация, тенденции, решения». На него приехали 25 делегаций, состоялось первое учредительное заседание высшего представительного органа конференции – Генеральной ассамблеи, был принят устав конференции.

Возрождению классических традиций русского искусства был посвящен фестиваль «Московские салоны», и не случайно его открытие осенью 1995 г. прошло в знаменитой подмосковной усадьбе Остафьево, связанной со многими выдающимися деятелями русской культуры XIX в.

В июне 1996 г. был организован представительный фестиваль классической музыки «Музыкальные собрания». Кроме ведущих отечественных исполнителей в нем приняли участие музыканты из Германии, Норвегии, Тайваня; в Кускове была разыграна мелодрама русского композитора XVIII в. Е. И. Фомина «Орфей». В декабре того же года с большим подъемом прошел 7-й Международный фестиваль «Баян и баянисты».

2–5 сентября 1996 г. при поддержке Правительства Москвы, Русской православной церкви, Министерства культуры РФ и ЮНЕСКО состоялась Международная конференция «Монастыри – культурные и духовные центры России». В работе конференции приняли участие специалисты музеев и научно-исследовательских институтов, представители различных христианских конфессий, общественных организаций России и Европы; была выработана обширная программа дальнейшей совместной работы.

В феврале 1997 г. по случаю 200-летия московской городской архивной

службы Московским городским объединением архивов была развернута в Малом Манеже большая документально-иллюстративная выставка по истории города.

Постоянно проводились документальные выставки в резиденции Правительства Москвы на Тверской, 13, и здании мэрии на Новом Арбате, 36, рассказывающие как о прошлом, так и о многогранной жизни столицы в преддверии юбилея; среди них: «Москва не сразу строилась», «Дом, в котором я живу», конкурс-выставка на лучший сувенир и памятный подарок к 850-летию Москвы (в нем приняли участие 140 предприятий и художественных промыслов России) и др.

Весной 1997 г. ассоциацией «Народные художественные промыслы России» и Правительством Москвы была организована поистине праздничная выставка-ярмарка «Народные художественные промыслы России – 850-летию Москвы», на которой можно было не только увидеть, но и приобрести мстёрскую лаковую миниатюру, гжельский фарфор, скопинскую керамику, изделия с хохломской и городецкой росписью, нижнетагильские, красноярские и кемеровские подносы, произведения холмогорских и тобольских косторезов, изделия тульских оружейников, вологодские и елецкие кружева.

В залах Музея истории Москвы прошла подготовленная центром «Русская икона» при поддержке Правительства Москвы выставка «Русская икона в конце XX века», на ней были представлены творения крупнейших современных иконописцев.

Яркой и радостной получилась Российская выставка детского рисунка «Дорогая моя Москва», организованная в 1997 г. Международной детской художественной галереей. Галерея развернула свои экспозиции в Российской государственной детской библиотеке, Малом Манеже, Центральном музее Великой Отечественной войны и других залах, в этой выставке приняли участие свыше тысячи детей из многих городов России.

30 января 1997 г. в Государственном концертном зале «Россия» с юбилейной программой «Москва златоглавая» выступила народная артистка России Людмила Рюмина. В концерте приняли участие Национальный оркестр народных инструментов России им. Н. П. Осипова и лучшие народные коллективы Москвы.

26 февраля 1997 г. Российская государственная юношеская библиотека провела Всероссийскую молодежную читательскую конференцию «Дорогая моя столица», в ее работе приняли участие писатели, ученые, журналисты, была подготовлена книжно-иллюстративная выставка «Москва: вчера, сегодня и завтра».

Столичный юбилей совпал с 75-летием Московской государственной филармонии. В Большом зале консерватории, других концертных залах Москвы прошли концерты, посвященные этой знаменательной дате. В особняке князей Голицыных в Козицком переулке состоялся весьма интересный фестиваль «Русская провинция – к юбилею столицы». Старинная музыка звучала и в других исторических домах города – в музее-усадьбе «Кусково», палатах Английского

На открытии XII фестиваля «Композиторы России – детям». Май 1997 г.

Памятник Даниилу Московскому. Скульпторы А. Коровин, В. Мокроусов. 1997 г.

двора XVI в., особняке князей Черкасских.

Одним из наиболее красочных народных гуляний стало организованное 9 марта 1997 г. префектурой Юго-Западного административного округа театрализованное игровое представление «Масленица в Воронцах». На этот веселый, хорошо подготовленный и продолжавшийся весь день праздник в Воронцовском парке собрались жители не только близлежащих районов, но и москвичи из других округов.

С 21 по 29 марта 1997 г. Российская государственная детская библиотека провела традиционную Неделю детской и юношеской книги, на этот раз она целиком была посвящена московскому юбилею и называлась «О Москве и москвичах». Встречи с писателями, художниками, издателями и артистами, книжные экспозиции и концерты сопровождались выставкой рисунков «Тебе, моя столица», выставкой предметов декоративно-прикладного искусства «Я и Москва», конкурсом чтецов «Твоя Москва, твой Кремль, твоя Держава». Библиотека выпустила для юных читателей исторические буклеты «Московский Кремль», «Зодчие Москвы».

С 23 по 28 июня 1997 г. проходил 2-й Московский международный фестиваль детского анимационного кино «Золотая рыбка». В рамках этого творческого смотра состоялись конкурсы студенческих и детских работ, был организован ретроспективный показ работ ведущих аниматоров России.

В музее-заповеднике «Коломенское» летом 1997 г. зрители увидели серию исторических спектаклей-реконструкций «Коломенское – Москве юбилейной». Первым 12 июня было разыграно действо «В семи верстах от Москвы» об истории усадьбы Коломенское в XVI в., построенное на материалах, почерпнутых из трудов Н. М. Карамзина и С. М. Соловьева и из «Песни о купце Калашникове» М. Ю. Лермонтова. 19 июня был показан спектакль «Московский Вифлеем», посвященный Петру I, а 23 августа – «Галантный век», рассказывающий о времени Екатерины Великой. Немногим ранее, 19 августа, в день Преображения Господня, состоялся фольклорный праздник. Под звон колоколов Казанской церкви веселая процессия двинулась от Спасских ворот к храму Вознесения; после слова настоятеля перед собравшимися выступили ансамбли «Лад», «Дубрава», «Измайловская слобода» и другие коллективы.

В залах Третьяковской галереи на Крымском валу все лето работала большая, представительная выставка «Екатерина Великая и Москва». На ней были собраны экспонаты из фондов самой галереи, Исторического музея, музея-заповедника «Московский Кремль», других музеев, архивов и библиотек Москвы и Подмосковья.

Уютный замоскворецкий Музей В. А. Тропинина встретил юбилей двумя камерными выставками: «Москва купеческая» и «Виды Москвы и ее окрестностей».

В конце лета 1997 г. музей «Бородинская панорама» открыл выставку «Москва и 1812 год», посвященную 185-летию Бородинской битвы и 35-летию музея.

Поистине всемирный размах приобрела Международная викторина «Москва – древний город мира и дружбы», которую провели для иностранных граждан радиостанция «Голос России» и Международный фонд «Новый Свет-500». На конкурс поступило около 8000 работ, 4 августа 1997 г. на заключительном заседании жюри было присуждено десять первых премий – поездки в Москву на празднование 850-летия. Их обладателями стали граждане Англии, Испании, Германии, Болгарии, Китая, Ирана, Аргентины, Перу, Индии и Латвии. Работы победителей были переданы в Музей истории города Москвы.

Юбилейная эмблематика заняла существенное место в подготовке 850-летия Москвы. 1 февраля 1995 г. Московская городская дума ввела в действие

закон «О гербе и флаге Москвы» (а 6 мая того же года Ю. М. Лужков подписал распоряжение о создании Московской герольдии при мэре города). Геральдические вопросы были затронуты и в постановлении Правительства Москвы от 5 марта 1996 г. «О программе комплексного оформления Москвы к 850-летию», по которому Московская герольдия обязывалась в течение 1996–1997 гг. разработать эскиз навершия московского флага, провести экспертизу символов муниципальных и административных округов, дать рекомендации по их дальнейшему использованию и многое другое.

Правительством Москвы был выпущен в свет альбом, содержащий официально утвержденные изображения флага и герба города, а также эмблемы-символы и атрибутику праздника 850-летия столицы.

Учреждены медаль «В память 850-летия Москвы», юбилейная монета, специальные дипломы за успешную подготовку празднования юбилея.

Для привлечения спонсорских средств к юбилею был создан Фонд содействия социальному и культурному развитию Москвы «Столица» при Правительстве Москвы. Все средства, поступающие от спонсоров, аккумулировались на специальном расчетном счете этого Фонда в банке «Менатеп». Их дальнейшее использование осуществлялось по распоряжению начальника Управления по организации подготовки к 850-летию основания Москвы.

По предложению Государственной комиссии по подготовке празднования 850-летия основания Москвы для создания льготных условий инвесторам, участвующим в реализации Комплексной программы благоустройства и реконструкции территории города в 1994–1997 гг., финансовым органам было дано право предоставлять отсрочки платежей в бюджеты субъектов Федерации в пределах текущего финансового года и на срок не более шести месяцев.

Генеральным спонсором празднества был Московский муниципальный банк «Банк Москвы».

Статус «Официальный спонсор» присваивалось фирмам и банкам, внесшим от 750 тыс. до 1 млн. 500 тыс. долларов. Этого звания добились шесть компаний: банк «Менатеп» (вклад 1 млн. 500 тыс. долларов), компании «Вимм-Билль-Данн» (вклад 2 млн. 200 тыс. долларов), «Вольво» (взнос 400 тыс. долларов и 13 автомобилей фирмы), «Самсунг электроникс», «Тринити-Моторс» и Московская акционерная страховая компания «МАКС».

31 августа 1997 г. на Васильевском спуске Кремля фирмами «Тринити-Моторс» и «Вимм-Билль-Данн» был организован праздничный концерт и благотворительная акция, в ходе которой пра-

Памятник Петру I. Скульптор З. Церетели. 1997 г.

воохранительным органам Москвы было передано 50 автомобилей «Шевроле-Блейзер» повышенной проходимости (стоимостью 1 млн. 750 тыс. долларов) и 5 водных мотоциклов (стоимостью 50 тыс. долларов), кроме того, на проведение самого концерта было затрачено более 200 тыс. долларов.

На средства банка «Менатеп» были отреставрированы церковь Василия Блаженного (наиболее известный придел Покровского собора на Красной площади), палаты князей Долгоруких, дом барона Кноппа; банк выделял деньги на восстановление храма Христа Спасителя, церкви Девяти мучеников Кизических; он дважды становился лауреатом городского конкурса «Реставрация».

Наименование «Спонсор мероприятия» получило 12 компаний; первой международной компанией, которой был присвоен этот статус, стала корпорация «Пепси-Кола», она выпустила специальную продукцию с символикой 850-летия и провела бесплатную раздачу своих напитков во время празднования.

«Свидетельство участника» заслужили уже несколько десятков фирм и организаций. Например, Научно-производственное предприятие «Фирма Старград», которое выпустило юбилейный альбом «Москва в истории науки и техники», одноименный CD-ROM и комплекты сувениров; более половины всей этой продукции безвозмездно передано в подарочный фонд мэрии.

Вся первая неделя сентября 1997 г. в Москве целиком прошла под знаком празднования 850-летнего юбилея, и конечно, кульминацией московских торжеств стали заключительные дни – 5–7 сентября.

Для централизованного, оперативного руководства всеми вопросами, связанными с проведением праздничных мероприятий, 25 августа 1997 г. постановлением мэра Москвы на период 1–8 сентября был создан Организационный комитет по проведению празднования 850-летия основания Москвы при Правительстве Москвы. В состав Оргкомитета было включено 30 человек – заместители мэра Москвы, члены Правительства Москвы, ряд федеральных и московских руководителей, представители правоохранительных органов, начальник Управления по организации подготовки к 850-летию основания Москвы, директор Исполнительной дирекции по подготовке и проведению основных мероприятий, посвященных 850-летию основания Москвы, и др. Работу Оргкомитета возглавил Ю. М. Лужков. Оргкомитет располагался непосредственно в кабинете мэра (на Тверской, 13).

В праздничном обращении московского мэра к москвичам от 3 сентября 1997 г. были такие слова: «Все мы – дети одного большого и прекрасного города. Этот город занимает особое место в сердце каждого россиянина. И не только оттого, что это административный центр России и одновременно крупнейший мировой политический, экономический, научный и культурный центр. Москва – это сама душа нашего Отечества. Все, что копилось в России на протяжении восьми с половиной веков, тяготело к столице, отзывалось в ней многозвучным эхом. [...]

Москва велика и значительна тем, что вместила на своих площадях и улицах, в обычных домах и великолепных дворцах, в архитектурных ансамблях и простых московских двориках, музеях и парках всю русскую историю. «Кто был в Москве, тот знает Россию»,– писал историк Н. Карамзин.

Со времен московского князя Ивана Калиты повелось так, что Москва стремилась все собрать, объединить, сберечь. И хотя в течение многовековой истории Москвы неоднократно приходилось вставать преградой на пути врагов, вести кровопролитные битвы за свободу, единство и независимость Отечества, здесь всегда было сильно понимание того, что сила народа не в драках и войнах, а в крепком, по уму устроенном хозяйстве. [...]

Особенно хорошо постарались москвичи в преддверии большого общероссийского праздника – 850-летия Москвы. Я, как мэр города, благодарен москвичам за их самоотверженный труд. [...]

Мы и дальше будем строить и украшать нашу любимую Москву. [...] История нас уже не однажды учила: “Пока стоит Москва – стоит Россия!” [...]»

На выставке-ярмарке продукции, выпущенной к 850-летию основания Москвы, в мэрии на Новом Арбате. Апрель 1997 г.

Поздравляя москвичей с юбилеем, члены Государственной Думы столь же высоко оценили роль и значение Москвы: «Москва – город-труженик, свято хранящий вековые рабочие традиции. Руками москвичей возведены прекрасные жилые кварталы и лучшее в мире метро, созданы сложнейшие машины и уникальные приборы, самолеты, космические корабли.

Москва – столица российской науки. Ломоносов и Менделеев, Королев и Курчатов, Келдыш и Колмогоров и многие другие, чьи имена говорят сами за себя, приумножали славу отечественной науки.

Москва – центр мировой культуры. Ее музеи и театры, художники и писатели, актеры и музыканты являются национальным достоянием не только России, но и мировой цивилизации. [...]

Москва была, есть и будет воплощением единства и целостности нашей великой Родины. [...]»

Значение Москвы в судьбах мира подчеркнул в своем послании Генеральный секретарь ООН: «Мне выпала высокая честь приветствовать Москву по случаю ее 850-летия. Это поистине международный праздник города, являющегося одной из главных столиц мира. Именно с событиями, происходившими в Москве, связано так много в истории XX столетия.

Выбранная вами тема торжества: «Москва: вчера, сегодня и завтра» – наводит на размышления об этих событиях и о тех драматических, воодушевляющих и часто захватывающих дух преобразованиях, которые зародились здесь, особенно в последнее десятилетие. [...]

Москва ощутила влияние процессов глобализации, и это помогает совместно решать вопросы, касающиеся нашего общего будущего. Я горжусь тем, что Организация Объединенных Наций является одним из участников этих процессов и одновременно – частью Москвы. Недавно мы открыли здесь свой новый офис. [...]»

О значении Москвы как центра нового союза говорил в своем поздравлении президент Белоруссии А. Г. Лукашенко: «Сегодня Москва и Республика Беларусь связаны миллионами нитей человеческих судеб, традициями, значительными явлениями культуры, науки, образования, развитием экономических отноше-

Официальная церемония открытия юбилейных торжеств, посвященных 850-летию Москвы. Тверская площадь. 5 сентября 1997 г.

Мэр Москвы Юрий Лужков выступает на открытии праздника. 5 сентября 1997 г.

ний. Особенно хорошие перспективы партнерства открыло создание Союза Беларуси и России. [...]

Я уверен, москвичи – люди грамотные, поймут все правильно. Прошло время, когда яркая обертка зарубежных товаров, крикливая реклама заслоняла натуральную ценность отечественных продуктов. Сегодня многие убедились в мудрости поговорки: «Не все золото, что блестит». Поэтому горизонты нашего сотрудничества расширяются, связи крепнут, а значит, крепнут наша дружба и доверие.

Москва юбилейная, Москва праздничная! Это незабываемо красивое зрелище. Москвичи умеют работать, но и умеют хорошо веселиться. [...]»

Наиболее полно были представлены на юбилее регионы России: 87 областей, краев, автономных округов и 41 делегация от российских городов. Были также приглашены делегации Черноморского и Северного флотов, руководители русских диаспор в странах СНГ и других организаций, а всего прибыло 135 делегаций численностью около 500 человек.

Особую почетную группу гостей праздника составляли ветераны Великой Отечественной войны, награжденные медалями «За оборону Москвы» (738 человек из России и 130 – из стран СНГ и Прибалтики). В Москве ветеранов окружили теплом и вниманием, подготовили интересную программу: возложение венков к могиле Неизвестного солдата и памятнику маршалу Г. К. Жукову, встречи боевых друзей, концерт в Большом театре, экскурсия по Кремлю и в музей на Поклонной горе и, конечно, участие в главных торжествах. Всем ветеранам были вручены юбилейные медали «В память 850-летия Москвы».

Огромный интерес к юбилею Москвы проявили отечественные средства массовой информации; официальную аккредитацию по освещению мероприятий 5–7 сентября получили: 13 информационных агентств, 13 телекомпаний, 31 радиостанция, 35 журналов и 70 газет. Для их плодотворной работы Правительством Москвы на период с 28 августа по 8 сентября был создан Пресс-центр празднования 850-летия основания Москвы, который работал в здании мэрии на Новом Арбате, 36.

На юбилей прибыли официальные делегации исполнительных органов из 12 бывших союзных республик: Азербайджана, Армении, Белоруссии, Грузии, Казахстана, Киргизии, Литвы, Молдавии, Таджикистана, Туркмении, Узбекистана и Украины; каждая делегация включала в себя представителей своих столичных городов. Кроме того, приехали гости из Автономной республики

Театральное шествие «На нашей улице – праздник». 6 сентября 1997 г.

850
МОСКВА

Крым, Приднестровья, Гагаузии, Восточно-Казахстанской области, Одессы, Бреста, Керчи и Переяславля-Хмельницкого. Всего прибыло 28 делегаций, в которые входило 150 человек.

Из дальнего зарубежья на московское торжество собралось около 300 представителей в составе 60 делегаций из 50 стран. Приехали посланцы большинства европейских столиц, гости с других континентов (Анкара, Стамбул, Иерусалим, Дели, Улан-Батор, Пекин, Сеул, Ханой, Токио; Эль-Кувейт, Алжир; Гавана, Кито, Рио-де-Жанейро), члены авторитетных международных организаций (ООН, ЮНЕСКО), ряд политических и общественных деятелей.

Общее число официальных гостей московского юбилея превысило 9500 человек.

Праздничные торжества начались буквально с первых дней сентября 1997 г. 3 сентября в присутствии первых лиц России была открыта территория вокруг храма Христа Спасителя. В своем приветственном слове патриарх Алексий II, в частности, сказал: «Отныне эта земля, как и в давние времена, будет принимать сотни и тысячи паломников, стекающихся, дабы поклониться Господу Богу во святом храме Его. Надеюсь и верю, что территория, прилегающая к храму Христа Спасителя, станет излюбленным местом встречи москвичей и гостей нашего города, местом, где люди будут общаться друг с другом, взирая на благолепие воссозданного храма. Пусть люди во множестве приходят сюда, приходят во храм Божий, и да услышит Господь их молитвы, да воспримет их благочестивые размышления, да утолит их духовную жажду.

В этот день, когда столь замечательным свершением мы предваряем открытие празднования 850-летия стольного града Москвы, я заранее поздравляю всех вас с этим великим праздником. [...]»

Артисты московских театров показали представление, посвященное истории создания и воссоздания храма Христа Спасителя.

4 сентября состоялась организованная Правительством Москвы 4-я Консультативная встреча руководителей государств и столиц СНГ и Балтии, регионов и городов России «Межрегиональное сотрудничество – основа развития России и укрепления Содружества независимых государств». Встреча проходила в здании мэрии на Новом Арбате, со вступительным и заключительным словом выступил Ю. М. Лужков. После этого мэр вместе с президентом России и патриархом открыл пешеходную зону в Столешниковом переулке. В тот же день состоялась еще одна архитектурная премьера – вступил в эксплуатацию уникальный торгово-пешеходный мост через Москву-реку, соединяющий Пресню и Кутузовский проспект.

4 сентября на Даниловской площади в присутствии патриарха и мэра Москвы был торжественно открыт памятник князю Даниилу Московскому (скульпторы А. И. Коровин, В. П. Мокроусов, архитектор Д. С. Соколов). От закладки памятника, 19 марта, до его установки прошло всего полгода. И как бы подводя итог московскому юбилею, уже 21 сентября около Николо-Угрешского монастыря поднялась пятиметровая фигура князя Дмитрия Донского (скульптор В. М. Клыков).

5 сентября в присутствии президента, премьер-министра и мэра Москвы состоялось официальное открытие памятника императору Петру Великому. Эта сложная 94-метровая скульптурная композиция посвящена сразу двум историческим датам – 300-летию российского флота и 850-летию Москвы, городу, в котором царь родился, вырос, откуда началось его триумфальное плавание. Создатель российского флота предстал в рыцарских доспехах, стоящим за штурвалом знаменитого корабля «Апостол Петр» на вершине своеобразной ростральной колонны (скульптор З. К. Церетели). К этому следует добавить, что чуть раньше перед Российской государственной библиотекой появился еще один памятник великому земляку – Ф. М. Достоевскому (скульптор А. И. Рукавишников).

Самым значительным в художественном плане событием 5 сентября стал концерт оперных и балетных артистов «Большой театр – юбилею столицы» на Соборной площади в Кремле. Режиссер-постановщик концерта В. В. Васильев включил в программу только русские классические произведения XIX в. Программа открылась вступлением к опере М. П. Мусоргского «Хованщина» – «Рассвет над Москвой-рекой», потом шла сцена молитвы из той же оперы; вслед за ней зрители увидели сцену коронации Бориса Годунова из одноименной оперы М. П. Мусоргского, затем «Половецкие пляски» из «Князя Игоря» А. П. Бородина, «Польский акт» из «Жизни за царя» («Иван Сусанин») М. И. Глинки. Сам Васильев поставил русский балетный дивертисмент на музыку увертюры к опере М. И. Глинки «Руслан и Людмила». Концерт получился ярким и торжественным, он завершился хором «Славься!» из «Жизни за царя», исполненным всеми участниками, и колокольным перезвоном.

Вечером того же дня на Тверской площади началась официальная церемония открытия юбилейных торжеств. Перед трибунами пронесли знамена и штандарты, символизирующие многовековую историю Москвы и России, реконструированные знамена войск, в разные

века защищавших Москву: от времен Дмитрия Донского до Великой Отечественной войны. Сводный академический хор и военный духовой оркестр исполнили фрагменты кантаты П. И. Чайковского «Москва».

С праздничным приветствием к собравшимся обратился патриарх Алексий II: «"Днесь светло красуется славнейший град Москва" – эти слова древнего песнопения как нельзя лучше передают атмосферу начинающегося праздника. Москва «светло красуется» не только зданиями и улицами, у нее есть особая красота – красота духовная. Москва красна своей историей, своими традициями, своим неповторимым культурным обликом.

В эти праздничные дни будет сказано много теплых слов о нашем городе. Я, как правящий епископ Москвы, хотел бы особо сказать вот о чем. Москва – это не только столица нашего государства. Это духовное сердце России. С момента исторического возвышения Москвы и до сего дня именно здесь черпали россияне внутреннюю силу, отсюда набирались мудрости и духовного ведения, сюда стекались для принятия судьбоносных решений».

Затем в несколько мгновений Тверская площадь превратилась в «березовую рощу», на ней закружились хороводы, зазвучали русские мелодии, началось шествие народных коллективов. Церемония завершилась торжественным поднятием флага с эмблемой праздника, тысячи разноцветных шаров взмыли в небо. Праздник начался.

Главные юбилейные события 5 сентября развернулись на Красной площади. Создателями театрализованного представления «Наша древняя столица» были Андрей Кончаловский и английская фирма «Трибьют», специализирующаяся на устройстве больших сценических шоу. В подготовке программы участвовали 1200 человек, из них около 800 были участниками сценического действа. Зрелище получилось с голливудским размахом, но скорее было рассчитано на иностранцев, чем на соотечественников. Его главным героем оказался Иван Дурак, лежащий на печке, вокруг него беспорядочно металась лубочно наряженная группа статистов, изображающих патриархальный наивно-пугливый народ. Было и «всемирное зло» в виде огнедышащего дракона, которое неизвестно откуда взялось и почти само собою победилось. Все это сумбурное действо перемежалось столь же беспорядочным исполнением отрывков из классических произведений и духовных песнопений, современных шлягеров, танцевальных номеров, военных маршей и т.п. И хотя звучали прекрасные произведения, выступали талантливые исполнители, а оптимистический финал сопровождался звоном огромного бутафорского колокола, зрелищу явно не хватало цельности, логичности и подлинной историчности.

Более традиционным получился на следующий день концерт «Славянский мир приветствует Москву», главное действие которого проходило на Красной площади, на сцене перед Историческим музеем, и длилось 14 часов. Несмотря на отсутствие дорогих спецэффектов, слушатели и телезрители получили немало удовольствия от исполнения старинных, современных и народных песен. Телемост связал Москву со столицами славянских государств – Минском, Киевом, Белградом, Варшавой, Софией и другими городами. В концерте приняли участие исполнители и прославленные коллективы из многих регионов России, звезды славянской эстрады – участники 6-го Международного фестиваля искусств «Славянский базар», доказав еще раз, что невзирая на политические и экономические перемены историческое тяготение славянских народов друг к другу остается неизменным.

Второй праздничный день совпал с отмечаемым Православной церковью 6 сентября днем святителя Петра, митрополита Московского. Именно этот особо почитаемый московский святой почти семь столетий назад перенес митрополичью кафедру из Владимира в Москву, положив начало ее будущему величию. Утром в Успенском соборе Кремля, где покоятся мощи святителя, Алексий II совершил божественную литургию.

Театрализованное шествие «На нашей улице праздник» более трех часов двигалось от Тверской площади по Охотному ряду, Воздвиженке и Новому Арбату к зданию мэрии. Такого праздника Москва еще не видела! Декорированные машины, громадные куклы, тысячи людей, одетых в карнавальные и национальные костюмы. Шествие было разделено на три основные колонны. Первая – «Москва юбилейная» – была подготовлена округами столицы и рассказывала о московской истории, культуре, образовании, промышленности, транспорте, спорте и торговле; вторую колонну – «Россия приветствует Москву» – составили творческие коллективы из российских регионов, которые в 12 картинах: «Золотое кольцо», «Матушка-Волга», «Деревянное зодчество», «Белые ночи», «Русское поле», «Казачья вольница», «Сибирь» и т.д.– показали все многообразие фольклорных традиций народов России; в третьей колонне – «С днем рождения, Москва!» – шествовали представители всех континентов.

Тем временем на Поклонной горе разворачивалась художественно-патриотическая программа «Виват Россия! Виват Москва!». Начало ей положило представление «Фронтовые бригады –

Театральное шествие «На нашей улице – праздник». 6 сентября 1997 г.

далекие и близкие», которое дали ведущие театры Москвы. Возглавили коллективы театров артисты – участники фронтовых бригад в годы Великой Отечественной войны. Ветеранов угощали несколько походных кухонь, работали медсанчасть, полевая почта и, конечно, ярмарка. Вечером перед центральным входом в мемориал состоялся грандиозный исторический спектакль, рассказавший об истории ратного подвига России и ее столицы Москвы. Перед зрителями предстали: основатель Москвы – Юрий Долгорукий и величайшие русские полководцы – Петр I, А. В. Суворов, М. И. Кутузов, Г. К. Жуков; в завершение был устроен большой военно-исторический парад.

Целую неделю на Манежной площади работал «Город мастеров» и ярмарка, основными товарами которой были изделия народных промыслов и сувениры. Здесь же 6 сентября было проведено веселое и озорное карнавальное гулянье «Московский балаган». На двух сценических площадках артисты в масках и большие куклы разыгрывали скетчи и выступали с карнавальными номерами.

Во время гулянья зрители сами могли принять участие в многочисленных комических аукционах, конкурсах и состязаниях.

Всю вторую половину дня 6 сентября на Тверской площади шел театрализованный концерт «Песни о Москве». На нем прозвучали новые песни, созданные в рамках предъюбилейного конкурса на лучшую песню о Москве (проведенного в мае 1997 г.), и старые, любимые, ставшие уже народными произведения.

Одновременно с этим на Пушкинской площади проходило гала-представление «Поклон от Северной столицы» – своеобразный творческий подарок Петербурга Москве. В красочном представлении участвовали питерские певцы, музыканты, артисты, театральные и художественные коллективы. Зрители увидели въезд кавалькады Петербургского посольства, парад военно-морских оркестров, церемонию передачи символического ключа от сердец петербуржцев. В гости к А. С. Пушкину приехал даже Петр Великий – напротив памятника поэту был установлен сделанный из гипса в натуральную величину знаменитый

Археологический музей на Манежной площади

«Медный всадник». В финале представления сам «царь» обратился к москвичам со здравицей, сопровождаемой колокольным звоном, хорами и оркестрами.

На концерте «Московских окон негасимый свет» в Государственном Кремлевском дворце, начавшемся на фоне декораций московского двора, звучала классическая музыка, танцевали ансамбль И. Моисеева, Мариинский балет, выступали известные артисты, пели популярные эстрадные исполнители.

Одним из главных мероприятий юбилейных торжеств стал музыкально-поэтический праздник «Большой хоровой собор». На сцене, расположенной перед храмом Христа Спасителя, разместился объединенный смешанный хор, в состав которого вошло почти 2000 человек. В программу концерта была включена духовная музыка: фрагменты «Всенощной» С. В. Рахманинова, сочинения П. Г. Чеснокова, «Монастырский хорал» иеромонаха Романа. Звучали произведения русских композиторов-классиков и народные песни: ария из оперы М. И. Глинки «Жизнь за царя», «Вечерний звон» и др. Кульминацией праздника стало исполнение торжественной увертюры П. И. Чайковского «1812 год», которое завершилось звоном колоколов, залпами трех установленных на сцене пушек (копий артиллерийских орудий времен Отечественной войны 1812 г.) и многоцветным фейерверком.

Не без конфуза прошло широко разрекламированное лазерное шоу композитора и режиссера Жана-Мишеля Жарра «Москва – дорога в XXI век». Громадные толпы народа (более одного миллиона человек) устремились к главному зданию МГУ на Воробьевых горах, запрудив все окружающие проспекты, улицы и окрестные пространства, многие просто физически не смогли добраться до площади перед университетом и, к сожалению, ничего не увидели. Те же, кто успел и сумел пробраться поближе, ожидали большего – француз, с гордо сверкающей на черном берете октябрятской звездочкой, явно не рассчитал масштабов высотного здания и глубокой рельефности его фасада. Зрелище сопровождалось старыми музыкальными композициями и условно упрощенным, а зачастую просто хаотическим, видеорядом. В целом несмотря на различные светотехнические эффекты и хороший фейерверк шоу явно уступало посулам рекламы.

7 сентября во всех православных храмах Москвы по благословению патриарха Алексия II прошла служба во

славу нашего города. Сам патриарх в сослужении многочисленного духовенства совершил божественную литургию в нижней Преображенской церкви храма Христа Спасителя. После крестного хода и праздничного молебна Алексий II вручил Ю. М. Лужкову орден Святого князя Даниила Московского I степени и подарил Владимирскую икону Божией Матери кисти Симона Ушакова.

До последнего момента было неизвестно, состоится ли концерт знаменитого оперного певца Лучано Паваротти. Но великий певец не обманул ожиданий своих русских поклонников, шесть тысяч которых собралось на Красной площади. Хорошая усилительная аппаратура не искажала тембр голоса, а Российский национальный оркестр продемонстрировал прекрасную технику. Паваротти был праздничен и легко исполнял свои любимые итальянские арии и песни.

Весь день 7 сентября на Манежной площади проходил театрализованный музыкальный фестиваль «Звезды ретро», на котором звучали песни и мелодии 1940–1970-х гг. в исполнении 16 духовых оркестров, 7 джаз-бандов, 16 вокальных групп и множества эстрадных артистов. Однако из-за чрезвычайно большого количества москвичей, приехавших в Центр, часть мероприятий оказалась скомканной.

С гуляньем на Манежной перекликалась музыкальная программа «На семи холмах», развернутая на Тверской площади. Здесь оркестр Гостелерадио исполнял мелодии о Москве, была своя ретро-программа, а заключительное разножанровое представление организовала газета «Вечерняя Москва».

Международный фестиваль воздухоплавания открылся еще 2 сентября, но его главные, зрелищные полеты проводились 6-го и 7-го. Впечатляющим событием фестиваля стали субботнее воздухоплавательное представление и четырехчасовой диско-концерт «Танцуй, Москва!» на Тушинском аэродроме. Публика увидела незабываемое зрелище: в почти полной темноте в воздух взметнулись десятки шаров, озаряя небо соплами своих горелок. Среди поднявшихся летательных аппаратов оказались и такие, чьи формы были весьма далеки от привычной шарообразной: в небо устремились надувной царь-колокол, кремлевская башня и другие не менее экзотические шары. На следующий день там же, в Тушине, состоялось большое «шоу в небе». Зрителям особенно запомнились фигуры высшего пилотажа в исполнении знаменитых «Стрижей», спортивные состязания и высадка десанта. Все завершилось концертом звезд отечественной эстрады.

7 сентября возле Московского городского дворца творчества детей и юношества состоялся большой детский театрализованный праздник «Творчество юных – юбилею столицы». С самого утра участники и гости стали собираться на Фонтанной площади перед цирком на проспекте Вернадского. В 11 часов с площади началось движение праздничной колонны. Детские художественные коллективы, духовые оркестры, ретро-трамвай, пони и лошади, запряженные в коляски, направились в сторону Воробьевых гор. По пути следования были открыты различные сценические площадки для выступлений ребят: «Веселая карусель» в детском парке «Лошарик» и «Певческое поле» у Детского музыкального театра им. Н. И. Сац.

Праздничное шествие медленно достигло Площади народов около Дворца творчества детей, где развернулось основное действо «Мы дети твои, Москва», сопровождавшееся вручением «Медали детства» почетным гостям и музыкальной композицией «Моя Москва». Позже на этой же сцене под открытым небом состоялся пятичасовой концерт лауреатов 3-го фестиваля детского творчества «Юные таланты Московии», в котором приняли участие 3000 ребят. Среди них были такие известные коллективы, как Ансамбль песни и пляски им. В. С. Локтева, хор «Звездный», цирковой коллектив «Жемчужины», фольклорный ансамбль «Московиты», хоровая капелла «Моцарт», театр моды «Василиса» и многие другие. На центральной аллее раскинулись палатки с изделиями учащихся профессиональных училищ, а на стадионе соревновались юные спортсмены.

На проходивший все три дня, 5–7 сентября, «Парад земель российских», проведение которого было утверждено распоряжением президента от 8 августа 1997 г., прибыли около 160 творческих коллективов из 68 регионов России (4200 участников) и около 70 коллективов из стран СНГ (700 участников).

Главным и финальным событием «Парада...» стал праздник национальных искусств «Москва, Москва!.. Люблю тебя, как сын», продолжавшийся весь день 7 сентября на территории Всероссийского выставочного центра. После шествия и поздравлений 176 художественно-творческих коллективов – танцевальные и фольклорные ансамбли, духовые оркестры, народные хоры, театральные группы, певцы, гусляры, баянисты и другие исполнители, рассредоточившись по выставке, до позднего вечера восхищали, веселили и удивляли москвичей. Свои таланты показывали так же мастера народных промыслов, чьи изделия можно было купить тут же на ярмарке.

С «Парадом земель российских» был тесно связан фестиваль кулинарного искусства народов России. Более 200 поваров и кондитеров, приехавших в столицу,

Milwaukee, Wisconsin
The United States
of America
HIGH SCHOOL
BAND

Заключительный спектакль-дивертисмент «Москва на все времена» на стадионе «Лужники»

порадовали москвичей своими изделиями. Основным местом, где 7 сентября можно было отведать эти блюда, стал Всероссийский выставочный центр. Здесь были и бесплатное угощение, и чайный марафон, и благотворительные обеды.

Пожалуй, самым грандиозным, зрелищным и слаженным среди главных праздничных мероприятий стал заключительный спектакль-дивертисмент «Москва на все времена» на стадионе «Лужники». Все театрализованное представление было разделено на четыре основных блока, построенных на теме сменяющихся времен года – весны, лета, осени и зимы. В прологе после приветственного слова Ю. М. Лужкова прозвучал гимн Москве, написанный на слова В. Я. Брюсова. Лазерные проекции высвечивали на огромных экранах наиболее памятные места столицы, одновременно на фоне 80-метровых декораций разыгрывались сцены из исторического прошлого Москвы, в них приняли участие около 2000 артистов из разных регионов России. В части действа «Весна священная», основанного на музыкальных произведениях М. П. Мусоргского, П. И. Чайковского, И. Ф. Стравинского, рассказывалось о языческих обрядах и традициях, о том, как вера в грозного огненного бога Перуна сменилась объединительной идеей христианства. В основу «летней», лирической части была положена фантазия на тему балета П. И. Чайковского «Лебединое озеро»; ее главная идея – духовное объединение России вокруг Москвы. «Осенняя» часть – это Москва хлебосольная с ее радушием, ярмарочными гуляньями и балаганами; фольклорные зарисовки «Собирайся, народ» наиболее полно отразили народные традиции и характер русской души. «Зимнюю» часть представления – диско-карнавал «Москва приветствует гостей» – заполнили ведущие эстрадные певцы, среди которых выступила и французская звезда первой величины Патрисия Каас. Ю. М. Лужков объявил празднование юбилея Москвы закрытым; на Тверской площади был спущен флаг праздника (что собравшиеся на стадионе наблюдали на гигантском экране), а финальной частью спектакля стала премьера песни «Москва на все времена» и фантастический салют над стадионом (который, как и все другие фейерверки юбилея, подготовила уникальная и широко известная отечественная фирма «Пиро-Шоу»).

Общее впечатление от Москвы юбилейной можно подытожить словами народной артистки СССР В. К. Васильевой, которая выступала на сценических площадках города: «Мне кажется, что празднование 850-летия Москвы прошло исключительно красиво. Вся Москва высыпала на улицы! Я такого вот праздничного настроения, чтобы всем москвичам

захотелось быть рядом с другими, не помню с мая 1945 г. Я – коренная москвичка, и помню тот день, ту радость. Только тогда она была со слезами на глазах, а сейчас – с надеждой».

Статистика праздничных дней выразилась в следующих красноречивых цифрах: в торжествах приняли участие 6,5 млн. человек; в Москву прибыли 1,5 млн. гостей; всего на оплату праздничных мероприятий было выделено 220 млрд. руб. из бюджета Правительства Москвы и 72 млрд. спонсорских; метрополитен работал с 1,5-кратной нагрузкой – в субботу он перевез 14 млн. пассажиров (вместо предельных в обычные дни 9,5 млн.); на всех массовых мероприятиях было задействовано 90 бригад «Скорой помощи» и врачебно-санитарных пунктов; порядок на улицах города ежесуточно обеспечивали 38 000 милиционеров, 11 000 военнослужащих Внутренних войск и до 2500 народных дружинников.

В проведении художественных программ приняли участие более 50 000 профессиональных и самодеятельных артистов и исполнителей, около 1500 творческих коллективов, 275 художественных коллективов из более чем 100 регионов и городов России, 9 стран СНГ и Прибалтики, 25 государств дальнего зарубежья. В течение трех праздничных дней культурно-массовые мероприятия состоялись на 365 специально оборудованных площадках во всех без исключения районах города. Более 6 млн. жителей столицы вышли на улицы, что уже само по себе создало атмосферу всеобщего воодушевления и праздничного подъема.

Память о праздновании 850-летия Москвы будет сохраняться не только в воспоминаниях участников, кинохронике и печатных изданиях. Правительство Москвы решило увековечить прошедший юбилей столицы созданием нового музея. В нем будут собраны многочисленные подарки, преподнесенные Москве отечественными и зарубежными делегациями, официальными и частными лицами в честь 850-летия города.

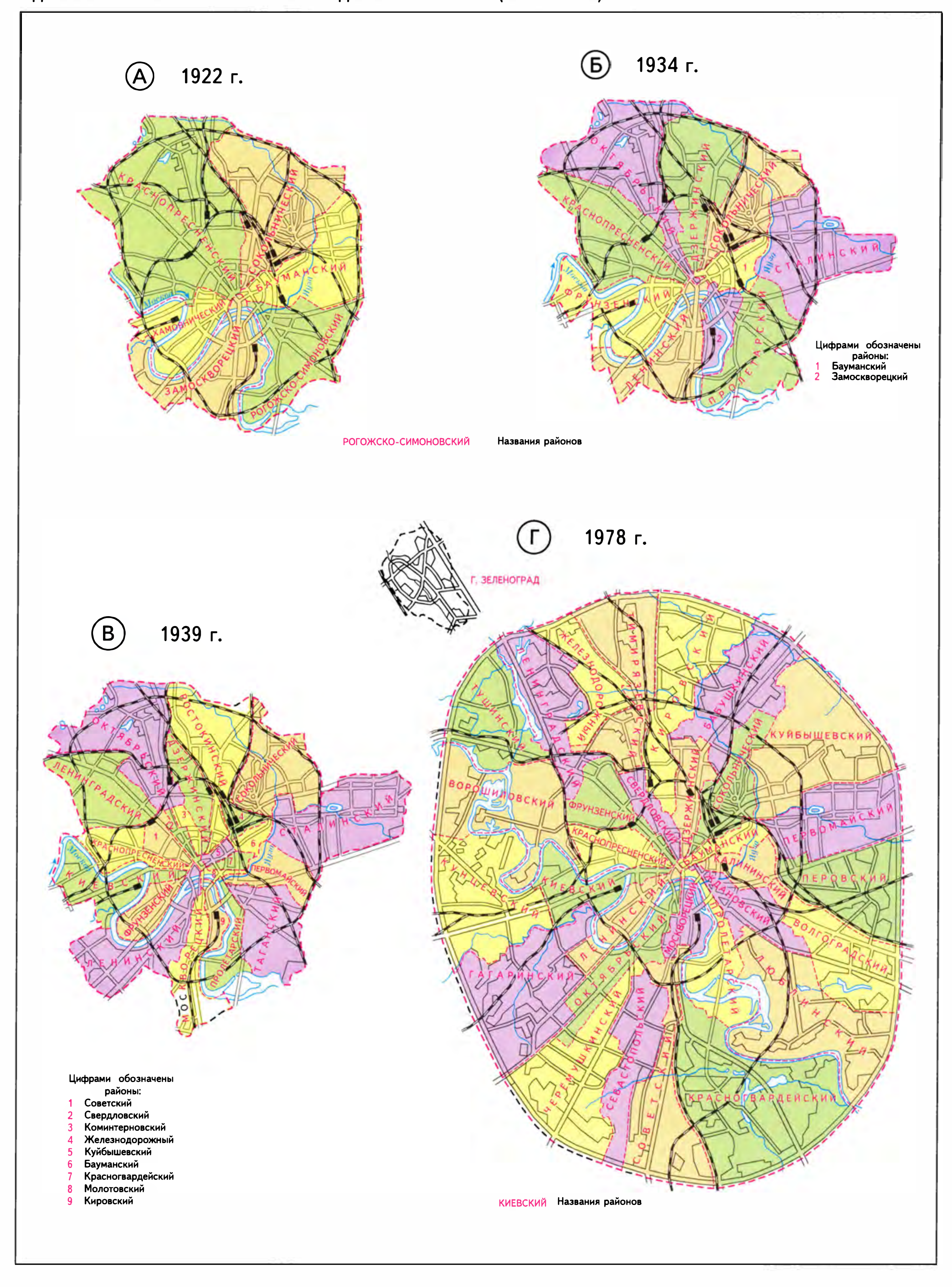
Мы все стоим на пороге третьего тысячелетия, и хочется верить, что Москва вместе с Россией начнет постепенно поднимать свою экономику, наводить порядок в своем доме, улучшать жизнь москвичей и встречать новые праздники в новом тысячелетии так же широко и радостно, как это было во время торжеств, посвященных 850-летию ее основания.

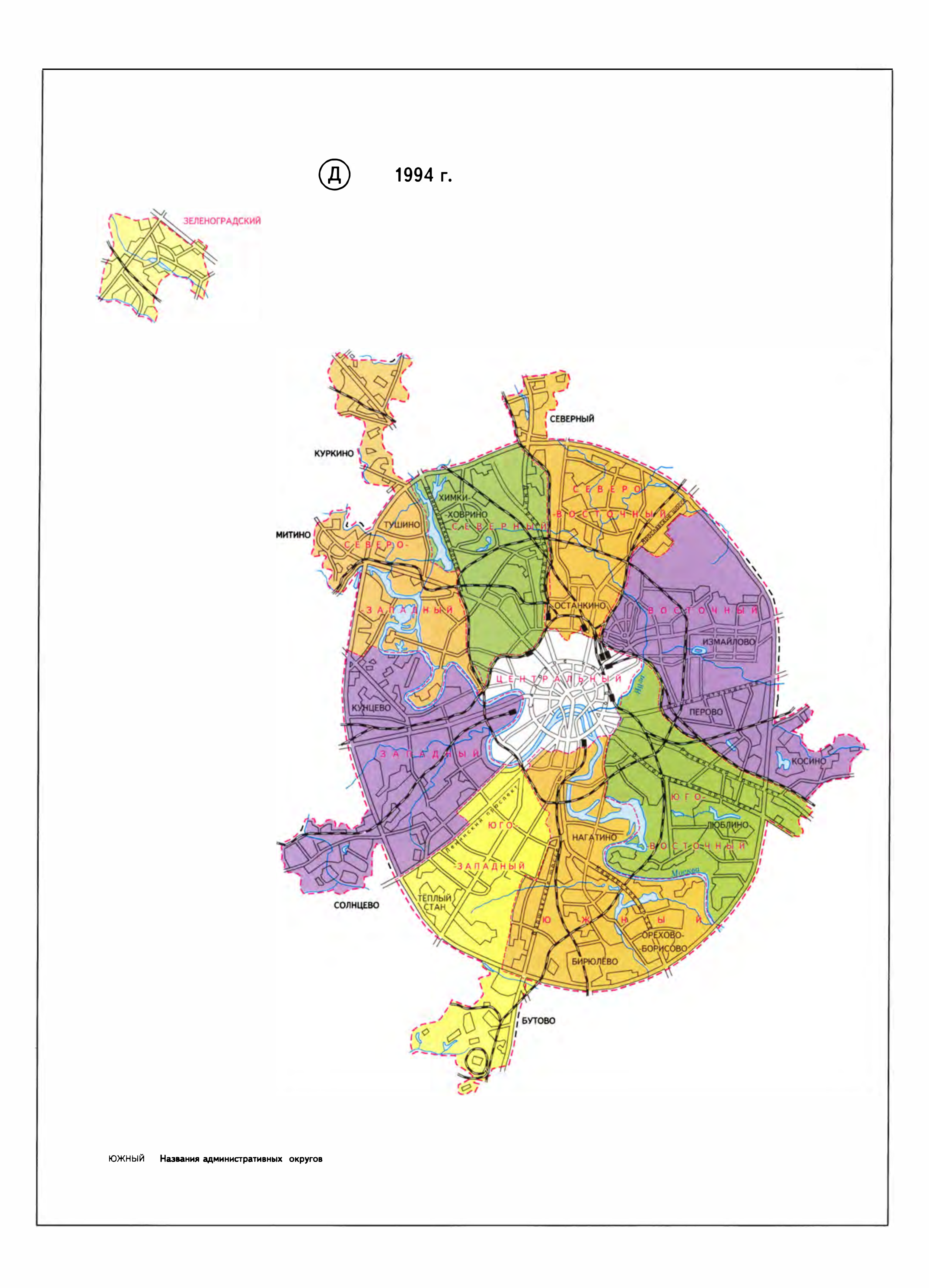
ПЛАНЫ И КАРТЫ МОСКВЫ

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

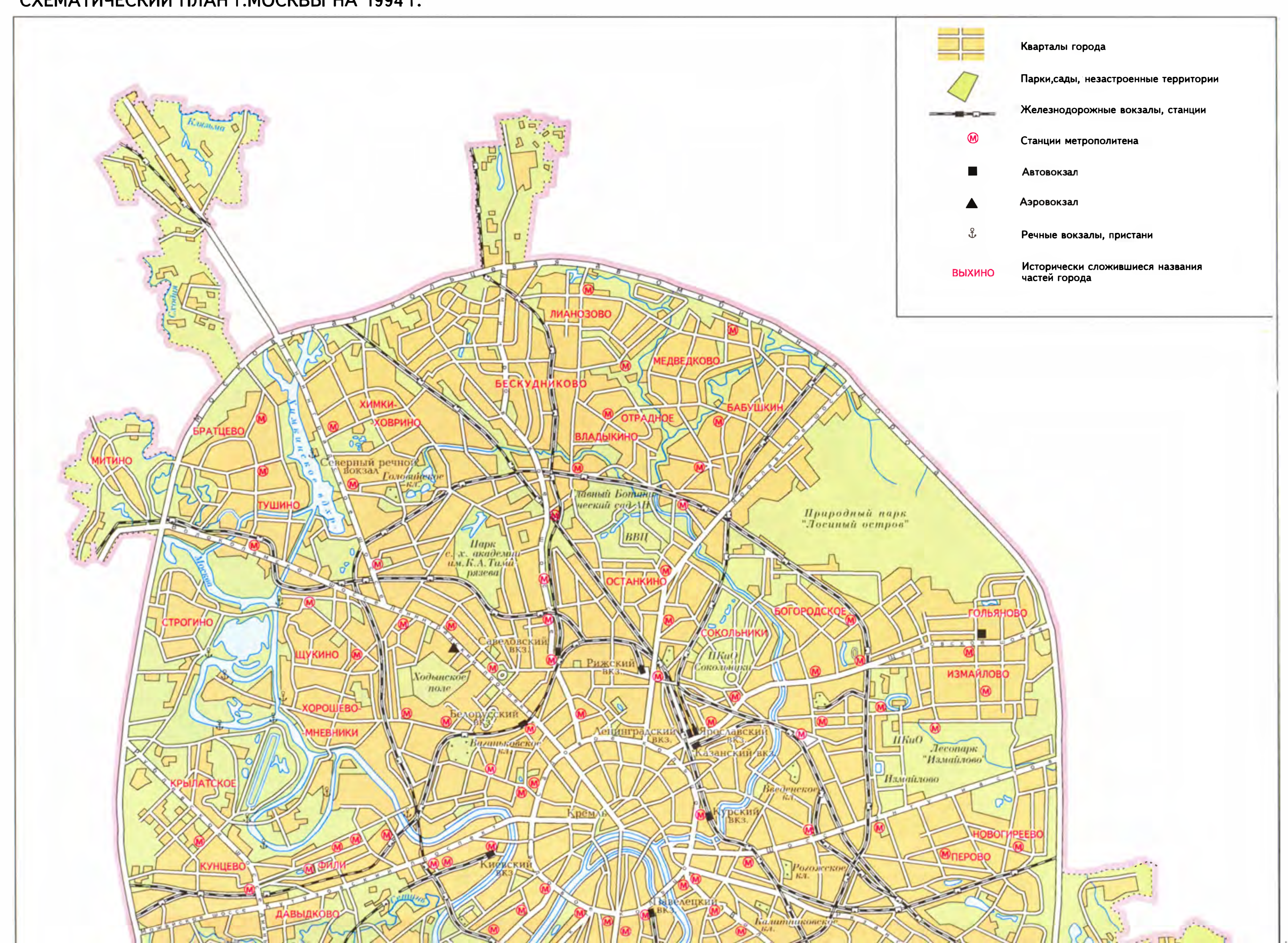
СОДЕРЖАНИЕ

АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ДЕЛЕНИЕ г. МОСКВЫ (1922–1994 гг.)



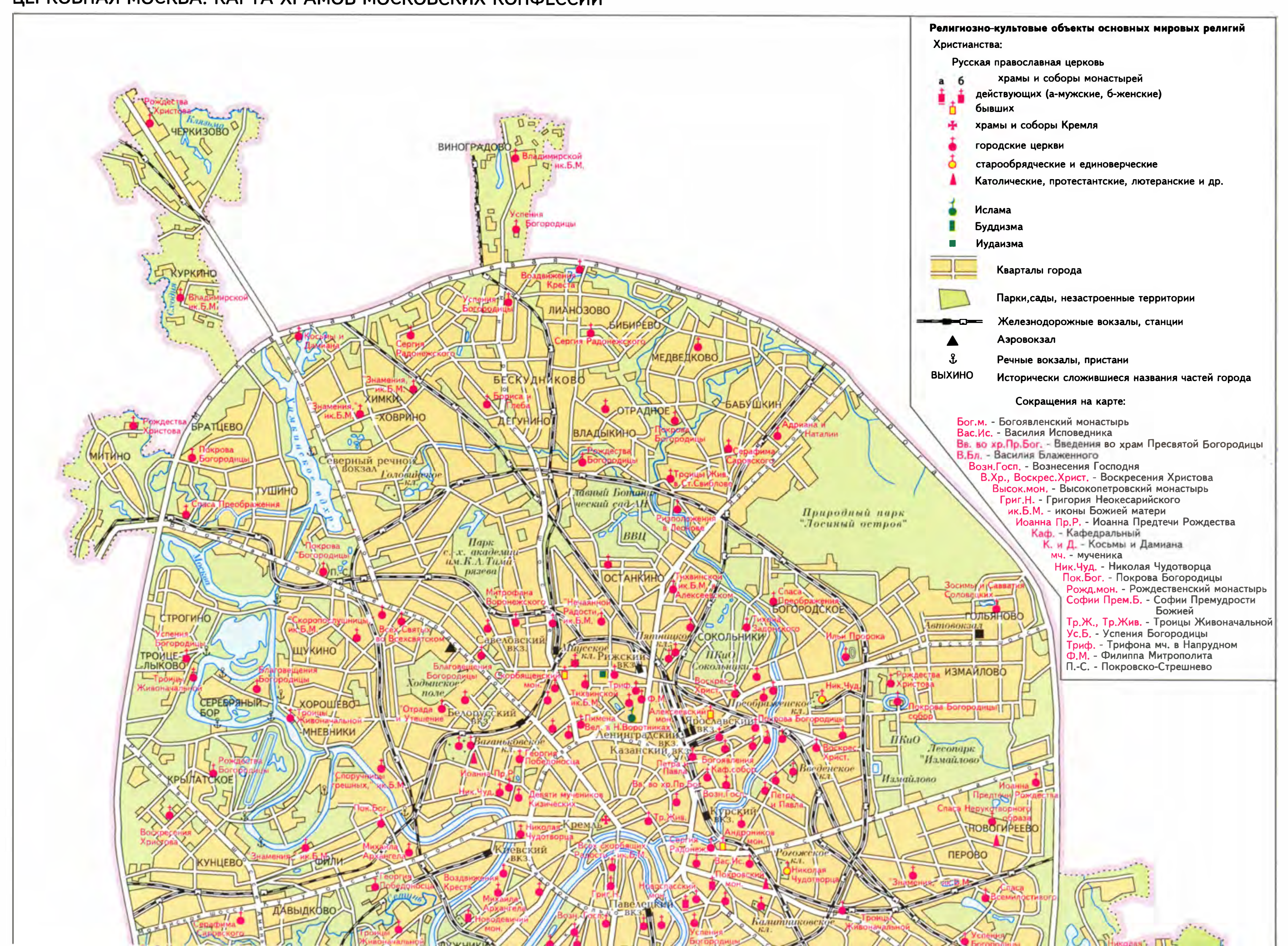

Д
1994 г.
ЗЕЛЕНОГРАДСКИЙ
СЕВЕРНЫЙ
КУРКИНО
МИТИНО
ХИМКИ-
-ХОВРИНО
ТУШИНО
СЕВЕРНЫЙ
СЕВЕРО-
-ВОСТОЧНЫЙ
СЕВЕРО-
ЗАПАДНЫЙ
ОСТАНКИНО
ВОСТОЧНЫЙ
ИЗМАЙЛОВО
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ
КУНЦЕВО
ПЕРОВО
ЗАПАДНЫЙ
КОСИНО
ЮГО-
ЛЮБЛИНО
ЮГО-
НАГАТИНО
-ВОСТОЧНЫЙ
-ЗАПАДНЫЙ
Москва
СОЛНЦЕВО
ТЁПЛЫЙ СТАН
ЮЖНЫЙ
ОРЕХОВО-
БОРИСОВО
БИРЮЛЕВО
БУТОВО
ЮЖНЫЙ Названия административных округов

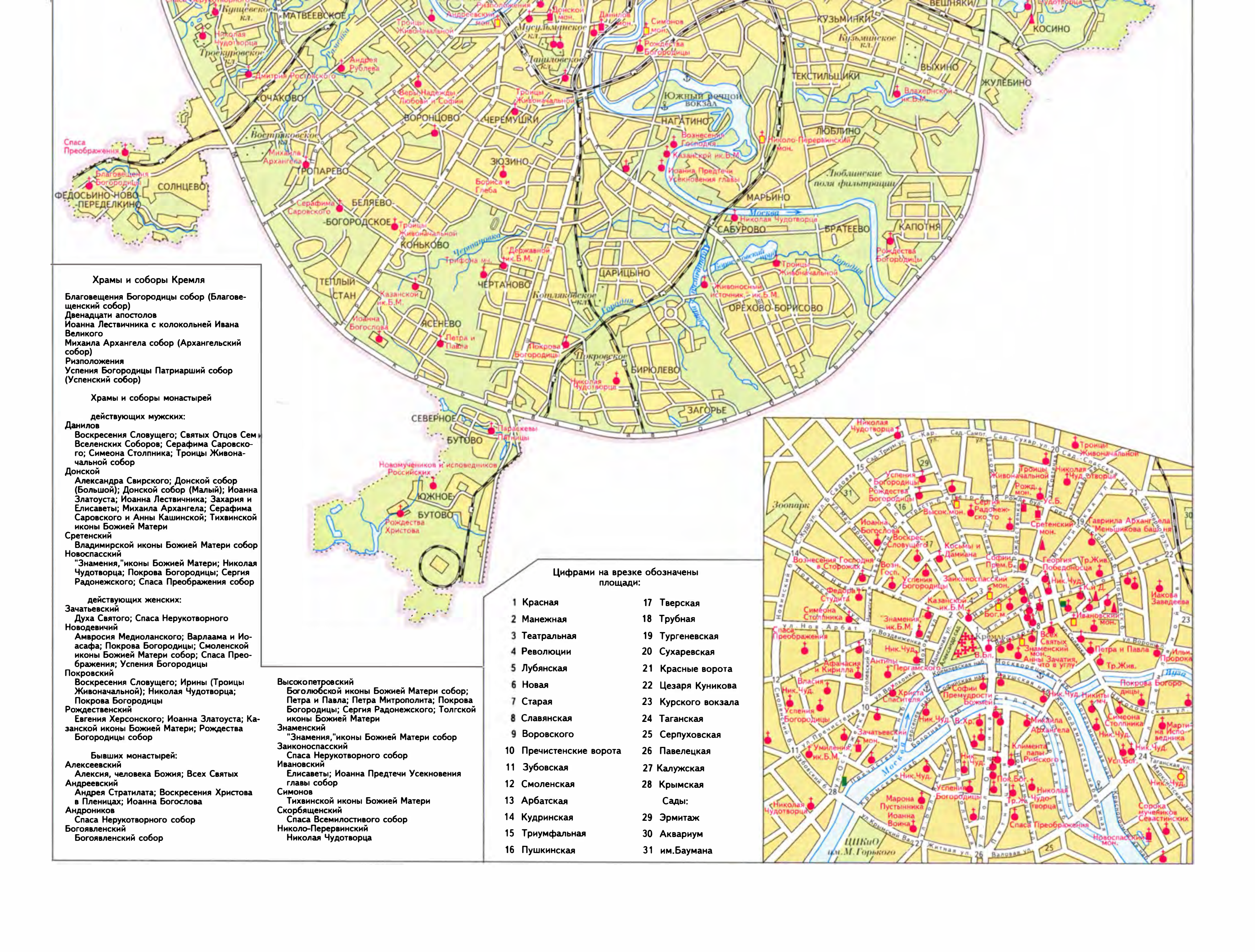
СХЕМАТИЧЕСКИЙ ПЛАН г.МОСКВЫ НА 1994 г.



МАТВЕЕВСКОЕ
Кунцевское кл.
Троекуровское кл.
ОЧАКОВО
ВОРОНЦОВО
ЧЕРЕМУШКИ
Мусульманское кл.
Даниловское кл.
КУЗЬМИНКИ
Кузьминское кл.
ВЕШНЯКИ
КОСИНО
ВЫХИНО
ЖУЛЕБИНО
ТЕКСТИЛЬЩИКИ
Южный речной вокзал
НАГАТИНО
ЛЮБЛИНО
Люблинские поля фильтрации
Востряковское кл.
ТРОПАРЕВО
ЗЮЗИНО
НОВО-ПЕРЕДЕЛКИНО
СОЛНЦЕВО
БЕЛЯЕВО-БОГОРОДСКОЕ
МАРЬИНО
Москва
БРАТЕЕВО
КАПОТНЯ
КОНЬКОВО
Чертановка
Городня
ЦАРИЦЫНО
ТЕПЛЫЙ СТАН
ЧЕРТАНОВО
Котляковское кл.
ОРЕХОВО-БОРИСОВО
ЯСЕНЕВО
БИРЮЛЕВО
Покровское кл.
ЗАГОРЬЕ
СЕВЕРНОЕ
БУТОВО
ЮЖНОЕ
БУТОВО
Зоопарк
Кремль
ЦПКиО им. М.Горького
Москва
Яуза
Цифрами на врезке обозначены площади:
1 Красная
2 Манежная
3 Театральная
4 Революции
5 Лубянская
6 Новая
7 Старая
8 Славянская
9 Воровского
10 Пречистенские ворота
11 Зубовская
12 Смоленская
13 Арбатская
14 Кудринская
15 Триумфальная
16 Пушкинская
17 Тверская
18 Трубная
19 Тургеневская
20 Сухаревская
21 Красные ворота
22 Цезаря Куникова
23 Курского вокзала
24 Таганская
25 Серпуховская
26 Павелецкая
27 Калужская
28 Крымская
Сады:
29 Эрмитаж
30 Аквариум
31 им.Баумана

ЦЕРКОВНАЯ МОСКВА. КАРТА ХРАМОВ МОСКОВСКИХ КОНФЕССИЙ




Храмы и соборы Кремля
Благовещения Богородицы собор (Благовещенский собор)
Двенадцати апостолов
Иоанна Лествичника с колокольней Ивана Великого
Михаила Архангела собор (Архангельский собор)
Ризположения
Успения Богородицы Патриарший собор (Успенский собор)
Храмы и соборы монастырей
действующих мужских:
Данилов
Воскресения Словущего; Святых Отцов Семи Вселенских Соборов; Серафима Саровского; Симеона Столпника; Троицы Живоначальной собор
Донской
Александра Свирского; Донской собор (Большой); Донской собор (Малый); Иоанна Златоуста; Иоанна Лествичника; Захария и Елисаветы; Михаила Архангела; Серафима Саровского и Анны Кашинской; Тихвинской иконы Божией Матери
Сретенский
Владимирской иконы Божией Матери собор
Новоспасский
"Знамения,"иконы Божией Матери; Николая Чудотворца; Покрова Богородицы; Сергия Радонежского; Спаса Преображения собор
действующих женских:
Зачатьевский
Духа Святого; Спаса Нерукотворного
Новодевичий
Амвросия Медиоланского; Варлаама и Иоасафа; Покрова Богородицы; Смоленской иконы Божией Матери собор; Спаса Преображения; Успения Богородицы
Покровский
Воскресения Словущего; Ирины (Троицы Живоначальной); Николая Чудотворца; Покрова Богородицы
Рождественский
Евгения Херсонского; Иоанна Златоуста; Казанской иконы Божией Матери; Рождества Богородицы собор
Бывших монастырей:
Алексеевский
Алексия, человека Божия; Всех Святых
Андреевский
Андрея Стратилата; Воскресения Христова в Пленицах; Иоанна Богослова
Андроников
Спаса Нерукотворного собор
Богоявленский
Богоявленский собор
Высокопетровский
Боголюбской иконы Божией Матери собор; Петра и Павла; Петра Митрополита; Покрова Богородицы; Сергия Радонежского; Толгской иконы Божией Матери
Знаменский
"Знамения,"иконы Божией Матери собор
Заиконоспасский
Спаса Нерукотворного собор
Ивановский
Елисаветы; Иоанна Предтечи Усекновения главы собор
Симонов
Тихвинской иконы Божией Матери
Скорбященский
Спаса Всемилостивого собор
Николо-Перервинский
Николая Чудотворца
Цифрами на врезке обозначены площади:
1 Красная
2 Манежная
3 Театральная
4 Революции
5 Лубянская
6 Новая
7 Старая
8 Славянская
9 Воровского
10 Пречистенские ворота
11 Зубовская
12 Смоленская
13 Арбатская
14 Кудринская
15 Триумфальная
16 Пушкинская
17 Тверская
18 Трубная
19 Тургеневская
20 Сухаревская
21 Красные ворота
22 Цесаря Куникова
23 Курского вокзала
24 Таганская
25 Серпуховская
26 Павелецкая
27 Калужская
28 Крымская
Сады:
29 Эрмитаж
30 Аквариум
31 им.Баумана
МАТВЕЕВСКОЕ
КУЗЬМИНКИ
КОСИНО
ВЕШНЯКИ
ВЫХИНО
ТЕКСТИЛЬЩИКИ
ЖУЛЕБИНО
ОЧАКОВО
ВОРОНЦОВО
ЧЕРЕМУШКИ
НАГАТИНО
ЛЮБЛИНО
ТРОПАРЕВО
ЗЮЗИНО
СОЛНЦЕВО
ФЕДОСЬИНО-НОВО-ПЕРЕДЕЛКИНО
БЕЛЯЕВО-БОГОРОДСКОЕ
МАРЬИНО
САБУРОВО
БРАТЕЕВО
КАПОТНЯ
КОНЬКОВО
ТЕПЛЫЙ СТАН
ЧЕРТАНОВО
ЦАРИЦЫНО
ОРЕХОВО-БОРИСОВО
ЯСЕНЕВО
БИРЮЛЕВО
ЗАГОРЬЕ
СЕВЕРНОЕ БУТОВО
ЮЖНОЕ БУТОВО
Южный речной вокзал
Люблинские поля фильтрации
Москва

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ МОСКВЫ
С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАШИХ ДНЕЙ
ТОМ III
XX век

Макет и оформление
В. А. ИВАНОВ

Редакторы
Л. А. БЛИНКОВА, Е. М. КОСТРОВА
Художественный редактор
А. И. ВОЕЙКОВ
Корректоры
Е. Е. ТРУХИНА, Г. С. ХОЛОДИЛИНА
Компьютерная верстка
Д. Н. ЯКУНИН

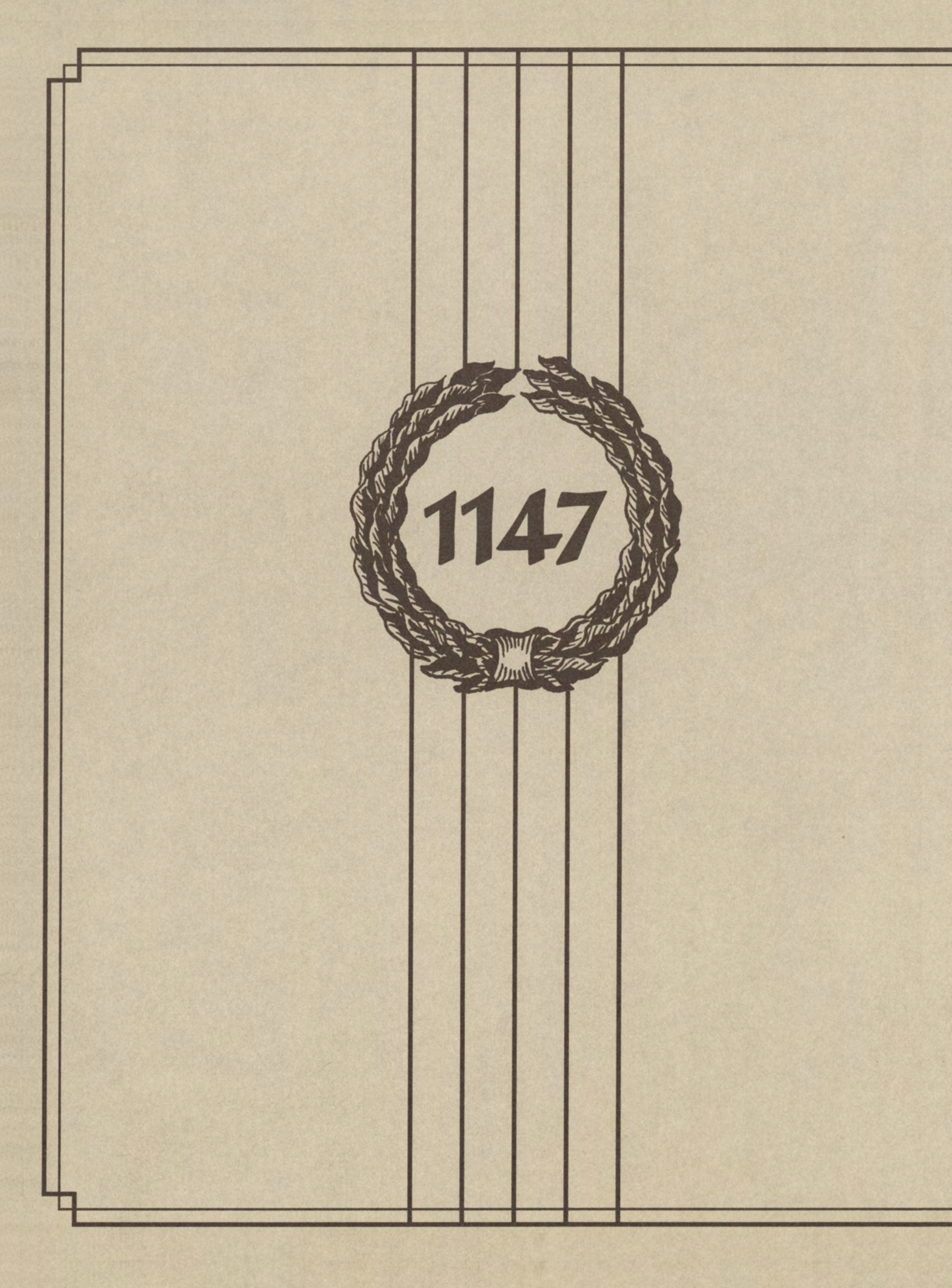
Ответственный за выпуск
В. И. АЛЕХИН

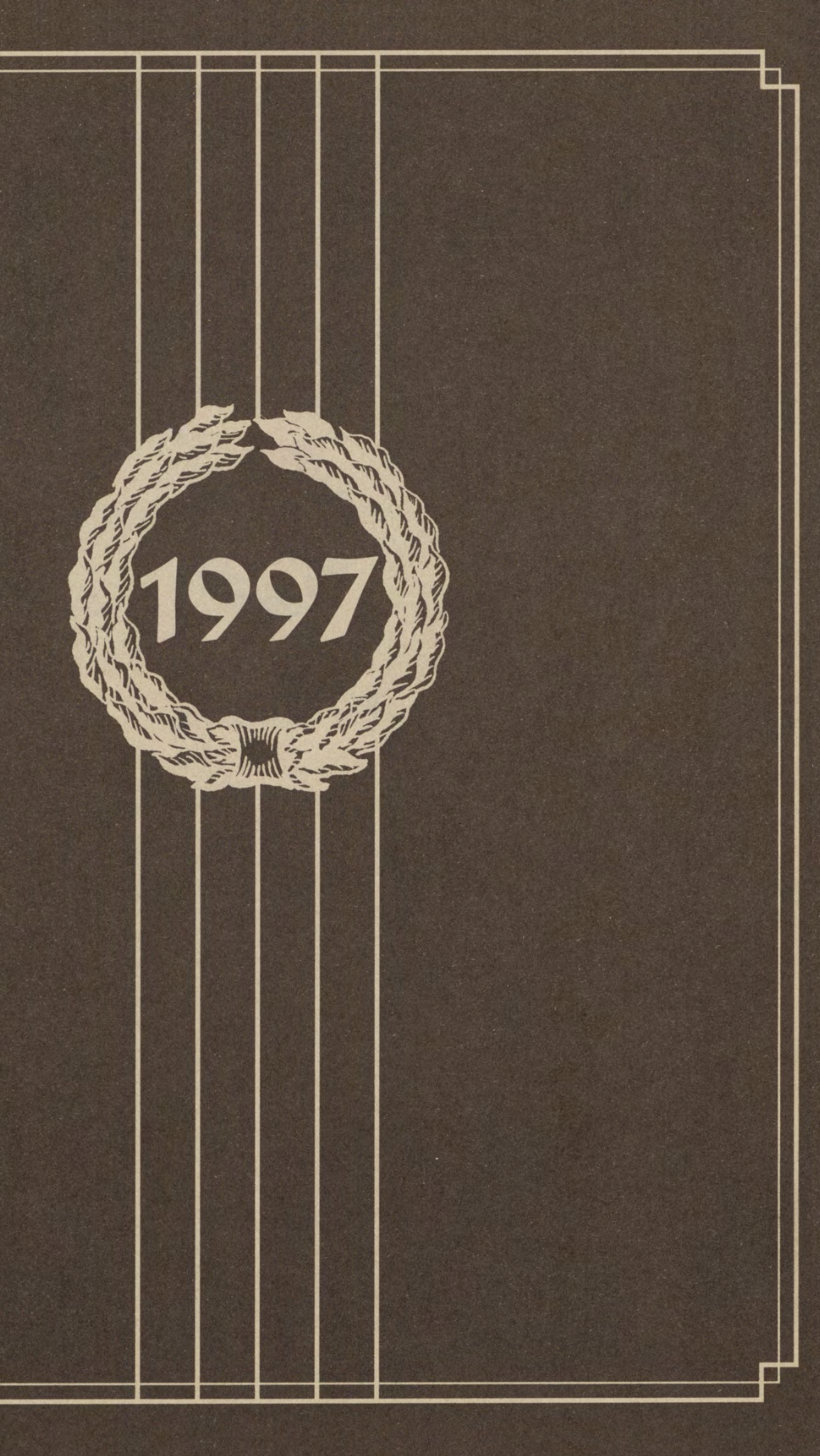
Лицензия ЛР № 020725 от 25.02.98

Подписано в печать 04.05.2000. Формат 60х90/8. Бумага мелованная.
Гарнитура «Школьная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 53,0. Тираж 8000 экз. Заказ № 958

Издательство
Московского городского объединения архивов
117393, Москва, ул. Профсоюзная, 80

Цветоделение, изготовление диапозитивов и печать
АО «Московские учебники и картолитография»
125252, Москва, ул. Зорге, 15


1147


1997

ИСТОРИЯ МОСКВЫ

с древнейших времен до наших дней

ИСТОРИЯ МОСКВЫ

с древнейших времен до наших дней